

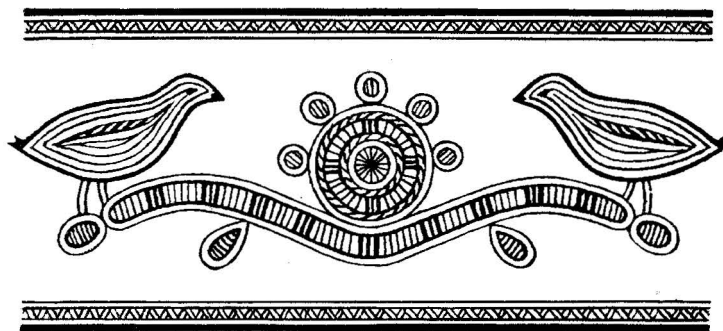
**ЭСКИМОССКИЕ
СКАЗКИ И МИФЫ**

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ЭСКИМОСКИЕ сказки и мифы

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1988

ББК 82.3(0)

Э 85

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
С. Ю. НЕКЛУДОВ (секретарь), Е. С. НОВИК,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель), Б. Л. РИФТИН,
С. А. ТОКАРЕВ, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление,
предисловие и примечания
Г. А. МЕНОВЩИКОВА

Перевод с эскимосского и английского
Г. А. МЕНОВЩИКОВА, Н. Б. ВАХТИНА и Е. С. РУБЦОВОЙ

Ответственные редакторы
С. А. АРУТЮНОВ и М. А. ЧЛЕНОВ

Э 85 Эскимосские сказки и мифы. Перевод с эскимосского и английского. Составление, предисловие и примечания Г. А. Меновщикова. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

536 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Широкая публикация эскимосского повествовательного фольклора. Сопровождается предисловием и примечаниями. Рассчитана на взрослого читателя.

4703000000-028
Э 013(02)-88 Без объявления

ББК 82.3(0)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

УСТНОЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО ЭСКИМОСОВ

Эскимосы — самые северные обитатели Земли. Их редкие и малочисленные пыные поселения узкой полосой растянулись от берингоморского побережья Чукотского полуострова вдоль прибрежной полосы Аляски и прилегающих к ней островов, по побережью и островам Канадского арктического архипелага до покрытой вечными ледниками Гренландии.

Полученные за последние три-четыре десятилетия научные данные в области археологии, антропологии, этнографии и строя языков коренного населения субарктической зоны Азии и Америки свидетельствуют о том, что центром прародинны эскимосской культуры явилась область древней Берингии, а точнее — район азиатского и американского побережий Берингова пролива. Пришедшие в эту область Берингоморья из Северо-Восточной Азии предки протоэскалеутов первоначально заселили прибрежные земли.

До освоения шлифованных орудий в комплекс хозяйственной деятельности протоэскалеутов входили охота на оленя и мускусного быка, рыболовство и добыча мелкого тюленя примитивными каменными и костяными орудиями, а в период позднего неолита, когда такие орудия появились, комплекс их занятий обогащается охотой на крупного морского зверя, особенно моржа и кита, что повлекло за собой зарождение коллективного труда (особенно при добыче китов, их транспортировке к берегу и разделке).

В эпоху позднего неолита предметы быта и охоты из камня, кости, китового уса, шкур морских животных и птиц, украшения из моржового клыка (художественная резьба, миниатюрные скульптурные изделия) стали более совершенными; искусство обработки камня и кости достигло высокого расцвета. Без всякого преувеличения великим достижением эскимосов можно назвать изобретение поворотного гарпуна, применение которого при добыче крупного морского зверя — кита, моржа, белухи — во много раз увеличило продуктивность труда морских охотников и в конечном счете повлияло на изменение социальной организации: локально изолированные и малочисленные семейные общины, а также одиночные семьи стали концентрироваться в относительно крупных приморских поселениях, образуя в них по одной или несколько родственных и территориальных общин, что диктовалось необходимостью коллективных усилий при добыче крупного морского зверя, объединения родственников и соседей при постройке постоянных полуземляных жилищ и защите от возможных врагов. Этот процесс не затронул континентальных эскимосов (отдельные группы эскимосов внутренних территорий Канадского арктического архипелага), которые расселились по долинам рек и в тундре, избрав своим основным занятием охоту на оленей, мускусного быка и рыболовство.

Вторым примечательным изобретением эскимосов был каяк — одно- или двухместная легкая лодка типа байдарки из тонких деревянных брусьев, каркас которой обтягивали со всех сторон шкурой, оставляя лишь люк для охотника. Каяки, сохранившиеся ныне только у эскимосов Гренландии и Канады, ранее имели широкое применение в морском промысле на всех без исключения территориях расселения эскимосов.

К тому же периоду относится и изобретение умиака — байдары, т. е. открытой лодки с каркасом из тонких брусьев, обтянутым шкурами морских зверей. Такие многоместные байдары служили как для коллективной охоты на кита или моржа, так и в качестве транспортного средства при морских поездках.

Область Берингии заселялась, по-видимому, двумя потоками, первый из которых (алеуты) занял южные районы субарктической зоны Америки (ближе к границам земель, заселенных до того индейскими племенами, так же пришедшими из Северной Азии); вторым потоком переселенцев были эскимосы — инуиты и юнты, занявшие приморские земли по обе стороны Берингова пролива с прилегающими к ним островами. Впоследствии алеуты, покинув материк, перебазировались на острова, названные русскими мореплавателями Алеутскими.

Предки эскимосов закрепились первоначально на побережье Аляски и частично на Чукотском побережье. Здесь они заложили основу особой цивилизации арктических охотников на оленя и морского зверя, которая с течением веков распространилась от Берингова пролива по всему арктическому побережью Северной Америки вплоть до Гренландии.

Отделение протоалеутов от протоэскимосской генетической общности произошло ранее разделения юнтов и инуитов. Юнты остались на первоначально освоенных землях в районе Берингии (берингоморское побережье Чукотки, о-в Св. Лаврентия, юго-западная Аляска, о-в Нунивак), а инуиты распространились по побережью северной Аляски, Канадскому арктическому архипелагу и Гренландии. Юнты и инуиты, видимо, после отделения протоалеутов контактировавшие многие столетия, сохранили общность основных особенностей их языков, что сказалось в области производственной лексики, названий животных, терминов родства и т. п. Значительное сходство юнтских и инуитских диалектов, сходство материальной и духовной культуры, социальных институтов у юнтов и инуитов является свидетельством того, что эти два этнически родственные подразделения протоэскимосов были первоначально партнерами в создании как палеоэскимосской, так и неэскимосской культур в районе Берингии и затем на всей освоенной ими арктической территории.

Алеуты же, отделившись от эскимосов ранее, создали изолированную островную культуру морских охотников, которая в силу экологических условий и автономного развития получила свои особые черты. Общим в материальной и духовной культуре, а также в языках у современных эскимосов и алеутов осталось лишь то, что сопутствовало эпохе их генетической общности, которая могла иметь место еще в доберингоморский период и значительное время продолжалось до территориального разделения в районе Берингии [9]. Эти реликтовые признаки генетического родства эскимосов и алеутов подтверждаются также новейшими археологическими и антропологическими изысканиями, проведенными в последние десятилетия.

Несмотря на то что каждый локальный вариант древней эскимосской культуры прошел в своем историческом развитии несколько различных стадий, основополагающие черты ее сохранили идентичность в ряде материальных, социальных и духовных признаков, получивших достаточно широкое освещение в научной литературе [46, с. 9—34].

Эскимосы до недавнего времени не имели своей письменности. В середине XVIII в. датские миссионеры впервые организовали в Гренландии эскимосские школы с обучением на родном языке на основе латинской письменности. В конце XIX в. своеобразная слоговая письменность была создана для эскимосов Восточной Канады. В начале 30-х годов текущего века письменность на родном языке получили, несмотря на свою малочисленность, советские эскимосы Чукотки. Таким образом, древняя история эскимосов не засвидетельствована какими-либо письменными памятниками, и о далеком прошлом этого народа мы косвенно узнаем по данным археологии, этнографии, антропологии, лингвистики и фольклора. Ценными источниками знаний об эскимосах являются также письменные свидетельства европейских (преимущественно русских, английских, датских) и аме-

рианских путешественников XVIII — XIX вв. Весьма плодотворной в изучении истории и культуры эскимосов оказалась первая половина XX в. [46, с. 246—256]. Интенсивное изучение эскимосской проблемы продолжается по многим научным направлениям и в настоящее время.

Общая численность эскимосского населения определяется ныне примерно в 100 тыс. человек, из них в Советском Союзе проживает около 1300.

* * *

Эскимосский фольклор, как и фольклор аборигенов населения северо-восточных районов Дальнего Востока и Северной Америки, представляет важный источник для изучения и понимания древней и современной культуры эскимосов.

Исполнение сказок у эскимосов не было достоянием какой-либо избранной социальной касты рассказчиков. Рассказывать сказку мог любой член общины или семьи, поскольку знание устных традиций, обобщающих жизненный опыт предшествующих поколений, было обязательным для каждого. Однако знание устных народных произведений не означало еще умения передавать их слушателям, поэтому рассказчиками выступали наиболее талантливые члены общины или семьи, независимо от пола и возраста, обладающие хорошей памятью и даром эмоциональной, художественной речи.

Мне в разные годы педагогической (1932—1934, 1939—1941) и позднее (1948—1973) полевой работы по изучению диалектов языка азиатских эскимосов и их культуры повезло встретиться со многими рассказчиками, от которых на четырех диалектах было записано значительное количество текстов разных жанров. Одни рассказывали помногу и с высокой художественной и эмоциональной выразительностью, другие — по одному-два текста и с меньшим вдохновением, но каждый стремился передать традиционно устоявшийся сюжет как можно полнее и точнее*. Дело в том, что слушатели, знающие сказку, внимательно следили за тем, чтобы рассказчик не искажал содержания основного сюжета произведения. Постоянный контроль слушателей сказки за ее исполнением способствовал тому, что многие сюжеты без существенных изменений дошли из глубины веков до нашего времени.

Проблемы классификации жанров эскимосского повествовательного творчества, исторических путей образования, развития и изменения, взаимодействия и взаимопроникновения отдельных жанров в результате контактов генетически родственных, но длительно разобщенных групп эскимосов, а также их контактов с соседними разноязычными племенами — эти проблемы далеко еще не решены, хотя по-разному и частично поставлены в работах отдельных исследователей (см. [6; 13; 16; 17; 18; 20; 22; 23; 25; 26; 30—33; 37—39; 41]).

При сравнительной характеристике устного повествовательного творчества эскимосов в настоящем сборнике составитель использует принципы жанровой классификации, которую, учитывая опыт предшествующих публикаций и характеристик фольклора палеоазиатов Чукотки и Камчатки, он принимал ранее [13, с. 9—48].

К основным жанрам общеэскимосского повествовательного фольклора мы относим: 1) мифологические (космогонические) предания; 2) волшебномифологические сказки со следующими подразделами: а) сказки о дружественных, брачных союзах, а также враждебных отношениях человека с животными, б) волшебно-героические сказки о чудесных похождениях героев и их борьбе с враждебными силами, в) сказки о тупаках, г) сказки о шаманах, магии, перевоплощении душ умерших предков и каннибалах, д) сказ-

* Подробнее см. «Сведения о рассказчиках».

ки о сироте; 3) сказки о животных; 4) героические предания; 5) бытовые рассказы.

Условность жанровой классификации эскимосского повествовательного фольклора продиктована тем, что в нем обнаруживаются достаточно выраженные жанровая нерасчлененность, сюжетный и жанровый синкретизм, явления живого процесса жанрообразования, трансформации и дифференциации жанров.

Включенные в сборник тексты в совокупности дают достаточно широкое представление об общих типологических особенностях основных жанров, сюжетов и мотивов общескимосского фольклора в целом и о специфических чертах его у каждой территориально обособленной группы, при этом учитывается, что «чистота» жанров относительна.

Азиатские эскимосы все виды устного повествовательного творчества подразделяют на три жанра: у н и п а к — весть, новость; у н и п а м с ю к — рассказ о действительных и знаменательных событиях в прошлом; у н и п а г а н — сказка, мифическое предание. Для фольклора азиатских эскимосов, находившихся многие века в непосредственном экономическом и культурном контакте, с одной стороны, с аляскинскими и лаврентьевскими эскимосами, а с другой — с чукчами, а через них — с другими чукотско-камчатскими народностями, характерно богатство жанров, сюжетов и художественно-выразительных средств передачи произведений устного творчества. Под влиянием чукотско-камчатского фольклора в азиатско-эскимосский проникло не только много сюжетов традиционных жанров мифологических преданий и сказок, но также ряд героических сказаний о междоусобной борьбе отдельных племен и групп за обладание оленими стадами, за захват имущества кочевниками у береговых жителей. Азиатско-эскимосский фольклор обогащался также и в связи с концентрацией берегового населения в крупных пунктах, где проводились массовые празднества благодарения, посвященные добыче кита или удачной охоте на других морских зверей. Изобилие зверя и относительно устойчивое обеспечение едой и одеждой населения этого района Арктики также создавали благоприятные условия для развития духовной культуры, в частности устного творчества, которое было гораздо богаче и разнообразнее в сравнении, например, с этим же видом творчества канадских эскимосов.

Устное творчество аляскинских эскимосов в целом также имело благоприятные условия для своего развития. Эта группа эскимосского населения, подобно азиатской, находилась в относительно благоприятных экологических, материальных и социально-культурных условиях, способствующих сохранению и обогащению устных традиций. Аляскинские эскимосы через Берингов пролив имели постоянные торговые (обменные) и культурные контакты, с одной стороны, с азиатскими эскимосами и чукчами-оленьеводами, с другой — с алеутами и частично с ближайшими к ним племенами северных индейцев. Таким образом, в жанровом и сюжетном отношении фольклор аляскинских эскимосов сохранял свои традиционные особенности и в то же время обогащался за счет адаптации заимствованных от иноязычных соседей произведений устного творчества.

Особое место в общескимосском фольклоре занимает повествовательное творчество канадских эскимосов, значительная часть которых с древнейших времен избрала континентальный образ жизни охотников на оленей и мускусных быков, а также речных и озерных рыболовов. Эти виды хозяйственной деятельности не способствовали концентрации населения в сколько-нибудь крупных поселениях, не позволяли проводить многочисленных встреч при ритуальных обрядах, на празднествах и в местах обмена. В фольклоре канадских эскимосов, живших небольшими группами и часто отдельными семьями, не зафиксированы сложные в сюжетном отношении и большие по размерам устные произведения. Записанные Нунгаком и Арима, а также Дженнесом канадские тексты отличаются фрагментарностью, изложением общего содержания сказок, в которых часто совершенно отсутствует приличный произведениям эскимосского устного творчества диалог, а все сказочные события, как правило, передаются косвенной речью от имени рас-

сказчика. Вместе с тем канадские сказки весьма интересны тем, что в них сохраняются многие реликтовые общезскимосские сюжеты, которые более полно отмечаются в фольклоре других групп эскимосов.

Вполне допустимо, что одной из причин фрагментарности текстов сказок канадских эскимосов, как об этом говорится в книге Нунгака и Ари-ма [18], является процесс их быстрой аккультурации, забвение традиционных видов фольклора в связи с постепенной утратой верований в деяния мифологических и сказочных героев. С этим положением нельзя не согласиться. Процесс утраты народных знаний, особенно знаний устного повествовательного творчества, прослежен нами на протяжении последних 45 лет у азиатских эскимосов. Если в 30—40-е годы среди моих информантов на Чукотском побережье не было ни одного, кто бы не мог рассказать серию сказок, то во время лингвистических экспедиций 1960—1970 гг. таких хранителей родного фольклора оставалось совсем мало, а охотников рассказывать слышанные в детстве «небылицы» можно было пересчитать по пальцам. Молодое поколение советских эскимосов, воспитанное в школах-интернатах, приобщившееся к современной культуре и коренным образом изменившееся образу жизни, уже не помнит повествовательного творчества своих предков в условиях полного отрыва от его культурных истоков.

Фольклор эскимосов Гренландии отличается богатством жанров мифологического содержания: мифологических преданий, волшебного-мифологических сказок. В гренландском фольклоре сохранились наиболее архаические сюжеты общезскимосских мифологических преданий и сказок, которые у других групп эскимосов (особенно у азиатских и аляскинских) обнаруживаются не всегда четко в связи с контаминацией их с сюжетами соседних иноязычных или отдаленно родственных народов. В этом отношении фольклор гренландских эскимосов может служить надежным критерием выделения общезскимосских сюжетов и мотивов.

Гренландские эскимосы, как и канадские, после отделения их от общезскимосского этнического массива оказались в изолированном положении в открытой и освоенной ими стране вечных льдов. Но в отличие от канадских и других групп эскимосов гренландцы были самой многочисленной и компактно живущей группой, что благоприятствовало сохранению и обогащению различных форм самобытного искусства, в том числе и устного повествовательного творчества, которое, сохраняя берингоморскую основу, почти не подвергалось иноязычному влиянию в жанровом и сюжетном отношении. Что же касается реалий, не свойственных исконно эскимосскому быту, но упоминающихся в отдельных текстах, то они заимствованы под влиянием встречи с европейцами в последние века и, по существу, не изменяют традиционного содержания сюжета.

В отличие от фольклора азиатских эскимосов в гренландском фольклоре не получили сколько-нибудь широкого развития героические сказания о борьбе с иноязычными племенами и общинами или даже родственными группами. Правда, в народной памяти гренландцев сохранились воспоминания о далеких по времени столкновениях эскимосов с викингами-норманнами в последний период трагического исчезновения колоний последних на южном побережье Гренландии (колонии скандинавов в Гренландии были основаны в X в. и прекратили свое существование, видимо, в XV в.). Предположение историков о том, что влияние скандинавов на экономику и культуру эскимосов в этот период было невелико и сводилось к заимствованию только отдельных предметов европейской культуры [46, с. 35—37], находит косвенное подтверждение в фольклоре (см. № 256, 272). Тексты указывают на вероятность возникновения их в период недружественных и эпизодических контактов эскимосов с викингами в X—XV вв., поскольку вторичная колонизация Гренландии датчанами, начавшаяся в XVII в. и продолжающаяся в настоящее время, протекала в условиях мирного сосуществования колонистов с эскимосами и не могла послужить причиной возникновения «немирных» сюжетов устного творчества.

Мифологические (космогонические) предания эскимосов восходят к той «мифической» эпохе, «которая предшествовала современному состоянию ми-

ра» [30], когда человек первобытнообщинной формации не отделял себя еще от окружающей его природной среды и глубоко верил в существование различных создателей мира, света, огня, человека и животных [22].

В роли культурных героев подобных преданий в эскимосском фольклоре выступают такие персонажи, как девушка, не желающая выйти замуж, которая, превратившись в моржа (или лахтака, белуху, нарвала), становится хозяйкой моря, творцом людей и животных; человекоподобный небожитель, регулирующий поведение и жизнь людей на земле; брат и сестра, становящиеся луной и солнцем и регулирующие погоду; ворон — создатель живого и неживого мира; «хозяйева» пространства и погоды и т. д.

Выдающийся исследователь древней культуры центральных эскимосов К. Расмуссен из множества выявленных им мифологических творцов выделяет три основных, наиболее часто встречающихся в устной традиции эскимосов, а именно: Таканакапсалук — «хозяйка моря» (по Расмуссену — «морской дух»), Сила — «дух пространства» и Тагкик (аз.-эск. Танкик) — «дух луны» [20, с. 62—68].

К наиболее распространенным по всему эскимосскому региону относится мифологическое предание о девушке, не желающей выйти замуж. Одним из полных и логически последовательных вариантов этого предания представляется вариант, записанный К. Расмуссенем у эскимосов-иглулик [20, с. 63—66], но отсутствующий в нашем сборнике, поэтому для сравнения его с другими вариантами мы приводим здесь текст в сокращении. «Девушка не хотела иметь мужа, и однажды отец ее в гневе сказал, что ее мужем станет, наверное, собака. И вот ночью вошла собака и взяла девушку в жены. Когда девушка забеременела, отец отвез ее на маленький остров, но собака переплыла пролив, чтобы снова соединиться с женой. Время от времени собака переплывала пролив, чтобы в привязанную к спине торбу получать мясо от отца. И вот девушка родила детей — одних в образе собак, других в образе людей. Зная страдания дочери, отец однажды нагрузил торбу собаки камнями и песком, прикрыв сверху мясом. Собака, поплыв с тяжелой ношей, утонула в проливе. Тогда отец сам стал переправлять на остров мясо для дочери и ее детей. Но рассерженная дочь велела своим детям-собакам напасть на каяк деда, и ему с трудом удалось вернуться на материк. Дочь уложила своих детей-собак на дно лодки, а рядом с ними положила три соломинки для маяка. И дети ее поплыли в море, чтобы стать предками белого человека. Затем она уложила своих детей в человеческом облике в лодку и велела плыть к земле, где они стали предками индейцев-чинпеев. После этого она вернулась к своим родителям. Однажды девушку обманом завлекла птица глушцын в человеческом облике. Они приплыли к шалашу из птичьих шкур, где стали жить вместе и завели детей. Но скорбящий отец девушки сел со своей женой в лодку и поплыл посмотреть, как она живет. Он прибыл туда, когда глушцын был на охоте, забрал дочь в свою лодку и поплыл домой. Глушцын, вновь обернувшись птицей, поднялся и, нагнав лодку, набросился на нее, подняв такой шторм своими крыльями, что лодка чуть было не перевернулась. В страхе отец бросил дочь в воду, но она схватилась за борт. Тогда отец отрубил верхние суставы ее пальцев, они закачались в воде и стали маленькими тюленями. Но девушка снова ухватилась за конец лодки, и отец отрубил ей нижние суставы, которые упали в воду и стали моржами. Девушка пыталась все же хвататься за лодку остатками суставов, но отец отрубил и их. Эти суставы стали большими моржами. Тогда девушка погрузилась в пучину, чтобы стать матерью морских животных».

Мифы о сотворении людей разных племен и животных, связанные с деяниями «девушки, не желавшей выйти замуж», у разных ветвей эскимосов зафиксированы в целой серии версий. Так, у полярных эскимосов области Туле эта же девушка производит не только индейцев и белого человека, но также эскимосов, духов-тунгаков, тюленей и волков [16, № 11, здесь № 202].

Ф. Боас у эскимосов Баффиновой Земли зафиксировал версию этого мифа, в которой отрубленные у девушки суставы пальцев превращались в

китов, нерп и лахтаков [48, с. 584, 637]. Во многих версиях этого мифа девушка вступает в брачный союз с собакой, в некоторых из этих версий дети-собаки убивают отца девушки [63, с. 118; 17, с. 81].

Этот ранний миф о девушке, творящей людей и животных, в более поздний период развития эскимосского общества и его устного творчества постепенно лишается создательно-миротворческих начал и трансформируется в волшебную сказку. Так, в тексте чаплинских эскимосов № 119 девушку, не желавшую выходить замуж, покидают родители и односельчане. Она с горя сама бросается в море и становится сивучем. Здесь уже нет мотива творения, хотя мотив чудесного перевоплощения сохраняется. В сказке аляскинских эскимосов на этот же сюжет, но уже о двух непокорных девушках говорится о брачном союзе их с гагарами, который приводит их к голодной смерти [17, № 12, здесь № 150]. В другом аляскинском тексте древний миф о непослушной дочери, отказывающейся выйти замуж, преобразуется в бытовой рассказ, в котором говорится уже о простом изгнании дочери из дома родителями. Древнее мифологическое предание в данном случае становится канвой, художественным приемом создания реалистического повествования [17, № 7, здесь № 164].

Мифологические предания о девушке, не желавшей выйти замуж и при разных обстоятельствах становящейся морской владычицей, породили серию иносказательных имен, которыми она нарекалась в разное время у разных эскимосских общин [18, с. 113—115]. В ряде преданий канадских и аляскинских эскимосов эта морская владычица и создательница людей и животного мира табуированно называлась указательными местоимениями типа *та канна* — «та на воде», *самна* — «та внизу»*, *кэвпа* (*канпа*) — «та внутри» [8, с. 134—135] или описательными именами типа *нуляйук* — «могущая быть женой», *агналюк таканнаалюк* — «плохая женщина там, внизу, на воде», *агнакапшалоук* — «большая плохая женщина», *пыгывик* — «место для еды» и др. [18, с. 113—114].

У азиатских эскимосов и чукчей «создающей» девушкой выступает героиня из эскимосского рода Мамрохпагмит, обитавшего на Чукотском мысе. Чукчи, заимствовав у эскимосов сюжет о девушке, не желающей выходить замуж, адаптировали его согласно традициям устного творчества своего народа. Согласно чукотской версии, девушка из Мамрохпака (чук. *адапт. Мэмэрээн*, ср. [13, № 56]), не пожелав выйти замуж по велению отца, изгоняется и удаляется в тундру, приобретает чудесную силу и создает приморских и кочевых жителей, оленей, и морских животных. В отличие от древних эскимосских мифологических преданий в чукотской версии «создающая» девушка не становится владычицей моря, а творит людей и животных на земле. На адаптацию эскимосского сюжета оказывает прямое воздействие социальная и экологическая среда, в которой обитали в то время чукчи-кочевники.

Таким образом, мы видим, что образ «хозяйки моря» и «создательницы» людей и животных в разных эскимосских фольклорных регионах трансформируется по-разному. Владычица моря в облике разных морских животных — моржа, лахтака, белухи или нарвала, как и владычица тундры — женщина из рода Мамрохпагмит, представляет в эскимосской мифологии, возможно, женщину-прародительницу, в которой отражается матриархаль-

* Следует заметить, что Ф. Боас, отметивший имя морской владычицы в форме указательного местоимения *седна* среди эскимосов Баффиновой Земли и пролива Дэвиса, а также в формах *сапак*, *сана* и даже *сидни*, ввел его в оборот в качестве этнографического термина для обозначения этого мифического существа [48, с. 583, 605]. У азиатских эскимосов и эскимосов Берингова пролива это местоимение имеет форму *самна* — «тот внизу». Звук «д» нет и в других эскимосских диалектах, поэтому остаются исходные варианты *самна/сана*, а термин *седна*, широко употребляемый в этнографической литературе, на проверку оказывается отсутствующим в эскимосском языке.

ный культ общинно-родовой организации эскимосов, предшествовавший более позднему отцовскому роду. Мотивы непокорной и властной женщины, а также ее созидательной силы демиурга многосторонне отражены в разных жанрах эскимосского повествовательного фольклора и увековечены в древних петроглифах, открытых советскими археологами на Чукотском полуострове [28].

Образы женщины-прародительницы и женщины — морской владычицы объединяет их единое происхождение — это непокорные воле родителей дочери, по мифологические функции их различны: земная владычица создает людей и животных, морская владычица распоряжается морскими зверями и в зависимости от ее взаимоотношений с людьми дает или не дает им морского зверя.

Владыкой моря может быть и мужской персонаж, как это имеет место в тексте «Человек в гостях у перничьего народа» (№ 62), где хозяином подводного мира выступает «старик-нерпа». Этот же мотив мужских персонажей — «хозяев моря» в облике морских зверей имеет место в текстах № 64, 77, а также в корякской сказке «Путешествия Куйкыньяку» [13, № 125].

Вторым распространенным в эскимосском фольклоре персонажем мифологических преданий выступает «хозяин верхнего мира», хозяин стихий.

В диалектах общэскимосского языка есть термин *си ля*, который означает такие отвлеченные понятия, как «пространство», «внешний мир», «погода», «стихия», «воздух». В эскимосской мифологии это «беспредметное» (не материальное) понятие представляется в образе одного из небесных существ. В мифологических преданиях азиатских эскимосов его называют *Силам йугун* (силам йон) — «человек окружающего пространства» («человек погоды», «человек вселенной»), *Силык* — «творец погоды», *Сидам осына* — «хозяин пространства», *Алмысим йон* — «человек обычаев» («хозяин обычаев»). Аналогичные сочетания слов для названия этого персонажа зафиксированы также у эскимосов *Нетсилык*, *Карибу*, *Кюшер* и других групп [18, с. 114]. К. Расмуссен приводит мифологическое предание, в котором повествуется об одном гиганте и его приемном сыне, убивших другого гиганта с женой. Осиротевший маленький сын погубленных гигантов с горя поднялся на небо и стал духом Сила. В то время, когда Сила расслабляет свои лыжные ремешки или вытряхивает широкий закрытый детский комбинезон, на море начинается шторм [53, с. 71—73; 64, с. 229—231]. Местом пребывания «небесного владыки» может быть луна, тогда самым «владыкой» будет ее сын месяц в облике человека (ср. № 219).

По облику и образу жизни «хозяин верхнего мира» не отличается от обыкновенного человека, но он наделен даром свершения чудесных деяний: при содействии своих морских или земных помощников он заставляет подняться в верхний мир нарушителей старинных обычаев (№ 118); прямо из жилища на каяке выплывает в море, пронзая копьём стену; гостей с земли небожитель спускает на землю через отверстие в полу землянки при помощи ремня, предварительно одарив их предметами, которые на земле превращаются в олений, шкурки пушных зверей, мясные припасы и т. д. (ср. № 78, 79, 80, 118, 219).

Одним из «хозяев верхнего мира» в мифологии азиатских эскимосов выступает могущественный *Кыягнык* (букв. «жизнь», «живущий», «существующий»), который повелевает силами стихий и способен как к созиданию, так и разрушению окружающего мира (ср. № 98, 114). Представляется вероятным, что *Кыягнык*, повелевающий грому разрушить гору ради спасения жизни листочка, по представлениям эскимосов, обладает большей магической силой, чем заимствованный из чукотской мифологии небожитель *Тынагыргын* («рассвет»), способный лишь на деяния, связанные с наказанием и исправлением непослушных и помощью попавшим в беду. Вместе с тем «благонамеренный» чукотский *Тынагыргын* прочно вошел в эскимосскую мифологию и в известной степени потеснил собственно эскимосских «хозяев верхнего мира» — *Кыягныка* и близких ему по значению «хозяина дня» — *Агныка* и «хозяина северо-западного ветра» *Пакфала* (№ 97, 107).

Случаи замены владыки верхнего мира женским персонажем в эскимосском фольклоре весьма редки. Нами зафиксирован лишь один сюжет волшебного-мифологической сказки, в котором владычицей верхнего мира выступает женщина (№ 80).

Азиатско-эскимосские мифологические образы «хозяев верхнего мира» («верхних божеств») — Кыягыка, Агыныка, Пакфаля, Сидам йугуна и пришедшего в эскимосскую мифологию чукотского «небожителя» Тынагыргына — восходят, как нам представляется, к двум общезскимосским мифологическим образам «верхнего мира» — Силя (Сила) и Таккик. При этом образ Силя в азиатско-эскимосской мифологии выступает прообразом таких «божеств», как Сидам йугуна, Агык и Пакфаля, тогда как «божество» Таккик (эск. таккик «луна») соответствует азиатско-эскимосским Кыягыку, безмянному небожителю, Тынагыргыну и отчасти мифическим орлам-великанам, которые часто выполняют функции, присущие «хозяевам верхнего мира». Таким образом, установившаяся традиционно в фольклористике и этнографии эскимосская мифологическая триада божества моря — Седы, божества стихий — Силя и лунного божества Таккика представляется нам весьма условной, поскольку в разных фольклорных регионах эскимосов эти мифологические образы божеств дополняются не менее могущественными образами совсем иного порядка.

Кроме отмеченных мифических творцов мироздания в эскимосской мифологии выделяется еще большая серия менее значительных персонажей, которые выступают в облике различных карликов, великанов, животных в облике человека, злых духов — тунгаков, предметов и явлений природы. Мифологические и сказочные сюжеты с этими персонажами функционируют самостоятельно или контаминируются с сюжетами, где главными персонажами являются «хозяева» моря, вселенной (пространства, воздуха) или неба.

К жанру мифологических преданий (космогонических преданий, мифов) в общезскимосском фольклоре следует отнести также весьма распространенные сюжеты о брате и сестре, поднявшихся в погоне друг за другом на небо и превратившихся в солнце и луну (№ 100, 234), и др.

Самым распространенным жанром устного повествовательного творчества эскимосов являются волшебного-мифологические сказки, представляющие собой трансформацию мифологических преданий. В них мифологическая основа, отражающая мифологические мотивы мироздания, сочетается с рассказами о чудесных похождениях героев в различных мирах, об их столкновениях с гигантами, карликами, птицами-великанами, духами-тунгаками, с дружественными и враждебными человеческими и животными персонажами, о содружестве человека и животного, о брачных союзах между ними. Многие сюжеты и мотивы, присущие жанру волшебного-мифологической сказки, как и жанру мифологических преданий, оказываются идентичными для всего эскимосского региона, а некоторые из них проникают и в чукотско-камчатский регион.

Подраздел волшебного-мифологических сказок — сказки о дружественных и брачных союзах, а также враждебных (реже) отношениях между человеком и животными — занимает одно из ведущих мест в эскимосском фольклоре. В этом подразделе сказок, который короче можно назвать «человек и животное», наиболее отчетливо отразились мифологические представления людей первобытнообщинной формации о нерасчлененности и взаимозависимости человека и животного мира.

К подразделу сказок «человек и животное» у азиатских эскимосов относятся № 28—63, а у аляскинских эскимосов № 140—155, у канадских эскимосов № 168—175, у гренландских эскимосов № 201—217.

Особое место в разделе сказок «человек и животное» занимает цикл сказок о ворах. Вороний персонаж в устном повествовательном творчестве эскимосов распространен по всему региону расселения их от Берингова пролива до Гренландии включительно. С древнейших времен ворог был персонажем не только мифов и сказок эскимосов, но также и их обрядовых танцев, песен, шаманских заговоров и игр.

Ворон Кутх — Куйкыньяку — Кукки — Куркыль — Кукылип — Кошкли, создающий и разрушающий мироздание, в азиатском регионе исполняет одновременно роль обманщика, шута, простака, трикстера, предающего даже интересы членов своей многочисленной семьи, насмехающегося над ближними или оказывающегося объектом насмешек или издевательств со стороны других человеческих и звериных персонажей (см. [13, с. 22—24; 34]). Азиатские эскимосы, у которых, как и у других групп эскимосов, издревле в мифах и сказках функционировал свой вороний персонаж, не имевший имени и постоянной семьи, через чукчей частично заимствовали импортировавший им ительменско-корякский цикл мифов и сказок о вороне Кутхе — Куйкыньяку, который они адаптировали в ряде сюжетов (здесь № 10, 33, 34, 35, 36, 101).

Безымянный эскимосский вороний персонаж в сопоставлении с камчатско-чукотским не обладал столь многообразными мифическими и магическими функциями. В большом ряду волшебного-мифологических сказок эскимосов безымянный ворон занимает меньшее место, чем другие животные персонажи. Чаще всего он является действующим лицом сказок о животных, реже — выполняет мифическую или шаманскую функцию.

Особое место по художественной выразительности и связям с мифологическими преданиями занимают волшебного-мифологические сказки о птицах-великанах. В фольклоре азиатских и аляскинских эскимосов такими птицами являются гигантские орлы. Весьма характерной особенностью сказок о птицах-гигантах является то, что они выступают в роли охотников на дикого оленя или морского зверя (обычно на китов) и, когда возвращаются с добычей в свое жилище, сбрасывают с себя оперение и становятся людьми (в одних случаях — людьми-великанами, в других — обыкновенными людьми).

Персонафикация животных персонажей в волшебного-мифологических сказках имеет место по всему эскимосскому региону, но особенно она проявляется в творчестве эскимосов, обитающих по соседству с палеоазиатами Чукотки и Камчатки.

Ведущими персонажами волшебного-мифологической сказки выступают люди, выполняющие роль главных героев. К животным — помощникам человека, наделенным в волшебного-мифологических сказках чудесными свойствами предвидения событий, с которыми сталкивается герой, в эскимосском фольклоре относятся ворон, лиса, волк, гагара, орел, касатки, мышка, горностаи, заяц, белый медведь, морской петушок, морские звери — кит, лахтак, нерпа, насекомые — паук, жук. Однако не все из этих животных персонажей исполняют роль постоянных покровителей человека. Так, например, орлы-великаны и белые медведи в одних сказках выступают друзьями человека, в других — его антагонистами (в текстах № 38, 39, 40 орлы покровительствуют человеку, а в тексте № 37 орел становится врагом его; в № 42 белый медведь спасает охотника, а в № 117 этот зверь, перевоплотившийся в человека, откармливает девушку, ставшую его женой, для сведения). Таким же двойственным по сказочным функциям персонажем является безымянный ворон, который в одних случаях покровительствует человеку (№ 30), в других стремится навредить ему (№ 29). К постоянным и верным покровителям человека следует отнести прежде всего лису, которая в образе маленькой женщины (или старушки) оказывает волшебные услуги терпящим бедствие героям (№ 117). Эту же роль верного помощника и советчика героини сказки исполняет паук (№ 71), который в азиатско-эскимосском и чукотско-камчатском фольклоре противопоставляется посылу злого начала — жуку.

Широкое распространение в эскимосском регионе получили сказки о брачном союзе человека и животного, отражающие древние тотемические представления людей первобытнообщинной формации.

Большое место в серии сказок «человек и животное» занимают сказки сюжетной группы «переворот человека в животное». Мотивы такого превращения человека в животное оказываются немотивированным (без помо-

ни «чудесных» или «волшебных» средств), в других — оно мотивируется магическими или «волшебными» приемами. Так, в прекрасной по сюжету и художественным достоинствам сказке № 53 азиатских эскимосов превращение женщины в оленя мотивировано тем, что вредоносное существо, «маленькая женщина», высасывает у усыпленной ею женщины мозг, а вместо него вдвухает олений мозг, отчего она и становится оленем, убегающим в стадо.

В целом о большинстве животных персонажей волшебного-мифологического сказок можно сказать, что они выступают в роли тотемных покровителей человека, выполняя в то же время отдельные архаические функции «создателей» мира.

Особый раздел в жанре волшебного-мифологического сказки эскимосов занимают многочисленные повествования о духах тунгаках (тугнгаках) и близкие им по выражаемому магическим представлениям сказки о шаманах. Сюжеты сказок о тунгаках часто невозможно отделить от контаминирующихся с ними сюжетов о шаманах: мифические существа — тунгаки являются такими же непримиримыми антагонистами человека, каким может быть и шаман, который с помощью различного рода магических действий или хитроумных фокусов способен помочь человеку или нанести ему вред.

Сказки с участием тунгаков получили распространение по всему эскимосскому региону. Эти существа в эскимосском фольклоре фигурируют в самых невероятных обликах — от человекоподобных особей до самых отвратительных уродов, каких только может создать воображение человека.

Эскимосские сказки о шаманах представляют собой повествования об общении шаманов с духами-тунгаками, с душами умерших из «верхнего мира» или с душами находящихся в плену у «хозяев» моря или неба, об оживлении умерших, излечении больных, о магических состязаниях шаманов между собой. Сказки о шаманах, об их магическом воздействии на окружающий мир в эскимосском фольклоре часто контаминируются с сюжетами традиционных мифологических преданий и сказок. Шаманы в волшебном-мифологических сказках не только исполняют свою прямую миссию проводителей и колдунов, но и совершают много других действий и поступков, присущих рядовым персонажам этого жанра сказки. Обрядовый шаманский акт и художественный вымысел в таком произведении сливаются воедино.

Шаманской магии, по представлениям эскимосов, подвластны люди и животные, предметы и явления природы. Во многих волшебном-мифологических сказках магическую силу, которой обычно обладают шаманы, часто немотивированно или (реже) по наущению шамана обретают рядовые персонажи или главные герои сказочных событий. «В народной сказке, — отмечает Е. М. Мелетинский, — отражался также рост самосознания индивида, активизировался сказочный герой и складывался своеобразный культ героя. Этот процесс шел независимо от шаманизма и даже в принципе в противовес ему: в сказках оказывалось, что не только шаманы, но и простые охотники и оленеводы могут обладать исключительными способностями. Правда, сами эти способности мыслились как соединение физических и магических сил» [31, с. 79]. Это положение известного исследователя фольклора палеоазиатских народностей подтверждается при детальном знакомстве с устным творчеством как народностей Чукотки и Камчатки, так и особенно эскимосов по всему региону их расселения. Вот почему при знакомстве с повествовательным фольклором эскимосов не следует проводить особой грани между волшебном-мифологическими сказками с многообразными перевоплощениями и чудесными похождениями их героев и сказками о шаманах.

В волшебном-мифологических сказках нашли широкое отражение анимистические представления эскимосов, связанные с верой в возрождение и перевоплощение душ умерших предков или родственников в животных, предметы неживой природы, в новорожденных. Они были неотъемлемым компонентом духовных воззрений эскимосов с самых древних времен вплоть до XX в.

Сказочные сюжеты с отражением анимистических мотивов отчетливо сохранились в ряде текстов азиатских и зарубежных эскимосов. Так, в тексте № 52 говорится о паре белых оленей, в которых воплотилась душа умершего деда и которые стремятся вызволить из беды внука. Реалистический, казалось бы, рассказ об угоне врагами-таннистами чужого стада и похищении мальчика переплетается здесь с мифом о воплощенной в паре белых ездовых оленей душе предка. В сказке № 65 блуждающая душа человека не находит себе покоя и поочередно воплощается в медведя, волка, лисицу, птицу и наконец снова обретает человеческий облик. Миф о блуждающей душе, способной воплощаться в любое животное, зафиксирован также Е. Холтведом у гренландских эскимосов (№ 268). В аляскинской сказке № 148 душа умершего предка перевоплощается в бурого медведя, который напоминает юному охотнику, чтобы тот не забывал приносить ему долю добычи. Непослушание может привести к гибели охотника. Здесь зверь в образе медведя — умерший отец юности. В другой сказке (№ 147) охотник не исполняет просьбы оленя, просящего сохранить ему жизнь, и убивает зверя, но и сам погибает от оленьего заклятия. И здесь имеется в виду, что в оленя вселилась душа предков. В сказке № 159 дух в образе человека, выходящий из могилы умершего, забирает приношения сироты, но, когда сирота не оставляет духу добычи, тот оборачивается огненным шаром и едва не настигает юношу, которого спасает шаман, убивающий духа своим заклинанием. Идеи анимизма и шаманизма и здесь сосуществуют. Характерная для эскимосского фольклора контаминация серии сюжетов, относящихся к различным видам волшебного-мифологической сказки, ярко представлена в сказке № 161: волшебный череп, в который вселилась душа умершего предка, требует и получает жертву; здесь же — рассказ о шаманских трюках, кровной мести, каннибализме и волшебной собаке.

Сказки о каннибалах зафиксированы в разных вариантах у всех групп эскимосов и представляют один из древнейших пластов эскимосского повествовательного фольклора. Каннибалы представляются в сказках как в образах человекоподобных и животных великанов, чудовищ, тунгаков, так и в образе людей особого племени головастики (№ 243). Сказки о каннибалах особенно широкое распространение получили у гренландских эскимосов, где они функционируют как с самостоятельными, так и с контаминированными сюжетами (ср. № 193, 230, 233, 243, 255, 258).

В фольклоре эскимосов имеется серия сказок о карликах, которые в большинстве случаев представляются в образе людей маленького роста, ведущих человеческий образ жизни и обладающих достаточной физической силой, чтобы нести добытого оленя (№ 179). Карлики дружелюбно относятся к людям и готовы поделиться с ними добычей, но они могут быть и агрессивными, если человек в отношении их проявляет жадность и силу (№ 225). Сказки о карликах наиболее широко распространены в фольклоре канадских и гренландских эскимосов (№ 179, 185, 186, 225, 226, 236).

Одной из разновидностей волшебного-мифологической сказки являются сказки о сироте, занимающие значительное место в устном повествовательном творчестве эскимосов. Сказки о сироте весьма разнообразны. В одних из них повествуется о тяжелой жизни сироты и его бабушки, добывающих ловушками куропаток или мелкого тундрового зверя, в других же сирота ведет трудную и упорную борьбу со своими обидчиками — пасыльниками-старшинами, злыми дядьями, вредоносными тунгаками, каннибалами, великанами и другими враждебными силами.

Сирота, преодолевший множество жизненных трудностей и препятствий, становится героем чудесных событий. Образцом волшебного-героического сказки о сироте является, например, сказка аляскинских эскимосов (№ 144), в которой сирота и его бабушка, жестоко обижаемые односельчанами, обретают магическую силу волшебства, перевоплощаются в волка (вук) и горностая (бабушка), а их обидчики погибают. Героический волшебный-мифологический сказок о «Хозяине огня» у азиатских и аляскинских эскимосов (тексты № 70, 158) также является мальчик-сирота, который при помощи чудесных

предметов побеждает огненное чудовище. У гренландских эскимосов имеет повсеместное распространение сказка о сироте Кагсагуаке. Один из вариантов этой сказки записан в начале XX в. выдающимся исследователем Арктики К. Расмуссенем и был издан даже отдельным изданием с красочными рисунками, выполненными художниками-эскимосами. Сказка о Кагсагуаке была занесена Е. Холтведом в середине 30-х годов текущего века у полярных эскимосов области Туле (№ 228), а ее вариант (№ 229) записан Х. Ринком в середине XIX в. у эскимосов Гренландии. Сюжет этой архаической сказки в разных вариантах встречается у эскимосов и других районов, где он претерпел значительные изменения.

В отличие от сказок о сироте у гренландских, канадских и (частично) аляскинских эскимосов в фольклоре азиатских эскимосов этот вид жанра волшебного-мифологических сказок получил более насыщенную социальную окраску. Объясняется это непосредственными связями азиатских эскимосов, промышлявших морского зверя, с их соседями — инязычными чукотско-камчатскими племенами палеоазиатов, занимавшимися оленеводством. Установившийся натуральный обмен между приморскими и береговыми жителями повлек за собой и взаимовлияние духовной культуры, верований, устойчивого и других видов народного художественного творчества. В фольклоре это взаимовлияние особенно отражение нашло в сказках о сироте. В сказках чукотско-эскимосского региона мотивы социальных противоречий, особенно мотивы отношения к обездоленным людям, становятся преобладающими. Мифологическая окраска сказок о сиротах, да и других волшебного-мифологических сказок, снижается и уступает место изображению острых социальных конфликтов, связанных с возникновением имущественного неравенства как среди оленеводов, так и среди приморских охотников. Морально-этические нормы первобытной общины в новых условиях претерпевают изменения, и героические поступки обретшего силу сироты теперь преимущественно направлены на борьбу с насилием и несправедливостью со стороны старшин-умильков и богатых оленеводов.

Сказки о животных выделяются в особый жанр в эскимосском фольклоре по признакам их прямой генетической связи с мифологическими преданиями и волшебного-мифологическими сказками, в которых отражаются космогонические и тотемические представления, верования и обряды людей первобытнообщинной формации. Для протоэскимосов эта эпоха охватывает периоды палеолита и неолита, длившегося до начала контактов с европейцами.

Жанр сказок о животных у эскимосов возникает и развивается, таким образом, в тех же общественно-исторических условиях, что и мифологические предания и близкие им волшебного-мифологические сказки: в основе сказок о животных лежат мифологические представления эскимосов о мировом творчестве, олицетворение ими живой и неживой природы, синкретизм человека и зверя. Антропоморфизм живой природы, одухотворение предметов и явлений окружающего мира у эскимосов, палеоазиатов Чукотки и Камчатки, индейских племен Северной Америки и других народов этого региона непосредственным образом был связан с первобытнообщинной, а следовательно, и весьма примитивной охотой на дикого оленя (повсеместно), мускусного быка (Северная Америка) и на морского зверя (по всему региону расселения эскимосов, алеутов, приморских чукчей и коряков), которая в условиях суровой Арктики была главным занятием и единственно надежным условием выживания человека. Любой зверь, птица и другие представители живого мира Арктики (рыбы, насекомые, ракообразные) неизбежно наделялись человеком тотемными и анимистическими чертами. Мировоззренческая и художественная фантазия охотника и окружающих его людей непосредственно увязывалась с животным миром, каждый представитель которого жил той же сложной и трудной жизнью, как и человек, которому зверь оказывал постоянную и неизменную помощь в добывании пищи и одежды. У азиатских эскимосов, например, строго соблюдался обычай приношения даров «хозяину моря» всякий раз, когда добывали моржа или лахтака. Старшина байдарной группы после коллективной разделки

(свежевания) зверя уносил его голову в свое жилище, где хозяйка отрезала от носа и губ звериной головы куски шкуры с мясом, разрезала их на мелкие кусочки и укладывала в жертвенный деревянный сосуд в виде корытца под названием «мити». С этим маленьким сосудом на берег моря шел сам хозяин, облаченный в специальный ритуальный плащ с нашивками-амулетами на спине. Он становился у самой кромки воды спиной к морю и через плечо выбрасывал ритуальные кусочки в воду, обращаясь к «хозяину моря» с просьбой, чтобы тот вместо присланного им «гостя» (т. е. добытого охотниками морзя) прислал в следующий раз столько, сколько кусочков от звериного носа он возвращает обратно в море. Особенно красочными в этом отношении у азиатских эскимосов были ритуальные празднества, посвящаемые добыче кита, «дух» которого в сказках представлялся в образе человека.

Дружественные отношения человека с животными восходят к тем же мифологическим преданиям и волшебно-мифологическим сказкам, где человек и животное перевоплощались друг в друга. В мифологических преданиях зверь, будучи объектом охоты, выступал не врагом человека, а его союзником. Охотник не убивал зверя, а добывал, находил его, поэтому надеялся его теми же духовными качествами, которыми обладал сам.

С развитием и усовершенствованием способов охоты на крупного морского зверя, расширением познания окружающего мира у людей первобытнообщинной формации развивается дифференцированное отношение к созданным ими мифологическим преданиям о человеке-звере. Вера во взаимное перевоплощение человека и зверя продолжает еще сохраняться, но с изменением духовной культуры людей этой древней эпохи в устном повествовательном творчестве происходят постепенные изменения сюжетов и жанров, и из мифологических преданий о кровном союзе человека и зверя выделяется сказка о животных как особый жанр, в котором участниками сказочных событий выступают только животные персонажи. В этом жанре отсутствуют уже мотивы перевоплощения животных в человека, как и мифологические мотивы миротворчества и фантастических превращений. Здесь повседневная жизнь охотничьей общины как бы проецируется на сообщество животных.

В эскимосском фольклоре наметились как бы два типа функционирования животных персонажей: с одной стороны, они продолжают выполнять мифологические функции тотемных покровителей человека в волшебном-мифологических сказках или его врагов, с другой стороны, уже в собственно животных сказках эти же персонажи выступают в роли ловких, смелых, хитрых и изворотливых деятелей (лиса, ворон, олень, горностай, сова, бакланы, чайки, заяц) или же глухих и трусливых неудачников (бурый медведь, волк, ворон). Эта вторая группа и составляет собственно жанр животных сказок, в которых отсутствует элемент волшебно-мифических деяний персонажей.

Среди сказок о животных (здесь № 1—27, 135—139, 166—167, 197—200) в эскимосском фольклоре выделяются такие, которые возникли и развились не на основе волшебно-мифологических преданий, а посредством адаптации заимствованных сюжетов из устного творчества других народов, часто далеко отстоящих от эскимосов. Так, сказка «Хитрая лиса» (№ 13) в разных вариантах бытует у ряда других народностей Сибири, а мотив с примораживанием волчьего хвоста в проруби по паущению лисы явно соответствует такому же мотиву из сходной по сюжету сказки русского фольклора. То же можно сказать о сюжете сказки «Бычок и волк» (№ 15), широко распространенном у коренных народностей Сибири, особенно тунгусоязычных.

Большинство сказок о животных, утратив первоначальную мифологическую основу, постепенно образовало особый жанр, где ведущим направлением стали развлекательность и поучительность, а под говорящими, работающими, думающими, дружащими и враждующими четвероногими или крылатыми персонажами стали подразумеваться обыкновенные люди. Животная сказка во многих случаях приобрела басенный характер и стала выражать морально-этические нормы поведения членов охотничьей общины, для которых сила, ловкость и хитрость при добыче зверя были постоянными

ными и жизненно необходимыми качествами (ср. № 17, 18, 22, 23, 25, 26 и др.).

Жанр героических сказаний наибольшее развитие получил у азиатских эскимосов в период разложения первобытнообщинных отношений и появления выраженной социальной дифференциации в связи с развитием в чукотском регионе двух экономических укладов — кочевого оленеводства и морского зверобойного промысла. Межплеменные корякско-чукотские войны за обладание оленьими стадами и пастбищами в период становления домашнего оленеводства, обменные контакты кочевников с приморскими жителями, а также набеги ватаг кочевников на селения приморских жителей с целью захвата их имущества и пленников, наконец, борьба отдельных стойбищ и семей друг с другом — все это нашло отражение в устных традициях палеоазиатов Чукотки и Камчатки — чукчей, коряков и ительменов, а также азиатских эскимосов, которые, с одной стороны, принимали участие в междоусобных чукотско-корякских войнах на стороне чукчей, с другой — вступали в поединки со своими одноплеменниками-эскимосами с соседних островов. В этом отношении показательными представляются тексты № 123, 127, 128, 129, 132, 133. Героические сказания о межплеменных войнах палеоазиатов Чукотки и Камчатки породили зачатки эпоса, в силу исторических причин не получившего дальнейшего развития. Сложившиеся условия общественной жизни, стабилизировавшиеся в XVIII в., не могли способствовать появлению и развитию новой серии героических сказаний. В народной памяти палеоазиатов, в том числе и азиатских эскимосов, сохранилось все то из зарождавшегося эпоса, что было создано до завершения чукотско-корякских войн.

В чукотском и азиатско-эскимосском фольклоре нашли отражение также реальные исторические события, связанные со столкновениями казачьих отрядов с кочевниками-олeneводцами, которых казаки под водительством майора Павлуцкого безуспешно пытались обратить в «ясашных людей». Павлуцкий, которого чукчи в своих сказаниях называли именем Якуни, был убит во время сражения с чукчами в 1747 г. [24, с. 43]. В эскимосском сказании «Меткий стрелок» (№ 124) предводителя «бородатых» врагов по имени Якуни маленький мальчик поражает стрелой из детского лука. Раненый в глаз герой просит прикончить его конем (обычай, соблюдавшийся всеми палеоазиатами чукотско-камчатского региона и отраженный в ряде устных произведений различных жанров).

Главные действующие лица героических сказаний наделяются обычно личными именами, которые придают произведению известную степень достоверности события. Так, в сказании о сражении наукацев с пришельцами (№ 132) описание топонимических объектов дается настолько детально, что по ним и в настоящее время можно восстановить реальную картину случившегося в далекие времена сражения. Описание и перечисление многих других реалий в этом сказании еще более убеждает в реальности события, которое так точно запечатлелось и сохранилось в памяти народа.

В фольклоре других групп эскимосов (аляскинском, канадском, гренландском) героические предания типа чукотских и азиатско-эскимосских не имели почвы для развития, поскольку у них не было четко выраженного противоборства с другими племенами.

Однако у эскимосов всех четырех групп сложился жанр бытового сказа, который запечатлел в народной памяти особо выдающиеся события из жизни охотничьей общины, семьи или отдельных людей.

В рассказах этого жара отражаются бытовые и социальные стороны жизни людей преимущественно в период разложения первобытнообщинных отношений и появления имущественного неравенства. У азиатских эскимосов к рассказам, с давних пор бытующим в репертуаре традиционного устного творчества, относятся № 121, 122, 124, 125, 126, 131, 134; у канадских эскимосов к этому жанру относятся рассказы № 193—196; у гренландских эскимосов — № 271—278.

В рассказе № 121, широко бытующем в различных вариантах у азиатских эскимосов, детально изображаются различные стороны быта кочевни-

ков-чукчей, заключение брачного союза, картины состязаний в силе, бего и ловкости. В этом бытовом рассказе совершенно нет сказочных мотивов, однако эскимосы относят его к жанру унипаган («сказка»), поскольку повествуется в нем о давно минувших событиях. В рассказ о двух силлах (№ 122) вкрапливается сказочный мотив о приобретении ими чудесной силы. Такое же вкрапление сказочного мотива наблюдается и в рассказе № 272, который восходит ко времени викингов (X—XIV вв.) Появление в бытовых рассказах сказочных мотивов происходит под влиянием жанра волшебного-мифологической сказки. Великолепный в художественном отношении рассказ о лжеце Касяхсяке (№ 278), который своими живыми охотничьими рассказами наносит непоправимый вред семье и всей общине, кончается наказанием обманщика. Мотивы преувеличения в охотничьих рассказах присущи далеко не одним эскимосам, но эскимосы, возможно, были одними из первых охотников, придумавших эти рассказы под влиянием ранее возникших мифологических преданий и сказок, получивших уже устоявшуюся «мифологическую» структуру.

* * *

Язык эскимосской сказки предельно выразителен и ясен. Выразительность, простота и гибкость языковых средств художественной передачи устного произведения являются отличительными признаками эскимосского повествовательного фольклора.

Эскимосский фольклор, не претерпевший влияния какого-либо литературного языка, фиксирует ярчайшие образцы обобщенных форм устной народной речи, развивавшейся в диалектных подразделениях языка в течение многих эпох. Сходные условия общественной жизни у отдельных территориальных общин древних эскимосов, взаимодействие их культур служили благоприятной почвой для становления обобщенных типов речи. У народов первобытнообщинной формации, несомненное значение имел язык обрядовых действий, отличавшийся особой лексикой и фразеологией, связанными с семейными и общинными ритуалами. В таких жанрах фольклора азиатских эскимосов, как мифологические и животные сказки, предания, обрядовые танцы и песни, совершенно отчетливо отразились многие элементы первобытных религиозных представлений.

Для эскимосского повествовательного фольклора характерно сочетание прямой и косвенной речи. Косвенная речь рассказчика преобладает в мифологических преданиях, волшебного-мифологических сказках и героических преданиях, прямая речь — в сказках о животных, но ни одно из произведений устного творчества не обходится без диалога. Диалог свойствен всем видам устного повествовательного творчества эскимосов. Выразительность, предельная краткость, эмоциональная и смысловая насыщенность прямой речи персонажей являются неотъемлемыми чертами языка эскимосской сказки.

Характерными стилистическими признаками эскимосской сказки, являются деепричастные обороты, обусловленные синтаксическими особенностями языка, образные повторы, песенные вставки, а также иподиалектные и иноязычные обороты.

При литературном переводе с эскимосского языка мы, естественно, придерживались стилистических норм русского языка, стараясь в то же время сохранить особенности эскимосской речи. Так, например, фраза в подстрочном переводе с эскимосского с его многочисленными деепричастными оборотами читалась бы: «Женщина, припасы поев, приготовившись, выйдя, спустилась на берег». В литературном переводе предложение приобретает следующий вид: «Женщина поела припасы, приготовилась в путь, вышла и спустилась на берег».

В фольклоре азиатских эскимосов отмечены три вида песенного жанра, обозначаемые двумя терминами: «атун» и «лаган». Термином «атун» обозначается танцевальная песня, под ритмы которой исполнялись обрядовые

танцы. Атул исполнялась и сейчас исполняется под звуки бубна коллективом певцов. В этом виде песни почти нет слов, а содержание танца выражается мастерством танцора. Отдельные слова играют лишь вспомогательную роль в выражении содержания танца.

Термином «илаган» обозначаются песни со словами. Каждая песня имеет свое содержание и исполняется одним певцом под звуки бубна или без такового. Песни сопровождаются ритмическими припевами без слов, аналогичными ритмам «атул». Имеется два основных вида «илаган»: первый — песни-импровизации, принадлежащие отдельным исполнителям и выражающие их личные переживания, чувства и желания; одни из таких песен живут долго, другие исполняются лишь в момент импровизации; второй — песни-вставки в тексте различных жанров повествовательного фольклора, имеющие постоянное содержание, связанное с содержанием сказки, и устойчивый мотив. Обычно «илаган» состоит из двух-трех куплетов.

До недавнего времени бытовали еще два традиционных вида коллективных песен-импровизаций, исполнявшихся на обрядовых праздниках женщинами. Первый — песни в виде коротких частушек сатирического содержания, исполнявшиеся при состязании противоборствующих групп женщин. Размер таких песен-частушек не превышал трех-четырех коротких фраз. Побеждала та группа, у которой не истощался запас таких обличительных частушек. Второй вид коллективных песен относился к песням без слов, исполнявшимся также до победы одной из двух групп женщин. Этот вид песен исполнялся посредством глубоких и глухих гортанно-легочных хрипов и требовал от участников особого умения и физических усилий.

Характерно, что в процессе полевых записей текстов повествовательного фольклора, когда от сказителя требуется замедленный рассказ и частые уточняющие повторы, песенные вставки в большинстве случаев опускаются. Стремясь облегчить запись текста, сказитель часто не исполняет песенной вставки, а лишь упоминает о ней. Таким образом, по записанному под диктовку текстам оказывается невозможным судить о степени полноты и точности текста, о подлинном художественном богатстве и содержании его, что обусловлено не только пропуском песен, но и заменой диалога косвенной речью.

Более полной и ценной представляется магнитофонная запись. В 1971 г. мне удалось зафиксировать на магнитофонную ленту около десяти сказок различного жанра от талантливой слепой сказительницы Нанухай в эскимосском селении Новое Чаплино. Почти в каждом тексте оказались песенные вставки (см. № 2, 60 и др.). Между тем некоторые тексты на эти же или сходные сюжеты, записанные мною в 1940/41, 1948 и 1960 гг. под диктовку рассказчиков, оказались совсем без песенных вставок или же со вставками в укороченном и упрощенном варианте.

Песенные вставки в эскимосском повествовательном фольклоре характерны в большей мере для коротких сказок, адресованных маленьким детям. При этом собеседником ребенка обычно выступает животный персонаж, который на обращенные к нему вопросы отвечает шуточной песенкой (см. № 29).

Песенные вставки, исполняемые животными персонажами сказки, передаются часто не на родном языке рассказчика, а на другом диалекте или языке. Индиалектные слова и выражения в фольклоре азиатских эскимосов встречаются также в диалоге человеческих и животных персонажей и в косвенной речи, когда сказитель употребляет слова табуированного значения или так называемые слова духов. Табуированные слова встречаются чаще всего в волшебнo-мифологических сказках и шаманских преданиях.

* * *

Первые специальные записи текстов эскимосского фольклора относятся ко второй половине XIX и первой половине XX в. В 1875 г. в Лондоне были изданы тексты гренландских сказок, записанные Х. Рипком [19]. В ряде

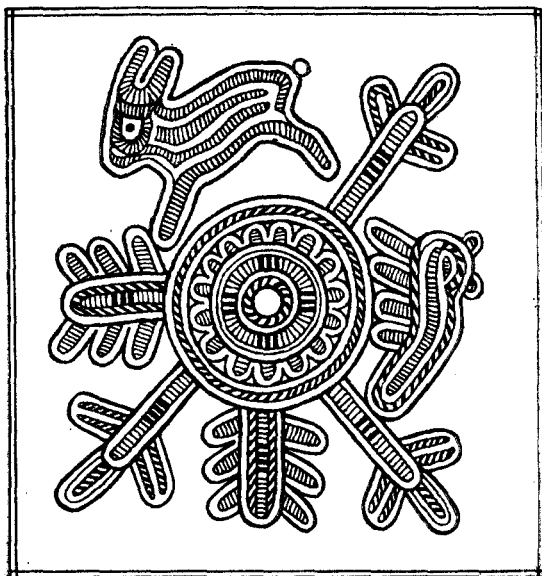
своих этнологических исследований о центральных эскимосах, особенно эскимосах Баффиновой Земли и Гудзонова пролива, публикует и комментирует серию текстов известный исследователь аборигенов американского Севера Ф. Боас. В 1924 г. Д. Дженнес публикует тексты сказок аляскинских и канадских эскимосов, собранных во время работы Канадской арктической экспедиции 1913—1918 гг. [17]. Р. Расмуссен публикует серию текстов эскимосов территориальных групп иглулик и карibu, записанных им во время его участия в работе Пятой экспедиции Туле в 1921—1924 гг. [20]. Наиболее полное и систематизированное по жанрам собрание фольклора грeнландских эскимосов публикует в 1951 г. датский этнолог Е. Холтвед, дважды (в 1935—1937 и 1947—1948 гг.) совершивший длительные экспедиции к малоизученной группе полярных эскимосов Грeнландии; собрание сказок Е. Холтведа опубликовано в двух томах, включающих эскимосский текст с подстрочником на английском языке и отдельно литературный английский перевод [16]. Значительное количество текстов канадских эскимосов с параллельным английским переводом в 1969 г. опубликовали З. Нунгак и Е. Арима [18]. Кроме того, тексты грeнландских и аляскинских эскимосов в качестве приложений к трудам по этнографии публиковались в разное время в работах ряда зарубежных исследователей.

Запись фольклорных текстов азиатских эскимосов впервые осуществил в 1901 г. известный русский этнограф В. Г. Богораз. Его тексты были опубликованы в 1909 г. [1а] и в 1949 г. [1]. В 1954 г. вышел большой сборник сказок азиатских эскимосов с подстрочником на русском языке, составленный Е. С. Рубцовой [10]. В разное время сказки азиатских эскимосов в оригинале и переводах публиковались составителем настоящего сборника [2—9; 13], которым за многие годы лингвистических экспедиций к эскимосам было записано на разных диалектах около двухсот текстов.

В настоящее собрание включены образцы фольклорных текстов грeнландских, канадских, аляскинских и азиатских эскимосов в записях Х. Ринка, Д. Дженнеса, Е. Холтведа, З. Нунгака и Е. Арима, Е. С. Рубцовой, Г. А. Меновщикова и Н. Б. Вахтина.

Составитель выражает глубокую признательность профессору Б. Н. Путилову, кандидатам исторических наук М. А. Членову и И. И. Крупнику за ценные замечания по всем разделам книги, которые учтены при подготовке ее к печати.

Г. Меновщиков

**сказки и мифы
азиатских
эскимосов**

1. Спор наваги и кита

Навага спросила кита:

— Кто из нас дает больше пищи людям?

— Пожалуй, я, — ответил кит. — У меня мяса очень много! Добыв одного кита, целое селение будет с мясом всю зиму.

Навага сказала:

— Я тебя так понимаю: твоего мяса хватает целому селению. Но ведь не все селения добывают тебя. Да и промыслять тебя могут только богатые, а о бедных ты даже и не думаешь.

Кит ответил:

— Если тебя одну поймают, то не только взрослый, но даже ребенок не насытится.

Навага снова сказала ему:

— Хотя взрослый человек и не насытится мною одной, но, подобно тебе, я не ищу, где лучше. Бедные ли, богатые ли — всем я даюсь в руки. Наваги идет сразу много, и все люди круглый год наедаются досыта.

Как только навага замолчала, кит ушел со слезами, разбитый. Все. Конец.

2. Ворон, жаждущий славы

Один ворон однажды запел:

Разожгите большой костер

И бросьте меня в огонь.

Да-да, да-да!

Спойте обо мне песню.

Пусть скажут обо мне:

«Голову помыл он,

В огонь прыгнул он!»

Пусть мои потомки

Всегда рассказывают обо мне!

Пусть мои потомки

Всегда рассказывают обо мне!

Кончил петь и сказал:

— Спойте же обо мне песню!

Затем ворон прыгнул в огонь и загорелся, запылал, только легкие его остались.

Другой ворон сказал:

— Спойте же ему его песню, ведь не может же он сам теперь петь.

А дети воропа не пели, а плакали.

Так все и кончилось. Конец.

3. Малые жители

Так было. Муха — старшина всех букашек и козявок. Однажды весной собрала муха козявок, блох, пауков, жучков и говорит: — Сегодня я устраиваю праздник. Вот мой посох состязаний¹ в беге. Кто выигрывает, тот получит от меня дорогие подарки!

Собрались козявки, блохи, пауки и жуки на праздник.

Муха на видном месте свой посох состязаний поставила. Около посоха подарки положила, говорит:

— Вот вы, блоха и козявка, вокруг земли обойдите, а вы жук и паук, все горы кругом обойдите. Когда это исполните, придете ко мне.

Блоха и козявка первыми побежали. Переваляли через холм, обошли его кругом и с другой стороны явились к землянке мухи. Пришли, тяжело дыша, уставшими притворились.

— Ох, как вы долго шли вокруг земли! — сказала муха.

А паук и жук тем временем большую гору огибали. Это все-навсего был небольшой холм, а они-то думали, что обходят все горы земли. Паук шел впереди, а жук устал и скоро совсем отстал.

Жук пришел последним.

Стала муха подарки раздавать. Козявке дала белую рубашку — и с тех пор козявка белая. Пауку подарила сетку — и с той поры паук стал ловить в нее комаров да мошек. А блохе муха дала свой посох состязаний. Только жуку муха ничего не дала и даже побранила его за то, что медленно бежал. Стал жук думать, отчего у него ноги плохо двигаются? С тех пор ходит он с опущенной головой, все на свои ноги смотрит.

4. Ворон и волк

Ворон катался с горы над обрывом и пел:

А-я-яли, а-я-яли, а-я-яли!

Ко-о-о-ий, а-я-яли!

К нему подошел волк и спросил:

— Можно я с тобой покатаюсь?

Ворон сказал:

— Нельзя тебе кататься. Не удержишься, в воду упадешь!
Волк обиделся на ворона и сказал:

— Да ведь у меня когти есть, тормозить буду. Я сильный, хорошо прокачусь, не упаду!

Ворон ответил:

— Ну что же, покатайся, а я посмотрю!

Покатился волк с горы к обрыву и запел:

— Интересно, интересно, га-ге, га-ге-а!

Не удержался пад обрывом, упал в воду и пошел ко дну. Через некоторое время вынырнул и стал просить ворона:

— Братец, вытащи меня! Братец, вытащи меня!

Ворон отвечает ему:

— Не вытащу тебя, ведь говорил, что упадешь!

Ледяной берег высок и крут, самому волку не выбраться. Плавает в студеной воде, просит:

— Братец, вытащи же меня!

Ворон на горе стоит, смеется:

— Не вытащу! Ведь говорил, что упадешь!

Волк замерз, совсем ослаб, плачет, вытащить просит:

— Братец, вытащи меня, ты хороший, умный, вытащи меня!

Ворон смеется, спрашивает:

— Что ты мне дашь?

Волк говорит:

— Шкуру заячью возьмешь у меня!

Ворон отвечает:

— Есть у меня заячья шкура, сам зайцев убиваю.

Волк просит:

— Братец, вытащи же меня! Отдам тебе за это свое охотничье снаряжение.

Ворон спокойно отвечает:

— Есть у меня охотничье снаряжение.

Волк совсем ослаб, замерз, плачет, просит ворона:

— Сестру мою возьмешь с тремя полосами на носу¹.

Ворон сжалился, говорит:

— Эх ты, раньше что же молчал? Вытащу тебя. Только сестру отдай мне!

Вытащил волка, воду из его шерсти выжал.

Волк ворона благодарит, а в душе сердится на него, хочет отомстить ему, потому что ворон смеялся над ним.

— К ночи приведу к тебе сестру,— сказал волк и ушел.

Пообещал он ворону сестру, а у самого никакой сестры нет. Пошел через ущелье, нашел ворожий помет. Из ворожьего помета женщину сделал. Копчил делать и повел женщину к ворону.

— Вот возьми мою сестру с тремя полосами на носу,— говорит ворону.

Ворон видит красивую девушку, говорит:

— Теперь у меня есть жена!

Волк попрощался, ушел, а ворон с женой стал чай горячий пить.

Напившись, спать легли на белые шкуры. В пологе у ворона жарко. Во время сна жена ворона растаяла.

Обиделся ворон на волка, решил отомстить ему.

Утром нашел ворон волка, спрашивает:

— В какую сторону ты идешь?

Волк отвечает:

— Сюда, через ущелье, а ты?

— Туда, через гору.

Волк пошел, а ворон облетел кругом горы и упал на пути волка тушей дикого оленя. Волк подошел, стал есть оленя. Всего съел и заснул.

А ворон в животе у волка каркает:

— Кар, кар, братец, это что у тебя?

Волк вскочил, отвечает:

— Кишки мои!

Ворон выбросил из волка кишки.

Снова каркает:

— Кар, кар, братец, что это у тебя?

Волк с болью отвечает ворону:

— Сердце мое, жизнь моя!

Ворон сердце вырвал. Волк упал и умер. Ворон же сделал дырку в его боку, вышел и, каркая, улетел. Так ворон победил волка.

5. Три пупочки

Жили три братца, три птички пупочки. Однажды старший братец ушел на охоту, а младшие вышли из своего домика на улицу. Самый младший запел вот так:

А-я-гу-на-а, а-я-гу-на-а,

Чьи это ножки, чьи это колени состязаются?

А-я-гу-на-а, а-я-гу-на-а,

Чьи это ножки, чьи это колени состязаются?

И когда младший братец так пел, приблизился ворон и сказал:

— Спой-ка еще разок!

И братец пупочка снова запел:

А-я-гу-на-а, а-я-гу-на-а,

Чьи это ножки, чьи это колени состязаются?

А-я-гу-на-а, а-я-гу-на-а,

Чьи это ножки, чьи это колени состязаются?

Пропел братец пупочка свою песню, а ворон опять сказал:

— А ну, еще раз спой!

И в третий раз запел братец пупочка, а когда песенка кончилась, ворон подхватил ее и улетел. Горько заплакал братец пу-

ночка о своей потерянной песенке. Тут вернулся с охоты старший брат и спросил:

— Отчего ты плачешь?

— Ворон отнял мою песенку, — сказал младший братец.

— Куда он улетел? — спросил старший.

— Вон в той стороне за горой скрылся, — сказал младший братец.

Старший брат сказал:

— А ну, подай мой лук!

Младший братец подал ему лук. И старший отправился искать жилище ворона. Шел, шел и увидел воронье жилище. Подошел. Вошел. Там сидит ворон и распевает песенку, похищенную у младшего братца. Тут старший братец прицелился и выстрелил в зажмурившегося от приятной песенки ворона. Ворон встрепетнулся и сказал:

— Эх, что это покалывает меня?

Старший брат снова выстрелил. А ворон опять говорит:

— Эх, что это покалывает меня?

Затем он зажмурился и зашел:

А-я-гу-на-а, а-я-гу-на-а,

Чьи это ножки, чьи это колени состязаются,
кар-кар-кар!

И тут в третий раз старший брат выстрелил и сразил ворона. Подошел, взял ворона и отрезал кончик его языка вместе с похищенной песенкой. Этот кончик языка взял и пошел домой. Дома младшему братцу отдал свою добычу. Младший братец съел кусочек вороньего языка и вдруг снова зашел. Песенка вернулась в дом пуночек:

А-я-гу-на-а, а-я-гу-на-а,

Чьи это ножки, чьи колени состязаются,
кок-кок-кок!

Так по-вороньему братец пуночка добавил припевку к своей песенке. Все.

6. Ворон и сова

Так, говорят, было. Жили в одном жилище ворон и сова. Дружно жили, не ссорились, добычу всегда вместе ели. И были обе птицы совсем белые. Так они жили дружно вдвоем и вот стали стариться.

Говорит однажды сова ворону:

— Состаримся мы, умрем, а дети и внуки наши будут на нас похожи: такие же, как мы, белые.

И попросила сова ворона, чтобы раскрасил он ее, красивой бы сделал. Согласился ворон. Взял он старый черный жир из све-

тильника⁴ и пером из своего хвоста начал раскрашивать сову. А сова сидит, замерла, не шелохнется. Весь день ворон сову разукрашивал. Кончил, сказал:

— Как только высохнешь, и меня покрась.

Согласилась сова. Высохли у нее перья, она и говорит ворону:

— Теперь я тебя раскрашивать буду. Зажмурься и сиди, не двигайся!

Сидит ворон, зажмурился, шелохнуться не смеет. А сова взяла плошку с черным жиром от светильника да на ворона все и вылила; с головы до ног черным сделала. Рассердился ворон, сильно обиделся на сову. И говорит:

— Эх, как ты плохо поступила! Я тебя так старательно разукрашивал, не ленился. Смотри, какая ты красивая получилась! Навсегда теперь между нами вражда ляжет! И внуки, и правнуки наши враждовать будут. Никогда вороны тебе не простят этого. Видишь, каким черным ты меня сделала, каким приметным. Теперь уж мы совсем чужие будем, враги навсегда!

Вот с тех пор все вороны черные, а все совы пестрые.

7. Ворон и евражка

Вот так. Евражка к реке пить пошла. Евражкино жилище тем временем ворон собою заслонил. Напилась евражка и вернулась к дому. Видит, ворон вход заслонил. Евражка воропу сказала:

— Уйди с дороги, я хочу в свое жилище войти!

Ворон сказал:

— Не пущу. Сначала жиру твоих пахов поем!

Евражка сказала:

— Еще раз говорю: пусти! Вот как запою, так и войду!

Ворон сказал:

— Что ж, пой!

Евражка запела:

Пахов моих жир

Захотел поесть.

Сий-ка-та-ка-так!

Сий-ка-та-ка-так!

Затем евражка сказала ворону:

— А теперь зажмурься, наклонись и растопырь поги!

Зажмурился ворон, нагнулся, растопырился.

А евражка ему опять:

— Посильнее зажмурься, хорошенько растопырься!

Ворон вот так зажмурился, вот так растопырился.

И снова запела евражка:

Пахов моих жир

Захотел поесть.

Сий-ка-та-ка-так!

Сий-ка-та-ка-так!

Приоткрыл ворон глаза. Евражка опять говорит:

— А ну давай поспльнее зажмурься, нагнись да хорошенько растопырься!

Ворон так и сделал. Опять евражка запела:

Пахов моих жир
Захотел поесть.
Сий-ка-та-ка-так!
Сий-ка-та-ка-так!

И проскочила между ног ворона, а он ухватил ее за хвост и оторвал. Заплакала евражка, входит в сени. Бабушка ее спрашивает:

— Что с тобой случилось?

Отвечает евражка:

— Ворон хвост у меня оторвал!

Бабушка спрашивает:

— Где этот ворон?

Евражка сквозь слезы говорит:

— Ой-ой-ой, там, снаружи! Сходи за моим хвостом!

Пошла бабушка. Ворону сказала:

— У тебя моей внучки хвост, отдай мне его!

Ворон говорит:

— Не отдам! Пусть сама придет! Аге-йя-йя, аге-йя-йя!

Бабушка вернулась, внучке сказала:

— Самой тебе велит прийти, аге-йя-йя, аге-йя-йя!

Взяла внучка круглый камень, кровь и кусок сухой кишки и своей бабушке принесла. Бабушка камешек в кусок кишки завернула, в крови намочила, как есть глаз получилась. Вынесла из жилища и ворона позвала:

— Дедушка!

Откликнулся:

— О-о-й!

Сказала ему:

— Отдай мне хвост моей внучки.

Снова ворон сказал:

— Пусть сама придет. Аге-йя-йя, аге-йя-йя!

Бабушка сказала:

— Давай на этот глаз поменяемся!

Ворон закричал:

— Дай-дай-дай-дай-дай!

Поменялись. Взял ворон глаз. Бабушка внучке хвост понесла.

Войдя, сказала:

— Вот, тебе хвост принесла! — и прикрепила ей хвост.

А ворон думает: «Где бы мне этим глазом полакомиться? Пожалуй, вон на том холме я его съем. Или, может, дочке отнести? Если отнесу, так самому ничего не останется. Пожалуй, здесь съем». Держит ворон глаз, а с него кровь капает. Ворон от удовольствия вот так причмокивает: «Лу-йуп, лу-йуп!» Решил: «Вот сейчас и съем!» Начал глаз есть, да как закричит:

— Ам-ла-хым-м-м, ам-ла-хым-м-м, из-за этой девчонки все свои зубы сломал!

Выплюнул зубы с кровью. Так без зубов и прожил. Конеч.

8. Ворон с чайкой

У ворона с чайкой яранги далеко одна от другой находились. Пошел ворон к чайке в гости. Пришел, видит: пять дочерей чайки около яранги играют. Ворон старшей девушке сказал:

— Как тебя зовут?

Девушка ответила:

— Мамана!

— А других?

— Мы все Маманы!

— Твоих отца и мать как зовут?

— Маманами!

Вошел ворон в ярангу. Чайка-хозяин радушно ворона встретил, жене своей сказал:

— Свари еды для гостя!

Высунулась его жена из яранги, позвала:

— Мамана!

Вошла старшая дочь. Мать тотчас убила ее, припаялась разделывать, да так, чтобы кровь не капнула и шкура не порвалась. Стала варить. Шкуру, как спящего ребенка, у задней стены положила. Когда сварилась еда, стал ворон есть, все съел, ни капли не оставил.

Зовет чайка дочь:

— Маман, дай тряпку-травянку, чтобы гость вытерся.

Села девушка, тряпку отдала, из яранги бегом выскочила. Когда собрался ворон в обратный путь, чайка-хозяин сказал ему:

— Я тоже к тебе приду.

Вышел ворон. Пришел домой, своей жене сказал:

— Когда чайка придет, старшую дочь позови, убей ее, разделай, свари. Ее шкуру у задней стены положи. Чайка кончит есть, скажи девушке: «Тряпку-травянку дай!» А вы, дочки, когда чайка спросит, как зовут, отвечайте, что все мы Маманы.

На следующий день чайка-хозяин пошел к ворону. Приходит, видит: на улице около яранги его дочери играют. Старшую спросил:

— Как тебя зовут?

— Я Мамана!

— А других?

— Мы все Маманы!

— Вашу мать, вашего отца как зовут?

— Они Маманы!

Вошел чайка-хозяин в ярангу. Встретил его ворон радушно, жене своей сказал:

— Свари для гостя еды!

Высунулась его жена из яранги и позвала:

— Мамана!

Пришла старшая дочь. Убила ее мать. Принялась разделывать, да так, чтобы кровь не капнула, шкура не порвалась. Кончила, положила ее шкуру в угол, как спящего ребенка. Стала варить. Недоваренным мясом вынула. Дала чайке. Чайка-гость все не съел. Позвала воропиха свою дочь:

— Мамана! Дай гостю тряпку-тряпанку!

Не отозвалась дочка. Еще громче позвала:

— Мамана! Тряпку дай.

Заплакали ворон с женой. Чайка-гость выскочил, поспешно домой ушел. Пришел, детей взял, жену взял, обо всем им рассказал. Убежали чайки на берег. С тех пор стали жить в воде. Ворон свою дочь, оказывается, убил. Тьфу.

9. Рыбка, лисица и ворон

В одном селении жили три товарища — рыбка, лисица и ворон. Однажды ночью, когда все жители села крепко спали, рыбка вышла на улицу и пошла в тундру. Долго шла по тундре рыбка в эту ночь. Как только начало светать, рыбка увидела впереди огонек. Она направилась к этому огоньку и увидела землянку. Подошла она к землянке и села около нее. В это время из землянки вышла девушка с кривым ртом. Рыбка сказала девушке:

— Ох, какая ты красивая!

Девушка вернулась в землянку и сказала отцу:

— Около нашей землянки сидит рыбка. Она сказала мне, что я красивая девушка.

Отец сказал своей дочери:

— Скажи рыбке, чтобы она вошла в землянку!

Девушка вышла на улицу и обратилась к рыбке:

— Заходи, рыбка, к нам в землянку!

Рыбка встала и пошла за девушкой. Когда она вошла, то хозяин сказал ей:

— Сними свою кухлянку и зайди в полог!

Сняла рыбка кухлянку и вошла в полог. Хозяин сказал ей:

— Я на улицу схожу!

Рыбка спросила:

— Зачем?

Хозяин ответил:

— В пологе очень жарко, пойду проветрюсь!

Хозяин вышел в сени, взял рыбкину кухлянку, натянул ее на себя и крикнул рыбке:

— Эй, посмотри сюда, каков я стал!

Увидела рыбка хозяина в своей кухлянке и сказала:

— Ох, и хорош ты стал!

Хозяин сейчас же приказал своей жене:

— Накорми рыбку хорошенько и дай ей мяса на дорогу!

После этого рыбка вышла. Ей дали много мяса, и она отправилась домой. Дома лисица спросила ее:

— Где ты раздобыла мясо?

Рыбка ответила:

— Далеко отсюда в гостях я была, там мне мяса и дали.

Рассказала рыбка, как она хвалила хозяина землянки и его дочку. Выслушав рыбку, лисица отправилась к той же землянке. Вышла она ночью и долго шла по тундре, а на рассвете увидела впереди огонек. Лисица — к этому огоньку. Подойдя, увидела землянку и села около нее. В это время из землянки вышла девушка с кривым ртом. Лисица сказала девушке:

— Ох, какая ты красивая!

Девушка вернулась в землянку и сказала отцу:

— Около нашей землянки сидит лисица. Она сказала, что я красивая девушка.

Отец сказал своей дочке:

— Скажи лисице, чтобы вошла в землянку.

Девушка вышла и пригласила лисицу в землянку. Когда лисица вошла, хозяин сказал ей:

— Сними свою кухлянку и зайди к нам в полог.

Сняла лисица кухлянку и вошла в полог. Хозяин сказал ей:

— Я на улицу выйду!

Лисица спросила:

— Зачем?

Хозяин ответил:

— В пологе очень жарко, пойду проветрюсь.

Вышел хозяин в сени, взял лисью кухлянку, натянул ее на себя и закричал:

— Эй, гостья, посмотри сюда, каков я стал!

Увидела лисица хозяина в своей шкуре и сказала:

— Ох, и хорош ты стал!

Хозяин тотчас же приказал своей жене:

— Накорми лисицу хорошенько и дай ей мяса на дорогу.

Накормили лисицу досыта, дали ей на дорогу мяса, и отправилась она домой. А когда пришла домой, ворон спросил ее:

— Где ты раздобыла мясо?

Лисица ответила:

— Далеко отсюда в гостях была, там мне и дали.

И рассказала она, как хвалила хозяина землянки и его дочку.

Выслушав лисицу, ворон отправился к той же землянке. Вышел он ночью и долго шел по тундре, а на рассвете увидел впереди огонек. Направился ворон к этому огоньку. Подойдя, увидел землянку и сел около нее. В это время из землянки вышла девушка с кривым ртом. Ворон сказал девушке:

— Ох, какая ты безобразная, некрасивая!

Услышав это, девушка заплакала, вбежала в землянку и сказала отцу:

— Там у нашей землянки ворон сидит. Он сказал, что я безобразная и некрасивая.

Отец сказал:

— Позови ворона в землянку!

Девушка позвала ворона. Когда он вошел, хозяин сказал ему:

— Сними свою кухлянку и заходи в полог!

Ворон снял кухлянку и вошел в полог. Когда он вошел, хозяин сказал:

— Я на улицу схожу.

Ворон спросил:

— Зачем?

Хозяин сказал:

— В пологе очень жарко. Я пойду проветрюсь.

Вышел хозяин в сени, натянул на себя вороноью шкуру и закричал:

— Эй, гость, посмотри сюда, каков я стал!

Ворон высунул голову из полога и начал хохотать:

— Ха-ха-ха, на иглу ты похож, совсем безобразным стал!

Рассердился хозяин и сказал жене:

— Не корми его мясом и не давай ничего на дорогу!

Остался ворон без угощения и без подарков. Выйдя из землянки, заплакал ворон и пошел голодный домой.

Все. Конец.

10. Ворон Кошки

Жил-был ворон Кошки с женой да с двумя мальчиками. Вот однажды Кошки послал жену за бубном к двоюродному брату. Жена вышла, но была большая пурга, ее подхватило около самой яранги и понесло. Полетела она над землей в северном направлении, уносимая ветром.

Когда она пролетела так долгое время, стало тепло. Посмотрела наверх и увидела там орла. Орел спросил ее:

— Куда ты летишь?

Жена ворона ответила:

— Кошки послал меня к двоюродному брату взять бубен.

Орел сказал:

— Я, пожалуйста, могу проводить тебя к двоюродному братцу Кошки, полезай ко мне!

Жена ворона согласилась и влезла орлу под крыло, забралась в самый пух. Орел полетел. Прилетели они к гнезду орла. Взял орел жену ворона Кошки себе в жены. Так она и осталась жить здесь.

У орла была своя жена и подросток-сын. Орел постоянно охотился за дикими оленями. Однажды он вернулся с охоты и сказал жене ворона:

— Я хочу привести сюда тех двух мальчиков, сыновей Кошки.

Жена ворона сказала:

— Нельзя этого делать — Кошки останется одиноким!

Не послушался ее орел, не пожалел Кошки. Назавтра он снова полетел на охоту, встретил двух мальчиков-воронов, взял их и принес к себе.

Тут они стали жить. Втроем они добывали лосей; третий был сын орла. Орел им сказал:

— Не ходите в северную сторону. В той стороне живет очень злой белый орел, убьет он вас.

Выслушали они его. И однажды, когда все трое полетели за оленями, сын орла сказал:

— Полетим в северную сторону!

Как ни спорили с ним воронята, он и их уговорил. Полетели они на север. Долго летели и вдруг услышали крик белого орла:

— Гей, гей, если постигну, заберу вас!

Воронята были очень быстрыми. Орленок отстал от них, и белый орел схватил его. Домой воронята прилетели вдвоем. Когда они вошли, орел спросил их:

— Где же мой сын?

Воронята говорят:

— Белый орел поймал его!

Тут орел сказал:

— Да, плохое дело. Его уж и в живых нет! Ешьте посытнее, выпитесь получше, завтра к побратиму отправлю вас.

После этого братья-вороны плотно поели и крепко уснули. Утром, когда они встали, орел позвал их:

— Я расскажу вам, как путь держать. Сейчас вы полетите сначала вверх, а когда земля станет маленькой, летите вниз, на юг.

Полетели воронята в сторону берега. Потом вверх полетели. Долго летели, а когда земля стала совсем маленькой, они начали опускаться вниз, к югу. Снова долго летели над землей. И вот впереди показалось море. Полетели воронята над морем.

Стали они уставать. Вот уж и прибой совсем близко, и берег виден. Тут младший брат упал в прибойную волну, а старший уже гребни волн крыльями начал задевать. Кое-как выбрались они на берег. Побегали, поели морской капусты и уснули прямо на берегу. Затем проснулись, поели и снова уснули.

Отдохнули, полетели дальше. Впереди увидели ярангу. Вошли в нее. Там была женщина — жена второго орла. Она накормила воронят, напоила, а сама торопит, чтобы орел не застал их и не убил.

Говорят ей воронята:

— Не своей волей мы пришли! Орел послал нас к побратиму. Белый орел утащил у него сына.

Женщина сказала:

— Ну, тогда ждите!

Поели воронята и легли спать. Только уснули они, прилетел второй орел, стал кашлять и чихать. Говорит:

— Эге, гости здесь, и впервые!

Вошел. Женщина сказала ему:

— Это послы. От твоего побратима прилетели. Зовет он тебя на помощь. Белый орел сына его унес.

Орел сказал:

— Да-а, плохое дело. Того уж нет теперь. Вари мясо, разбуди гостей, пусть едят.

Встали воронята, наелись и вышли погулять.

В полдень второй орел сказал жене, посмотрев на воронят:

— Не этим с белым орлом тягаться, они и бегать-то не умеют!

Затем он сказал воронятам:

— Сейчас жена будет резать мясо. Пока она режет, вы должны добежать вон до той дальней горы и обойти ее кругом. Бежать быстро надо, чтобы вернуться, пока вода в котле не закипела.

Стала хозяйка мясо резать, а воронята побежали. Вот хозяйка порезала мясо, стала его варить. Сварилось мясо, а воронят еще и не видно. Вынула мясо хозяйка, студить положила. Остыло мясо, а братьев все нет. К ночи воронята наконец прибежали обратно. Поели, отдохнули и крепко уснули.

Наутро орел снова заставил их бегать.

Опять хозяйка порезала мясо. Опять воронята побежали до той горы, что орел показал. Сварилось мясо, да не успело еще остыть, как братья уже вернулись. Поели и здесь дневали и ночью спали.

На другой день опять орел заставил воронят бегать. На этот раз мясо еще не сварилось, а они уже вернулись. Отдохнули, выспались, а утром опять бегать взялись. Мясо совсем еще сырым было, как они уже вернулись. Поели, отдохнули, а ночью спали.

И снова утром бегали до горы. Мясо только что в воду хозяйка бросила, а они уже вернулись. И снова бегали на следующее утро. На этот раз, пока мясо резали, они уже вернулись. Утром бегали снова. Так воронята бегать быстро научились, что, пока хозяйка нож подтачивала, чтобы мясо резать, они возвращались к яранге.

Второй орел сказал тогда:

— Не потягаться вам с белым орлом: силы еще мало у вас! Попробуйте поднять вон тот большой камень. Если поднимете, принесите его к яранге.

Утром рано воронята за камень взялись. Один когтями вцепился в камень и пытался с ним взлететь, но не поднял его. Другой спустился, вцепился в камень и пошатнул его. Снова первый

вцепился в камень, взлетел с ним и бросил. Второй на лету подцепил камень. Так попеременно спускали они камень, затем бросили его позади яранги.

Когда они вошли, второй орел сказал им:

— Теперь довольно, пожалуй! Завтра полетим!

Поели, посидели, с наступлением ночи легли спать. Утром поели и отправились. Воронята так летели, что орел стал отставать.

Взяли воронята орла на спину: попеременно несли. Прилетели к берегу, на сушу. Отдохнули. Снова воронята хотели поднять орла, но он не согласился. И воронята первыми прилетели в свою ярангу. Когда они вошли, орел спросил их:

— Где же мой побратим?

Они ему говорят:

— Сейчас он придет!

— Почему вы не несли его на себе?

— Потому что не согласился он.

Посидели они немного, и вошел побратим орла. Положили ему к стене полога свежие оленьи шкуры. Лег он, облокотившись. Говорит воронятам:

— Почему бы нам не позвать Кошкили?

Воронята согласились позвать Кошкили. Полетели и вскоре приблизились к его яранге. Вошли. Поздоровался Кошкили с сыновьями и спросил:

— Почему и зачем прилетели?

— У твоего двоюродного брата белый орел сына отнял.

Говорит Кошкили:

— Да-а, плохое дело! Того уж нет теперь!

Поели, и Кошкили вышел, а за ним вышли и воронята. Подняли Кошкили-ворона и полетели в северную сторону. Так быстро летели, что у Кошкили чуть голова не оторвалась.

Прилетели к орлу, вошли в полог. Положил хозяин для Кошкили оленью шкуру к стене полога. Кошкили, облокотившись, лег. Затем поели и легли спать. Орел-хозяин вернул Кошкили его жену, когда они ложились спать. Наутро внятером полетели на север. Когда они подлетели к дому белого орла, орел-хозяин, два вороненка и второй орел спрятались. Вошел к белому орлу только Кошкили. Подошел к яранге, стал рыться в мусорной яме. Вышла жена белого орла, увидела Кошкили, пригласила войти. Кошкили вошел. Тут белый орел спросил его:

— Зачем пришел?

Кошкили отвечает:

— Просто пришел, голоден я.

Белый орел сказал:

— Ах, Кошкили, Кошкили, недаром говорят, что ты хитрый!

Что же, поешь!

Кошкили стал есть. А когда насытился, сказал:

— М-м-м, живот у меня сильно бьлит! Выйду я пока!

Белый орел не пускал его, но Кошкили вышел из яранги. Тут увидел он орленка, похищенного белым орлом.

Кошкили сказал орленку:

— Попроси белого орла, чтобы завтра позволил тебе отдыхать. И как только белый орел уйдет на охоту, тотчас убегай. Вот за тем холмом ожидают тебя товарищи!

Согласился орленок. Кошкили вошел обратно в полог. Белый орел снова сказал:

— Кошкили, Кошкили, всегда ты всех обманываешь!

На другой день орленок попросил белого орла, чтобы тот оставил его днество. Белый орел ответил:

— Ну что ж! Полечу я поохотиться в сторону моря!

Орленок остался отдыхать. Белый орел полетел, и, когда скрылся, Кошкили и орленок вышли и убежали к ожидавшим их товарищам. И вот, когда вшестером были они уже далеко, вдруг услышали голос белого орла:

— Ух, ух, Кошкили, жизнь отниму я твою! Если настигну, убью я тебя!

Услышав крик белого орла, еще быстрее полетели. Но Кошкили отстал, и белый орел настиг его и хотел было схватить, но тот перевернулся когтями вверх, и белый орел проскользнул. Так, перевертываясь в воздухе, бились. Увидели воронята в беде родного отца — Кошкили, ринулись на белого орла. Подлетев, схватили его с той и с другой стороны за плечи и поломали белому орлу руки-крылья. Начал белый орел падать. Догнали они его, вцепились в орлиное тело и добились его. Белый орел упал на землю.

Все полетели к себе домой. Орел-хозяин сказал Кошкили:

— Ты с женой и детьми лети к своему дому!

Действительно, отправились они. И дома у себя хорошо стали жить все вместе.

Все. Конец.

11. Ворон и лиса

Так вот, жили в одном жилище ворон и лиса: ворон занимал одну половину, лиса — другую. Ворон — рыбак. Возьмет он свое сиденье за спину да и идет рыбу ловить. Вернется домой, сядет в своем углу, приготовит рыбьей строганины и ест с удовольствием. А лиса из своей половины и говорит ему:

— Ох, как вкусно тебе, какой приятный запах от рыбки идет!

Ворон отвечает:

— Да уж помалкивай, угощу и тебя!

Долго выбирает рыбку помельче и кладет ее около лисы:

— На, ешь!

Лиса берет. Самая маленькая рыбешка ей досталась! Она ест эту рыбку долго, понемножку, со вкусом. А ворон-рыбак ест столько, сколько влезет.

Отоспится ворон как следует, а назавтра слова идет на рыбную ловлю. Приходит с охоты, и все начинается сначала: сам ест досыта, а лисе самую маленькую рыбешку дает. Лиса ест ее долго и понемножку.

Однажды, когда ворон крепко-крепко спал, встала лиса в полночь и решила сама половить рыбки. Взяла она рыболовные снасти воропа и отправилась к проруби. Опустила удочку в лунку. Ловит, ловит, а рыбка не попадается. Лиса и думает: «Наверное, ворон не так просто ловит. А ловит и приговаривает: „Ваю, ваю, ваю, вай!“» Стала лиса так приговаривать. Вдруг сильно кинуло, потянула лиса удочку. Еле-еле вытаскивает. Вот-вот рыба из воды покажется! Вытащила наконец, а она как заплачет человеческим голосом! Бросила лиса снасти и кинулась бежать домой. Прибежала, тихонько вошла, разделась и легла. Крепко заснула.

Ворон утром встал, поел рыбы, собрался было идти рыбу ловить, а снастей нет. Стал он их искать. Искал, искал, не нашел. Позвал лису:

— Нутен, Нутен! Где мои снасти?

Лиса откликнулась:

— Не знаю где.

Ворон стал лису строго допытывать:

— Если не скажешь, побую тебя!

Лиса отвечает:

— Ага, вспомнила! Этой ночью я ходила рыбку ловить, попалось мне что-то на удочку, стало плакать человеческим голосом. Я и выбросила снасти в прорубь.

— Что теперь с тобой делать? Как же мы проживем без снастей? — расстроился ворон.

Вышел ворон из жилища и думает: «Куда же мне пойти?» И пошел он вверх по речке.

А лиса подсмотрела, куда он пошел. Шел, шел ворон и увидел маленькую ярангу. Подходит, а около яранги прогуливается хозяйюшка, да такая грязная, косматая, мокроносая. Из носу чуть ли не до подбородка течет. Одна штанина ниже, другая — выше. Подходит к ней ворон и говорит:

— До чего же красивая женщина! Сколько лет живу на свете, такой красавицы не встречал.

Женщина говорит:

— Ну, пойдем в жилище! Верхнюю одежду в сених сними.

Снял ворон кухлянку, положил на дрова, затем вошел в полог, но не успел и осмотреться, как хозяйюшка позвала его из сеней. Высунул ворон голову из-под полога и видит: надела женщина его кухлянку и красуетя, повертываясь из стороны в сторону. Ворон посмотрел, посмотрел на нее и сказал:

— Какая красавица! Надела мою кухлянку и теперь еще краше стала! Наверное, я не так носил свою одежду, как надо!

— Теперь залезай в полог, — сказала хозяйюшка.

Ворон снова влез в полог, а хозяйюшка начала что-то толочь в сених. Затем принесла в полог на деревянном блюде много рыбы. Стал ворон есть.

— Как много у тебя рыбы! — говорит ворон.

— Я тебе дам с собой, — отвечает хозяйюшка.

Наелся ворон, вышел в сени и надел свою кухлянку. Хозяйюшка тем временем принесла из кладовой большую охапку рыбы. Нагрузился ворон и пошел домой. Вернулся с едой, а лиса уже тут как тут. Говорит она ворону:

— Ах, как вкусно пахнет рыбкой!

Ворон отрезал от одной рыбки хвост и дал лисе.

Как только ворон уснул, вышла лиса потихоньку из яранги и отправилась по его следу. Поднялась вверх по речке и увидела ярангу. Смотрит, а около яранги прогуливается хозяйюшка. Лиса подошла к ней и говорит:

— Ты бы хоть нос свой мокрый вытерла!

Хозяйюшка говорит:

— Ну, пойдем в ярангу!

Зашли в сени.

— Кухлянку сними и положи вот сюда, — сказала хозяйюшка.

Сняла лиса кухлянку и вошла в полог.

Хозяйюшка говорит из сеней:

— А ну, выгляни в сени!

Высунула лиса голову, увидела, что хозяйюшка надела ее кухлянку, и закричала:

— Ой, зачем ты мою кухлянку надела? Ведь ты всю ее вымажешь! Вон как у тебя из носа капает!

— Ну, иди в полог, — сказала хозяйюшка.

Вдруг послышался треск, стала яранга разваливаться. Выскочила лиса из полога, видит — нет никакой яранги, вместо нее река течет. Лиса быстро свою кухлянку надела, но тут ее подхватило течением и понесло. Кое-как выбралась она на берег, принялась намокшую шерсть вытирать, досуха все равно не вытерлась, так мокрая и осталась.

Вернулась лиса домой и тотчас спать легла. Уснула, а с мокрой шубы вокруг нее лужа натекла. Наутро ворон проснулся, посмотрел на лису и говорит:

— Нутен, Нутен! Что с тобой случилось?

Лиса отвечает:

— Да меня река чуть не унесла!

— Всегда ты все портишь, мешаешь мне еду добывать, — рассердился ворон.

Уснула лиса. Вышел ворон из яранги, опять стал думать, куда бы ему теперь за едой пойти. Отправился он в одну сторону и увидел посреди тундры большую землянку. Взлетел ворон на землянку и стал смотреть в отдушину. Видит: внутри землянка просторная и ходят там по кругу олени, очень много оленей. А посреди круга женщина сидит и свои длинные волосы расчесы-

вает. Ворон думает: «Что же мне делать, как быть?» В это время внизу по кругу небольшой олень проходил. Плюнул ворон в него. Олень сразу упал. Женщина встала, посмотрела, а олень мертв. Закрутила она узлом свои волосы, взяла этого оленя, вынесла на улицу и выбросила. Ворон освежевал оленя, нагрузился мясом, оставил на месте шкуру и вернулся домой.

Лиса все еще спала. Ворон наварил мяса и стал есть. Лиса тем временем проснулась и говорит:

— Ах, как вкусно пахнет оленьим мясом!

— Помолчи уж, лисичка, дам я тебе мяса,— сказал ворон.

Затем отрезал кусочек и дал лисе. Съела она этот кусочек и легла спать.

Как только ворон заснул, лиса опять по его следу отправилась. Вот идет она и видит посреди тундры огромную землянку. Взобралась она на землянку, посмотрела в отдушину: посреди землянки женщина сидит и свои длинные волосы расчесывает, а по кругу олени ходят, много оленей. Думает лиса: «Как же это ворон добыл оленя?» Как только стал под ней самый крупный олень проходить, лиса плюнула на него. Олень со стоном упал. Женщина встала и говорит: «Почему это олени замертво падают?» Взяла оленя за ноги, выволокла на улицу и выбросила.

Подошла лиса к оленьей туше, связала ремнем, хотела на спину взвалить, да никак сдвинуть с места не может. Подумала лиса: «Позову женщину, пусть поможет мне ношу на спину взвалить». Подошла она к отдушине и видит: продолжает женщина волосы расчесывать. Лиса кричит:

— Эй, кто там?! Эй, кто там?!

Женщина отозвалась. Лиса сказала ей:

— Пойди сюда, помоги мне на спину оленя взвалить!

— Подожди, сейчас приду, помогу! — сказала женщина.

Надела она обувь, взяла с собой доску, на которой шкуры выделывают, и вышла.

— Ты пока надень ремни да голову наклони пониже,— сказала лисе женщина. Лиса накинула на себя ремни и наклонила голову. Подошла женщина к лисе да как стукнет ее доской по голове. Лиса тотчас ума лишилась, а из носа кровь потекла. Через некоторое время очнулась лиса. Сбросила с себя ремень от ноши и пустилась в обратный путь. Нос у нее в крови, а голова трещит, раскалывается. Пришла она в ярангу и спать легла. А ворон проснулся и говорит:

— Нутен, Нутен! Что ты снова натворила?

— Ничего,— говорит лиса.

— Да ты же вся в крови! Все ты мне портишь, мешаешь еду добывать! — опять рассердился ворон.— Не живи больше со мной, уходи в тундру. Не пуццу тебя сюда, плохая ты! Будешь теперь бродячей жизнью жить! А ну, собирайся и уходи!

Вышла лиса из яранги, так и стала в тундре бродячей жизнью жить. Все. Слышал я это в таком виде.

12. Бычок и лисичка

Шла однажды маленькая лисичка по берегу озера, а в это время бычок из воды высунулся. Лисичка запела ему:

Быче-быче-бычок,
Большепузый!
Быче-быче-бычок,
Большеротый!
А костями давишься!

Бычок ей отвечает:

Глаза твои круглые,
Волосы твои косматые!

Заплакала маленькая лисичка и убежала. Мать дома спрашивает ее:

— Чего ты плачешь?

— Как же мне не плакать? — отвечает. — Бычок сказал мне, что глаза у меня круглые, волосы косматые.

Мать ей говорит:

— Ты, паверное, сама первая ему что-нибудь сказала!

Лисичка ответила:

— Да я ему всего и сказала: «Большепузый, большеротый!»

13. Хитрая лиса

Так было. Жили по соседству лиса, волк, медведь и лось. Шла однажды лиса по берегу моря и видит, что волной на прибрежный лед рыбу выкинуло.

Лиса обрадовалась:

— Эге, вот и еда мне будет!

Взяла в зубы рыбу и пошла дальше. Волка повстречала.

Волк спрашивает:

— Откуда, соседка, рыбу несешь?

Отвечает лиса:

— В море поймала! Села на льдину, опустила хвост в воду, целую ночь просидела, а к утру столько паваги мне на хвост попало, что я досыта наелась, да еще и осталось.

Волк просит:

— Дай мне!

Лиса говорит:

— Стыдно тебе просить, сосед! У тебя такой длинный хвост! Ты больше меня наловишь, коли возьмешься!

И побежала лиса в тундру, к своей норке.

Волку делать нечего. Сунул он в ледяную воду свой хвост и стал ждать. Долго сидел, думал — рыбу ловит. Уже светать стало. Хотел волк вытащить хвост, а хвост ко льду примерз! Рванулся волк изо всех сил и оторвал хвост. Заплакал от боли. По лисьему следу побежал. «Ну, — думает, — проучу обманщицу!»

А лисица сидит в норе. Прибежал волк, говорит ей:

— Вот убью тебя я за обман! И рыбы я не поймал, и без хвоста остался!

А хитрая лиса прищурила один глаз и говорит:

— За что же ты убить хочешь меня? Что я тебе сделала?

Волк кричит:

— Ведь из-за тебя я хвост отморозил!

Лиса отвечает:

— Разве ты не видишь, что я одноглазая и не выхожу на берег?! Ты ошибся. Видела я, как вчера мимо моей норы другая лиса бежала. Вот та и обманула тебя! Поищи-ка лучше ее.

Волк побежал, а лиса — следом за ним. Бежал, бежал волк, ослабел и упал. Так здесь и подох.

Бежит лиса по тундре, а навстречу ей лось. Спрашивает лось лису:

— Не знаешь ли, соседка, где тут мох растет?

Лиса говорит:

— Идем на ту гору. Покажу я тебе, где много мха.

Взошли они на гору, лиса и говорит:

— Вон там, внизу, в долине, мха сколько хочешь! Пошли, я первая спущусь, потом ты.

Спустилась лиса вниз и кричит лосю:

— Эй ты, рогатый! Отойти-ка на двадцать шагов правее и спускайся! Тут лучше.

Послушался ее лось и начал вниз спускаться. А тут обрыв был. Сорвался лось и полетел с отвесной скалы, упал и разбился. А лиса радуется: «Сколько мяса, сколько жиру, вот мой праздник пришел! Рогатый глупец сам в пищу превратился!»

Наелась лиса свежатины. Захватила с собой лосиные потроха и пошла по тундре.

Навстречу ей бурый медведь. Увидел медведь лису и просит:

— Ой, соседка, угости меня потрохами!

Лиса говорит:

— Это я свои потроха вытащила. Если хочешь, сделай то же самое.

Медведь говорит:

— Ведь больно!

А лиса ему:

— А я тебе помогу. Терпи только!

— Ну давай! — говорит медведь.

Лиса живот медведю вспоролла и начала вытягивать кишки.

Медведь кричит:

— Ох, не могу, ох, больно!

Лиса радуется, говорит:

— Вот, косолапый, я тебя и убила!

Медведь околел, а лиса на целую зиму мяса и жира себе запасла.

14. Лиса-обманница

Так, говорят, было. Лиса шла по берегу озера и на льду нашла двух мерзлых рыбок. Взяла она рыбок и поднялась с ними на берег. Там села и стала поедать свою паходку. Мимо шел волк, увидел лису с рыбками и спросил:

— Чем это ты, лиса, насыщаешься?

Лиса ответила:

— Рыбой забавляюсь!

Волк снова спросил:

— А откуда у тебя рыба?

Лиса ответила:

— Да вот толстую кишку свою когтями зацепила и вынула. Оказывается, рыбы много там было. Попробуй и ты вытянуть свою толстую кишку, там и рыбку найдешь.

Волк отошел в сторону, зацепил когтями свою толстую кишку и вытянул ее. От этого на месте и скончался.

Тем временем мимо проходил другой волк. Увидел он, что лиса рыбу ест, спросил ее:

— Откуда ты рыбку раздобыла?

Лиса ответила:

— Да вот посреди озера продолбила я прорубь, засунула туда свой хвост и стала им медленно покачивать, пока не потяжелел. Когда потяжелел хвост, стала вытаскивать его. Оказалось, что к нему рыба примерзла. Вот и ем теперь рыбку.

Волк тотчас на середину озера побежал, прорубь там продолбил, хвост в прорубь засунул и стал им потихоньку покачивать. Хвост становился тяжелее и тяжелее, а затем стал уж совсем неподвижным. Хотел волк вытянуть хвост из проруби, но тот не поддавался. Тогда он потянул его так сильно, что шкура на хвосте лопнула, и волк вытянул только голый хвост. Ох же как рассердился волк! Стал он лису догонять. Приблизился к лисе, а она притворилась кривой. Волк подбежал к ней и закричал:

— Ах ты обманница!

А лиса и спрашивает:

— Кто это обманница?

Волк говорит:

— Ведь ты же мой хвост обесшкурула!

Лиса в ответ:

— Да разве ты не видишь, что я кривая?! Это, наверно, брат мой обманул тебя. Беги ищи его.

Лиса умолкла. А волк ни с чем так и ушел. Все.

15. Бычок и волк

Так вот, говорят, было. Повзвудился старый волк на озерный берег ходить. Пошвет воды и смотрит на свое отражение в озере. Однажды его увидел бычок и стал думать, как бы посмеяться над

старым зверем. Пошел бычок к своим соседям-бычкам и сказал им:

— К нам на берег часто приходит старый волк. Я хотел бы посостязаться с ним в беге. Только если он будет спрашивать: «Бычок, где ты?», отвечайте ему из воды: «Я здесь, я здесь!»

И вот волк снова пришел на берег. Бычок предложил ему:

— Давай, волк, посостязаемся, кто быстрее бегаёт. Ты беги вдоль берега, а я в воде поплыву.

Волк подумал и согласился. С одного места побежали они, но бычок тотчас остановился. Волк из всех сил бежит, задыхается, спрашивает:

— Эй, бычок, где ты?

— Здесь я! Здесь я! — отвечают ему другие бычки.

Волк совсем уж задыхается, но бежит и спрашивает:

— Бычок, бычок, где ты?

А впереди него бычки отвечают:

— Здесь я! Здесь я!

Волк все силы растерял, упал и едва дышит, совсем уж умирает. А бычки-обманщики смеются над ним. Говорит один бычок волку:

— Ну беги же, волк, может, обгонишь меня!

Но волк молчит, задохнулся. Все.

16. Лисичка

Лисичка над берегом по холмику прогуливалась. Посмотрела на море и увидела гребцов на байдаре. Побежала лисичка к воде, а байдара тем временем с нею поравнялась. Закричала лисичка:

— Гребцы, гребцы, посадите меня!

Рулевой ответил ей:

— Наша байдара плохая, подожди следующую!

Побежала лисичка по берегу и увидела другую байдару. Увидев, закричала:

— Гребцы, гребцы, посадите меня!

Рулевой ответил ей:

— Наша байдара плохая, подожди следующую!

Лисичка подумала: «Уж очень устала я, когда же наконец в байдару сяду!»

Тем временем на море третья байдара показалась. Увидев байдару, лисичка закричала:

— Гребцы, гребцы, посадите меня!

Рулевой ответил ей:

— Эгей, сейчас посадим!

Причалила байдара к берегу, и лисичка прыгнула в нее.

Рулевой сказал гребцам:

— Посадите лисичку в середину и парусами-крыльями накройте ее. Дорога будет длинной. Пусть лисичка бьет в бубен и песни поет, чтоб дорога короткой показалась.

Лисичка сказала:

— И правда, буду в бубен играть и песни петь.

Накрыли гребцы лисичку парусами-крыльями и поплыли. А лисичка закрыла от радости лицо и занела:

Тик-ш, тик-ш, тик-ш, тик-ш,

Тик-ш, тик-ш, тик-ш, тик-ш!

Поет она и слышит свист: «Юх-юх, юх-юх!» Лисичка подумала: «Что такое там свищет?» Подумав, опять стала петь, а рулевой подпевает:

Э-эк, э-эк, э-эк!

Раз-два, раз-два, раз-два!

Еще больше развеселилась лисичка:

Тик-ш, тик-ш, тик-ш, тик-ш,

тик-ш, тик-ш, тик-ш, тик-ш,

тик-ш, тик-ш, тик-ш, ти-и...

Вдруг она почувствовала холод, открыла глаза и увидела себя в воде, а от нее со свистом улетает стая чирков. Оказывается, это не гребцы, а птицы чирки обманули ее, сделав лодку из своих крыльев. Посмотрела лисичка в сторону суши, а суша далеко-далеко. Поплыла она к берегу, а позади ее как будто бы кто-то держит. Не поворачивая головы, говорит лисичка:

— Отстань от меня, не тяни назад!

Но тот, кто держит, не отпускает. Повернула лисичка назад голову и увидела свой намоченный хвост. Еле-еле до берега добралась и выбралась на песок. К счастью, погода солнечная была. Сняла лисичка свою шкуру и растянула ее просушить на бревне, которое прибоем выбросило. Потом вынула свои глаза и положила их просушить на конец бревна, а сама около шкуры села. Увидел ворон, как лисичка глаза сушит, подлетел и съел их. Надела лисичка свою шкуру и хотела вставить глаза, а их уже и нет. Стала она искать свои глаза, да и до сих пор ищет. Все.

17. Песец и волк

Шел голодный песец по косе и нашел выброшенную морем тушу моржа. «Ого, сколько еды!» — подумал песец и стал есть. Когда он насыщался, неожиданно подошел волк и сказал:

— Я тоже поем с тобой, уж очень голоден!

Песец сказал:

— Ладно, ешь. Еды много, ведь не съем же я один всего.

И волк с жадностью принялся за еду. Досыта наевшись, оба от косы на холм пошли. Когда на холм взобрались, песец волку сказал:

— На этом месте, пожалуй, отдохнем, отоспимся после сытной еды.

Волк согласился. Здесь и улеглись. Но песец не спал, бодрствовал, прищуренным глазом поглядывал на волка. Волк же быстро

погрузился в спокойный сон. Песец встал, собрал старые моржовые позвонки и наизал их, как бусы, на хвост волка. Привязав позвонки, стал будить волка:

— Скорее вставай, враги нападают на нас! Вот уж совсем близко они, на холм поднимаются. Я бегу, а ты что будешь делать?

Сказал так песец и убежал. Волк же спросонья вскочил и кинулся куда глаза глядят. Когда бежал, слышал, как с грохотом и шумом за ним кто-то гонится. Чувствует волк боль и тяжесть в хвосте. «Эх, плохо, настигают меня враги! Сейчас убьют меня! Уж несколько стрел в хвост мой вонзилось!» — подумал он и побежал еще сильнее. Но сколько он ни бежал, грохот и шум преследовали его. Вот уж совсем он обессилел и подумал: «Пусть уж умру я». Остановился волк и быстро оглянулся назад. И что же?! Никто за ним не гонится, и нет грохота, а на его хвосте несколько моржовых позвонков привязано. Волк возмутился, закричал:

— Проклятуший песишка, задыхаться от страха заставил меня! Уж если тебя встречу, живым не выпущу!

С тех пор песец старается не попадаться на глаза волку, а волк ищет песца, чтобы отомстить ему за злую шутку. Все.

18. Хитрый песец

Идет по тундре песец, а навстречу ему бурый медведь. Медведь спрашивает:

— Откуда идешь, братец?

— На охоту ходил.

Медведь говорит:

— Давай побратаемся, вместе путь держать будем!

Песец говорит:

— Что же, давай!

Идут вдвоем, разговаривают. Вдруг видят: навстречу им лось идет. Песец медведю на ухо говорит:

— Давай убьем рогатого!

— Что ж, давай!

Спрятались за камень, ждут. Подошел лось. Кинулся на него медведь, прижал к земле лапами и задавил. А песец вокруг бегает, приговаривает:

— Сколько жиру, сколько мяса!

Медведь говорит:

— Давай ужинать будем!

Песец хитрит.

— Подождем, — говорит, — братец, до утра, пусть остынет.

Медведь согласился. Легли они спать. Медведь как лег, так и заснул. А песец того и ждал. Подошел к лосю и начал из-под

шкуры сало снимать и прятать за воротник своей кухлянки. Спрятал и тоже спать лег.

Утром медведь первым проснулся, песца будит:

— Эй, братец, остыло мясо, вставай!

Подошли вместе к лосю, начали есть. Посмотрел медведь, а на лосе ни жиринки нет.

— Э-э,— говорит,—кто же это жир обглодал?

— Опять этот тундровый воришка, старый ворон напакостил! — отвечает песец.

Медведь говорит:

— Да, весь жир у нас этот ворон украл.

Поели, дальше пошли. Песец то и дело отстает, украдкой от медведя из-под воротника кухлянки жир вытаскивает. Так много дней шли. Медведь голодать стал, а песец все еще своими запасами живет.

Медведь однажды подглядел, как песец жир ест, и говорит ему:

— Эге! Ты, братец, мал, а перехитрил меня. Оказывается, это ты жир с лося обобрал!

— Что ты, брат,— говорит песец.— Это я свои внутренности ем. Если ты голоден, можешь то же самое сделать.

Медведь глуповат был, поверил песцу, разорвал кожу на животе и начал внутренности вытягивать.

Тут песец и говорит:

— Вот глупец, сам ты себя убил!

Кинулся медведь за песцом, да за кусты внутренностями зацепился и упал замертво. Песец думает: «Вот глупый медведь, все свое мясо и жир мне оставил».

Стал жить песец около медведя. Вот уже полтуши медведя съел. Однажды видит: с горы еще один медведь спускается. Песец перевернул мертвого медведя целым боком вверх, сидит и плачет.

Медведь подошел, спрашивает:

— Зачем мертвого стережешь?

Песец говорит:

— Видишь ли, это мой лучший приятель был, жаль одного оставить.

Медведь говорит:

— Слезам друга не оживишь, пусть лежит! Пойдем со мной, моим другом будешь!

Пошел песец с новым приятелем. Медведь спрашивает:

— Кого ты больше всего боишься?

Песец говорит:

— Больше всего людей боюсь. Их острых стрел да капканов.

Медведь смеется:

— Ха-ха-ха, двуногих боится! Да я их всегда сам пугаю!

Песец спрашивает:

— А ты кого больше всего боишься?

Медведь отвечает:

— Я больше всех куропаток боюсь. Когда по тундре иду, они из-под самого носа с таким шумом вылетают! Я и пугаюсь.

Песец говорит:

— Эх, братец, а я ведь этими птичками питаюсь. Ты такой большой, а малой птицы боишься.

Медведю даже стыдно стало, он и говорит:

— Давай состязаться, кто первый еду добудет!

Песец согласился. Разошлись в разные стороны. Вскоре песец вернулся, двух куропаток принес, одну убил, а другую живой оставил. Смотрит — и медведь идет, прихрамывает. У медведя в боку две стрелы торчат. Песец смеется над ним:

— Эге, братец, это тебе те сделали, кого ты не боишься! На вот тебе еще гостинец!

И выпустил под нос медведю живую куропатку. Тот с перепугу даже на колени встал. Песец говорит:

— Теперь буду тебя лечить. Найди мне для этого два острых камня.

Пошел медведь камни искать, а песец тем временем костер развел. Принес медведь камни, песец бросил их в костер. Раскалелись камни докрасна. Песец и говорит:

— Теперь, братец, потерпи, стрелы я из ран твоих выну, горячие камешки туда положу. Тотчас поправишься.

Вынул из ран медведя стрелы, вместо них раскаленные камни вложил. Медведь кричит:

— Ох, ох, внутри у меня жжет, так и горит внутри!

Песец говорит:

— Эге, братец, поджарил я тебя. Убил ведь!

Так медведь и сдох. Снова песец несколько дней медвежатину ел. Уже полмедведя съел. Вот как-то спускается с горы волк. Песец мертвого медведя целым боком вверх перевернул, сидит и плачет.

Волк подошел, спрашивает:

— Зачем мертвого стережешь?

Песец говорит:

— Видишь ли, это мой лучший приятель был, жаль одного оставить.

Волк говорит:

— Слезами друга не оживишь, пусть лежит, пойдем со мной, моим другом будешь.

Вдвоем в путь отправились. Идут по горе, а навстречу им бежит горный баран. Волк тотчас барана поймал и прикончил его. А песец бегаёт, приговаривает:

— Сколько жиру, сколько мяса!

Волк говорит:

— Сейчас его съедем!

Песец снова хитрит.

— Пусть мясо остынет, — говорит, — утром съедем!

Легли спать. Волк крепким сном заснул, а песцу того и надо.

Припес оп! большой камень и привязал его крепко-накрепко к волчьему хвосту. Потом как закричит в ухо:

— Бежим, братец, люди подходят!

Вскочил волк, да как бросится удирать! Хвост у него и оторвался. Бежит волк и думает: «Оказывается, люди меня за хвост держали!» А песец на месте остался, освежевал барана и принялся за еду.

Так вот и жил песец, хитростью пищу себе добывал.

19. Бычок и чайка

Так, говорят, было. Когда чайка летала над водой и высматривала себе еду, из воды вынырнул бычок и начал дразнить чайку:

Чайка тут летает, чайка тут летает,
Глаза красные, лапки голые!

Чайка отвечает:

Чем же, чем же отвечу я тебе?
Печенку любишь пожирать ты!
Отрежу тебе, и подавишься ты!

Но бычок не обиделся. Чайка же от обидных слов бычка заплакала и улетела домой. Все.

20. Лось и бычок

Так было. Шел по берегу лось. Увидел в озере бычка. Стал бычок лося поддразнивать да приговаривать:

Лосина толстопузый!
Лосина большерогий!
Ноги твои тонкие,
Руки твои тонкие!

Лось сказал ему:

— Бычок, бычок, подойди поближе, я что-то не слышу!

Бычок подошел к берегу, а лось поддел его рогами и выбросил на берег.

Принялся бычок кричать:

Тело мое сохнет,
Хвостик мой сохнет,
Ротик мой высох,
Плавники засохли!

Взял лось бычка и бросил обратно в воду. А тот снова припаялся лося дразнить:

Лосина толстопузый!
Лосина большерогий!
Ноги твои тонкие,
Руки твои тонкие!

Опять лось зовет бычка:

— Бычок, бычок, подойди поближе, я что-то не слышу!
Бычок опять подплыл к берегу, поддел его лось рогами и вы-
бросил на берег.

Бычок принялся кричать:

Тело мое сохнет,
Хвостик мой сохнет,
Ротик мой высох,
Плавники засохли!

На этот раз не бросил лось бычка в воду. Так бычок и высох.
на берегу. Принялся лось бычка есть да приговаривать:

— Такой вкусенький бычок!

Все. Конец.

21. Птичка

Птичку на севере зима застала. В разводьях птичка жила. На-
конец к земле полетела. Прилетела в селение, а в этом селении:
голод был. Подлетела к первому жилищу, запела в отдушину:

Кто там в землянке, в землянке?

Пустите меня, внесите меня!

Не внесете — с голоду умрете,

А внесете — много еды получите!

Говорят люди в землянке:

— Давайте внесем!

Вышли, мертвую птичку увидели.

Внесли, положили. Немного погоды мертвая птичка промол-
вила:

— Ощипайте меня!

Ощипали ее, положили в сторонку. Немного погоды птичка го-
ворит:

— Зарежьте меня!

Зарезали, опять в сторонку положили. Немного погоды птичка
говорит:

— Варите меня!

Подвесили птичку над жиршиком в котелке с холодной водой.
Как закипела вода, птичка и запела:

Варюсь, сжимаюсь

Под водою, над землею!

Вдруг выпрыгнула из котелка и вылетела на улицу. посмотре-
ли в котелок, а варена там нет. К другой землянке подлетела:

Кто там в землянке, в землянке?

Пустите меня, внесите меня!

Не внесете — с голоду умрете,

А внесете — много еды получите!

Говорят люди в землянке:

— Давайте внесем!

Внесли мертвую птичку. Немного погоды птичка промолвила:

— Ощипайте меня!

Ощипали, в сторонку положили.

— Зарежьте меня!

Зарезали, в сторонку положили.

— Сварите меня!

Подвесили птичку над жирником в котелке с холодной водой. Как закипела вода, птичка и запела:

Варюсь, сжимаюсь

Под водою, над землею!

Вдруг выпрыгнула из котелка и улетела наружу. Посмотрели в котелок, а варева там нет.

Пошла женщина из первой землянки погостить к подруге.

Вдруг слышит — на улице поет кто-то:

Кто там в землянке, в землянке?

Пустите меня, внесите меня!

Не внесете — с голоду умрете,

А внесете — много еды получите!

Говорят люди в землянке:

— Давай внесем!

Внесли птичку. Посмотрела на нее женщина, видит: та самая птичка, которая только что от них улетела.

Птичка промолвила:

— Ощипайте меня!

Ощипали, в сторонку положили.

— Зарежьте меня!

Зарезали, в сторонку положили.

— Сварите меня!

Подвесили птичку над жирником в котелке с холодной водой. Гостья сказала:

— Утром эта же птичка к нам прилетала. Положили мы ее в котелок вариться, закипела вода, а она вылетела и улетела. Лучше сразу же закройте котелок крышкой!

Закрыли котелок крышкой. Как закипела вода, птичка и запела:

Варюсь, сжимаюсь

Под водою, над землею!

Кончила птичка петь, хотела вылететь, но только о крышку ударилась. Опять запела:

Варюсь, сжимаюсь

Под водою, над землею!

Вспорхнула было, но только о крышку ударилась. Запела:

Варюсь, сжимаюсь

Под водою, над зем...

Не успела допеть. Сварилась. Когда сварилась, съели ее, только косточки оставили. Все.

22. Бакланы

Бакланы зимовали на утесе с пятью детьми. По очереди ходили за едой к кромке припая. Вороны жили на утесе с пятью детьми. Однажды ворон увидел бакланов, пожалел их, сказал, чтобы к ним, воронам, перебрались в тепло. Что, мол, много у них мяса, сказал он, и в тепле чтобы жили они.

Поверили бакланы воронам и в их ярангу пошли. Когда зашли, там было очень тепло. И вот у припая питаться перестали, у воронов стали есть. Но хотя с едой стали, спать не могли из-за боязни. По очереди спали. Однажды ночью баклан притворился спящим. И вот ворон встал и подошел крадучись к младшему бакланчику. Хотел было взять его, но баклан-отец нарочно пошевелился. И вот ворон отскочил, не взявши. Лег спать. Баклан ждал, когда вороны уснут. И когда уснули, баклан встал, подкрался к детям ворона и взял одного из них. К своим детям отнес, около младшего своего положил. Лег баклан, притворился спящим. И вот ворон проснулся и к бакланьим детям снова подошел. Баклан следил, которого возьмет. И вот как раз своего ребенка ворон взял. Когда отнес, без шума тотчас убил. Своих детей разбудил. Когда встали, заставил их есть, пока бакланы не проснулись. И вот стали они есть, но дети ворона сказали:

— Как будто брата нашего запах?

Ворон ответил:

— Нет, бакланчик это, скорее ешьте его!

Когда кончили есть, легли спать, уснули. Бакланы, проснувшись, оделись, вышли из яранги воронов и улетели вниз к припаю. Как только показалась кромка припая, вороны появились здесь. Бакланы прыгнули в воду, нырнули. И вот вороны на кромке присели. Когда бакланы вынырнули, вороны спросили их:

— Почему ушли вы?

Баклан-отец сказал:

— Потому что вашего же птенца заставили вас съесть!

Все.

23. Лось Акана

Так было. Жила-была лосиха. Родился у нее маленький лосенок. Он был еще слабый и не мог быстро бегать.

Однажды грелись они на солнышке, лежа на траве. Подошли тут два больших волка и увидели лосиху с лосенком.

Один волк сказал другому:

— Давай-ка, братец, убьем лосиху!

А второй отвечает:

— Конечно, убьем. Мясо будет!

Не успела лосиха убежать. Волки наскочили на нее, убили и съели. Когда наелись они, первый волк сказал:

— Что же, братец, уьем и детеныша да и съедим его!

А маленький лосенок лежит и слушает. Второй волк первому говорит:

— Подожди, пусть подрастет он, тогда и съедим, а сейчас он тощий и маленький.

Назвали волки лосенка Аканой и решили подождать, когда вырастет.

Пошли волки охотиться за другими лосями, а Акану оставили на месте. «Беда,— думает Акана,— надо мне силы набираться, а то пропаду!» Поднялся он на ноги и с трудом влез на гору. С горы спустился в долину, из долины взшел на другую гору, по и с горы снова спустился и влез на третью гору. Так он делал весь день. Потом пошел и лег на свое место, где его волки оставили. Вскоре они пришли. На этом месте все стали жить — волки и Акана.

Каждый день волки уходили на охоту, а Акана силы набирался, на сопки поднимаясь.

Много дней так прошло. Акана совсем уже вырос. Вот один волк и говорит другому:

— Пожалуй, уьем и съедим теперь лосенка!

— Давай уьем! — согласился тот.

Но тут Акана сказал им:

— Подождите вы, успеете съесть меня, давайте лучше попробуем — кто сильнее да лучше бегаёт?

Побежал Акана. Погнались за ним волки. Акана на гору поднялся, с горы в долину спустился и вновь поднялся на другую гору, как делал каждый день раньше.

Гонялись, гонялись за ним волки, языки высунули, совсем из сил выбились, видят — не догнать им лося. Первый волк говорит:

— Этот Акана тощий оказался! Чего бегать за ним?

Второй отвечает ему:

— Конечно, пусть бегаёт, кому он нужен!

Акана остался жить.

Однажды зимой все звери собрались, чтобы испытать силу Аканы. Подошел к Акане медведь и начал с ним бороться. Подхватил Акана его сильными рогами и подбросил кверху. После этого всех зверей побеждать стал.

Лежит однажды Акана, отдыхает, а бурые медведи увидели его, подошли. Но когда узнали, что это за лось, свернули тотчас в сторону, приговаривая:

— Это же сам Акана спящим притворился!

А Акана тем временем, может быть, и действительно спал.

Все. Конец.

24. Мышка

Пришла однажды мышка попить на середину озера. Для питья сделала дырочку. Напившись, села около дырочки. Здесь она решила отдохнуть.

Так вот отдыхая, приморозила свой хвост. И начала она петь, слезно плача:

Посреди озера примерзла я!
И теперь вот горько плачу!
Эх, горностаюшка, может быть, придет,
Как было бы хорошо!

Так она спела песню. Вдруг откуда-то горностай появился. Мышка сказала ему:

— Уйди, плохо пахнет от тебя!
Горностай убежал. Мышка снова запела:

Посреди озера примерзла я!
И теперь вот горько плачу.
Эх, евражка, может быть, придет,
Как было бы хорошо!

И вдруг откуда-то евражка появилась. Мышка говорит ей:

— Уйди, длиннохвостая ты!

Евражка убежала.

Снова запела мышка:

Посреди озера примерзла я!
И теперь вот горько плачу.
Эх, зайчишка, может быть, придет,
Как было бы хорошо!

И вдруг откуда-то заяц появился. Мышка говорит ему:

— Уходи, хвостишко твой маленький!

Заяц убежал.

И еще запела мышка в последний раз:

Посреди озера примерзла я!
И теперь вот горько плачу.
Эх, медведь, может быть, придет,
Как было бы хорошо!

Перестала петь. Вдруг откуда-то медведь явился, к мышке подошел, лапой по ней ударил, хвост совсем оторвал, мышку без хвоста оставил.

Так медведь помог мышке. Все. Конец.

25. Две мышки

К домовым мышам пришла в гости полевая мышь-пеструшка. Домовая мышь не приветливо сказала гостье:

— Вот бегаешь без дела по камням все лето да попискиваешь. Только и знаешь, что под камни сухие листочки носить. Все вы — полевые мыши — бездельницы. Только на нас и падаетесь!

Полевая мышь-пеструшка стояла у входа землянки домовых мышей и от обиды моргала глазами. А муж хозяйки домовых мышей с важным видом лежал на нарах, скрестив свои тонкие ноги. А мышь-хозяйка гордо восседала посреди жилища на лежанке. Их дети и родственники пристроились прямо на полу землянки. Все с любопытством смотрели на полевую мышь.

Обиженная гостя сильно рассердилась на сварливую хозяйку, подскочила к ней и толкнула ее так, что хозяйка упала навзничь и заплакала. Лежа на полу, она закричала детям:

— Поднимите же меня!

Ее муж, продолжал лежать с важным видом на нарах, с усмешкой смотрел на поссорившихся женщин, а затем сказал другим мышам:

— Ох уж, как будто от мужа тумачи получила, плачет! Поднимите ее скорее!

А полевая мышь тем временем выскочила из землянки и огромными прыжками помчалась по тундре в свое каменное жилище.

Маленькие мышата повскакали со своих мест и начали поднимать свою опозорившуюся мать.

С тех пор, говорят, домовые мыши стали враждовать с полевыми.

26. Достали солнце

Так было. Однажды тунгаки похитили у жителей тундры солнце. В черном мраке жили все звери и птицы, оцупью отыскивали себе пищу. Трудно стало жить. И вот решили звери и птицы большой совет собрать. От каждого звериного и птичьего рода на совет прибыли посланцы. Старый ворон, которого все считали мудрым, сказал:

— Крылатые и волосатые братья, до каких же пор во тьме пребывать будем? Слышал я от стариков, что недалеко от нашей земли, в глубоком подземелье живут тунгаки, похитившие у нас свет. У тех тунгаков в сосуде из белого камня хранится большой светящийся шар. И шар тот они называют солнцем. Если то солнце похитить у тунгаков, то светом озарится земля. Вот я, старый ворон, даю вам совет послать за солнцем самого большого и сильного из нас — бурого медведя.

— Медведя, медведя! — закричали звери и птицы.

Тут же старая глуховатая сова починяла нарту. Она спросила сидевшую рядом маленькую пуночку:

— О чем толкуют звери, птицы?

Пуночка ответила:

— Медведя хотят послать за солнцем как самого сильного.

Сова говорит:

— Напрасны их старания: увидит медведь лакомство и обо всем забудет. Не будет у нас солнца.

Тут звери и птицы, услышав речь совы, согласились с ней.

— И правда ведь, вкусную пищу медведь увидит и про солнце забудет.

Старый ворон снова сказал:

— Пошлем волка, ведь после медведя он всех нас сильнее и быстрее.

Сова спрашивает пуночку:

— О чем они толкуют?

Пуночка сове отвечает:

— Волка решили послать за солнцем, ведь после медведя он всех нас сильнее и быстрее.

Сова говорит:

— Напрасно хлопочут, волк жаден, встретит оленя, убьет, будет лакомиться и про солнце забудет.

Звери и птицы, услышав речь совы, согласились с ней:

— И правда, ведь волк жаден, оленя увидит, убьет, будет лакомиться и про солнце забудет. Но кого же мы пошлем за солнцем?

Тут маленькая мышка сказала:

— Зайчика вот этого отправить бы, ведь лучший прыгун он и на ходу солнце схватить может.

Снова закричали звери и птицы:

— Зайчика, зайчика, зайчика!

И в третий раз глуховатая сова спросила пуночку:

— О чем толкуют звери, птицы?

Пуночка в самое ухо сове прокричала:

— Зайчика за солнцем послать решили, ведь лучший прыгун он и на ходу солнце схватить может.

Подумала старая сова и сказала:

— Этот, пожалуй, может похитить солнце, действительно прыгает хорошо и надежен он. Никто не сможет задержать этого прыгуна.

Так зайчик был утвержден похитителем солнца. Не долго думая, зайчик направился по пути, указанному вороном.

Долго шел, много дней шел и вот наконец далеко впереди себя светлое пятнышко заметил. К тому пятнышку приближаться стал.

Приблизившись, увидел: светлые лучи проникают через узкую щель из-под земли. Заглянул зайчик в щель и видит: в большом сосуде из белого камня лежит огненный шар и лучи его освещают подземелье. «Вот то солнце», — думает зайчик. А в другом углу подземелья на мягких оленьих шкурах лежат тунгаки.

Зайчик через щель в подземелье спустился, к огненному шару прыгнул, из каменного сосуда шар схватил, задними лапами оттолкнулся и в щель выскочил.

Тут-то тунгаки всполошились, следом за зайчиком погнались.

Зайчик во весь дух убегает. Но тунгаки совсем, совсем уже близко. Тогда зайчик ударил лапой по огненному шару. Шар раз-

двоился. Одна часть маленькая, другая большая. Меньшую часть зайчик сильно лапой ударил, она тотчас вверх взлетела, к небу прильнула, и получилась луна.

Большую часть зайчик приподнял, еще сильнее лапой ударил, она тотчас вверх поднялась, к небу прильнула, и получилось солнце. Как светло вдруг стало на земле!

Тунгаки, ослепленные светом, скрылись в подземелье и с тех пор не появлялись на земле. А звери и птицы прославляли отважного зайчика — похитителя солнца.

27. Букашка-путешественница

Так, говорят, было. Старшина селения, увидев букашку, сказал ей:

— Эй, малый житель, обойди-ка кругом всю землю да расскажи, как люди в других странах живут, где какие реки, горы и озера есть.

Согласилась букашка и отправилась в путь. Рядом с земляной старшины лежали якорный камень и китовый череп. Подползла букашка к камню с черепом и подумала: «Вот серый холм и белая гора, куда же мне идти? Если на земле таких холмов да гор много, никогда не обойти ее кругом. Обману я старшину, обойду вокруг этого холма и вернусь обратно».

И вот стала букашка-путешественница ползти вокруг якорного камня. Когда ползла, за камнем лужицу встретила, подумала: «Ого, еще и озера огромные на пути попадаются». Только так подумала, а навстречу ей страшный жук. Увидев букашку, жук сказал:

— Жаль, что я сыт. Только что съел букашку, на тебя похожую. Убирайся поскорее, пока жива!

Испугалась букашка, скорее домой побежала. А когда пришла домой, старшине сказала:

— Всю землю вокруг обошла!

Старшина, смеясь, спросил:

— Что же видела ты?

Букашка ответила:

— На пути море огромное встретила, и на берегу этого моря множество бурых медведей. Чуть было не съели медведи меня.

Старшина стал смеяться над ней:

— Ого, хороши новости: маленькая лужица стала большим морем, а жук — медведем. Вот ведь какая ты: со страху обманщицей стала!

Стыдно стало букашке, повесила она голову и поползла прочь. Конец.

28. Ворон и девушка

Давно, говорят, было. Девушка на взморье собирала водоросли, выброшенные прибоем. Увидел ее ворон и говорит:

— Женщина, женщина, о-о, будь моей женой!

— О-о, буду твоей женой!

— А можешь ли ты петь?

— Могу я петь.

— А ты красивая?

— Красивая я.

— А ну, спой!

Ворон запел первым:

Кар-кар-а-нак,

Кар-кар-а-а-на!

Девушка промолчала, не запела.

— Не можешь ты петь, а потому не будешь мне женой.

Удалился этот ворон. Девушка встретила другого ворона. Увидел ее другой ворон и сказал:

— Женщина, женщина, о-о, будь моей женой!

— О-о, буду твоей женой!

— А можешь ли ты петь?

— Могу я петь.

— А ты красивая?

— Красивая я.

— А ну, спой!

Ворон запел первым:

Кар-кар-а-нак,

Кар-кар-а-а-на!

Девушка повторяла за ним.

— Можешь петь ты, будешь моей женой!

— Могу петь я, женой твоей буду я!

— Ага, идем!

Пошли, в дом ворона зашли. Евражечьи шкурки выложил.

— Вот эти шкурки выделай-ка!

Девушка выдывала, выдывала, наконец закончила.

— О, проворная ты!

Затем так и остались жить вместе. Все. Конец.

29. Человек, краб и ворон

Так, говорят, было. Жил один человек в становище на прибрежной стороне. Жил он одиноко, без односельчан. Постоянно охотился на евражек и ел их. Приходил с охоты, готовил сам себе еду, ел, делал постель, ложился спать. Просыпался, готовился и шел на охоту. Если добывал евражек, разделявал их, варил тушки, сушил шкурки. Из маленьких шкурок евражек делал полог и покрывал свое жилище.

Однажды он встал, подумал и пошел на взморье. Там он стал

искать около воды выброшенные морем водоросли. Идя по песку, он вдруг увидел около воды живого краба. Взял этого краба и понес домой. В сенях яранги он отвязал с сушил шкуру и завернул в нее краба. Затем повесил его на перекладине за пологом. После этого он пошел в тундру. В тундре человек добыл евражку, привязал ее к поясу и вернулся домой. Здесь он положил евражку около очага и сел на деревянный брус, служивший изголовьем. Повернувшись в сторону подвешенного краба, человек сказал:

— Что ты там делаешь? Давай-ка добычу мою раздели!

И что же случилось? Добытая евражка вдруг сама взобралась на блюдо, вылезла из собственной шкуры, все части ее тушки отделились одна от другой, потроха отлетели в сторону.

После этого человек сказал в сторону краба:

— Ну что ж, помощник, готовь еду!

И вдруг части тушки разделились сами на куски, а куски сами прыгнули в кастрюлю, а кастрюля сама прыгнула на очаг. И когда еда сварилась, человек поел и снова сказал в сторону висящего краба:

— Хорошо, помощник, теперь постели мне постель, сейчас вернусь я.

Сам человек вышел на улицу и немного погодя вернулся. Вошел в полог. Постель сама расстелилась. Лег человек и уснул. Утром проснулся и снова пошел на охоту. По пути перевалил холм и там увидел ворона. Подошел человек к ворону и спросил:

— Эге, гость! Куда идешь?

— Да вот, просто по этому месту брожу!

— Ну что же, будь моим гостем! Пойдем поедим!

Затем человек гостя своего, ворона, в жилище свое повел. Когда они пришли, хозяин ворона приветливо принял, на шкуру усадил. Сидя на евражечьей шкурке, ворон ждал, что же сделает человек дальше. И человек сказал:

— Ну что же ты, помощник, медлишь? Готовь угощение!

И тут евражечье мясо само уложилось на блюдо, разделилось на куски, прыгнуло в котел, котел сам повис над очагом. Ворон от удивления вертелся кругом, глазел во все стороны полога, но не мог увидеть и понять, кто же готовит этому человеку еду.

После еды гость и хозяин из сеней вошли в полог. Там улеглись на постель из евражечьих шкурок и уснули. Утром встали, поели, вышли. Человек сказал ворону:

— Я пойду в тундру. А ты куда?

Ворон ответил:

— Там, в южной стороне, поищу селенне.

После этого разошлись. Человек пошел в северную сторону, ворон — в южную. Но ворон, скрывшись за холмом, вернулся и скрытно стал следить за человеком. Следил, пока человек не скрылся далеко в северной стороне. После этого ворон перевалил холм и поспешил к жилищу человека. Пришел, зашел и сел на брус. Подражая хозяину, ворон сказал:

— А ну, помощник, приготовь для меня еду!

Краб не послушался ворона. Ворон страшно рассердился и, бегая по жилищу, стал всюду искать невидимого помощника человека. Вдруг в проходе между пологом и стеной яранги он увидел завязанную в узелок шкурку евражки. Схватил ворон узелок и развязал его. И что же: он увидел в шкурке едва живого краба. Ворон подумал: «Вот этот краб и есть, наверное, помощник человека». Ворон разорвал краба на куски и завернул все снова в шкурку. Повесил узелок на то же место, вышел и удалился. Тем временем хозяин яранги добыл зверя и вернулся домой. Вошел, положил добычу около очага и сказал:

— А ну, помощник, приготовь мне еду!

Не ответил ему помощник. Добыча без движения лежала около очага. Еще раз сказал человек:

— А ну же, помощник, приготовь мне еду!

Но ничего не получилось. Человек не добился исполнения своего желания. Снял он подвешенный узелок, развернул шкурку и увидел куски разорванного краба.

И стал человек жить по-прежнему, сам готовил себе пищу.

30. Два брата и ворон

Так, говорят, было. Жили в селении Уназик муж с женой, и было у них два маленьких сына. Но заболел однажды отец и через некоторое время умер. Трудно стало женщине с двумя детьми. Некому было добывать зверя. И вот узнал об этом один сиреникский человек, потерявший жену, и приехал в Уназик к этой женщине. Взял он женщину в жены, детей ее — в сыновья и отвез в Сиреники. Дома он сказал этим мальчикам:

— В этом селении есть злые люди. Если будете днем ходить около землянок, то станут вас бить. Утром затемно уходите в горы и упражняйтесь там в силе.

Отчим пасынкам неправду сказал. В Сирениках жили добрые люди, смелые охотники. Но отчим хотел, чтобы его приемные дети тоже стали сильными и смелыми. И вот каждый день убегали они в горы, в силе упражнялись. Прошло несколько лет, выросли братья, стали настоящими охотниками. Однажды зимой на дикого оленя пошли. Не прошло и дня, как каждый по оленю домой принес. На следующий день зимнего моржа промыслять пошли. Дальше всех односельчан по молодому льду ушли. Подыбью нашли. Зимнего моржа там добыли. Сиреникские горы едва синели вдали. Все же первыми домой с добычей пришли. Так стали братья признанными добытчиками.

Однажды утром за дикими оленями пошли. По оленю добыли и рано вернулись.

Оставили дома добычу, на моржовый промысел отправились. Всех односельчан обогнали. Далекое море по молодому льду

ушли. А отец не раз им говорил, чтобы дальше других охотников не смели ходить. Между тем все односельчане близко от берега добыли моржей и домой вернулись. Братья же все дальше и дальше по льду шли, надеялись моржа добыть. Вот уж и вечер наступил, убили наконец моржа. Когда освеживали добычу и собрались идти домой, младший брат посмотрел в сторону берега. Увидел полосу густого тумана.

— Оторвало! — закричал он.

Бросили они моржа и побежали в сторону берега. Добежали до кромки льда, а щель между льдинами уже широкая стала, не перепрыгнешь. Поднялся сильный ветер и погнал воду по льдине. Побежали братья обратно в сторону моря. С мокрого льда на сухой выбрались, а вода по пятам идет. Налетел вместе с ветром снегопад, пурга поднялась. Бегут братья вперед, лед под ногами прогибается. Прибежали наконец к старому толстому льду, нашли высокую льдину, взобрались на нее и вырыли там снежную пещеру. В пещеру забрались, стали хорошей погоды ждать. Вот и говорит младший брат:

— Чтоб медленной смерти не ждать, сделай какое-нибудь чудо!

Старший брат начал вместо бубна в ладоши хлопать и под хлопки песню запел. Поет он, а младший слышит далеко-далеко крик ворона. Кончил старший брат петь, спрашивает младшего:

— Не слышал ли ты чего-нибудь?

Хотя и слышал младший, но ответил:

— Нет, ничего не слышал!

Снова старший запел и в ладоши захопал. И младший опять крик ворона услышал, теперь уже близко. Старший тоже услышал карканье, но спросил:

— Не слышал ли ты на этот раз чего-нибудь?

Младший, хотя и хорошо слышал, опять ответил:

— Нет, ничего не слышал!

В третий раз запел старший под свои хлопки. На этот раз крик ворона совсем близко послышался. Братья хорошо его услышали. Но старший спросил:

— Не слышал ли ты чего-нибудь?

Младший ответил:

— Нет, ничего не слышал!

Вот ворон закаркал рядом:

— Кар-р, кар-р, кар-р!

Старший ответил на вороньем языке:

— Кар-р, кар-р, кар-р! Нет, я так не сделаю, брата я по оставлю!

Младший спросил:

— Что спросил ворон?

Старший ответил:

— Ворон сказал, только меня одного спасет.

Ворон снова закаркал:

— Кар-р, кар-р, кар-р, кар-р!

Старший сказал ему на вороньем языке:

— Кар-р, кар-р, попробуй!

Младший спросил:

— Что ворон сказал?

— Сказал, что попытается нас обоих спасти. Но на пути только одна большая льдина, где можно передохнуть. Давай теперь из пещеры выйдем!

Вышли, старший брат велел младшему вверх лицом лечь. Лег младший. Старший сел на него и подолом кухлянки лицо ему прикрыл. Вдруг оторвались они от льдины и вверх понеслись. Остановились через некоторое время. На большой льдине оказались. Отдохнули. Снова старший велит младшему на спину вверх лицом лечь. Лег младший. Опять старший сел на него и прикрыл его лицо подолом кухлянки. Оторвались от льдины, дальше полетели. Через некоторое время опустились, посмотрели кругом и видят: сидят они на обрывистой скале среди вороньих гнезд.

Вызвал тут старший брат своего помощника — горностаю. Горностаю откликнулся:

— Пик, пик, пик!

Старший сказал на языке горностаев:

— Пик, пик! Нет, один я не полезу вверх!

Младший спросил:

— О чем сказал горностаю?

Старший ответил:

— Горностаю сказал, что я один только могу выбраться отсюда!

Младший сказал:

— Давай сначала я взберусь на скалу, а потом ты.

Полез младший и взобрался на скалу. Старший за ним полез. Тоже взобрался. Сошли со скалы и пошли домой.

Домашние тем временем камлали. Со всей округи поющие шаманы собрались. Одни говорят, что братья в море погибли, другие — что живы, третьи ответ у духов-покровителей спрашивают.

А юноши тем временем к дому приближаются. К своей землянке подошли, к отдушине влезли, слушают. Вот отец их запел, затем перестал петь, сказал:

— Песнь свою я во льды направил. Оттуда с моря мне крик ворона слышался!

Опять запел, перестал петь и говорит:

— Песнь свою я внутрь льдов послал, туда ворон полетел, там его крик слышу.

Затем отец в третий раз запел, опять перестал петь и сказал:

— Когда я запел и умолил, ворон сказал мне, что он отнесет меня на север, во льды. И вот я полетел туда. По пути на льдине остановился, отдохнул. Затем снова летел. В пути снова остановился и оказался в становище воронов. Но, может быть, я и ошибся.

Слушают братья сквозь отдушину слова отца. Отец еще раз зашел, умолк и сказал:

— В становище воронов отдохнул. На скалу взобрался, в тундру спустился и домой пошел. До землянки дошел, к отдушине влез и стал слушать, о чем поют внутри.

Сказал эти слова отец и говорит другим юношам:

— Идите посмотрите, нет ли кого у отдушины!

Услыхали братья эти слова, отскочили от отдушины и спрятались в сторонке. Вышли юноши, смотрят — никого нет. Вошли в землянку, сказали хозяину, что никого снаружи нет. Братья снова к отдушине подошли. Отец тем временем сам вышел и увидел их. Велел им в землянку идти. А потом спрашивает:

— Как же вы из льдов выбрались?

Ответили братья:

— Далеко отсюда нашу льдину к берегу течением прибило. Сошли мы со льдины в том безлюдном месте и сюда пришли.

Отец сказал им:

— Вот, оказывается, как вас к берегу принесло!

Младший брат сказал:

— Ты ведь все своими глазами видел!

После этого не стали уходить дальше всех в море. Хорошо охотились. Все. Конец.

31. Человек и ворон

Жил в селении одинокий человек. Не было у него ни жены, ни детей. Не было ни отца, ни матери.

Пошел он однажды в тундру. Там увидел впереди на маленьком холмике большое съедобное растение. Было оно величиной с нерпичью шкуру. Хотел было охотник вырвать его из земли, но с первого раза не смог. Поднатужился — и опять не смог. Тогда сбросил он с себя верхнюю одежду, взялся и потянул изо всех сил. Растение заскрипело, затрещало, но вышло из земли.

Устал человек. Решил отдохнуть. Прилег на мох и заснул. Много или мало спал — не знает, а когда проснулся, услышал крик:

— Кук, кук, кук, кук, кук!

Приоткрыл глаза, видит: сидят около него вороны и разговаривают человеческими голосами. Один из них говорит:

— Давайте поедим! Ведь не каждый день такая находка!

Другой говорит:

— Давайте подождем, пока придет наш вожак.

В это время прилетел еще один ворон и сел прямо на грудь человека. Человек открыл глаза и увидел маленького ворона. Это и был вожак воронов. Сначала ворон клюнул человека в руки. Человек едва не закричал от боли, чуть не отдернул руки, но удержался, решил подождать, что дальше будет. Ворон клюнул

человека в ноги. Опять человек чуть не закричал. После этого маленький ворон сказал:

— Я съем только глаза, а вы ешьте все остальное.

Ворон подпрыгнул к голове человека и только хотел клюнуть его в глаз, как человек схватил ворона за ноги и сел. Остальные вороны разлетелись. Человек сказал:

— Ты хотел съесть мои глаза. Вот за это убью тебя сейчас.

Ворон ответил:

— Не убивай меня, я мудрый ворон и могу сделать тебя шаманом!

Человек сказал:

— Не хочу быть хитрецом!

Ворон сказал:

— Сделаю тебя богачом!

Человек ответил:

— Не хочу быть обманщиком!

Ворон сказал:

— Подарю тебе деревянное блюдо. Что захочешь, то и принесет тебе оно!

Человек сказал:

— Вот это дело. Смогу помочь бедным охотникам!

Ворон крикнул:

— Э-эй, блюдо, где ты?!

Тут перед человеком явилось деревянное блюдо. Человек спрашивает ворона:

— А что мне делать с этим блюдом?

Ворон говорит:

— Ты скажи: «Блюдо, блюдо, хочу то-то и то-то!» Все, что ты попросишь, появится перед тобой на этом блюде. А теперь отпусти меня!

Человек сказал:

— Сначала испытаю блюдо, а потом и тебя отпущу! — Он взял блюдо, поднял его вверх на ладони и сказал:

— Блюдо, блюдо, хочу моржового мяса!

Вдруг блюдо сделалось тяжелым, человек не удержал его и поставил на землю. Вмиг наполнилось оно моржовым мясом. После этого человек отпустил ворона, а блюдо стало служить человеку. Когда в море не было зверя, человек пользовался своим блюдом и помогал бедным людям доставать пищу.

32. Как ворон женился

Так, говорят, было. Стояло пять жилищ. В этих жилищах братья жили. У каждого из братьев по единственной дочери. Недалеко от братьев жила семья воронов: бабушка и внук.

Однажды дочь старшего брата за водой пошла. Когда она воду брала, подошел к ней ворон и попросил:

— Напой меня! Напой меня!

Стала его девушка поить, стал ворон пить, да всю воду на землю из ведра и разбрызгал. Ударила девушка ворона ладонью и говорит:

— Экий ты неловкий, всю воду расплескал, ни капельки не оставил!

Ворон ответил:

— А ты на мне шкуру порвала. Зашей!

Девушка сказала:

— Что ж, давай сюда, зашью!

Пошла девушка домой, и ворон к себе пошел. Пришел домой, своей бабушке сказал:

— Невестка теперь у тебя есть, в первой землянке живет. Приведи ее сюда!

Старуха собралась и в первую землянку пошла. Вошла. Спросили ее:

— Зачем пришла?

Старуха-ворониха ответила:

— Внук за невестой к вам послал.

Рассердился хозяин, приказал подрезать ей хряц на носу.

Надрезали воронихе хряц. Заплакала она. Домой пошла.

На второй день дочь второго брата за водой пошла. Когда воду брала, ворон подошел к ней, попросил:

— Напой меня! Напой меня!

Девушка стала его поить. Снова ворон всю воду расплескал. Ударила девушка ворона ладонью и сказала:

— Экий ты неловкий, всю воду расплескал, ни капельки не оставил!

Ворон ответил:

— А ты на мне шкуру порвала. Зашей!

Девушка сказала:

— Что ж, давай сюда, зашью!

Пошла девушка домой, ворон к себе пошел.

Пришел домой, говорит бабушке:

— Невестка теперь у тебя есть. Во второй землянке живет. Приведи ее сюда!

Пошла старая ворониха во вторую землянку. Вошла. Спросили ее:

— Зачем пришла?

Старуха-ворониха ответила:

— Внук за невестой к вам послал!

Ответили ей:

— Ах он черномазый! Плюгавка засаленная!

Надрезали старухе хряц на носу.

Горько заплакала старуха, домой отправилась. Нос у нее на этот раз распух.

На третий день дочь третьего брата за водой пошла. Когда воду брала, ворон подошел к ней, сказал:

— Напой меня! Напой меня!

Девушка стала его поить. Расплескал ворон всю воду. Девушка ладонью его ударила и говорит:

— Экий ты неловкий, всю воду расплескал, ни капли не оставил!

Ворон ответил:

— А ты на мне шкуру порвала, зашей!

Девушка сказала:

— Что ж, давай сюда, зашью!

Девушка домой пошла, ворон к себе пошел.

Приходит домой, говорит бабушке:

— Невестка теперь у тебя есть. В третьей землянке живет. Приведи ее сюда!

Старуха-ворожиха не пожелала идти. Впук ее ворон настоял на своем. В третью землянку старуха пошла. Подошла. В дверях остановилась, сказала:

— Внук за невестой к вам послал!

Ответили ей:

— Ах он черномазый! Плюгавка засаленная!

Хряц на носу у старушки надрезали. Заплакала она и домой пошла.

На четвертый день дочь четвертого брата за водой пошла. Когда воду брала, ворон подошел к ней, попросил:

— Напой меня! Напой меня!

Девушка стала его поить. Ворон стал пить и всю воду расплескал. Ударила его девушка ладонью и говорит:

— Экий ты неловкий, воду расплескал, ни капли не оставил!

Ворон ответил:

— А ты на мне шкуру порвала, зашей!

Девушка сказала:

— Что ж, давай сюда, зашью!

Девушка домой пошла, и ворон к себе пошел. Пришел домой, бабушке говорит:

— Невестка теперь у тебя есть. В четвертой землянке живет. Приведи ее сюда!

Отказывалась идти старуха ворожиха, но впук-ворон настоял на своем. Пошла она в четвертую землянку. Еще с порога крикнула:

— Внук за невестой к вам послал!

Ответили:

— Ах он черномазый! Плюгавка засаленная!

Хотела было старушка убежать, схватили ее, хряц на носу еще больше надрезали. Отправилась она со слезами домой.

Наступила ночь. Все жители селения крепко спали. Утром проснулись. Вот из пятой землянки дочь пятого брата пошла за водой. Когда воду брала, ворон подошел к ней, попросил:

— Напой меня! Напой меня!

Девушка кружку водой наполнила, ворону поднесла. Начал

он пить и снова воду расплескал. Девушка ладонью его ударила и сказала:

— Экий ты неловкий, воду расплескал, ни капли не осталось!

Ворон сказал:

— А ты на мне шкуру порвала, зашей!

Девушка ответила:

— Что ж, давай сюда, зашью!

Девушка домой пошла, ворон к себе пошел. Пришел домой, бабушке говорит:

— Невестка теперь у тебя есть. В пятой землянке живет. Приведи ее!

Старуха-ворониха на этот раз отказывалась. Ведь ее так больно за внука наказывают! Настоял внук-ворон на своем. В пятый раз старуха за невестой пошла. К дверям пятой землянки подошла, громко сказала:

— Внук за невестой к вам послал!

Сказала и убежала. Не догоняли ее. А отец разрешил девушке пойти к ворону. Пошла девушка. Приходит, а жилище у ворона такое тесное, что не выдержала девушка и заплакала. Так в слезах и уснула. Увидела старуха-ворониха заплаканную девушку, принялась вокруг нее петь и плясать. И вдруг маленькая, грязная землянка воронов превратилась в большую, просторную и чистую.

Ворон человеком стал, а старуха-ворониха — женщиной. Проснулась девушка, а кругом все изменилось, похорошело.

Стала старуха всех односельчан оленьей угощать. Затем и девушке дала угощение. Тут другие девушки пришли.

Первая сказала:

— Ведь первую меня в жены выбрали!

Вторая сказала:

— Нет, меня!

Третья сказала:

— Нет, меня!

Четвертая сказала:

— Нет, меня!

Но ворон на той женился, что сама к нему пришла. После этого они людьми стали и хорошо зажили. Все.

33. Эмэкут

Где-то за Лорино жил один человек по имени Эмэкут. Жил он в маленьком поселке с женой и двумя сыновьями. Была у Эмэкута большая байдара, но он не хотел ходить на охоту, и семья его часто голодала. Сыновья Эмэкута были еще совсем маленькие. Жили в поселке несколько семей. И была там еще одна бездомная девочка-сиротка.

Однажды говорит Эмэкут жене:

— Поеду я за гостинцами в соседний поселок.

А в том поселке жили люди богато и сытно.

— Там удачливые китобой живут,— сказал еще Эмэмкут. И стал часто выходить на улицу, погоду смотреть.

Вот раз на редкость выдалась хорошая погода. Эмэмкут проснулся пораньше, стал алыки готовить. Семья Эмэмкута жила в маленькой землянке-ынглу, но была у него еще одна большая землянка-кайги, в которой он сам жил. Проснулся Эмэмкут, приготовил пару маленьких алыков, хотя своих собак у него и не было. Стало рассветать. Вышел Эмэмкут на улицу, повернулся в сторону тундры и стал звать: «Се-се-се!» Тотчас появились из тундры два волка и подбежали к Эмэмкуту. Они так быстро бежали, что от усталости свои длинные языки высунули. Не успели волки подбежать к Эмэмкуту, как он хлестнул их алыками и сказал:

— Куда вам состязаться в беге!

Повернули волки и побежали обратно в тундру. Как только скрылись из виду, повернулся Эмэмкут в сторону моря, туда, где льды, и опять закричал: «Се-се-се!» Тотчас с моря два белых медведя пришли. Не успели они приблизиться, как Эмэмкут ударил их алыками и сказал:

— Куда вам состязаться в беге!

Белые медведи повернули обратно и ушли по льду в море. Как только скрылись они из виду, Эмэмкут повернулся в сторону тундры и опять закричал: «Се-се-се!» Тотчас выскочили из тундры два зайца. Как только подбежали зайцы, надел Эмэмкут на них алыки и свою большую байдару приготовил. Затем запряг зайцев в лодку и сказал:

— Поеду-ка я за гостинцами к удачливым китобоям!

Сел на руль и прикрикнул на зайцев:

— А-а-а, вперед!

Быстро помчали байдару зайцы. А как стали подъезжать к поселку, Эмэмкут остановил зайцев и сказал им:

— Теперь потихоньку ступайте, так и доедем до поселка.

Поплелись зайцы кое-как, едва волокут «нарту»-байдару. Выбежали на улицу жители поселка, смотрят, как человек в байдаре вместо нарт едет. Зайчишки еле-еле байдару тащат. Подъехал Эмэмкут к поселку. Стали люди его расспрашивать:

— Зачем ты приехал к нам?

— За едой приехал,— отвечает Эмэмкут.

Люди сказали:

— Вон там жилье удачливых китобоев!

Направился Эмэмкут к дому китобоев, доехал. Встретили его китобой радушно, спрашивают:

— Ты к нам за едой приехал?

— Да, за мясом,— отвечает Эмэмкут.

— Ну что ж, без мяса не ведешь. Завтра обратно в путь отправишься,— сказали ему.

Затем поужинали. Разделся Эмэмкут и в полог вошел. Говорит ему хозяин:

— Ты у нас путник, поэтому покамлай для нас, поразвлеки нас!

Эмэмкут согласился и сказал:

— Сейчас покамлаю. Вот только по своей надобности на улицу схожу.

— Ты здесь можешь что надо сделать, — сказал хозяин.

— Нет, я уж на улицу пойду, — ответил Эмэмкут.

Вышел. На улице темно, безлунно. Подошел к своим зайцам-собакам и сказал:

— Я буду петь, а вы тем временем перегрызите за ночь все ремни на ярангах. И опять сюда возвращайтесь.

Отвязал Эмэмкут зайцев, в ярангу вернулся. Начал камлать. А зайцы тем временем все ремни на ярангах перегрызли и на свое место вернулись.

Рано утром проснулся Эмэмкут и говорит хозяину:

— Пора мне в обратный путь собираться.

— Сейчас поклажу для тебя приготовим, — сказал хозяин.

Стали люди из яранг выходить, переговариваются между собой:

— Нагрузим его байдару мясом доверху, он и не сможет уехать. Конечно, так и сделаем! Не сможет он сдвинуться с места, мы весь груз обратно возьмем.

Стали носить мясо в байдару Эмэмкута, а удачливые китобои даже отдали целиком заднюю часть кита с ластом.

Жил в этом селении мальчик-сиротка со своей бабушкой. Прибежал он с улицы к бабушке и говорит:

— Все жители щедро одаривают гостя. Всего ему дают — оленины, и моржатины, и китового мяса. Они говорят, что он на своей байдаре с места не сдвинется, так что они все унесут обратно. Что бы мне подарить гостю?

Поискал, искал сиротка и нашел молоток.

— Давай подарим молоток гостю, — сказал он бабушке.

— Не надо, — сказала бабушка, — гость только прикидывается простаком. Вот увидишь, уедет он в своей байдаре.

— Не сможет он уехать, вот я обратно и возьму молоток, — настаивал мальчик.

Взял он молоток, принес его Эмэмкуту, бросил в лодку и сказал:

— А я вот что тебе дарю!

Нагрузили Эмэмкутову лодку-нарту до самого верха всякой всячиной, особенно оленьей. Множество народа собралось. Все смеются и подшучивают:

— Не сможет он ехать, куда ему! Все добро наше опять будет!

— Ну что ж, попробую поеду, — сказал Эмэмкут, садясь в байдару.

Как гикнет он на своих зайцев, как понесутся зайцы! Только пурга позади взвилась. Погнались люди за Эмэмкутом. Бегут сле-

дом за нартой-байдарой. Когда жарко станет, сбросят с себя кухлянки, дальше бегут. Поселок уже далеко позади остался. Позвал тогда Эмэмкут северный ветер с морозом. Налетел буйный ветер с морозом да пургой-вьюгой, ничего не стало видно. Ищут люди брошенную на дороге одежду, а ее уже нет, все ветер унес. Много людей поморозилось, а кто дома сидел, без крова остался. Сорвал ветер шкуры с яранг — ведь ремни-то зайцы перегрызли. Только несколько яранг и уцелело в поселке.

Между тем доехал Эмэмкут до дому. Полную байдару еды привез. Разгрузили байдару, на вешала поставили.

Много теперь у Эмэмкута еды стало: и моржатины, и оленины, и китовое мясо. Эмэмкутова семья ест до отвала. Кроме мяса Эмэмкут много жира в перпичьих мешках привез.

Несколько дней прошло, Эмэмкут и говорит жене:

— Что-то я заболел, наверное, скоро умру. Если умру, не хороните меня, а отнесите в большую землянку. Вместе со мной еду, которую я привез, положите. Ведь она-то и есть причина моей болезни. Видно, люди, которых я без мяса оставил, зашаманили меня, вот я и умираю.

А Эмэмкут только притворялся больным, затем и мертвым прикинулся. Позвала жена соседей, отнесли Эмэмкута в большую землянку. Все припасы из мясных ям тоже туда перетаскали.

Трудно стало жить жене Эмэмкута с сыновьями. Собирают они в котел прошлогоднюю ягоду шикшу, ею и питаются. Но вскоре мальчики научились куропаток силками ловить. Силки им мать из китового уса делала. Много силков делала мать, от этого руки у нее всегда были в ранах. Каждый день сыновья по две, по три куропатки приносили. Мать из птиц еду готовила. Так они и жили.

Была в этом селении девочка-сиротка; то у одних, то у других жила. Вот раз хотела она пойти ночевать в одну землянку, а дверь оказалась запертой. Побоялась она постучаться, осталась на улице. Ночь была светлая и тихая. Глянула девочка в полночь в сторону большой землянки, где лежал умерший Эмэмкут, видит, а оконце землянки вовсю светится. «Ведь туда после смерти Эмэмкута отнесла! Пойду посмотрю, что там делается», — подумала сиротка и пошла к землянке. Посмотрела в отверстие на крыше, видит: Эмэмкут еду варит и жирники у него так ярко горят! Вот наварил он оленины, приготовил подливу из оленьего жира и вынес, чтобы остыла. Затем принес китовой кожи и стал есть. Поел кожи, сказал: «Ой, как вкусно! И чего это я до сих пор с женой жил?» Потом подливы поел, постель постелил и, потушив жирники, спать лег.

Наступило утро, пошла девочка-сиротка к жене Эмэмкута.

— Что случилось? — спросила жена Эмэмкута.

— Да я сегодня на улице ночевала. Постеснялась постучаться. И узнала я одну тайну. Вы думаете, что Эмэмкут умер, а он в эту ночь подливу готовил, мясо варил и ел. Жив он. Когда спать

собрался, жирники потушил и сказал при этом: «Ой, как вкусно! И чего это я до сих пор с женой жил?»

— Я так измучилась, силки из китового уса делаю, а он как обманул нас! Поймаете сегодня куропаток, одну мне живой принесите!

Пошли мальчишки силки смотреть. Поймали несколько куропаток, убили, одну живой оставили. К вечеру вернулись домой, отдали матери живую куропатку. Принялась мать ощипывать куропатку. Все перо и пух ощипала, совсем куропатка голая, перья только на голове, на ногах и крыльях остались. Вынула из убитой куропатки пузырь, надула его и привязала на грудь ощипанной куропатке. Низ пузыря черным камнем покрасила и девочку-сиротку в свою землянку ночевать позвала.

— Как полночь наступит, пойдем вместе к нему, посмотрим, что он делает.

Наступила полночь, пошли они к землянке Эмэмкута. Заглянули в окошечко. Видят: Эмэмкут хозяйничает в землянке. По бокам жирники ярко горят, все жилище освещают. А «мертвый» Эмэмкут мясо варит. Жена и говорит:

— А я-то думала, он и вправду умер. Так страдала, так маялась!

Эмэмкут тем временем продолжает проворно хозяйничать. Принес из сеней подливу, приготовил вареное моржовое мясо, достал китовую кожу и принялся за еду. Съел все, оленьим мясом закусил и говорит:

— Ой, как вкусно! И чего это я до сих пор с женой жил?

Жена его сказала голой куропатке:

— Смотри, хорошенько напугай его!

И сунула птицу через отдушину в землянку.

Услышал Эмэмкут свист крыльев. Поднял голову, а над ним голая куропатка кружится. Так он испугался, что даже навзничь упал. А женщины тем временем домой вернулись. Только в землянку вошли, Эмэмкут следом за ними входит и кричит с порога:

— Эй вы, внутри! Я, Эмэмкут, с того света вернулся!

Переступил он порог, сделал несколько шагов и упал. Посмотрела на него жена, а он и вправду умер. На другой день похоронили Эмэмкута, а все припасы из его землянки к себе перетасили. Вот так и было, говорят. Все.

34. Хитрый Кукулын

Жили в тундре Кукулын с женой по имени Мити. Было у них трое детей. Кукулын охотился на куропаток и помногу приносил их домой. Так вот постоянно куропатками питались. Но однажды добыл куропаток, а дома дети съели все запасы. Кукулын притворился больным и сделал вид, что умер. Жена его Мити и дети стали оплакивать Кукулына, а затем отнесли в тундру и похоро-

нили. А когда Мити с детьми домой ушла, Кукулынь встал, оделся и построил себе ярангу. После этого пошел добывать куропаток. Куропаток добыл, много жира заготовил. Из мяса и жира вкусный пащтет сделал. Пащтет поедает, поет:

Уга-а-а, уга-а-а!

А жена его Мити последними куропатками детей кормит. Совсем мало осталось припасов. Кукулынь тем временем пащтет из жира и мяса делает, припевая:

Уга-а-а, уга-а-а,

Уга-а-а, уга-а-а!

Однажды в ярангу Мити через отдушину влетела куропатка и сказала:

— Кукулынь не умер, а там, в тундре, куропаток добывает да пащтет делает. Вот возьми, Мити, мою шкуру, надень ее и иди туда. По пути ярангу увидишь. Это Кукулыньна яранга.

Мити оделась в куропаткину шкуру и пошла. По пути ярангу встретила. Подойдя к яранге, вошла в нее. А Кукулынь в это время сидел и ел, оказывается. Мити голосом куропатки сказала:

— Ты жив разве? Надо твоей жене сказать об этом.

Кукулыньну стыдно стало. После этого Мити домой отправилась. Пришла, шкуру сняла и отдала ее куропатке. Та быстро надела свою шкуру и улетела. Кукулыньн домой вернулся. Мити, увидев его, сказала:

— Кто ты? Ведь Кукулыньн умер!

Кукулыньн сказал:

— Да нет же, не умер я. Бегите скорее за куропатками, много их добыл я.

После этого детей ласкать стал и больше не оставлял их.

35. Кошки-ворон и танниты

Так, говорят, было. Жил с единственным сыном старшина таннитов. Был он богат, имел много оленей. Однажды поднялась сильная пурга, и половина оленьего стада этого таннита потерялась. Поблизости от таннитов на горе жил Кошки-ворон с двумя сыновьями. Старший сын его на женщину похож, младший — обыкновенный.

Однажды старший сын Кошки вышел из дома и увидел большое стадо оленей. Он вернулся в дом и сказал отцу:

— Там чьи-то олени!

— А ну, покажи через дверь, — сказал Кошки.

Сын показал отцу стадо через дверь. Тогда тот сказал:

— Это олени старшины таннитов.

Затем отец сказал младшему сыну:

— Ну-ка, пойд и спроси Тынагыргына, чьи это олени здесь. Когда скажет, вернешься.

И вот младший сын пошел к Тынагыргыну. Шел, шел, шел и, когда дошел, позади яранги оказался. Там присел и стал есть свои припасы. Тынагыргын дочери своей сказал:

— Посмотри-ка, может быть, пришел кто-нибудь.

Девушка вышла из яранги, осмотрелась вокруг и увидела ворона — младшего сына Кошки. Она вошла в дом и сказала Тынагыргыну:

— Ворона там только видела я.

Отец сказал:

— Позови, пусть войдет!

Девушка вышла, подошла к ворону и сказала:

— Отец послал меня за тобой.

Ворон посмотрел на нее снизу вверх и ничего не ответил. Склонился над своей едой и продолжал есть. Девушка ушла и сказала отцу:

— Не ответил даже мне!

Отец снова сказал:

— Если кто-либо послал его ко мне, то пусть быстро идет сюда!

Девушка вышла и сказала ворону:

— Если кто послал тебя, то быстро заходи к Тынагыргыну.

Ворон сказал:

— А ты сама спроси его, чьи это внизу олени?

Девушка пошла и сказала отцу:

— Спрашивает, чьи это внизу олени.

Отец дочери строго сказал:

— Скажи ему, пусть сам войдет сюда!

Девушка вышла и сказала:

— Скорее заходи сам!

Ворон вошел к Тынагыргыну. Небожитель спросил ворона:

— Ну и что же ты скажешь мне?

Ворон ответил:

— Что это там, внизу, за олени появились?

Тынагыргын отодвинул в сторону жирник, а под ним — дыра. Ворон посмотрел вниз. Там около яранги увидел оленей, а рядом с ними танинтов.

Тынагыргын сказал ему:

— Олени принадлежат вот этим самым танинтам.

Ворон поел в доме Тынагыргына, вышел и спустился на землю.

Пришел к отцу и сказал ему:

— Это наши олени!

Кошки сказал:

— Хорошо, забьем несколько штук.

Братья вышли и забили пару оленей. Отнесли в свое жилище и съели. После еды они пошли к оленям и стали охранять их.

Танинты тем временем собрались в поход. Приготовив снаряжение, они пошли искать потерявшихся оленей. Обошли все окрестности, но только на одну гору взлезть не смогли. Но сам

старшина таннитов нашел тропинку и один поднялся на гору. Там он увидел стадо оленей и узнал их. Это были его олени.

Увидели старшину таннитов братья-вороны и пошли сказать отцу.

— Гость пришел,— сказал младший.

Кошкили ответил:

— Позовите его сюда!

Вошел к ним старшина таннитов и спросил:

— Чьи это олени?

Братья отвечали:

— Наши!

Еще раз спросил:

— Никаких еще оленей не видели вы?

— Нет,— ответили братья.

Таннит повернулся, вышел из яранги и пошел назад. А следом за ним пошло все стадо. Только два ездовых оленя Кошкили остались на месте. Братья не хотели отпускать стадо, но олени все же ушли за старшиной таннитов.

Старший брат вышел и запел песню. Пропел половину и провалился сквозь землю. Под землей он вызвал ветер со снегом и пургой. Поднялась снежная пурга. Танниты оленей своих во время пурги за рога привязали. Младший сын Кошкили за оленями на верх горы пошел, там залез на сугроб. Он вызвал другой ветер, без пурги и без снега. Подул сильный ветер, сугроб с горы сдуло. Путь таннитам закрыло. Но и старшина таннитов запел шаманскую песню. Горы разрушились, и он забрал своих оленей. Отняли оленей у Кошкили, и старшина таннитов снова поставил горы на место.

Теперь у Кошкили опять не стало оленей, и он сказал сыновьям:

— Вот опять оленей наших забрали.

Кошкили высунулся из дома и вызвал к себе бога Тынагыргына. Тот спустился с неба вниз, и Кошкили сказал ему:

— Там, внизу, находятся наши олени. Помогите нам вернуть их в горы.

Бог Тынагыргын сказал:

— Не могу я вам помочь в этом. Ведь я не говорил вам, что это олени ваши.

И он ушел. После этого Кошкили оделся, спустился с горы вниз и встретил там много людей. Это были танниты. Старшина приказал таннитам содрать с Кошкили шкуру. И танниты как следует потрепали его, но не убили. Рассердился Кошкили, и, когда танниты уснули, он своим клювом убил таннитского ребенка. Старшина сказал Кошкили:

— Пой заклинания, оживи его!

Кошкили ответил:

— Не буду!

Еще раз обратился к нему старшина:

— Я для тебя оленя забью!

Кошкили сказал:

— Если ты дашь мне половину оленей, тогда я залечу твоего ребенка.

Танниты сказали:

— Так не бывает даже у шаманов!

Кошкили согласился спеть.

— Хорошо, спою,— сказал он.

Запел, до конца не допел и исчез под землей. Там шел, шел, шел и пришел в свое жилище на горе. Сыновьям своим неправду сказал:

— Оленей я там приобрел.

Вышли, спустились с горы. Увидели стадо, разделенное на две части: в одной части оленей много, в другой мало. Младший брат старшему сказал:

— Бóльшую часть стада себе возьмем.

Старший не возражал. Людей около стада, как оказалось, совсем не было. Погнали стадо к себе в горы. Но сын старшины таннитов заметил похитителей и догнал их. И когда он приблизился к братьям, они убили его, затем со стадом ушли дальше.

Старшина увидел сына мертвым и сказал своим людям:

— Отнимите у этих двух воронов наше стадо!

Танниты догнали братьев, отняли у них стадо, самих же избили и порвали на них шкуры, но не убили. И тут поднялся ветер, началась сильная пурга. Хотели братья подняться к себе на гору, но не смогли. Сносит их ветром с одной стороны горы на другую, совсем в сторону от дома. Так они долго добирались до дома и наконец с большим трудом дошли.

Тут измученный и израненный старший брат сказал младшему и своему отцу Кошкили:

— Это из-за вашей жадности и лжи танниты порвали на мне шкуру и тело!

И этот старший брат от ран скончался. Все.

36. Глухой Кошкили

Так, говорят, было. Жил в одном селении Кошкили с женой Митикой и сыном Эмимкутом. Однажды девушки из соседних яранг нашли на морском берегу выброшенную морем нерпу. Решили они спрятать нерпу, чтобы ленивый и глухой Кошкили не увидел и не взял ее. Но не успели девушки утащить нерпу, как к ним подошел Кошкили и спросил:

— Что это такое?

— Это дерево,— сказали девушки.

Кошкили снова спросил:

— А почему это дерево с лапами?

— Не лапы это, а сучки.

— Ага, так вы обманываете меня! — закричал Кошкили и отнял у девушек нерпу.

Придя домой, Кошкили сказал Митике:

— Митика, вот свежий нерпу, сейчас добыл я.

Митика обрадовалась, положила нерпу на каютак и освежевала ее. Затем сварили свежего мяса и сытно поели. Остатки мяса Митика спрятала в кладовую. После еды все крепко уснуло.

Когда Кошкили, Митика и их сын Эмимкут спали, девушки потихоньку вошли в кладовую и съели все вареное мясо, а вместо него положили камней и песку. Проделав все это, девушки убежали.

Когда кошклинские проснулись, увидели, что вместо мяса лежат камни с песком. Натянул Кошкили нерпичьи штаны, схватил свою палку и побежал догонять девушек. Девушки закричали:

— Ой, не бей нас, голову тебе почешем!

Кошкили согласился. Девушки так хорошо голову Кошкили чесали, что он не заметил, как заснул. Тогда девушки завязали ему глаза красной кожицей и, смеясь, убежали. Проснулся Кошкили, открыл глаза и видит, что все вокруг покраснело, как от огня. Вскочил он на ноги, побежал и кричит:

— Митика, Митика, дом наш горит!

Подбежала Митика к Кошкили и сорвала с его глаз красную повязку.

Оказывается, опять девушки посмеялись над ним. Схватил Кошкили свою палку и побежал за девушками. Догнал, палкой замахнулся.

Девушки закричали:

— Ой, не бей нас, голову тебе почешем!

Кошкили согласился. Девушки снова так хорошо голову Кошкили чесали, что он не заметил, как заснул. Тогда девушки на носу и на подбородке Кошкили нарисовали полосы, как у женщин, и снова, смеясь, убежали.

Проснулся Кошкили и побежал к реке воды напиться. Наклонился к воде с камня, а из воды смотрит на него девушка с разрисованным лицом. «Ах, какое красивое лицо!» — подумал Кошкили и закричал:

— Возьму тебя, возьму тебя!

Кошкили от радости засмеялся. Девушка в воде тоже засмеялась.

Кошкили сказал:

— Она согласилась, она согласилась!

Потянулся он руками за девушкой, да и упал в воду. Так и утонул по своей глупости. Все.

37. Человек и орел

Жили вдвоем муж с женой. Односельчан не имели. Всех враги уничтожили. Однажды этот человек подумал о том, как раньше враги нападали, жене сказал:

— Ну, давай сделай обувь!

Та стала шить обувь. Когда кончила, отправился он в сторону берега, где враги жили. Потом с подножия горы вниз посмотрел. Когда солнце стало подниматься, внизу мужчины и женщины в мяч играть стали. Этот человек, притаившись, смотрел на них. День и ночь играли. Назавтра, когда появилось солнце, улеглись жители и уснули. Тут человек бросился на них, поубивал всех. К берегу пришел: оказалось, там остров. Нашел дерево, взял, на остров прыгнул. Оказавшись на острове, дерево это строгать стал. Очки сделал. Кончил и навзничь лег головой в северную сторону. Стал наблюдать. К вечеру сплошной гул к нему приблизился, хотя ничего не было видно. Здесь остался. Когда захотел спать, очки надел. В северную сторону повернулся, голову подпер руками, чтобы не упала. Уснул. Гул с противоположной стороны. Одни там говорят:

— Давайте нападём на спящего!

Другие говорят:

— Вон глаза, не видите разве, смотрят они.

К полудню гул стал удаляться. Каждый вечер постепенно удалялся, наконец совсем не слышно стало. Человек с острова ушел. К яранге своей пошел. Вошел. У жены глаза красными стали от бессонницы. Муж ее сказал:

— Теперь со стороны берега не будем ждать врагов. Еще раз сшей обувь мне.

Сшила женщина.

Сказал ей:

— Ну, на северную сторону пойду я!

Пошел, на пути засыпая от усталости. Однажды в полдень, когда шел, солнце совсем закрылось, кругом потемнело. Вверх посмотрел: орел парит на огромнейших крыльях. Человек на утес убежал. А там — глубокая пещера. В пещеру залез. До конца дошел. Орел на кромку пещеры сел. Когда хвост свой распустил, изнутри пещеры как будто сильно ветром подуло. Человек зацепился за камень и едва держался. Орел не мог вытащить человека хвостом, поэтому крыльями стал махать над входом пещеры. Человека рвало ветром от взмахов орлиных крыльев, но он держался за камень. Снова не мог орел вытащить его и остановился. Человек подумал: «Ведь птица уморит меня голодом». Затем решил: «Все равно я погиб». Начал подкрадываться к тому орлу. Когда подполз и посмотрел, то заметил, как у орла от дыхания раздвигается мягкий пух и оголяется кожа. Вот человек лук свой натянул и, как только раскрылся пух орла от дыхания, выстрелил в оголенное место. Сам убежал в конец пещеры. Стал наблюдать. Через некоторое время орел упал. Оказывается, человек убил его. Половину крыла отрезал, на спину взвалил, в ярангу свою вернулся. Так от страшных врагов избавился.

38. Охотник и орел

Я села. Проснулась. Как же начало вспомнить? Вот у старушки сын был. А жили они втроем: старик, жена и сын. Стал старик со своей женой думать, что им делать. Муж сказал:

— Как мы будем жить без еды?

Жена сказала:

— Там, в стороне, дрова когда собирала, видела глину. Надо принести три куса глины и мешок мелкого песку.

Муж сказал:

— А где я мешок возьму? Ведь у нас и мешка нет!

Жена сказала:

— Возьми эти голенища вместо мешков и иди!

Пошел человек. Жена тоже пошла, только в другую сторону, и мотыжку с собою взяла. Собрала кустарник шикши и стланика и ловко так связала. Пришел муж с глиной и песком. Жена дала ему продолговатый камень и моржовую кость. Муж на том камне зарубку сделал. Вместо рукоятки кость к камню привязал. Крепко привязал завязкой из китового уса в том месте, где зарубка. Жена его взяла глину, растолкла и перемешала с песком. Сделала из этой смеси кастрюлю и жирник. Поставила на солнце сушить. Высохли назавтра, совсем белые стали. Из вчерашней вязанки — шикшовника, стланика, ивняка — огонь развела для обжига. Обжигает кастрюлю, а сама по ней палочкой постукивает: когда закалится — звенеть будет. Один жирник плохо получился, песку было мало. Другой, однако, удался. Когда закалила один, глину без песка кровью развела. Затем горшки покрасила. Яму вырыли, землянку сделали. Жили там и спали. Все необходимое сделали. У берега этот человек нерпу, лахтаков добывал и, освеживав, уносил домой. В море охотиться не выезжал, потому что они ведь трое только на том берегу жили. Но ничего, еда была.

Умер старик. Сын его сильно плакал. Мать однажды говорит ему:

— Что это там дымит?

Мальчик отвечает:

— Все равно уж нам погибать. Пойдем посмотрим.

Пошли. В заплечные мешки мясо с жиром положили. Когда немного идти осталось, мальчик за камень спрятался. Впереди землянка была. Мать его пошла к этой землянке. Навстречу из землянки женщина выходит с горшком в руках. Хочет горшок вылить. Увидела гостью, испугалась, бежать бросилась.

А гостья говорит:

— Эй, не бойся меня, я тоже человек, как ты, не тунгак я, подожди!

Остановилась женщина, спрашивает:

— Кто ты такая?

Отвечает гостья:

— Несколько лет мы в той стороне жили. Сверху откуда-то спустили нас. Проснувшись я, вижу — пятеро нас: связка лучин и рукавиц две пары. С левой стороны рукавица с темной опушкой покатила в сторону суши. Вышло из нее много людей. Оказывается, русские. Другая, с красной опушкой, покатила в заморскую сторону, из нее американцы вышли. Третья рукавица в северную сторону двинулась. Укатилась за холм, из большого пальца пожелтелые листья посыпались и оленями сделались, вместе с ними появились и олениводы. Четвертая рукавица по побережью покатила. Из нее береговые чукчи посыпались. Мы, эскимосы, из лучин вышли.

А женщина, которая горшок выливала, оказывается, птицей была. Говорит она пришедшей:

— Идите за холм и вещи туда несите. Выройте землянку и живите там. Муж у меня плохой, не показывайтесь ему на глаза, не то убьет вас, хотя с добычей всегда приходит: с дикими оленями, морским зверем и многим другим. До завтрашнего дня на охоте будет.

Стала им женщина еду каждый день приносить тихонько от мужа. Сыты стали. Сын даже сказал:

— Еда у нас как при отце.

Однажды пошел этот человек охотиться. Когда он ушел, прилетел орел. От его крыльев даже солнце потемнело. Сел он на землю. Вышла из землянки жена охотника, схватил ее орел и улетел. Возвращается муж с охоты, а жены нет. Стал всех расспрашивать о своей жене, но никто не знает, где она. На землянку взобрался, соседей стал копьём бить — так сильно расстроился, так о своей жене страдал. Хотел скорее увидеть ее.

Мальчик матери сказал:

— Когда эта женщина здесь жила, как много у нас еды было!

Мать его сказала:

— Пойди позови мужа потерявшейся!

Мальчик сказал:

— Но ведь она говорила нам, чтобы не показывались ему на глаза, не то он нас убьет.

Мать сказала:

— Если он тебя спросит, откуда мы появились, скажи ему, что на этой земле нас не было. За горой мы появились, далеко отсюда, но никак нельзя нам было жить там. Когда отец умер, сюда пришли, за тем холмом жили. Скажи: «Мать велела позвать тебя: сон, наверное, видела».

Пошел мальчик к тому человеку и сказал, что мать велела.

— Подожди, с землянки спушись. Где твоя землянка? Иди вперед, — сказал человек.

— Иди за мной, близко мы живем, — сказал мальчик.

Пошли. Когда пришли, там просто яма, оказывается, была, не землянка.

Сказала женщина:

— Давно ведь ты не ел, с тех пор как жена пропала. Поешь. А человек даже в яму войти не может, около входа притулился. Кухлянку ему старуха дала. Лег на кухлянку и задремал. А сама еду приготовила: несколько сухих кусочков моржовой кожи, вымоченных в воде.

Человек сказал:

— Только такая у вас еда?

Ответила старуха:

— Да, только такая. Когда муж жив был, мы тоже хорошим мясом питались. Но хотя и такую еду едим, однако живы остаемся. Когда выйдешь, постель вытряхнешь, ляжешь, палку позади землянки воткни. В какую сторону твоя жена ушла, в ту сторону палка и наклонится.

Пошел человек, так все сделал, лег и в изнеможении уснул. Утром, на рассвете, проснулся, вышел. Смотрит: палка его в сторону косы наклонилась. Вошел в яму и сказал старухе:

— Моя палка в сторону моря наклонилась.

Ответила старуха:

— Значит, в ту сторону твоя жена ушла, палка это показала. Прикажи своим оставшимся женам обувь сплести, хотя бы пар пять. В один торбас положи травы для подстилки, в другой — дорожные запасы. Затем, когда обувь надевать будешь, поешь. Палку свою опять установи, чтобы ветром не качало, и опять спи. Проснешься, увидишь, в какую сторону палка наклонится, в ту и иди!

Выспался человек и ушел. Однажды проснулся в пути, а палка его на землю свалилась. У человека даже сердце затрепетало от мысли, что скоро жену свою увидит. Опять ему палка путь указала. На бугорочек поднялся, видит: землянка с дымящейся макушкой. На улице — большие сушила. На них большая птичья шкура висит, крылья и лапы даже до земли достают. Оказывается, это птичья одежда того человека, который его жену унес.

Человек сказал:

— Все равно уж я погиб, пойду туда.

Подошел к отдушине землянки, заглянул внутрь, свою жену увидел. Сидит там человек, на подушки облокотился, а по бокам его две женщины. Поглаживает их человек и приговаривает:

— Когда же вы жирными станете?

Оказывается, как станут жирными, он их съест. Заметила женщина в отдушину своего мужа, громко сказала:

— Я от такой еды никогда жирной не буду. Мне мой муж китов из дальнего моря приносил. Вот от такой еды я поправлюсь.

Человек ответил:

— Ну что ж, принесу тебе китов из дальнего моря.

Женщина сказала:

— Пойду пока горшок вынесу, да и жарко мне очень!

Пошла горшок выносить. Вышла, говорит мужу:

— Зачем пришел? Ты ведь последний в семье. Спрячься нон туда, в чащу кустарника. Как следует в мох заройся!

Женщина вернулась. Новый муж ее сказал:

— Почему так долго была на улице? Что там увидела?

Женщина сказала:

— Что же я там увижу? Моя семья далеко.

— Ну, хватит, проводите меня на улицу, — сказал муж.

Вышли. Пошел человек к сушилам. Кухлянку свою взял, надел. Надев, начал крылья расправлять. Когда взлетел, даже кусты от взмаха крыльев пригнулись. Приземлился, сказал:

— Ага, ты, говоришь, от дальней пищи жиреешь, а я вот что-то здесь совсем близко почувял!

Женщина сказала:

— Что ты мог почувять? Сегодня я стирала и браслеты мои промочила; сорвала их, вон туда выбросила. Ты их и почувял.

Вот человек-орел на дальнее море за китами отправился. Когда улетел, человек своей жене говорит:

— Идем!

Женщина отвечает:

— Ты один иди, не нужна я тебе!

Взял он все же ее, вместе пошли. Прошли полдороги, навстречу им орел летит, добытого кита в когтях держит. Орлище и говорит:

— Ага, вот как ты едой из дальнего моря питаешься! Ну, теперь живыми не будете!

Жена говорит мужу:

— Ах, я ведь предупредила тебя! Пойдем скорее вон к той речке, которая под горой течет.

Только до речки дошли, нагнал их орел. Жена этого человека сказала:

— Ты с этой стороны речки поднимайся, а я — с другой.

Стали в ущелье входить, орлище бросился вниз, упал, даже крыльями снег раскидал вокруг. Ноги убегающих чуть не раздавил. Стал их по течению реки искать.

— Плохие вы! В ущелье попрятались, теперь уж живыми не будете! — сказал орел. Поднялся с земли и взлетел повыше.

Человек жене сказал:

— Вот как в третий раз налетит, тут мы и погибнем.

Орел второй раз с высоты свалился, с такой силой упал, что лед раскололся. Снова стал искать людей. Сказал:

— Очень плохие вы! В ущелье попрятались, все равно живыми не будете.

Сел орел на глубокую воду, на дно ногами встал, крылья расправил, реку всю крыльями перекрыл. Муж и жена за камни цепляются, вверх по склонам ущелья убегают. Говорит жене человек:

— Ну, теперь уж мы погибнем!

Жена его сказала:

— Не погибнем мы! Не зря я такой сильной стала. Вот позову сейчас мороз с ветром!

Только эти слова произнесла, речку всю льдом сковало. Примерзли у орла крылья ко льду. Вышли муж и жена из ущелья. Посмотрел на них орел. Разум у него еще не замерз, он и говорит:

— Эй вы, растопите реку! За это все, что имею, пололам раздेलю и вам отдам. И отнесу вас в ваш дом!

Человек сказал:

— Ты ведь хотел нас сегодня убить. Теперь я тебя убью!

Ударил охотник копьём по трепещущему от страха орлу. Вдрогнул орел, да так сильно, что лед расколело и людей в разные стороны отбросило, и умер. А муж с женой живые остались. Так устали, что прямо здесь и уснули. Когда проснулись, сказал человек жене:

— Пойду вернусь, ту женщину захвачу, которая в землянке у орла осталась.

Сходил за той женщиной, втроем пошли. Вернулись домой, мальчик вырос, большим стал, а старуха совсем состарилась. Отдали одну из этих женщин юноше в жены. Юноша с матерью взяли ее. Все. Конец.

39. Мальчик у орлов

Давным-давно на другом берегу жили на отшибе муж с женой. Муж был хороший добытчик, много приносил с охоты морских и пушных зверей. Так они и жили, родился у них мальчик. Женщина очень своим сыном гордилась: состарятся они, будет у них на старости лет кормилец. Мальчик быстро рос, потому что ел свежую пищу. Не хворал, ходить скоро стал, разговаривать. Шустрый рос, здоровый и крепкий. Вот как-то проснулись утром, поели. Снаружи, слышно, ветер потянул. Вышел отец — ветер с суши дует, море белыми барашками подернулось. Глянул отец на море, на небо, посмотрел погоду, пошел домой и говорит сыну:

— Идем со мной на берег, я тебя в каяке покатаю.

Мальчик еще несмышленный был, сразу согласился. Взял отец каяк, и спустились они на берег. Посадил сына в каяк. Ремни покрепче затянул, чтобы вода внутрь не попала. Привязал к каяку ремень и стал водить по воде туда-сюда, туда-сюда. Поводил так немного, вынул нож и перерезал ремень. Стало сносить каяк ветром в море. Качает с боку на бок и все дальше сносит. Совсем далеко в море унесло. День плывет каяк, два плывет, долго плыл. Голодно мальчику и нужду свою прямо в каяк справлять приходится. Принесло наконец каяк в тихое место. Ткнулся он во что-то твердое, прошуршал по гальке, протащило его по твердому, и он остановился. Не мог мальчик из каяка сам выйти, привязан был. Так и сидел он в каяке. «Кто бы меня отсюда выпустил», — думал.

Долго он так без движения сидел, все слушал, не идет ли кто. Вдруг чей-то голос услышал и подумал: «Кто это, интересно? Убьет меня, наверное, и съест». А снаружи шаги все быстрее приближаются. И голоса все слышнее. Разобрал мальчик — две женщины идут. Подошли. Одна и говорит другой:

— Смотри, какая. Чей это? Затянут как крепко.

Говорит другая:

— Давай развяжем. Хорошо бы там маленький мальчик был! Вот бы нам ребеночка найти!

Стали они какая развязывать, в разные стороны поворачивать. Развязали, но не сразу открыли. Прodelала одна маленькую дырочку, а оттуда воню потянуло. Однако растянула она ремни и открыла каяк. Видит: там маленький мальчик, сильно обмаранный. Вторая отвязала его, на руки взяла, обтерла. Свою кухлянку сняла, завернула его, и пошли все домой. Шли и радовались. Теперь у них братец появился. А пришли — свою радость отцу с матерью рассказали.

— Мы не бездельницы, — говорят, — вон какого хорошего мальчика нашли! Вырастет, кормильцем нашим будет, пищу станет нам добывать.

Вымыли мальчика как следует — и такой он оказался пригожий! Поднял голову — по правую руку старик на нарах сидит, по левую в нише — старуха. Стали девушки младшего братца кормить, чем только не потчевали: и китовой кожей, и мясом дикого оленя, и жиром тюленя. Поел мальчик, сморило его, и он крепко уснул. Так и остался жить в тех местах навсегда. Сестры никуда его не пускали, даже на улицу. А сами нет-нет да и отлучатся на долгий срок. Охотились они — перп, лахтаков, диких оленей приносили. Вот и думает мальчик: «Как это они такого крупного зверя ловят?» Вот однажды их долго не было, дольше, чем всегда. Вечереть стало. Над землянкой сильный шум послышался. Старик и говорит:

— Хорошо! Дочери, наверное, кита добыли.

А они и вправду кита добыли. Найденышу любопытно, как это две женщины могут кита промыслить. И спросил одну сестру:

— Как вы, женщины, можете всяких зверей добывать?

Отвечает ему сестра:

— Мы ведь не по вашему обычаю живем. По воздуху мы летаем. Орлы мы. Потому всякого зверя добывать можем.

Мальчика, оказывается, так далеко в каяке унесло, что попал он в землю орлов. Много уж лет он у орлов прожил. Пища там, хорошая была, и мальчик быстро рос. Вырос наконец. Стал юношей. Но все никуда не выходит — сестры не пускают. Берегут его сестры — как бы беда какая с ним не стряслась. А уж он совсем возмужал. Говорит тогда старик:

— Не все же время он так жить будет, да и вы не всегда такими останетесь. Придет срок, станете вы немощными. А ну-ка, шкуру мою достаньте, пусть летать приучается!

Вышли женщины в сени, внесли большую шкуру. Оказывается, это шкура огромной птицы — большой изогнутый клюв, когтищи.

Старик сказал юноше:

— А ну-ка, надень!

Надел юноша крылья.

— Лети!

Хотел юноша взлететь, но перевернулся через голову. Дома стал учиться, но все больше кувыркался. Терпеливо учился летать юноша, да и старик его наставлял. И вот стал он все же летать — сначала дома, а потом и на воздухе, но уставал, правда. А потом привык, усталости не чувствовал. Когда хорошо летать стал, начал на зайцев охотиться. Но и заяц свою жизнь защищает — просто так его не возьмешь! Наконец как-то зайца поймал. Сжал его сильно, убил, понес домой. Похвалили его, одарили. Так он каждый день стал ходить на охоту и добывать зайцев. Однажды дикого оленя добыл. Опять одарили его. Научился наконец ловить зверей: как увидит — убивает.

Сестры стали обучать его охоте на морского зверя. Однажды они втроем далеко в сторону моря полетели. Летели долго и очень высоко. Через некоторое время снизились. Над самым льдом пошли. На льду, оказывается, очень много нерп лежит.

Одна сестра говорит:

— А ну-ка, смотри, как я поймаю нерпу!

Ринулась вниз, схватила нерпу.

Потом вторая сестра так же поймала нерпу.

— А ну-ка, ты тоже попробуй поймать! — говорят ему.

И он без труда нерпу схватил. Обратил с добычей повернули. И брат свою нерпу несет. Дома его первого одарили. Теперь уже все трое стали нерп приносить. Скоро стал их брат и моржей приносить. А как надоест морской зверь, в тундру за дикими оленями да зайцами летали.

Скоро не стал он пускать сестер на охоту. Стал хорошим добытчиком, ничего не боялся, на любого зверя летал. Даже китов стал один промышлять. Соберется он лететь на охоту, а сестры наказывают ему беречь себя. Если что случится, пусть сразу сестер кличет, хотя бы они и дома в то время были. Предупреждают его сестры:

— Увидишь большого кита, который огнем дышит, не соблазнишься. Большая у него сила, опасно с ним бороться, да и грех это. Ты теперь крупных китов приносишь, но огнедышащие во много раз больше. Нельзя их промышлять. Смотри, слушайся нас.

Брат слушался и не искал огнедышащих китов. Но вот раз залетел он далеко в море, ни нерп, ни моржей не трогал. Вдруг увидел, ныряют огнедышащие киты-великаны. Вынырнут из воды и долго плывут, не ныряя. Летел он над ними, летел, и разгорелся в нем охотничий пыл. Но не решается напасть, боится, помнит о запрете. Кружится над китами, высматривает самого мелкого. Видит: два кита рядом плывут, и один меньше всех остальных.

Фонтан и тот меньше. Приметил он этого кита, а все не может решиться силами с китом помериться. Улучив момент, ринулся вниз и вонзил когти в хребет кита. Рванулся с добычей вверх, а поднять ее сил нет. Тянет каждый в свою сторону: кит вниз, в пучину, орел вверх, в поднебесье. Долго никто одолеть другого не мог. Орел уставать стал, в воду погружается. Хочет отпустить кита — не может, глубоко когти в спину кита вошли. Вот уже вода к коленям подступает. Закричал орел, стал сестриц звать:

— Э-гей! Беда со мной приключилась, летите, сестрицы, ко мне! Убьет меня кит!

А сестры в тот час дома сидели. Вот и говорит одна сестра другой:

— Ой, что-то сердце у меня колотится! Уж не с братцем ли что приключилось?

Вторая говорит:

— И у меня на сердце беспокойно.

Посмотрели друг на друга, встали, надели шкуры и вышли. Посомневались немного, куда лететь, и полетели в сторону моря. А брат уже по бедра в воду ушел. Далеко залетели сестры, вдруг видят: братец в море с китом борется. И кит его уже почти до пояса в воду утянул.

Ринулись они вниз, схватили кита — одна у головы, другая, где хвостовой плавник — и подняли без труда в воздух. Полетели все втроем с добычей домой. Скоро дома были, опустили кита на землю, земля под его тяжестью ходуном заходила.

— Хороша добыча, — сказал отец.

Вошли в землянку, видят, сильно их мужчина устал. Сели есть. За едой сестры крепко его за непослушание ругали.

Так много лет все вместе прожили. Юноша, ставший орлом, летал на охоту и все своих родителей искал. Много людей в тундре видел: одни силу свою развивают, другие еще чем-нибудь занимаются. Вернется юноша-орел домой, а старик вздыхает:

— Эх, было время, да ушло. Были мы молоды, чего захотим съесть, то и едим.

Юноша и думает про себя: «Чего это старик съесть хочет?» Спросил однажды у сестер:

— Чем это старику-орлу полакомиться хочется?

Сестра и говорит:

— Человечины он отведать хочет. Да ты не слушай его. Нам с людьми не тягаться. Есть у них в руках что-то очень острое. Не обращай ты внимания на старичишку, убьют тебя люди. А обычай у нас такой: если кто убьет человека, входит в землянку, сильно нахмурившись.

Юноша и не стал старика слушать. А тот знай свое твердит. И подумал юноша: «Нехорошо как-то старика не уважить. Полезучка я человека промышлять». Раю утром отправился. Видит: в тундре человек в ловкости упражняется. Подлетел поближе, улучил момент, схватил человека, сдавил посильнее. У того и дух

воп. Вернулся домой, положил добычу на лавку. Снял у входа в землянку шкуру и вошел, сильно нахмурившись. Увидал его старик и говорит:

— Эх, почему это у нашего мужчины настроение, как никогда, веселое?

За едой юноша сказал сестрам, что на лавке лакомство для старика припасено. А сестры уже сами старикам сказали, что юноша с охоты принес. Вышли старики наружу и четыре дня, не возвращаясь в землянку, ели любимую пищу. Только на пятый день вернулись, когда все съели.

Вот как-то старикам опять человечины захотелось. Полетел юноша на этот раз отца своего искать. Долго искал, а все-таки нашел. Улучил момент, схватил, сдвинул посильнее, у того и дух воп. Принес домой, на лавку положил. И говорит сестрам:

— А вот где, интересно, моя мать?

— У тебя, оказывается, мать есть? — удивились сестры. — Завтра же лети за ней. Что же ты раньше-то молчал?

— Боялся, как бы старые орлы ее не съели.

— Не бойся, не дадим мы ее съест. Лети скорее за ней.

На другой день полетел юноша свою мать искать. Нашел, на землю перед землянкой опустился. А мать выйти боится — такая страшная птица прилетела. Снял юноша орлиную шкуру, вошел к матери. Еле-еле убедил ее, что он и есть ее сын. Вышли вместе, надел юноша шкуру, взял мать осторожно в лапы и понес. Долго летели, но с матерью ничего не случилось. Сестры ласково ее встретили. А старики спросили только:

— Отец-то твой где?

Юноша отвечал:

— Я убил его, а вы давно уже съели.

— Почему же ты отца своего убил? — спросил старик.

— Был я совсем маленький, привел меня отец на берег моря, посадил в каяк, привязал и пустил каяк в море.

И рассказал старикам, как все дело было. И стала мать орла-человека хорошо жить, ни в чем она не пуждалась и никакую работу больше не делала. До глубокой старости жили эти орлы и мать юноши-орла. Совсем потом породнились и жили хорошо и дружно.

40. Как люди жили раньше

В древнее время люди в этой местности постоянно не жили. Каждый на свою временную стоянку выезжал. Так пять родных братьев всегда отсюда выезжали в Тавахлюк. А пять родных братьев другой семьи выезжали в Амьяк. В этих местах они охотились на каяках, добывали нерп и лахтаков гаргунами. Там они заготавливали припасы. Нерпичьи мешки наполняли жиром добытых зверей. Накопленные припасы отвозили в Каныграк. Поздней

осенью, когда наступал месяц акумук и бухта покрывалась мелкой шугой, амьякцы и танахлюкцы сообща перевозили припасы в Уназик, а затем устанавливали там свои зимние жилища. После первого ночлега они делали чистку в землянках, а затем уже поселялись в них на всю зиму. С наступлением весны они устанавливали летние яранги и переходили в них из землянок. Затем, когда наступала пора летней охоты, многие покидали Уназик и отправлялись на промысел на свои охотничьи стоянки, в свои временные селения. Одни уезжали в Танахлюк, другие — в Амьяк, а третьи — к кочевникам торговать. Кроме Танахлюка и Амьяка отдельные семьи уназикцев уезжали на промысел и в другие места, где у них были временные поселения. Так жили.

Однажды в Танахлюке жена младшего брата пошла за водой и не возвратилась, исчезла. Перед наступлением ночи братья пошли ее искать, но поблизости женщины не оказалось. Наутро муж ее пошел на поиски один. Обошел много прибрежных селений, но нигде не мог найти ее. Наконец он стал искать жену в тундре, но и там никаких признаков пребывания ее не обнаружил.

Вот уж и осень наступила, и на море появился тонкий лед. Братья из Амьяка сообщили братьям из Танахлюка, что они уезжают обратно в Уназик. Тогда младший брат танахлюкцев сказал своим:

— Что же делать, вы уезжайте в Уназик, а я здесь останусь зимовать. Здесь потерялась моя жена, здесь буду и я. Уезжайте вместе с соседями амьякцами, а то вам здесь трудно будет зимовать. Я остаюсь здесь.

Старший брат сказал ему:

— Нельзя так, видано ли, чтобы самого младшего брата одного покинули старшие. Будем зимовать здесь все вместе. А амьякцы, зовущие нас с собой, пусть одни уезжают.

И амьякцы, узнавшие о решении соседей остаться зимовать в Танахлюке, собрались и уехали в Уназик.

Тем временем танахлюкцы насобирали на побережье выброшенные морем бревна и сделали на всех одну большую землянку. В ней стали жить. Здесь стали охотиться на каяках. Добывали нерп, крылаток, лахтаков.

Младший брат возле ключа вырыл яму и прикрыл ее китовой лопаткой. Начал он ходить по морскому берегу. Нашел мягкое дерево — осину. Комель этого дерева толщиной с лахтака. Привязал к дереву ремень, спустил его в воду и потянул к стоянке. Позвал братьев, и все вместе вытащили бревно на сушу. Затем положили его около ключа, где была вырыта яма, и пошли домой.

Младший брат, войдя в землянку, взял инструменты и вернулся обратно к ключу. Там он начал мастерить из бревна туловище женщины. Смастерил женщину. Затем вырыл для нее яму поглубже и позвал братьев. Братья пришли и помогли младшему поставить женщину комлем вниз. После этого младший брат засыпал ее землей и стал поливать ключевой водой. Затем ушел домой

и уснул вместе со всеми. На следующий день проснулся, поел и пошел к ключу. Там он снова стал засыпать женщину землей, а затем поливать водой. Покончив с этим, вернулся домой. Заснул. Утром пошел к ключу. Оказывается, заморозило его женщину. Снова подсыпал к ней земли и полил водой. Пришел в землянку и спросил сноху, жену брата:

— А не привезли ли мы с собой байдарное ведерко?

— Привезли,— сказала женщина.

Снова спросил:

— А не привезли ли мы праздничный дождевик?

— И это привезли,— ответила женщина.

И молодой охотник, забрав с собой ведерко, дождевик и оленью шерсть, отнес все к своей, сделанной им женщине. Он надел на женщину дождевик, вместо волос прикрепил к ее голове оленью шерсть, а рядом с нею поставил ведерко, а затем привязал к ее руке ковш таким образом, как будто бы она собралась наливать ведерко. Черным камнем он нарисовал ей брови и полосы на переносице. После этого ушел домой и спал до следующего дня. С наступлением вечера взял с собой луки и колчаны со стрелами братьев, затем пошел к своей яме. Там он уложил стрелы, а в китовой лопатке, которой была прикрыта яма, сделал отверстие. Залез в яму и целую ночь караулил, не засыная. Утром ушел домой и снова спал весь день. Проснулся, поел и отправился во второй раз караулить в своей яме. Всю ночь наблюдал через отверстие в лопатке. Была лунная ночь. В полуночную пору в устье бухты послышалось журчание воды. Вот и голоса людей послышались. Посмотрел он в отверстие лопатки и увидел, что к берегу приближается байдара. Прямо на берег пад ним въехала байдара. Человек этот смочил во рту мизинец и провел им по днищу. Потрогал он днище носа байдары и понял, что она села на мель.

— Ой, на камни сели мы,— сказали на байдаре,— это мясо сбросьте в море!

Мясо из байдары сбросили в море.

— А теперь оттолкнитесь!

Оттолкнулись. Но человек из ямы крепко держал их своим мизинцем. И хозяин байдары сказал:

— А ну, бросьте-ка в воду амулетные ремни!

Байдарный стрелок сбросил амулетные ремни в воду. Старший их сказал:

— Оттолкнемся!

Попытались снова оттолкнуться. Скоро уже и рассвет наступит.

— Вот беда, мы никак не можем сдвинуться с места. Ведь так нас здесь и убить могут.

Люди этого старшины закричали:

— Ой, погибнем мы здесь все! Что-нибудь сделай! Брось свою шапку в море! Хуже будет, если погибнет тело.

Хозяин байдары бросил в море свою шапку.

— А ну, отталкивайтесь!

Когда гребцы стали отталкивать байдару, человек этот убрал от нее свой мизинец. Байдара сдвинулась и вышла в море. И люди на байдаре громко заговорили, несмотря на шум от всплесков воды при гребле. Голоса были слышны и тогда, когда те люди причаливали к берегу в другом месте. Они встряхнули от воды свою байдару и прекратили разговор.

Когда стерегущий человек вышел из ямы, уже наступал рассвет. Он осмотрелся вокруг и увидел: на берегу лежит китовый жир со шкурой, моржовая шкура с жиром, лахтак, белуха, серая нерпа — так много еды! Поискал еще кругом и нашел шапку хозяина байдары и амулетные ремни. Взял он все это, обернул своим дождевиком и понес домой. Эти вещи он положил в укромном уголке коридора землянки так, чтобы никто не мог их задеть. Вошел в помещение, разбудил братьев и сказал им:

— Одевайтесь, идите на берег, заберите там мясо и уложите его в кладовую.

И правда, братья проснулись, оделись, поели, вышли, отправились на берег. Пришли туда, увидели: китовая шкура с жиром, моржовая шкура с жиром, лахтак, белуха, нерпа. Спрятали все. Много пищи у них стало. Пришли домой, стали есть мантак с жиром и другую вкусную еду. После этого уснули.

Младший брат в это время оделся и вышел. Пошел он к своей мясной яме. Влез в нее, прикрылся крышечкой и всю ночь сторожил. С рассветом пошел домой. Там братья уже проснулись, поели и приготовились к охоте. А младший брат лег спать. Братья вернулись с удачной добычей и радовались этому. Так продолжалось много дней.

Однажды, когда младший брат снова караулил в своей яме, в полночь вдруг наступила сильная темнота. Он посмотрел вверх и вниз, но сначала ничего не увидел. А затем снова посмотрел вверх и увидел, что к нему приближается орел. Вот орел приблизился к сделанной человеком женщине, вытянул когти. Чуть было не схватил ее и быстро поднялся вверх, обдав человека ветром от крыльев, отчего его чуть было не выбросило из ямы. Второй раз зашумело сверху от крыльев орла. Он налетел и схватил основную женщину. Стал с ней подниматься, и от этого даже земля затрещала. Не смог орел подняться. Его когти глубоко вонзились в женщину-осину. Человек взял луки, поставил их в ряд, а к каждому луку положил колчан со стрелами. И стал стрелять в орла. Из всех луков по очереди стрелял, и наконец осталось у него только пять стрел. В это время орел перестал рваться вверх и сказал человеку:

— Ты победил. Когда похоронишь меня, сам поднимись в небо в моей шкуре. Когда поднимешься на небо, увидишь землянку и подмости. Там вы будете справлять праздник, бегать по кругу. Моя жена сейчас там, наверху, поет о моем спасении. Когда ты поймешь суть нашего праздника, можешь поступить с моей женой по своему усмотрению. Теперь убей меня!

И вот человек убил орла. Тело его отнес в сторону и принялся вытаскивать из осиновой женщины его когти. Вытащил их. Покончив с орлом, он разбудил своих братьев и велел им снять с орла шкуру. Они это сделали. Уставший человек пришел домой и сразу уснул. С наступлением ночи вышел на улицу, надел орлиную шкуру и поднялся на небо. Там неожиданно увидел вход в землянку, а рядом — большие подмости. Орлиную шкуру спял и повесил в проходе. Потом он вошел в землянку и увидел женщину, которая пела и вместо бубна била себя в грудь. Она пела праздничную песню. Когда кончила, сказала:

— Не заглядывай сюда, ты меня задерживаешь. Сейчас мы будем петь о спасении моего мужа.

Человек вышел, поднялся на подмости и увидел свою похищенную жену. Оказывается, только что орлы убили ее и разрезали. Тут вошла в землянку женщина, оделась, снова вышла и вернулась с корнями кустарника в руках. Из этих корней сделали подобие отдушины и повесили в землянке. И в каждой такой петле оказался зверь. Человек вышел и начал бегать по кругу. Бегал целый день. К ночи поел и уснул. Наутро поел, вышел и снова бегал весь день. Женщина пела ему. Когда они отдыхали, то принимались танцевать, прыгая по-сиклюкски на одной ноге. С наступлением ночи уснули. Наутро стал бегать по кругу в противоположную сторону. Женщина пела ему. С наступлением ночи уснули. На третий день снова бегал по кругу. Все как было. Поспали. На четвертый день стали справлять празднество в честь добычи тюленей. Труп убитой орлами женщины унесли. Праздновали. Когда кончили, женщина сказала человеку:

— Если ты когда-нибудь спустишься на землю, а там у тебя случится беда, то вспомни и позови этот праздник казива. Только смотри, не меняй этот праздник добычи тюленей. Теперь уж ты готов. Только похорони меня!

Человек спросил:

— А кто убил мою жену?

Женщина сказала:

— Ее поднял сюда мой муж. А три дня назад, не дождавшись мужа, я стала вызывать его песней, чтобы здесь он побольше добывал тюленей. И я убила твою жену. Теперь иди, спускайся!

Человек убил эту женщину-орлицу. После этого спустился, прибыл домой. Там уже спали. На следующий день братьям сказал:

— Теперь мы можем уехать в Уназик. То, что я искал, увидел там.

Братья согласились. Поехали. Приехали и стали жить в своей землянке. И вот с наступлением весны, когда началась морская охота, братья стали добывать китов. И если его племянники заболели, младший брат вызывал праздник казива и излечивал их. Осенью во время празднеств братья вместе с односельчанами бегали по кругу. Молодые мужчины собирались и с утра до вечера

бегали по кругу то в одну, то в другую сторону. На следующий день танцевали, подпрыгивая на одной ноге. Так праздновали четыре дня, а на пятый день принесли в жертву то, что каждый обещал заранее. А этот молодой человек стал удачливым добытчиком китов и могущественным шаманом. Все.

41. Канак и орлы

В береговом селении Нывукак жил отважный человек, смелый и сильный охотник — Канак. Был у Канака единственный сын-подросток. В память умершего деда Канак назвал сына Таграком.

Хотел Канак женить своего сына на дочери соседа — красавице Туткан, да юноша и слышать не хотел о женитьбе.

Он хотел стать самым сильным, ловким и смелым охотником, чтобы побеждать врагов — таньгов и орлов, которые жили на вершинах гор и причиняли много горя и людям, и земным и морским зверям.

Каждый день Таграк взбирался на высокие скалы, прыгал через пропасти и ущелья, догонял в тундре убегавшую лису. Сильным и смелым стал. Когда Канак состарился, Таграк стал приносить домой множество морских зверей. Канак больше не ходил на охоту и только собирал плавник для летних и зимних костров.

Наступила весна, снег почти весь стаял. Однажды, когда Таграк хотел идти за плавником, Канак сказал сыну:

— На ком ты думаешь жениться? Разве девушка Туткан не умеет хорошо шить и варить мясо? На ее лице — лучшие узоры, красивее которых нет ни у одной девушки нашего села. Ты, наверное, задумал жениться на той, которая не ходит по земле, а летает по воздуху?

Таграк молчал. Он думал об орлах, которых хотел победить. Орлы похищали детей. Орлы опустошали море, которое давало жизнь людям. Даже огромных черных китов орлы уносили как маленьких рыбок.

Таграк поехал за дровами. Но вот пришел вечер, а он не вернулся. Жена спросила Канака:

— Почему так долго нет нашего сына? Уж не случилась ли с ним беда?

Наступила ночь, наступил рассвет, а Таграк все еще не возвращался. Утром Канак сказал жене:

— Скажи людям — пусть едут на байдарках в южную и северную стороны и ищут моего сына.

Мужчины захватили гарпуны, копыя и луки, взяли с собою мешки с едой и разъехались в разные стороны. К вечеру вернулись байдары с охотниками. Никто не нашел следов Таграка.

Осень пришла. Начались морозы, припай прихватил берега, а Таграка все нет. Тогда Канак сказал:

— Завтра я сам пойду на гору Кыхлявик, где живут орлы. Может быть, там узнаю что-нибудь о сыне.

Рано утром, когда все спали, Канак закинул за плечи мешок и пошел к горе Кыхлявик. Подошел к подножию. Посмотрел — высока гора! Хватит ли сил подняться на вершину? Стал Канак взбираться на гору. Много раз отдыхал, пока добрался до вершины.

Орлов не было видно. Только белели кругом кости китов, птиц и рыб.

Вдруг увидел Канак орлят. Они еще не умели летать, прижились друг к другу и тряслись от мороза и голода.

Подумал Канак: «Замерзнут орлята... Наверное, давно уже ничего не ели. Надо дать им поесть, пусть живут!»

Отрезал Канак от своей кухлянки полы и покрыл орлят, чтобы не замерзли. Взял свой лук и подстрелил двух куропаток, чтобы накормить орлят. Орлята съели куропаток, отогрелись под шкурами. Канак хотел уже дальше идти. Тут один орленок ударил крылом о землю, мальчишкой стал и говорит:

— Спасибо тебе, человек! Ты спас нас от холода и голода. Нашей матери нет уже четыре дня, она ищет добычу далеко отсюда. Скоро прилетит она. Жалости к людям у нее нет — худо тебе будет. Прячься под мое крыло!

Ударил мальчик рукой по земле и снова стал орленком. Послушался его Канак — спрятался под крылом. Тут послышался в воздухе свист и шум. Канак посмотрел потихоньку и увидел орлицу величиной со скалу.

Закричала орлица:

— Откуда человеком пахнет?

Сказал ей орленок:

— Если бы не этот человек, пропали бы мы от холода и голода. И согрел, и накормил он нас. Вот он под моим крылом сидит.

Орлица сказала:

— Выходи, не бойся, человек!

Вышел Канак из-под крыла орленка. Видит: орлица принесла с собой кита, и у ног ее кит этот кажется маленькой рыбкой. Ударила орлица клювом о землю, сбросила с себя оперение и стала женщиной-великаном. Спросила Канака:

— Зачем пришел ты сюда, человек?

Отвечает Канак:

— Сына своего ищу. Пришел тебя спросить. Ты летаешь всюду и видишь все, что делается кругом на земле: не видела сына моего?

Говорит орлица:

— Я знаю, где твой сын. Там, высоко в небесных горах, живет самый сильный и самый большой орел. Он утащил твоего сына, хотел на дочери своей женить. Да сын твой не хочет с орлом породниться. Привязал орел твоего сына к столбу — каждый день клюет его. Худо твоему сыну.

Заплакал Канак.

Говорит ему орлица:

— Сейчас ступай домой. Через четыре дня приходи сюда. Да мяса припаси побольше: дорога длинная. Полетим вместе воевать с большим орлом.

Вернулся Канак домой. Жена спрашивает:

— Ну, рассказывай скорее, что ты узнал о сыне?

Не хотел Канак пугать старуху, ответил:

— Да вот узнал кое-что. Говорят, женился он на дочери большого орла, который живет в небесных горах. Через четыре дня опять пойду — может, повидать его!

Набрал Канак мяса и опять пошел на гору Кыхлявик, к орлице. Она к тому времени запасла много оленей и кита на дорогу. Привязал Канак туши диких оленей ремнями к перьям орлицы. Очень много оленей привязал. Сам сел на спину орлицы. Взяла орлица в когти кита, и полетели они в небесные горы.

Вот земля скрылась из виду. Орлица отрывает от кита куски мяса, ест, сил набирается.

Долго летели так. Вот уже кончилось китовое мясо, стал Канак кормить орлицу оленьими тушами. Вот уже и небесные горы показались, да у Канака кончились все оленьи туши, и орлица стала слабеть. Отдал Канак орлице все свои запасы. Пролетела орлица немного, вот уж совсем близко вершина горы, а сил у орлицы нет, не может дальше лететь. Отрезал Канак мясо от себя и сунул орлице. Поднялась она, а до вершины достать не может. Взял Канак нож, отрезал еще от себя мяса и отдал орлице. Долетела она до вершины небесной горы и села около большого камня.

Видит Канак впереди огромную землянку. Вокруг той землянки множество костей, словно белый снег, покрыло землю.

Сказала орлица Канаку:

— Вон там, за землянкой, привязан к столбу ремнями твой сын. Приведи его сюда!

Подошел Канак к столбу и действительно увидел привязанного за руки и за ноги сына. Быстро перерезал ножом толстые моржовые ремни. Упал сын. Спрашивает Канак:

— Сыи мой, разве нет сил у тебя, чтобы ходить?

Отвечает сын:

— Совсем обессилел, не могу.

Взял Канак сына на плечи, принес к орлице.

Сказала орлица:

— Орел-богатырь спит и не знает, что ты взял у него своего сына. Давайте поскорее спускаться на землю.

Отец и сын сели на орлицу и стали спускаться на землю. Вот и земля близко уже. Вдруг услышали они позади себя шум и крик.

Догнал орел-богатырь орлицу, ударил грудью и сшиб сына Канака, ударил еще — сшиб самого Канака и мешок из-под мяса, ударил еще — подбил орлицу.

Все они упали в море, а орел улетел в небеса.

Упала орлица в море и превратилась в остров Аяк. Упал Канак в море и стал островом Имаклик, упал сын Канака в море и стал островом Укияк.

Осиротели на горе Кыхлявик два молодых орленка, два брата. Пришлось им самим добывать себе пищу. Сначала добывали они мелких тундровых зверей, потом стали ловить диких оленей и моржей на льдинах. Прошло много времени, выросли орлы и стали ловить больших китов.

Вот один раз говорит младший брат старшему:

— Где же наша мать? Не полететь ли нам в небесные горы? Ведь оттуда все видно.

Запаслись братья-орлы мясом и полетели вверх.

Долго летели, все мясо съели. Прилетели на небесную гору. Увидели большую-большую землянку. Вокруг той землянки много костей, земля словно белым снегом покрыта. Ударили братья-орлы клювами о землю, сбросили с себя оперение, и старший брат сказал:

— Что же, войдем в эту землянку!

Вошли в землянку. У деревянного блюда с китовым мясом сидят орел и его жена. Орел говорит:

— Вот пришли молодые орлы-братья отомстить мне за то, что я убил их мать.

Старший из братьев сказал богатырю:

— Что же, одевайся, полетим с нами ближе к земле и поборемся.

— Поборемся! — сказал орел.

Вместе с ним собралась и его жена-орлица. Надели орлы свои шкуры и стали спускаться ближе к земле. Когда земля стала близко, старший брат сказал:

— Не пора ли начать бой? Ты бейся с орлицей, а я с этим орлом буду сражаться.

Разлетелись в разные стороны: младший — на север с орлицей, а старший — на юг с орлом.

Начался бой между старым орлом и молодым.

Долго бились орлы. Вот молодой ударил грудью старого. Не вынес богатырь, упал в море и превратился в большой остров Си-вуак.

А младший брат далеко на севере победил орлицу. Подшиб ее, упала она в море и превратилась в остров Кулюсик.

42. Охотник и белый медведь

Один охотник никак не мог зверя добыть. Долго так продолжалось. Вот однажды ушел он в поисках нерпы далеко в море. Поднялся ветер, и оторвало лед от берега. Идет охотник по тонкой льдине. Вдруг видит: толстый лед. Перешел туда со своей льдины. Жилище себе из льда сделал, вошел, разделся, стельки из торбасов

вынул, бедра прикрыл. Ноги поджал под кухлянку и долго так сидел. Вдруг слышит: голос приближается. Видит: в отверстие головы белого медведя просунулась. Влез медведь к охотнику — оказывается, без шкуры он, голый, шерсть только на голове. Вот и говорит медведь:

— Помоги мне, человек, совсем замерзаю.

Предложил охотник медведю свою кухлянку. Медведь отказался. Охотник штаны свои предложил. Опять отказался медведь.

А у охотника нательная кухлянка из медвежьей шкуры. Он и ее медведю предложил. Взял эту кухлянку медведь и говорит человеку:

— Знаешь, почему ты плохо охотишься? Потому что жена твоя, когда одежду шьет, голову чешет.

Потом опустил кухлянку в воду, вытащил, а с кухлянки жир от светильника так и потек. Медведь и говорит:

— Вот из-за этой грязи ты не можешь хорошо охотиться. Звери запаха грязи на твоей одежде боятся.

Выполоскал кухлянку медведь и говорит:

— Теперь идем ко мне, а вылечишь меня, отведу тебя домой.

Подошли они к землянке медведя. Пусто в землянке. Стали они вдвоем жить да ждать, покуда раны медведя зарастут. Медведь надел нижнюю кухлянку охотника, сшитую из медвежьей шкуры, чтобы она приросла к его ободранному телу. Поправился медведь на другой день, и собрались они уходить, как вдруг слышался снаружи голос:

— Выходи, хозяин, давай состязаться в силе!

Медведь и говорит охотнику:

— Не оставят они меня в живых.

Вышел медведь, и началась схватка. Долго дрались медведи. Вот уж и ночь наступила. Видит охотник: один медведь лежит на льду, не поднимается, а другой прочь пошел. Тот, что лежал, зовет охотника:

— А ну, давай тащи меня в землянку!

Вышел человек, взял медведя и потащил его.

Медведь и говорит:

— Завтра, как раны подживут, отведу тебя домой.

Собрались они назавтра идти, а тут опять медведь пришел, зовет хозяина на состязание. Спрашивает охотник:

— Много ли их там?

— Нет, — отвечает медведь. — Такой же это одиночка, как и я.

Тогда охотник говорит:

— Надо его убить, а то плохо тебе придется.

— Да, — согласился медведь, — надо его, пожалуй, убить. Мне тогда спокойнее будет.

Подошел охотник к своему хозяину-медведю и нарисовал ему на спине знак сажей. Стал медведь приметным, и, когда схватился он с пришлым медведем, охотник взял копье, выскочил из зем-

лянки и пронзил чужака. Затем взял лук и еще дважды выстрелил ему в бок.

Медведь-хозяин вошел в землянку, охотник следом. Спрашивает хозяина:

— Ну, как он там?

Медведь ответил:

— Совсем мертвый лежит.

Человек спросил:

— Отчего он умер?

Медведь отвечал:

— Две рапы у него в боку от стрел да копьём проткнут.

Человек сказал:

— Это я убил его.

Медведь сказал:

— Хорошо ты сделал. Не будет у меня больше разбойника-соседа. Завтра отведу тебя домой.

И правда, отвел назавтра охотника в его селение.

43. Оленевод и семья волков

Далеко-далеко в тундре жил оленевод. Были у него жена и два сына. Жили они одни, без соседей. Сыновья пасли стадо днем, а ночью их отец сменял. Стадо было маленькое, и нельзя было к другим оленеводам присоединиться. Берегли отец и сыновья свое стадо. Совсем мало забивали оленей на еду, но на одежду шкур забитых оленей хватало.

А на высокой горе в стороне моря находилось волчье логово. Стадо оленевода недалеко от этого логова паслось. Днем стадо пасли мальчики, с наступлением ночи приходил отец и сменял их. Так вот и жили они потихоньку. Маленькое стадо их не уменьшалось, но и не росло. Слабые телята гибли во время отела. Отец уже стареть и слабеть стал.

Вот однажды вернулись мальчики домой все в слезах.

— Что случилось? — спрашивают родители.

— Нет у нас больше стада, — отвечают мальчики. — Прибежали два волка и всех оленей угнали. Погнались мы за стадом, но не догнали. Очень быстро оно из виду скрылось.

Взял отец с собой на дорогу еду и отправился искать стадо. Вскоре заметил он оленьи следы. А потом и объеденные волками туши оленей с вырванными языками. Поодаль бродило несколько оставшихся от стада оленей.

Оленевод снял шкуры с убитых оленей, затем поймал пару ездовых, взвалил на нарту две оленьи туши и привез домой. Жена освежевала их. Хозяин снова положил их на нарту и повез к волчьему логову. Подъехал к логову и кричит:

— Эй, есть тут кто-нибудь?! Волки несколько моих оленей убили. Давайте их вместе съедем! Все равно я почти совсем без оленей остался.

Вдруг его глазам что-то черное представилось. Пригляделся, видит: перед ним вход в землянку открылся. Слышит: приглашают его войти. Вошел оленевод. Осмотрелся. Оказывается, очутился он в большой светлой землянке. Хозяин говорит ему:

— Знаю, знаю, мало у тебя оленей. Всякий раз говорю сыновьям, чтобы не трогали твоих оленей. Бедняк ведь ты. А сыновья не слушаются. Это они твое стадо порезали. Садись, подожди! Они вот-вот вернутся.

Наступил вечер, послышались снаружи чьи-то шаги.

— Вот и они. Сейчас я их отругаю как следует,— сказал хозяин.

Через нижний вход вошел в землянку статный юноша. У него только-только усики обозначились. За ним второй вошел, совсем еще мальчик. Отец и говорит им:

— Непослушные! Сколько раз я говорил вам: не трогайте оленей из этого стада! Зачем порезали его оленей? Трусы, боитесь далеко от дома уйти!

Младший брат кивнул на старшего и говорит:

— Это он захотел оленей из этого стада!

А отец все сердится:

— Видите, этот человек угощение вам принес. Непослушные! Вот наступит ночь, отправляйтесь на охоту. Далеко-далеко на севере живет богатый оленевод. У него очень большое стадо, и бродит оно почти без присмотра. Вот и пригоните оттуда оленей, да побольше, и пустите их в стадо вот этого оленевода. Ну, я все сказал. Теперь он домой пойдет, а вы — за оленями. Поешьте хорошенько на дорогу, переоденьтесь и ступайте!

Возвратился оленевод домой. Говорит жене:

— Ходил я в волчье логово, отнес туда две оленьи туши. Встретили меня волки очень радушно и пообещали помочь мне. Ведь мы почти без оленей остались. Это, оказывается, они порезали наших оленей. Не слушаются дети отца, он им все время велит охотиться подальше. Сегодня ночью они отправятся далеко-далеко за оленями и вернут нам наш убыток.

В ту пору заморозки уже настали. Проснулись оленевод с женой рано утром. Погода ясная, тихая. Откуда-то легкий постуч доносится, похожий на топот оленей. А маленькое стадо хозяина паслось далеко от стойбища. Говорит хозяин жене:

— Слышишь, топот, как будто стадо оленей приближается. Пойди и посмотри, что бы это такое могло быть.

Оделась жена, вышла, видит: подходит к их жилищу большое стадо оленей.

— Смотри, какое огромное стадо идет! — закричала жена. — Видно, очень богатый хозяин к нам прибыл.

Подшло стадо к жилищу и остановилось. Вышел хозяин, смотрит: и вправду большое стадо, а в стаде несколько его уцелевших оленей.

Проснулись сыновья, отец и говорит им:

— Сегодня будем забивать оленей!

Две оленьи туши хозяин опять отвез в волчье логово. И так каждый раз: забьет оленей и отвезет пару волкам. С тех пор стало у него большое стадо. Другие оленеводы, у которых было мало оленей, стали к нему присоединяться. Стадо это паслось само. Охраняли его волки. Большое стойбище выросло на месте старого кочевья оленевода. Во время забоя раздавал он бедным оленеводам мясо для еды и шкуры на одежду, не забывал и своих покровителей-волков.

Появилось у оленевода много друзей. Маленькие стада бедных оленеводов быстро росли в его стаде. Богатели оленеводы и отделились. С тех пор стало в Энмеленской тундре множество стойбищ. Стали к оленеводам ездить береговые люди. Давали им оленеводы мясо и шкуры, а береговые привозили дождевики, торбаса, ремни, жир морских зверей.

Сыновья оленевода выросли, женились, много у них детей народилось. Еще больше стало в тундре оленеводов.

44. Волчонок

Так вот было, говорят. Среди кочующих жили двое — муж и жена, бездетные. Муж постоянно в оленье стадо ходил, хорошие места для кормления оленей отыскивал. Однажды, когда весна уже наступила, шел оленевод по ущелью и увидел спускающуюся с горы волчицу. Стал он следить, куда пойдет волчица. А волчица побегала по ущелью и снова поднялась на гору. Человек подумал: «Наверное, на вершине горы у волчицы кто-нибудь есть». К вечеру волчица снова спустилась с горы и опять поднялась вверх.

Вернулся кочевник домой и рассказал жене, как он целый день за волчицей следил, у которой на горе, наверное, есть детеныши. Затем сказал:

— Завтра я целый день буду следить за волчицей, поэтому не беспокойся обо мне и не жди меня рано. Хочу посмотреть, где у этой волчицы логово.

На следующий день человек снова ушел в горы. На старом месте спрятался и стал ждать волчицу. Вот волчица спустилась вниз и ушла вдоль ущелья. Человек быстро на вершину горы поднялся и между камней нашел волчье логово. В этом логове четыре маленьких детеныша-волчонка было. Волчата совсем еще маленькие. Человек одного волчонка схватил и побежал к тому же месту, где скрывался.

К вечеру вернулась волчица и стала подниматься в гору. Человек следил, что будет делать волчица. А волчица поднялась к логову, затем быстро спустилась обратно по следу человека и пошла к нему.

Человек взял в руки волчонка и сказал волчице:

— Вот я держу твоего детеныша, потому что не имею своих детей. Я взял его не для того, чтобы сделать ему плохо, а чтобы воспитать его хорошо и сделать своим помощником.

Волчица слушала человека.

Человек сказал:

— У тебя ведь четыре детеныша, а у меня ни одного нет. Вот пусть и у меня будет воспитанник. Не убью я его, ничего плохого не сделаю ему.

Когда человек кончил говорить, волчица прижалась к земле мордой и завывала, глядя в сторону горы. Вдруг на ее зов с горы большой волк спустился и к ней подбежал. Оказывается, это муж волчицы, отец этих волчат. Волк и волчица легли на живот, прикасаясь друг к другу мордами. Так недолго полежали. Затем поднялись в гору, к своему логовищу побежали.

Человек с волчонком в руках вернулся в свое жилище. Войдя, сказал жене:

— Вот принес я детеныша волчицы. Будем воспитывать его вместе с тобой.

Жена очень обрадовалась. Теперь у нее есть приемыш. Стали волчонка воспитывать и учить охотничьему ремеслу. Волчонк быстро рос.

Когда человек ходил охотиться на оленей, всякий раз брал с собою волчонка. Вместе с человеком волчонк добывал оленей, а когда вырос, стал один ходить на охоту и никогда домой без добычи не возвращался. Так вот всю жизнь помощником для своих воспитателей этот волк был, а когда они состарились и умерли, ушел в горы к своим братьям.

45. Волк и гагара

Девушка Яри с отцом жила. У отца было много оленей. Брат еще маленький был. Яри одна пасла оленей. Пришли танпиты и увели ее вместе с оленями. Отец в бедности остался. По оленеводам стал ходить, чтобы достать для еды хотя бы содержимое оленьего желудка. Вот сын его подрос и стал охотиться, евражек промышлять из лука. Однажды, когда бродил в долине реки, увидел большого волка, лежащего около камня. Прицелился, а волк повернулся к нему и говорит:

— Я ведь тебя здесь жду. Жалко мне тебя стало.

Мальчик и спрашивает:

— Что же ты мне скажешь?

Волк говорит:

— Ты думаешь, у вас никогда оленей не было? Если хочешь пойти их искать, я за тобой последую. Когда пойдешь, отца спроси: «Разве у нас нет оленей?»

Выслушал мальчик волка, постоял и пошел домой. Пришел домой, спрашивает отца:

— Разве у нас нет оленей?

Отец отвечает:

— О нет! Раньше, когда много диких оленей было, дикими оленями питались.

На другой день проснулся мальчик и пошел охотиться. На озере гагара увидел, подкрадываться к ней стал. Повернулась к нему гагара, сказала:

— Я ведь тебя здесь жду. Жалко мне тебя стало. Ты думаешь, что оленей у вас никогда не было? Придешь домой, отца своего спроси. Если пойдешь оленей искать, я за тобой последую.

Пришел мальчик домой, отца своего спрашивает:

— Разве у нас нет оленей?

Отец его отвечает:

— Нет у нас оленей, дикими оленями раньше питались.

Вечером мальчик спать не стал. Ждал, когда отец уснет. Вот отец уснул, мальчик потихоньку из яранги вышел. Когда вышел, луна светила. Пошел. Волк в пути догнал его, посадил на себя верхом и бежал изо всех сил, пока рассветало. Подошел к озеру, говорит:

— Эгей, устал я, есть хочу! Поем-ка я, пожалуй.

Сказал и скрылся в ущелье. Вдруг гагара появилась и говорит:

— Теперь я полечу с тобой.

Полетела гагара с ним. Как только наступила ночь, отдыхать стали. Гагара сказала:

— Скоро на месте будем. Вон там, за горой, забивают оленей.

И волк тут как тут, присел, лапы лизать стал. Гагара сказала мальчику:

— Я буду за ярангой кричать, дождь вызывать!

Перелетела гагара через ярангу. На озеро села, закричала:

— Яри-и!

Таннитский старик сказал:

— Почему эта птица так кричит?

Как только наступила ночь, поднялись тучи из-за горизонта. Начался сильный ветер с дождем.

Волк мальчику сказал:

— Пойди и к сушилам прислонись! Когда женщина к сушилам подойдет, спроси ее: «Кто ты?» Ответит: «Я Яри». Скажи ей: «Поскорее сушила свои развяжи. Из мешка жир неезженного оленя в штаны переложи!»

Пошел мальчик, к сушилам прислонился. Олени около яранги улеглись. А дождь льет. Волк оленей стал сзывать. Стадо кружится на месте, топчется. Вдруг женщина к мальчику подходит. Мальчик спрашивает ее:

— Кто ты?

Отвечает ему:

— Я Яри.

— Быстрее сушила развязывай! — сказал мальчик.

Женщина сушила развязала. Жир неезженного оленя выпула из мешка. Брат ее сказал:

— Эге, не нужно этого лабаза, оставь его!

К волку пошли. Выскочили с криком танниты на топот оленей. Стадо многих людей потоптало. Одних волк загрыз. Других гагара заклевала. Поманил волк стадо: стадо за ними пошло. Волк посадил на себя женщину, гагара мальчика понесла. Шли, шли, к острову подошли. Волк стадо остановил. Сказал:

— Эх, пожалуй, отдохнем! Где олений жир?

Женщина вынула жир. Волк сказал:

— Жир разрежь пополам. Вот эти куски с братом глотайте целиком. Брат твой одну половину пусть проглотит, ты — другую. Если вам живыми суждено остаться, легко проглотите. Если умереть должны, не сможете проглотить.

Поднес брат ко рту жир. Жир сам в горло скользнул. И сестра так же легко свою половину проглотила. Волк сказал им:

— Танниты не убьют вас!

Когда еще спали, погоня подоспела.

— Ира! Ира! — воинственными криками разбудили брата с сестрой.

Волк поманил стадо. Закружились олени на месте. Всех тех людей перетоптали. Стадо стало ничьим.

Гагара сказала:

— Осень наступает, полечу я на родину. Ведь я своей жизни не жалела, а птенцов моих звери поедали.

Мальчик сказал:

— Что же для тебя сделать, чем отплатить тебе?

Гагара сказала:

— Ничего мне не надо. Хочу только, чтобы в будущем году вы летом у озера жили.

Мальчик сказал:

— Ну что ж, я буду жить летом у озера.

— Пора мне, — сказала гагара. — Лечу в теплые края.

Сестра и брат со склона холма свою ярангу увидели. Волк мальчику сказал:

— Если хочешь жениться, сестру мою бери!

Мальчик сестре сказал:

— Теперь к отцу пойдем.

Волк женщине сказал:

— Назавтра, когда проснешься рано утром, сразу горшок не выноси, а на север посмотри. Если женщину увидишь, схвати, плюнь на нее, домой отведи!

Оказалась эта женщина сестрой волка, которую он в жены мальчику обещал отдать. Взял ее мальчик с собой, чтобы хозяйкой стала. И отправились брат с сестрой домой. Входят в ярангу, а у старика даже веки распухли и покраснели, так много он плакал. Скоро умер старик, похоронили его дети, а лето настало, к озеру переселились. Гагара сюда прилетела и много птенцов вывела,

потому что зверь не трогал их. С тех пор много стало в тундре гагар. Мальчик стадо свое сам не пас. Волк его оленей пас и охранял.

46. Старик и дикий олень

В далекую старину около Наукана было маленькое селение Уныхкак. В Уныхкаке жили муж с женой, старик со своей старушкой. Однажды зимой пошел старик навагу ловить. Начал он удить, а тут пурга поднялась. Старик около проруби в умкутаке сидел. Вдруг в его снежное укрытие вбежал запыхавшийся дикий олень-тунтук. Обрадовался старик, что еда сама к нему пришла, и говорит дикому оленю:

— Ой, какой же ты добрый, в голодное время сам ко мне на еду пришел! Уж коли сам явился сюда, давай-ка заколю я тебя!

Сказал так старик, нож свой из ножен вынул и опять говорит:

— Вот сейчас убью я тебя, дикий олень! Ведь сам ты сюда по своей воле пришел! Какая хорошая еда будет!

Отвечает дикий олень:

— Добрый старик, не убивай меня, а лучше спаси! Волк за мной по пятам гонится. Убить меня хочет!

Видит старик, у входа в умкутак волк стоит, запыхался, дух перевести не может.

Волк сказал:

— Добрый старик, не защищай, пожалуйста, этого оленя! Отдай его мне на съедение! Пусть уж я его убью и съем!

Дикий олень говорит старику:

— Послушай, старик! Пощади меня, проси что угодно. Все для тебя сделаю. Могу сделать тебя богачом, удачливым охотником или всемогущим богатырем. Кем хочешь — тем будешь!

Отвечает старик оленю:

— Ничего я этого не хочу. Нужна мне только чесалка для спины. Дай мне чесалку, начешу я свое тело вдоволь, как вернусь домой. И уж так-то рад буду! Дашь чесалку — спасу тебя.

Дикий олень и говорит старику:

— Все, что ты пожелал, сбудется. Только спаси меня от волка!

Взял старик свой посох, подошел к волку и говорит:

— Я вот съем тебя, если не уйдешь отсюда! Мне ведь тоже мяса отведать хочется.

Взмолился волк:

— Ой, как же сильно я хочу есть! Совсем живот подвело!

Не дослушал старик волка, прогнал его.

Так вот дикого оленя от гибели спас.

Ой, как обрадовался дикий олень!

После этого старик пошел домой. Пришел, а там уже чесалка лежит. Тело старика стало сильно чесаться. Взял он чесалку дикого оленя и давай ею чесаться! Даже кожу поцарапал!

47. Бабушка и внучек

Бабушка и внучек вдвоем жили. Совсем у них еды не стало. Однажды бабушка сказала внуку:

— Давай-ка я землянку нашу почищу да серу из старого жира сделаю. А ты тем временем на море иди да извести его жителей в открытой воде, по всем полыньям, прорубям да лункам, что, мол, на праздник всех приглашаем. Когда вернешься, в землянку сверху через отдушину спустишься.

Вот пошел внучек на море. Всех жителей моря на праздник пригласил. Вернулся. Через отдушину в землянку вошел. Бабушка серу в горшке на крюк подвесила, сама взобралась на нары. Там уж внук сидел. Немного погодя начали гости прибывать. Кит, морж, лахтак, нерпа, горбуша, навага — всю землянку битком набили. Бабушка в бубен стала бить, а внук запел:

Ленекалуну-йай-ха-на,
Ленекалуну-йай-ха-на,
Ануаглуна айа-а-а-а-а,
Зову всех я,
Убиваю всех я!

Взял внук сосуд с серой и нарисовал ею каждому зверю на лбу полосу. Затем повернулся к бабушке и запел:

Ленекалуну-йай-ха-на,
Ленекалуну-йай-ха-на,
Ануаглуна-айа-а-а-а-а,
Зову всех я,
Убиваю всех я!

Вспотели звери от тесноты. Внук тем временем на улицу выскочил. Стали и звери из землянки выходить. Взял юноша в руки крепкую моржовую кость и начал ею выходящих зверей по одному убивать: кита, белуху, моржа, лахтака, сивуча, пеструю нерпу, серую нерпу, а потом и рыб — горбушу и навагу. Ого, сколько еды! Так вдвоем много-много мяса добыли. Все.

48. Как старушка зверей обманула

Так, говорят, было. Жила одна старушка с маленьким внуком. Однажды старушка поднялась на холмик и стала мять ногами волчью шкуру, чтобы помягче сделать ее. В это время к ней подошел огромный волчище и спросил:

— Старушка, что ты мнешь?

— Шкуру дикого оленя, — сказала старушка.

Волк не поверил, переспросил:

— Какую шкуру?

— Шкуру белого медведя.

Волк еще больше удивился и начал снова спрашивать старушку. Старушка перечислила ему всех зверей: дикого оленя, белого мед-

ведя, бурого медведя, лисицу, песка, зайца, горностаю, евражку и мышку, только самого волка не назвала. Но волк снова спросил:

— А какая шкура у тебя под ногами?

— Волчья шкура, — рассердившись, сказала старуха.

Волк перепугался и побежал прочь. А старушка кричала ему вслед:

— Волчья шкура, волчья шкура!

Придя домой, старушка сказала внуку:

— Собери покрупнее камни да принеси их к землянке, а я пойду соберу хворосту.

Собрал мальчик камни и положил их к землянке, а старуха принесла хворосту. В это время на холме показались посланцы от всех зверей: волк, белый медведь, бурый медведь, дикий олень, лисица, песец, заяц, горностаю, евражка и мышка. Пришли они узнать, правда ли старушка выделывает звериные шкуры и как она добывает зверей. Старушка приветливо сказала:

— Заходите, гости, в землянку. Угощу я вас, а потом уж будем разговаривать.

Вот вошли звери, а старушка посреди землянки большой костер развела. Дым в отдушину уходит. Старушка сказала:

— Подождите здесь, мы с внучком дров принесем да еду приготовим.

Звери остались в землянке, а старушка вышла и стала стучать дровами. Волк спросил:

— Старушка, что ты там стучишь?

— Толкушку из ягод делаю!

— Кто же будет есть твою толкушку?

— Вас сейчас накормлю!

После этого дверь поплотнее прикрыла и снаружи большими камнями ее придавила. Мальчик поднялся на землянку и прикрыл камнем отдушину. Весь дым от костра в землянке остался. Звери от дыма подошли. Теперь у старушки с внуком от всех зверей по шкуре. Все.

49. Птичка и девушка

Так вот было. Девушка сидела в яранге. Откуда ни возьмись, прилетела птичка и села на дверь. Девушка сказала ей:

— Пташечка, принеси воды!

— Нет, очень скользко там! — ответила птичка.

Девушка сказала:

— А ты за дерево подержись!

Птичка ответила:

— Нехорошо так, занозу в руку засажу.

Девушка сказала:

— Тогда надень старшего брата рукавицы!

— Нельзя, рукавицы порвутся! — ответила птичка.

Девушка сказала:

— Тогда материнской иглой зашьешь их.

Птичка ответила:

— Нельзя, иглу поломаю!

Девушка сказала:

— Тогда иглу на отцовском точиле наточишь!

— Нельзя, точило сломается.

Девушка закричала:

— Ага, так ты отказываешься!

Девушка схватила камень и кинула в птичку, но промахнулась. Птичка, смеясь, улетела.

Все. Конец.

50. Пять сыновей

Так, говорят, было. Жили на берегу моря муж и жена. Не было у них детей. Пошел однажды этот человек поохотиться на птиц и услышал, как на утесе бакланьи птенцы кричат.

Поднялся он на утес и нашел там пять маленьких бакланчиков. Подошел охотник к гнезду, а бакланчики вытянули свои тонкие шеи и смотрят на него. Взял он птенцов и отнес домой. Жена охотника обрадовалась и сказала:

— Пусть эти птенцы вместо детей нам будут.

Охотник согласился с женой. Взял он сачок и пошел на берег моря наловить мелкой рыбы да морских червячков.

Так было каждый день: муж приносил для птенцов рыбу и червячков, а жена кормила их. Птенцы быстро росли и научились даже прыгать и летать по пологу. Однажды муж на диких оленей охотиться пошел, а жена — на берег за рыбками и червячками.

Остались бакланчики в пологе одни и начали плясать, да до того доплясались, что жарко стало. Сняли они свои бакланьи шкурки и снова принялись плясать.

В это время женщина с берега вернулась и потихоньку к отдушине полога подошла. Посмотрела в отдушину, увидела, как бакланчики веселятся. Вошла женщина в полог, схватила бакланьи шкурки-одежды, да и порвала их. А бакланчики эти вдруг все людьми стали. Вот с тех пор у них стало пять сыновей, пять родных братьев. Все.

51. Мальчик, похищенный медведицей

Женщина с ребенком пошла в тундру за хворостом. Ребенок там уснул, и мать положила его около кучи хвороста, а сама продолжала собирать, изредка поглядывая в сторону спящего сына. В поисках хвороста она незаметно отошла от ребенка, а когда вернулась к своей вязанке, ребенка там уже не было. Оказывается,

его похитила бурая медведица. Женщина стонала от горя: «Где же мне найти сыночка? Нет теперь у меня его!» Она побоялась возвращаться домой и осталась жить в тундре. Из камней она соорудила себе жилище. Питалась разными растениями.

А сын ее, похищенный медведицей, быстро вырос. Он смастерил себе лук и стал охотиться на тундровых зверей. Он был удачливым охотником, постоянно добывал диких оленей и приносил их медведице. Так и жил тут, в медвежьем жилище. Медведицу считал за родную мать. Однажды, охотясь в тундре, ушел далеко в сторону и заметил дымок. Подошел поближе и через отдушину землянки увидел: женщина варит съедобные растения. Юноша под кухлянкой носил с собою потроха с салом от добытых диких оленей. Он просунулся сверху в отдушину землянки и осмотрел ее внутренность. Затем он откусил кусок оленьего сала, разжевал его и выплюнул прямо в кипящий котел. В котле сильно зашипело, забурило. Женщина сказала:

— Отчего это забурило так в котле?

После этого женщина отвернулась и не заметила, как юноша снова выплюнул разжеванное сало в котел. Снова в котле забурило. Женщина приподнялась, высунула в отдушину голову и увидела юношу. Удивилась она и спросила:

— Чей ты, откуда?

Юноша ответил:

— Я сын медведицы.

Женщина сказала:

— Ой-ой, да ведь мой сын ты! Давным-давно, когда я пошла собирать хворост на топливо, потеряла в тундре ребенка. Сильно испугалась, не пошла домой и с тех пор вот живу здесь.

Юноша вынул из-под кухлянки припасы оленьего сала и отдал их женщине. После этого пошел к себе домой. Когда пришел в жилище медведицы, она не заметила его и сердито ворчала:

— Ох, как долго нет его! Что это он там увидел? Что же это я медлила? Вырастила такого большого и до сих пор не съела его!

Юноша подошел к ней и спросил:

— О чем ты говоришь?

Медведица сказала:

— Да нет, ничего особенного, просто обеспокоилась я, что нет тебя так долго. Вот и говорю об этом.

После этого снова продолжал уходить на охоту и добывал диких оленей. Часть своей добычи уносил родной матери, которую нашел недавно. Если долго отсутствовал на охоте, а затем возвращался в жилище медведицы, она свирепела и ворчала. Однажды он сказал ей:

— Что ты все сердиться? Я думал, что ты моя настоящая мать!

Когда юноша спал, медведица стала ощупывать лапой его спину.

Во время охоты юноша стал думать о поведении медведицы. Уж не съест ли она его задумала? Однажды ушел он в тундру на охоту, собрал там кучу хвороста, чтобы можно было около нее спрятать добычу. Затем он добыл двух диких оленей, оставил их около кучи хвороста и пошел домой. Он решил сказать медведице, что не может донести добычу домой. Пришел и сказал:

— Там, в тундре, около вязанки с хворостом, я оставил мою заплечную ношу с добычей. Не смог сам дотащить до дому. Не принесешь ли ее завтра сама?

Медведица сказала:

— Ну что же, уж как-нибудь принесу.

Наутро, когда медведица пошла за ношей, юноша тайно последовал за ней. И когда она стала поднимать на спину ношу, он убил ее. Убитую медведицу стал оплакивать. Затем перетаскал из жилища все вещи медведицы и положил вместе с нею на том месте, где она была убита. Здесь похоронил ее. После этого пошел к своей родной матери. А мать его к тому времени уже крышу для своего жилища из шкур добытых юношей диких оленей сделала, а также летний полог. Потом юноша спустился на морской берег. Наносил выброшенные прибоем бревна и сделал настоящую ярангу. Так здесь они и жили до конца. Все.

52. Два мудрых оленя

Так было. Жил-был один человек, и было у него двое детей: сын и дочь. Мальчик постоянно пас оленей. Однажды берегом шли таньги и забрали оленье стадо вместе с мальчиком. Затем стали продвигаться дальше. Мальчик был одет в летние оленьи торбаса. Была уже осень, а вскоре и зима пришла. Они давали ему есть, но спать заставляли на улице. Однажды, когда он так спал на улице, подошли к нему два оленя. У одного оленя голова с одной стороны черная была, с другой — белая. Второй олень пестрый. Оба этих оленя принадлежали умершему дедушке мальчика. Легли оленя по бокам, чтобы мальчику было не холодно. Так они и дальше жили и передвигались с места на место.

Тем временем родные искали мальчика. Особенно старалась найти его сестра. Отойдя подальше от горы, она увидела широкую дорогу.

Наступила ночь, и мальчик с оленями лег спать. Один олень сказал мальчику:

— Завтра, как только встанешь, иди на ту дальнюю дорогу. Когда подойдешь к дороге, повернись к таньгам лицом и стой. Ведь постоянно мучают они тебя. Они остановятся через два перехода в своем селении.

После этого уснули. Утром, проснувшись, мальчик надел тонкие одежды из оленьих шкур. Когда таньги кончили есть, позвали мальчика. Стал он есть после них. Насытившись, пошел на ту

дальнюю дорогу. Подойдя к дороге, повернулся в их сторону и остановился. Те люди позвали его запрягать оленей. Но мальчик не ответил им, а повернулся к ним и стоял неподвижно.

— Пусть лучше умрет он! — сказали они.

Затем для убоя на мясо начали ловить тех двух оленей, которые спали с мальчиком. Но олени убежали. Сначала они обежали вокруг мальчика, то же самое сделали все остальные олени. Затем они подбежали к мальчику и опустили перед ним головы. Мальчик прыгнул на одного из оленей. Все олени побежали. Те люди начали их догонять.

Когда убежали подальше, второй олень сказал первому:

— Вызови пургу!

Действительно, тот олень вызвал пургу. Запуржило, закрутило снегом и ветром. Позади — страшная пурга, а впереди — хорошая погода. Те таньги замерзли позади.

Один олень сказал мальчику:

— Если проголодаешься, убей оленя, поешь и продолжай путь.

Так мальчик и делал: проголодавшись, убивал оленя на еду и продолжал путь. Вот и весна уже наступила. Все важенки отелились. Олень снова сказал мальчику:

— Если оленята рождаются, оставляй их, они нас догонят.

И мальчик оставлял оленят. Прошел еще день. В пути олень сказал:

— Что это за гора?

Мальчик увидел и узнал свою гору с холмом внизу, а за этим холмом были их яранги.

— Эта гора — наша гора!

Затем они продолжали путь. Когда перевалили через холм, дома в это время старик сказал своей дочери:

— Таз вынеси на улицу!

Девушка взяла таз и вышла на улицу. Вылив из таза, посмотрела назад и увидела двух оленей, переваливающих через холм. Стояла и смотрела, а отец уже говорил:

— Скорее иди, как будто что-то видишь ты там!

Девушка вошла и рассказала о том, что она видела. Старик со старухой вышли на улицу и увидели множество своих оленей. Вот уже все они из-за холма показались. Людей не было, кроме одного мальчика.

Увидели его родные, плакали и радовались. Все. Конец.

53. Женщина, превратившаяся в оленя

Жил кочевник с женой. Не было рядом земляков, и жили эти оленеводы в одиночестве. Когда муж уходил в стадо, жена его одна оставалась дома, шила одежду, готовила пищу. Вот однажды, когда кочевник ушел к оленям, к жене его зашла незнакомая

женщина. Хозяйка гостью приветливо приняла, хорошо накормила. После еды гостья сказала:

— Ты так много, наверное, работаешь, что и волосы некогда расчесать.

Хозяйка ответила:

— Да, давно уже не расчесывала.

Гостья сказала:

— Давай сюда голову, расчешу тебя.

Хозяйка согласилась, и гостья стала чесать ей волосы.

Пока гостья расчесывала хозяйке волосы, та крепко заснула. Тогда гостья взяла трубку и через ухо с левой стороны головы мозг вытащила. Затем повернула голову и вытащила мозг через ухо с правой стороны головы. После этого гостья вышла. Проснулась женщина, хотела встать, но не смогла. Голова ее так отяжелела, что не поднять ее. Едва к стене подползла и сидя примостилась. Когда муж вернулся, жена слова ему не смогла даже сказать. Муж спросил ее:

— Что с тобою, здорова ли ты, почему молчишь?

А жена его совсем забыла про женщину, усыпившую ее, только с трудом сказала, что проснулась она с сильной болью в голове, даже встать не смогла, только к стене сидя примостилась.

Муж сильно обеспокоился, стал жену свою кормить, все ей подавать, но она продолжала лежать. Однажды, когда муж ушел в стадо, к больной жене вошла маленькая женщина и сказала:

— Ты сама виновата, потому что веришь тому, кого видишь впервые. Вот поэтому и мозг свой потеряла. К тебе приходила чужая женщина и расчесывала волосы, а когда ты заснула, она вытащила твой мозг и ушла. Когда ты проснулась, хотела встать, но не смогла. А теперь лишь тогда поправишься, когда мозг оленя получишь. Мясо этого оленя надо положить отдельно. Только тебе им надо питаться. Обо мне никому ничего не рассказывай. Скажи мужу, что тебе все это приснилось!

После этих слов маленькая женщина исчезла.

Когда муж вернулся, больная жена сказала ему о том, что ей приснился сон, как можно вылечиться. И она рассказала о совете маленькой женщины. Муж убил оленя и трубкой ввел олений мозг жене. Женщина, получившая мозг, быстро поправилась, стала ходить, работать, говорить. Так прошел год, когда муж заметил, что жена его стала очень сильной и во всем начала подражать оленям: быстро бегала и вертела головой. Муж испугался и привязал жену в пологе. Но однажды ночью, когда он заснул, жена развязала ремень и убежала. Перестал тогда кочевник пасти олений и стал всюду разыскивать потерявшуюся жену. Не найдя поблизости, поехал в дальнюю тундру на оленях. Вот однажды расположился на ночлег среди больших камней, сел и стал отдыхать. Вдруг из-под камня услышал голос девочки:

— Дедушка, сказку расскажи!

Затем голос старика:

— Нет, ночь наступила, нельзя рассказывать, а то случайные прохожие могут услышать мою сказку.

Этот человек догадался, что под камнями кто-то живет, и постучал по камню, сказав девочке:

— Проси еще, девочка, пусть дед рассказывает.

Когда замолчал, девочка внизу снова сказала:

— Еще раз прошу, дедушка, расскажи сказку!

И снова голос старика:

— Еще раз говорю, что не буду рассказывать, ночь пришла! Странная ты девочка, а вдруг там есть прохожие и сказку мою узнают!

Когда старик замолчал, кочевник снова потихоньку вниз постучал и девочке сказал:

— Проси деда рассказать сказку, плачь, но проси!

Как только замолчал, девочка, плача, стала просить:

— Еще раз прошу, расскажи-и-и!

Дед сказал:

— Вот неугомонная девочка. Ладно, слушай вот, расскажу!

И стал рассказывать: «Там, на южной стороне, муж с женой одни жили. Однажды, когда муж был в стаде, к его жене пришла гостья и предложила расчесать волосы. Хозяйка согласилась. Пока гостья волосы расчесывала, хозяйка заснула. Тогда гостья взяла трубку и вытащила у нее из головы мозг через левое и правое ухо. Затем оставила спящую хозяйку и вышла. Хозяйка проснулась, хотела встать, но не смогла. Голова ее, оказывается, очень отяжелела. Хозяйка с трудом на спине подползла к стене и примостилась там полусидя. Муж вернулся и увидел, что жена его не может есть, не может встать. Стал он ее кормить, стал выхаживать. Но однажды, когда он был в стаде, к больной жене зашла маленькая женщина. Это была лиса в образе женщины. Эта лиса-женщина посоветовала больной вместо потерянного мозга взять олений мозг, чтобы выздороветь. А мясо этого оленя велела положить отдельно, чтобы только больная ела его. О себе лиса-женщина приказала никому не рассказывать, а о своем совете велела сказать как о сне.

Когда муж вернулся, жена рассказала ему, что видела сон.

Муж все сделал, как жена сказала. Жена его быстро поправилась. Так жили год, когда муж заметил, что жена его стала сильной и во всем начала подражать оленям: быстро бегала и вертела головой. Муж испугался и привязал жену в пологе. Но однажды ночью, когда он заснул, жена развязала ремень и убежала. Перестал тогда кочевник пасти оленей и принялся всюду искать потерявшуюся жену, но найти не мог. А жена его теперь превратилась в оленя и пристала к стаду богатого оленевода. Она стала настолько чуткой и дикой, что никого не подпускает к себе близко. Много раз пастухи хотели ее поймать, но не могли. Вот и вся сказка. Иди-ка, внучка, погляди снаружи, нет ли здесь подслушивающих!»

Девочка из-под камня высунулась, подслушивающего мужчину увидела и тотчас вернулась обратно.

Дед спросил ее:

— Ну как?

Ответила:

— Там человек сидит.

Дед заговорил сердито:

— Ведь говорил я тебе не раз, что подслушать могут. Что же поделаешь теперь? Раз услышал всю сказку, пусть зайдет.

Снова девочка из-под камней показалась и сказала человеку:

— Заходи!

Человек сказал:

— Как же найду, где проход?

Девочка ушла и деда спросила, как войти. Дед сказал:

— Пусть закроет глаза и шагнет вперед.

Девочка высунулась из-под камня и сказала:

— Закрой глаза и вперед шагни!

Человек закрыл глаза и шагнул. А когда открыл глаза, то увидел, что находится в коридоре землянки. Затем вошел внутрь. Внутри землянки старик сидит. Старик спросил:

— Ты слышал, как я рассказывал сказку, и обо всем узнал. Давно ли ты сидел на камне?

Человек ответил, как было дело.

Старик сказал:

— Что же, теперь надо тебе рассказать все до конца и помочь найти жену. Отсюда ты отправишься за своей женой. Пару оленей ездовых дам я тебе временно и аркан. Но ты ничего с оленями не делай. Эти олени сами доведут тебя до стада богатого оленевода. Когда приедешь к тому месту, где жена находится в образе большого оленя, накинь на этого оленя аркан, подтяни к себе и быстро ножом вскрой его грудь и из сердца вынь свою жену. Часть своих одежд на нее быстро надень и вези на моих оленях обратно домой. Я — паук. Ты должен знать мою мудрость. Время от времени будешь для меня приносить пищу.

После этого человек быстро уехал. Олени сами повезли его в ту сторону, где было стадо богатого оленевода. Когда подъехал к стаду, увидел большого оленя, который насторожился и намеревался убежать. К большому оленю человек подъехал. Когда олень побежал, человек накинул на него аркан, подтянул, вскрыл грудь и из сердца вынул жену. Часть своей одежды надел на жену и быстро поехал от стада. На обратном пути заехал к тому пауку, оставил ему оленей, а затем на своих оленях вместе с женой домой вернулся. Жена его стала здоровой, и хорошо они стали жить. И когда кочевник резал оленей, отвозил пауку часть мяса.

54. Мотылек и Тынагыргын

Говорят, давно это было. Жил неженатый мотылек с матерью. Сын был шаманом и постоянно пел. Каждый вечер пел. Когда пел, чувствовал прилив сил и говорил своей матери:

— Эх, у Тынагыргына¹ жену отнять бы мне!

Мать обычно отвечала ему:

— Тихе, тихе, а то он услышит. Великий Тынагыргын создал нашу жизнь. Видишь ли, когда верхние боги гоняются за нами, то свои подошвы натирают нами, чтобы крепкими были. Нам с Тынагыргыном не сравняться.

— А я, наверное, сравняюсь с ним и жену одну отниму у него.

Однажды утром вышел, травы нарвал и стал плести из нее веревку. Кончил плести, свернул веревку. Когда же наступила ночь, он зашел. Кончил петь, зажег жирник и стал одеваться. После этого вскинул моток травяной веревки на спину и стал подниматься на небо. И так поднялся он к небожителю Тынагыргыну. Увидел там ярангу и пошел к ней. Вошел в сени. Изнутри спросили:

— Кто там?

— Это я.

— Кто ты?

— Я мотылек.

— Зачем пришел?

— Пришел отнимать жену у тебя.

— Вот как! Ну, войди. Сначала я тебя испытаю.

— Ой, задерживаешь ты меня!

— Ну, войди быстрее!

Отряхнувшись, вошел. Когда вошел, двух жен небожителя увидел. Одна из них дочь ночи, а другая дочь солнца. Гость прошел вперед в ту сторону, где находилась дочь солнца, и стал раздеваться. Разделся и лег, облокотившись на руки. Дочь солнца его торбаса повесила. После этого Тынагыргын сказал ей:

— Ну, корми своего жениха!

Женщина взяла таз и вышла из полога. Вошла в кладовку, стала там стучать. Затем таз внутрь полога подала:

— Вот возьми.

Мотылек пододвинул таз к себе и увидел, что он наполнен живыми жуками. Взял таз, съел его содержимое и отдал таз женщине. Женщина убрала его. Затем вошла и вынесла из полога жирник. Тынагыргын зашел. Песней он стал вызывать своего духа-помощника — морской прибой. И вот прибой явился. Послышался шум бурлящей воды. Прибой влился через дверь, залил полог, а потом схлынул.

Тынагыргын сказал:

— Может быть, у мотылька крылышки прилипли, дайте свет. Когда свет зажгли, увидали, что мотылек засыпает.

— Так-так! Он и вправду пришел отнимать у меня жену.

После этого снова убрала свет. Тынагыргын опять зашел, своего духа — белого медведя стал звать. Белый медведь вошел и челюстями застучал. Когда медведь вышел, Тынагыргын попросил зажечь свет. При свете небожители увидали, что мотылек, прислонившись к стене, спит. Но вот он глаза открыл и сказал:

— Не хочу оставаться в долгу перед вами, я тоже спую.

Между тем Тынагыргын оделся и вышел из полога. Когда он вышел, мотылек тоже стал одеваться, сказав дочери солнца:

— Одевайся быстро, и мы пойдем!

Дочь солнца оделась, и они пошли к выходу. Когда они пошли к выходу с неба, мотылек привязал к дочери солнца веревку и спустил ее на землю. Затем спустился и сам. Достигнув земли, вдвоем пошли в ярангу мотылька. Так он женился на дочери солнца.

На следующий день, когда проснулись, мотылек сказал:

— Эх, наверное, Тынагыргын свою жену придет отбирать!

Вышел на улицу и стал из снега делать женщину. Когда сделал, положил ее в кладовку между вещами. Потом сказал ей:

— Как только придет Тынагыргын, я тебя позову, и ты тотчас выйди.

После этого он вышел в полог. Не успел он раздеться и сесть, как послышался грохот. Мотылек окликнул:

— Кто там?

— Это я.

— А, Тынагыргын!

— Да.

— Входи!

— Ой нет, я пришел за женой!

— Ну ладно, возьми свою жену, а пока входи поесть.

Тынагыргын вошел и сел напротив мотылька.

— Где та, ближняя? Почему не несет мясо?

В кладовке послышался стук, и в полог вошла девушка с деревянным подносом, полным мяса. Поставив поднос, стала всем подавать мясо. Когда Тынагыргын посмотрел на девушку, она ему очень понравилась. Во время еды мотылек сказал:

— Если бы ты не отбирал свою жену, то взял бы вот эту — мою сестру. Но если ты свою жену решил обратно взять, бери.

Тынагыргын сказал ему:

— Ну ладно, ты мою жену спустил с неба для того, чтобы жить с ней, так живи, а я увезу твою сестру.

Сестра мотылька — снежная девушка — оделась и вышла. Тынагыргын тоже вышел. Снежную девушку поднял на небо и там женился на ней.

И вот снежная жена Тынагыргына забеременела. Когда же наступила ранняя весна, разродилась она, и повалил на землю снег. Мотылек и его жена на земле жить остались. Все.

55. Кикмирасик

Так было. Жил бездетный человек с женой и племянником. Много оленей у него было. Однажды этот человек племяннику своему сказал:

— Иди и паси оленей

Действительно, племянник пошел к оленям. Этого юношу звали Кикмирасик. Пришел Кикмирасик в стадо и стал пастись оленей. С наступлением ночи он пошел домой. Когда он пришел, дядя спросил его:

— Зачем пришел?

Мальчик ответил:

— Пришел я, потому что проголодался.

Дядя его закричал:

— Не будешь ты есть сейчас, уходи в стадо!

Что же, Кикмирасик вышел и пошел снова к оленям. Когда он подошел к стаду, то увидел, что олени разбрелись в разные стороны. Собрал Кикмирасик оленей и остался около них. И снова наступила ночь, и опять Кикмирасик пошел домой. Когда пришел, дядя спросил его:

— Зачем ты пришел?

Племянник ответил:

— Пришел я потому, что уж терпения моего больше нет, так я голоден!

Дядя снова сказал ему:

— Не будешь ты есть, иди оленей стереги!

Но жена дяди тайком наполнила мясом мешочек и передала его Кикмирасику.

Вышел Кикмирасик и пошел в стадо. Когда пришел, к оленям сел и стал есть. После еды вошел в середину оленьего стада и уснул там. Проснулся он утром рано и почувствовал, что очень замерз. Встал Кикмирасик и принялся бегать. Когда согрелся, принялся доедать вчерашние остатки. Поел, встал и пошел домой. Придя, вошел в сени яранги. В это время из полога высунулся дядя и спросил:

— Зачем пришел?

Кикмирасик ответил:

— Голоден я, поэтому и пришел.

Дядя снова сказал ему:

— Не будешь есть ты, иди и стереги оленей!

Действительно, юноша ушел и опять стерег оленей. Когда он был в стаде, к нему пришла жена дяди и спросила:

— Голоден ты?

Кикмирасик ответил:

— Голоден, но что же мне есть? Мой дядя не дает мне есть.

Женщина ответила:

— Вот я принесла тебе пищу!

Кикмирасик ответил:

— О, спасибо! С удовольствием поем я сейчас!

После этого женщина ушла домой.

Когда она вошла, муж спросил ее:

— Откуда пришла?

Жена ответила:

— Была я около стада.

Муж снова спросил ее:

— Что ты там делала?

Жена ответила:

— Просто прогулялась туда.

Женщина замолчала. Муж сказал ей:

— Ну, давай будем есть.

Жена подала ему деревянное блюдо с мясом, и они стали есть вдвоем. После ужина расстелили олени постели и легли спать.

В это время Кикмирасик улегся посреди стада. Когда проснулся утром, увидел, что все стадо пало. Оказывается, это волки перерезали оленей. Здесь же около стада стояли три волка. Кикмирасик сказал:

— Если приду теперь домой, убьет меня дядя!

Один волк, сняв свой капюшон, сказал:

— Мы убили все стадо оленей. Если пойдешь к своему дяде, скажи ему: «Волки убили все стадо». Как скажешь, тотчас беги к нам. Когда вернешься, мы уведем тебя подальше.

Волк замолчал. После этого Кикмирасик пошел домой. Придя, вошел в сени яранги. Из полога высунулся дядя и спросил:

— Кто там?

Племянник ответил:

— Это я!

— Кто ты?

— Кикмирасик.

Дядя снова спросил:

— Зачем ты пришел?

Племянник ответил:

— Волки убили всех оленей. Даже одного не оставили.

Дядя сказал:

— Выйду сейчас я и тебя тоже убью!

И Кикмирасик убежал к волкам. Когда он пришел, посадили его на спину волку и убежали с ним подальше от того места.

Дядя вышел из яранги и принялся по следу догонять племянника. Когда он пришел к оленьему стаду, то потерял человеческий след, а увидел только волчьи следы. Тут человек сказал:

— А вдруг Кикмирасика съели волки?

Замолчал. Пошел домой. Когда пришел, жене своей стал рассказывать:

— Наверное, Кикмирасика съели волки. Когда я вышел из дому, то до самого стада меня вели человечесьи следы. Но когда я пришел к стаду, то следы эти потерял. И я подумал, уж не съели ли Кикмирасика волки?

Мужчина умолк.

Кикмирасика тем временем уводили волки. Далеко уже оказались от яранги и тогда остановились.

Тут волки сказали ему:

— Иди вот в ту сторону по этим следам. На пути ты увидишь большое озеро. Огромное озеро. На нем не упади, хотя и скользко будет тебе. Если поскользнешься, то превратишься в щенка.

Волки замолчали. Кикмирасик пошел по следам. Шел долго. Шел, шел и подошел к большому озеру. Здесь он пошел потихоньку по берегу озера. И что же — по пути поскользнулся и упал на лед вниз животом. И тотчас же превратился в щенка. После этого побежал снова. Бежал, бежал, впереди большое селение увидел. Подбежал к самой первой яранге и сел около нее отдыхать. Сел и стал прислушиваться. Женщина говорила дочери:

— Девушка, воды у нас нет, сходи за водой!

— Ага, сейчас схожу за водой.

После этого девушка взяла ведро. Взяв ведро, вышла и собралась пойти к колодцу. Но здесь девушка увидела щенка. Он лежал около яранги.

Девушка покликкала его:

— Кыры, кыры, кыры!

Щенок подошел к ней. Девушка поставила ведро около яранги, затем вошла в полог и сказала родителям:

— Только что я видела щенка, лежит он около нашей яранги. Когда я его позвала, он подошел ко мне.

Отец сказал ей:

— Принеси его сюда и накорми. Верно, у него есть хозяин и он будет щенка искать.

Девушка вышла, взяла щенка и внесла в ярангу. Накормила и привязала к опорному столбу яранги. После этого взяла ведро, пошла за водой. Пришла к колодцу, наполнила ведро водой и пошла домой.

Когда пришла домой, отец сказал ей:

— Как покончишь с работой, будем есть.

Вечером действительно девушка подала обеденное блюдо, и они стали есть. Покончив с едой, вошли в зимний полог, приготовили постели и легли спать. Утром, когда проснулись и поели, девушка вышла и стала кормить щенка. Накормила, отвязала и вывела его на улицу. Щенок тотчас побежал обратно по своему следу.

Так бежал, бежал и на дороге увидел волков. Оказалось, что волки были на старом месте. Щенок пошел прямо к волкам, а когда подошел близко, они спросили его:

— Пришел?

— Да, пришел.

— Ну, как ты поживаешь у твоего хозяина?

Кикмирасик ответил:

— Живу я очень хорошо и так же хорошо ем.

И еще щенок сказал:

— Вот об этом я и пришел вам сказать. Сейчас я пойду к своему хозяину.

Действительно, щенок повернулся и побежал обратно. Бежал, бежал и снова прибежал к хозяину. Девушка была очень рада его

возвращению. Она ввела его в сени, а потом в полог. Хорошо жилось здесь щенку.

Однажды вечером хозяин сказал своей жене:

— Завтра мы устраиваем праздник приза¹. Пригласим на него всех наших соседей.

После этого поели, хозяйка приготовила постели, и все улеглись спать.

Утром рано проснулись и стали есть. Потом человек сказал своей жене:

— Иди и пригласи сюда всех наших соседей. Пусть придут посостязаться в беге.

Женщина позвала всех своих соседей. Собралось много народу. Хозяин вышел на улицу и установил призовой столб. Здесь же он разжег костер.

Покончив с приготовлениями, обратился к народу:

— А ну, теперь бегите!

И вот побежали. Девушка тоже последовала за ними. Девушка оказалась быстрее всех мужчин. Сзади бежал щенок. Бежал он быстро и вскоре обогнал всех людей. Всех быстрее подбежал к горе. А когда прибежал к горе, снял с себя собачью шкуру и снова стал человеком. После этого медленно обошел гору, и тут к нему подбежала девушка.

Приблизившись она спросила юношу:

— Откуда ты пришел?

Кикмирасик ответил:

— Сегодня же я бежал вместе со всеми!

Девушка сказала:

— Я не видела тебя. Кто ты?

— Кикмирасик.

Девушка снова спросила:

— Когда же ты пришел?

Кикмирасик ответил:

— Я жил у вас, и ты меня кормила.

Тут девушка догадалась и спросила его:

— Так ты был щенком?

— Да, это был я.

Девушка предложила:

— Если желаешь, мы побежим с тобой обратно. Если же ты окажешься быстрее меня, будешь моим женихом!

Кикмирасик ответил:

— Что же, я этого не боюсь, я хочу жениться, побежим!

После этого они вдвоем побежали обратно прямо домой. И Кикмирасик обогнал девушку.

А девушка вслед ему кричит:

— Эй, обожди меня!

Приостановился Кикмирасик, и девушка подошла к нему. Кикмирасик посадил девушку к себе на плечи и быстро побежал к дому. Когда они прибежали, девушка сказала ему:

— Что же, теперь ты будешь моим женихом!
Вскоре Кикмирасик женился на этой девушке, и они хорошо жили. Конец.

56. Нунагмитский кит

У человека две жены. Одна рождает детей, вторая бездетная. Вторая жена отдельно живет. Однажды притворилась она больной. И мужчина даже охотиться перестал — так беспокоился. Дальше порога никуда не отходит, думает, как бы не умерла его вторая жена. Сидит он у землянки, а мимо него девочка-сиротка все бежит да посмеивается. Мужчина даже сердиться стал. А девочка ходит туда-сюда, смеется, поддразнивает его. Не стерпел, бросился за нею, чтобы наказать за насмешки, а девочка-сиротка говорит:

— Что же, прибай! Только я ведь хочу что-то тебе сказать. Поэтому все и хожу около.

Услышал эти слова мужчина, пошел в землянку первой жены, где и сам жил. Жене сказал:

— Девочка-сиротка смеется надо мной. Хотел я ее наказать, а она обещает сказать что-то.

Жена его говорит:

— Если завтра она опять придет, позови ее. Я ее вкусной едой угощу.

Муж сказал:

— Я тоже с ней зайду и расспрошу ее.

Назавтра девочка-сиротка опять пришла. Мужчина велел жене угостить ее. Девочка сказала:

— Твоя вторая жена, которая отдельно живет, только притворяется больной.

Мужчина сказал:

— Расскажи все, что знаешь! Новую одежду тебе справим.

Девочка сказала:

— А ты сегодня ночью не спи, покарауль да сам посмотри, что она делает.

Наступила ночь, луна появилась. Вышел он на улицу и стал из-за укрытия больную жену караулить. Вот уж и полночь луна показывает. Вышла больная жена из землянки. Одета в дождевик и охотничьи торбаса. В руках держит блюдо, полное мяса, и ведро с водой. Влезла на крышу землянки и запела. Зовет песней своего мужа-кита. Кончила петь и слушает. Раздался далеко в море выдох кита. Женщина снова спела призывную песню. Ближе выдох кита послышался. В третий раз спела. Совсем уже близко дыхание кита. А как запела в четвертый раз, подошел кит к самому берегу, к крутому прибрежному камню голову прислонил. Спустилась женщина к самой воде, подошла к киту, накормила его мясом, напоила. Вышел из китового носа человек и пошел вверх. Вошел в землянку к той женщине и спал с нею. Вернулся мужчина к своей первой жене и говорит ей:

— А ведь та, вторая, и правда замуж вышла.

Лег спать. А наутро, как проснулся, стал китовое копые точить. Весь день точил, на щеке острое пробовал.

Эх, хорошо наточил! Как кончил точить, ту девочку-сироту позвал, угостил в благодарность. Она ведь правду ему сказала.

Пошел вечером опять жену свою караулить. Вот в полночь женщина вышла, снова на ней охотничья одежда. Вот запела она свою песню, зовет мужа-кита. Опять четыре раза пела. Подошел к берегу кит, прислонился головой к камню. Спустилась женщина на берег. Накормила кита, напоила. Опять из носа кита мужчина вышел, бегом наверх побежал вместе с женщиной. Вошли они в землянку и снова спали вместе.

Тем временем ее настоящий муж из укрытия вышел, с копыем в руках вниз пошел. Подкрался к киту и поразил его в самое сердце. Убил кита. Когда копые вонзал, в тот самый миг вскрикнул поднявшийся к женщине человек, женщину от себя оттолкнул. Схватила она его, но не удержала. Ринулся он вниз, прыгнул в нос кита, вздрогнул кит и умер.

А первый муж этой женщины домой пошел. На другой день освежевали кита. Вечером пошел он спать ко второй жене, которая больной притворялась. Женщина эта оказалась беременной. Живот ее очень быстро рос. Муж ее теперь снова стал охотиться. Наконец пришло время жене рожать. Родила она детеныша. Муж спросил:

— Кого ты родила?

— Китеныша родила!

Положила его в таз с водой. Так в воде сына-китеныша и растила. Молоком своим кормила его. Смирился муж с китом-детенышем. Кит этот, рожденный женщиной, быстро рос. Вырыли ему яму с водой около речки. Та сиротка-девочка стала с ним играть. Скоро яма мала ему стала. В другом месте ближе к морю вырыли яму. Вот уж вырос кит величиной с белугу. Скоро совсем большой стал. Тогда потащили его на моржовой шкуре в море. Подтащили к воде, пришили к носу красную метку из крашеной нерпичьей замши и в море отпустили. Стал кит далеко в море уходить и всегда к родному берегу возвращался. Вместе с ним другие киты приходили. И стали нунагмитцы добывать много китов.

Нунагмитский кит каждый раз все дольше не возвращался. Вот однажды и совсем не пришел. Беспокоятся о нем жители Нунака. Что случилось с китом, рожденным женщиной? Оказывается, убили нунагмитского кита жители соседнего селения Мамрохнак. Сестра одного нунагмитца была замужем за мамрохпагмитцем. Жаль ей стало двоюродного брата, послала она в Нунак вестника. Рассказал он матери, как убили мамрохпагмитцы ее сына-кита.

Был в Нунаке силач Левша, меткий стрелок из лука. Приезжали охотники с морской добычи, рулевой бросал в воду весло,

а Левша с высоты из селения стрелу пускал и попадал в брошенное весло. Нунагмитцы обычно ходили на охоту с луками в северную сторону, к мысу Оюк. Вот раз пошли они туда на охоту, и мамрохпагмитский силач в ту же сторону в каяке отправился. Когда он на северном берегу Оюка один остался, недалеко уж от Мамрохпака был, напали на него нунагмитцы. Выскочил он из каяка на прибрежный камень. Что было сил побежал в гору. Прыгнул туда, где много травы растет, остановился. Говорит тут нунагмитский старшина-рулевой своим гребцам:

— Ох и ловок же! Прямо из рук ушел!

— А ну, Левша, стреляй в него из лука!

Левша велел свой лук натянуть. Натянули.

Спросил Левша старшину-рулевого:

— В какое место попасть?

— В такое, чтобы он бежать не смог!

Мамрохпагмитский силач снова побежал, но Левша поразил его стрелой прямо в пятку, даже кость раздробил. Вышли из байдары, поднялись в гору и добились того силача. Нерпичий поплавок без шерсти около него оставили. После этого в Мамрохпак поехали. Причалили, на берег поднялись. Там их мясом с китового позвонка угостили. Вернулись нунагмитцы на берег. Сели в байдару и уехали. Как только к мысу Умкуглюк приблизились, к острию гарпуна нерпичий поплавок привязали и вверх подняли. Сели те мамрохпагмитцы быстро в байдару и стали догонять нунагмитцев. Но не догнали. Вернулись нунагмитцы домой. За своего кита отомстили.

А мамрохпагмитцы до самой осени не могли отомстить за своего силача. Собрали они совет. Решили хитростью одолеть нунагмитцев, заманить их в ловушку моржовыми криками. Спустились они к Нунаку по суше через гору Мамругагнак и начали с маленькой прибрежной скалы Тыпагрук по-моржовому кричать. Вышли нунагмитцы рано утром на охоту. К Тыпагруку приблизились на байдаре, слышат — моржи кричат. Чем ближе байдары к Тыпагруку приближаются, тем громче моржовый крик становится. Приблизились нунагмитцы к берегу, а мамрохпагмитцы с криком выскочили из засады и начали стрелять по байдаре. Продырявили байдару стрелами, залило байдару водой, и утонула она со всеми людьми. Так отомстили мамрохпагмитцы за своего человека.

Вот однажды поехали в Мамрохпак оставшиеся в живых нунагмитцы. Отняли у мамрохпагмитцев земляночные нары. С тех пор стали жить дружно. Все.

57. Укаманап

Так было. Однажды уназикские жители отправились на Сивукак. Приехали на Сивукак, высадились и похитили у сивукакских людей двоих детей — брата и сестру. Затем вместе с детьми уехали

в Уназик. Мальчика звали Кангу, девушку — Укамана. Девушка уже взрослая, впору и замуж выдавать.

Приехали в Уназик, переночевали там две ночи и поехали в Увиник, чтобы этих детей обменять на оленей. Когда приехали в Увиник, встретили там много оленеводов. Оленеводы спросили их:

— Зачем вы прибыли сюда?

Уназиковские ответили оленеводам:

— Прибыли мы затем, чтобы вот этих детей обменять на оленей.

Один оленевод подумал: «Действительно, ведь сын мой уже взрослый!» Затем сказал:

— Пожалуй, возьму я для сына жену за двадцать оленей.

И продали взрослую девушку Укамана за двадцать оленей. Мальчика Кангу не продали и вернулись с ним в Уназик.

Укамана стала женой увиникского оленевода. Ее муж был храбрый, быстрый в беге и сильный. Сама Укамана — красивая да краснолицая. Укамана — не ленивая: каждый день носит воду, шьет одежду.

Прежде чем идти за водой, прячет она куски сухого мяса в свои одежды. Придет к реке и перебросит мясо на другой берег. Так делает каждый раз. Однажды принялась она шить обувь и вскоре сделала много пар. Готовую обувь наполняла вареным мясом.

Вот таким путем приготовила она тридцать пар обуви, чтобы в пути надевать ее. И однажды она сбежала, положила всю обувь за спину в дорожную сумку и отправилась в путь. Почувствует голод — достанет из камыков мясо и ест. Спать захочет — ложится на дорогу и спит; камыки изнаются — новые надевает.

Однажды зашла Укамана в большое безлюдное жилище, а жилище это все пищей заполнено: мясо китовое, моржовое, нерпичье и оленье.

Присела Укамана, и в это время вошла женщина-великан, белотелая, толстая, и спросила девушку:

— Вот диво, вот диво! Откуда ты пришла?

Укамана ответила:

— Была я у оленеводов в Увинике.

Женщина-великан спросила:

— Откуда ты?

Девушка ответила:

— С Сивукака я!

— Зачем же ты была в Увинике?

— Уназиковские жители продали меня туда за оленей!

Женщина-великан сказала:

— Что же, давай поедим, а потом будем спать. Я сплю очень крепко, завтра разбуди меня. Вот здесь, под изголовьем у меня, моржовый череп, возьми его и ударь меня по голове, тогда я проснусь.

Затем они поели мантак и легли спать. Укаманап встала утром рано и принялась будить женщину-великана.

— Эй ты, эй, вставай же!

Но та ничего не слышит.

Взяла Укаманап моржовый череп и хотела ударить ее, но испугалась. Решила она ждать и перестала будить. Вскоре наступил полдень, и тогда женщина-великан проснулась. А как только проснулась, сильно рассердилась:

— Ух ты, ух ты, ух ты! Если еще раз не разбудишь меня, плохо тебе будет.

Затем старуха села и сказала Укаманап:

— Хочу есть! Подай мне вон то моржовое мясо!

Укаманап подала моржовое мясо. Женщина-великан поела и вышла на улицу. Укаманап не знала, куда она ушла. Но та вскоре вернулась с убитой нерпой и сказала Укаманап:

— Давай поедим. Завтра непременно ударь меня по голове, а если не ударишь, съем тебя!

Уснули. Утром Укаманап поднялась и взяла моржовый череп. Подумала-подумала и говорит сама себе: «От этого действительно умереть можно!» Со всей силы она ударила спящую черепом по голове. Женщина-великан поднялась и стала смеяться:

— Хо-хо-хо-хо! Так, так, так. Давно бы ударила! А теперь иди домой. Надень мою кухлянку, ведь я же не человек, а медведица.

Действительно, Укаманап надела медвежью шкуру и пошла в Уназик. Шла, шла и через несколько дней подошла к Уназику. Когда она подошла, ее увидел человек и принялся кричать:

— Эй, люди! Медведица здесь!

Люди схватили луки и копья и бросились на нее. Укаманап закричала:

— Не медведица я, женщина я!

Но не крик, а медвежий рев получается у нее. Укаманап приостановилась, едва-едва сдернула с лица медвежий капюшон, и лицо ее открылось. Посмотрели люди и узнали Укаманап.

Хозяин ей сказал:

— Напрасно ты вернулась. В будущем году снова обменяем тебя на оленей.

Девушка сняла медвежью шкуру и вошла в полог. Там поела моржовой кожи. Не ложась спать, отправилась на берег. На берегу горько плакала и от горя взрыхляла ногами песок. Вот наступила темнота. Укаманап заснула в слезах. И видит она сон: подходят к берегу лодки, кто-то с лодок кричит ей: «Садись, садись, мы сивукаские! Кто ты? Не Укаманап ли ты?» Укаманап говорит им: «Правда, это я!» — «Закрой глаза и садись в лодку!» Действительно, входит Укаманап в лодку с закрытыми глазами. Шумит-бурлит, шумит-бурлит вода. Лодка приблизилась к Сивукаку и уж по песку шуршит. «Посмотри вперед и прыгай на берег!» Укаманап, не глядя на Сивукака, прыгнула. Рядом с нею выбросили

большой кусок китового мяса и большой кусок китовой кожи. Сказали Укамана: «Это тебе на дорогу, домой пойдешь — захвати с собой!»

После этого она проснулась, а лодок уже нет. Посмотрела она вокруг и узнала свой родной Сивукак. Здесь же рядом с нею лежат два огромных кита. Идет Укамана домой и радуется: «И правда, ведь я вернулась на Сивукак! О-о-о!» Радуюсь, подошла к дому и закричала:

— Эй, зажигайте огонь!

Вначале не услышали ее и продолжали спать. Она снова крикнула:

— Скорее!

Отец проснулся и спросил:

— Кто там?

Укамана ответила:

— Да ведь я же это!

Он начал будить жену:

— Эй ты, вставай скорее! Мне показалось, что я слышу голос Укамана!

Мать высунулась из полога и спросила:

— Кто там?

— Да что же это такое? Ведь я же это!

Мать сказала:

— Как будто это голос Укамана.

Отец сказал:

— Похож, похож.

Укамана сказала:

— Да точно, это я!

Затем вошла в полог и сказала отцу:

— После завтрака собери всех людей поселка. Там, на берегу, мои дорожные запасы. Поделите их между всеми.

Отец спросил ее:

— На чем ты приехала?

Укамана ответила ему:

— Уснула я в Уназике на берегу и увидела во сне, что пришли туда сивукакские люди, села я в их байдару и приехала.

Отец выслушал свою дочь. Затем после еды собрал всех людей освежевать китов. Действительно, все это поделили.

Все. Конец.

58. Чудесный бубен

Так вот, мол, было. Жила девочка без родителей, только с бабушкой и дедушкой. Вот раз позвали девочку подруги в тундру пойти за съедобными кореньями. Спросилась девочка у бабушки. Позволила бабушка. Отправились девушки за кореньями в даль-

ною тундру. В той тундре росло много вкусных трав и корней. Стали они рвать травы, мотыжками из земли корни откапывать. И не заметили, как надвинулся на них густой туман. Стали девушки друг друга сзывать. Собрались все, одной только недосчитались, той, которую с собой взяли. Испугались девушки. Ведь родители их ругать будут, почему недоглядели. Стали они громко звать девочку, но не могут дозваться, не отвечает девочка. Решили, что ушла она вперед, перестали искать и домой отправились. Пришли в селение, подошли к яранге стариков и спрашивают, не дома ли она. Отвечают им старики, что не возвращалась внучка.

А девочка тем временем искала, искала своих подруг, да так и не нашла. Совсем заблудилась в тумане. Плачет девочка, зовет их. Никто не откликается. Вдруг видит: большие дырки в земле. Подошла к одной, села на землю, плакала, плакала и уснула. Крепко спит, вдруг кто-то будит ее. Проснулась девочка, видит: незнакомая женщина. Нет у них в селении такой. Женщина спросила девочку:

— Что ты здесь делаешь?

Девочка ответила:

— Корни мы съедобные собирали, а тут густой туман опустился, я и потерялась. Оставили меня подружки и домой, наверное, ушли. Ходила я, ходила, не могла дороги домой найти, совсем заблудилась. Устала, присела отдохнуть, да и заснула.

Женщина сказала:

— Идем со мной в эту дырку!

Вошли. Что за диво! Землянка у этой женщины большая и светлая, и много всякой еды лежит. Стала женщина угощать девочку самой вкусной едой — китовой кожей да олениной. Наелась девочка досыта.

Женщина говорит ей:

— Живи здесь пока. Я каждый день уходить буду, а ты жди меня. Если захочешь, ешь все, что здесь есть, не дожидаясь меня.

Так и стала девочка в этой землянке жить. Проснется утром, а женщины уж нет дома. Каждый день уходила женщина за едой, только к ночи возвращалась. Всегда добычу приносила — то китового мяса, то оленины. Так они и жили.

А тем временем дед вместе с соседями всюду искал девочку, нигде не мог найти. Совсем уж потерял надежду, искать перестал.

Вот однажды сказала женщина девочке:

— Не соскучилась ли ты по своим старикам?

Девочка ответила:

— Соскучиться-то соскучилась, да как домой пойду? Не знаю, где мой дом, не знаю, что старики делают.

Женщина сказала:

— Я скоро засну и долго не проснусь. Пожалуй, ты о доме еще больше тосковать станешь. А старики твои все глаза о тебе

выплакали, сон потеряли. Каждый вечер друг к другу лбами прижмутся¹, а заснуть не могут.

Девочка сказала:

— Проводила бы ты меня к ним!

Женщина ответила:

— Сначала я тебя одному колдовству научу. Если выучишься, никто тебя в праздничных состязаниях не победит. Только делать надо все, как я покажу.

Взяла женщина бубен, застучала по бубну, запела. И так ладно пела, что запомнила девочка каждый звук, каждое движение. Кончила женщина петь и спросила:

— Ну как, научилась?

Девочка ответила:

— Да, да, научилась!

Женщина сказала:

— Как вернешься домой, на празднике состязаний все по-моему делай. Ну, а теперь пора. Одевайся, я провожу тебя.

Оделась девочка. Вышли они, а на дворе самое начало осени. Идут, идут, долго шли. Ночь их в пути застигла. Так ночью к яранге стариков и подошли. Женщина сказала:

— Теперь ты одна дойдешь. Я должна назад возвращаться.

Повернулась женщина и пошла домой. Посмотрела ей девочка вслед, и что же? Оказывается, по тропе, где они шли, бурая медведица убегает. Значит, она у бурой медведицы жила.

Подошла девочка к своей яранге и заглянула внутрь. Видит: дед и бабка спят, лбами друг к другу прижались. Постучалась девочка, позвала их. Проснулись старики, запричитали:

— Ой, да ведь это голос нашей внучки!

Девочка говорит им:

— Да, это я вернулась! Открывайте скорее!

— Ой, внучка наша вернулась!

Открыли старики дверь. Вошла девочка и видит: глаза у деда и бабки совсем красные от слез и бессонницы стали. Накормили они внучку и спать уложили. Наутро ее подруги пришли, спрашивают, как она потерялась, где была, откуда вернулась. Девочка никому не сказала, что жила у женщины, которая бурой медведицей оказалась.

Устроил старик на радостях праздник. Поели гости, стали сказки рассказывать. Снова поели, начали состязаться в шаманстве и песнях. Одни раздавят свои бусы, положат на бубны и постукивают палочками. Глядь — а бусы снова целые. Были и такие шаманы, что моржовый клык с треском наизнанку выворачивали.

Внучка своей бабушке и говорит:

— Я бы тоже хотела состязаться в пении.

Услышал дед и спрашивает бабку:

— Что это внучка хочет делать?

Бабушка отвечает:

— Тоже хочет состязаться в пении.

Дед говорит:

— Если хочет, пусть состязается.

А старухи, которые в гости пришли, шептаться стали:

— Смотрите, какая невежливая девочка, только мешают настоящим шаманам!

Вышла девочка на середину яранги, взяла бубен и запела. А как запела, снаружи шум послышался. Вот шум все ближе и ближе. Скоро у входа волны заплескались, в сени вода хлынула. Тут девочка по бубну стала быстрее поколачивать, волны откатились, и — о чудо! — в сенях много водорослей осталось. Взяла девочка таз, собрала в него водоросли и стала гостей угощать. Дивятся гости. Затем попросила девочка мотыжку, вышла в сени, ударила мотыжкой по земляному низу стены, и — о чудо! — вдруг, откуда ни возмись, разные съедобные коренья появились. Снова девочка таз взяла, собрала коренья, угощает гостей. Угостила, взяла палочку от бубна и проткнула ею стену полога. Из дыры в стене свежая, прозрачная вода полилась. Наполняет девочка ковш этой чудесной водой, поит гостей. Пьют гости и еще больше дивятся — никогда таких чудес не видели. С тех пор все признали ее великое искусство, ни одного состязания в пении, плясках и шаманстве не проходило без участия маленькой колдуньи. Все.

59. Умилык и мышь

Так, говорят, было. Жил в одном селении злой-презлой умилык-старшина. Была у него большая свора собак. Собаки были огромные, быстрые в езде и очень кусачие. В этом же селении жил одинокий старичок, которого умилык жестоко избивал.

Однажды старичок пошел искать мышку. Искал, искал и нашел. Взял он в руки мышку, зажмурился, подул на нее, поплевал и открыл глаза. Посмотрел, а перед ним стоит огромная и красивая собака. Зубы у собаки острые, а два из них как клыки.

Старичок сказал собаке:

— Только, пожалуйста, не скаль своих зубов! Если будешь скалиться, то увидит умилык, что у тебя только два длинных зуба.

Старичок поцарапал свое лицо, чтобы измениться и стать неузнанным. Лицо от паразитов заболело, покраснело и припухло. И стал похож старик на молодого человека с румяным, здоровым лицом. Взял он собаку за поводок, и пошли они к яранге умилыка. В сени вошли, старик кашлянул, чтобы хозяин услышал. Умилык вышел с палкой в руках.

— Вот эта собака очень злая, быстрая и умная. Она одна сильнее всех твоих кусачих собак. Убей своих собак и возьми эту!

Жадный умилык обрадовался. Жене своей приказал даже, чтобы на носу его сделала татуировку¹. Собак своих всех прикончил. А приведенная старичком огромная собака вдруг превратилась снова в маленькую мышку. Этот умилык от досады сам себя убил. Все.

60. Мальчик и лисичка

На взморье лисичка поела китовые потроха. Мальчик собирал выброшенные прибоем водоросли и увидел лисичку. Мальчик начал петь:

Лисичка, лисичка, а-на-на,
Вонючими потрохами обжираться ты!
От радости, хвастунья, хвост свой
Вверх задираешь, ха-ха-ха, тьфу!

Лисичке стыдно стало, и она отбежала в сторону от своей находки. Мальчик посмеялся и стал снова собирать водоросли.

Лисичке еще хотелось полакомиться, она вернулась и снова стала пожирать китовые потроха. Мальчик увидел и опять запел ту же обидную песенку.

Тут лисичка совсем застеснялась и убежала в тундру. Так и разошлись. Все.

61. Ворон Ынпына

Однажды ворон прогуливался по берегу. Имя этого ворога — Ынпына. В это время мимо проплывала байдара. Люди, сидящие в байдаре, крикнули ворону:

— Ынпына, садись с нами, подвезем!

— Зачем же, — сказал Ынпына, — мое жилище находится совсем близко.

— Почему же тебе идти пешком, садись в байдару, подвезем, — сказали байдарщики.

Согласился ворон и влез в байдару. Поплыли. Ворон зажмурился и тихо сидел в байдаре. Когда же приоткрыл глаза, увидел, что байдара прошла уже мимо его яранги. Оказывается, обманули его, к себе повезли. Когда причалили у своего дома, схватили ворона за оба крыла и понесли с собой. Ворон кричал, вырывался, но ничего не помогло. Внесли его в жилище, взяли китовую лопатку от своей двери, просверлили в ней отверстие и надели ее на шею ворону. Так и оставили его сидеть внутри лицом. Решили хозяева, чтобы служил он у них сторожем. Всю ночь прокричал он. У тех хозяев была женщина-прислужница. Она беспрестанно чистила деревянное блюдо и ничего не ела. Когда она занималась своим делом, то потихоньку давала ворону кусочки мяса.

Однажды, когда хозяйева уснули, ворон попросил женщину:

— Высвободи меня из этой лопатки!

Женщина сказала:

— Только ведь скажут, что это я сделала!

Ворон сказал ей:

— А ты уйдешь вместе со мной!

Женщина поверила и освободила ворона. Он увел женщину к себе в жилище. Затем ворон вернулся, приподнял ярангу и поставил на другое место. Во время сна своих хозяев ворон заколдовал их. У себя дома каждую ночь он миловался с той женщиной. Ярангу хозяев он поставил у прибрежной скалы так, чтобы ее захлестывало прибойными волнами.

Старуха-хозяйка ночью проснулась и услышала шум. Она хотела было выйти из жилища, но оказалось, что прибой захлестывает ярангу. Пока она одевалась, одна сторона яранги разрушилась. Старуха сказала:

— Вот всегда вы так плохо делаете жилье, мучители этакие!

А ворон Ынпына уселся наверху разрушенной яранги и победно кричал.

Эти обидчики оказались под обломками упавшей яранги. Все.

62. Человек в гостях у нерпичьего народа

Так, говорят, было. Жил один человек с женой и односельчанами. Каждый день выходил он охотиться на нерп, но был он такой неудачливый, что никогда ничего не приносил в свой дом. А другие охотники постоянно возвращались с добычей.

Однажды этот человек снова пошел на охоту. Пришел он на лед, нашел нерпичью лунку и сел рядом к нею. Так он сидел и ждал. Вдруг из лунки показалась голова нерпы и заговорила по-своему:

— Рам кылясап, рам кылясап, рам кылясап!

Проговорила так быстро нерпа и тут же исчезла подо льдом. Человек подумал: «Что же это она сказала?» Ждал, ждал он, не вынырнет ли еще нерпа, но не дождался.

Встал он, расковырял себе нос до крови и размазал кровь около лунки. Пусть другие охотники увидят, что он ранил нерпу, но она ускользнула от него, сорвалась с гарпуна. И жену он так же обманет.

Пришел охотник домой и говорит жене:

— Добыл было я нерпу, но сорвалась с гарпуна.

Жена поверила и очень сожалела о такой неудаче мужа.

На следующее утро рано проснулся, поел и снова отправился на охоту. Шел, шел по льду и подошел к той же лунке. Снова здесь сел и стал ждать. Через некоторое время из лунки высу-

нулась нерпичья голова. Человек узнал вчерашнюю нерпу. И снова нерпа человеку сказала:

— Рам кылясап, рам кылясап, рам кылясап! — И тут же ушла под лед.

Человек подумал: «К себе, наверное, зовет меня». Он поднялся, влез в лунку и последовал за нерпой.

Под водой он не почувствовал даже недостатка в дыхании. Легко спустился на морское дно и пошел как по земле. И вдруг он увидел идущего человечка с короткими руками и ногами, с большим и толстым туловищем. Да ведь это та нерпа, которая показывалась в лунке! И охотник пошел следом за нерпичьим человечком в большую землянку, которая была рядом.

Вошел в коридор землянки охотник, посмотрел оттуда и увидел веселящихся нерп. Посреди землянки сидел старик-нерпа. Он сказал охотнику:

— Входи и смотри на наш праздник!

Охотник вошел, сел на нары и стал смотреть, как нерпы веселятся.

Старик-нерпа сказал:

— Подайте мой бубен, буду петь я!

Жена его сняла со стены бубен и подала старику. Взял он бубен и запел:

Верхние там, на земле, верхние там, на земле,
Наши нерпичьи глазки обмакивают в жир
и лакомятся ими!

Пропел так дважды и закричал как безумный:

— Кагися-вися-вися-ви,
Кагися-вися-вися-ви!

Затем старик успокоился и сказал девушкам-нерпам:

— Девушки, танцуйте!

И старик снова запел:

Локти в сторону поставьте,
Груди-швы вперед продвиньте!
Так танцуйте, так танцуйте!
Я-ия-ия-ия-а,
Я-ия-ия-ия-а!

После девичьего танца праздник закончился. Старик-нерпа сказал жене:

— Дайте этому человеку морской капусты!

Старуха-нерпа принесла охотнику охапку морской капусты. Старик сказал:

— Теперь возвращайся. Когда будешь подниматься, то закрой глаза, сделай большой шаг и сплунь в сторону. И чудо совершится.

Охотник вышел от нерп. Начал вверх подниматься. Через некоторое время закрыл глаза, шагнул вперед и сплюнул в сторону. Когда глаза открыл, оказался около своего жилища. Положил на землю капусту, и — о диво! — капуста превратилась во

множество нерп! Охотник позвал жену и велел перенести нерп в жилище.

С тех пор, говорят, этот человек стал удачливым охотником. Все.

63. Младший из пяти братьев

Было пятеро братьев. Когда их мать умирала, она сказала им:

— Когда пройдет пять ночей после моей смерти, вы должны навестить меня.

Прошло назначенное матерью время, и самый младший брат сказал старшим:

— Ну, так как же? Ведь мать просила навестить ее, когда пройдет пять ночей после смерти!

Старшие братья стали браниться и говорить ему:

— Ты уж один иди посмотреть на нее, какой страшной она там стала.

И младший брат пошел навестить свою мать. Когда пришел к месту захоронения, то сел лицом в сторону берега. После этого из-за спины умершая стала спрашивать его:

— А где же другие мои сыновья?

Сказал ей младший сын:

— Зачем же к тебе идти, говорят они, ты теперь страшная.

Мать сказала ему:

— Ведь я их звала для того, чтобы посоветовать им, как жениться.

Затем младшему сыну сказала:

— Видишь, вон там, вдаль, дымится бугорок? Иди в ту сторону.

И он пошел к тому бугорку. Вдруг из этого бугорка вышла старуха, повернулась лицом в северную сторону и стала кликать:

— Чу-чу-чу!

И неожиданно появились олени. Все они были белые и запряжены в нарты. Старуха стала бить их кнутом и прогнала. Оказывается, это были не те олени, которых она вызывала. Опять стала манить:

— Чу-чу-чу!

И вдруг перед нею — черные олени, запряженные в нарты. Снова прогнала их старуха, когда увидела, что не те, каких хотела. И в третий раз стала звать:

— Пестрых, пестрых!

И перед ней появились вдруг пестрые олени с рыже-красными пятнышками. Женщина сказала юноше:

— Садись вот на эту упряжку!

Юноша сел на нарты. Старуха сказала:

— Только зажмурься и не открывай глаза, иначе свалишься.

Зажмурил глаза и помчался вперед. Оказывается, поднялся он на самое небо. А старуха перед тем сказала ему:

— Когда под ногами песок почувствуешь, только тогда откроешь глаза.

И вот когда песок почувствовал под ногами и открыл глаза, то увидел перед собой кругом светлое пространство. А вблизи много больших яранг. К ярангам туда, вниз, отправился. Приблизился к ярангам, а там около яранг разостлано множество шкур диких оленей, отчего вокруг все красно. И когда он подошел поближе, его увидели и сказали:

— Ага, к нам прибыл гость, который живет ниже нас!

Вошел юноша в жилище, и там стали его угощать. После еды там остался.

Вечером пришли хозяева. Вместе с ними в другое помещение вошел и гость. И тут увидел он женщину, черную и темную, как закопченный горшок. Одна половина лица этой женщины короче другой, а также одна нога и одна рука короткие. Когда все заснули, он вышел в сени землянки и увидел там большой ящик. Оказывается, в этот ящик входила женщина с мясом в руках. Юноша снова лег спать. Вдруг вошел старичок, разбудил гостя и сказал:

— Зачем ты сюда прибыл? Если жениться задумал, то я тебе открою вон тот ящик. Внутри его находится женщина.

И правда, когда старичок открыл ящик и юноша вошел туда, он увидел спящую женщину. Волосы ее были разного цвета: белые, красные, черные. Этими волосами она вся была обернута. Человек этот лег спать вместе с женщиной. Затем он подумал, что все скоро проснутся, перебрался в отведенное ему место в пологе. И так продолжалось всякий раз, как только наступала ночь. Он входил в ящик, который открывал для него старичок. Вот уж женщина эта забеременела. Однажды женщина-прислужница спросила ее:

— Почему живот твой большим стал?

Та ответила:

— От еды, наверное.

Матери другая дочь сказала:

— Дочь ваша там, кажется, забеременела.

Мать вошла в ящик к дочери, ощупала, осмотрела ее и обнаружил, что та и вправду беременная. Об этом она сообщила своему мужу. Всю вину сложили на гостящего мужичка. И выдали дочь за него замуж. Родила она мальчика. Здесь они и жили вместе с родителями женщины. Уже двое сыновей у них стало и одна дочь. И родители однажды сказали:

— По обычаю женщина, вышедшая замуж, не остается в доме родителей, а должна уйти.

И собрались небожители опустить дочь свою с детьми и мужем на землю. Затем на ремне спустили их. Когда жилище их в виде большого ящика приземлилось и издало громкий стук,

из землянки повыскакивали братья с одной женщиной и окружили ящик-ярангу. Братья стали смеяться над женщиной, сплывшейся с неба:

— Вот за какой красавицей ты лазал на небо!

Женщина с неба сильно рассердилась, ударила ногой по стенке своего жилища. Она сказала:

— Так ты меня привел на осмеяние своим братьям, а сам ведь не стеснялся жить со мною в моем убежище!

Не выходя из своего ящика-яранги, женщина сказала:

— Подождите, сейчас я оденусь и выйду!

Тем временем из всех жилищ повыскакивали любопытствующие — старые и малые, даже мыши вылезли из своих норок.

И вот эта женщина вышла из своего жилища, а вместе с нею дети. Она оказалась такой красивой, что все зеваки от удивления и восторга попадали замертво. Все.

64. Хозяин моря

Жили давным-давно в Имаклике старшина с женой. Был у них единственный сын. Старшина этот ходил на утес ловить морских петушков. Поймал однажды несколько и привязал их навсегда к своему поясу, чтобы они служили ему.

Как-то пошел сын старшины на берег. Ходит по берегу, водоросли и ракушки, выброшенные прибоем, рассматривает. Вдруг возле самой воды увидел он огромного краба. Мальчику так захотелось поймать этого краба и отнести домой! Подбежал он к крабу, только хотел было взять его, а краб как схватит мальчика своими клешнями! Зажал крепко-крепко и потащил в море. Как ни вырывался мальчик, унес его краб в морскую пучину.

Ждали, ждали мать с отцом сына, не дождались и спать легли. Проснулись утром, а сына все еще нет. Сильно испугались они. Отец даже есть перестал. Несколько дней прошло, а сын все не возвращался. Где только мальчика не искали — нигде не нашли. Старшина с горя совсем состарился. Самую вкусную еду есть перестал. Только из рук любимой сестры и ел немного. Совсем горе сокрушило его, и решил он утопиться. Спустился на берег, к самой воде подошел. Увидела сестра, догадалась, что старшина хочет себя порешить, и закричала ему:

— Куда ты, брат? Утонешь! Вода ледяная. Сильно мучиться будешь! Вернись, брат, вернись!

Послушался старшина сестру и вернулся. А как ночь пришла, все уснули, опять к морю пошел. В воду ступил да по дну в самую глубь зашел. Долго шел старшина под водой и очутился наконец в подводном селении. Видит: землянка стоит. Вошел старшина в землянку, там человек сидит, мастерит что-то. Увидел морской человек пришельца и спрашивает:

— Зачем ты сюда пришел? Кораблекрушение, что ли, потерпел?

Старшина отвечает:

— Не потерпел я кораблекрушение, а сына единственного потерял.

Морской человек говорит:

— Посреди нашего селения есть большая землянка. В ней живет Хозяин моря.

Пошел имакликский старшина к Хозяину моря. Вошел в землянку, видит: огромный человек сидит посреди полога. Косматые волосы все лицо закрыли. Вот и спрашивает Хозяин моря:

— Зачем ты пришел сюда?

— За сыном,— отвечает имакликский старшина.

Говорит Хозяин моря:

— Не отдам я тебе твоего сына, он сам в мои руки пришел. Взглянул старшина на верхние нары, а там двое юношей сидят. Один из них его сын.

Сказал старшина Хозяину моря:

— Что хочешь для тебя сделаю, отдай только сына!

Ответил Хозяин моря:

— Ничего мне от тебя не надо. Не отдам!

Что ни предлагал старшина Хозяину моря, от всего тот отказывался.

Вспомнил тогда старшина про своих петушков, привязанных к поясу. И сказал Хозяину моря:

— Посмотри на моих петушков. Бери их, только сына отдай.

Посмотрел Хозяин моря на петушков и спрашивает домашних, нравятся ли им петушки. Стали все наперебой их расхваливать. Нахмурился вдруг Хозяин моря и велит всем замолчать. Запретил не только хвалить петушков, а даже смотреть на них — так петушки ему самому понравились. Потом велел сыну старшины одеваться. Вместе с сыном оделся и другой юноша. Хозяин моря ничего не сказал на это, всем позволил уйти. Вышли имакликцы из землянки и встретили того человека, который послал старшину к Хозяину моря. Он и говорит им:

— Зажмурьте глаза и шагните три раза!

Зажмурились они, шагнули три раза, а как открыли глаза, видят: стоят они на морском берегу возле своего селения Имаклик. И пошли они домой. А юноша, ушедший с ними от Хозяина моря, так и остался навсегда в Имаклике.

65. Амек

Очнулся человек и видит: сидит он один на ровном и голом месте. В одну сторону посмотрел — горы и деревья увидел, в другую посмотрел — море увидел, а на воде огромная чайка сидит. Чайка эта извечно сидит тут, никуда не улетает. Зима при-

дет, море скует льдом, а чайка долбит вокруг себя клювом, вода оттого в том месте и не замерзает. Смотрит человек на чайку-великана и думает: «Откуда я появился здесь? Почему я совсем один? Как мне быть без одежды и пищи? Есть ли здесь поблизости люди?» Сидел он так, сидел, потом встал. Подошел к высокому дереву. Взобрался на дерево, стал на море смотреть. Видит: в море байдары плывут, совсем недалеко от берега. Спустился он с дерева, к морю пошел. Поравнялись с ним байдары, стал он кричать сидевшим в них людям. Не услышали его люди, проплыли мимо. Сильно опечалился человек. Немного погодя другие байдары плывут. Поравнялись с ним, он опять начал кричать. Звал, звал, услышали его люди, сидевшие в байдарках. Причалили к берегу. Спросил он тех людей:

— Куда вы путь держите? И куда первые байдары уплыли?

— В ближнее селение, — отвечают ему люди. — А те первые в далекие края уплыли.

— Сел бы я с вами в вашу байдару, — сказал человек.

— Садись, — отвечают.

Сел человек с этими людьми в байдару, скоро приехали в селение. Все к жилищу пошли, а он за ними следом. Стал с ними разговаривать, никто ему не отвечает. Вошли в жилище. Всех приглашают поесть, а его не замечают. Снова стал он их расспрашивать, а они не слышат его. Стал он тогда по жилищам без страха ходить: все равно его никто не видит и не слышит. В одну ярангу вошел — такую красавицу увидел! Чистая вся да прозрачная. Через светлую кожу весь скелет и внутренности видно. И подумал человек: «Войду я внутрь этой прекрасной женщины!» Подумал и вошел к ней в чрево.

Через некоторое время родился у этой женщины мальчик. Мальчик был тем человеком, который вошел в чрево женщины. Был он мудр не по летам, все понимал и не плакал, хотя мать его много работала. Подрос он и подумал: «Надоело мне быть человеком, умереть бы!» И умер. Тело схоронили, а дух его пошел куда глаза глядят. Увидел он в одном селении красивую собаку-суку. Шкура с шерстью у нее прозрачные, так что весь скелет и внутренности видно. Подумал дух того человека: «Ох и красавица собака! Войду я к ней в чрево!» И вошел.

Вскоре после того родила собака щенят. Среди щенят был и тот человек. Когда отходила мать от щенков, все визжали, один он молчал, потому что был умный. Подросли щенки, стал их хозяин приучать к упряжке. И сильно бил тех, кто не хотел в упряжке ходить. Умный щенок боялся, что и его прибьют, и всегда вперед рвался. Хозяин, возвращаясь из поездки, говорил про него:

— Хороша собака будет! Так и рвется вперед, не то что другие, ленивые.

И вот вырос он и стал большим псом. Надоело ему псом быть — опять умер. Снова покинул тело. По всему свету скитал-

ся: у бурых медведей был, у волков, у лисиц, у птиц. Дошел до Кыгмика и опять человеком на свет родился. Назвали его Америк. Тогда и остался он навсегда в Кыгмике.

66. Аймананаун

Так, говорят, было. Жила одна приморская семья: муж, жена и двое сыновей. Сыновья были маленькими, один мальчик старше, другой младше. Старшего мальчика отец в строгости держал, часто наказывал. Имела эта семья немного оленей. Отец старшего мальчика к оленям посылал. Во время пребывания в стаде этот мальчик постоянно бегал вокруг стада, перепрыгивал через препятствия и вскоре стал быстрым и сильным. Однажды он сильно устал и пришел домой выспаться. Но отец не позволил ему спать. А когда мальчик хотел поесть, отец еду у него забрал. Так он приучал сына к терпению. Мальчик не выдержал и, положив голову на акин, тотчас заснул. Отец увидел, что сын заснул, приподнял под ним акин и опустил его. Голова мальчика ударилась об изголовье, он испугался, схватил акин и переломил его. Отец подумал: «Ого! Когда же мой сын стал таким сильным?» Затем отец сказал матери:

— Сделай старшему сыну одежду, да только самую лучшую, самую красивую.

Сделала женщина сыну новую и красивую одежду. Отец сказал:

— Хотя ты и сильным стал, а любишь поспать. В каком-то дальнем стойбище живет самая красивая девушка Аймананаун. Вот найди эту красавицу. На ее груди спать тебе будет мягко.

Отец рассказал сыну, как надо идти, и на следующий день юноша отправился в путь. Вот на пути его встретила первая сопка. Перевалил он через сопку и нашел старую-престарую одежду. Взял он эти старые лохмотья и надел поверх своей новой и красивой одежды. Затем пошел дальше. Перешел вторую сопку и увидел впереди ярангу. Рядом с ярангой старик сидит и что-то каюгуном строгаёт.

Юноша притворился дурачком, стал кривляться, спотыкаться и падать. Старик заметил веселого человечка в лохмотьях и стал смеяться. Когда юноша подошел, старик спросил:

— Что за человек ты?

Юноша ответил:

— Береговой человек я.

Старик снова спросил:

— Что такое берег?

Юноша ответил:

— Берегами называют края озер и морей. Мой народ живет на берегу моря. Понял ли ты?

Старик сказал:

— Да, я понял.

Старик подумал: «Вот диво: берег, берег, берег!», затем сказал:

— Ну, а теперь зайти в ярангу и поесть.

Юноша ответил:

— Не пролезть мне в ярангу!

Старик сказал:

— Ничего, попробуй!

Юноша с трудом пролез.

Старик сказал жене:

— Свари ему оленины. Это береговой человек.

Женщина наварила оленины, и все стали есть. После еды приготовились ко сну. Юноша отказался спать в пологе, а лег в холодных сенах.

На следующий день дальше пошел, кривляясь и кувыркаясь. Старик и старуха смеялись над ним, пока не скрылся.

Вскоре снова сопку перевалил и впереди ярангу увидел. Рядом с ярангой старик сидит и что-то каюгуном строгаёт. Юноша снова стал кривляться, спотыкаться и падать. Старик заметил веселого человека в лохмотьях и стал смеяться. Подошедшего юношу старик спросил:

— Что за человек ты?

Юноша ответил:

— Береговой человек я.

Старик снова спросил:

— Что такое берег?

Юноша ответил:

— Берегами называют края озер и морей. Мой народ живет на берегу моря. Понял ли ты?

Старик сказал:

— Да, я понял.

Старик подумал: «Вот диво: берег, берег, берег!», затем сказал:

— Ну, а теперь заходи в ярангу и поесть.

Юноша с трудом в ярангу пролез. Хозяйка мяса наварила, поели, легли спать. Юноша в сенах ночевал, а утром снова в путь отправился. Перевалил через сопку, снова ярангу увидел. Рядом с ярангой старик сидит и что-то каюгуном строгаёт. Юноша начал кривляться, кувыркаться и падать. Старик заметил его и стал смеяться. Подошедшего юношу старик спросил:

— Что за человек ты?

Юноша ответил:

— Береговой человек я.

Старик снова спросил:

— Что такое берег?

Юноша сказал:

— Берегами называют края озер и морей. Мой народ живет на берегу моря. Понял ли ты?

Старик сказал:

— Да, я понял. А теперь ответь, куда идешь ты?

Юноша ответил:

— В дальнюю тундру иду я. Говорят, что там живет девушка Аймананаун.

Старик, смеясь, сказал:

— Разве можно сравнить тебя, грязного и оборванного, по силе и ловкости с ее женихами? Но никто еще не победил Аймананаун. Она всех сильнее, быстрее и красивее.

Юноша ответил:

— Ничего, пусть я буду таким, какой есть.

Старик сказал:

— Что же, войди, поешь.

Юноша еле-еле влез в полог. После еды лег спать в сенах. Рано утром снова в путь отправился. Скрывшись за холмом, бегом побежал. К большой сопке приблизился, на вершину поднялся и с другой стороны спустился. Впереди ярангу увидел. Рядом с ярангой старик сидит и что-то каюгуном строгают. Юноша приворочился слабым и едва передвигался. Старик заметил его и спросил:

— Что за человек ты?

— Береговой человек я.

— Что такое берег?

— Берегами называются края озер и морей. Мой народ живет на берегу моря. Понял ли ты?

— Да, я понял.

Старик подумал. «Вот диво: берег, берег, берег!», затем сказал:

— Войди и поешь.

Юноша с трудом в ярангу вошел. Во время еды старик спросил юношу:

— А куда идешь ты?

Юноша ответил:

— В дальней тундре живет Аймананаун. Иду туда, чтобы жениться на ней.

Старик покачал головой:

— Лучше бы ты не говорил об этом. Зря надеешься. Еще не было человека, который бы оказался сильнее и быстрее Аймананаун. Но я тебе расскажу, как отсюда дойти. На пути встретится тебе еще одна яранга. От той яранги до Аймананаун близко.

Утром пошел дальше. Хозяева над слабостью уходящего смеялись. Но, как только скрылся, бегом побежал. Опять сопку перевалил и впереди ярангу увидел. Медленными шагами к яранге пошел. Около яранги старик сидит и что-то каюгуном строгают. Увидев юношу в лохмотьях, старик спросил:

— Что за человек ты?

— Береговой человек я.

— Что такое берег?

— Берегами называются края озер и морей. Мой народ живет на берегу моря. Понял ли ты?

— Да, понял.

Старик подумал: «Вот диво: берег, берег, берег!», затем позвал юношу поесть. После еды юноша лег в сених. Рано утром дальше пошел. Скрывшись, бегом побежал. Впереди — большая сопка. На вершину горы поднялся. Внизу увидел две яранги. Верхняя яранга маленькая, нижняя — большая. Дальше за ярангами — большое стадо оленей, а около стада — множество мужчин. Все эти мужчины — женихи Аймананаун. Около яранги юноша заметил старика, строгоющего что-то каюгуном. Нарочно кривляясь, спотыкаясь и падая, юноша начал спускаться с сопки к яранге, где сидел старик. Но старик даже головы не приподнял, потому что посчитал юношу за тунгака из-за лохмотьев и кривляний. Подошел юноша к старику, а тот отвернулся от него. Юноша с другой стороны подошел, тогда старик спросил:

— Что за человек ты?

Ответил:

— Береговой человек я.

— Куда идешь ты?

— Говорят, что здесь живет Аймананаун, ее взять пришел я.

Старик повернулся в сторону маленькой яранги и сказал:

— Эй, Аймананаун, «зять» тут пришел!

Из яранги девушка показалась. Ах, какая красивая!

Девушка сказала:

— Нет, не выйду я за этого замуж, ведь совсем никчемный он!

Затем юноше это сказала:

— Оставайся здесь. Будешь у меня выливальщиком помоев!

Юноша вошел в ярангу и увидел неизвестных людей. Это, оказывается, были женихи Аймананаун.

Девушка сказала:

— Вот ведро с помоями. Отнеси его на помойку.

Юноша взял ведро и, притворяясь слабым, едва понес, обливая все на пути. За самым порогом ведро вылил. Девушка рассердилась, схватила толстый ремень и стала бить по спине юношу. Но он даже не почувствовал боли: ведь под рваной кухлянкой у него была новая одежда, которой никто не видел.

Вечером женихи собрались, поели, в пологе спать легли, а юноша улегся в холодном натыке. Утром женихи торопливо начали приготовляться к бегам, и многие наступали на лежащего юношу. Он не выдержал и стал каждого, кто задевал его, пинать ногой. Как только пнет потихоньку ногой, человек тотчас кувырком летит.

Вот все женихи вышли и начали условленный бег. Кто победит, тот возьмет Аймананаун. Сама Аймананаун позже всех вышла, а за ней юноша. Люди все по большому кругу уже бегали. Юноша вначале пешком пошел. Женихи стали над ним посмеив-

ваться, пробегая мимо. Но вот он за холмом скрылся, старую одежду с себя сбросил, новую подправил, подтянулся и побежал. Всех мужчин быстро обогнал, позади оставил. Вокруг горы обежал и догнал девушку, которая всех женихов обогнала.

Девушка сказала:

— Эй, пробегающий, подожди!

Юноша ответил:

— Нет, теперь ты за мною беги.

Юноша раньше всех к ярангам вернулся. За ним первой прибежала Аймананаун. Она взяла юношу за руку и ввела в свой полог. После этого они поженились, а все остальные женихи разъехались по своим стойбищам.

Отец Аймананаун сказал:

— По обычаю девушка уходит в жилище своего мужа. Здесь переночуйте, а завтра уезжайте к родным.

На следующий день для Аймананаун и ее мужа выделили ярангу, и они уехали на родину юноши. Прибыв в селение, юноша свою ярангу повыше отцовской установил. Утром мать юноши вышла, ярангу новую увидела, а около яранги ездовые олени привязаны. Увидела береговая женщина ездовых оленей и перепугалась. Вернулась она в ярангу и рассказала обо всем мужу. Мужчина младшего сына послал к новой яранге посмотреть да узнать, кто приехал. Побежал туда мальчик и вошел в ярангу. Аймананаун мужу сказала:

— Здесь мальчик какой-то пришел.

Юноша сказал:

— Накорми его оленьиной.

Молодая женщина приподняла полог и позвала мальчика. Мальчик как посмотрел на нее, так и упал без чувств. Она вошла в полог и сказала мужу:

— Этот мальчик от удивления обмер. Пролежит теперь до полудня.

После полудня мальчик очнулся и домой побежал. Отец спросил его:

— Почему так долго был там?

Мальчик сказал:

— Потому что девушка там невиданной красоты. Как посмотрел я на нее, так и обмер.

Отец сказал, засмеявшись:

— А ну, и я пойду умирать от красоты.

Вошел в ярангу старшего сына, из сеней сказал:

— Дайте попить!

Из-под полога просунулась рука с кружкой воды. Мужчина по кружке ударил, воду пролил. Девушка в пологе застыдилась, покраснела, еще красивее стала. Наполнив кружку водой, приподняла полог и подала кружку мужчине. Увидел мужчина прекрасное лицо девушки и тотчас обмер, свалившись в натыке. Только с наступлением ночи он очнулся и ушел домой. На сле-

дующий день мальчик отправился к юноше, чтобы вместе с отцом на охоту он пошел. Юноша согласился. Вот пошли охотиться за нерпой на кромку льда. Юноша впереди идет, а отец за ним. Когда шли мимо полыньи, отец нарочно рукавицу в воду уронил и сказал:

— Ой, рукавицу в воду уронил я!

Юноша ответил:

— Ничего, потом другую сделают тебе.

Отец сказал:

— Жаль этой рукавицы, жена для меня шила!

Услышал это юноша, ремнем опоясался и пошел на тонкий лед, чтобы взять рукавицу. Как только пошел, отец ремень к себе дернул, юноша упал. Отец по льду к себе его подтянул и ножом убил. После этого вернулся в ярангу к Аймананаун и сказал ей:

— Муж твой погиб. Не позволял я ему идти по тонкому льду за оброченной мною рукавицей, но не послушался он, зашел на тонкий лед и утонул. Теперь его преемником буду я. Вместо мужа тебе буду.

Ничего девушка не сказала, а потушила жирник и запела. Человек этот хотел было обнять ее, обласкать, поближе придвинуться к ней, но она все пела. Человек начал ослабевать и вскоре заснул от дивного пения Аймананаун. Когда он заснул, Аймананаун вдруг исчезла под землю. Затем где-то вышла на след мужа и пошла по нему к кромке льда. Подошла, увидела мужа — лежит на льду с ножом в спине. Нож из раны быстро вынула, ладонью своей руки по ране провела, юноша тотчас ожил, встал и к дому пошел. А Аймананаун снова исчезла под землей и в пологе своей яранги очутилась. Когда вошла, отец юноши ее увидел, снова обнять хотел, протянул руки, а перед ним ничего нет. В это время юноша в натек вошел, кашлянул. Отец кашель услышал, быстро начал одеваться. Юноша вошел. Увидел отца, сказал:

— Ты можешь ночевать здесь! — Но отец быстро вышел и домой побежал.

Аймананаун с мужем ушла жить на свою родину. Все.

67. Потерявшийся в море

Давно-давно жил человек. Была у него семья. Промышлял он нерпу, удачливый был и ловкий охотник. Жена не переставала свежевать добытых им нерп. Вот однажды и говорит он жене:

— Перестану я пока охотиться. Добытого зверя на всю зиму хватит.

На другой день решил он почистить и просушить свой каяк. Занимается он так своим делом, вдруг видит: высунулась из волны возле самого берега большая нерпа. Не выдержал охотник,

каяк в море столкнул, сам в него прыгнул и стал нерпу догонять. А нерпа то скроется под водой, то вынырнет. Он и гарпун приготовил. Вот уж нерпа совсем близко, высунулась и опять скрылась. Гнался, гнался охотник за нерпой и так далеко в море ушел, что и горы из виду пропали. Махнул на нерпу рукой, каяк повернул, домой поплыл. Вот и горы вдали показались. И поплыл с них в море туман. Скоро все туманом затянуло. Не знает охотник, куда плыть. Еды дорожной у него с собой не было. Застала его ночь в море. Уснул он голодный в каяке. Утром проснулся, приблизился к берегу, а берег такой, что пристать негде: высокий, обрывистый. Долго искал пологое место, не нашел. Стал гадать, что ему теперь делать. «Попробую зацепиться гарпуном», — подумал. Взял гарпун и метнул его на берег. Вонзился гарпун в самую вершину утеса. Привязал охотник гарпунный ремень к каяку и взобрался по этому ремню наверх. Потом за ремень и каяк вытянул.

Стал искать место, куда бы каяк спрятать. Нашел полянку с высокой, густой травой. Спрятал в траву каяк. «Если здесь останусь, — думает, — с голоду помру. Пойду поищу человеческое жилье». И пошел на поиски. Шел, шел и видит: внизу за холмом много яранг. Решил не ходить туда до наступления ночи. Как стихло все, улеглись люди спать, пошел в селение. Подошел к первой яранге. Вошел потихоньку внутрь, стал искать еду и нащупал таз, полный оленьего мяса. Таз поверх полога стоял. Взял охотник мясо и стал тут же есть. Хозяева спали в пологе и не могли увидеть его. Поел и стал искать места, где бы спрятаться. А возле входа гряда хвороста лежала для топки. Он и спрятался за эту гряду.

Утром, когда все проснулись, вышла из полога девушка и взяла таз с мясом. Сразу заметила — мяса наполовину убавилось. Внесла в полог таз, сказала матери о пропаже. Старуха стала браниться:

— Куда делось мясо? Плохо ты за добром следишь. Видно, дружок у тебя появился!

Бранится старуха, а девушка оправдывается, вины ее в этом никакой нет. Поели, пришел сосед и сказал из сеней:

— Лед в море появился. Пора на охоту выходить.

Хозяин согласился. Стал собираться и скоро пошел охотиться. Дочка принялась подметать в сенях, а пришелец, сидевший за грудой хвороста, наблюдал за ней. Увидела его старуха и закричала на дочь:

— Я уж давно заметила, что у тебя дружок появился!

Дочь молчала. Что ей сказать — она и в глаза не видывала этого молодого мужчину.

Подошла старуха к нему и говорит:

— Вернется наш хозяин и убьет тебя. Не быть тебе живу, если не одолеешь его. Если хозяин спросит, есть ли у тебя родные, отвечай, что нет и что ты жену себе ищешь.

Вернулся охотник и спрашивает его:

— Откуда ты и зачем к нам явился? Есть ли у тебя жена, отец с матерью?

— Прибыл я с побережья, ищу людей. Нету у меня ни родных, ни жены. Слышал я, что есть здесь людные места.

— Ну, коль пришел к нам,— говорит хозяин,— выгонять не станем. Живи у нас, будешь мне помощником, сестру мою в жены возьмешь.

Так он в этой семье всю зиму и прожил. Сестра хозяина стала его женой, а с наступлением лета родила ему ребенка. Время шло, ребенок рос. И вот стал он уже ходить.

Вдруг затосковал тот человек о своем прежнем доме. Догадливая старуха смекнула, в чем дело, и спрашивает его:

— Что ты так заскучал? Уж не ждут ли тебя где родные?

Отвечает он старухе:

— Остались у меня в моем селении жена с сыном.

Вернулся вечером хозяин с охоты, рассказала ему старуха, отчего их зять заскучал.

— Что ж,— говорит хозяин,— бери вторую жену с ребенком и возвращайся домой.

Тот человек готов был домой вернуться, но не хотел вторую жену с ребенком с собой брать. Попросил он в дорогу еды и стал собираться.

На другое утро дали ему на дорогу еды и пошли провожать до того места, где у него каяк был спрятан. Идет этот человек и боится: вдруг хозяин сбросит его вместе с каяком с утеса. Даже голова разболелась от тревожной мысли. Но ничего не случилось. Хорошо его проводили. Плыл он в своем каяке пять дней и пять ночей. И вот приплыл наконец в свое родное селение. Причаливает каяк. Видит: жена его возле землянки нерпу свежует. Закричал он с каяка, чтобы шли встречать его. А жена и говорит сыну:

— Ой, что-то у меня в ухе звенит!

А муж ей с каяка:

— Не в ухе звенит, а я тебя зову!

А жена опять говорит:

— Ой, что-то в другом ухе звенит!

Стал он еще громче жену звать. А та ничего не слышит. Причалил он, на берег вышел. Жена его тем временем оставила нерпу и в землянку пошла. И начались у нее роды. Муж ее следом пошел. А как в землянку ступил — сознания лишился. Пришел в себя — глядит: он в утробе своей жены. И родила его жена во второй раз. Он хоть и удерживался, а все-таки записал, как младенец. Принялись его влажное тельце обтирать. Вытерли, он тут же расти начал. Глазом не успели моргнуть — а уж он прежним мужчиной стал. Дали ему его же имя. Встал он и вышел из землянки. На берег моря пошел. Смотрит, а каяка-то нет. Тогда разломали они свою землянку и откочевали в тундру. Все.

68. Летающие шаманы

Жил в Уназике человек по имени Кутылан с женой. Детей у них не было. И вот настал плохой год. Не было в море ни моржей, ни лахтаков, ни нерп. И начали жители Уназика голодать. Вот жена и говорит Кутылану:

— Сходил бы ты в Сиклюк за мясом! Совсем мы изголодались.

Согласился Кутылан. Приготовил нарту с ляжкой и пошел. Долго шел по песчаному берегу. Погода тихая, лунная. Вот уж лагуну миновал и стал подходить к горе, как вдруг перед ним тень какая-то замелькала, луну закрыла. Посмотрел Кутылан вверх, ничего не увидел и пошел дальше. Отошел немного, снова над ним промелькнуло что-то. Посмотрел опять вверх и увидел: носится над ним с шумом и свистом человек. Голова инеем покрыта, а сам голый до пояса. Летает человек над головой Кутылана. Вместо одного крыла у него огромная сабля, вместо другого — камень. Ох и испугался же Кутылан! И подумал: «Ну, убьет сейчас меня!» А Кутылан-то шаманом был. Вот и говорит он: «Убьет ведь он меня. Земля моя, помоги мне!» Не успел он это сказать, сам с шумом и свистом взлетел вверх и нарту за собой поволок. А летающий человек не перестает преследовать Кутылана. Вот уж совсем настигает. Устремился Кутылан вместе с нартой вниз, подлетел к лагуне и через трещину ушел под лед. Однако вся его одежда вместе с нартой осталась на льду.

Долго Кутылан сидел подо льдом. Потом обернулся моржом и высунулся из трещины. Видит: сидит летающий человек на горке, голый до пояса, а голова вся в инее; вместо одного крыла — большая сабля, вместо другого — камень-ыкугак. Так вот и сидит. И говорит Кутылану:

— Вылезай, не трону тебя!

— Нет, не вылезу, — говорит Кутылан, — убьешь ты меня! Не зря же ты за мной гнался.

— Вылезай, не трону! Разве я могу тебя убить?! Ты сам сильный шаман.

Осмелел Кутылан и вылез. Видит: сам он совсем голый, а мороз лютый. Осмотрелся: одежда его рядом на льду лежит — кухлянка с рукавицами, торбаса с завязанными тесемками. Взял он одежду и стал одеваться. А летающий человек спрашивает:

— Ты откуда?

— Я уназикский, а ты откуда?

— Из Тыкыгака, — ответил летающий человек.

— Как тебя зовут? — спросил Кутылан.

— Асисак. Асисак мое имя, а тебя как зовут?

— Кутылан.

— Тебя нельзя победить. Ты сильный шаман. Я ведь не знал, что ты шаман, хотел позабавиться с тобой. Но тебя не осилишь. А ну, подойди поближе!

Кутылан подошел. Тот и говорит ему:

— Отсюда я вернусь в Тыкыгак, в мой Тыкыгак. Там, в Тыкыгаке, мне не поверят, что я повстречал такого человека, как ты. Что же мне взять с собой для доказательства?

— И мне в Уназике не поверят, что повстречал тебя,— сказал Кутылан.

Говорит тогда Асисак из Тыкыгака:

— Сними с меня ошейник.

Не снимается ошейник через голову, очень туго на шее сидит. Потянул тогда Кутылан ошейник к себе, он и прошел сквозь шею.

— Возьми и ты мой ошейник, чтобы домашние поверили,— сказал Кутылан.

Потянул за ошейник, снял его сквозь шею и дал Асисаку. Так и поменялись они ошейниками.

Асисак из Тыкыгака говорит:

— Поедем со мной в Тыкыгак! Тыкыгак совсем рядом.

Отвечает Кутылан:

— Нет, не поеду я в Тыкыгак!

— Если не веришь, что близко, так послушай,— говорит Асисак.

Прислушался Кутылан, и правда: совсем близко пение слышится. Но все-таки говорит:

— Не поеду я в Тыкыгак!

— Ну, тогда полечу я домой один. Смотри,— сказал Асисак из Тыкыгака. Закричал он, как гагара, поднялся вверх и быстро скрылся из глаз.

Подумал тогда Кутылан: «Я ведь за пищей шел. Раз уж такое чудо со мной приключилось, пусть и дальше так будет». Надел он на себя лямки и взлетел вверх, волоча за собой нарту. Прилетел в Сиклюк, приземлился и думает: «Еще ведь надо припасы откапывать, примерзшие камни снимать. Пусть все само собой сделается». Подходит к яме — примерзшие камни сами с места сдвинулись, и пища сама откопалась. Положил он на нарту два тухтака и снова думает: «Хорошо бы домой вернуться тем же способом!» Сделал несколько шагов и поднялся со свистом вверх. Высоко летел и нарту с тухтаками за собой тащил. Вот приблизился к селению, опустился на землю, дошел кое-как до своего жилища. Зашел в сени и стал топтать, чтобы жена услышала, что муж вернулся.

— Кто там? — спросила хозяйка. — Ты что с полдороги обратно вернулся?

— Да нет, почему же, я ведь с тухтаками,— ответил Кутылан.

— Ого! — удивилась жена и вышла в сени.

Отнесли они тухтаки в хранилище. Внесли в сени нарту, и лег Кутылан спать. А тухтаки только на другой день разрезал.

И стал Кутылан с тех пор большим шаманом. До встречи с шаманом Асисаком из Тыкыгака никогда не летал, а тут летать стал.

Так, рассказывают, было. Человека из Тыкыгака звали Асисак, а человека из Уназика — Кутылан. Односельчане Кутылана видели у него на шее ошейник Асисака и не сомневались, что он встречался с летающим шаманом из Тыкыгака. Асисак же из Тыкыгака своим односельчанам показывал ошейник Кутылана, чтобы они не сомневались, что он знаком с шаманом из Уназика. Вот как встретились эти два человека, один из которых мог летать так далеко. Все.

69. Младший сын

Жил кочевник с четырьмя сыновьями, а дочь была пятой. Сыновья и дочь — все взрослые. Много диких оленей добывали сыновья. Однажды старший сын и говорит отцу:

— Нашли мы в тундре дохлого волка, но не взяли его. Какая польза от дохлого волка?

Отец говорит:

— Почему вы не принесли его? Волчья шкура на опушку кухлянки годится. В другой раз обязательно несите дохлого волка домой.

Принесли в другой раз сыновья волчью шкуру. Высохла шкура и приказал отец дочери сшить старшему сыну кухлянку с опушкой из волчьей шкуры. Сшила сестра старшему брату кухлянку с опушкой из волчьей шкуры. Надел он утром эту кухлянку, потекла у него из носа кровь, и к вечеру он умер.

На следующий день второй брат кухлянку с опушкой из волчьей шкуры надел. Потекла и у него из носа кровь, и он к вечеру умер. То же случилось и с третьим братом. Остался у оленевода один младший сын.

Понял отец, отчего дети умирали, и запретил дочери шить младшему сыну одежду с опушкой из волчьей шкуры. Остатки волчьей шкуры на столб повесили. Не велел отец младшему сыну пасти оленей, а приказал дома сидеть. Вот и сидят брат с сестрой все время дома.

Однажды отец вернулся из стада очень сердитый: оказывается, волки много оленей порезали. Вот и говорит отец сыну:

— Долго ты еще будешь сидеть дома? Я один тружусь, а ты ничего не делаешь! Не будешь ты больше жить с мной, уходи сейчас же куда хочешь! Хоть под землю провались, хоть в поднебесье лети. А еще лучше — сделай себе опушку из волчьей шкуры.

Как сказал отец такие слова, очень обиделся сын и говорит сестре:

— Сшей мне белую кухлянку, а опушку из волчьей шкуры сделай.

Испугалась сестра, опечалилась и стала шить ему белую кухлянку с опушкой из волчьей шкуры. Шьет, а сама плачет. Сшила кухлянку, а юноша тем временем палку себе со звонком сделал. Решил отец в ту ночь дома почевать. Уснул отец, а юноша напевая, одеваться стал. Оделся и с палкой из яранги вышел. Проснулся отец, а сына нет. Испугался, выскочил из яранги и побежал за сыном. Совсем было сына догнал — упал сын на землю и исчез — как провалился! Пошел отец домой, обернулся и снова увидел сына. Быстро-быстро побежал к нему. Стал нагонять, а сын оторвался от земли и взлетел в воздух. Кричит ему отец:

— Куда же ты, сын? Вернись домой! На кого ты меня покидаешь?

Отвечает ему сын:

— Нет, не вернусь я к тебе. Ты меня упрекнул, что я ничего не делаю, а ведь сам же оставлял меня дома, не пускал в стадо. Вот ты мне смерти пожелал или в поднебесье улететь. Я и улетел.

Горько заплакал отец и пошел домой. А юноша долго-долго шел по взгорью. Дошел наконец до маленькой яранги. Спросил хозяин яранги, куда идет юноша. Тот ответил:

— Ищу я хорошее селение, где бы люди счастливо жили.

Говорит человек:

— Дойдешь через некоторое время до того селения. Только сначала дойдешь до большого села. А там плохие люди живут, так что вряд ли ты живым из него выберешься.

Переночевал юноша у этого человека и отправился дальше. Долго шел. Холм обогнул, видит: человек рыбу удит. Подошел, остановился за спиной этого человека, стал смотреть, как тот удит. А тот дернул удочку и ребеночка из проруби вытащил. Сначала шевелился ребеночек, но скоро замерз. Когда он замерз, отломил рыбак у него ручку и съел. Тут юноша потрянул своей палкой, звонок и звякнул. Обернулся рыбак и видит: юноша в белой одежде. Говорит рыбак юноше:

— Откуда ты взялся, прекрасный юноша? Пойду я поскорее домой, скажу, чтобы приготовились встретить тебя. А ты пока добычу мою посторожи.

Ушел человек, а юноша следом за ним отправился. Дошел тот человек до землянки, поднялся к отдушине и крикнул:

— Шкуру для свежевания расстелите. Там ко мне хорошая еда сама пришла. Сейчас приведу!

Услышал юноша эти слова, прижался к земле, боится, что недобрый человек увидит его. Тот не увидел, на берег пошел. Подходит к проруби — никого нет. Пошел к другим ловцам и говорит:

— Удивительное дело! Только что хорошая еда сама пришла. А пока я ходил домой сказать, чтобы все к свежеванию приготовили, убежала куда-то без спросу.

Отвечают ему ловцы:

— А почему ты отдельно от всех рыбу ловишь? Вот и прозевал еду, которая сама пришла.

А юноша тем временем до большого селения дошел. Там напротив большой землянки три девушки и один юноша играют в мяч. Подошел к ним пришелец. Юноша, игравший в мяч, был очень красив и очень быстро бегал. Увидели играющие пришельца, и юноша сказал ему:

— Откуда ты пришел? Будь моим гостем. Пойдем ко мне в дом, я накормлю тебя.

Вошли в большую землянку. Там старик и старуха сидят. Обрадовались старики, спрашивают:

— Прекрасный юноша, откуда ты пришел? Вот был бы ты нашим сыном!

Рассказал юноша им, откуда пришел. Старик и говорит:

— Живи у нас. Вот перед тобою три наши дочери. Если хочешь жениться, выбирай любую из них.

Остался юноша жить у стариков. Женится на младшей дочери. Однажды старик говорит зятю:

— Если вдруг, когда будешь гулять, свист услышишь, не оборачивайся, а то плохо тебе будет.

Юноша любил прогуливаться. Вот раз услышал он свист, но не обернулся. Дальше пошел. Снова услышал свист. Обернулся и видит: вдалеке — маленькая землянка. Стоит у входа в землянку женщина. Увидела она юношу и улыбнулась ему ласково. А как вечер настал, пошел домой юноша. Только собрались ужинать, в натыек землянки послышался звон и чьи-то шаги. Старик и говорит зятю:

— Не послушался ты меня! Ведь говорил я тебе: не оборачивайся на свист. Теперь ты погиб!

Входит в землянку та самая женщина в красивой кухлянке; в руках у нее ведро и блюдо с едой. Женщина опять юноше ласково улыбнулась, и он в ответ улыбнулся.

Говорит ему женщина, протягивая блюдо:

— Ешь!

Юноша съел, что было на блюде, водой из ведра запил.

— Одевайся, сейчас домой пойдем, — говорит женщина.

Юноша верхние штаны старику бросил:

— Вот возьми, будешь носить!

Кухлянку верхнюю снял, бросил старухе:

— Вот тебе, будешь носить!

И пошел с той женщиной к маленькой землянке. А у наружного входа в землянку два больших белых медведя на цепях сидят. Подошли к ним юноша с женщиной, зарычали белые медведи, стали на юношу бросаться. Прикрыла женщина медведям

глаза, юноша прошел. А у следующего входа на привязи два больших бурых медведя. Увидели юношу, зарычали, тоже стали на него бросаться. Женщина и этим медведям глаза прикрыла, и опять юноша мимо них прошел. Вошли. Женщина в этой землянке одна жила. Землянка высокая, отдушина на самом верху. Большие жирники горят тускло. Настала ночь, женщина с юношей вместе легли. Женщина своей кухлянкой укрылась. Юноша — своей и тотчас уснул.

В полночь проснулся юноша: сердцем опасность почуял. Открыл глаза и видит: вышла из-под жирника маленькая старушка, а в руках у нее огромный нож. Подходит она к юноше, нож точит, а сама зорко так на юношу глядит. Притворился юноша, будто только что проснулся, и повернулся на другой бок. Как стал он ворочаться, послышался звон, и крохотная женщина куда-то исчезла. Встал юноша, у спящей женщины косы отрезал. Передвинул ее осторожно на свое место и своей кухлянкой укрыв. Сам лег на ее место, приладил косы к своим волосам, ее кухлянкой укрыл. Снова притворился спящим.

Немного погодя опять вышла из-под жирника маленькая старушка с ножом в руках. Подходит к спящим, а сама нож точит. Подошла. Щупает женщину. «Вот,— говорит,— мой зять, ведь у него нет кос. И конечно, моя дочь велела ему укрыться его же кухлянкой». Потом к юноше подошла: «А это моя дочь, вот и косы ее, и кухлянка». Поднесла нож к горлу дочери и говорит опять: «Конечно, это мой зять, была бы дочь, были бы у нее косы». Еще раз головы спящих ощупала и снова поднесла нож к горлу бескосой женщины. Поднесла нож и перерезала горло своей дочери.

Тут юноша вскочил на ноги, отнял у крохотной женщины нож и зарезал ее, а тела бросил в сени бурым медведям.

Глянул на отдушину, видит: стала она сужаться. Подпрыгнул повыше и ухватился руками за край отдушины. Едва успел вылезть через отдушину, как она совсем сжалась. Видит юноша: вместо землянки только маленький круглый холмик — ни выхода, ни отдушины. А тут и утро настало. Пошел юноша к большой землянке. Вбежал из сеней за полог. Очень обрадовались старики, закричали:

— Откуда ты взялся? Как тебе удалось спастись?

Отвечает юноша:

— Я там их обоих убил.

Оделся старик. Вышел, на свою землянку взобрался и громко так закричал:

— Зять мой людоедов убил. Теперь наши сыновья будут расти и никого не бояться.

Остался юноша в этом селении навсегда жить. Все.

70. Хозяин огня и мальчик

Жили в маленьком селении бабушка и внук. Их землянка была на самом краю, далеко от других землянок. Односельчане обижали их, не делились добычей, поэтому бабушка и внук питались только куропатками. Бабушка мастерила силки, а внук ставил их подалеже от селения, чтобы никто не таскал птиц. Куропатки попадались каждый день, и мальчик с бабушкой не голодали. Даже на зиму запас делали.

Одежда у мальчика была вся из собачьих шкур — шапка, рукавицы, куклянка и торбаса. В этой одежде ходил он осматривать силки и всегда находил в них куропаток. Вот раз пришел он к силкам, видит: все силки испорчены. Кто-то их совсем поломал. Взял он силки и пошел домой. Приходит, бабушка его спрашивает:

— Ну, как твоя добыча?

Мальчик отвечает:

— Совсем ничего не поймал. Кто-то все силки испортил.

Целый день бабушка налаживала силки. На другой день пошел мальчик силки ставить. Поставил еще дальше от того места, где они раньше были. Пришел домой, лег спать, а глаз не может сомкнуть, все о силках думает. Утром пошел осмотреть силки. А они снова все испорчены. Снова принес бабушке испорченные силки. Бабушка рассердилась:

— Сам ты их, наверное, испортил! Что же мы есть будем?

Мальчик ответил:

— Нет, я не портил. Ведь без силков-то мы жить не сможем. Видел я сегодня следы человека, идущие от силков в северную сторону.

Снова бабушка целую ночь чинила силки. Утром мальчик опять пошел их ставить. На этот раз еще дальше поставил. Приходит на другой день, а силки опять испорчены. И следы от них идут на север. Пошел мальчик по следам. Долго шел. Поднялся на сопку, видит: внизу у подножия огромная землянка. Как стемнело, спустился он к землянке. Подошел ко входу. В землянке люди разговаривают. Решил мальчик испугать этих людей. Ударил себя рукой по носу и разбил в кровь. Вымазал кровью лицо и уши. Такое лицо страшное стало! Снова прислушался. В землянке девушки смеются, а отец говорит им:

— Тише! Кто-то у нашего входа стоит. Пойдите посмотрите.

Вышла одна девушка, увидела мальчика, а он высунул свое лицо да как закричит:

— П-а-а!

Девушка от испуга упала замертво.

Отец снова говорит:

— Что это не возвращается дочка? А ну-ка, пойдите посмотрите, кто там!

Вышла вторая девушка, увидела измазанное кровью лицо, вскрикнула от испуга и упала замертво.

Не дождался отец дочерей и сказал:

— А ну, подайте мне одежду, сам посмотрю, что там такое! Если там даже тунгак, все равно убью!

Услыхал эти слова мальчик, испугался и побежал прочь что есть духу. Бежит по своим же следам. Оглянулся, а за ним совсем близко огненный столб бежит. «Ого,— думает мальчик,— это Хозяин огня за мной гонится. Видно, на его земле я ловушки ставил».

А огонь совсем уж близко. Слышит мальчик крик огня!

— Не уйдешь! Живым не будешь!

Мальчик уж и бежать не может. Сдернул он с рук рукавицы из собачьей шкуры и кинул их огню. Упали рукавицы перед самым огнем и начали громко лаять. Огонь остановился. А мальчик дальше побежал. Сжег огонь рукавицы и опять мальчика догоняет. Совсем уж по пятам бежит.

— Не уйдешь,— кричит,— живым не будешь!

Сдернул мальчик с головы шапку из собачьей шкуры, бросил ее огню. Упала шапка перед самым огнем, начала громко лаять. Огонь остановился, а мальчик дальше побежал. Сжег огонь шапку и снова за мальчиком гонится. Вот совсем уж близко кричит:

— Не уйдешь! Живым не будешь!

Стащил тут мальчик с себя кухлянку и бросил огню. Залаяла кухлянка, опять огонь остановился. А мальчик дальше по своему следу побежал. Но умолкла кухлянка, сжег ее огонь и снова бежит за мальчиком. Мальчик уж к землянке своей подбегает, а огонь совсем рядом кричит:

— Не уйдешь! Живым не будешь!

Сбросил мальчик с себя штаны из собачьей шкуры, кинул огню, громко штаны залаяли. Остановился огонь, а мальчик вбежал в землянку и крикнул бабушке:

— Хозяин огня за мной гонится! Сделай что-нибудь, чтобы не сжег он нас вместе с землянкой!

Схватила бабушка камень, положила на середину землянки. Вся землянка мигом превратилась в каменную. Бегаёт Хозяин огня вокруг землянки, хочет испепелить ее, а она не загорается. Все свое пламя истратил Хозяин огня, выбился из сил, ушел назад в свою землю. А бабушка с внуком по-прежнему стали куropаток ловить, но только уж на своей земле.

71. Пять братьев и женщина

Жили пятеро братьев-охотников. Старший брат еду готовил.

По соседству один старик дочь свою замуж выдавал. Откавывала она всем, выгоняла женихов. Поругал старик дочь свою. Сказал, пусть сама мужа ищет. Обиделась дочь. Сшила себе

обувь — три пары приготовила. Проснулась утром, еду на дорогу собрала. Когда отец заснул, в северную сторону ушла. К братьям-охотникам пришла. Заглянула в ярангу — никого нет. Вошла. Вареву их съела. Спряталась в траве. Вернулись братья. Младший за водой пошел. Наблюдает девушка за братьями тайком. Братья вареву искать стали. Младший брат сказал:

— Оставайтесь дома вы, я охотиться пойду.

Не согласились старшие братья. Его оставили дома. Сами на охоту пошли. Притаился младший брат и ждет. В полночь вошла девушка в сенцы, младший брат и запер за ней дверь. Начал ее уговаривать, чтобы хозяйкой согласилась стать. Вот братья вернулись ночью. Девушку увидели. Женится на ней старший брат.

Однажды собрались братья на охоту, а младший не захотел идти. Целый день к невестке приставал, когда шила. Схватила невестка нож, замахнулась на юношу. Выскользнул нож у нее из руки, и убила она юношу, сама того не желая. Вынесла и на вешала положила. Среди шкур спрятала. Вернулась в ярангу, стала обед варить. Варит обед, а сама горько плачет.

Вернулись братья, про младшего брата спрашивают.

— Встречать вас пошел, — отвечает женщина.

На другой день сильный дождь начался. Старший брат что-то под вешалами мастерил. Стала на место, где он сидел, кровь капать. Взобрался он на вешала, раскрыл шкуры, младшего брата увидел. Похоронили охотники своего брата. На другой день на охоту пошли. Идут по дороге, советуются. Старший брат говорит:

— Выроем яму, двух червей вырастим. Кормить их горными баранами будем.

Женщина, как готовит еду, плачет, глаз не осушает. Муж ее, вернувшись с охоты, спрашивает:

— Почему это глаза у тебя опухают?

— Дым мои глаза разъедает, — говорит женщина.

Всякий раз, как готовит еду, паук на паутине к ее лицу опускается. Вот как-то отвела его женщина рукой в сторону и говорит:

— И так я много страдаю, в вечном страхе живу, а тут еще ты мешаешься!

Отвечает паук:

— Вижу я, ты плачешь все время. Жалко мне тебя стало. Потому и спускаюсь к тебе. Муж твой червей для тебя выращивает, чтобы за младшего брата отомстить. Когда черви вырастут с лахтака, поведут тебя братья на поминки по погибшему. Дай ты мне летний торбас из белой замши и еще один из красной, вышью я их. Ну, а теперь мне уходить пора. Как кончу торбаса вышивать, объясню тебе, что с ними делать.

Братья стали совсем без добычи домой возвращаться. Как уйдут на охоту, женщина весь день плачет.

Вот однажды паук снова спустился.

— Сегодня твои люди придут с добычей. Выращенные для тебя черви уже величиной с лахтака стали. Муж твой скажет тебе: «Молящихся за нашего младшего брата пойдем кормить». Сначала торбас из белой замши мужу покажешь, потом из красной. Но только тогда покажешь, когда на поминки придете. Захотят братья злых духов с тебя стряхнуть. Так ты не забудь, вскинь кверху руки. Я за тобой наблюдать буду. Завтра тебя на поминки поведут. А теперь мне уходить пора.

Возвращается муж с братьями. Все с ношей пришли. Зовет старший брат жену:

— Свари все, что мы принесли. Молящихся за нашего младшего брата кормить пойдем!

Кончила варить, отправились на поминки. Когда показались молящиеся за младшего брата, оказалось, что это большие черви. Карбакаются они по краям ямы, пищу ожидают. Подошли к яме — а черви и правда с лахтака величиной стали. Начали братья кормить червей. Старший жену свою позвал:

— Встань здесь, — на край ямы показывает. — Нечисть с тебя стряхну.

Встала жена. Хотел он ее в яму столкнуть, она ему торбас из белой замши дала. Лег он на землю, стал торбас рассматривать.

Снова жену зовет:

— Иди сюда, нечисть с тебя стряхну!

Жена ему торбас из красной замши дала. Опять муж стал торбас разглядывать. На этот раз еще дольше разглядывал. Затем снова жену на край ямы зовет. Подвел ее к самому краю, будто хочет нечисть с нее стряхнуть. А сам как толкнет ее! Вскинула жена руки кверху. Подхватил ее паук и с собой понес. Зовет ее муж, спрашивает, почему она покидает его. Отвечает женщина:

— А зачем ты для меня червей выращивал?!

Видит муж, не вернуть ему жены. Досадно ему стало. Прыгнул он с досады в яму. Глянула женщина вниз, а муж ее в один миг в скелет превратился. Все. Конец.

72. Каяксигвик

Так было. В селении Каяксигвик жил один человек. Были у него и дети. Да катались они в каяке и утонули.

Вот родила ему жена мальчика.

— Беречь его надо! — говорит отец. — Чтобы тоже не погиб.

Дали мальчику имя Каяксигвик. Стал мальчик расти. Боялись мать и отец, чтобы не случилось чего с Каяксигвиком, — держали его на привязи. Быстро рос он, большим уже стал. Смотрит Каяксигвик на море — хочется ему в каяке покататься. Отец сказал ему:

— Нет ведь у тебя каяка!

Не послушал Каяксигвик отца, пошел на берег. Нашел нос от каяка, притащил домой. Спрашивает отца:

— Что это такое?

— Нос от каяка.

Каяксигвик говорит отцу:

— Сделай мне каяк!

Нечего делать, согласился отец, стал каяк мастерить. Сделал каяк, на носу и на корме дырочки просверлил. Взял длинный лахтачий ремень, развернул его, привязал одним концом к носу каяка. Сел Каяксигвик в каяк, спустился на воду и поплыл. Плывет Каяксигвик, а отец ремень разматывает. Скрылся Каяксигвик за горой. Стал отец сматывать ремень — каяк к берегу тянуть, видит: убил Каяксигвик много нерп.

На другой день снова Каяксигвик в море отправился. А отец опять ремень разматывать стал. Поехал Каяксигвик прямо в открытое море. Скрылся из виду. Вот увидел он спящую белугу. Стал к ней подплывать. Услыхала его белуга, в воду ушла, далеко в стороне вынырнула. Каяксигвик — за ней. Снова белуга нырнула, долго пробыла в воде и снова далеко в стороне вынырнула. Так и не догнал ее Каяксигвик, поехал обратно.

Утром Каяксигвик спрашивает отца:

— Можно ли мне пойти в тундру?

Пришлось и на этот раз отцу согласиться. Отправился Каяксигвик в тундру. Шел, шел, захотел отдохнуть. Сел у подножия горы. Подошел к нему человек в железной одежде. А у Каяксигвика на подошве торбаса большая дыра была. Пошевелит Каяксигвик пальцами, дыра на подошве то откроется, то закроется, будто рот. Увидел это человек, спрашивает:

— Что это такое — нога рот открывает?

— Я одной ногой тебя съесть могу! — говорит Каяксигвик.

Человек с перепугу упал, закричал:

— Ой, не надо, пусть эта железная одежда твоей будет!

Не стал Каяксигвик его трогать. Снял свою одежду человек, отдал Каяксигвику. Оделся Каяксигвик и встал. Видит: что такое? Рядом горный баран бегаёт. Оказывается, одетый в железо человек горным бараном был.

Пошел Каяксигвик дальше. Влез на вершину горы, посмотрел вниз. У подножия горы большую сеть увидел. Пошел вниз. Спустился к воде и попался в сеть, которую на нерпу поставили. Не может выбраться. Целый день в сети просидел. Вечер настал.

Подходит к сети старик. Увидел Каяксигвика, говорит:

— Ага-а, какую я нерпу добыл!

Вытащил старик Каяксигвика из сети, домой вместо нерпы понес. Зацепился Каяксигвик ногой за дерево. Стал старик его изо всех сил тянуть, отцепил Каяксигвик ногу, упал старик, сильно лицо себе поцарапал. Встал старик, снова добычу понес. Каяксигвик опять за дерево ногой уцепился. Опять старик сильно потянул. Отцепил Каяксигвик ногу, опять старик упал, еще

больше лицо поцарапал. Весь разбился старик, едва-едва до дому дошел. Обрадовалась жена, думает, старик нерпу принес. Запачили Каяксигвика в полог, стали оттаивать.

Старушка совсем уж было собралась свежевать, нож взяла, хотела резать.

Напрягся Каяксигвик, выпрямился. Пощупал его старик, говорит:

— Еще мерзлая нерпа, пожалуй, завтра освежуешь.

Легли старик и старуха спать. Крепко уснули. Каяксигвик встал и вышел из полога. Пошел в тундру. Перевалил через холм, много-много яранг увидел. Вошел в первую большую ярангу. В ней одна девушка жила, а с ней много маленьких людей, ее родственников.

Сказала девушка Каяксигвику:

— Будешь жить в моей яранге!

Согласился Каяксигвик и остался в этой яранге жить.

Вот однажды закричал кто-то среди дня:

— Медведь, медведь!

Повыскакивали все люди. Каяксигвик тоже бросился было из яранги, а девушка, которая его женой стала, не пускает его. Не послушался он, вышел. Видит: на берегу много людей. Подошел он ближе. Все кричат:

— Ой-ей-ей, ой-ей-ей, ой-ей-ей! Медведь, медведь, вот он! Вот он!

Посмотрел Каяксигвик, видит: лед не лед, а озерная пена, медведь не медведь, а маленький мышонок. Подошел Каяксигвик, пнул мышонка ногой и убил.

Самый большой из людей закричал:

— Эй, родственники, он медведя убил, пнул ногой и убил!

Потащили они добычу в полог. Освежевали женщины мышонка и сварили. Как стемнело, принялись за еду. Смотрит Каяксигвик, как маленькие люди мышонка едят. Каждому по ребрышку досталось. Приглашают и его:

— Каяксигвик, ешь!

Стал и Каяксигвик мышонка есть, два ребрышка съел.

Пришла ночь, все крепко заснуло.

Утром Каяксигвик опять крики услышал.

— Лось, лось большой пришел!

Все на гору поднялись, и Каяксигвик с ними. Видит: попрыгали люди кто куда, маленькой куницы испугались. Подошел к ней Каяксигвик, пнул ногой и убил.

Опять все закричали:

— Эй, родственники, он лосяку убил, пнул ногой и убил!

Пошли домой все люди, а с ними и Каяксигвик.

На другой день вышел Каяксигвик из полога и видит: летают все эти люди. Присмотрелся он к ним, оказалось, все они куропатками стали. Немудрено, что куница им лосем показалась, а мышь — медведем. После этого Каяксигвик домой вернулся.

73. Покинутый юноша

В селении Имаклик жил старшина. Был у него единственный сын. Старшина этот удачливым добытчиком был. Зимой вместе с сыном много диких оленей добывал, а летом — морских зверей. Все бы хорошо, но не хотел сын жениться. Придет к нему в землянку невеста, юноша с ней ласково обойдется. А поживет немного — домой возвращается.

Были у того старшины две землянки. В одной землянке втроем жили — сам хозяин, его жена и сын. В другой, поменьше, мастерская была; байдары, луки, копыя, гарпуны, каменные накопечники — все там делали.

Вот однажды туман опустился, полил дождик. Пошел сын старшины в маленькую землянку кое-что поделать. Одет он был совсем легко. Пока мастерил, послышались на улице голоса. Кричат люди, что моржи мимо поселка проплывают. А юноша продолжает себе мастерить. Немного погодя пошел к нему отец — сына на охоту звать. Приоткрыл студишину, видит: сын его в чудовище превратился. Крикнул старик односельчанам, что сын его тунгаком стал. Приказал всем, чтобы уплывали отсюда на байдарках и чтобы забрали с собой все домашние вещи, пищу, одежду и все охотничье снаряжение, а не то употребит его сын-тунгак все это во вред людям.

Услыхал сын отцовские слова, оглядел всего себя: нет, не изменился он, точно такой, как всегда.

Подумал юноша: «Почему отец говорит, что я стал чудовищем? Ведь тело мое осталось прежним». Спустя некоторое время вышел юноша из землянки. Видит: никого в поселке не осталось. К своей землянке пошел. Вошел. Пусто в землянке. Даже жирники не горят. Хотел было переодеться, никакой одежды нет. Вышел. Посмотрел туда, где верховье речки, видит: костер горит. Подумал юноша: «Кто это там может быть? Пойду-ка я туда!» Пошел к костру, что у верховья речки горел. Приблизился, видит: у костра женщина спиной к нему сидит.

Юноша сказал женщине:

— Зачерпни мне воды:

Женщина молча воды зачерпнула из речки и, не оборачиваясь, подала кружку юноше. Попил воды юноша и сказал:

— Односельчане меня покинули. Совсем я один остался. Не откажешься ли ты пойти со мной?

— Не откажусь, — ответила женщина.

Вернулись домой. Наступила ночь, легли спать без постелей и как были, не раздеваясь. А утром ушел юноша в тундру. С полными руками вернулся — диких оленей добыл. Женщина быстро добычу освежевала. Так и стали вместе жить. Юноша летом добывал разных морских зверей, а зимой из тундры приносил диких оленей.

Наконец они очень хорошо жить стали.

Однажды муж сказал жене:

— Ни в чем себе не отказывай. Какую еду захочешь, ешь вдоволь. Одну нерпичью шкуру наполни самой вкусной едой и убери в яму на сохранение. Если когда-нибудь вернутся мои родители с односельчанами, съедем эту еду вместе с ними.

Наполнила женщина нерпичью шкуру разной едой, убрала в яму на сохранение. А в том селении, куда имакликцы убежали, случился сильный голод. Уходили имакликцы в море охотиться и ни одной нерпы не принесли. Уходили охотиться в тундру, ни одного дикого оленя не добывали.

Вот однажды летом два имакликских человека пошли в сторону Имаклик. Видят: человек в каяке к берегу плывет. Вот причалил. Женщина на берег спустилась. Вдвоем нерп из каяка вытащили. В землянку старшины вернулись. Поглядели на все это двое имакликцев и возвратились на свое стойбище. Встретили их имакликцы, вернувшиеся с охоты, о новостях стали расспрашивать. А вместе с охотниками и старшина был. Рассказывают побывавшие в Имаклике, что видели там человека, который в каяке с охоты возвратился. Того человека женщина встретила, вытащили они каяк на берег, сняли добытых нерп и отнесли их в землянку старшины.

Старшина сказал:

— Уж не сын ли это мой? А ну, давайте вернемся в Имаклик! Как же мы здесь зимой без еды будем жить? Наголодаемся! А ну, собирайтесь!

Так все в Имаклик и вернулись. Видят: сын старшины женился. Тут и остались жить. Вот однажды устроил сын старшины пир, всех односельчан к себе в землянку пригласил. Вместе с женой нарядно оделись, как никогда не одевались. Принялись гости за еду, сын старшины с женой встал в стороне возле прохода и сказал:

— Помните, в то время как я в маленькой землянке мастерил, отец закричал вам, что я в чудовище превратился, тунгаком стал. Услыхал я это, посмотрел на себя, ничуть я не изменился, такой же, как всегда. А вы все покинули меня, всю еду, всю одежду с собой забрали. Моя жена только спасла меня от холода и голода. Очень я тогда обиделся, что вы со мной так поступили. И теперь уж я не останусь с вами, теперь и вправду тунгаком стану.

Жена его мгновенно прыгнула в проход землянки, а за нею и он. Погнались было за ними, но их и след простыл. Все.

74. Исуклик

Жил Исуклик с женой и матерью. Много работал, много морских зверей и диких оленей добывал. А жена Исуклика была молодая и красивая. Боялся Исуклик жену без присмотра оставлять. Уходя на охоту, матери говорил каждый раз:

— Мать, не пускай невестку за водой на речку, когда меня нет дома. Как бы кто не похитил ее.

И правда, уйдет сын на охоту — не велит старуха невестке за водой ходить.

Не послушалась однажды молодая женщина, пошла за водой, да так и не вернулась.

Возвратился Исуклик с охоты и спросил:

— Где моя жена?

Мать ответила:

— Не пускала я ее, не послушала она, настояла на своем, еще утром ушла за водой, и до сих пор ее нет.

Целыми днями искал Исуклик жену, но все напрасно. Вот раз пошел на охоту, убил оленя, возвращается домой. Сел отдохнуть на камень, посмотрел в сторону гор и видит: вдали маленькая землянка. Взвалил на плечи оленя, отправился к той землянке.

Вошел Исуклик в землянку, а там — мужчина, женщина и трое детей. Сказал человек пришельцу:

— Эге, это ты, Исуклик. Куда ты своего оленя несешь?

— Вам я принес свою добычу.

Хозяин сказал:

— Великодушно ты поступил, хороший человек. Вижу я, как ты целыми днями ищешь жену. Не найти ее в этих местах. Взял ее человек другого мира, чтобы его женой стала. Ты хороший человек, в благодарность за оленя помогу я тебе разыскать твою жену. Выведу я тебя сейчас на дорогу, которая идет куда нужно. Как дойдем до тьмы, где ничего не видно, дальше один пойдешь. И так долго-долго будешь идти. Попадется тебе по дороге огромная ягода, отрежешь от нее кусок, наешься, дальше во тьме пойдешь. Опять долго будешь идти, наконец свет увидишь. Пойдешь по светлой дороге, встретишь большое селение. В том селении, в самой большой землянке, живет человек, который твою жену похитил. А дальше поступай так, как сам разумеешь.

После этого хозяин с Исукликом хорошенько поели, уложили в заплечные сумы дорожные припасы и отправились в путь. Долго шли, наконец до тьмы дошли. Хозяин сказал Исуклику:

— Тут я должен вернуться.

Сказал это человек и пошел обратно. Исуклик один вперед пошел. Долго во тьме шел, вдруг наткнулся на что-то огромное и круглое. Оказывается, это пребольшущая ягода. Вынул Исуклик охотничий нож, отрезал от ягоды кусок и стал есть. Поел и крепко заснул. А как проснулся, опять отрезал от ягоды, чтобы дорожный припас пополнить, и дальше пошел. Шел, шел, чувствует: галька под ногами перекатывается. Нагнулся Исуклик, взял в руку несколько камешков, а они гладкие и круглые. Снял Исуклик рукавицу с левой руки и набрал в нее круглых камешков. Идет дальше, опять чувствует: под ногами галька перека-

тывается. На этот раз помельче. Снял рукавицу с правой руки и насыпал в нее мелких камешков.

А тут и светло стало. Заглянул Исуклик в рукавицы: в одной крупные бусы разных цветов, в другой — мелкие бусы, еще прекраснее первых. Скоро и большое селение показалось. Посреди селения — большая яранга. Подошел к ней, остановился. Стоит так, видит: из землянки его жена вышла. Увидела Исуклика, сказала:

— Зачем ты сюда пришел? Я ведь все равно не могу вернуться.

Исуклик сказал:

— На тебя пришел взглянуть, очень повидаться захотелось.

Пошли затем в землянку. Увидел Исуклик в землянке старика, старуху и трех женщин. Посмотрел на Исуклика старик и сказал:

— Ага, это ты, Исуклик? Ведь говорил я своему сыну: не бери жены Исуклика. Не послушал он меня, сказал, что увел женщину и следов не оставил. А вот посмотрите — нашел ее Исуклик!

Тем временем сын старика вернулся. Увидел Исуклика, улыбнулся весело и говорит:

— А ведь ты хороший человек, Исуклик. Разыскал ту, которую я увел и следов не оставил. Ну что ж, поживи у нас немного. Видишь — твоя жена в целости. Возьми ее, она твоя, не моя.

После этого стали есть. Пришло в землянку много разных людей: одни в полтуловище, другие без суставов, третьи с большими ртами на груди, четвертые похожи на шары. Исуклик подумал: «Видно, я в страну тунгаков попал». Несколько ночей в этой землянке ночевал. Вот раз хозяин сказал Исуклику:

— Теперь отправляйся спать в землянку к моей жене. Но предупреждаю тебя: если ты соня или медлителен в беге, обратно не вернешься. Когда придешь туда, каяк свой на берегу оставь наготове. Я тебя туда провожу.

Сели в каяки и поплыли вдвоем. Доплыли до землянки жены того человека. Велел человек Исуклику в землянку идти, а сам морем обратно уехал. Оставил Исуклик свой каяк наготове и пошел к землянке. Вошел в землянку — никого нет. Стал Исуклик ждать хозяйку.

Вот наступила ночь, входит женщина. В одной руке держит блюдо с какой-то пищей, в другой — ведро с водой. Приказала женщина Исуклику есть то, что на блюде.

Посмотрел Исуклик на блюдо, а там множество белых червей.

Сказал женщине:

— Эту еду я не ем.

Тогда она подала ему на блюде хорошую еду. Поел Исуклик, запил водой из ведра и лег спать. Но боится заснуть, одним глазом за женщиной наблюдает. А женщина подождала немного,

схватила уляк и стала подкрадываться к Исуклику. Вскочил Исуклик, из землянки выбежал и бросился на берег к своему каяку. Подбежал, каяк в воду толкнул, прыгнул в него и оттолкнулся веслом. Видит: женщина следом бежит. Бросила нож в Исуклика, да промахнулась. А Исуклик вернулся в селение, где жил человек, похитивший его жену.

Человек сказал Исуклику:

— Эге, оказывается, ты вернулся! Вот ведь какой проворный — и не соня, и бегаешь быстро!

Опять Исуклик в этом селении жить остался. Хозяин в море на охоту уйдет — с добытыми нерпами возвращается, в тундру уйдет — диких оленей оттуда приносит. Но Исуклика из землянки никуда не выпускает.

Вот однажды говорит он Исуклику:

— Загостились вы у нас тут с женой. Пора и домой возвращаться. Мать ваша о вас беспокоится. Сегодня ночью снова к моей жене пойдете, а то одним вам уж очень долго домой добираться.

Наступила ночь. Пошли Исуклик с женой в землянку жены того человека. Приходят — вдруг всюду светло стало. Вошли в землянку. Хозяйка сказала:

— Ну-ка, Исуклик, выйди посмотри, что там впереди.

Вышел Исуклик, видит: его селение совсем близко, всего в нескольких шагах. Вернулся в землянку, рассказал о виденном.

Хозяйка сказала:

— Теперь идите домой. Как выйдете, сделайте один шаг, в своем селении окажетесь.

Так и было: вышли, сделали один шаг, в своем селении очутились.

Камни, превратившиеся в разноцветные бусы, стали односельчанам продавать. Вот с тех пор хорошо зажили.

75. Ахаханаврак

Так было. Жили-были пять братьев с отцом и матерью. Двое не вернулись с морской охоты, третий в тундру ушел и там пропал, а четвертый плавал на каяке и тоже потерялся. Остался один Ахаханаврак.

Однажды ночью делал Ахаханаврак каяк. Все уже сделал, осталось кожей обтянуть, да спать ему очень захотелось. Пошел в полог и лег. Проснулся на рассвете и будит отца. Встал отец, Ахаханаврак говорит ему:

— Обтяни мой каяк покрывкой!

А отец взял да, наоборот, и разрушил каяк сына. Заплакал Ахаханаврак. Он был самый младший, и отец никуда не пускал его, потому что теперь он был единственный сын — другие-то ведь потерялись.

Вот ночью сделал себе Ахаханаврак новый каяк, обтянул его покрывком и собрал потихоньку все отцовские гарпуны и поплавки. Затем спустил каяк на воду и начал грести. Как отъехал от берега, густой туман опустился. А он все дальше гребет. Вскоре туман рассеялся, показался впереди большой утес. А на вершине утеса человек-великан сидит, ноги вниз свесил, ступни в воду опустил. Увидел великан человека, позвал его:

— Эй ты, иди сюда!

Ахаханаврак не ответил ему.

— Тогда я все море взволную, — сказал великан.

Стал ногами болтать, все море взволновал. Испугался Ахаханаврак и поплыл к великану. Подплыл, вышел из каяка и поднялся на гору. Великан и говорит ему:

— Давай поиграем в прятки!

Ахаханаврак ответил:

— Давай!

Великан сказал человеку:

— Ну, закрой глаза!

Закрыв Ахаханаврак глаза, лег великан на спину, стал Ахаханаврак его искать: «Где же это он, куда делся?» Влез Ахаханаврак на живот великана и говорит:

— Как будто на живот похоже.

Слез с живота, великан сел и говорит:

— Вот он я!

Ахаханаврак сказал великану:

— А теперь ты закрой глаза!

Великан закрыл глаза, залез Ахаханаврак в голенище его торбаса.

Еле-еле нашел его великан у себя за голенищем. Потом и говорит Ахаханавраку:

— А теперь давай мне свою печенку, я ее съем!

Ахаханаврак ответил:

— Подожди немножко, я только свой каяк уберу!

Пошел к каяку, но пути нерпу убил. Нерпичью печень и внутренности вынул. После этого свою кухлянку снял, на голое тело дождевик из моржовых кишок натянул и снова кухлянку надел. Спрятал у себя на животе нерпичью внутренности с печенью и пошел к великану. Великан сказал ему:

— Ложись на спину!

Ахаханаврак лег на спину и ждет.

Вынул великан нож и разрезал ему живот. Показалась нерпичья печенка, которую Ахаханаврак спрятал под дождевик. Великан подумал, что это печенка Ахаханаврака, и съел ее. Кончил есть и говорит:

— Очень твоя печенка на нерпичью похожа.

Ахаханаврак ответил:

— Уж такая у нас печенка, что нерпой пахнет. Ведь мы нерпу едим.

Затем сказал великану:

— Теперь ты на спину ложись!

Лег великан на спину, а человек вынул нож и разрезал великану живот. Затем проколол ножом сердце великана и убил его. Превратился великан в большую гору. Перестало море волноваться. Ахаханаврак пошел к своему каяку, сел и поплыл дальше.

Вскоре причалил он к острову, втащил на берег каяк, взял гарпуны с поплавками и пошел. Видит: впереди огонек горит. Остановился, слышит из подземелья крик тугныгака. Выскочил тугныгак из того места, где огонек светится, и говорит Ахаханавраку:

— Ахаханаврак, отдай мне твои кишки!

Отдал ему Ахаханаврак перпичьи кишки. Тугныгак открыл свою пасть, а там до самых внутренностей огромные зубы ряд за рядом идут. Проглотил тугныгак кишки и исчез под землей. Скоро опять появился. Бросил Ахаханаврак ему перпичьи легкие. Исчез тугныгак, снова появился и говорит:

— Ахаханаврак, отдай мне свое сердце!

Ахаханаврак ответил:

— Нет, сердце я тебе не отдам. Сердцем я живу. Сердце жизнь мне дает, ум дает!

Тугныгак сказал:

— Тогда я тебя съем!

Ахаханаврак ответил:

— Открывай рот!

И бросил гарпун в пасть тугныгака. Тугныгак исчез под землей и поплавок, привязанный к гарпуну, с собой утащил.

Видит Ахаханаврак: большая яранга. Вошел в полог, оказывается, тугныгак здесь больной лежит. Вытащил Ахаханаврак охотничий нож и убил тугныгака. Сам сразу же вышел и побежал к каяку, сел в него и поехал домой. Приехал домой, а родные его не спят, беспокоятся, не знают, что с ним.

Ахаханаврак сказал им:

— Буду я жить до глубокой старости! Никаких тугныгаков не боюсь.

Все. Конец.

76. Сирота

Так вот, говорят, было. Умерли у одного мальчика родители, остался он с бабушкой. Некому стало добывать зверей на мясо и одежду. У мальчика даже обуви не стало, одежда вся износилась, не мог он выйти на улицу.

Был у мальчика дядя, удачливый охотник и добрый человек. Еще летом положил он в мясную яму бабушки и сироты несколько жирных тухтаков.

— Вот вам запасы на зиму,— сказал.

Берегли бабушка и внук тухтаки и питались кое-как тем, что давали им иногда охотники. Так жили они всю долгую зиму, не трогая запасов.

Мальчик часто был голоден и говорил:

— Бабушка, давай принесем из мясной ямы тухтак, очень мне есть хочется.

Но бабушка отвечала:

— Нет, не время еще. Ранней весной кончатся запасы у людей, вот тогда мы и возьмем свой тухтак.

Однажды пришел дядя к их землянке и крикнул в отдушину:

— Эй, племянник, снегири прилетели, весна идет!

Мальчик радостно закричал:

— Бабушка, снегири прилетели, позволь сходить за тух-таком!

На этот раз позволила бабушка. Надел мальчик бабушкину верхнюю одежду и побежал к мясной яме. Когда залез в яму, начал мерзлый тухтак рубить, пискнул кто-то внутри, и выскочила оттуда мышка. Посмотрел мальчик на тухтак, а на нем весь жир объеден и внутрь дырочка проделана. Сирота от досады даже заплакал. А мышка из щели в каменной стене высунулась и говорит:

— Там, внутри тухтака, мои детки. Не убивай их, отдай мне!

Сирота сказал:

— Нет, не отдам. Ведь вы весь жир с тухтака съели!

Мышка сказала:

— Отдай мне моих детей, и сделаю я тебя сильным и непобедимым.

Мальчик согласился. Приказала ему мышка подойти к ней и спиной повернуться. Исполнил мальчик приказание. Мышка прыгнула ему на спину, что-то сделала на голой шее и исчезла. Посмотрел мальчик на себя и не узнал: тело его вытянулось, пополнило, а в руках он почувствовал большую силу. Бабушкина одежда стала тесной. Отрубил от тухтака небольшой кусок мяса, а остальное мышкам оставил.

Когда сирота в землянку вошел, бабушка не узнала его: не мальчик перед ней, а настоящий мужчина. Она даже подумала, уж не другой ли это человек пришел, похожий лицом на ее внука.

— Кто ты такой? — спросила бабушка.

Внук ответил:

— Да это же я, твой внук. Ведь просил я тебя зимой тухтак съесть, а теперь вот на нем совсем жира не осталось. Все мыши объели.

Бабушка снова сказала:

— Да что с тобой случилось? Почему ты вдруг вырос?

Юноша ответил:

— Об этом не спрашивай, а то я силу свою потеряю.

Жили в том же селении пятеро братьев. Сильные были люди и удачливые охотники. Старший брат был старшиной и требовал, чтобы охотники отдавали ему часть добычи. Все боялись этого человека.

Однажды подошел к землянке дядя сироты, в отдушину сказал:

— Братья-охотники за белыми медведями погнались!

Сирота бабушке сказал:

— Пожалуй, и я попробую добыть белого медведя. Дай мне твою одежду. Хотя и мала она мне, но уж как-нибудь надену.

Бабушка сказала:

— Не ходи, внучек, не догнать тебе белого медведя.

Но юноша не послушался, надел бабушкину одежду, взял отцовский молоток и побежал по следу братьев-охотников. Скоро всех позади оставил, белого медведя догнал и ударил его по голове молотком. Одним ударом медведя убил. Взял свою первую добычу одной рукой на спину и пошел домой, а братья-охотники стоят, смотря, от удивления с места сойти не могут.

Принес юноша белого медведя домой, бабушка от радости даже расплакалась.

Через некоторое время прибегают к юноше посыльные от старшины и говорят:

— Старшина велел без промедления медведя ему принести.

Юноша сказал:

— Не отдам я своей добычи. Так и скажите старшине.

Ушли посыльные. А вскоре прибегает еще один человек и кричит в отдушину:

— Выходи, старшина вызывает тебя! Да возьми с собой копьё!

Приготовился юноша к поединку и вышел навстречу старшине с копьём в руках. Начали они состязаться. Юноша сильнее оказался, насмерть сразил старшину. Затем сказал младшим:

— Если хотите сразиться за брата, я готов с каждым по очереди силами помериться.

Но братья-охотники не согласились. Старший сказал:

— Ты самый сильный в нашем селении. Не хотим мы, чтобы ты нас убил. Будь нашим старшиной.

После этого юноша первым охотником стал и хорошо зажил со своей бабушкой. Все.

77. Человек с двумя женами

Были у человека две жены. Старшая ребенка ему родила, мальчика. Принес человек женам три оленьи шкуры. Говорит второй жене:

— Сделай из этих двух шкур кухлянку.

Старшей жене дал одну шкуру, чтобы штаны сшила. Из камусов велел чехол для копы сделать. Шкуры были совсем белые. Сшили жены одежду. Оделся человек во все новое. Дождался ночи, взял копы и вышел из землянки. Говорит старшая жена:

— Куда это он пошел, пойду посмотрю!

Младшая, войдя в землянку, отвечает:

— Вон туда пошел, на берег.

Тем временем человек этот в прибойную волну вошел. Впереди как будто яркий свет горит. Пошел туда, к земле приблизился. Вдруг голос слышит:

— Что ты за человек?

— С суши я,— отвечает.

— Зачем сюда пришел?

— За женщиной!

Лег почью спать, оказался рядом с двумя женами. Это он к нерпам прибыл. Проснулся, дальше пошел и вот до земли лах-таков добрался. Опять его спрашивают:

— Зачем сюда пришел?

— За женщиной,— отвечает.

Лег спать, и опять, как дома, две жены рядом. Проснулся, снова пошел. И вот у моржей оказался. Опять спросили его, что он за человек. Ответил, что с берега, мол, пришел.

— Зачем пришел?

— За женщиной.

Лег спать, опять две жены рядом. Проснулся, дальше пошел, у китов оказался. Опять у него то же самое спросили. Он то же самое ответил и спал опять с двумя женами. Проснулся, дальше пошел. Шел он, шел, да так все море и перешел. Вышел на сушу, а уже темно стало. Видит: землянка стоит. В ней огонек мерцает. Пошел на огонек. У входа остановился, копы воткнул. Вышла из землянки женщина, слышит: копы звякнуло. Вернулась в землянку и говорит:

— Услышала я, как снаружи у входа звопочек звякнул.

Тогда старик говорит сыну:

— Иди скорее посмотри, кто там. Никогда ты не торопишься, мальчик.

Вышел мальчик, прислушался: правда, звякает что-то. Шагнул в ту сторону, дотронулся до пришельца рукой и говорит:

— Откуда ты пришел? У меня ведь нет брата. Пойдем со мной. Теперь у меня будет брат!

Вошли в землянку, мальчик сказал отцу:

— Вот я брата нашел.

Отец отвечает:

— Тише, помолчите! Завтра у нас праздник будет!

Ночью старик сказал гостю:

— Ты как раз на праздник угодил. Завтра, как начнем праздновать, войдет женщина с блюдом в руках. Блюдо у нее

едой из корней наполнено. Увидит тебя, будет угощать. Ты не ешь ее еды: если только лизнешь, заберет она тебя к себе. Ревнует она к нам. Когда юношу возьмет в мужья, больше уж от себя не отпустит.

Уснули. Наутро праздновать начали. И правда, вошла де-вушка с блюдом. Увидела человека, подошла к нему и сказала:

— На, отведай это кушанье.

Ответил человек:

— Не буду я твое кушанье есть.

А блюдо как будто само к его груди тянется. Съел все-таки одну ложку.

Женщина и говорит:

— Вот ты и взял меня в жены, идем!

Взяла его за руку и повела. Пришли они в большую землянку. Подошла женщина к входу и сказала:

— Иди туда.

Человек ответил:

— Я первый раз к тебе в землянку иду. Так что сначала ты входи!

А у входа по сторонам два медведя лежат. Перешагнула женщина через медвежьи головы и вошла в землянку. Он следом вошел. Женщина сказала:

— Ну, этот человек умеет в дом входить!

Вошли они внутрь, а посреди сеней большое озеро. Посреди озера большое бревно плавает. Человек сказал:

— Иди ты сначала! Я ведь здесь впервые.

Ступила женщина на бревно и перешла на ту сторону, человек следом за ней перешел. Женщина сказала:

— Ох, почь уже, ты меня взял в жены, давай спать ляжем!

Легли, каждый своей кухлянкой укрылся. Только стал человек засыпать, вдруг видит: высунулась из стены старуха. Нож вытащила, стала точить. Человек свою кухлянку на женщину набросил, сам ее кухлянкой укрылся. Подошла к ним старуха. Видит кухлянку гостя. Нагнулась над дочерью и ударила ее ножом в горло. Думала, что гость. Вскочил человек на ноги, а старуха к стене отбежала. Ножом в человека бросила. Подставил человек мизинец, нож об него плашмя ударился. Схватил человек нож, в старуху метнул. Правую руку у старухи до плеча отсек. Схватила старуха нож в левую руку, бросила в человека. Опять нож плашмя ударился. Схватил человек нож, метнул в старуху, левую руку отсек. Тогда старуха нож ртом поймала, снова в человека бросила. И человек ртом поймал, метнул в старуху и горло ей перерезал. Сел человек, оделся, хотел в отдушину выйти, как вдруг все кругом затрепало, землянка ходуним заходила. А у отдушины, оказывается, тот юноша человека ожидал. Помог он ему из землянки выбраться и спрашивает:

— Где они, убил ты их?

— Наверное, убил, — отвечает человек.

Пришли в поселок, мальчик отцу и говорит:

— Этот человек наших мучителей прикончил.

Стал старик одеваться. Вышел, на землянку поднялся, закричал:

— Будет с этих пор юноша силачом. Гость наших мучителей погубил.

Пошел этот человек домой. Придя домой, старика увидел. Оказывается, это его сын. Вот так много лет он странствовал, дома не был. Пока пришелец отдыхал, старик вдруг уменьшаться начал, все меньше, меньше становился — и вдруг совсем исчез.

78. Укивакский ревнивец и его жена

Старшина Укивака ревнивый был. Летом, когда возвратится с охоты, берет торбаса жены, подошву щупает. Если подошва сырая, бьет жену. Так и жил старшина. Уже лицо жены все черное от побоев стало. Она и думает: «Если останусь здесь, плохо мне будет. Уж лучше умереть. Но если в землянке умру, плохо мне будет. Лучше в море уйти. Вот хорошо было бы. Если здесь себя убью, придет муж — увидит меня. Если в море уйду, ни муж не увидит, ни соседи: хорошо мне будет». Приходит муж с охоты домой, берет ее торбаса, подошву щупает. Если подошвы сухие, муж добрый. Поедят и спать ложатся.

Вот раз пошел старшина на охоту утром пораньше. Охотится он на льду, а жена взяла свою новую одежду, еще не надеванную, оделась и вышла из землянки. Тем временем небо прояснилось. Еще очень рано было. Стоит женщина возле своей землянки и думает: «Если в тундру пойду, увидят меня. Искать будут и найдут. Если в море по льду уйду, не увидят меня». И отправилась на берег к подставкам для байдар. По следам охотника на лед вышла.

Идет, идет, перед ней сплошной лед тянется. Быстро идет, думает, далеко отошла. Оглянулась: все на том же месте — подставки для байдар совсем близко стоят. Бегом побежала. Бежит, а устанет — шагом пойдет. Отдышится и снова бежит. «Ну, — думает, — теперь уж далеко отошла». Обернулась — подставки для байдар опять совсем близко. Опять, значит, с места не сдвинулась. Рассвело. Вот и думает женщина: «Неужели моя земля Укивак не велит мне в воде умирать, мешает в море уйти? Пока еще не увидели меня, поднимусь-ка я на гору Укивак». Стала подниматься. Когда поднялась, увидела большой плоский камень. Села на камень, капюшон на голову надела, опушку на глаза опустила и заплакала. Вспомнила всю свою жизнь у мужа, и так-то ей обидно стало! Горько плачет, ногами большой камень пинает. Вдруг чувствует, как будто камень под ней вперед продвинулся. Перестала плакать. Опушку капюшона отвер-

нула, на большой плоский камень глянула. Видит: лежит камень неподвижно. Опустила опушку на глаза и говорит себе:

— Чего же я боюсь? Ведь я сюда пришла, чтобы умереть.

Опять стала плакать. Очень сильно плачет. Вдруг чувствует, как будто камень под ней назад подвинулся. Сильнее прежнего земля качнулась. Перестала плакать. Опушку капиюшона назад отвернула, вниз посмотрела. Вытерла слезы, видит: перед ней вход в землянку. Сунула туда руку, пошарила, чтобы стену нащупать, но ничего не нащупала. Сунула тогда ногу, стала ногой мотать, чтобы стену нащупать. Нет стены. Обе ноги просунула, на локти оперлась, ногами стала мотать. Устала, локти опустила и упала вниз. Оказалась на полу вместе со своим каменным сиденьем. Пощупала камень — а это кит. Села, думает: «Если влево пойду — к плохому приду. Если вправо пойду — к хорошему приду».

Встала, пошла. Идет, руками размахивает. То в одну, то в другую сторону сворачивает. Правую руку протянет — в правую сторону идет, левую протянет — влево идет. Так и шла. Наконец стену нащупала. Видит: впереди слабый огонек светится. Прямо на него пошла. Приблизилась — огонек этот из отдушины землянки идет. Ступила на ребро кита, по сторонам огляделась. Видит: каяки на потолке землянки привязаны, рядом — подпорки для каяков. Кругом поплавки каяков, гарпуны, каячные весла, рукавицы развешаны. Подумала женщина: «Оказывается, внутри земли люди есть»¹. Ступила она еще выше. На ребра кита наступила, капиюшон свой отвернула, за края отдушины ухватилась, внутрь заглянула. Видит: очень светло внутри. А стен землянки не видно — пушиной, оленьими шкурами затянуты. Боковых стен у выхода тоже не видно — мясом заложены. С одной стороны мясо разных морских зверей: китовое, моржовое, лахтачье. С другой — мясо тундровых зверей. Заглянула внутрь полога, видит: мужчина сидит, через плашку изголовья ноги перекинул, хорошие оленихитаны на нем, кухлянка из шкур евражек. Молодой мужчина, красивый. Увидел ее мужчина, спросил:

— Кто ты? Тунгак?

Женщина ему ответила:

— Не тунгак я, местная я, уквивакская. Из дома ушла, чтобы умереть. Море не приняло меня. Вот я и поднялась на гору Уквивак.

Мужчина ответил ей:

— Я тоже не тунгак, входи!

Женщина вошла не смущаясь, как в свою землянку. Словно дома она. Мужчина сказал ей:

— Если тебе будет скучно, сшей себе из этих оленьих шкур что сама захочешь. Не бойся никого. Все здесь твое. Что видишь в землянке — все тебе принадлежит.

И стала женщина хорошо жить, делать, что самой захочется. Пришла ночь. Мужчина сказал:

— Постели две постели в пологе, одну против другой.

Постелила она, легли спать по краям полога. На следующий день проснулись, мужчина сказал ей:

— Скоро наступит зима, а мы без мяса. Поеду-ка я на какое-нибудь охотиться!

Каяк свой со всеми принадлежностями в землянку спустил. Стал одеваться. Затем стал каяк снаряжать. Поплавки на место положил. Влез в каяк. Дождевик надел, приготовил гарпун. Женщину позвал:

— Толкни меня!

Встала женщина, подошла к нему, за корму каяка ухватилась. Мужчина в стену землянки вонзил гарпун. Загremела стена и стала медленно раскрываться. Хлынула в щель вода. Смотрит женщина: весь пол вода залила. Мужчина сказал ей:

— Ну, толкай меня!

Толкнула его женщина. Отчалил мужчина и в море поплыл. Скрылась корма. Землянка затворилась. Стала женщина своими делами заниматься. Сидит, шьет, вдруг стены землянки затрещали. Видит женщина: стенка землянки медленно открывается и в отверстие нос каяка показался. Сильно нагружен каяк. На каячном ремне нанизаны моржи, лахтаки, киты. А в каяке нерпы и лахтаки. Стали каяк разгружать. Разгрузили, принялись моржей разделявать. Разделали моржей, за китов взялись. Кончили дело, привязал мужчина каяк на вешала. Вернулся, сел. Подала женщина мясо. Стали есть. Кончили есть, сел мужчина в сторону и молчит. Говорит ему женщина:

— Эх, думала я, будет мне здесь лучше, чем у прежнего мужа. А ты даже со мной не разговариваешь. Выгони меня! Я ведь самовольно пришла. Если плохо у тебя на сердце, прогони меня, я уйду!

Мужчина ответил ей:

— Не потому я молчу, чтобы ты ушла! А ну-ка, иди сюда!

Подошла женщина. Мужчина сказал ей:

— Пошла бы ты домой. Твой муж там, внизу, собирается саяк праздновать. У него теперь две молодые жены. Когда придешь домой, в свою землянку войдешь, увидишь вот этот мешок с одеждой. В кладовке вон то мясо, которым стены заложены, увидишь. Как придешь, голову вымой, волосы сзади свяжи, в сени выйди, возьми два таза. В северной кладовке мясо дикого оленя возьми, один таз наполни. Как наполнишь, другой таз возьми, в южную кладовку пойдешь, китового жира с кожей нарежь. Управишься с этим делом, косу заплетешь. А как косу заплетешь кончишь, тазы один на другой поставь и ступай к гостям. Ко входу подойдешь, сначала тазы просунь. После этого сама входи. Отверни капюшон и в задней части землянки в верхнем углублении стены мужа своего увидишь с двумя молодыми женами по обе руки. Поднеси ему таз с мясом дикого оленя и скажи: «На это, ешь!» Если он не будет есть, около него поставь

Другой таз возьми и гостям раздай. Всем хватит, и ни кусочка не останется. Если муж мясо дикого оленя не съел, возьми его и раздай гостям. Затем бери свои тазы и иди к себе.

Женщина ответила ему:

— Не пойду я, опять он будет меня бить!

Мужчина сказал ей:

— Нет, так нельзя. Иди домой, он не будет тебя бить. Вот послушай-ка их!

Взял женщину за голову и ухо ее к стене землянки приложил. Послушала женщина — ничего не слышит. Мужчина спросил ее:

— Ну как, слышишь?

— Нет!

Подул мужчина женщине в ухо и говорит:

— А ну-ка, теперь послушай!

Снова женщина приложила ухо к стене, слышит: в Укиваке, словно он совсем рядом, в бубен бьют, поют, танцуют. Отняла женщина голову от стены.

— Не пойду домой. Умру лучше!

Мужчина сказал ей:

— Нет, так нельзя, иди! Когда ты уйдешь, я все здесь свяжу в узел. Станет твой муж спрашивать тебя, ты ему ничего не рассказывай. Если он будет настаивать, ответь ему: «Завтра скажу». Когда рассветет, поднимись с ним сюда. А я все, что ты видишь здесь, на середину землянки в большую грудку сложу.

Уговорил он женщину, стала она одеваться. Одевшись, вышла: выход рядом оказался. Спустилась с горы. К своей землянке пошла. Вошла в землянку, стала голову мыть, волосы свои связала, вышла в сени. Взяла мешок с одеждой, перничий мешок вынула. Оттуда свою одежду достала. Одевшись, два таза взяла. Нарезала в северной кладовке мясо дикого оленя, один таз наполнила; в южную кладовку вошла, китовым жиром с кожей второй таз наполнила. Стала косу заплетать. Косу заплетать кончила, свои тазы один на другой поставила, на плечо подняла, пошла к гостям. Подошла ко входу, сначала тазы просунула. Гости петь перестали. Поставила она тазы, сама вошла, кашюной отвернула. Посмотрела в глубь землянки, своего мужа в верхнем углублении стены увидела: сидит он с двумя молодыми женами по обе руки. Взяла она таз, наполненный мясом дикого оленя, поднесла мужу и говорит:

— На это, ешь!

Посмотрел мужчина на таз. Ждет женщина, а он не ест. Поставила около него таз. За другим тазом пошла, гостей угощать стала. Всем хватило, и ни кусочка не осталось. Глянула на таз с мясом дикого оленя. Оказывается, ничего ее муж не стал есть. Взяла она и этот таз, раздала гостям оленьё мясо. Всем хватило, и ни кусочка не осталось. Кончила угощать, тазы один на другой поставила, взяла их, к выходу пошла. Накинула кашю-

шон, вышла в сени. Раздеваться стала. Разделась, стала нитки из жил крутить. А мужчина сидит в верхнем углублении стены с молодыми женами и думает: «Ой, наверное, то моя жена была». Поднял он голову и говорит:

— Эй, соседи! Кажется, моя пропавшая жена вернулась. Конечно, это она! Очень на нее похожа!

Схватил одну молодую жену за шиворот, оттолкнул от себя. Застучала она пятками, бегом побежала и в сенях исчезла. А мужчина опять говорит:

— Ой, кажется, вернулась моя жена! Ну конечно, это она!

Схватил вторую жену за шиворот, оттолкнул от себя. Застучала и она пятками, бегом побежала и в сенях исчезла.

Встал мужчина и говорит:

— Ой, наверное, моя жена вернулась! Очень на мою пропавшую жену похожа. Так и есть, она это!

Пошел в сени. В свой полог вошел. Видит: сидит его жена и нитки крутит. Подошел к ней:

— Ой, откуда пришла? Где ты была? Никак мы тебя не могли найти.

— Не спрашивай меня, завтра все расскажу!

А он раздевается и все спрашивает:

— Где ты была? Где была?

Ничего женщина не ответила, мясо резать стала. А он все свое: где да где была. Говорит ему жена:

— Сейчас не скажу, завтра скажу!

Уснули. Проснулись наутро, женщина говорит ему:

— Одевайся, я тебе сейчас все расскажу.

Оделись. Вышли. На гору Укивак поднялись. Узкий проход землянки увидели. Вошли. В землянке свет горит. Посреди жилища пушнина, оленьи шкуры, мясо в большой узел связаны. Большой такой узел, а никого нет. Взял мужчина все эти припасы, на улицу вынес и потащил домой. Содержимое землянки все вышесли. Вышли в сени, оглянулись: свет в землянке потух. На улицу вышли, оглянулись — нет ни входа, ни сеней. Спустились с горы вниз. Со своими односельчанами добром поделились: на каждую землянку оленьих шкур по одной связке, по пять лис, по пять бобров, по пять голубых песцов, по пять выдр досталось. И мяса дикого оленя всем поровну раздали. А муж действительно жену совсем не ругал. Еще больше разбогател. Удачливым охотником стал. Даже китов привозил с охоты. Жила эта женщина ни в чем не нуждаясь. Конец. Тьфу.

79. Вторая жена

Было у человека из Игыгака две жены. Первая — бездетная, у второй жены двое детей, два сына. Вторая жена из Анытыкуна. Человек этот из Игыгака постоянно на байдаре охотился.

Вместе с собой в море первую жену брал. Когда этот человек на кита ходил, велел второй жене встречать его с жертвенным сосудом. Добудет кита, куски от него второй жене отдаст, а сам с первой женой лакомится олениной.

Вот однажды, когда хозяин в море охотился, вторая жена сказала своему старшему сыну:

— Скоро наши охотники вернутся. Как только байдары покажутся, скажи мне.

Взяла женщина мешочек из моржового желудка и наполнила его водой. В другой мешочек нарезала китовой кожи, добавила куски оленины, которую прятала от нее первая жена. Затем младшему ребенку подстилку сменила, свежим сушеным мхом наполнила.

Наступил вечер, старший сын увидел, что байдары приближаются, матери сказал. Позвала она сына в ярангу. Накормила его и на берег отослала. Оказалось, охотники кита добыли. Отправил старшина своего посыльного ко второй жене:

— Скажи жене, что мы убили кита. Пусть сейчас же приходит на берег с жертвенным сосудом!

Пришел посыльный к женщине и говорит, что велел ей муж с жертвенным сосудом на берег идти, жертву принести по случаю удачной охоты.

— Хорошо, я скоро приду!

Долго ждали ее на берегу — не идет вторая жена. Снова хозяин посылает за ней, пусть-де, мол, побыстрее идет, замерзли все. Пошел посыльный, опять передал приказание мужа. Женщина отвечает:

— Да вот что-то мой младенец расплакался, а то бы уж давно пришла.

Вернулся посыльный, передал хозяину, что вторая жена сказала. Первая жена тогда и говорит:

— Пойду-ка я успокою ребенка, а она пусть жертвенный сосуд несет.

Хозяин согласился. Пошла женщина домой. Тем временем младшая жена спряталась за дверь, ожидает старшую. Только та появилась в дверях, ударила ее по голове, убила. Взяла заплечную суму с дорожными припасами, на спину закинула, схватила младенца и побежала через перевал в горы. Поднялась повыше и спряталась среди камней. А тут уже и ночь наступила. Добытки кита все еще на берегу ожидают. Так и не пришла вторая жена.

Пошли домой. Видит хозяин: лежит его первая жена в дверях мертвая, а младшей нет. Выбежал хозяин наружу и отправил своих людей на поиски. Стали искать вторую жену — да разве ночью увидишь что-нибудь! Так ни с чем и вернулись.

А женщина подкрепилась из своих запасов и спустилась на берег вместе со своим младенцем. Там она от усталости задрема-

ла. Вдруг слышит сквозь сон: вода заплескалась, песок зашуршал и говорит кто-то:

— Эй, сидящая выше! Что ты здесь делаешь?

Женщина ответила:

— Хочу я в Анытыкук уехать, да не знаю как!

Говорит ей голос:

— Иди сюда и садись в нашу байдару! Мы сами анытыкугмитские, отвезем и тебя.

Села женщина с младенцем в байдару, слышит, говорят ей:

— Закрой глаза!

Зажмурилась она. Снова вода заплескала. Совсем мало времени прошло, опять ей говорят:

— Открывай глаза, выходи!

Вышла женщина на сушу, видит: не Анытыкук это, а какая-то другая земля. Оглянулась на то место, где ее из байдары высадили, а байдары уже нет, только вдали касатки фонтаны пускают. Посмотрела женщина в сторону суши, видит: огромная землянка, а позади нее — маленькая земляночка. На большой землянке, оказывается, человек в камлейке из ровдуги стоит. Камлейка его раздувается, а капюшон, подол и рукава у нее узлом завязаны. Вот человек протянул в сторону женщины руку с завязанным рукавом, развязал его, и тотчас поднялся сильный ветер с дождем. Отнесло женщину с ребенком за прибойную волну. Но вот утих ветер, и опять она на сушу вышла. Развязал человек другой рукав — опять налетел сильный ветер с дождем. Опять женщину с ребенком за прибойную волну отнесло. Утих ветер — снова она на сушу выбралась. Чуть ступит на землю, развяжет человек узел на кухлянке — налетит ветер с дождем, унесет ее с младенцем за прибойную волну. Уляжется ветер — опять она на сушу выходит. Уж и на капюшоне человек узел развязал, и на подоле. Всю одежду ветер с женщины и ребенка сорвал. Спустился тогда человек с землянки, подошел к женщине. В руках чистую одежду несет. Подошел к женщине и говорит:

— Вот я вам одежду принес. Ведь ваша одежда очень грязная была. Это я за тобою касаток послал. Очень мне тебя жалко стало. Одевайся и идем ко мне!

Одела женщина ребенка, сама оделась и пошла вместе с человеком в его землянку. Стали они жить вместе. Мужчина охотился на диких оленей, а женщина свеживала их. Вот уж мальчик, сын женщины, подрос и начал ходить. Теперь он целые дни в маленькой землянке проводил. Приходил он оттуда в одежде, разукрашенной разными вышивками.

Много времени прошло, родила женщина еще мальчика. Быстро мальчик вырос и тоже стал ходить. Вместе со старшим братом весь день в маленькой землянке проводили. А когда возвращались оттуда, одежды их всегда были разукрашены. Придут они в большую землянку и сразу, не поев, спать ложатся. Мужчина говорил женщине:

— Только ты смотри, в ту землянку не ходи!

Вот однажды ушел человек охотиться на диких оленей, а женщина и думает: «Почему он не пускает меня туда? А ну пойду посмотрю, что там делается!» И пошла в маленькую землянку.

Подошла к землянке, посмотрела сквозь отдушину внутрь. Видит: дети ее сидят на нарах и играют, болтая ногами. И видит: маленькая женщина-половинка сразу с тремя делами справляется, да ловко так — варит, пьет и шкуры скребет. Очень удивилась мать этих детей, да прямо в отдушину и ахнула. Упала женщина-половинка на пол. Дети перестали играть, заплакали. Оторвалась женщина от отдушины, а тут и мужчина появился. Говорит он сердито:

— Эх, какая же ты нехорошая женщина! Ведь не велел я тебе ходить сюда! — И отвел женщину в большую землянку.

Взял затем бубен и в маленькую землянку вернулся. Начал там палочкой по бубну бить и оживил женщину-половинку. С тех пор женщина перестала в маленькую землянку ходить. А в углу большой землянки лежали два маленьких мешочка: один — на северной стороне, другой — на южной. Мужчина строго-на-строго запретил женщине трогать эти мешочки. Так вот и жили они.

Вот однажды пошел мужчина охотиться на диких оленей, а женщина думает: «Почему это он запрещает мне трогать мешочки? А ну, посмотрю, что в одном из них!» Взяла она один мешочек и вынесла его. Развязала, стала вынимать шкурки пушных зверей. О, как много шкурок пушных зверей! Целая груда дорогих шкурок выросла.

Показалось ей мало. Еще раз сунула женщина руку в мешочек — очень больно обожглась. Внутри мешка-то оказалось пламя.

Только успела выдернуть обожженную руку, появился хозяин и сказал сердито:

— Негодная ты женщина, непослушная!

Опять взял свой бубен, постучал в него, шкурки сами в мешочек полезли. Постучал в бубен над обожженными руками женщины — ожоги без следа прошли. Стала с тех пор женщина послушной и исполнительной. Так они долго и хорошо жили. Вот раз и говорит ей мужчина:

— Не скучаешь ли ты по своему дому?

Женщина ответила:

— Скучаю, да как же я попаду туда?

Мужчина сказал:

— А ну-ка, подойди сюда!

Приподнял он каменную плиту, лежавшую посреди землянки. Там дыра оказалась. Заглянула женщина в дыру, свой родной Игыгак увидела, даже ярангу, в которой жила, а на яранге — постели сушатся.

Вот вышел из яранги ее старший сын. Каким оборванным и грязным стал воротник его кухлянки. Заплакала женщина. А внизу сказали:

— Ого, дождь пошел, убирайте постели!

Взял мужчина женщину за плечо, отвел от дыры и говорит:

— Хватит тебе смотреть вниз!

Затем положил на место плиту и сказал женщине:

— Выйди и нарви пырея, а затем вели сыновьям отпести траву в маленькую землянку и связать ее. Когда кончат связывать, прикажи сюда принести.

Женщина так и сделала. Принесли дети связанную траву. Мужчина сказал:

— Уши двух оленей шей мешочками. Один мешочек наполни шерстью от разных пушных зверей, другой — шерстью от шкур диких оленей. Один рукав твоей камлейки наполни шерстью живых домашних оленей, второй — стружками от остова яранги!

Так женщина все и сделала. Отодвинул мужчина плиту и сказал:

— Сына, которого с собой привезла, возьми, а младшего, здесь рожденного, у меня оставь. Как только на землю спустишься, закрой глаза и вытряхни сначала один свой рукав, потом другой. В ярангу войдешь, закрой глаза и спиные уши от двух оленей тоже вытряхни. Придет твой старший сын, оставленный на земле, пусть вместе с младшим братом за косу идут посмотреть на предназначенный для вас жир. Старший пусть впереди идет.

Сказал это мужчина и спустил мать с сыном на землю. Вот достигли они Игыгака. Закрывает женщина глаза, рукава вытряхнула. Глядит: множество оленей вокруг новой яранги ходит. Вошла в ярангу, закрыла глаза и вытряхнула шерсть из сшитых оленьих ушей. Смотрит — а вокруг множество ценных мехов и оленьих шкур лежит. Убрала их в мешки.

Вышел утром из яранги игыгагмитский мужичок, посмотрел в сторону тундры, увидел много оленеводов. Пошел туда. Пришел, встретила его пропавшая жена охотника на китов. Стала женщина расспрашивать мужичка о своем старшем сыне и муже. Мужичок ей все рассказал. Накормила она его, на дорогу дала оленины и попросила передать старшему сыну, чтобы пришел навестить ее.

Пришел сын. Очень мать обрадовалась, накормила его олениной, новую одежду дала. Затем вместе с младшим братом послала за косу, наказав идти берегом и чтобы старший впереди шел. Муж этой женщины, узнав, что старая жена вернулась, новую прогнал: она то и дело домой к родителям убегала. Сам к своей старой жене вернулся.

Сыновья женщины шли по берегу, шли и нашли выброшенного морем кита. Позвали односельчан, разделили кита на части.

Затем женщина раздала односельчанам много оленины со шкурами и множество шкурок пушных зверей. Так потом жили они до глубокой старости. Все.

80. Потерявшиеся братья

Жили четыре брата. Младший на охоту пошел и не вернулся. Ждали его братья, ждали, не дождались. Пошел за ним второй брат. Опять дождаться не могут. Тогда третий брат пошел. И он не вернулся. Старший брат один остался. Пошел всех своих братьев искать. Оказывается, он на небо отправился. В пути звездочку заметил. Звездочка эта как надежда его манит. Чем ближе, тем все больше становится. Подошел, видит: землянка. Остановился старший брат, из землянки голос послышался:

— Ого, кто там? Здесь даже птички близко не пролетали!

Подошел старший брат ко входу. А из землянки старушка высунулась, спрашивает:

— Что ты за человек?

Отвечает:

— Братьев ищу я.

Старушка сказала:

— Сначала в землянку зайди!

Блюдо мясом наполнила, говорит:

— Вот на, поешь!

Поел старший брат, наелся, а хозяйка велит все мясо съесть. Хотя и сыт был старший брат, а съел.

Сказала старушка:

— Ну вот, теперь говори, зачем пришел.

Старший брат рассказывает:

— Ушел младший брат охотиться, не вернулся. Второй пошел, и его не дождались. Затем третий пошел, и он потерялся. Вот и пошел я братьев искать.

Старушка сказала:

— Ну хорошо, иди. Встретится на твоём пути червь. Лежит тот червь на дороге, так растянулся, что дорогу перегородил.

Дала ему посох, украшенный набалдашником, а также мешочек из желудка. Сказала:

— Как к тому червю подойдешь, мешочек на него надень. А станешь перешагивать, посохом червя ударь.

Подошел старший брат к червю, мешочек надел, червя посохом ударил. Снял мешочек, из червя внутренности полились.

Дальше пошел. Землянка показалась, дым из нее идет. Остановился старший брат. Голос услышал:

— Ака-ка-ка-ка-каа, что там снаружи за человек? Никто еще мимо моих дверей не проходил! Ака-ка-ка-ка-каа, посостязайся с ним!

Вдруг вышел из землянки человек:

— Ака-ка-ка-ка-каа, кто ты такой?

— Братьев своих ищу.

— Братья твои вон в той яме.

Наклонился младший брат над ямой, своих братьев увидел. Младший брат очень сильно похудел. Наверх посмотрел. Братьев окликнул. Те тоже наверх посмотрели, знаком брата предупредили, чтобы ушел. По кромке ямы очень много ножей воткнуто. Хозяин землянки сказал:

— Подожди меня здесь!

Оказывается, хотел он и старшего брата туда бросить. Отвернулся хозяин, пришелец своих братьев в мешок засунул и сразу по своему следу обратно пошел. Дорога ведь свободная была, того большого червя он еще по пути сюда убил.

Подошел к землянке, где старушка жила. Старушка сказала:

— Пришел!

Вытряхнул старший брат мешок. Выскочили оттуда братья. Даже поправились.

— Вот сюда спускайтесь! — говорит старушка.

Вошли в землянку. Старушка с середины прохода китовую лопатку убрала¹. Глянули братья в дыру. Оказывается, на небе они. Видят: их землянка внизу. Снова старший брат их в мешок сунил. Стал по веревке на землю спускаться. Спускается — нет за веревку и дернет, как старушка велела. Это они за облака цеплялись. Наконец спустились на землю. Открыл старший брат мешок. Вышли оттуда братья. Наполнили мешок разной едой, сверху мешочек с оленьим жиром положили и поверх всего — нитку бус². Потянула старушка мешок на небо. Вытянула. Тут половинный человек выглянул. Дала ему старушка еды из мешка. Оказывается, это ее муж был.

81. Человек-невидимка

Мужичок из Напакутака охотился в каяке около утеса. И вот, когда ехал, увидел байдары, тянущие добытого кита. Приблизился он к тем байдарам, старается, чтобы с байдар заметили его. Как ни старался, никто не замечает. Подумал мужичок: «Где же эти байдары с китом причалият? Поплыву-ка я за ними». Поплыл он на своем каяке вслед за китобоями. Причалили они к берегу, видит мужичок: селение совсем незнакомое, земля неведомая, чужая. Вышел он на берег, вытащил каяк, смотрит: к берегу какие-то люди спускаются. Никогда он их не видел. Стали люди кита разделявать. Смотрит на них мужичок, внимательно разглядывает. Ходит среди них, локтями задевает, никто на него внимания не обращает. Вот женщина с ребенком позвала мужа и сказала:

— Отрежь своей дочке мантак!

Отрезал тот человек самые лакомые кусочки и бросил к ногам жены. Не успела женщина эти куски поднять, как мужичок подошел и наступил на них ногами.

Потеряла женщина еду, ищет вокруг себя, не может найти. Повернулась к мужичку спиной, мужичок схватил поспешно куски китовой кожи и положил ей на спину. Что за чудо! Куски вдруг исчезли — под кожу этой женщины проникли. Стала женщина кричать и жаловаться, что спину у нее сильно колет чем-то. Подбежал ее муж, положил жену на нарту, поволок домой. Мужичок следом за ними пошел. Но по пути догнал другую женщину, которая волоком тянула домой нарту, нагруженную китовым жиром. Мужичок подошел к ней и сел на нарту. Остановилась женщина, не может дальше тянуть. Стоит и думает: «Почему это мой груз вдруг такой тяжелый стал? Совсем я, видно, от усталости обессилела». Решила женщина отдохнуть, а невидимый человек слез с нарты и дальше пошел. Подошел он к ярангам и заглянул в одну. Тут, оказывается, женщина мясо варит. Рядом с нею лежат на блюде куски только что сваренного мяса.

Человек с каяка сказал:

— Эй, женщина, дай мне вареного мяса, голоден я.

Оглянулась женщина, не увидела никого и закричала:

— Ой, что-то у меня в ушах звенит! Наваждение какое-то!

Мяса кто-то просит, а никого нет!

Мужичок сказал:

— Сейчас еще больше удивлю тебя!

Стал с блюда мясо хватать и в рот бросать. Видит женщина, как куски с блюда прыгают, исчезают в воздухе. И говорит опять:

— Ой, снова зазвенело в ушах человеческим голосом! Ой, беда, варево мое куда-то полетело, убежало! Ой, я, наверное, погибаю!

Забрал мужичок все варево, вышел из землянки, мясо доел и к другим землянкам пошел. Сел у одной землянки на край порога. А к землянке две девушки подходят, китовое мясо с берега несут. Подошли, хотят внутрь через порог войти. Что за диво! Дверь широкая, а пройти не могут.

— Почему это наша дверь вдруг тесной стала? — говорят.

Ходит мужичок среди этих людей, мешается. Никто его не видит. Совсем неведимкой стал. Подошел к другой землянке, где заболевшая женщина жила, прислушался. Стонет женщина. Шаманы и знахари ничего поделать не могут. Говорит кто-то внутри землянки:

— Позовите теперь того, да скажите, что я ему всем, чего пожелает, заплачу, только бы вылечил!

Прошел посланный мимо мужичка, стоявшего у землянки, ничего ему не сказал — тоже, значит, не увидел. Немного спустя подходит к землянке человек в одной нижней одежде. Это за ним

хозяин и посылал. Подошел он к невидимому человеку с каяка и говорит:

— Что ты за человек? Откуда? Почему не заходишь в землянку?

Человек с каяка отвечает:

— Поплыл я в каяке за охотниками, тянувшими кита, и вот здесь очутился. Сам я из Напакутака. А это какое место — не знаю. Уж так я старался, чтобы меня заметили, — ничего не вышло. Никто меня не видит. Только ты один увидел. Я даже одной женщине положил на спину куски китовой кожи с жиром. От этого у нее теперь спина болит.

Пришедший говорит:

— Иди за мной в землянку!

Вошли. Тут только все человека с каяка увидели. Приглашенный мужчина сказал:

— Вот этот человек с каяка может исцелить женщину, если вы его назад в его землю Напакутак отвезете.

Муж заболевшей женщины сказал:

— Конечно, отвезем, пусть только мою жену вылечит! Она так сильно мучается!

А хозяином землянки был тот человек, который кита добыл. Это его жене мужичок китовые куски на спину положил. Подошел мужичок к большой женщине, вынул у нее из-под кожи на спине китовые куски и перед жирником положил. Женщина облегченно вздохнула. Хозяин видит: это те куски, которые он днем дочке от китовой кожи отрезал.

Назавтра хозяин землянки созвал своих людей и велел нагрузить байдару китовой кожей. Нагрузили байдару и спустили на воду. Привязали к байдаре каяк мужичка, а самому велели сесть с гребцами в байдару. И повезли его в его землю Напакутак. Когда прибыли в Напакутак, вышел мужичок на берег. Разгрузили гребцы байдару, отвязали каяк и быстро отчалили. Посмотрел мужичок на сушу, свое селение увидел, на море посмотрел — а там ни байдар, ни гребцов. Только семья касаток вдаль уплывает. Оказывается, мужичок в стране касаток был, и они вернули его домой. Все.

82. Женитьба сироты

Так, говорят, было. Жили в одном месте пять братьев. Богатые были. Оленей много имели. По соседству мальчик-сирота со своей бабушкой жил. Землянка у них очень маленькая, тесная и грязная. Одежда очень плохая. Еды своей у мальчика с бабушкой не было, у соседей побирались. Мальчик даже на улице редко появлялся, на теле у него короста была.

Однажды подумал сирота и говорит бабушке:

— А ну, пойди в первую ярангу пяти братьев!

Бабушка спросила:

— Что тебе у них надо?

Ответил сирота:

— Дочь их в жены хочу взять!

Согласилась старушка. Вышла. В первую ярангу пошла. Входит, хозяин ее спрашивает:

— Зачем пожаловала? Голодные вы, наверное, с внуком?

Старушка отвечает:

— Да нет же! Внучек послал меня, чтобы вы дочку свою за него выдали.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож. Мизинец ей отрежу за такие слова!

Подала жена хозяину нож, отрезал он у старушки мизинец. Заплакала старушка от боли и обиды и пошла в свою землянку. Вошла, внук спрашивает:

— Ну, как дела?

Отвечает старушка:

— Не отдали они своей дочки, а мне мизинец отрезали.

Внук сказал:

— Теперь иди в ярангу второго брата, его дочь посватай!

Старушка сказала:

— Не пойду! Слова они мне боль причинят!

Настоял внук на своем. Согласилась старушка, пошла. Во вторую ярангу пришла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поздоровался с ней и спросил:

— Зачем пришла?

Старушка ответила:

— Внук мой послал вашу дочь посватать.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож! Безымянный палец отрежу ей за такие слова!

Подала жена хозяину нож, и отрезал он у старушки безымянный палец. Заплакала старушка от боли и обиды и пошла в свою землянку. Вошла, внук и спрашивает:

— Ну, как дела?

Отвечает старушка:

— Вот и безымянный палец отрезали!

Внук сказал:

— Теперь иди в ярангу третьего брата, его дочь посватай!

Старушка сказала:

— Ой, не пойду! Ведь только три пальца у меня на руке осталось. Опять ведь палец отрежут!

Настоял внук на своем. Согласилась старушка и пошла. В третью ярангу вошла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поздоровался и спросил:

— Зачем пришла?

Старушка ответила:

— Внук мой послал вашу дочь посватать.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож! Средний палец ей отрежу за такие слова!

Подала жена хозяину нож, отрезал он у старушки средний палец. Заплакала старушка от боли и обиды и отправилась в свою землянку. Вошла, внук снова спрашивает:

— Ну, как дела?

Отвечает старушка:

— Теперь уж и средний палец отрезали!

Внук сказал:

— А теперь иди в ярангу четвертого брата, его дочь посватай!

Старушка сказала:

— Нет, не пойду! Только два пальца у меня на руке осталось, так теперь и четвертый отрежут!

Настоял внук на своем. Согласилась старушка и пошла. В четвертую ярангу вошла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поздоровался и спросил:

— Зачем пришла?

Старушка ответила:

— Внук мой послал вашу дочь посватать.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож! Отрежу ей указательный палец за такие слова!

Подала жена хозяину нож, отрезал он у старушки указательный палец. Заплакала старушка от боли и обиды и отправилась в свою землянку. Вошла, внук спрашивает ее:

— Ну, как дела?

Старушка ответила:

— Теперь и указательный палец отрезали!

Внук сказал:

— А теперь иди в ярангу пятого брата, его дочь посватай!

Старушка сказала:

— Теперь уж совсем без пальцев на одной руке останусь. Ведь и большой палец отрежут!

Внук и теперь настоял на своем. Пошла старушка. В пятую ярангу вошла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поздоровался и спросил:

— Ну, старушка, что скажешь?

Старушка ответила:

— Внук мой послал вашу дочь посватать.

Хозяин сказал:

— Ну что же, пусть женится!

Затем отец дочери сказал:

— А ну, доченька, иди следом за своей свекровью!

Не возражала девушка отцу. Оделась и со свекровью пошла.

Приходят. Увидела девушка маленькую землянку, тесную, старую. Грязно в ней, и сыростью пахнет. Девушка от брезгливости даже капюшон кухлянки не сняла. Наступила ночь. Поели и

спать легли. Только старушка не спала. Когда молодые люди крепко заснули, поднялась она и стала ногами стены землянки раздвигать. Раздвинулись стены, стала землянка большой и высокой. Взяла старушка большой таз, водой наполнила, внука разбудила. Встал внук. Посадила она его в таз и принялась все тело обмывать. Вышел внук из таза. Ого! Какой красивый мужчина стал! На руках его сильные мускулы.

Оделась старушка и вышла. Нарезала дерна, собрала его и в сени землянки принесла. Тут она стала на дерн дуть, и превратился он в куски мяса разных зверей. Снова старушка вышла. Пошла на морской берег, охапку мелкой морской травы набрала. Затем эту морскую траву в землянку внесла, в сенях повесила и стала дуть на нее. Превратилась морская трава в меха разных пушных зверей. В третий раз старушка вышла. Собрала в сумку много белых камней. Внесла в кладовую, стала дуть на них. И превратились белые камни в куски сала разных зверей. После этого старушка в полог вошла, стала будить девушку:

— Сноха, вставай, корми нас!

Проснулась сноха, сняла капюшон и осмотрелась вокруг. Видит: новый полог в просторной землянке, рядом с нею лежит уже не грязный мальчик с коростой на теле, а статный мужчина. Улыбнулась девушка мужчине, глаз не может отвести от него. Стала она еду готовить. Полное блюдо мяса и сала парезала. Сели есть. Девушка куски мяса подбрасывает, а юноша ловит их ртом и ест. Когда кончили есть, бабушка сказала им:

— Теперь одевайтесь! Я для вас одежду приготовила.

Вышла старушка в сени. Внесла из сеней перничий мешок и вынула из него одежду, женскую и мужскую, совсем новую. Надела девушка меховой комбинезон, по вороту и рукавам росомашьим мехом отделанный. Юноша красивую куртку с черным воротником надел и красные меховые брюки с росомашьей отделкой внизу. Встали они рядом, как будто ветром очищенные. Потом вышли из землянки и стали гулять поблизости. Вернулись в землянку. А тут и время обедать настало. Снова поели. Говорит внук бабушке:

— А теперь теще моей надо гостинец отнести — еды разной и мехов! Вместе с женой поеду!

Стал юноша гостинцы готовить. Вышел в сени. Нарубил разного мяса и сала. Все это в таз положил. Затем жене сказал:

— Ты за этим тазом смотри, а я на улицу выйду!

Взял юноша нож, вышел на улицу и смастерил снежную нарту. Сиденье со спинкой тоже из снега сделал. Копылья острые из дерева по бокам воткнул. Кончил нарту, стал изо всех сил дуть. Снежная нарта в настоящую превратилась. Копыцы от копыльев острыми ножами сделались. Вынес наполненный едой таз, на нарту поставил. Куском моржовой шкуры накрыл и привязал. Затем жепу позвал. Взяла она деревянный молоток и вышла. Села на нарту, на спинку облокотилась. Юноша к нарте ремешь

привязал и потянул за него. Так и поехали. Девушка сидит на нарте и песню поет.

Выбежали девушки из четырех яранг, стали за спинку нарты хвататься. Стала молодая жена молоточком по рукам девушек ударять. Возвращала им боль бабушки своего мужа. Бьет девушек по пальцам, а сама смеется. Вот нарта к яранге отца подъехала. Девушка с нарты поднялась, в ярангу вошла. Из яранги отец ее вышел. Отвязал покрывку на нарте, увидел полный таз мяса и сала от разных зверей. Вдвоем с зятем высыпали еду из таза. Стало еды в несколько раз больше. Внес мясо и сало зять в сени. Затем нарту на вешала подняли и в ярангу вешли. Хозяин жене сказал:

— Вот сколько вкусной еды наш зять привез! Сейчас угощаться будем.

Женщины еду приготовили. Стали все есть. Потом юноша с молодой женой к бабушке вернулся. Стали они жить в полном достатке. Все.

83. Майырахпак

Давно это было, говорят. Пошли мышки-самочки за ягодами. Собирают они ягоды, а Майырахпак тем временем из дома своего вышла. Идет, на ходу свой нож о камни-скалы точит и говорит:

— Пис-пис-пис, как бы я вас ножом не ударила! Пис-пис-пис, как бы я вас ножом не ударила!

Увидела по пути маленьких мышек, собирающих ягоды. Приблизилась к ним. Увидели ее мышки, заплакали, а она свою тонкую кухлянку сняла и посадила их всех в кухлянку. Взвалила кухлянку с мышками на плечи и отнесла к высокому дереву, стоящему в тундре. Дошла до дерева, встала под него и сказала:

— Дерево, дерево, нагнись!

Действительно, нагнулось дерево. Привязала Майырахпак свою кухлянку с мышками к верхушке дерева, отошла и говорит:

— Дерево, дерево, выпрямись!

Выпрямилось большое дерево, а Майырахпак в свою ярангу пошла. Когда она ушла, стали мышки в дырочку кухлянки смотреть, кто пройдет, какой зверь или человек. Увидели идущую петь к речке евражка, окликнули:

— Евражка, евражка, правда, что ты человек? Отвяжи нас!

Подпрыгнула евражка и говорит:

— Ни за что не отвяжу, ни за что не отвяжу! Когда мы петь идем, вы в нас камешками бросаете!

Бежит следом горностай. Увидели его мышки, позвали:

— Горностай, горностай, правда, что ты человек? Отвяжи нас!

Поглядел на них горностай и говорит:

— Ни за что не отвяжу, ни за что не отвяжу! Когда мы гуляем, вы в нас камешками бросаете!

Немного погодя бежит лиса. Увидели ее мышки, стали звать: — Лисичка, лисичка, правда, что ты человек? Отвяжи нас! Услыхала их лисичка, подбежала к дереву. Уселась и говорит: — А что хозяин делает?

Отвечают мышки:

— Когда подходит к дереву, говорит: «Дерево, дерево, нагнись!» Когда уходит, приказывает: «Дерево, дерево, выпрямись!» Запомнила эти слова лисичка и сказала:

— Дерево, дерево, нагнись!

Нагнулось дерево. Развязала лисичка кухлянку и выпустила мышек. Выпустила и говорит:

— Пойдите шикшовника наберите!

Набрали мышки шикшовника, наполнили им кухлянку. Лисичка привязала кухлянку к верхушке дерева и говорит ему:

— Дерево, дерево, выпрямись!

Действительно, выпрямилось дерево. Когда оно выпрямилось, разбежались мышки и лисичка в свою нору ушла. Развела в горшке красную краску из сухой коры ольхи. Наполнила свой горшок и в помойное ведро вылила. Затем постелила постель и спать легла.

Назавтра Майбрахпак проспнулась, взяла свой нож, к большому дереву пошла. Идет, по дороге о камни-скалы нож точит. «Пис-пис-пис, как бы я не поранила вас! Пис-пис-пис, как бы я не поранила вас!» Подошла к дереву, сказала:

— Дерево, дерево, нагнись!

Действительно, нагнулось дерево. Майбрахпак ножом кухлянку разрезала, оттуда шикшна посыпалась. Стала Майбрахпак ягоды есть и приговаривать:

— Глазищи, глазищи!

Съела и говорит:

— Где же мышки, которых я вчера в кухлянку засунула? Вместо них шикшовник один. Наверное, это моя двоюродная сестра лисичка их развязала. Ее очень легко уговорить.

Пошла к лисичке, решила ей отомстить. Закусила губу и говорит:

— Ну уж если я до тебя доберусь, не быть тебе живой!

Услыхала лисичка шаги — Майбрахпак к ее норе приближается. Обмакнула руки в горшок, поздри разведенной краской намазала и стала стонать. Заглянула Майбрахпак в нору, видит: ее двоюродная сестра под покрывалом лежит. А в горшке и помойном ведре кровь, даже нос у лисы в крови. Испугалась Майбрахпак, так и присела у порога! Лисичка, не глядя на нее, сказала:

— Я, твоя двоюродная сестра, умираю, кровью истекаю, даже испражняюсь и мочусь кровью! Хороша же ты, единственная моя надежда, — хоть бы раз пришла навестить меня! Разве уж только когда умру, придешь?!

Майбрахпак ответила:

— А я, глупая, сержусь на тебя, что ты мышек отвязала!

Лисичка опять ей говорит:

— Кто же мне горшок и помойное ведро выльет?

Майырахпак ответила:

— А я-то на что? Я и вылью!

Лисичка со стоном опять говорит ей:

— Только прямо на улицу не выливай. Зачем неприятное про-
хожим делать! Вон к тому утесу пойдй, там и вылей!

Подумала лисичка и прибавила:

— Плохая совсем твоя двоюродная сестра. Отделилась от меня моя тень. Как услышишь мою тень, не оборачивайся, а то околдует она тебя!

Поставила Майырахпак на плечо помойное ведро, горшок в руки взяла, к утесу понесла. Вскочила лисичка, погналась за Майырахпак. Догнала ее — и давай ей на пятки наступать! За-
выла Майырахпак, зубами защелкала и говорит:

— Ни за что к тебе не обернусь! Ни за что к тебе не обер-
нусь!

А лисичка все бежит за ней, наступает на пятки. Подошла Майырахпак к утесу, наклонилась, стала помойное ведро с плеч опускать. В это время лисичка как толкнет ее, а сама в южную сторону убежала.

Упала Майырахпак, да на лету за птичье гнездо зацепилась. Отдыхалась, стала всех птиц просить, чтобы подняли ее на утес. Не решаются птицы, потому что больно тяжелая Майырахпак. Тогда взяла она одного топорка, клюв его пальцами сплющила. Вырвала из опушки воротника волоски и приделала ему две косы. После этого краской лапы и клюв намазала. Кончила разукрашивать, посадила на скалу. Сидит топорок на скале, из всех своей красотой выделяется. Стали другие топорки просить Майырахпак, чтобы она их тоже такими красивыми сделала, обещают ее за это на скалу поднять. Разукрасила Майырахпак топорков, подняли они ее на скалу, хотя и трудно им было. С тех пор все топорки красивые. Это их Майырахпак такими сделала. Когда ее подняли на скалу, она на север пошла.

А лисичка тем временем на юг бежала. Пока бежала, застигла ее в пути зима. Поравнялась лисичка с островом Маскын и за-
металась в поисках переправы. Видит: течением от берега маленькую льдинку несет. Прыгнула на эту льдинку и поплыла на ней на другой берег. Когда к суше приблизилась, увидели ее маскынские ребята, взяли луки, побежали к ней. Бегут, а лисичка им кричит:

— Эй вы, на суше, подождите! Дайте мне на берег сойти, ведь я могу и утонуть на море.

Оставили ее мальчишки в покое.

Прибило льдинку к суше, вскочила лисичка на берег, убежала от мальчишек. Стали мальчишки ей вслед из луков стрелять. Но лисичка очень скоро скрылась из виду, сделала в тундре нору и стала там жить.

А Майырахпак на север пошла и до самых Сиреников дошла. На другом берегу речки у поселка Сиреники остановилась. А на этом месте две скалы были, которые сами раскрывались и сами закрывались. Внутри этих скал Майырахпак и устроилась. Взяла на воспитание сына тугныгаков, потому что у самой детей не было. Вырос мальчик и стал к сиреникским детям ходить, в разные игры с ними играть. Станет ему кто-нибудь перечить, он возьмет того и убьет. А сиреникские боятся с ним расправиться, его мачеха — тоже тугныгак. Зимой добудут охотники моржа во льдах, сядет Майырахпак на корточки и отнимет у охотников печенку, которая кому-нибудь на долю выпала. С этих пор сиреникские старики перестали зимой печенку есть.

И вот наконец стали сиреникские люди между собой рассуждать:

— А здорово получается! Добывать печенку добываем, а есть не едим. Долго так будет продолжаться?! Давайте в следующий раз, как на охоту пойдем, возьмем с собой воспитанника старухи Майырахпак, которая поселилась у нас в скалах. Пусть он как охотник получит свою долю печенки.

Вот однажды хорошая погода выдалась, и южные льды к Сиреникам пригнало. Позвали охотники с собой воспитанника Майырахпак во льдах поохотиться.

— Эй, где ты, сидящий в скале? Идем с нами во льдах охотиться! Заработай себе свою долю печенки!

Отвечает им юноша:

— Хорошо, пойду!

Стал юноша собираться, заспешил. А тем временем охотники уже моржа добыли и на припай вытащили. Хозяин лодки сказал своим людям:

— Эту печенку бросьте целиком на тонкий лед! Пусть парень за ней туда сходит.

Пришел юноша, говорят ему:

— Вон видишь печенку? Бери ее себе, это твоя доля.

Пошел юноша за печенкой и провалился.

Загариунили его охотники и убили. Печенку его вынули. Отдали прокладчикам дороги, те ее как груз на санки положили. Сказал хозяин байдары прокладчикам дороги:

— Выйдете на сушу, печенку эту старухе отдайте!

А старуха Майырахпак сидит, как всегда, на круче на корточках, охотников поджидает. Вышли прокладчики дороги на сушу, старуха их спрашивает:

— А где мой сын?

Отвечают прокладчики дороги:

— Да где-то следом идет. Целую печенку в долю получил. А пока вот это держи.

Отвязали от санок печенку воспитанника. Взяла ее старуха, домой пошла. Пришла, печенку на полочку над жирником положила, сама около жирника села. Сидит около жирника, а с пе-

ченки то и дело крупные вши перед ней падают. Подумала старуха: «Ох, уж не моего ли это сына печенка?» Сняла с полки печенку, стала ее рассматривать. Рассмотрела и признала печенку сына. Села на корточки перед входом в жилище и заплакала.

Вот однажды опять хорошая погода выдалась, опять все мужчины Сиреников вышли на припай охотиться. Сообразила старуха, когда охотники к берегу повернут, вышла на кручу, стала звать сильный ветер с суши вместе со снегом. Налетел ветер, повалил снег, и оторвало припай. Всех мужчин, которые ушли во льдах охотиться, в море унесло. Собрались старики на берегу, всматриваются в море, своего шамана подстрекают:

— Какой же ты шаман? Где твой ворон, которым ты хвастался? Вон старуха всех мужчин у нас отняла, а нашу надежду, мальчиков-подростков, ее воспитанник поубивал. Так что все мы теперь умрем с голоду.

Наступила ночь, запел старик-шаман, имеющий ворона. Влетел к нему ворон, велел ему шаман отнять у Майырахпак жилище.

Полетел к ней ворон, велит из жилища уходить. Ответила ему Майырахпак:

— Никуда не пойду, мое это жилище!

Опять ей ворон говорит:

— А ну, давай убирайся! Если это действительно твое жилище, попробуй открой его спаружи!

Когда вышла Майырахпак, двери ее, как всегда, за ней захлопнулись. Приказывает им старуха открыться. Только двери заскрипели, начали открываться, прикусил ворон губу, сказал сквозь зубы:

— Попробуйте только открыться, я вас истолку, искрошу!

Захлопнулись двери. Сказал тогда ворон Майырахпак:

— Ну довольно, уходи отсюда, нет у тебя здесь жилища! Видишь, двери тебя не слушаются!

Видит Майырахпак: делать печего, опечалилась и пошла на север, куда глаза глядят, потому что отобрал у нее ворон жилище. Тьфу!

84. Пять дочерей

Был один мужчина, удачливый охотник на китов. Пять дочерей у него. Пятая — самая маленькая, еще грудь сосет. Старшая уже большая выросла. Вот раз отправился мужчина на охоту. Сели в байдары, отчалили, недалеко в море ушли. Стали зверя выслеживать. Увидали кита. Пошли к нему на веслах, короткими веслами гребли. Подплыли, загарцунил его стрелок, и притом на-мертво. Зацепили ремнями за челюсть, тянут к берегу, причалили. Вытащили байдару, на сушила положили. Пошел хозяин байдары

свою жену звать, обряд какой пужно совершить. Приходит — нет жены, за кореньями ушла. Пошла старшая дочь обряд совершать. Отправились вдвоем на берег. Пришли, совершили обряд. Стали мужчины кита резать, а жир весь вытаскивают, мясо вытаскивают. Делят жир и мясо между собой. В свои ямы таскают. Кончили убирать, по своим ярангам разошлись. А жена хозяина байдары все не возвращается. Наступила ночь, спать легли, нет ее. И на другой день не пришла. Стал мужчина свою жену искать. На охоту перестал ходить, в горах искал, нигде не мог пайти. Наконец перестал искать. Опять собрался на охоту, в море на байдаре с другими охотниками ушел.

Говорит старшая дочь:

— Наступит осень, не будет у нас съедобных кореньев, когда праздновать будем.

Пошла девушка в тундру, копает коренья мотыгой. Вдруг кто-то солнце заслонил. Смотрит: орел сел. Сказал орел:

— Я за тобой пришел.

Ответила девушка:

— Зачем? Мой отец будет ругать меня.

Взял ее орел в свои когти. Взлетел с ней вверх, на небо взобрался. Отец ее тем временем опять кита увидал. Подплыли к нему, загарпунили и сразу убили. Зацепили ремнями за челюсти, потянули к берегу. Байдару на сушила положили. Пошел хозяин байдары за старшей дочерью, чтобы обряд совершить. Пришел, зовет дочь, а ее нет.

— Где моя дочь?

— Ушла травы собирать.

Взял с собой на берег вторую дочь для совершения обряда. Совершили обряд в честь кита. Стали его мужчины резать, жир и мясо отделять. Кончили, делить стали, по своим ямам таскать. Убрали все и по ярангам разошлись. Уснули. На другой день проснулись, а дочери хозяина байдары все еще нет. Снова искал он ее в горах, да так и не нашел. Пришел домой, сказал дочерям:

— Не ходите больше туда!

— Хорошо, — согласились девочки.

Скоро опять на морскую охоту отправились, сели в байдары, отчалили. Опять кита увидели. Приблизились к нему. Загарпунили, убили, зацепили за челюсть, к берегу потянули. Пошел мужчина своих дочерей звать, чтобы обряд совершить. Только две дочери у него теперь осталось. Велел старшей совершить обряд. Справили обряд в честь убитого кита. Мужчины стали кита разделять. Жир его оттаскивают, мясо оттаскивают. Делить стали, в ямы понесли. Как все кончили, по своим ярангам отправились. Уснули.

На следующий день проснулись. Мужчина своим двум дочерям сказал:

— Больше никуда не ходите, видите, сестры ваши пропали.

— Хорошо, — согласились они.

Мужчина опять на морскую охоту отправился. Сели в байдару. Отчалили. Кита увидали. Подплыли к нему, загарпунили, убили, заценили ремнями за челюсть, потянули к берегу. Причалили. Пошел мужчина дочерей звать, чтобы обряд совершить. Приходит — обеих дочерей нет, ушли.

Орел их на небо унес. На небе в очень большую ярангу привел и сам с ними вошел. Яранга та очень светлая и теплая оказалась, было в ней много оленьего, перпичьего, лахтачьего, моржового мяса и китовой кожи с жиром. Орел сказал девушкам:

— Ешьте досыта все, что видите, — оленину, китовую кожу с жиром, перпу. Ешьте что хотите, никто не запретит вам. Я пишу сюда ношу.

Стали они есть. Много едят, досыта. Орел говорит им:

— Почему вы не полнеете?

Отправился орел за дикими оленями. Понесла девушка горшок выливать. Вылила, собралась в ярангу идти, вдруг перед ней лиса. Лиса сказала ей:

— Что это вы делаете? Знаете, почему он заставляет вас много есть? Как будете полные, он вас и съест. Загляни-ка в кладовку, там своих сестер увидишь. Они еле живы. Когда располнели они, орел высосал из них кровь. Свари им оленины побольше, пусть поправляются. А потом, как поздоровеют, дайте им жил, пусть все дни питки крутят. Крутите питки из жил до тех пор, пока жилы не кончатся. А как кончите, мне скажите, я вас на землю спущу. Когда муж-орел придет и спросит: «Что это вы так плохо полнеете?» — ответьте: «Потому что наш отец очень хороший добытчик. Мы только тогда полнеем, когда дальней рыбой питаемся».

Кончила говорить лиса и ушла. Стали девушки делать, как она им велела.

Вернулся орел с охоты на диких оленей, много оленей убил. И говорит своим женам:

— Почему это вы не полнеете?

Девушки отвечают:

— Потому что наш отец удачливый добытчик. Мы только тогда полнеем, когда дальней рыбой питаемся.

Отправился орел к дальней реке. Стали девушки собираться. Стали жилы теревить и питки из них сучить. Как всю работу окончили, из яранги вышли. Увидела их лисичка и спрашивает:

— Ну как?

— Кончили мы!

Вошла, все убрала.

Привязались сестры друг к дружке. Стала лиса спускать их, понемногу веревку выпускает. Совсем темного до земли не хватило. Стали они веревку дергать. Выпустила их лиса. Прыгнули, младшая стала сплетенную веревку подбирать. Подобрала, в путь отправились.

Прилетел орел, а девушек нет.

— Ах негодные!

Погнался за ними.

— Если догоню, съем!

Гонится за ними орел. Бегут девушки что есть сил. Вот уж орел увидел их. Еще быстрее сестры побежали. Вот-вот он настигнет их.

— Если догоню, съем! — кричит.

Дальше бегут сестры. Остановилась одна, провела мизинцем черту. Бегут, назад посмотрели — огромная река на месте черты образовалась. Спрятались они на берегу. Приблизился орел, на середине реки сел.

— Все равно не спасетесь!

Расправил крылья. Поднялась вода в реке, вот-вот девушек загопит. Совсем уж близко подошла, орла до шеи захлестнула. Стала одна сестра воду замораживать. Остановилась вода, замерзла. И орла заморозила. Попробовал орел крыльями взмахнуть — трескается лед, далеко трещины пошли, да не вырваться ему. Вышли девушки из укрытия. Убила одна сестра орла маленьким ножом.

Пошли девушки в свое селение. В ярангу отца пришли.

— Смотрите, больше никуда не уходите! — говорит отец.

— Хорошо!

Живут спокойно. Но ведь девушки так жить не могут! Соскучилась самая младшая. Плетеную веревку взяла, из дома вышла. Бросила ее в тундру, пошла, стала собирать. Вдруг перед ней берлога большого бурого медведя. Вошла девушка в нее. Хозяина нет. Села девушка. Вдруг большой бурый медведь входит. Стал ее кусать, а потом говорит:

— Ой! Зачем я это делаю, ведь это гостья моя! Ты ела? — спросил.

— Нет!

Подал ей мяса, китовую кожу с жиром. Стала девушка есть. Поела, спать легла. Подал ей медведь черенок скребка.

— Как проснешься, ударь меня черенком скребка, не бойся!

Положила девушка черенок на видное место. Проснулась. Стал бурый медведь ее кусать.

— Ой, зачем я это делаю? Ведь это гостья моя! Ды ты не бойся, бей меня, а то больно тебя укушу!

Когда вышли, стали по кругу бегать. Сначала медведь девушку обогнал, потом девушка медведя. Оставила его за собой. Потом вместе в берлогу пошли. Стали есть мясо дикого оленя. Спать легли. Говорит медведь девушке:

— Как проснешься, ударь меня черенком скребка, не бойся.

Уснули они. Утром проснулась девушка.

— Ой, опять будет меня кусать!

Ударила его черенком скребка. Медведице быстро сел... Встали, поели. Наружу вышли. Стал медведь бороться с девушкой.

На ноги ей встать не дает. Но вот перестала девушка падать. Медведь сказал:

— Я не один живу, там, на другой стороне, много яранг.

Пошла девушка туда. Взобралась на бугорок, видит: там в мяч играют. Побежала туда. Незаметно в одну ярангу пробралась, в летний полог вошла. Посмотрела хозяйка на полог, заметила, что занавес немножко колышется. Подошла к нему, подняла, видит: в пологе молодая красивая девушка. Закрыла занавес, осталась девушка в пологе. В это время старший брат хозяйки, который в мяч играл, домой пришел. Спрятала женщина девушку за полог. Юноша вошел. Стала женщина кормить брата, ничего ему про девушку не сказала. Когда брат ее уснул, ввела девушку. Спать легли и уснули. На следующий день юноша проснулся, видит: возле него девушка. Не стал юноша никуда ходить, женился. Забеременела жена. Родила мальчика. Вырос мальчик, ходить стал. Еще забеременела. Снова мальчика родила. Вдруг однажды слышат голос в сенах:

— Где молодая женщина? Гости на состязание прибыли.

Вышла молодая женщина. Стали состязаться в беге. Всех обогнала молодка. Потом бороться стали. И тут она победила. Вернулась домой, своего маленького сына накормила грудью. Когда наступила ночь, уснули. На другой день не пошел молодой мужчина на улицу. Соскучилась молодка. Надоел ей муж. Собралась в свою ярангу идти. Говорит мужу:

— Я в свою ярангу пойду.

Муж сказал ей:

— Я тоже пойду с тобой.

Молодка сказала:

— Нельзя, моя яранга очень далеко. Ведь дети твои здесь останутся, вместо меня будут жить здесь.

— Хорошо.

Собралась молодка. Плетеную веревку взяла, падела ее на шею, ушла туда, откуда пришла. К большому бурому медведю пришла. Там почевала. На следующий день в свою ярангу пошла. Пришла. Родители ее радушно встретили. Стала у родителей жить. Живет, живет, захотела опять к мужу идти. Вышла, плетеную веревку взяла, вверх бросила. По этой веревке к северному сиянию полезла. Поднялась — а там тоже играют в мяч. Снова мимо прошла, никто ее не заметил. Увидела хозяйка: занавес летнего полога немного колышется. Подошла к нему, смотрит: в пологе молодка. Женщина спрятала ее, одеждой завалила. Вдруг брат женщины домой приходит. Вошел. Женщина ему про молодку ничего не сказала. Стала его кормить. Поел брат, лег спать, лег и уснул. Вывела женщина молодку, накормила. Поели, спать легли и уснули. На другой день проснулся парень, видит: красивая молодая женщина. Женился парень. Никуда не стал выходить. Забеременела молодка, снова родила мальчика. Живут-поживают. Молодка опять забеременела. Опять мальчика родила.

Грудью этих детей кормила. И здесь односельчане с молодой состязаться в беге стали. Молодка опять обогнала всех. Стали бороться. Опять победила молодка. Пошла в ярангу мужа. Пожила немного. Снова захотелось ей в свою ярангу пойти. Своему мужу сказала:

— А все-таки я пойду в свою ярангу!

Муж ей сказал:

— Я тоже пойду!

— Нельзя, очень далеко моя яранга. Ведь здесь у тебя дети останутся, а они все равно что я!

Согласился молодой мужчина. Молодка оставила его. В свою ярангу пошла. Пришла. Опять радушно встретили ее родители. Стала у своих родителей жить. Через некоторое время опять задумала уйти. Пошла в сторону моря, к берегу пришла, под воду пошла. Видит: впереди бугорок. Подошла — перед ней яранга. Вошла в ярангу, а там мужчины. Стали угощать ее. Подали ей навагу. Поела она и спрашивает:

— А по ту сторону есть селение?

Большое там селение есть.

Ушла молодая женщина. Бугорок позади остался. Видит: впереди очень много яранг. Молодка там снова вышла замуж. Там навсегда и осталась. Кончилось. Тьфу!

85. Как паук помог старику

В сказке, говорят, это было. Жил, мол, один оленевод. Говорят, было у него одно заветное место на реке, где он ловил рыбу. Ничего не давал он реке, а от нее брал множество добычи. Около реки возвышалась небольшая скала. Однажды оленевод, оказывается, заболел. Вот уж осенью в стойбище к оленеводам приехали для обмена береговые жители-эскимосы, а тот оленевод все не поправляется. Не забивали пока односельчане оленей для береговых, а ждали, когда поправится их сосед. Но дожидаться не смогли — он все болел и болел. Стали забивать оленей. Приехавшие приморские гости пошли к больному со своим товаром, а вместе с ними бедный старичок. У этого старичка не было детей, а только старуха-жена, которую он оставил дома. У кого были вещи для обмена, получили взамен оленьи шкуры и мясо. Только старичку береговому ничего не досталось: не убили для него оленеводы оленя. Остался он в стойбище до вечера, чтобы поесть оленьины. Поел у кочевников, достал кусок мяса, завернул его в дождевик, закинул на спину и отправился домой.

Когда он подошел к той скале, что стояла у рыбной реки, вдруг из-за нее навстречу ему вышел большой паук. Старик остановился, и паук сказал ему:

— Стоящий рядом со мною, у тебя за плечами сверток с мясом. Отдай мне мясо, я хочу поесть.

Старичок хотел было отказать ему:

— Ай, ай, я ведь жене своей хочу донести его, чтобы и она отведала оленины. Ведь даже соседи ей позавидуют, у которых нет оленьего мяса.

Но паук снова сказал:

— Давай, съем я это мясо, а потом за тобой приедут те оленеводы. Это я в наказание уложил старого оленевода. А ты, когда домой придешь, скажи: «Того больного оленевода я вылечу».

Старичок сказал:

— Но как же я это сделаю, когда они за мной приедут, ведь я не шаман!

Паук ответил ему:

— А я тогда и научу тебя!

Паук съел припасы старичка.

Когда старичок прибыл в свое береговое селение, он сказал:

— Того больного оленевода я вылечу!

Приехали оленеводы за старичком, чтобы вылечить их больного. Когда он прибыл туда, навстречу ему и вправду вышел паук и сказал:

— Вот мое слово: сказал приду и пришел.

Старичок спросил:

— Так как же я буду лечить больного?

Паук сказал:

— Делай так: от дорожного следа возьми горсть снега и, когда войдешь к больному, положи ему это в рот. Затем возьми бубен и сильнее бей в него.

И правда, старичок вошел к больному с горстью снега из-под дорожного следа, положил больному в рот и стал бить в бубен. И вдруг в это время в ярангу вошел огромный паук, а за ним — его маленькие дети. Паучки залезли на больного и покрыли его полностью. Затем они слезли с него и ушли. Больной встал, поел и совсем выздоровел. Все.

86. Тутахалик

Живет Тутахалик, хромой. Одна нога другой короче. Жены у него нет, есть только каяк. Однажды подумал Тутахалик: «Дай-ка съезжу туда, на остров, на своем каяке. Осмотрю-ка остров, может быть, что-нибудь найду».

И вот Тутахалик погрузил на свой каяк тесак, нож, всякий строгальный инструмент и поплыл к тому острову. Доплыл, объехал его вокруг и увидел на острове большое дерево, настоящее дерево. Пристал к берегу, вытащил каяк, сшили это дерево и начал из него вытесывать женщину. Вытесал, строгать стал. Долго тесал, долго строгал. Из крупных стружек, самых завитых, сделал бусы. Из мелких сделал ей на руки браслеты. Из самых мелких — ожерелья на голову ей сделал.

Кончил делать, положил на землю, набил свою трубочку, зажег, стал курить.

Курил, курил и вдруг сзади услышал голос женщины:

— У Тутахалика, у Тутахалика одна нога короче другой! Ха-ха-ха! У Тутахалика глуного одна нога коротенькая! Ха-ха-ха!

Оглянулся Тутахалик — о, какая красивая женщина! Пышные волосы, с бусами, с браслетами, с ожерельем из мелких бус на голове!

— Поехали домой, отвезу я тебя!

Посадил женщину на каяк, поехал домой. Быстро гребет Тутахалик, радостный: женщину достал, женился.

Вот когда стал он подъезжать, молодые мужчины на берегу стали встречать его.

— О, Тутахалик не иначе опять нерпу добыл: осадка у каяка большая!

Только приткнулся каяк к берегу, вытащили его, вылез Тутахалик на берег. Отошел в сторону, оправился. Потом говорит:

— Ну что же ты, вылезай!

Стала женщина вылезать из каяка, бусами своими за борт зацепила — зазвенели они. Когда вылезла — вся в бусах, в ожерелье, красивая, — мужчины тут как стали ее друг у друга вырывать, самый сильный себе забрал. А Тутахалик остался ни с чем. «Эх, — думает, — зря делал, ни с чем остался».

Положил каяк свой на подмости, пришел домой, вечером стал думать: «Попусту мастерил, думал — женюсь, и вот — ни с чем остался. Еще раз, что ли, завтра попробовать на остров съездить?»

И вот назавтра, проснувшись, инструмент погрузил и снова отправился к тому острову. Доплыл, снова остров вокруг объехал, видит: еще одно дерево. Пристал Тутахалик, посмотрел — хуже вчерашнего, кое-где сучковатое дерево увидел.

— А, ладно, хоть такое!

Обрезал, стал быстро тесать, строгать, стал опять женщину делать. Вскоре кончил, из стружек волосы ей сделал, бусы на голове ей сделал, ожерелье, браслеты. Но когда обстругивал ей нос, самый кончик случайно выщербил: там сучок был.

— А, ладно, хоть такая!

Положил Тутахалик женщину на землю, снова набил свою трубку, закурил.

Пока курил, услышал позади себя гнусавый голос:

— У Тутахалика, у Тутахалика одна нога короче другой! Ха-ха-ха! У Тутахалика одна нога коротенькая!

Обернулся Тутахалик, видит: женщина, красивая и в бусах, в ожерельях, вот только нос у нее без кончика.

— А, пусть хоть такая! — и посадил ее в каяк. Снова едет домой Тутахалик, опять гребет.

Завидели его молодые мужчины, собрались на берегу:

— Эге! У Тутахалика опять осадка большая, опять что-то добыл!

Подъехал Тутахалик, вытащали его на берег, вылез он, отошел, оправился.

— Ну что же ты, вылезай, — говорит.

Девушка опять браслетами своими зазвенела. Все юноши бросились ее друг у друга вырывать. Тут она и говорит:

— Что это вы все?

Один за другим отпустили ее юноши:

— А, не нужна нам такая, безносая она, безносая!

Тут Тутахалик наконец женился. Пошел домой. Тут окончательно женился; стало у него с кем есть. Сидят они, вместе едят. Наконец-то женился. Все.

87. Сягуягниту и Иягниту

Так вот, говорят, было. В одном селении жили два веселых молодых человека. Один жил в одном жилище, второй — в другом жилище.

Когда наступала ночь и жители засыпали в своих землянках, Сягуягниту брал свой бубен, выходил на улицу и начинал постукивать в него около каждого жилища. Люди просыпались, их сон нарушался, и они до рассвета не могли заснуть.

Однажды мужчины поздно вернулись с дальней морской охоты. Они поели и улеглись спать. Но как только к ним пришел первый сон, они опять слышали снаружи громкие звуки бубна. Это веселящийся Сягуягниту¹ бил палочкой в свой бубен и не давал людям спать. Многие мужчины оделись, выскочили на улицу и поколотили Сягуягниту палками.

А сам он бодрствует ночью и спит целыми днями.

И Иягниту такой же беспокойный человек, бродит среди жилищ ночью, а спит днем. Когда же люди засыпают, он колотит по отдушинам землянок своей палкой. От этого стука все просыпаются, и сон уходит. И его односельчане наказывали битьем.

Однажды охотники взяли с собой в море этих веселящихся по ночам юношей. Сягуягниту и Иягниту впервые охотились вместе с бывальыми охотниками. Но вот неожиданно подул ветер со стороны суши, когда байдары с людьми собрались возвращаться домой. Ветер палетел с водяным шквалом, заштормило, заволновалось море белыми гребнями. Паруса из моржовых кишок не выдерживали ветра. Тогда старшина большой байдары крикнул:

— Эй, Сягуягниту, по ночам спать не даешь нам, сон прочь прогоняешь. А ну, усюкой погоду!

И тут Сягуягниту вынул из-за ворота маленький игрушечный бубен с такой же маленькой палочкой. Затем он натер бубен водой, и от этого бубен вдруг увеличился. А палочку-мумык для бубна вытянул, и она стала длинной. После этого он начал бить по бортам байдары, бить в бубен и выкрикивать заклинания. И вот

впереди байдары погода наладилась, только по сторонам — справа и слева бушевало море.

Тут старшина обратился к Иягниту:

— Иягниту, погоду подбадривай, не давай заснуть попутному ветру!

Иягниту взял весло, встал посреди байдары, поднял весло над головой и посреди неба просверлил дыру. После этого небо просветлело, а море стало таким тихим, как будто бы вода тонким льдом покрылась.

И поехали охотники к своему берегу.

После этого старшина подарил Сягуягниту большой бубен и палочку-мумык, а Иягниту дал большую палку, чтобы по отдушнице бить. Но эти юноши перестали будить людей по ночам. Все.

88. Пять братьев

Над морем у холма пять братьев жили. Неженатые были — поблизости никто не жил, не у кого было девушек в жены взять.

Вот решили братья жениться. А куда за невестами идти?

Сделали они луки и стрелы, из шатра вышли, встали в ряд против ветра. Старший брат лук сильно натянул, пустил стрелу против ветра. Стрела полетела и скрылась. Второй брат выстрелил — скрылась стрела. Третий брат туда же стрелу пустил. Четвертый и пятый братья тоже стрелы пустили. Пошли они рядом против ветра, чтобы стрелы свои отыскать. Долго шли братья, целый день шли, а стрел все нет. Стемнело. Остановились братья, решили переночевать в тундре — ночью стрелы не найдешь...

Наутро снова в путь отправились. Долго шли. К вечеру, когда солнце за гору спускалось, подошли братья к холму и увидели внизу около моря пять шатров.

Пошли братья к шатрам. Подошли, увидели: из первого шатра девушка вышла, таз для мытья вынесла.

Старший брат спросил ее:

— Не видела ли ты стрелу?

— Видела, я нашла стрелу!

— Если ты нашла, дай мне ее!

— Не дам!

— Тогда тебя возьму!

— Ладно, бери меня!

Старший брат вместе с девушкой в шатер вошел, остался там с ней.

Братья его ко второму шатру подошли, увидели девушку — она таз для мытья выносила.

Второй брат к этой девушке подошел, спрашивает ее:

— Ты, быть может, видела стрелу?

— Я нашла стрелу, она у меня.

— Что же, раз нашла стрелу, отдай ее мне, или возьму тебя.

— Ладно, бери меня.

Второй брат с девушкой в шатер вошел, остался там.

Трое братьев подошли к третьему шатру, близко стали. Выходит из шатра девушка с тазом.

Третий брат спрашивает:

— Стрелу видела ты?

— Видела.

— Где она?

— Там, в шатре, лежит.

— Отдай мне ее!

— Нет, не отдам!

— Если так, тебя возьму!

— Ладно, возьми меня.

Третий брат в шатер с девушкой вошел, остался там.

Двое братьев к четвертому шатру подходят. Опять девушка в руках таз для мытья несет.

Четвертый брат спрашивает ее:

— Не видала ли ты стрелу?

— Видела, нашла я ее.

— Где она?

— Там, в шатре.

— Дай ее!

— Нет, не дам.

— Если не отдашь, тебя возьму!

— Ладно, бери меня.

Четвертый брат с девушкой в шатер ушел, остался там.

Младший брат дальше пошел, к самому дальнему шатру. Близко к шатру подошел, выходит из него девушка. Младший брат спрашивает:

— Стрелу мою не ты ли нашла?

— Ничего не видела я! — отвечает девушка.

Пошел дальше младший брат. Целый день шел, солнце уже садится, день кончается, а младший брат все идет. Вот к холму подошел. Поднялся наверх. Видит: у подножия озерко маленькое, а у того озера на берегу одинокий шатер стоит. Спустился младший брат с холма, подходит к шатру. Из шатра вышла женщина средних лет, смуглая, высокая.

Младший брат подошел к ней, спрашивает:

— Стрелу мою не видела ли ты?

— Видела.

— Где же она?

— Смотри туда!

— Где же?

— В самой середине озера торчит с расщепленным концом.

Говорит младший брат женщине:

— Достань мне стрелу мою!

Женщина говорит:

— Сам ты достаешь!

Юноша к озеру пошел. На берегу торбаса спял, в воду спустился, побрел, но как вода до груди дошла, испугался младший брат, назад вышел из воды.

Опять говорит женщине:

— Достань мне стрелу!

— Сам достанешь!

— Озеро глубокое!

Тогда женщина говорит:

— Если в жены возьмешь, достану стрелу.

Юноша отвечает:

— Принеси стрелу, возьму в жены.

Женщина торбаса сняла, к озеру пошла.

Идет по озеру, а воды мало, всего по щиколотки, едва ноги замочила...

К середине озера подошла, стрелу выдернула, обратно вышла и юноше стрелу отдала.

Юноша взял стрелу, бежать хотел, да ноги его к земле приросли.

Посмотрел он на женщину, не знает, что делать. А женщина говорит ему:

— На этом месте до старости стоять будешь!

Говорит тогда парень женщине:

— Ладно, я женюсь на тебе, оторви меня от земли.

Взяла женщина за ухо парня, увела в свой шатер, своим мужем назвала...

Теперь иять братьев все жен имеют.

89. Камыснап

Давно было. В одном месте около моря жили пять девушек, пять родных сестер. Не было у них соседей, не знали они ничего о людях. Думали сестры, что они одни живут на земле. Только старшая знала, что недалеко люди живут, да молчала, не хотела говорить младшим.

Собирали сестры травы да корни, а с морского берега приносили капусту. Уставали сильно. Вот однажды младшая сестра говорит старшей:

— Ты самая мудрая из нас. Трудно нам каждый день добывать пищу. Не придумаешь ли ты что-нибудь, не дашь ли нам помощника?

Подумала, подумала старшая сестра и сказала:

— Ладно. Дайте мне доску для выделки шкур, два скребка, две обувные колодки, каменный молоток и двух живых крабов.

Самая младшая побежала на берег и принесла двух живых крабов, другие сестры приготовили все остальные вещи. Села старшая в угол полога и стала делать человечка из этих вещей: голову сделала из каменного молотка, туловище — из доски, на

которой шкуры скребут, руки — из обувных колодок, ноги — из кривых скребков, а пальцы рук — из живых крабов. Сделала она человечка, положила в угол полога и легла спать вместе с сестрами.

Утром проснулись девушки и удивились: в углу полога лежит человечек и храпит. Стали они будить человечка:

— Эй, помощник, вставай, иди на берег за капустой!

Встал человечек и отправился на берег. На берегу капусты морской набрал, вернулся домой. Обрадовались девушки:

— О, наш помощник!

Назвали девушки своего помощника Камыснап.

Каждый день Камыснап стал приносить домой морскую капусту, корешки и травы. Девушки перестали ходить на берег.

Один раз Камыснап нашел выброшенную морем черпу и принес ее. Девушки ели мясо и хвалили Камыснапа.

Все дальше и дальше уходил Камыснап от дома. Однажды обошел скалистый мыс, увидел впереди ярангу. Направился к ней. Подошел. Вошел в полог. Осмотрелся кругом — людей нет. Еще раз посмотрел — увидел вареное оленье мясо с топленным жиром. Стал есть и съел пол-оленя. Другую половину оленя взвалил на спину и понес девушкам-сестрицам. Кроме мяса захватил с собой Камыснап большой железный нож. Далеко увидели девушки Камыснапа, одна из них сказала:

— Смотрите, вон идет наш Камыснап и несет на спине большую пошу.

Когда Камыснап пришел, сестры спросили его:

— Что ты принес в мешке?

Камыснап ответил:

— Ладно, не спрашивайте, а развязывайте и смотрите.

Внесли сестры мешок в полог и там развязали его. Младшая закричала:

— О диво, сколько хорошей еды!

На полу лежало жирное оленье мясо. Девушки спросили Камыснапа:

— Откуда мясо?

— На берегу нашел.

— А откуда же нож у тебя?

— Тоже с берега, береговая вещь.

Поели сестры мяса досыта и уснули.

А в той яранге за скалистым мысом жили пять братьев. Они были охотники на диких оленей и на морских зверей. Вернулись братья с охоты, сели было поесть, а мяса нету и жога нету.

— Кто же взял наше мясо?

— Куда делся большой нож?

— Видно, кто-то чужой был! — решили братья.

Утром на охоту пошли, на видное место положили большой кусок жирной оленины.

— Посмотрим, что за вор тут ходит...

В то же время девушки-сестры проснулись, стали будить своего помощника:

— Эй, Камыснап, вставай, иди на берег, поищи для нас пищи!

Камыснап встал, отправился на берег. По старому следу пошел в ярангу за скалистым мысом. Пришел, видит: лежит на блюде полтуши дикого оленя. Сел и стал есть. Наелся досыта, остатки мяса и жира положил в мешок и отправился домой. Когда пришел, девушки опять спрашивают его:

— Откуда ты, Камыснап, приносишь мясо?

— На берегу нахожу. Море выбрасывает.

Только старшая сестра не верит, но молчит. Она знает, что дикие олени в тундре живут. Она знает, что за мысом пять братьев живут.

Снова девушки наварили мяса, досыта поели и легли спать.

Пять братьев с охоты вернулись, видят: снова мясо съедено. Старший брат говорит:

— Кто-то повадился ходить к нам. Завтра вы идите на охоту, а я останусь — постерегу, может быть, увижу того, кто наказывает нас каждый день.

Утром младшие братья ушли на охоту, а старший остался ярангу стеречь.

Сестры тоже проснулись. Камыснапа разбудили, послали его к морю добывать пищу. Камыснап пошел прямо к яранге за скалистым мысом.

Взглянул старший брат из яранги, увидел: идет по косе маленький человек с кривыми ногами, с кривыми руками. Спрятался старший брат, зарылся в хворост, принесенный для топлива. Подошел Камыснап к яранге и запел:

Что-то боязно, боязно мне.

Почему, почему, сам не знаю!

Переступил порог и вошел в ярангу. Около полога на деревянном блюде мясо лежит. Камыснап стал есть. А старший брат загородил Камыснапу выход. Оглянулся Камыснап и увидел человека, сидящего в дверях. Вскочил, испугался, закричал:

— Отойди, дай мне выйти!

Тут хозяин говорит ему:

— Не отойду!

Камыснап совсем перепугался, стал слезно просить хозяина отпустить его домой.

Хозяин спрашивает:

— Сестра есть у тебя?

Камыснап ответил:

— Нет сестер у меня!

— Обманываешь ты меня, есть у тебя сестра. Говори правду, или плохо тебе будет!

Камыснап отвечает:

— Есть одна сестра у меня.

Хозяин говорит:

— Опять обманываешь, две сестры у тебя.

— Нет. Только одна.

— Говори правду, или прибью я тебя.

Камыснап закричал:

— О, не трогай, рассыплюсь я, две сестры у меня!

Хозяин говорит:

— Три сестры у тебя.

— Нет, две сестры.

— Говори правду, или прикончу тебя!

— Да, три сестры у меня!

— Нет, четыре сестры у тебя!

— Только три сестры.

— Опять обманываешь, четыре сестры у тебя, говори правду, или убью тебя!

— Правда, четыре сестры у меня.

Хозяин сказал:

— Говори правду, что пять сестер у тебя. Если обманешь, выброшу тебя в море!

Камыснап сказал:

— Да, пять сестер у меня. Но больше нет. Только пять сестер.

Хозяин сказал:

— Мне больше и не надо. Теперь возьми вот это мясо и неси его сестрам.

Камыснап взял мясо и пошел по берегу домой, а хозяин стал смотреть ему вслед.

Вернулись младшие братья с охоты и спрашивают старшего:

— Не заметил ли ты кого-нибудь?

— Как же, видел человечка с кривыми ногами. А у этого человечка пять сестер. Вот для них он и таскал у нас мясо. Завтра все мы пойдем к девушкам-сестрам.

Камыснап пришел с мясом. Когда вошел в ярангу, девушки спросили его:

— Откуда опять принес столько вареного мяса? Может быть, пашел ты поблизости людей?

— Никого я не видел.

Девушки-сестрицы мяса поели и легли спать. Утром проснулись и стали будить Камыснапа, чтобы за капустой пошел, а он не отвечает, молчит...

Вышла старшая сестра из яранги, видит: подходят пять парней, пять охотников с луками и стрелами. Вернулась, сестрам закричала:

— Люди пришли, парни пришли!

Испугались сестры, закрыли глаза руками, а парни тем временем в ярангу вошли и стали в ряд. Отняли девушки руки от глаз и увидели молодых, красивых и сильных парней. Тут старший брат говорит:

— Братья-охотники пришли просить вас стать их хозяйками и женами. Наши луки и стрелы дают нам мясо дикого оленя, на-

ши копыя и гарпуны приносят нам мясо морских зверей. Вы и ваши дети будете сыты. А олени шкуры будут вашей одеждой.

Старшая сестра сказала:

— Я не хотела говорить своим сестрам, что кроме нас есть еще люди. Но раз вы пришли, пусть будет по вашему желанию. Я и мои сестры согласны стать хозяйками вашей ярапги.

Девушки обрадовались. Все стали собираться, чтобы вместе с братьями-охотниками перенести свое жилище на новое место.

А там, где лежал Камыснап, оказалась груда вещей: доска, два скребка, каменный молоток, две колодки и два живых краба.

90. Морская женщина

Один сирота жил у своего двоюродного брата. Почти все время он проводил на улице, а когда заходил в жилище, то хозяин обижал его всячески. Однажды сирота вышел на улицу и на морском берегу увидел светящийся огонек. Он пошел на этот огонек. Подошел к берегу и обнаружил там землянку. Он посмотрел в отдушину на крыше. Внутри жилища находилась женщина. Она сбросила с одного плеча рукав комбинезона и так работала. Комбинезон был черный, а на ногах женщины были надеты торбаса из белой замши. Землянка стояла на песке у самой воды, а вход в нее был со стороны моря, в воде.

Женщина сказала изнутри жилища:

— А ну же, что ты там медлишь, входи!

— Как же я войду? Ведь вход в воде, боюсь я.

— А ты зажмурь глаза, прыгни и войди!

Вошел юноша. Стали они вместе есть, а потом улеглись спать. Наутро хозяйка пораньше разбудила его, чтобы незаметно ушел. Юноша пришел домой, лег и крепко заснул. Вскоре двоюродный брат разбудил его и спросил:

— Где ты так долго был? Уж не женился ли ты где-нибудь?

Юноша стал оправдываться, но не сказал, где был. С наступлением вечера он снова ушел на берег к той женщине и вернулся только рано утром. Двоюродный брат снова спросил:

— Так где же ты женился?

Сирота промолчал и стал делать гарпун. Хозяин тогда сказал:

— Ты делаешь гарпун? Ну так пусть твоя жена приготовит тебе поднос с едой!

Юноша смастерил гарпун и, когда наступила ночь, ушел к морю, в землянку к той женщине. Когда они лежали на постели, женщина спросила его:

— О чем спрашивает тебя твой брат?

— Ничего он не говорит.

— Не скрывай от меня ничего! Ведь я вас слышу и вижу.

— Только сказал он мне, когда я делал гарпун, чтобы ты подала мне поднос с отменной едой.

Сказала сироте женщина:

— Так вот, если снова станет спрашивать обо мне, то высупись на улицу и скажи мне об этом.

Когда сирота вернулся домой от женщины, двоюродный брат сказал ему:

— Ну, изготовитель гарпунов, прикажи своей жене приготовить для меня поднос.

После того как хозяин сказал так, сирота высунулся из жилища и позвал:

— Эй, где ты?

И вдруг появилась та женщина в черном комбинезоне и оглоленной до кисти рукой подала деревянное блюдо с едой, сказав при этом так:

— Пусть твой хозяин только один ест!

И ушла к себе домой. А хозяин стал готовиться к празднеству, чтобы увидеть жену сироты. С наступлением ночи сирота пошел на берег к своей жене. Она спросила его:

— Что намереваются делать твои хозяева?

Сирота сказал:

— Хозяин сказал, что собирается устроить празднество, чтобы только тебя увидеть.

Проснулся сирота и утром от женщины пошел домой. А двоюродный брат его начал уже празднество. Из других жилищ стали сходить гости. Жена сироты тоже пришла. Когда она вошла, все увидели, как она хороша собой. Вот кончили праздновать, и с наступлением ночи хозяин захотел поменяться женами с сиротой. Гости ушли. У себя в землянке женщина спросила своего мужа-сироту:

— Что тебе сказал твой хозяин?

Муж рассказал ей о желании хозяина. Тогда жена сказала ему:

— А если снова заговорит об этом, ты согласишься.

Утром сирота снова ушел к хозяину — двоюродному брату. Когда хозяин опять сказал ему о своем желании поменяться женами, сирота не стал возражать. С наступлением ночи двоюродный брат сироты пошел к морю в жилище той женщины. Целую ночь он простоял на припаяе, так как боялся войти к ней через воду. Но все же вошел. На следующий день она разбудила его, чтобы ушел заранее. А с наступлением вечера он снова вернулся к женщине. Утром он не захотел уйти домой. Женщина сказала ему:

— Если не послушаешься, то станешь таким же, как мы.

Действительно, он вышел, когда уже был день, а потому превратился в касатку. Все.

91. Аханагрурак

Жили в Имаклике муж с женой. Рождались у них мальчики, но уберечь их муж с женой никак не могли. Когда сыновья их взрослыми становились, начинали охотиться на каяке. Уедет сын на каяке в море за большой мыс и больше не возвращается. Так четыре сына не вернулись с охоты. Муж и жена стариться начали, а детей у них не осталось. И вот женщина однажды забеременела.

Муж сказал:

— Если сына родишь, назовем его именем Аханагрурак.

И вот женщина сына родила, так и назвали его. Мальчик этот быстро рос. Как только подрос, захотел ехать на каяке. Отец испугался, отговаривает, не пускает в море. Сын настойчивым был и добился своего, стал охотиться на каяке, но далеко за мыс не уезжал. Хорошим охотником был, нерп, лахтаков, моржей добывал. Когда юноша совсем взрослым стал, отец сказал ему:

— Ведь ты не единственный наш сын. У тебя было четыре брата. Все они были удачливыми охотниками, но как только кто-нибудь из них уезжал на каяке за большой мыс, назад уже не возвращался. Так все погибли. Вот и ты не вздумай ездить за этот мыс, можешь затеряться.

Когда наступила ночь, Аханагрурак не смог заснуть, а так думать стал: «Оказывается, у родителей я не единственный, а были у меня и старшие братья. Я тоже поеду на каяке за большой мыс. Почему не вернулись мои братья?»

Утром рано в сторону большого мыса поехал на каяке. Когда ехал, нерпу добыл. Вот за мысом скрылся, Имаклик не стало видно.

За мысом на берегу увидел землянку. К берегу причалил, нерпу освежевал и нерпичьи потроха за пазуху под кухлянку положил. После этого гарпун свой с острым наконечником и нерпичьим поплавком взял и поднялся к землянке. Приблизившись, вошел в землянку и в передней части у выхода сел. Сидит и думает: «Что же со мной будет сейчас?»

В это время кто-то в сени землянки вошел и оттуда закричал:

— Аханагрурак!

— Да!

— Кишки твои съем!

Аханагрурак сказал:

— Какой ты безжалостный, хочешь съесть внутренности, подобные твоим собственным! Вот возьми, ешь!

Вынув из-под кухлянки нерпичьи кишки, Аханагрурак бросил их в сени тугныгаку. Тот быстро все съел, затем снова позвал:

— Аханагрурак!

— Да!

— Печень твою съем!

— Ах, какой ты безжалостный, поедаеть внутренности, подобные твоим собственным. На, ешь!

Вынув из-под кухлянки перпичью печень, Аханагрурак бросил ее тугныгаку. Тот быстро все съел, затем снова позвал:

— Аханагрурак!

— Да!

— Почки твои, желудок твой съем!

— Ах, какой ты безжалостный, поедаеть внутренности, подобные твоим собственным. На, ешь!

Вынув из-под кухлянки перпичьи почки и желудок, Аханагрурак бросил их тугныгаку. Тот быстро все съел, затем снова позвал:

— Аханагрурак!

— Да!

— Сердце твое съем!

— Вот безжалостный, неужели ты хочешь съесть то, что дает мне жизнь?

— Конечно, съем! Еще раз говорю тебе!

Аханагрурак перпичье сердце вынул из-под кухлянки и выбросил в сени.

Тугныгак быстро все съел, затем закричал:

— Аханагрурак!

— Да!

— Целиком хочу тебя съесть!

— Вот безжалостный, все внутренности мои съел, а теперь и всего меня хочешь съесть. Может быть, оставишь, не съешь?

— Еще раз говорю, съем тебя!

Аханагрурак сказал:

— Ладно, заходи, ешь меня целиком!

Так сказал, на гарпун острое надел, в сторону входа гарпуном нацелился. Как только показалась голова тугныгака, Аханагрурак гарпун вонзил в него. Тот со стоном под землей исчез. Аханагрурак не мог удержать гарпунного ремня в руках, выпустил. Тугныгак под землею бежит, а на земле то тут, то там от гарпунного ремня поплавок появляется. За мелькающим поплавок юноша бежит. Наконец догнал, хотел схватиться за поплавок, а тот совсем в землю ушел.

Остановился юноша, кругом смотреть стал. Вдруг поплавок снова впереди над землей запрыгал. Снова юноша погнался за ним, но не успел схватить: поплавок в землю ушел. Так много раз поплавок из-под рук уходил.

Вот Аханагрурак на высокой горе оказался, там снова увидел мелькающий поплавок. Снова погнался за ним, но не успел поймать. Тут с возвышенности впереди большое селение увидел. Среди множества землянок огромная землянка стоит с высоким столбом, а на самой окраине — маленькая землянка. На той горе юноша вечера подождал, а с наступлением темноты спустился к крайней землянке. Подошел, в отдушину заглянул.

Сидит там, оказывается, волосатая старуха и ругается:

— Какой это человечешко осмелился нанести рану лучшему нашему охотнику? Вот если бы молодой женщиной я была, немедленно вылечила бы раненого, не дала бы ему мучиться. Но и сейчас у меня есть еще сила, наверное, придут за мной!

Аханагрурак подумал: «Оказывается, это селение злых тугныгаков. Это они погубили моих братьев».

После этого быстро в землянку вошел, волосатую старуху копьём заколол — ведь не человек она, чудовище. Убил, с лица кожу с волосами снял, свою одежду сбросил, в старухину оделся, а затем и кожу с ее лица на голову себе натянул. В таком виде остался сидеть в землянке. Вдруг снаружи позвали:

— Эй, жива ли ты там, внутри!

Аханагрурак измененным голосом ответил:

— Что вам нужно?

Сказали:

— За тобой пришли. Главного охотника от ран надо лечить.

Аханагрурак сказал:

— По-особому лечить буду. Когда приведете, оставьте меня в сенях, сами в землянку войдите, больного на середину положите, свет потушите и пойте его песни. Когда я выйду, большой громче застонет, а вы еще громче пойте, чтобы стои не был слышен.

После этого двое юношу под руки повели. Один из ведущих другому говорит:

— Почему у старушки плечи толстыми стали?

Аханагрурак говорит:

— Это от испуга руки вздулись.

Пришли к большой землянке, вошли, юношу на середину положили. Вскоре свет погас, внутри начали петь.

Аханагрурак в землянку тем временем зашел с разными выкриками. Подошел в темноте к больному, сердце его нащупал и нож свой вонзил. Больной застонал, а другие тугныгаки еще громче запели. Гарпун свой из тугныгака вынул Аханагрурак, снял одежду и кожу с лица волосатой старухи и все это положил на тугныгака. После этого быстро выскочил и стал убежать. Те, что были в землянке, кончили петь и спохватились:

— Где же наша шаманка, здесь ли она?

Когда свет зажгли, увидели на умершем тугныгаке только кожу с лица старухи и ее одежду.

В волков превратились, за юношей побежали. Обернувшись назад, Аханагрурак увидел пять догоняющих его волков. Побежал, впереди трещину заметил, в нее спрятался, прося скрыть его. Волки трещину перескочили, не заметили юношу, вперед побежали. Юноша снова побежал, но волки заметили его и снова пустились в погоню.

Аханагрурак к своему каяку побежал. Добежал, едва успел столкнуть его на воду и вскочить в него, как волки на берег при-

мчались. Аханагрурак от берега отъехал. На берегу большое бревно лежало. Один волк бревно схватил, высоко вверх подбросил, закричал Аханагрураку:

— Вот так бы с тобой поступил!

Аханагрурак к надводному камню подплыл, гарпун свой в камень бросил, насквозь его пробил.

Увидели волки, испугались и побежали обратно, поджав хвосты и опустив к земле морды.

Аханагрурак возвратился домой — у родителей глаза от слез не видят.

92. Писуануси

Жил человек с женой и дочерью одиноко, без земляков. Этот человек жил хорошо, ни в чем не нуждался. Дочь его была очень красивой и уже взрослой девушкой. Ничего она не боялась, летом в тундру уходила одна.

Однажды, возвращаясь домой, присела с пошей за спиной на холмике отдохнуть. Отдохнула, хотела встать, но не смогла. Обернулась назад, видит: стоит сзади юноша и держит ее за пошу. Девушка попросила отпустить ее — мол, ей надо домой. Юноша сказал:

— Пойдем в мой дом.

Девушка ответила:

— Я должна вернуться к родителям. Если не вернусь, будут беспокоиться.

Этот человек отпустил девушку.

Вернувшись домой, девушка ничего не сказала родителям о случившемся. Так лето прожили, осень наступила. Вот однажды к ним женщина в красивой одежде зашла. Войдя, сказала родителям девушки, что Писуануси за женой послал. Оказывается, тот человек, который летом девушку в тундре задержал, был Писуануси.

Родители не стали возражать, а сказали этой женщине, что на следующий день она может отвести девушку к мужу. Женщина ночью хотела уйти, но ее не пустили. Родители для дочери запасы еды приготовили на дорогу, но эта женщина не велела девушке брать. Женщина, оказывается, матерью Писуануси была.

Выйдя, женщина девушку за руку взяла и велела ей закрыть глаза. Когда девушка закрыла глаза, сделали несколько шагов и остановились. Женщина велела девушке открыть глаза. Девушка открыла глаза, увидела перед собою селение. В самую большую землянку этого селения вошли. К вечеру вернулись с охоты сыновья этой женщины. Первым вошел старший брат, за ним — средний, за средним — младший вошел. В младшем девушка узнала того парня, которого встретила летом.

Каждый из них много языков диких оленей принес. Женщина, мать этих братьев, приказала девушке взять языки и повела ее в маленькую землянку. Там вдвоем почевали. Назавтра братья опять в тундру ушли. Когда вернулись к вечеру, женщина девушке красивую новую одежду дала, затем два блюда — маленькое и большое — наполнила разной едой и велела отнести в большую землянку. С большого блюда всю еду старшие братья и женщина поели, а с маленького — девушка и Писуануси вдвоем. Так вот год вместе жили.

Однажды девушка вышла из землянки, когда братья на охоте были. В это время к ней подошли два человека в черной-пречерной одежде. Наказали ей тоже шить себе черную одежду. А свекрови, если будет спрашивать, велели сказать, что шьет рабочую одежду. А как закончит шить, приказали надеть эту черную одежду и выйти из землянки.

Молодая женщина стала шить себе черную одежду. Когда шла, свекровь спросила ее:

— Зачем ты шьешь черную одежду, ведь есть же у нас красивые шкуры?

Невестка ответила ей:

— Рабочую одежду шью.

Кончив шить, черную одежду надела, из землянки вышла. Снаружи ожидали ее, оказывается, два человека в черных одеждах, которые раньше приходили.

Как только вышла, подхватили ее под руки и полетели вверх на высокий утес. Утес этот был совсем отвесный, крутой, а над обрывом в утесе — маленькая пещера. В эту пещеру принесли женщину. Когда вошла в пещеру, увидела там старушку. Оказывается, двое людей в черных одеждах были воронами.

На следующий день эти вороны снова улетели. Тут старушка сказала женщине:

— Зачем же ты позволила себя унести? Вот теперь навсегда останешься здесь. Как же спустишься из этой пещеры по отвесному утесу? Знай, что едой твоей будет только кровь, которую вороны приносят сюда.

Действительно, к вечеру прилетели братья-вороны и принесли в клювах застывшую кровь. С наступлением утра снова улетели. Когда скрылись вороны, старушка из маленького мешочка вынула мышиную шкурку и сказала женщине:

— Вот надень эту шкурку и иди без страха, спускайся с утеса по трещинам. Но если будешь бояться, обязательно упадешь вниз.

Женщина мышиную шкуру надела и превратилась в мышку. Вышла, по трещинам хотела спускаться, но не смогла, испугалась. Обратившись к старушке.

Старушка спросила женщину:

— Зачем вернулась?

Та ответила:

— Побоялась я спускаться по трещинам.

Старушка сказала:

— Спиши шкуру. Ведь навсегда останешься здесь, если будешь бояться.

К вечеру братья-вороны прилетели, кровь в клювах принесли. Наутро, когда снова улетели, старушка из другого мешочка вынула лисью шкуру и сказала женщине:

— Вот эту шкуру надень и спускайся с утеса. Только не бойся. Если и теперь испугаешься, беги не оглядываясь к своим родителям. Если на пути шишу какую-либо встретишь, не ешь, а если съешь, то навсегда останешься лисницей. Когда до своего жилища дойдешь, увидишь отца своего, работающего около дома. Когда приблизишься, шкуру эту снимешь и спрячешь куда-нибудь в сторонку, чтобы люди не видели. Вот тебе лисья шкура, надень ее.

Надела женщина лисью шкуру и превратилась в лису. Выйдя, по трещинам с утеса стала спускаться. Хотя и боялась, но не вернулась назад, спустилась вниз. Спустившись, быстро побежала вперед по берегу моря. Вдруг запах мяса почувяла — еще быстрее побежала. Через некоторое время увидела на берегу выброшенного морем дохлого моржа. Подошла к моржу, хотела поесть мяса, но вспомнила о запрете. Как ни хотела есть, а побежала дальше. Несколько раз оборачивалась на запах мяса, но все же не вернулась, а бежала изо всех сил. Вот снова почувяла запах свежего моржового мяса. Остановилась, смотрит: только что морем выбросило на берег свежего моржа. Подошла, хотела поесть моржового мяса, но вспомнила о запрете. Как ни хотелось есть, а снова побежала с трудом дальше. Убегая, оборачивалась, хотела вернуться поесть мяса, но пересилила себя, заставила бежать дальше. Поднявшись на холм, увидела жилище своего отца; у жилища отец что-то мастерит. Увидела отца, забыла, что шкуру надо снять, кинулась к нему.

Подбежав, по-лисьи села, сказать ничего не может. Отец, увидев лису, спрашивает:

— Что ты уселась здесь, лисичка? Ишь, какая недикая ты.

Женщина думает: «Что же со мною делается? Почему же отец не узнает меня?» С наступлением вечера отец ушел в жилище. Когда он ушел, женщина улеглась у входа и заснула. Утром отец, проснувшись, вышел и видит: лисица лежит у входа.

Во время еды жене своей сказал:

— Чья-то лисичка там, у входа, со вчерашнего дня сидит. Совсем недикая лисичка. Когда я работаю, все время около меня сидит. Уж не дочь ли наша это в лису превратилась? Почему она не дичится?

Тем временем молодая женщина вспомнила наконец о своей шкуре. Отбежала в сторону, шкуру сняла, запрятала и снова к отцу подошла. Отец обрадовался при виде дочери, к матери ее отвел.

Радуюсь, плакали родители. Здесь, у своих родителей, девушка год прожила. Через год однажды проснулась, заметила, что все вокруг дома темным сделалось и всюду крик и шум. Отец жене сказал:

— Выйди-ка на улицу да посмотри, почему это утром темно вокруг стало. Ведь пикогда этого не бывало.

Старуха вышла, смотрит: великое множество воронов сидит и летает, даже горизонта не видно. Один маленький ворон на край отдушины сел. Вернулась жена, рассказала мужу о том, что видела. Муж сказал:

— А ну, теперь спроси их, зачем пожаловали.

Жена спросила, как муж велел.

Сидящий на краю отдушины маленький ворон сказал:

— За нашей невесткой пришли мы.

Старуха старику и дочери рассказала об этом. Дочь говорит:

— Не хочу возвращаться к воронам: у них голодно, а их пища — одна застывшая кровь.

Вышла мать, передала воронам слова дочери.

Как только сказала, вспорхнули вороны и улетели. Через некоторое время снаружи все стало серым и шум послышался. Муж жене приказал выйти и посмотреть, что случилось. Выглянув на улицу, жена увидела множество волков, покрывших землю до самого горизонта.

Один волк на краю отдушины на землянке сидит. Этот волк говорит женщине:

— За нашей невесткой пришли мы.

Вошла, мужу и дочери об этом рассказала. Муж жене сказал:

— Скажи им, пусть у нас поживет наш зять.

Вышла жена, гостям об этом сказала, затем снова вошла. Через некоторое время в землянку вошел Писуануси. Здесь, у родителей женщины, год прожили. Год прожили, к волчьему народу возвратились. С наступлением весны жители этого волчьего селения стали радоваться. Женщина их спрашивает:

— Чему вы радуетесь?

Те отвечают:

— Видно, вскоре пойдем мы торговать с жителями верхнего села, такого чудесного села!

Весной приготовились в дорогу. Приготовившись, отправились. Подошли к утесу, крутому, почти отвесному, а дороги вверх нет, только следы ступней едва видны. Впереди идущие по этим следам поднялись. Остались внизу только женщины да Писуануси. Писуануси сказал жене:

— Наверное, тебе не подняться. Вернись пока домой. По берегу реки дойдешь до отцовской землянки. Когда мы вернемся, придем за тобой.

Отправилась женщина по берегу реки к отцовскому дому. Идет, слышит: разговаривают. Обернулась, увидела лодочку. Велели ей те люди в лодку сесть. Женщина в лодку села. Довезли

ее до землянки отца. К осени вернулся сюда Писуануси. Жена сказала ему:

— Здесь будем жить, пока родители мои живы.

Так здесь жили до смерти родителей. А когда умерли старики, вернулись муж и жена к волчьему народу.

93. Югнилнук

Давно, говорят, было. Жил оленивод с племянником. Племянник жил в отдельной яранге. Звали его Югнилнук. Вместе с дядей имели они оленье стадо. Дядя постоянно с оленями был, а племянник дома находился. Однажды узнал Югнилнук от приезжего гостя, что один кочевник собирается выдать замуж свою дочь за человека, который на оленьей упряжке перепрыгнет через сушила и получит удар молотком от его дочери.

Узнав об этом, Югнилнук к дяде своему в стадо пошел. Дядя сказал:

— Зачем пришел сюда? Впервые появился ты в стаде.

Югнилнук ответил:

— Слышал я, что ближайший сосед наш, оленивод, дочь свою собирается замуж выдать за победителя на оленьих бегах. Я тоже хочу поехать на эти состязания.

Дядя сказал:

— Без умения, впервые, не следуй своим желаниям. Лучше подожди.

Югнилнук вернулся домой и вечером пошел на отцовскую могилу. Пришел, сел на могилу и заплакал. Тут голос из-под земли услышал:

— Почему ты плачешь? Чем обидел тебя твой дядя?

Югнилнук сказал:

— Ближайший сосед наш, оленивод, собирается выдать замуж свою дочь на оленьих бегах за победителя. Я тоже хочу поехать на состязания, но дядя не пускает меня.

Отец его сказал:

— Найди в стаде двух моих белых ездовых оленей и поезжай на них. Они тебя выручат.

Югнилнук поднялся и пошел в стадо. В стаде отыскал белых отцовских оленей и запряг их в беговые нарты. С рассветом поехал в стойбище оленивода, выдающего замуж дочь. Приехал, увидел множество ездовых нарт, запряженных парами оленей, и ездоков, прибывших на состязания. На высоких сушилах для нарт и байдар стоит дочь оленивода с деревянным молотком в руках. Когда все собрались, оленивод сказал:

— Кто окажется проворным и перепрыгнет через сушила, того дочь моя ударит молотком. Победивший возьмет мою дочь.

После этого все ездоки разъехались, чтобы разбежаться и перепрыгнуть через сушила, где девушка стоит. Вот один за дру-

гим начали подвезжать. Оленьи упряжки так быстро бегут, что за ними снег клубится, как в пургу. Но ни одна упряжка не может перепрыгнуть сушила: подбегут олени к сушилам и падают у препятствия. Вот уж гора из оленьих упряжек и ездовых образовалась. Последним поехал Югнилнук и без труда перепрыгнул на своей упряжке через сушила — груда упряжек и ездовых послужила ему подставкой. Когда через сушила прыгал, дочь оленевода сильно молотком его стукнула, чуть глаз не выбила. После этого ездоки оленьи упряжки от сушил отвели, а сами все рядом встали. Югнилнук тоже вместе со всеми встал. Оленевод начал всех осматривать. Подойдя к Югнилнуку, увидел у него большой синяк под глазом, сказал ему:

— Вот ты, оказывается, муж моей дочери. Что же, бери ее.

Так Югнилнук женился на дочери оленевода. Когда женился, совсем перестал выходить из яранги. А другие дочери оленевода все замужние. Собрались однажды сестры с мужьями в гости к отцу, а жена Югнилнука одна пошла, без мужа. Стали сестры смеяться над Югнилнуком, который сидит дома и боится показаться среди людей.

Отец сказал своим дочерям и зятям:

— Богат я, имею все, что нужно для оленевода, но нет у меня только диких собак.

Пришла жена Югнилнука домой и рассказала о желании отца иметь диких собак. Югнилнук сказал:

— Нет, я не пойду, пусть те зятья идут искать.

А ночью, когда жена крепко спала, Югнилнук оделся и пошел на отцовскую могилу. Пришел, стал плакать. На рассвете послышался голос отца:

— Почему ты так долго плачешь? Не обидел ли тебя чем твой дядя?

Югнилнук сказал:

— Ведь я женился на дочери оленевода, а теперь он хочет, чтобы ему поймали диких собак.

Отец сказал:

— Иди прямо на ту гору, наверху увидишь свежую берлогу. В третий раз ко мне не приходи, а то можешь не вернуться домой.

Югнилнук встал и пошел на гору. Там берлогу увидел, а около берлоги дикие собаки сидят, уставившись мордами в берлогу.

Югнилнук собак привязал, вместе с ними в берлогу вошел. В это время снаружи человеческие голоса слышались. Югнилнук лицо свое шапкой прикрыл, чтобы не узнали. Двое людей вошли и спросили:

— За что продаешь ты этих собак?

Югнилнук ответил:

— За большие пальцы с рук.

Один из пришельцев другому сказал:

— А зачем нам большие пальцы? Отдадим их за этих собак, а тесть к нам еще лучше будет относиться.

Другой ответил:

— Только ведь больно будет, пожалуй.

Первый сказал товарищу:

— Ну что ж, вот мой большой палец, отрезай поскорее.

Товарищ палец ему отрезал. Беспальный отдал большой палец Югнилнуку за собаку, затем сказал:

— Вот, оказывается, только у меня одного будет дикая собака для тестя.

Другой сказал:

— Что же, не буду бояться, отрезай и ты мой палец. Ой, только больно будет!

Первый рассердился:

— Да как же ты мой палец отрезал? Разве мне очень больно было? Нет, не очень больно. А если у тебя палец отрежем, то подарим тестю сразу двух диких собак.

Наконец второй зять согласился, и первый большой палец отрезал ему. За второй палец забрали у Югнилнука вторую собаку, но не узнали его, так и ушли. А Югнилнук отрезанные пальцы бережно завернул и домой вернул. Жена спросила его:

— Откуда ты вернулся?

Он сказал:

— В свою ярангу ходил.

Жена сказала:

— А я думала, что ты тоже диких собак искать ходил. Ведь свояки твои двух диких собак нашли и привели их к отцу.

Югнилнук сказал:

— Хорошо, пусть они диких собак имеют. Я же не искал их.

После этого Югнилнук снова никуда не выходил, все дома сидел. Когда соберутся зятья с женами у тестя, начинают смеяться над Югнилнуком, сидящим дома. А жена его, придя домой, рассказывает, как зятья отцовские смеются над ним.

Однажды сильно обидели зятья и сестры жену Югнилнука, насмехаясь над ним.

Тут Югнилнук не стерпел, сказал:

— Ладно, пусть они там смеются, а между тем их диких собак я нашел. А за собак зятья по большому пальцу отдали мне. Вот смотри!

Югнилнук пальцы тех зятьев жене показал, а затем отдал ей их, сказав:

— Возьми, пригодятся!

Жена взяла эти пальцы, завернула и спрятала под одежду.

Однажды все снова собрались у тестя, и жена Югнилнука тоже пришла, захватив с собою пальцы тех зятьев. Снова начали смеяться над ее мужем, что не выходит он на улицу, сидит дома и ничего делать не умеет.

Жена Югнилнука сказала сестрам и отцу:

— Вы и в самом деле думаете, что диких собак нашли эти мужчины? Но напрасно вы так думаете. Этих диких собак нашел

мой муж Югнилнук. А вот плата, которую он получил за собак от твоих зятьев! — И женщина показала отцу два отрезанных пальца.

Отец сказал:

— Правда, зятья мои не могут, наверное, отрицать, что они за собак отдали свои пальцы. Или, может быть, эти хвастливые юноши без пальцев родились?

После этого тесть полюбил своего нелюбимого зятя, а двое других зятьев с женами перестали над ним смеяться. Теперь им было стыдно. А Югнилнук с женой с тех пор не сидел уж дома и часто вместе с женой ходил в гости к своему тестю. Все.

94. Брат и сестра из Нуткана

Жили-были девочка и мальчик — брат с сестрой. Сестру звали Тайкинаун, а брата — Тайкыгыргын. Жили они в селении Нуткан. Много было в нем жителей. Помогали они сиротам, приносили им мяса, чтобы те не голодали.

Как-то мальчик подумал: «Как бы сделать, чтобы самому достать мяса?» Он принес палку, обстругал ее, смастерил из моржового клыка наконечник, ремешком прикрепил его на конец древка, и получился гарпун.

Привязал мальчик на конец гарпуна палочку величиной с палец, а пониже ее — камешек.

Сестре своей сказал:

— Сделал я закрутку для добывания водорослей, пойду закручивать морскую капусту, а ты добывай из-под снега корешки около яранги.

Пошел Тайкыгыргын на берег, зашел на принай и стал долбить прорубь. Продолбил, спустил в прорубь закрутку и накрутил на нее морской капусты.

Тайкинаун вышла из яранги и стала выдалбливать из-под сугроба съедобные корни. Тут к ней подошел мужчина, одетый в белый олений плащ.

Подошел, говорит ей:

— Тайкинаун, Тайкинаун, хочу я взять тебя в жены!

Тайкинаун ответила ему:

— Твоей женой я не думала быть. Уходи-ка лучше отсюда!

Пошел человек. Посмотрела ему вслед Тайкинаун, видит: не человек это, а песец. Пушистый хвост сзади снег метет. Ушел песец...

После этого явился мужчина, одетый в черную кухлянку. Подошел, говорит ей:

— Тайкинаун, Тайкинаун, посмотри на меня!

Посмотрела на него Тайкинаун и рассмеялась: узнала парня из соседнего стойбища. Снова говорит ей парень:

— Тайкинаун, Тайкинаун, мужем твоим хотел бы я быть!

Тайкинаун не ответила ему, а засмеялась:

— Ха-ха-ха!

Мужчина сказал:

— Не для смеха, а правду говорю я тебе!

Тайкинаун ответила:

— Я не одна, что еще скажет мой брат? Если не пустит он меня, не быть мне твоей женой! Если позволит, будешь ты моим мужем.

Парень сказал:

— Пока пойду я. Когда вернется твой брат, я тоже приду.

После этого мужчина ушел. Тайкинаун насобираала корешков и вошла в полог. Вскоре с берега вернулся Тайкыгыргын. Накрутил он закруткой большой узел морской капусты, а внутри ее оказался лахтак. Войдя в полог, сказал сестре:

— Навертел я капусты, а вместе с капустой лахтак попался.

Сестра сказала:

— Вот диво, спасибо тебе! Целый вечер мы будем есть его.

Освеживала Тайкинаун лахтака. Наелись брат и сестра мяса, капусты и корешков досыта.

Только Тайкинаун разделась, как услышала стук. Тайкыгыргын спросил:

— Кто там?

— Это я! — ответил пришелец.

Тайкыгыргын сказал:

— Заходи!

Человек вошел и оказался тем самым, который приходил утром. Тайкыгыргын спросил:

— Зачем ты пришел?

Человек ответил:

— Сестру твою хотел бы я взять в жены, если тебе не жалко. А я свою сестру отдам тебе!

Тут Тайкинаун Тайкыгыргыну потихонечку сказала:

— Тайкыгыргын, дай свое согласие!

После этого Тайкыгыргын сказал человеку:

— Если девушка, имеющая ум, согласилась, то она выйдет замуж.

Тут Тайкинаун сказала:

— Так я выхожу замуж, я не отказываюсь!

Мужчина начал собирать Тайкинаун.

Тайкыгыргын сказал:

— Один раз здесь ночевать можешь, а завтра уйдешь!

Парень переночевал, а назавтра с молодой женой отправился домой. А сестра того человека пришла к Тайкыгыргыну. Тайкыгыргын тоже женился.

Тайкыгыргын стал добывать много зверей.

Однажды тот человек пришел к Тайкыгыргыну и сказал:

— Тайкыгыргын, неплохо было бы твою ярангу перетащить к моей.

Тайкыгыргын ответил:

— Пожалуй, это было бы хорошо!

Затем они уснули. Утром разобрали ярангу, перетащили ее и поставили позади яранги того человека. Стали жить по соседству.

Однажды сосед пришел к Тайкыгыргыну и сказал ему:

— Тайкыгыргын, посмотри на меня, что я буду делать.

Тайкыгыргын пошел с ним. Сестра встретила его приветливо и сказала:

— Посмотри на моего мужа, как он будет охотиться!

Человек взял торбаса и подал их жене:

— Тайкинаун, положи в торбас стельку!

Тайкинаун положила в торбас лахтачий ус. В другой же торбас положила нерпичий ус. После этого человек обудся и встал. Оказалось, что правая нога теперь по-лахтачьи дышала, левая — по нерпичьи дышала. Пошел он на берег и сел около воды. По-выскакивали тут из воды лахтаки и нерпы, а человек начал их ножом убивать. Убитых зверей перенесли домой. И снова так жили. Тайкыгыргын тоже научился этому и много зверей убивать стал. Разных зверей теперь мог он убивать и приносить домой.

Однажды сосед сказал:

— Завтра будет праздник состязаний. Мужчины другой стороны принесут много разных вещей — лахтачьи шкуры, моржовые шкуры, нерпичьи шкуры и ремни. С их стороны будет танцевать горностай. Он во время танца только под песню прыгает. Если победят они нас в танцах и пении, то заберут все вещи. Если мы победим — их вещи себе оставим.

Тайкыгыргын очень испугался, как бы не отняли у них все имущество.

Ночью он вышел на улицу, посмотрел на южную сторону и увидел дым. Пошел по направлению дыма. Оказалось, там была землянка. Тайкыгыргын вошел в землянку и увидел в ней старика и старуху огромного роста. Старик-великан спросил:

— Зачем пришел?

Тайкыгыргын ответил:

— Поучиться к тебе пришел я. Завтра будет праздник состязаний. Научи меня, как победить гостей.

— Что же, поучу я тебя! Только вначале спрошу тебя, как будет играть танцующий другой стороны?

Тайкыгыргын ответил:

— У них будет простой танец горностая!

Старик сказал своей жене:

— Старуха, подай-ка мне бубен!

Подала ему старуха бубен. Старик взял бубен и снова сказал:

— Где же большая сова? Иди сюда, я спою тебе.

Вдруг прилетела большая сова и села к старику на макушку, а старик запел:

А-я-ни-ни, я-ни-я-на-а,
А-я-ни-ни, а-я-ни-я!

Распустила сова свои крылья да так принялась плечами играть-пожимать, как редко можно увидать, а когда пение кончилось, она запрыгала с криками и стала по-своему танцевать.

После этого старик сказал:

— Ну вот, я тебя научил. Запомни, какую песню я пел, и иди домой.

Тайкыгыргын пришел домой, разделся и уснул. Назавтра утром пришла сестра, просунулась в полог, спросила:

— Где Тайкыгыргын?

Тайкыгыргын ответил:

— Здесь я!

Сестра сказала:

— Иди к нам, сейчас муж мой пачинает свой праздник!

Приделся Тайкыгыргын и отправился к другу. Через некоторое время подбехали нарты гостей. А в нартах у них лахтачьи шкуры, ремни, нерпичьи шкуры, моржовые шкуры. Все это они внесли к хозяину.

Первым спел хозяин. А когда он кончил стали петь гости. После этого вышел вперед горностаи и запрыгал. Приуныл хозяин: как же с горностаем состязаться человеку? Тайкыгыргын сказал:

— Подождите-ка, подайте мне бубен, я тоже спою!

Подали ему бубен. Тайкыгыргын начал бить в бубен, но забыл песню и сказал:

— Эх, забыл песню, как же мне спеть ее?

Тут начала петь сестра, оказалось, что она знала эту песню:

А-я-ни-ни, я-ни-я-на-а,
А-я-ни-ни, а-я-ни-я!

Тайкыгыргын сказал:

— Ага, так, так! Где моя танцующая сова?

Тут прилетела сова и села на макушку Тайкыгыргыну. Тайкыгыргын начал петь:

А-я-ни-ни, я-ни-я-на-а,
А-я-ни-ни, а-я-ни-я!

Когда он запел, сова крылья свои распустила да так принялась плечами играть-пожимать, любо смотреть было! А когда пение кончилось, она запрыгала с криками, показывая свой танец.

Старики закричали:

— Тайкыгыргын выиграл!

Гости оставили все привезенные вещи и уехали. Хорошо и богато стал жить Тайкыгыргын. Все. Конец.

95. Чудесные помощники

Так было. Жили муж и жена, и было у них много детей. Зимой человек постоянно в тундре охотился, а летом разъезжал по морю на маленьком каяке, но часто не мог убить ни одной нерпы. Только изредка в это лето добывал он зверя.

Наступила зима, и совсем перестал охотник добывать нерп. Мало осталось пищи дома, тогда он сказал жене:

— Сейчас я пойду за мясом к ближайшим оленеводам.

Женщина не возражала. И вот без собак, волоком мужчина потащил за собой нарту. Когда он пришел к кочевникам, хозяева приняли его хорошо, дали ему пищи, наварили свежей оленины. Покончив со сборами, он решил возвращаться домой. Но оленевод не пустил его и уговорил остаться еще на ночь. Вот легли все спать, только пришелец не может уснуть, думает о том, что дома его ждут голодные дети и жена. С большим трудом он смог заснуть.

Утром, когда все встали, на дворе разыгралась сильная пурга. И снова пришелец продневал у оленеводов.

А там, дома, ждали его. Наступила ночь, и в сених послышался стук. Женщина отозвалась, поняв, что это злой дух — тунгак. Она высунулась из полога и увидала в дверях присевшего тунгака.

Женщина пригласила его к столу.

Но тунгак сказал:

— Я пришел, чтобы съесть твоих ребятишек.

Дети спали и ничего не слышали.

Женщина сказала:

— Подожди немножко!

Женщина вышла в сени, вошла в кладовую за пологом, взяла там роговую палочку для вытряхивания снега из меха и обратилась к ней:

— Как ты думаешь, роговая палочка, что мне делать? Хотя снег глубоко внутри шерсти находится, а ты его полностью выколачиваешь.

После этого женщина вошла в полог. Тунгак только и думал, как бы съесть детей. Но вдруг услышал, как в сених запела роговая палочка, и ее песня была такая хорошая, что тунгак вскоре заснул. Роговая палочка пела, пока все свои песни не перепела. Когда же она перестала петь, тунгак тотчас проснулся и стал требовать у женщины детей на съедение.

Женщина сказала:

— Подожди немножко!

Выскочив в северные сени, вошла, взяла мясную вилку из оленьего рога, установила, обратившись к ней, сказала:

— Как ты думаешь, ведь как-то ты вынимаешь, что в кипятке находится? Помоги мне!

А тунгак требует детей. Немного погодя роговая вилка задела. Тунгак заснул. Во время пения женщина обжигала палочку. Когда обожгла, вилка кончила петь, тунгак проснулся. Проснулся и снова потребовал детей на съедение. Женщина сказала:

— Подожди немножко! Дам их тебе!

Высунулась она из полога, взяла лучину, установила ее и обратилась к ней:

— Лучинушка, что ты мне посоветуешь, чтобы помочь в моей беде? Ведь ты можешь сварить даже мерзлое мясо!

Лучинушка задела. И снова тунгак заснул крепко. Женщина вышла, скрутила из травы веревку и привязала тунгака крепко-накрепко к двери. Тем временем лучина кончила пение, и тунгак проснулся. Он хотел было повернуться, но не смог этого сделать. Тогда он обратился к женщине:

— Развяжи меня, не стану я больше приставать к тебе.

Женщина сказала:

— Не развяжу я тебя. Вот подожду своего мужа. Пусть он с тобой разделается.

Тунгак сказал:

— Сейчас я дам тебе что-то!

Женщина сказала:

— А ну, посмотрю!

Тунгак указал на деревянное блюдо и сказал:

— Если возьмешь эту вещь, что захочешь, то и будешь иметь.

Женщина сказала:

— Посмотрю, как это ты сделаешь.

Тунгак сказал:

— Только держи блюдо всегда вверх дном и делай вот так.

Затем, приподняв блюдо, тунгак обратился к нему:

— Блюдо мое, блюдо, хочу отведать оленины!

И тут блюдо потяжелело от оленины. Тунгак сказал:

— Так вот и будешь делать.

После этого женщина отпустила тунгака. «Наверное, этот тунгак обманул меня!» — подумала она. Взяла блюдо и обратилась к нему:

— Блюдо мое, блюдо, хочу видеть этого тунгака!

Потяжелело блюдо, тунгак явился на блюде перед женщиной и сказал ей:

— Не для того я дал тебе блюдо, чтобы ты меня же и ловила им.

Сказал и ушел. Женщина протянула блюдо в сторону моря и обратилась к нему:

— Эй, блюдо, хочу поесть нерпичьего мяса!

Потяжелело блюдо, и на нем появилось нерпичье мясо.

Еще раз повторила:

— Эй, блюдо мое, хочу поесть лахтака!

Потяжелело блюдо, и на нем появился лахтак.

Освежевала женщина добычу и сложила все в кладовую. С наступлением дня вернулся домой хозяин с нартой, наполненной оленьим мясом.

Вошел к жене и сказал:

— Помоги мне!

Женщина вышла и помогла ему снять мясо с нарты. Покончив с этим, она вошла в сени и принялась долбить мерзлое мясо. Хозяин спросил жену:

— Что ты там долбишь, ведь не было же у нас мяса?

Женщина ответила:

— Ладно, молчи только!

Затем она рассказала ему о том, как тунгак дал ей блюдо.

Мужчина сказал:

— Попытайся вызвать моржовый окорок!

Что же, женщина протянула блюдо в сторону моря и обратилась к нему:

— Эй, блюдо, хочу моржового окорока!

Потяжелело блюдо, и тяжестью был моржовый окорок. Муж снова сказал:

— Разве не любишь ты китового мяса?

Женщина подняла блюдо, протянула его в сторону моря и обратилась к нему:

— Эй, блюдо, хочу китового мяса!

Потяжелело блюдо, и тяжестью было китовое мясо.

После этого хорошо стали жить. Конец.

96. Девушка и тугныгак

Так, говорят, было. Жил человек с женой и дочерью. Дочь еще не замужняя. Мужей ей находят, но от всех отказывается. Однажды сильного мужчину в мужья ей нашли, и снова отказалась она. Тут отец дочери сказал:

— Что за мужа ты хочешь? Наверное, черта в мужья себе хочешь. Мне вот уже совестно за тебя перед людьми стало.

Девушка в тундру ушла разобиженная. Там опечаленная сидела на камне. Когда так вот в печали сидела, рядом из-под земли черт голову высунул и сказал:

— Это я позвал тебя, хочу в жены взять!

Девушка ответила:

— Что же, если ты меня возьмешь, полюблю за это!

Черт за девушкой следить стал. Девушка, поднявшись, пошла домой. Черт следом за ней идет, одна голова из земли торчит. По пути уже туловище свое до половины высунул. Идут вдвоем. Вот уже до ступней вышел, весь вышел. Этот черт на человека похож, только уши собачьи. Вскоре пришли в ярангу девушки. Пришедшего отец девушки приветствовал, затем жене своей сказал:

— Накорми его мясом наилучшим!

И вот жена хозяина подала черту на новом корыте кишок моржовых с начинкой. Когда черт насыщаться стал, отец, приблизившись, дочери сказал:

— Этого черта мужем хочешь иметь?

Девушка ответила:

— Нет, уши собачьи у него!

Тогда отец снова сказал:

— Пока ест, выйдем на улицу, отправлю я тебя в слезную ярангу, там силач мудрый живет.

И вот, когда вышли, отец девушку на нарту посадил, нарту сзади подтолкнул. Нарта сама, без собак, быстро помчалась вперед. Вот и слезное жилище мудрого силача. Жилище из слез сделано, светлое, вокруг острые иглы торчат. Когда девушка приблизилась, дверь сама открылась, и нарта вошла вместе с девушкой внутрь слезного жилища. Когда въехали, дверь тотчас сама снова закрылась.

Девушка сидела удивленная. Сидит, слышит звуки какие-то и говор:

— Ук, ук, ук, ук, разве приказывал я этому жилищу проезжих впускать!

Подошел, вошел, девушку увидев, спросил:

— Кто ты и откуда явилась сюда?

Это хозяин слезного жилища был. Девушка ответила ему:

— Отец мой направил меня сюда, чтобы черт меня в жены не взял.

Хозяин молча приготовил гарпун. Приготовившись, ждал.

Черт в это время к жилищу приблизился. Подошел, об иглы укололся, отскочил, закричал:

— Девушка, эй, я взял уже тебя, выходи сюда!

Девушка молчала. Черт звал, добивался. Хозяин взял гарпун и подошел к двери. Дверь сама открылась. Вышел, в пасть черта гарпун вонзил. Черт, извиваясь, в землю, как в воду, нырнул. Девушка вернулась домой и отцу сказала:

— Теперь за человека замуж выйду.

Действительно, вскоре отец мужа нашел ей. Конец.

97. Килгаракский шаман

Давно, говорят, было. У оленевода был один сын. Однажды оленевод поехал в Асюнок лечить больного. И правда, вылечил асюнского больного. За это дали ему оленя. После Асюнка он поехал в Нунлыгран и там вылечил больного. За это снова получил оленя. Из Нунлыграна он поехал в Такывак, где вылечил третьего больного, и снова ему заплатили оленем. Потом этот лечащий человек побывал в селениях Раткынык, Тупак, Ку-

римук и в каждом из них излечивал больных, за что ему платили оленями.

А после отъезда из Килгарака этого человека заболел его сын. Когда отец находился далеко на западной стороне и лечил чужих людей шаманством, его сын страдал от тяжкой болезни. Хотя мать очень заботилась о сыне, болезнь его не проходила. Тем временем отец его уже в селение Маскын прибыл и там вылечил больного, не зная о болезни сына. Из Маскына он поехал в Канаргын и там шаманством вылечил больного. В это время сын его умер. Мать уложила умершего сына за стеной полога. А отец ездит по дальним селениям и лечит больных людей, не ведая о том, что сын скончался. Между тем время шло, и тело сына вадилось, стало легким. Наконец отец возвратился. В Талькапыке одними оленями заплатили ему за исцеление больных. Ему дали столько оленей, сколько селений он объехал.

Мать сделала из моржовой шкуры вместилище и уложила в него останки умершего сына, чтобы отец мог его видеть. И когда отец приехал, то увидел, что тело сына совсем разложилось. Тут отец испугался и застонал от горя:

— Ох-ох, беда, беда! Я и не подозревал, что умер мой единственный сын! Однако же я буду отпевать его!

И вот начал этот человек петь. Тот, кто много людей излечил своим шаманством, тот — килгарацкий человек. Он камлал, камлал, взлетел в небо, исчезал под землей, но не мог найти живого сына. А тем временем вместилище из моржовой шкуры, где лежал умерший сын, стало протекать. Шаман подумал и сказал жене:

— Ох, уж не послать ли мне моих племянников туда, к границе неба? Там, говорят, живет шаман Пупихтукак — чесоточный. Пусть они его позовут.

Жена ответила:

— Хорошо! Попробуй тех двоих послать!

И вот племянников своих вызвал и сказал им:

— А ну, пошлю я вас туда, за пределы видимого. Там, на границе неба, живет шаман Пупихтукак. Позовите его сюда. Ведь ваш двоюродный брат, который должен был быть моим посланцем, скоро с вместилищем вместе развалится. Если вам дорог братец, постарайтесь отыскать того человека, исцеляющего шаманством людей.

И ответили племянники дяде:

— Хорошо, мы попытаемся это сделать, только нам требуется еда в дорогу.

Дядя согласился с ними:

— Конечно, дорожные припасы вы получите в достатке.

И вот шесть нарт дорожными припасами нагрузили. В каждую нарту впрягли оленя-тягача. С наступлением осени юноши снарядились и отправились в дальний путь. Когда они уехали, человек тот жене сказал:

— А ты для того еще вместилище поверх сделай, ведь первое уже сгнило.

Двое юношей тем временем в даль неизвестную едут.

А родители обернули умершего сына новой покрывкой, сделали вместилище двойным.

Те двое юношей продолжают свой путь. Груз дорожных припасов с первой нарты весь уже поели, а оленя-тягача тоже прикончили и съели. Едут дальше. Вот уже и со второй нарты припасы стали есть. Вскоре съели. Прикончили второго оленя-тягача и его съели. Осталось у них четыре нарты из шести. Тут младший брат сказал старшему:

— Дядя наш, посылая вдаль, так, наверное, подумал: «Ах, какая досада, вот эти мои племянники остались живыми, а наше родное дитя умерло. Пусть и они уж умерли бы, зачем они нам». Вот так он подумал и отослал нас.

Старший брат ответил младшему:

— Нет уж, я непременно поеду дальше и приложу к этому все старания. Я хочу обратиться к тому шаману с просьбой без всякой боязни. Если ты думаешь только о том, что у нас скоро кончатся дорожные припасы, то лучше возвращайся домой.

Но младший все же последовал за старшим. После этого вскоре съели припасы и с третьей нарты. Затем убили оленя-тягача и тоже съели.

Между тем наступила уж середина зимы, и вместилище умершего снова протекло. Родители поверх натянули третье вместилище, как и прежде, сделанное из моржовой шкуры.

А те юноши уж с четвертой нарты припасы съели вместе с оленем-тягачом. Младший брат снова сказал:

— Ой-ой, пожалуй, я вернусь домой. Ведь наш дядя послал нас в неведомую даль для того, чтобы мы умерли в пути. Как же так, он вылечивал шаманством больных во всех селениях, а своего сына не может оживить.

Старший брат ответил снова ему:

— Ну так что же, ведь говорил же я тебе, чтобы возвращался. А я хоть и погибну, но постараюсь достигнуть цели. Ты же, пока наши дорожные припасы еще не все кончились, возвращайся домой.

Но младший снова последовал за старшим. Со следующей нарты груз стали есть. В эту пору и лето наступило. Все дальше едут они. Вот и с этой нарты припасы кончили есть, а затем убили оленя-тягача. Теперь уж только одна нарта с припасами осталась. Младший брат стал сильно грустить и даже плакать. Старший спросил:

— Почему ты плачешь?

Младший ответил:

— Да потому, что наши мясные припасы скоро кончатся и мы можем умереть с голоду. Вот из-за этого и плачу.

Старший брат сказал:

— Не умрешь ты, перестань плакать!

Младший спросил:

— Да где же тот, к которому мы так долго едем?

Старший брат ответил:

— Не падай духом, скоро приедем!

И снова ехали. Вот уж с последней парты припасы начали есть. Младший брат боялся дальнейшего пути и продолжал плакать. Старший сказал:

— Не плачь! С этой парты припасы только ты будешь есть.

Но младший брат возразил:

— Нет, так нельзя, иначе ты умрешь от голода.

Старший брат улыбнулся и сказал:

— Ну хорошо, я тоже буду есть.

И снова они едут вперед. Вот и припасы с последней парты кончились. Убили они последнего оленя-тягача и стали им питаться. И вдруг впереди показалась маленькая ярауга. Направились к ней юноши. Когда подошли, навстречу им вышел человек и сказал:

— Ого, что за люди вы?

Ответили:

— Да вот килгаракский послал нас. Сам он шаман небесных границ. «А ну, — сказал он, — позовите мне Пунихтукака».

Человек сказал им:

— Да как же так, а я, наоборот, надеюсь на него, что он всех вылечивает. Ведь это он же больных по всем селениям излечил. Ну, ешьте, а я пойду погляжу.

И когда они отдыхали у того человека, младший брат сильно грустил, беспокоясь об обратном пути. Когда юноши кончили угощаться, Пунихтукак сказал своей жене:

— А ну, подай мне бубен! Пойду погляжу, что там.

Жена подала ему бубен. Пунихтукак начал неть-шаманить. Когда перестал, сказал жене:

— Ага, чую, там, позади, есть кто-то. — Затем к гостям своим обратился:

— А ну, давайте выйдем!

Пунихтукак взял свой лучок от бубна и вышел вместе с юношами. Когда вышли, он сказал им:

— Теперь ухватитесь за мой пояс и зажмурьтесь!

Ухватились юноши за пояс шамана и зажмурились. Он спросил их:

— Ну, как вы?

Ответили:

— Ухватились за твой пояс.

Пунихтукак сильно зашипел. Поднялся шум. Вдруг остановились они. Сказал им шаман:

— Мы, верно, уже прибыли.

Старший брат сказал младшему:

— А ну, посмотрю я!

Младший брат испугался, сказал:

— Подожди!

Но старший все же решился:

— Эх, будь что будет, а я посмотрю.

Тем временем изнутри хозяин жилища спросил:

— А где же мои посыльные?

Пупихтукак ответил:

— Они тоже тут.

Юноши услышали этот разговор. Старший брат осмотрелся вокруг. Пупихтукак повесил свою кухлянку на ободок яранги и вошел в жилище. А юноши на его кухлянке, оказывается, находятся. Старший брат младшему сказал:

— Ну, вот мы и прибыли в Килгарак.

Младший брат тоже открыл глаза и увидел, что он дома. Они выпустили из рук пояс Пупихтукака, за который держались во время полета, и вошла в ярангу. Килгаракский шаман сказал:

— Теперь будем есть!

Но Пупихтукак возразил ему:

— Разве для еды ты позвал меня? Нет, подожди! Сначала пошаманю я.

И вот Пупихтукак начал шаманить. Сначала он взлетел на небо, но там не нашел умершего. Спустился на землю. Вышел, застал:

— Охо-хо-хо, не могу я найти его!

Килгаракский сказал:

— Я тоже нигде не мог найти его!

Пупихтукак ответил:

— А ну, поищу-ка я еще его!

Он снова начал петь-шаманить. Двинулся в сторону дня. И там, внизу, у дня увидел юношу. Оказывается, тот сидит в большом тазу, а вокруг таза пылает костер. Юноша тот посреди огня в раскаленном тазу сидит, весь согнувшись. Пупихтукак говорит ему:

— Ага, ты здесь, оказывается!

Юноша отвечает:

— Да, но ты пока уйди, а то скоро придет мой старшина и увидит тебя здесь.

И Пупихтукак вышел, спустившись от дня в Килгарак, на то место, где поют. Войдя в жилище, сказал:

— Ага, вот я и нашел юношу. Он там страшные муки терпит.

На следующий день спозаранку Пупихтукак снова начал петь-шаманить. А затем в одиночку он отправился ко дню. Прибыл. Юноша, оказывается, у дня.

— Вот теперь сделай со мною чудо! — сказал юноша.

Пупихтукак вынес его, положил себе на спину и понес. В пути его стал нагонять орел и кричал:

— Ах ты, этакий! Берегись же, парень, как настигну, не пощаду тебя!

Пупихтукак обратился к юноше:

— Юноша, теперь ты сам стал тугныгаком, так сделай что-нибудь, дабы убежать нам от орла.

Юноша ответил:

— Вот у меня есть бусина.

Пупихтукак сказал:

— Положи-ка ее на землю!

Юноша положил бусину на землю, и она вдруг превратилась в большую трубу, и беглецы укрылись в ней. Орел потерял их. Затем они пошли дальше, оставив орла позади. Но вот он снова появился над ними и закричал:

— Ах ты, негодный! Не уйдешь, все равно тебя одолею!

Пупихтукак сказал юноше:

— Ну, сделай же что-нибудь еще!

Юноша провел по земле черту своим мизинцем, и появилась большая река. Он позвал отца тугныгака Пакфаля. Река замерзла. И когда они шли вдоль реки, орел снова приблизился к ним. И когда он сел на реку, его тотчас приморозило. Беглецы оставили орла позади себя.

Они были уже совсем близко от дома, как снова появился орел и прокричал сквозь зубы:

— Ну же, негодный парень, теперь-то уж я тебя схвачу!

Пупихтукак сказал:

— Парень, сделай что-нибудь!

Юноша ответил:

— Все, что было у меня, кончилось!

И Пупихтукак позвал солнце. Солнце без промедления спустилось. Орел подлетел к солнцу и страшно оскорбил его чем-то. Солнце даже заплакало и скрылось. Орел юноше сказал:

— Ну вот, хотя ты и позвал на помощь себе всех, кого мог, все равно съем я тебя!

Тут Пупихтукак своего духа-тугныгака птицу Нанкуалык позвал. И вот с криком впереди появилась птица Нанкуалык. Подлетела она к орлу и клюнула его под горло. Исчезла в орле и в проход под хвостом с криком вылетела. Орлище упал за смертью. Затем путники пошли дальше и наконец прибыли. Пупихтукак снял заплечную торбу с ношей (там сидел юноша) и начал ее есть. Проглотил принесенного им юношу вместе с торбой и вошел в дом.

— Ой, ой, скорее зажгите свет! — закричал он.

Зажгли свет. Пупихтукак сказал:

— А ну, где тот умерший, подайте его сюда!

Ему подали торбу с останками. Пупихтукак проглотил содержимое торбы вместе с костями. Хозяевам сказал:

— Вот так надо есть! Теперь дайте мне что-нибудь закусить!

Подали ему мяса. Пупихтукак сказал им:

— Что-то горло мое чешется, надо откашляться.

Высунулся он из полога, откашлялся и выплюнул в восточную сторону. Затем влез снова в полог и сказал:

— Эй, где ты, войди! Мы собираемся есть!

В полог вошел улыбающийся юноша. Это был сын килгаракского шамана. Он был мертв и почти истлел, но его оживил шаман Пупихтукак. Они поели, и Пупихтукак стал поучать оживленного им юношу:

— Орел тот имеет еще свое тело, поэтому, когда будешь пасти оленей, будь осторожен. Если же увидишь орла, то не зови на помощь солнце, а покличь птицу Нанкуалык, и она убьет орла. Вот так сказал я тебе, а теперь поспешу домой. А ну, погасите для меня светильники.

И светильники погасили. Пупихтукак начал петь в темноте, затем замолчал, спгнув под землю. Когда зажгли светильники, его уже не было.

После всего этого юноша стал ходить к оленям. И однажды вправду появился орел. Юноша тотчас птицу Нанкуалык позвал. Она появилась и с криком полетела навстречу орлу. Она пронзила его своим клювом под горлом, влетела в орла и вылетела в проход под его хвостом. Орел упал замертво. И тот юноша стал жить без страха. Только это. Тьфу.

98. Укивакцы

Так, говорят, было. Жили в Укиваке муж с женой бездетные. Муж жестоким человеком был, постоянно истязал жену. Об этом знали все жители Укивака, но никто не мог помочь женщине.

Однажды женщина во время охоты мужа вышла из землянки за снегом для воды, набрала в ведра снега и вернулась домой. Снег был мокрый, и женщина сильно промочила подошвы. Войдя, нарезала куски мяса, положила их в кастрюлю с водой и повесила над жирником. После этого зажгла боковые жирники и стала ждать мужа. Через некоторое время муж с добычей с охоты вернулся и сказал:

— Возьми нерпу!

Женщина внесла нерпу. Охотник снова сказал:

— Теперь вытри досуха мои подошвы.

Женщина торопливо исполняла все приказания мужа, который снимал верхнюю одежду у среднего жирника. Она развесила для просушки всю одежду охотника и стала кормить его. Когда он поел, начал ощупывать подошвы, у камыков своей жены. Подошвы камыков жены оказались сырыми, тогда муж сказал:

— Почему камыки твои сырые? Наверное, куда-нибудь ходишь ты, когда меня нет дома.

Женщина кротко ответила:

— Нет, не хожу. Только за снегом для воды выходила я, вот поэтому подошвы у моих камыков отсырели.

Не поверил муж и снова побил жену.

На следующий день этот человек отправился охотиться за дикими оленями. Жена его не могла забыть обиды и задумала покинуть жилище мужа. Она оделась и отправилась в сторону моря. Идя к морю, женщина думала: «Лучше в море умереть, чем терпеть такую жизнь». Идет, идет она к морю, а как оглянется назад, Укивак все еще близко. Наконец она побежала. Долго бежала, даже вспотела и сильно устала, а когда посмотрела вперед — к берегу не приблизилась, посмотрела назад — от Укивака недалеко ушла. Присела она отдохнуть, а тут и ночь пришла. Осмотрелась она вокруг и поняла, что не сдвинулась с места, не пришла к морю, затем подумала: «Наверное, Киягнык не пускает меня умереть в море, а на суше велит умереть». Подумала так женщина, пошла к горе Укивак и стала подниматься на ее вершину. Поднявшись, увидела на вершине огромный плоский камень. Села женщина на этот камень и заплакала, разрывая ногой снег до земли. Вспомнила она все обиды, причиненные ей мужем. Когда она плакала, каменная плита вдруг вперед пододвинулась и остановилась. Женщина тотчас перестала плакать и оглянулась назад. Позади увидела небольшую дыру и продвинулась к ней.

Стала она всматриваться в эту дыру, но кругом темно, ничего не видно. Женщина подумала: «Вот здесь, наверное, умереть мне суждено. Прыгну в эту дыру!» Прыгнула в дыру, на китовый позвонок угодила. Подумала, что это землянка. Встала и пошла в западную сторону, вытянув вперед руки. Но руки не нащупывали стены. Может быть, это не землянка, а другая большая земля», — подумала она. Пошла ощупью дальше, впереди светлое пятнышко заметила. К этому светлomu пятнышку пошла. Светлое пятнышко стало все увеличиваться. Наконец кругом светло стало, а вместо пятнышка появилась большая яранга. Войдя в сени, женщина кашлянула. Из полога высунулась голова молодого мужчины. Мужчина спросил:

— Что ты за женщина?

Женщина ответила:

— Укивакская я.

Мужчина снова спросил:

— А ты не тунгак?

Женщина сказала:

— Нет, я не тунгак, а обыкновенный человек. А вот ты, пожалуй, тунгак.

Человек ответил:

— Нет, я не тунгак, а тоже обыкновенный человек. А зачем ты пришла сюда?

Женщина ответила:

— Муж постоянно истязал меня, поэтому решила я умереть. Но море отказалось от меня, а когда я хотела умереть на земле и прыгнула в дыру под каменной плитой на вершине

Укивака, то попала сюда. Теперь вот ищу для себя хозяина.

Человек сказал:

— Вот спасибо тебе! Будешь мсей женой. Входи в полог!

Женщина вошла. Человек сказал:

— Раздевайся! Нарезь мяса, будем есть.

Женщина разделась, нарезала мяса на деревянном блюде и подала его человеку. Стали есть вдвоем. После еды хозяин сказал:

— А теперь расстели постель!

Женщина расстелила постель, и они легли спать. Утром, когда проснулись, человек сказал женщине:

— Сейчас я поеду на каяке охотиться на кита. Добуду кита и вернусь скоро.

После этого человек вышел в сени, снял с вешал каяк и здесь же сел в него. Затем взял копьё и бросил его в стену натыка. Стена затрещала, в ней образовалась щель. В щель хлынула вода, каяк всплыл, и человек отчалил, наружу выплыл. Трещина в стене тотчас соединилась, в натыке воды не стало.

Женщина, пока мужа не было, стала шить камыки. К полудню шитьё закончила и стала готовить еду. Вдруг за стеною что-то затрещало, образовалась щель, вода вошла в сени, вместе с нею на каяке въехал муж и за собою на ремне приволок кита. Трещина закрылась, воды не стало. Человек стал свежевать кита. Теперь было много мяса, много жира. Так и стали жить вдвоем.

Женщина вскоре родила сына. Человек в тундре много диких оленей добывал, а в море — морских зверей: нерп, лахтаков, моржей, китов.

На следующий год родила женщина дочку. Теперь детей двое было. Однажды муж сказал жене:

— Подойди ко мне и послушай, что говорят твои родные.

Женщина к мужу подошла, прислушалась, но ничего не услышала.

Человек сказал:

— Слышишь ли что-нибудь?

Женщина сказала:

— Нет, ничего не слышу!

Человек взял жену за уши и продул их, сказав:

— Приложи уши к стене и слушай!

Приложила женщина уши к стене и услышала, как родные ее песни поют танцевальные. Женщина начала плакать. Плача, она подумала: «Нет, не пойду я в свое селение, убьет теперь старый муж меня!» Муж спросил:

— Не скучно ли тебе здесь без родных?

Ответила:

— Конечно, скучно, но что же я поделаю, ведь нельзя туда вернуться мне. Дороги для меня стали неведомыми.

Человек сказал:

— А ну, сделай два маленьких мешочка величиною с большой палец.

Женщина сделала два мешочка величиною с большой палец и подала их мужу. Муж наполнил эти мешочки шерстью от шкур разных зверей и сказал:

— Теперь заплети жильную веревочку.

Женщина жильную веревочку скрутила, мужу подала. Муж этой веревочкой мешочки крепко завязал. Затем женщину с девочкой стал привязывать к концу длинного ремня. Привязав, сказал:

— Здесь посреди сеней я тебя спущу, а следом за тобой пойдет яранга со всем необходимым.

После этого человек приподнял посреди сеней тяжелую плиту и сдвинул ее в сторону. Появилась большая дыра, а через дыру свет кругом виден.

Мужчина сказал:

— Давай поедем хорошенько вместе, ведь ты уйдешь теперь от меня.

Во время еды мужчина сказал:

— Эта девочка твоей помощницей будет, а мальчик — моим помощником.

После еды тот человек спустил жену и дочку на землю. Пока они спускались, два маленьких мешочка с шерстью от зверей большими стали. Рядом с опустившимися яранга встала. Женщина вошла в ярангу, взяла два таза, один наполнила китовой кожей, другой — оленьей. Затем дочери своей сказала:

— Жди меня здесь, а я пойду погляжу, как тут мой муж живет.

Дочь согласилась, и женщина пошла к мужу.

Когда женщина вошла в землянку своего мужа, там, оказывается, справляли праздник. Было много людей, били в бубен, пели песни и танцевали. Женщина просунулась в полог. Тотчас все умолкло. Женщина посмотрела кругом и увидела своего мужа. Он лежал на нарах, а по бокам у него две женщины, две молодые жены. Женщина подошла к мужу и подала ему наполненное оленьей блюдо:

— Возьми вот и отведай этого!

Муж взял у нее блюдо и съел один кусочек оленины, затем обратно таз отдал. Оказывается, не узнал он своей первой жены.

Жена его блюдо обратно приняла и стала гостей угощать. Всем хватило по одному куску. После этого взяла она блюдо с кусками мантака и снова мужу поднесла:

— Вот из этого блюда отведай!

Взял муж кусок мантака и съел его. Остальное жена гостям стала раздавать. После этого вышла с пустыми блюдами и отправилась в свою ярангу.

Как только женщина вышла, муж ее сказал всем, кто был в землянке:

— Слушайте, эта женщина, наверное, моя потерявшаяся жена.

Затем он сказал своим молодым женам:

— Одевайтесь и уходите к своим родителям.

Молодые женщины быстро из его землянки ушли. Человек слез с нар, оделся и вышел наружу. Впереди увидел большую ярангу и побежал туда. Когда вошел, жена его очень обрадовалась и спросила:

— Что за девушки лежали на нарах рядом с тобой?

Человек ответил:

— Это были две мои молодые жены. А откуда же ты прибыла сюда?

Женщина ответила:

— Завтра скажу!

Человек замолчал, задумался. Жена взяла блюдо и стала угощать мужа. После еды жена расстелила постели из новых оленьих шкур, и они улеглись вместе спать. Утром жена сказала:

— А теперь одевайся, и я расскажу тебе обо всем.

Человек оделся и вместе с женой вышел из яранги. Вышли они, поднялись на гору Укивак. Там женщина показала человеку большую каменную плиту. Около плиты лежали две груды мехов. Здесь были лучшие оленьи шкуры, а также шкуры лисиц, песцов, медведей и других зверей. Женщина сказала:

— Все это возьми и перенеси в ярангу. Вот об этом я тебе и хотела сказать.

Мужчина с утра и до ночи носил меха, да так всего и не переносил.

Женщина сказала:

— На сегодня хватит. Завтра закончишь носить и всем односельчанам раздашь: каждому по пять шкурок пушных зверей и по одной оленьей шкуре.

Действительно, на следующий день все меха и оленьи шкуры односельчанам раздал, как жена велела. После этого стал добрым и никогда не обижал своей жены. Хорошо они жили, и человек постоянно множество диких оленей и морских зверей добывал. Все.

99. Женщина — жена кита

Девушки и юноши играли в жены и мужья. Одной девушке в игре не досталось мужа. Одна, без мужа осталась. У нее было восемь братьев. Вместо мужа она взяла старый череп кита. Залезла на этот череп, и ее нога застряла в нем. Затем сказала:

— Кит этот крепко схватил меня!

А череп вместе с девушкой покатился к берегу и вошел в воду. Он отправился прямо в жилище китов.

Только назавтра, проснувшись, юноши и девушки рассказали ее братьям о случившемся. Братья быстро соорудили байдару и

последовали в море вслед за улетающими птицами. Но птицы вскоре оставили байдару и скрылись. Причалили братья к берегу, разобрали байдару и снова обтянули ее свежей шкурой. Когда птицы вернулись, братья опять отчалили и поплыли по пути птиц. Однако и во второй раз птицы покинули их. Восемь мужчин — восемь братьев. Один из них — сторожевой, который не спит по ночам и охраняет покой остальных. Снова братья причалили к берегу, разобрали байдару и обтянули ее на этот раз шкурой белухи. Птицы каменушки пролетали мимо, а братья отправились на байдаре в ту сторону, куда летели птицы. Этих каменушек, самых быстрых птиц, байдара начала обгонять. Вот подплыли братья к огромной скале. Птицы эти в ущелье между скалами полетели. Братья стали смотреть на влетающих в ущелье птиц и увидели, как стены скал покрылись кровью птиц, которых скалы кусали своими остриями. Байдара двинулась между скал. От каменных укусов у байдары поломались даже верхние брусья на корме. Когда байдара проскочила между скалами перед братьями оказалось жилище китов. Китов было такое множество, что весь берег был сплошь покрыт их тушами, а кроме того, здесь всюду валялись куски мантака, которым питалась похищенная духом кита девушка, сестра братьев. Когда они заметили сестру, она стояла на берегу и наблюдала за их приближением. Сестра сильно рассердилась на братьев. Как они смели приехать сюда, ведь могут потерять жизнь!

Братья причалили и пошли к жилищу. Когда вошли в жилище, увидели там глубокого старика. Он лежал на спине у задней стены землянки. Увидел старик гостей и решил с ними посостязаться в силе и ловкости. Он велел принести ему китовую лопатку и большой камень. Женщина эта быстро вырыла яму под изголовьем и стала учить своих братьев:

— Когда в землянке потушат свет, вы тотчас влезьте вот в эту яму.

И правда, когда свет потушили, братья влезли в яму, вырытую сестрой. И в это время китовая лопатка закружилась, с грохотом ударяясь о стены жилища. Затем старик перестал вращать лопатку и сказал женщине:

— Ах, наверно их кровью испачкались наши постели!

Он приказал зажечь светильники. Женщина, мешкая, стала зажигать свет. В это время братья вылезли из укрытия и просунули головы в полог. Старик сказал:

— Ох же, какие живучие! Вот почему они не побоялись прибыть сюда.

Затем старик стал настойчиво просить гостей спеть под бубен. Они отказались было, но сестра им сказала:

— Ну, побейте хотя бы в бубен, без пения.

Старший брат стал бить в бубен. Один из братьев был в кухлянке из шкур чайки-маевки, у второго одежда была из шкуры пестрой нерпы, у третьего — из шкур нерпы-крылатки. Пока

старший брат бил в бубен, сестра попросила у одного из братьев одежду из шкуры нерпы-крылатки, разрежала ее на мелкие куски, подошла к дверям землянки и выбросила обрезки через порог на улицу. И что же? Каждый кусок одежды превратился в живую нерпу-крылатку! Затем у другого брата она попросила кухлянку из шкурок чайки-маевки и стала выщипывать из нее перья и раздувать их по воздуху. Перья разлетелись, превращаясь в чаек. Вот чайки влетели в землянку старика и начали клевать его со всех сторон. Страшно перепугался старик. И пока чайки нападали на старика, братья забрали сестру и убежали. Женцина сказала:

— Наверное, мой муж погонится за нами.

Когда на их пути выныривали киты, говорили ей:

— За нами гонятся!

— Нет, не те это. Если появится муж, то только один раз выпустит фонтан.

Дальше стали убежать они. Но вот один кит погнался за ними. Когда совсем уже стал приближаться к ним, мужчины сняли с женщины кухлянку и бросили киту. Пока кит возился с кухлянкой, братья с сестрой побежали дальше. Но остановленный ими кит снова стал настигать их. На этот раз ему бросили горбаса женщины. Кит снова задержался. Вот уж их берег впереди стало видно, а кит-опять приблизился к ним. Тогда бросили ему амулетный нашийный ремешок. Пока он возился с амулетным ремешком, снова удалились от него беглецы. Но кит вновь настиг их, тогда женщина сняла свой комбинезон и бросила мужу-киту. Кит немного задержался и стал опять догонять их. И когда они совсем уже приближались к берегу, кит еще быстрее погнался за ними. И как только приблизились к прибойной волне около берега, кит оказался совсем рядом. Тогда женщина сняла с себя набедренник и бросила преследователю. Кит долго забавлялся этой одежкой женщины, и, когда братья с сестрой причалили к берегу и вышли на сушу, было уже поздно. Они пошли в селение. Кит же целый день находился около берега и беспрестанно терся головой о прибрежные камни. Он ужасно тосковал о своей жене. Жена его наблюдала за ним с косы. Затем кит уплыл в море. А женщина, оказывается, забеременела. Однажды этот кит снова появился около селения, поплавал у берега и ушел в морскую даль. Женцина сказала:

— Он потерял всякую надежду забрать меня. Теперь уж не вернется.

И через некоторое время женщина родила китеныша. Она налила в ведро воды и держала в нем детеныша. Детеныш-кит рос в ведре и пускал фонтаны. Затем ему сделали очень большой таз и установили в сенях землянки. Китеныш резвился и забавлял детей. Вскоре он подрос еще больше, и его поместили в озеро. Когда ему хотелось сосать материнскую грудь, он подплывал к берегу и мать кормила его. Но вот через пролив из озера

он начал выходить в море. Возвращался он со своими сверстниками-китами. Приведенных им китов с его позволения односельчане убивали. Чтобы не спутать своего китеныша с другими, охотники пришили к его носу метку. Но однажды он приблизился к другому селению, и чужие охотники убили его. Односельчане не могли дождаться его и стали расспрашивать соседей о своем помощнике. Им сказали, что где-то в дальнем селении убили кита с меткой на носу. Поехали туда посмотреть. Мать увидела убитого детеныша своего и стала горько плакать над его костями. От слез кости кита очистились. Метку с носа кита убившие охотники привязали на самый верх жилища, на брус-конек. Но мать отняла у них эту метку. Все.

100. Нагруасек

У Нагруасека было два брата. Нагруасек старшим был. Чтобы ловкими и сильными стали дети, отец постоянно заставлял их бегать с тяжелыми камнями вокруг землянки. Однажды во время упражнений отец нечаянно поранил плечо Нагруасеку. Мать увидела рану, принесла младенческую пеленку сына и вытерла ею место ранения¹. Рана тотчас зажила. Каждый день бегали и прыгали братья с тяжелыми камнями вокруг своей землянки, а затем падали от усталости на землю. Мать приносила постели и стлала их сыновьям прямо на землю. Наконец выросли юноши сильными и храбрыми.

Сшила мать старшему сыну Нагруасеку новые штаны из камусов. Стал Нагруасек еще быстрее бегать и множество морских зверей добывать. Каждый из братьев охотился в одиночку и приносил домой морскую добычу.

Дальше всех от Иналика уходил Нагруасек. Далеко от берега добывал он нерп, лахтаков и белых медведей. Однажды Нагруасек гнался по льду за большим белым медведем. Когда медведь убежал, он обронил свое ухо. Увидев это, Нагруасек перестал преследовать зверя и побежал к оброненному уху. Но оказалось, что белый медведь не ухо — детеныша своего обронил. Взял Нагруасек медвежонка, положил его в заплечный мешок и отправился домой. Медвежонок совсем маленький был. Внес его Нагруасек в землянку и сказал жене:

— Вот принес я живого детеныша белого медведя. Будем воспитывать его. Пусть нашим помощником будет.

Молодая женщина грудью своей стала кормить медвежонка. Быстро рос медвежонок, и вот женщина стала выпускать его из землянки на улицу. Когда выходил на улицу медведь, иналикские дети играли с ним. Медведь старался делать все так, как люди. Катаются дети с горы, и он катается. Если ударят дети медведя во время игры, бьет лапой, а дети от этого то смеются, то плачут.

И вот, когда медведь совсем вырос, Нагруасек стал брать его с собою на охоту. Добудет нерпу и дает медведю нести ее домой. Несет помощник добычу, а Нагруасек позади идет. Еще больше лахтаков и нерп Нагруасек с медведем добывать стали. Так они и жили. Стал Нагруасек отпускать белого медведя на охоту. Оба расходились в разные стороны, и каждый сам охотился.

Однажды белый медведь не вернулся с охоты. Утром ушел он в сторону Имаклик, а Нагруасек — в другую сторону. И вот теперь воспитанника не было. Много дней разыскивал Нагруасек своего воспитанника, да так и не нашел. Наступила весна, и из пролива унесло льды. Как-то к Нагруасеку на каяке имакликский гость заехал. Во время еды хозяин спросил гостя:

— Не убивали ли на вашей стороне белого медведя с желтой меткой на правом ухе?

Гость ответил:

— Имакликцы перед наступлением весны убили белого медведя с желтой меткой на правом ухе. Не просто убили они этого медведя, а знали, что он твой воспитанник.

Нагруасек ответил:

— Хорошо. Сегодня здесь переночуй, а завтра домой отправишься.

С наступлением зимы Нагруасек сказал своим родителям, что пойдет в гости к сестре в Имаклик. И вот однажды действительно ушел. Пришел в Имаклик, к сестре зашел. Приготовила сестра еды и накормила Нагруасека. После этого сказал ей:

— Теперь я пойду охотиться.

Затем мужа сестры спросил:

— Рано ли ты выходишь на охоту?

Тот ответил:

— Выхожу на рассвете. Но ты наш гость, и тебе не надо ходить на охоту. Подожди, когда я вернусь. Если нерпу добуду, возьмешь ее.

Нагруасек сказал:

— Нет, я сам пойду на охоту. А ты пойдешь на рассвете.

Выйдя из землянки, Нагруасек пошел в сторону Пуврека и там спрятался. Решил он отомстить имакликцам за своего воспитанника — белого медведя. Вот мимо молодые охотники прошли, а за ними — старики. Когда все прошли, Нагруасек стал догонять их. Догонял и каждого позади идущего убивал. А передние ничего не слышали, так один за другим и шли. Нагруасек всех имакликцев по одному перебил. После этого на Иналик ушел. Пришел, о совершенной мести только родителям рассказал, но ни один житель Иналика не знал об этом.

А тем временем зять Нагруасека, который последним ушел на охоту, увидел убитых людей и вернулся рассказать об этом имакликцам, чтобы убрали своих родственников.

С наступлением лета Нагруасек часто выезжал на охоту. Охотясь, нерп добывал, лахтаков добывал, белых медведей добы-

вал. Но и лето прошло, зима началась. С наступлением зимы в Иналике появился чужой человек. Нагруасеку об этом сказали. Вместе с другими односельчанами Нагруасек на улицу вышел, человека спросил:

— Что там имакликцы делают?

Гость ответил:

— Да только и делают, что про запас ловят навагу. Много наваги добывают.

Нагруасек спросил:

— Когда ты возвращаешься?

Гость сказал:

— Завтра утром.

Нагруасек пришел домой и внес в землянку свои удочки.

Отец спросил его:

— Что собираешься делать?

Нагруасек ответил:

— Поправлю удочки. Там вон, на имакликском мысу, множество наваги ловят. Я тоже пойду туда.

Отец сказал:

— Не ходи туда. Чужие люди плохими бывают, могут убить тебя!

Нагруасек ответил:

— Но ведь, чтобы прокормиться, нам навага нужна. Половлю и приду.

Утром рано Нагруасек пошел ловить навагу. Пришел, смотрит: ловят и весело разговаривают. Незаметно подошел к своему зятю, сказал ему:

— Забирай свою рыбу и уходи с нею домой.

Ответил тот:

— Нет, я еще немного половлю.

Нагруасек стал ловить. Когда много наловил, другие люди пришли. Зять сказал ему:

— Теперь уж достаточно наловил ты, иди домой.

Нагруасек сказал:

— Нет, еще половлю немного.

Вот уже темно стало, все ушли, и Нагруасек один остался. Собрал удочки, наполнил свой мешок до краев рыбой и пошел по следам. Вдруг впереди увидел человека с луком. Свернул в сторону и по другому пути пошел. Снова посмотрел вперед и увидел человека с луком. В какую сторону не пойдет, всюду люди с луками. Со всех сторон окружили его в темноте люди с луками. Решился Нагруасек прорваться и бежать на Иналик, но, когда кинулся, со всех сторон стрелы посыпались. Сразили имакликцы Нагруасека стрелами, упал он замертво. Прямо на стрелах, как на подпорках, лежит.

Имакликцы тогда вернулись домой, зять Нагруасека жене сказал:

— Позови родителей. В Нагруасека стреляли, убили.

Сестра Нагруасека ночью к родителям побежала, сообщила им:

— Там, на мысу Атнык, в Нагруасека стреляли, убили.

Пошли братья Нагруасека с нартой, погрузили его и домой привезли. Раздела мать своего старшего сына и увидела множество ран от стрел, а некоторые стрелы в ранах торчат. Вынула осторожно мать стрелы и стала вытирать раны младенческой пеленкой. Ожил Нагруасек. После этого приказала мать Нагруасеку упражняться на ремне между балками. Всю ночь упражнялся Нагруасек, и в это время из его тела выходили наконечники стрел, а мать вытирала младенческой пеленкой его раны. Как вытрет, так рана и заживет сразу.

Вскоре Нагруасек совсем поправился. Тем временем зять Нагруасека жену свою послал к родителям:

— Предупреди родителей, что имакликцы могут сделать им какое-нибудь зло, ведь нет теперь Нагруасека.

Отправилась женщина. Когда стала с берега к селению подниматься, навстречу ей вышел брат и сказал:

— Поднимайся да входи скорей, вовремя пришла ты!

Сестра спросила:

— Да что вы теперь делаете?

Брат сказал:

— Проходи, проходи, сама увидишь!

Вошла сестра в землянку и увидела, как Нагруасек на ремнях упражняется. Обрадовалась. Отменили родственники и односельчане поминки по Нагруасеку. Поправился, снова много перп, лахтаков и белых медведей добывать стал. Конец.

101. Кукулин

Живет человек по имени Кукулин. Жена у него есть, и к тому же много детей. Охотится он, добывает пищу. Но дети не дают ему залеживаться, все быстро съедают.

Однажды подумал Кукулин: «Ну-ка, притворюсь-ка я мертвым. Притворюсь, будто умер. А когда меня похоронят, стану жить один, стану досыта есть».

И вот Кукулин притворился больным и лежит. Совсем заболел. Жене своей сказал:

— Когда я совсем состарюсь¹, одежду мою ни в коем случае не разрезай. Просто снимите ее с меня и положите рядом. И болу мою, и нож-тесак со мной положите. И блюдо это, поднос, со мной отправьте, и кастрюлю. Может быть, на том свете, если оживу, будет мне этого недоставать.

И правда, не долго прожил он, умер. Дети его, сыновья, стали хоронить его. Когда донесли до места, положили, одежду как и велел, не разрезая, положили, поднос ему оставили, тесак, кастрюлю. Оставили его и ушли вниз, домой.

Когда скрылись сыновья, Кукулин сел, оделся. Стал себе землянку строить. Построил, стал охотиться на куропаток — много куропаток добыл. И правда, досыта стал есть.

Жена же его по утрам на улицу выходила, сидела задумчиво, грустила — муж у нее умер.

А Кукулин с куропаточьих ножек мясо срезает, с жиром его толчет. Жир с мясом на блюде перемешивает и приговаривает: — Кукуль, Кукуль, Кукуль — ох, хорошо живет!

Мешает и приговаривает:

— Кукуль, Кукуль — о-о-о!

Увидел его однажды песец и побежал вниз. А женщина сидела у своей яранги. Вдруг видит она: песец из-за яранги высунулся.

Сказала:

— Что это песец просто так ходит? Хорошо ему!

Глянула — это не песец уже, а женщина. И говорит ей гостья:

— О чем призадумалась?

— Да муж у меня недавно умер. О нем и думаю, и о детях.

— Не умер он, твой муж! Там, наверху, живет, живехонек! Куропаток ловит там, наверху. Ну-ка, шкурку эту мою надень, сбегай, посмотри.

Жена шкурку песцовую взяла, надела. Стала песцом, наверх побежала.

— Когда помотришь, назад побежишь, хвост вытяни — изо всех сил будешь бежать! — кричит ей женщина-песец.

Побежала жена наверх, видит: бугорок дымится. Подбежала, заглянула — а там ее муж внутри. Поднос между ног положил, жир с мясом, оказывается, перемешивает.

— Кукуль, Кукуль — о-о-о! — приговаривает и жир с мясом толчет.

— Эй, Кукуль-то умер! — крикнула жена ему внутрь.

— Нет-нет-нет! Не умер я, живой! Иди сюда, подожди меня! Я тут куропатками лакомлюсь. Иди сюда, поможешь дотащить.

Поглядел Кукулин — никого нет. Только песец убегает. Взял он тогда куропаток, пошел вниз. Когда показался, жена его, у яранги сидевшая, говорит:

— Ой, Кукуль-то ведь умер!

— Да нет, не умер я. Много куропаток там добыл. Одному даже не унести. Помогайте, будем сейчас таскать.

И стали они куропаток таскать. Кукулин назад в свою ярангу переселился. В яранге жил недолго, вправду заболел. А потом действительно умер.

Вот и все.

102. Агия, Малмилын и Пильмигун

Так, говорят, было. Жили муж и жена, бездетные. Очень хотели они иметь детей. Однажды человек этот надел тонкий плащ-дождевик, спустился на косу и пошел вдоль берега. Когда шел по взморью, нашел в песке мореный моржовый клык. Обрадовался этой находке. Принес этот клык домой и разрезал его пополам. Из одной половины клыка сделал нож, из другой — собачку. Сделанные вещицы завернул в плащ, вышел из дома и пошел в сторону гор. Когда он поднялся на первый холм, впереди увидел падающую звезду. Он быстро побежал к месту, где упала звезда. Звезда светилась ярким огоньком. Туда, к мерцающему огоньку, бежал, бежал, и вдруг звезда стала меркнуть. Когда подбежал, совсем свет ее уменьшился и погас.

Сел человек на камень и стал смотреть вдаль. Вдруг впереди загорелась еще одна упавшая звезда, еще больше первой. Снова он побежал к мерцающему огоньку. Долго бежал, а когда приблизился, звезда снова померкла, а затем и потухла. Опять не нашел ничего.

Во второй раз сел человек на камень, посмотрел вперед, а там, далеко-далеко, упала третья звезда, еще больше второй. Горит упавшая звезда ярким огнем, а человек бежит к ней. Чем ближе подбегает, тем меньше ее свет. Приблизился — а огонька снова нет.

В третий раз сел человек на камень, посмотрел вперед, а там, далеко-далеко, упала четвертая звезда, и горит она на земле ярче прежней. И снова человек бежит к ней. Чем ближе подбегает, тем меньше свет звезды. Вот уж подбежал, а светящийся огонь снова померк, опять ничего нет.

В четвертый раз сел человек на камень. А впереди, еще дальше прежнего, упала пятая звезда с ярким-преярым светом. И в пятый раз побежал к светящейся звезде человек. Бежал, бежал, бежал, а свет звезды все еще далеко и становится меньше. Устал человек, упал, поднялся и снова побежал. Когда приблизился к потухающему огоньку, снова ничего не нашел. Пошел в темноте и вдруг впереди себя совсем близко увидел жилище. В проходе горел, оказывается, светильник. Человек подумал: «Как же дам я знать о себе живущим здесь?» Он осторожно стал подкрадываться к двери. Огонек от светильника в проходе едва-едва трепещет. Вдруг он услышал голос:

— Ой, почему это пламя трепещет? Иди и подправь его!

Из жилища вышла девушка и стала подправлять пламя в светильнике. Изнутри снова послышался голос:

— Почему же пламя колыхалось? А ну, погляди кругом, может быть, снаружи у нас человек есть.

Девушка вышла из прохода, осмотрелась — и, что за диво, оказывается, человек стоит!

Спросил человек:

— Кто ты?

— Я, — отвечала девушка.

— Как тебя звать?

— Агия!

Человек снова сказал:

— Внутри в отдушину увидел я двух юношей. Как зовут того, который сидит с южной стороны?

— Малмылы, — ответила Агия.

— А с северной стороны сидящего как зовут? — спросил путник.

— Пильмигун, — ответила Агия.

— Хорошо, — сказал человек, — иди и скажи старику, сидящему внутри, что я пришел купить у него одного сына.

— Хорошо, — сказала Агия.

— Вот мой обменный товар, — сказал человек, держа сверток.

— Покажи твой товар, — сказала Агия.

Развернул человек плащ, и Агия увидела вещи — нож хороший из мореного клыка и собачка красивая.

— Ага, оказывается, самодельные!

Девушка вошла в жилище и сказала:

— Так и есть, там, снаружи, у нас находится человек. Даже сына твоего хотел бы купить он. Товар у него хороший — собака и нож.

— А ну, принеси, — велел старик.

И девушка внесла вещи человека. Старик долго их разглядывал со всех сторон, затем сказал:

— Эй ты, сидящий на южной стороне, встань и выйди наружу. Там отец твой пришел купить тебя!

Юноша встал, крепкий, статный, даже выше своего старого отца. Сначала ничего не сказали друг другу юноша и гость. Ходили взад и вперед, присматривались.

Наконец юноша сказал:

— Ну и ну, пока ты собирался сюда, вот какой ты стал!

— Да, — сказал гость, — пока я шел сюда, постарел. Давай я посажу тебя на спину, сынок.

— Нет, — возразил юноша, — сам я пойду.

— Все же я понесу тебя на спине, — сказал гость.

— Ладно уж, неси меня на спине, — согласился юноша.

— Ведь и так с большим трудом приобрел я тебя, а ты еще отказываешься, — сказал гость.

Посадил человек купленного за игрушки сына на шею, еле-еле поднял свою тяжелую ношу и пошел прочь от жилища старика. Ноги его дрожали от тяжести. Но чем дальше нес юношу человек, тем легче становилась ноша. Юноша становился все меньше и меньше. Вот уже совсем легким стал. Крепко придерживая ношу, человек шел вперед и думал: «О-о, только бы не уронить, а то не будет у меня сына и горько будет мне.»

И вот когда уж к дому своему стал подходить, ноша его кончилась, исчезла. Однако пустоту крепко сжимал. В дверь жене сказал:

— Эй, внутренняя¹, вот твой ребенок, возьми!

— Где же он? — спросила женщина.

— Вот же, на, возьми! — Хозяин протянул ей пустые руки.

Женщина приняла из его рук пустоту, вошла в полог. Вошел и муж. Молча поели и легли спать. Ночью женщина забеременела, а через день мальчика родила.

Сказала женщина:

— Спроси у кого-нибудь, кто будет этот малыш?

Муж ответил:

— Кто же может быть этот малыш, известно кто — Малмыльн это.

Так и назвали сына Малмыльном (по имени купленного за костяные игрушки юноши). И вот у этой пары появился ребенок, их собственный сын. Стал быстро расти и вот уже научился бегать.

И когда пришло время появиться следующему ребенку, женщина носила, носила в себе и родила второго сына. Мужу сказала:

— Кто же может быть этот малыш?

— Известно кто, — сказал муж, — Пильмигун это будет пусть! Как же иначе назвать? Вот так и назовем.

Сын Пильмигун спокойным ребенком был, рос здоровым и упитанным.

И снова женщина стала носить в себе ребенка. Носила, носила и девочку родила. Мужа спросила:

— А эта вот кто будет?

— Агия это, кто же еще, — сказал муж.

Так и назвали — Агия. Человек помнил, как звали детей горного старика. Девочка стала их любимым ребенком. Дети подросли, помощниками стали. Женщина от материнства своего много счастья имела до конца жизни. Дети выросли, братья поженились, а жены их родили много детей. Невестки только и знают, что нянчить своих детей. Отец уж браниться стал:

— Ох уж эти невестки, как только приходят с прогулок, так начинают возиться с малышами. Ведь и работать в доме надо. Вот в сенях лежит лахтачья шкура, раскройте ее на подошвы.

Женщины лахтачью шкуру в полог внесли, на подошвы раскроили. Шкуры разные выделали для кухлянок, для меховых штанов, для камыков. Все хорошо приготовили. Затем женщины с помощью золовки Агии стали шить для мужчин одежду — кухлянки, брюки, камыки. Все как следует сделали.

И вот мужчины оделись по-дорожному и в путь отправились. Шли, шли, шли и до холма дошли. Когда подошли, на холме птичка запела-зачирикала. Один из мужчин сказал:

— Ох же надоедливая птичка, зачем ты чирикаешь беспрестанно?

— Вот нарви травы,— сказала птичка,— сплети из нее веревку, опусти концом в воду и по веревке иди!

— Хорошо,— сказал один из них.

Насобирали они травы и стали плести веревку. Плели, плели, плели и наконец закончили. Затем бросили веревку как аркан на воду и по ней пошли. Шли, шли, шли, и вдруг перед ними бычок стал выныривать. «Что этот бычок делает тут? Зачем он выныривает перед нами? Как будто бы о нем только и думаю я»,— подумал один из братьев.

— Зачем ты мне мешаешь? — спросил он бычка.

— Почему ты думаешь, что я мешаю? Совсем нет. Ваши камыки продырявились от ходьбы. Жалко мне стало ног ваших, вот я и решил предложить вам починить камыки.

— Ага, сделай нам целыми эти камыки,— сказал один.

Бычок ушел в глубину с камыками и долго-долго отсутствовал. А когда вынырнул, бросил к ногам путников подшитые камыки. Сказал бычок:

— Зажмурьтесь, сплюньте в сторону и наденьте эти камыки!

Зажмурились, сплюнули и надели камыки. О диво, совсем целыми камыки оказались!

Снова по указанному бычком пути шли, шли, шли и, оказалось, до бедного мужичка дошли. Спросил их мужичок:

— Зачем и куда вы идете?

Малылы с Пильмигуном обманули мужичка:

— Да вот, отец ругает все нас, что не ищем мы на далеком острове девушки, которая из-за красоты своей боится выходить из ящика. Ее в жены взять велел нам отец.

— Ага, как только увидите вы по пути синеву островных гор, вот там и находится эта девушка,— сказал им мужичок.

— Вот и ладно,— сказал один из братьев.

— Вот по этой дороге следуйте. Она приведет прямо к дому той девушки,— сказал мужичок,— теперь уж недалеко, скоро придете.

По указанному пути шли, шли, шли и к маленькому жилищу приблизились. Жилище это — шалаш, покрытый нерпичьими шкурами. Вошли, видят: сидит девушка и плетет нитки из нерпичьих сухожилий. Там же человек сидит и спрашивает:

— О, зачем вы пришли?

— Да вот отец нас бранит, что не можем взять в жены девушку с дальнего острова, которая из-за красоты своей прячется в ящике,— сказал один из братьев.

— Ой, ничего я не знаю об этом! — сказал человек.

И вдруг девушка эта заговорила:

— Ой, как будто бы синева тех островных дуг вон там показалась! Туда и идите!

— Ага,— сказал один из братьев.

— Только один из вас, Пильмигун, пусть останется здесь,— сказала девушка.

— Ага,— сказал старший брат Малмилын.

Оставив младшего брата, Малмилын отправился по указанному пути. Шел, шел, шел и увидел впереди большое жилище. Зашел в него. Здесь живет человек с пятью женами.

— Зачем пришел? — спросил хозяин.

— Да вот пришел за островной красавицей, чтобы в жены взять ее. Да вряд ли что-нибудь из этого выйдет. И все же попытаюсь на ней жениться.

Здесь поел, отдохнул и по указанному пути пошел. Долго до синевы островных гор шел. Наконец в большое селение пришел. Там встречный человек спросил:

— Ого, что привело тебя сюда?

— Да вот этого острова девушку пришел я взять,— сказал Малмилын.

— Вон там, вдали, их жилище. Иди вот по этой дорожке. Хорошо, если ты не болтливый и не расскажешь о том, что тебе сказано. В том жилище две безмужние сестры. Старшая — красавица, а младшая еще красивее,— рассказал мужчина.

И снова долго шел Малмилын и наконец пришел. Его встретила младшая красавица с большим гостеприимством. Напоила, накормила. Затем она сказала:

— Моя старшая сестра постарается тебя угостить. Если ты станешь есть с ее блюда, то уведет она тебя к себе. Вот как только она нарежет мяса, так и войдет с переполненным блюдом.

И вот действительно вошла красавица с деревянным блюдом, наполненным кусками мяса.

— На, отсюда поешь! — сказала старшая сестра.

Малмилын отказался. Но девушка настойчиво заставляла есть с ее блюда. Неловко стало Малмилыну долго отказываться, он взял с блюда один маленький кусочек и съел.

— Ага, теперь пойдем домой, ко мне! — сказала она, потянув его за рукав.

Малмилын посмотрел на младшую сестру, та, оказывается, горько плакала. Затем ушли вдвоем. Когда пришли к старшей сестре, Малмилын увидел по бокам дверей с одной стороны медвежью голову, с другой — волчью. Когда проходил он мимо, каждая из голов старалась укусить его. Красавица сказала:

— На этих не обращай внимания, прямо по ним проходи!

Затем ввела его в свой полог. И вот начали они миловаться-жеңихаться. Долго наслаждались, затем стали есть. Поели, легли спать. Оказалось, что у этих сестер мать есть. Она поднялась ночью в южной стороне полога и стала долго мыться около жирница. Затем убрала жирник, взяла женский нож и стала тихонько подходить к спящим. Малмилын еще не заснул и спросил:

— Что она делает?

Старуха, услышав голос человека, тотчас улеглась.

— Эй ты, жена, что это делает с ножом старуха? — спросил снова Малмилын женщину.

Женщина сказала матери:

— Эй ты, хватит уж с тебя! Пусть хоть этот останется моим мужем! Снова ты за свое принялась!

— Ой, за свое принимаюсь я! Это мой двойник² заставляет меня! Ох же какая я негодница! — так причитала старуха.

Когда же жена Малмилына заснула крепко, он своей кухлянкой накрыл ее, а ее одеждой себя укрыл. Старуха этого не видела. Малмилын притворился спящим. Старуха снова стала долго мыться, затем взяла свой женский нож и подошла к спящим. Подошла к дочери, сказала: «Это зять мой» — и ударила ножом по шее. Голова тотчас отлетела. Малмилын быстро вскочил, закричал:

— Ох же, какая ты плохая!

Он схватил ее же нож и бросил в старуху. Ее правая рука отлетела. Старуха схватила нож левой рукой и бросила в зятя, но нож не долетел. Он снова бросил нож и отрубил старухе левую руку. Тогда она кинула нож в него правой ногой, но не попала. Так они стали кидать нож друг в друга, старуха не попадала, а Малмилын отрезал ей руки и ноги. В последний раз она кинула нож ртом, но и тут Малмилын схватил нож. Он кинул в старуху последний раз и отрубил ей голову, как она своей дочери. Затем, выходя из этого жилища, раздробил живые головы медведя и волка — сторожей этих женщин. После этого пошел к младшей красавице.

— О, ты пришел! — воскликнула она.

Тут сбежались к дому девушки ее односельчане. Малмилын обратился к ним:

— Жители селения, если хотите отомстить мне за ваших старшин, то мстите. Я убил этих злых женщин.

Все собравшиеся закричали:

— Нет, мы не думаем защищать их! Сами они искали свою могилу, не будем мы мстить за них!

Тут красавица подошла к Малмилыну и ласково сказала:

— Ну, входи в мой полог!

И Малмилын вошел. Девушка стала его женой. Они на радостях поели вкусной еды, а затем легли спать. Так прошло несколько дней. Старик, отец этой девушки, сказал:

— Ну это ж, с давних пор известно, что женщина, выйдя замуж, отделяется. Хватит вам миловаться, поезжайте к себе. По этой же дороге возвращайтесь.

И вот стали возвращаться. По пути захватили с собой младшего брата и его жену. До того человека с пятью женами дошли. У него остановились отдохнуть.

Когда к своему дому подходили, глубокого старика Малмилын увидел. Старик тот совсем выжил из ума, как ребенок стал. Спросили старика:

- Эй, чей ты детеныш?
- У меня есть отец, — сказал старик.
- А как же отца твоего звать? — спросили.
- Малмылын!
- А дядю твоего как зовут?
- Пильмигун.
- А тетя кто твоя?
- Агия!
- Ага, оказывается, мой ребенок ты, — сказал Малмылын.

Тут старичок, как младенец, очень обрадовался.

Тогда Малмылын сказал своему младшему брату:

— Пильмигун, нам следует его успокоить!

И братья умертвили старика, который был их отцом, выжившим из ума.

После этого они вернулись к своим семьям с молодыми женами. Конец.

103. Морской младенец

Так, говорят, было. Жили в одном селении муж и жена. Их односельчане через лунки во льду ловили рыбу и все приходили с большим уловом. Этот мужчина тоже ходил постоянно на рыбную ловлю, но никогда ничего не мог поймать.

Однажды вместе со всеми рыбаками опять пошел к лункам. Все поймали помногу рыбы, а он снова ничего не может. Вот односельчане ушли с уловом домой, а этот человек остался у своей лунки. Уже и ночь наступила, но не попадается на крючок рыба. Он упорно старался поймать что-нибудь и вдруг почувствовал, как сильно потяжелела его удочка. Стал выбирать леску из лунки и услышал, как под водой кто-то плачет. И все же человек вытянул удочку и увидел на крючке морского младенца, который плакал и говорил:

— Ына, ына, ына, живот мой скорее распори!

Человек послушался и распорол младенцу живот. И что же — из живота морского младенца на лед высыпалось множество рыбы. Младенец тут снова заплакал:

— Ына, ына, ына, быстрее зашей мне живот и брось обратно в море.

Рыбак быстро зашил младенцу живот и отпустил его в воду. Затем он собрал в заплечный мешок рыбу и отнес домой. После этого, говорят, хорошо стал ловить рыбу. Все.

104. Костяной человечек

Так, говорят, было. Муж и жена из Нунатака жили вдали от соседей одиноко в одной яранге. Детей у них не было. Этот мужчина был удачливым охотником. Он вдоволь добывал нерп и диких оленей.

Однажды муж и жена оставили зимнее жилище и откочевали в летний шалаш на мыс. Дома остались у них только костяные игрушки — обереги. Одна игрушка — человечек из кости — вдруг ожила. Игрушка стала человеком.

Этот костяной человечек увидел себя совсем голым. Он вышел и отправился в тундру. Шел, шел и встретил человека в одежде. Этот человек спросил костяного:

— Откуда ты?

Но костяной человечек не знал человеческой речи.

— Кто же ты есть? — снова спросил человек в одежде.

Костяной повторил:

— Кто же ты есть?

— Откуда ты? — допытывался человек.

— Откуда ты? — повторил за ним костяной человечек.

Тогда человек сказал:

— Ну что же, тогда гостем будешь.

Костяной человечек повторил:

— Ну что же, тогда гостем будешь.

Человек позвал:

— А ну, пойдем!

— А ну, пойдем! — повторил костяной человечек.

Человек в одежде сказал костяному человечку:

— Иди впереди, а я за тобой!

— Иди впереди, а я за тобой! — повторил костяной человек.

Человек в одежде шел и думал: «Наверное, это злой дух сверлил кость и сделал этого человечка». Он решил избавиться от костяного человечка и кинул в него копьём. Но тот отскочил вправо, схватил копьё и повторил слова человека:

— Иди впереди, а я за тобой!

Человек пошел впереди, а костяной человечек с копьём в руках — за ним. Вдруг костяной человечек поднял копьё и вонзил его в спину человека. Убил наповал. Встревожился костяной и заговорил по человечески:

— Ну что же ты лежишь, вставай скорее!

Но человек не слышал.

Костяной человечек рассердился:

— Тогда уж лежи тут сколько угодно!

Копьё из спины вынул и пошел в сторону мыса.

Пришел костяной человечек к жене убитого им человека. Женщина работала около жилища. Увидела она пришельца, сказала:

— Гость!

Костяной человечек повторил:

— Гость!

Женщина спросила:

— Почему ты без одежды?

— Почему ты без одежды? — повторил он.

Женщина тут призадумалась и вдруг узнала копые своего мужа, которое держал в руках гость. Она спросила:

— Как будто мужа моего копые?

— Как будто мужа моего копые? — повторил человек.

Женщина в тревоге сказала:

— Если уж копые мужа моего твоим стало, то, значит, ты его убил!

Костяной человек повторил:

— Если уж копые мужа моего твоим стало, то, значит, ты его убил!

Женщина сказала:

— Если мужа моего ты действительно убил, то должен взять меня в жены!

И костяной снова повторил ее слова.

— Пойдем в жилище, — сказала женщина.

— Пойдем в жилище, — повторил костяной человек.

Женщина показала ему, как надо входить в жилище. Костяной человек с трудом перешагнул через порог, вошел в полог. Женщина внесла блюдо с едой, стала есть. Сказала костяному человечку:

— Ну что же, ешь со мной!

— Ну что же, ешь со мной! — повторил он и стал есть. Когда поели, женщина убрала блюдо и сказала:

— Теперь ляжем спать!

— Теперь ляжем спать! — повторил костяной человек.

Женщина стала учить его, как ложиться спать.

— Вот так ложатся на постель, — показывала она.

— Вот так ложатся на постель, — повторил костяной человек.

Женщина уложила костяного человечка рядом с собой. Всю ночь она учила его говорить. Новый муж быстро постиг человеческую речь. Так они провели ночь.

На следующий день женщина сделала костяному человечку новую одежду. Впервые нарядился человек из кости и теперь стал настоящим человеком.

Заменял он прежнего хозяина. Ходил на охоту, вдоволь убивал морских и тундровых зверей. А жена его вскоре забеременела. Из добычи мужа припасы заготавливала. Мужа отменно кормила. И вот однажды разродилась мальчиком. Очень обрадовались супруги, сказали:

— Пусть растет наш сынок и станет удачливым охотником на морских и тундровых зверей!

Однажды костяной человек на каяке охотился далеко от берега. Вдруг налетел ветер, начался шторм, каяк опрокинуло, и человек утонул. Пять дней и ночей длился шторм. И когда настала хорошая погода, женщина пошла по взморью и нашла в одном месте выброшенную волной одежду костяного человечка,

в другом — его самого. Это был игрушечный человечек, сделанный из кости.

Женщина сказала:

— Пусть же сын мой станет великим охотником!

И правда, мальчик вырос, стал хорошим охотником и, подобно отцу добывал в достатке морских и тундровых зверей. Все.

105. Поглотитель зверей

Так, говорят, было. Жил один мальчик с матерью. Пошел он однажды на морской берег. Когда к берегу приблизился, начал петь:

По берегу иду я на-я-ха-на-на.
По берегу я похаживаю на-я-ха-на-на!
На спине несу я легкий дождевик,
Имуна-ха-я, сяю-на-ха-я,
Каюкаврахам илюваниха-я!

Пение свое прекратил и продолжал прохаживаться по берегу. Вдруг впереди себя у самой воды увидел выброшенную морем нерпу. Подошел к нерпе. Взял ее и проглотил целиком.

Пошел снова по берегу и запел ту же песенку. Идет и видит у воды тушу лахтака. Ого, какая добыча! Подошел к лахтаку, разделил его пополам и полтуши проглотил.

Пошел по берегу дальше. Запел ту же песенку. Вдруг впереди него — туша моржа, выброшенного прибоем. Подошел мальчик к моржу, разделил его пополам и полтуши проглотил.

С песней еще дальше пошел. Вдруг впереди увидел огромного кита. Подошел. Разделил кита на две половинки и полтуши проглотил. Затем громко закричал:

— Ого, дивно насытился я! Уж очень много еды проглотил! Хватит, теперь домой пойду.

Домой пришел, мать из землянки позвал:

— Мама, как мне войти?

Мать сказала:

— Как обычно, заходи через двери!

Мальчик сказал:

— Да ведь растолстел я! Как же мне пройти?

Мать ответила:

— Через отдушину пройди!

Сын снова сказал:

— Да толстый же я!

Мать ответила:

— Тогда проходи в дом через игольное ушко!

И мальчик через игольное ушко прошел. Затем спросил мать:

— Куда же мне выплюнуть проглоченное?

— В таз,— сказала мать.

Мальчик возразил:

— Нельзя этого сделать. В тазу все не поместится! Скажи же, куда проглоченное выплюнуть?

Мать сказала:

— На деревянное блюдо!

— Не поместится на блюде,— сказал мальчик.

— Тогда уж выплюнь все в сених!

И вот в сених мальчик выплюнул кита, моржа, лахтака, нерпу — всех целиком.

У матери с мальчиком много мяса стало. Все.

106. Алинтитунa, победивший тунгаков

В 1932 г. я, слепой Айвухак, слушал сказку самого старого жителя Уназина Сегу про великого шамана Алинтитуну, который не страшился злых духов-тунгаков, спал только днем и бодрствовал по ночам. Он, Алинтитунa, видел разных духов. Если его одолевал сон ночью, то он вставлял в глаза палочки, чтобы не закрывались. Духи видели его всегда с открытыми глазами и боялись к нему приближаться. Бывало, если он и заснет ночью, духи приблизятся к нему и говорят:

— Снова Алинтитунa бодрствует и смотрит на нас!

Они пугались его глаз и убегали, чтобы только не рассердить его. Ведь всякий раз, если встречается с тунгаками он, то борется и даже сражается с ними. И духи-тугныгаки боятся Алинтитуну.

Духи-тугныгаки ходят ночью по ярангам и пугают людей. Все они разные, непохожие один на другого. Одни похожи на бутылки, другие подобны большим шарам, у третьих верхняя часть туловища человечья, а нижняя — собачья с хвостом и лапами, у четвертых глаза — висящие на лице шары.

Однажды среди ночи Алинтитунa проснулся и решил устроить праздник. Около своего жилища он соорудил игрушечную ярангу, покрыл ее шкурами и обтянул вокруг ремнями. Затем он стал созывать к себе тунгаков. Он кричал по-тунгацки:

— Го-хо-о-го-хо-о, го-хо-о!

И добавлял по-человечески:

— Собирайтесь поскорее, а то без места останетесь!

Тунгаки собрались в игрушечную ярангу Алинтитуну. Он вошел последним, взял свое копьё и стал избивать своих врагов. Перебил множество тунгаков. Затем вышел на улицу. А там старшина тунгаков узнал обо всем и собрался напасть на бесстрашного Алинтитуну. Тогда Алинтитунa вошел в свое жилище и сказал жене:

— Возьми пучок пахучей травы, зажги его с одного конца и дай мне!

И жена его так и сделала. Алинтитунa вышел снова и увидел приближающегося старшину тунгаков. Он взял тогда палоч-

ку из оленьего рога и постучал ею о землю. Тунгак тотчас отошел назад и сказал:

— Ну что ж, тогда я скрытно подойду к тебе!

Алинтитуна побежал на берег и крикнул своему каяку:

— Каяк, каяк, подойди к воде!

И вдруг каяк сам к воде приблизился. Алинтитуна подошел к каяку и влез в него. Оттолкнувшись веслом, он оказался на воде и поплыл от берега. Он усердно греб веслами. Тут старшина тунгаков подбежал к воде и закричал:

— Не уйдешь от меня! Все равно дишу тебя жизни!

Тунгак решил выпить все море и начал пить, пить, пить. Как ни старался удалиться Алинтитуна, а его каяк все приближался и приближался к страшному рту тунгака. Тогда Алинтитуна взял пучок пахучей травы с обожженными краями и постучал ею по воде. Вода тотчас отхлынула от каяка. Все же тунгак снова начал выпивать море. Тут Алинтитуна приготовил гарпун с поплавком и загарпунил приблизившегося тунгака. Тунгак вместе с гарпуном и поплавком начал убежать по суше. Каяк Алинтитуны ткнулся носом о берег. Алинтитуна вышел и стал преследовать тунгака. Когда совсем приблизился к нему, постучал пучком обгоревшей травы о землю. Перепуганный тунгак начал нырять в землю. Ведь тунгаки могут нырять в землю, как нерпы в воду. Но Алинтитуна бежал за ним по поплавку от гарпуна, который то исчезал вместе с тунгаком в землю, то снова мелькал над ней. И все же тунгак не выдержал и умер от раны и погони.

Подошел Алинтитуна к пораженному им тунгаку и увидел, что перед ним старый человеческий скелет. Алинтитуна поломал его на мелкие куски. Затем взял гарпун и пошел домой. Дома жене сказал:

— Конец вожаку тунгаков, прикончил я его!

Все.

107. Утагмитцы и напагальякцы

Жили утагмитцы и напагальякцы из рода касаток. Пятеро братьев-утагмитцев были удачливыми охотниками на китов. А пятеро их двоюродных братьев-напагальякцев совсем не могли ничего добыть. Когда двоюродные братья-утагмитцы кита добывали, разрезали его вдоль и полтуши отдавали старшему двоюродному брату из Напагальяка. Так постоянно они и жили в разных селениях. Однажды утагмитцы снова добыли кита, и младший брат напомнил им, чтобы разделить его пополам. Но старший возразил:

— Довольно, пусть сами добывают!

Однажды по причине удачной охоты на кита утагмитцы справляли китовый праздник. И в это время заболел один из младших братьев. Хотя и пытались излечить его шамаскими за-

клинаниями, все равно продолжал болеть. Когда совсем стало плохо больному, старший брат внес из сени свой амулет-ответчик и решил посоветоваться с ним. Он приподнял амулет вверх, и его потянуло как будто бы в сторону хозяина северо-западного ветра — Пакфеля. Старший брат высоко поднял амулет и вышел, а тень от амулета направил в сторону больного брата. Но как он ни направлял амулет-ответчик на больного, младший брат не выздоравливал. Старший брат пообещал духу ветров разных морских зверей, но напрасно. Один из братьев посоветовал пригласить напагальякского шамана. Но старший брат запретил это делать. Больной тем временем совсем худой стал. Снова младшие братья попросили старшего позвать шамана из Напагальяка. И снова старший брат не позволил им. Ведь тот шаман, сказал он, слабее в своем искусстве, чем он, их старший брат. Все испробовали, чтобы вылечить больного, но не помогло. Умер их младший брат.

После этого старший снова внес свой амулет-ответчик. Стал шаманить, и ответчик подсказал ему, что хозяин северо-западных ветров унес душу умершего. Старший брат спросил своего ответчика:

— Куда нам отнести умершего, где схоронить?

Ответчик не позволил — умершего могут еще оживить шаманы.

Хозяин сказал ответчику:

— Не могут шаманы оживить труп, он может совсем разложиться.

Ответчика спросили, нельзя ли, как это принято, положить умершего на середину полога. Но ответчик снова сказал, что нельзя, так как шаманы могут еще оживить его.

Вот уж труп начал разлагаться. Тогда сделали из моржовой кожи лукошко и положили его туда. Лукошко с умершим поместили в углу землянки.

Жалея брата, старший сказал младшим:

— А ну, подайте мне ответчика, а то наш умерший устал уже.

Но ответчик не позволяет хоронить — мол, умершего могут оживить шаманы.

Хозяин сказал:

— Совсем уж он стал портиться, не оживить его. Даже кости его испортились.

Младший из братьев спросил ответчика:

— Может быть, напагальякский шаман оживит его?

И на это согласился ответчик. Решили братья позвать напагальякского шамана. Оделись и пошли за ним. Прибыли в Напагальяк. Их двоюродные братья из своих пологов повисунулись, спросили:

— Зачем вы пришли сюда?

Ответили утагмитцы:

— Позвать вашего шамана пришли мы.

Напагальякцы снова спросили:

— Который же из вас заболел?

Ответили:

— Младший и самый любимый наш сильно заболел.— Хотя на самом деле больной давно уже умер.

Напагальякцы стали посылать своего старшего брата, чтобы именно он пошел и вылечил больного. Они готовы были даже сопровождать его.

Старший из Напагальяка спросил:

— Умер он?

— Когда мы собрались сюда пойти, он начал умирать,— сказали утагмитцы.

Напагальякский шаман стал собираться идти с двоюродными братьями, но своим братьям сказал:

— Куда мне! Не смогу вылечить!

Его младшие братья сказали:

— Но кто же тогда будет давать нам мясо морских зверей, если он умрет?

Когда посыльные из Утагмика вернулись домой, старший брат спросил их:

— Ну как? Где же он?

Ответили:

— Сейчас прибудет!

Только на следующий день братья с шаманом пришли. Вошли и стали глазами искать больного, но не увидели.

— Где же больной? — спросили они.

Ответили им:

— Смотрите, там, в углу, в лукошке висит.

Увидел напагальякский шаман лукошко с останками умершего и тотчас же спрятал свое лицо за жирник-светильник. Он стал думать, как оживить умершего, как найти его душу.

Старший брат умершего сказал:

— А ну же, внесите сюда моего ответчика!

Внесли. Но едва ли оживет умерший. Ответчик не пускает его с места.

Шаман из Напагальяка сказал братьям умершего:

— Сделайте на улице маленькую, но очень прочную ярангу, крепко прикрепленную к земле.

Сделали они такую ярангу и стали ждать ночи. Когда ночь наступила, двое напагальякских братьев с бубнами и лукошком с умершим вошли в эту ярангу. Тут старший брат стал бить в бубен и петь, а младший вторил ему. Старший пел и раскачивался из стороны в сторону, а в такт ему качалась и яранга. Младшие братья этого шамана снаружи старательно ему помогали. И вот наконец яранга с треском стала подниматься вместе с землей, на которой стояла. И поднялась вверх. А братья все еще продолжали камлать.

Старший младшему сказал:

— Встань на локти и на колени, затем выгляни!

Младший выглянул. Оказывается, они поднимаются высоко вверх. Сказал:

— Скоро выйдем на ровное место.

Второй раз высунулся из яранги, сказал:

— Земля внизу величиной с моржовую шкуру стала!

Они продолжали лететь вверх. Старший снова велел младшему посмотреть на землю. Тот посмотрел, сказал, что земля еще меньше стала, совсем уже маленькая. А старший все еще поет и поет. Земля теперь уже с заплатку на подошве торбасов стала. И когда посмотрел еще раз, то земли совсем не стало видно. Тут налетел сильный ветер. Они двигались по ровному месту. Старший сказал:

— Скоро дойдем!

Двигались, двигались и вдруг остановились. Старший брат сказал:

— Встань на ноги, высунься и посмотри!

Младший высунулся. Посмотрел — яранга. Приблизились ко входу в ту ярангу. Посмотрел шаман внутрь, яранга оказалась огромная, светло в ней, словно на улице, а вход в нее — из ножей. Сказал:

— В сенях оставляю тебя. Затем войди в жилище и покажись. Скажи так: «Шаман меня сюда принес, чтобы вы посмотрели моего младшего брата».

И шаман оставил брата в сенях большой яранги. В сени высунулся из дверей хозяин северо-западных ветров и спросил:

— Кто тебя привел сюда? Ведь в этих местах даже птицы не пролетают!

Брат шамана ответил:

— Сюда привел меня шаман, чтобы найти младшего брата.

Хозяин сказал:

— Ага, это шаман привел тебя сюда! Так где же он сам?

Подайте того, пусть посмотрит на своего брата!

Внесли потерянного, оказывается, посажен он в таз, связан ремнями, а вокруг огонь пылает.

Хозяин сказал своим помощникам:

— Уберите этого!

Младший брат спросил:

— Может ли войти сюда шаман? Он снаружи стоит.

— Пусть войдет! — сказал хозяин ветров.

— Ага, сейчас войдет!

Прибывший шаман своего умершего брата оставил снаружи. Вошел в ярангу хозяина ветров. Он увидел в пылающем костре связанного юношу и сказал хозяину:

— Нет, не забрать его пришел я, а только чтобы показать там, внизу, его старшему брату. Пусть поглядит на него старший брат. Вот за этим и пришел я. Теперь буду петь!

Шаман из Напагальяка сел на середину полога, а около него помощник — младший брат. Хозяин северо-западных ветров сел у задней стенки полога и приготовился слушать. И шаман начал петь-камлать. Младший брат помогал ему. Хозяин спросил:

— Так ты хочешь все же отвезти того?

Шаман не ответил хозяину и продолжал петь, раскачиваясь из стороны в сторону. Его пение под бубен все усиливалось и усиливалось. Хозяин снова спросил:

— Но как же ты понесешь его?

Шаман не ответил и запел еще сильнее. Вот уж основание яранги стало потрескивать. А шаман пел еще старательнее. Края большой яранги хозяина ветров стали отрываться от тверди. Хозяин от качки уже вверх лицом лежит и говорит:

— Ну же, взгляните, почему это наша яранга так раскачалась?

Когда помощники его выглянули, оказывается, яранга быстро спускается вниз на землю. Сказали хозяину:

— Ой, этот шаман ярангу нашу опускает в какое-то грязное селение там, внизу!

Хозяин сел, сказал шаману:

— А ну-ка, довольно, поднимай обратно мою ярангу! А того, за которым прибыл сюда, возьми с собой! Только за него убьешь для меня кита. А этот поправится!

Шаман повернул обратно и стал поднимать ярангу хозяина северо-западных ветров вверх. Поставил ее на то же место.

Сказал хозяин:

— Подайте того, пусть унесет с собой!

Подали. Лежит в тазу, весь перевязан ремнями, а вокруг — пламя. Шаман из Напагальяка глубоко вздохнул и проглотил того, горящего в пламени.

Хозяин северо-западных ветров сказал:

— Я забрал душу вашего брата в отместку за то, что вы плохо содержите китов, которых я посылаю вам на добычу. Вы поступаете с китами так плохо, что у них даже шкура облезает, когда они возвращаются от вас ко мне. Когда возвратитесь на землю, там убьете кита. Этот кит поправит вашего брата. Кит будет наполовину белый. Ты сам должен убить кита с белым задним ластом!

После этого братья вошли в свою маленькую ярангу, в которой поднялись вверх, и с наступлением ночи стали петь-камлать. И вместе со своей ярангой спустились вниз. Прибыли в Утагмак. Шаман сказал своим двоюродным братьям:

— Идите и скажите своему старшему брату, что ваш младший брат доставлен сюда.

Младшие братья пошли к старшему. Он сразу же спросил их:

— Ну, говорите, где тот, за которым уходили?

Ответили:

— Шаман говорит, что принесли,

Вслед за посыльными вошел и тот шаман из Напагальяка. Вошедшие не увидели доставленного брата. Шаман сказал им:

— Пригоните сюда половину оленьего стада, забейте и сварите. Есть буду только я один!

Пригнали оленей, половину забили, наварили, и шаман стал есть. Полстада съел он. После этого у двоюродного брата попросил умершего. Принесли того в моржовом лукошке. Уж весь истлел он. И его, вздохнув глубоко, проглотил шаман. Сказал братьям:

— Откройте дверь!

Открыли. Шаман сел на изголовье и стал отрыгивать. И вдруг выплюнул голого человека. Таким, каким умерший был раньше. Братья вышли и увидели в море кита. Кит наполовину был белым по всей длине. Отчалили на байдарках и добыли кита. Провозя домой в Напагальяк своего двоюродного брата-шамана, подарили ему байдару, таз, оленя, ремни и лахтачьи шкуры.

Когда напагальякские братья прибыли домой, то вскоре увидели в море кита и добыли его. Так напагальякский шаман вернул жизнь умершему двоюродному брату, душу которого унес Пакфалья — хозяин северо-западных ветров. Все.

108. Превращение девочек в шкуру и ремень

Так, говорят, было. Жил муж с женой, и было у него две дочери. Человек этот удачливым китобоем был. Хорошо жили они. Однажды девочки пошли погулять в тундру. Там они собирали ягоды. Устали, сели отдохнуть и поесть. Когда есть кончили, одна девочка сказала:

— Во что бы мне превратиться? Уж не стать ли мне лахтачьею шкурой?

И вдруг эта девочка превратилась в лахтачью шкуру.

Другая девочка сказала:

— А во что же мне превратиться. В ремень, что ли?

И тут младшая сестра превратилась в ремень. Так вот и остались: старшая стала лахтачьею шкурой, а младшая — ремнем. В это время в тундру пошел один человек. Он нашел там лахтачью шкуру и ремень. Своей находке человек несказанно обрадовался.

— О, спасибо! — сказал он. — Теперь у меня есть ремень и шкура.

Принес он домой лахтачью шкуру и ремень. Внес в сени свою находку, положил и сказал жене:

— Посмотри, что я нашел!

Жена спросила:

— Что же это?

— Лахтачья шкура и ремень, — сказал муж.

— Вот спасибо,— сказала жена,— из этой шкуры подошвы нарежем мы, а ремень тебе пригодится на охоте.

Затем мужчина взял шкуру с ремнем и положил на верх полога. После этого вошел в полог. Там жена кормить его стала. И вот, когда ел, вдруг в сенях кто-то начал усиленно стучать.

— Кто там? — спросил хозяин.

— Я это,— ответил кто-то.

— Что тебе надо? — спросил хозяин.

— Ничего,— снова ответил кто-то.

— Не нашли ли вы моих дочерей? — спросил голос из сеней.

— Нет,— сказал хозяин.

И снова голос:

— Уж не превратились ли они во что-нибудь?

— Не знаю,— ответил хозяин.

Затем старшая девочка закричала:

— Здесь я, на пологе! Я превратилась в лахтачью шкуру, а сестра — в ремень. Возьми нас и отнеси домой! Мы здесь, на пологе!

Взял человек лахтачью шкуру с ремнем и понес домой. Принес и положил в пологе. И когда он ел, шкура и ремень снова в людей превратились. Все.

169. О двоюродных брате и сестре

Так, говорят, было. Жили с родителями двоюродные брат и сестра. Отцы их — родные братья. Жилища отцов близко расположены. Юноша и девушка уже взрослые. Они полюбили друг друга. Однажды в отдельный полог к спящей девушке тайно вошел ее двоюродный брат. Вошел, разделся и лег рядом с нею. Девушка проснулась и спросила:

— Кто ты?

Брат не ответил ей. Он сел, быстро оделся в темноте и вышел. Девушка подумала: «Наверное, это мой двоюродный братец!» После этого она заснула. На завтра все продолжали жить *здесь как обычно.

К ночи девушка разукрасила себя амулетами-хранителями, затем взяла иголку, легла и заснула. У семьи два летних полога: в одном снят родители, в другом — дочь.

Когда девушка спала, двоюродный брат снова вошел в ее полог, разделся и лег рядом с нею. Девушка проснулась и спросила:

— Кто ты?

И на этот раз брат не ответил ей, а быстро оделся и хотел было выскочить. Но девушка, когда он одевался, успела прицепить на спину его одежды припасенные ею украшения. Юноша быстро ушел. Девушка снова заснула. Утром проснулась, оделась и вышла. Около жилища она увидела двоюродного брата, на спи-

не которого было ее украшение. Девушка подумала: «Это мой братец, оказывается, приходит ко мне по ночам».

На следующую ночь снова пришел ее братец. Вошел, разделся, лег рядом с девушкой. Теперь уж она знала, кто к ней приходит, и не спросила ничего. Здесь вдвоем миловались всю ночь. Братец, насладившись любовью, ушел. Девушка снова заснула.

Так их любовь продолжалась много дней.

Однажды ночью отец девушки проснулся и сказал жене:

— Дочка наша как будто вдвоем с кем-то, уж не другом ли она обзавелась. А ну, крадучись, погляди в ее полог!

И вот мать девушки тихонько подошла к девичьему пологу и увидела в отдушину, как милуются друг с другом двоюродные брат и сестра. Вернулась она и сказала мужу:

— Там двоюродные наши ласкают друг друга!

Муж рассердился, сказал:

— Затра же дочь свою убью!

Утром отец девушки брата своего старшего позвал и сказал ему:

— Моя дочь нехорошая, совсем плохая!

— Почему? — спросил старший брат.

— Да потому, что женихаются наши двоюродные! Поэтому я решил убить свою дочь!

Старший брат сказал:

— Нет, нельзя убивать женщину! Я должен убить сына!

Старший брат вышел и пошел домой. Там он убил своего единственного сына. После этого юношу похоронили и продолжали здесь жить.

Однажды девушка пошла в тундру, нашла труп двоюродного брата, отрезала голову и тайно принесла домой. Дома она упрятала голову юноши в свой вещевой мешок. Когда наступила ночь, она вынула из мешка голову и стала с нею разговаривать и забавляться. Когда уставала, прятала голову в мешок и засыпала. Так продолжалось много времени. И вот голова уже улыбаться стала и даже смеяться.

Как-то отец ее проснулся среди ночи, прислушался и услышал смех двоих людей в пологе дочери. Разбудил жену и сказал:

— А ну, посмотри, с кем там смеется она!

Посмотрела женщина и видит, как дочь играет с большим человеческим черепом. Тут же мужу она сказала:

— Дочь твоя играет с черепом! Даже смеются они вдвоем!

Муж сказал:

— Завтра отправь дочь в тундру за растопкой. Когда она уйдет, мы в другое селение уедем от нее.

Человек этот более не сказал ни слова. Утром, когда проснулись и оделись, женщина сказала дочери:

— Дрова у нас кончились. Сходи в тундру и насобирай хвороста.

И девушка ушла собирать хворост на топливо. Голову человека в своей сумке на спину закинула и ушла. Когда она достаточно далеко ушла, братья с женами разобрали свои яранги и в другое место уехали.

Девушка насобирала хвороста и принесла домой. Смотрит, а яранги исчезли и людей нет. Она положила растопку на землю, и здесь вдруг человеческая голова заговорила:

— А ну, разведи костер и положи меня туда! Я пойду за своим туловищем.

Девушка ответила ему:

— Ой, не делай этого! Одиной останусь я!

Голова ответила:

— Я скоро вернусь. И вернусь я с туловищем!

И вот девушка костер разожгла и положила в него человеческую голову. И голова загорелась. Девушка подбросила в костер побольше дров. Костер ярко разгорелся, затем постепенно потух. И из пепла потухшего костра вышел живой человек. Это был ее двоюродный брат, который как будто и не умирал совсем.

Мужчина стал мастерить из кустарника оленей. Сделал несколько оленей и дунул на них. Олени ожили и тотчас размножились. Большое стадо оленей стало. После этого они сделали ярангу и стали здесь жить. Через некоторое время девушка забеременела и родила мальчика. Теперь у них был свой ребенок.

Однажды их родители решили навестить родную землю и прибыли сюда на байдарах. Когда причалили к берегу, увидели большую ярангу, а рядом с нею — их дочь с ребенком. Няничит, оказывается, их дочь младенца на руках.

Женщина мужу сказала:

— Это наши родители, которые бросили нас и сбежали неизвестно куда. Давай убежим и мы от них куда-нибудь!

Мужчина ответил:

— Скорее разведи костер!

И вот огромный костер развели. Вместе с ярангой и стадом оленей, подхваченные пламенем и дымом улетели вверх. Родители смотрели на них с удивлением. Так и скрылись с дымом и пламенем их дети. Все.

110. Женщина-тугныгак

Об одном мужчине речь будет. Как будто бы вот с этим человеком такое случилось. Человек этот нерп добывал. Когда охотился на каяке, постоянно убивал только одних нерп-самцов. Жена ему говорила:

— Смотри, не убивай самок, а только самцов!

— Конечно, конечно, — отвечал охотник.

И когда из воды во время охоты выныривали самки, он как будто и не замечал их. Но каждого вынырнувшего перед каяком самца поражал гарпуном.

Жена его никогда не поднимала головы из-за того, что постоянно свеживала добытых мужем самцов. Однажды перед ним из воды показалась голова самки, и мужчина подумал: «Почему же самок этих запрещает жена трогать?» Выстрелил он в самку и убил. Затем, зацепив, вытянул добычу из воды, погрузил на каяк и отправился домой. А жена его, оказывается, была тугныгаком — злым духом. Он вдруг услышал голос:

Ын-ын-ын-ын-ын, ох же плохой ты,
зачем эту самку убил? Уж доберусь
до тебя, съем я тебя, как только доплывешь.
Живым не быть тебе!

И все же к берегу направился.

Вот к неизвестному селению приблизился, вышел. Селение безлюдным оказалось. Вошел в один дом. Увидел две натянутые плетеные веревки. Провел он рукой по одной веревке. Плохая оказалась веревка, старая, в нескольких местах связанная узлами. Подошел к другой веревке, провел по ней рукой — хорошая, новая веревка. Здесь сел, посидел и услышал в стороне постукивание. Кто-то снаружи подошел к дому и зашел:

Йа-йеу-йа-йеу-йу-ху, умина-а,
йа-йеу-йа-йеу-йу-ху умина-а,
хозяин этого полога очень плохой!
Неужели это муж будущий мой?!

Вошла женщина, высокая, с черными волосами. Вошла и села напротив охотника. Сказала:

— Ой-ой, как только напарница моя придет, позавидует мне из-за тебя!

Как только замолчала, снаружи снова пение послышалось:

Йа-йеу-йа-йеу-йу-ху, умина-а,
йа-йеу-йа-йеу-йу-ху умина-а,
хозяин этого полога очень плохой!
Неужели это муж будущий мой?!

О диво, вошла вторая женщина, высокая, тоже с черными волосами, но постарше первой. Сказала:

— Ну, муж мой будущий, подойди ко мне поближе. Ведь сначала ты мою плетеную веревку погладил!

Первая женщина закричала:

— Нет, нет, не будет он твоим мужем! Он до моей веревки дотронулся. Вот, гляди, как я жену твою удочкой поймаю!

Вторая женщина сказала:

— Обманывает она тебя, постой, погляди: вот сюда ты садился, вот следы твоих ног, вот след стопы. Здесь ты вот сидишь на моей стороне. Ладно, раз ты молчишь, так смотри!

Старшая женщина отстранила младшую. В руках у нее оказалась удочка. Она отодвинула крышку в полу и начала удить в дыре. Удочку потянула, и что же — вытянула кухлянку его жены из птичьих шкур. О, как испугался при этом охот-

вик! Снова стала удить и вытаскила торбаса, затем — штаны женские, еще раз потянула удочку — послышался голос:

— Ух-ух-ух, как увижу, съем я тебя!

Это был голос его жены.

Женщина-ловец сказала:

— За этим домом жилище, беги, в нем укройся. Если там не примут, то беги к соседям с другой стороны, там мой дядя. И вот он туда из этого дома побежал. Там спросили:

— Что ты хочешь? Зачем пришел?

— Ой, жену мою женщина выудила!

Не пустили, испугались. Побежал к соседям с северной стороны.

Там спросили:

— Зачем пришел?

— Ой, жену мою выудили! Жена моя, оказывается, тугныгак! От нее убегаю я!

Тамошний старик сказал:

— Прячься за мою спину!

Как только спрятался охотник за спину старика, послышался голос:

— Ух-ух-ух, как увижу, съем тебя!

Тут старик поднялся к выходу и в сторону той женщины-тугныгака стал делать сильные выдохи. Из его рта вылетело огромное пламя, обожгло ту женщину, спалило, только легкие ее остались.

— Ага, ждуг же там тебя с нетерпением, иди,— сказал старик охотнику.

— Где? — спросил охотник.

— Там, снаружи!

— Обманываешь ты меня!

— Выходи же,— сказал сердито старик,— а то и тебя сожгу.

Человек вышел. Ого, от его жены — злого духа только легкие остались. И ушел он домой, в свое селение. Конец.

111. Потерявшийся человек возвращается

Так, говорят, было. Жил один охотник с женой. Хороший охотник был. Жена его не переставала свежевать добытых им нерп.

Однажды муж, возвратясь с охоты, сказал жене:

— Пожалуй, на время я перестану охотиться. Теперь уж на целую зиму заготовлено мяса и жира.

На следующее утро этот человек приводил в порядок свой каяк. Вдруг он увидел на прибойной волне голову высунувшейся из воды нерпы. Не думая долго, человек столкнул в воду свой каяк и начал преследовать зверя. Вот нерпа выпрынула

совсем близко и, когда охотник приблизился к ней на расстояние броска гарпуна, снова ушла под воду. И так повторялось много раз. Нерпа заманивала человека в море. Гнался, гнался за зверем охотник и даже берег из виду потерял. Не стало видно и прибрежных гор. Забеспокоился мужчина и решил прекратить погоню. Он повернул свой каяк и, как ему казалось, поехал в сторону дома. И вот когда показались горы, с них неожиданно начал спускаться туман, который в короткое время закрыл и горы, и море. И тут человек заблудился. Он не знал, в какую сторону грести. В тумане ничего не было видно. Человек положил весла и решил вздремнуть, сидя в каяке. У него не было никаких припасов, чтобы поесть. От усталости он крепко заснул.

Наутро оказалось, что он причалил к какому-то незнакомому берегу, такому крутому, что на него невозможно было подняться. Охотник долго искал место, где можно было бы высадиться, но все напрасно: берег повсюду был крутой и высокий. Он подумал: «Как же выбраться мне на сушу? Попробую гарпунным зацепиться». Он изловчился и с силой бросил гарпун на вершину прибрежного утеса. Гарпун крепко зацепился за утес. Охотник крепче привязал конец гарпунного ремня к каяку и по этому ремню поднялся на утес. Затем туда же вытянул свой каяк. Осмотрелся вокруг, заметил высокую траву и спрятал в нее каяк. Сам подумал: «Если здесь останусь, ничего делать не буду, то скоро умру голодной смертью. Нет, нет, пойду искать, где есть люди».

Человек пошел искать людей. Он перевалил через холм и там увидел множество жилищ. Решил не ходить туда до наступления ночи. Когда же наступила темнота, пошел к ближайшему жилищу. Зашел в сени, нащупал таз, полный оленины. Таз стоял поверх полога. Голодный охотник стал торопливо насыщаться мясом. Остатки оленины он поставил обратно на полог и стал искать, где ему спрятаться. Около входа нашел вязанку хвороста. Этой вязанкой прикрывся.

Утром хозяйка жилища проснулись. В сени вышла девушка, взяла с полога таз с остатками оленины и унесла в полог. Вдруг охотник услышал брань старухи:

— Почему ты не уберегла мясо на блюде? Почему так мало осталось? Наверное, ты обзавелась дружкой и подкармливаешь его!

Девушка всячески оправдывалась.

Затем в пологе молча ели. После завтрака к ним в жилище зашел человек и сказал:

— На море появился уже лед. Теперь хорошо было бы выехать на охоту.

Сидящий в пологе хозяин согласился и на рассвете ушел на охоту. Стало светло, и девушка вышла из полога. Она принялась подметать в сенях. Мужчина, сидя за вязанкой хвороста, подумал: «Как хороша девушка!» Она кончила подметать и по-

шла в полог. Мужчина вылез из укрытия и пошел за ней. Девушка совсем не заметила его. Но как только он вошел, старуха сказала:

— Вот я давно уж догадалась, что ты дружкойм обзавелась.

Девушка ровно ничего не ответила старухе — ведь она только сейчас увидела этого мужичицу.

Старуха встала и приблизилась к гостю. Сказала:

— Как только наш охотник вернется, он убьет тебя! Если ты слаб, то несдобровать тебе в поединке с ним. Вот мой совет: когда охотник придет и спросит, есть ли у тебя родные и есть ли жена, то говори, что нету.

И верно, вскоре охотник вернулся. Войдя в полог, он сказал:

— Отвечай, откуда ты и зачем прибыл сюда, есть ли у тебя родители и жена?

Пришелец ответил:

— Пришел я из дальних мест. Нет у меня ни родителей, ни жены. Слышал я, что в этих местах есть жители, вот и пришел.

Хозяин сказал:

— Ну, уж коль прибыл сюда, оставайся. Можешь быть моим помощником, а сестру мою возьми себе в жены.

Мужчина согласился и стал жить в этой семье.

Прошла зима, наступило лето, и у молодой хозяйки появился ребенок. Ребенок быстро рос и скоро сам уже выходил на улицу.

Мужчина стал скучать по потерянному дому и семье. Старуха заметила это и однажды спросила:

— Может быть, родные есть у тебя и ты здесь заскучал?

Он ответил:

— В селении оставил я жену и ребенка.

Вечером, когда сын вернулся с охоты, старуха обо всем ему рассказала. Хозяин выслушал ее, подумал и согласился, что их зять может уйти домой, но без жены и ребенка, и что они дадут ему все самое необходимое в дорогу.

Наутро охотник приготовил дорожные припасы и снаряжение в дорогу. Попрощались они в доме и пошли проводить зятя до утеса, где был спрятан в траве его каяк. Человек этот думал: «Сбросят они меня на каяке с утеса!» Но напрасно так думал. Закрепил он себя на утесе в каяке, старуха с сыном приподняли каяк и толкнули его в сторону моря. Каяк плавно полетел по воздуху и медленно опустился на воду.

Пять дней и ночей ехал человек по морю. Когда же приблизился к своему селению, то увидел, что его первая жена свожует нерпу около жилища. С берега человек позвал, чтобы его встретили. Но женщина сказала своему ребенку:

— Ой-ой, что-то в правом ухе звенит!

Человек сказал:

— Нет, это не в ухе твоём звенит, а я тебя зову!

А женщина снова в тревоге сказала:

— Ой-ой, в другом ухе теперь звенит!

Мужчина еще настойчивее стал звать и просить жену, чтобы встретила. Но женщина как будто не слышала. И когда мужчина с берега пошел в свой дом, жена его зашла в полог, чтобы рожать. Мужчина вошел в полог и вдруг потерял сознание. Пришел в себя и почувствовал, что он находится в утробе своей жены. Затем через некоторое время женщина родила его младенцем. Он хотя и сдерживался, но заплакал, как новорожденный. Женщина вытерла его, и он быстро начал расти и превратился в самого себя, каким прибыл на каяке. Назвали его прежним именем. Он поднялся, вышел и посмотрел на берег. Каяк его отсутствовал. Они разобрали свое жилище и откочевали на новое место. Конец.

112. Юноша, ставший сполохом

Так было. Жил береговой человек с женой. Детей у них не было. Человек постоянно в море выходил, нерпу, моржа и другого морского зверя промышлял. Вот один раз не убил он ничего, домой возвращался. Уже поздно было, ночь опустилась. Шел человек, шел, на небо взглянул — северное сияние увидел. Так много сполохов на небе огненными мячами играет! Один маленький сполох сорвался с неба и упал ярким огоньком возле жилища того человека. Поспешил человек домой. Вошел и увидел: жена его беременна. Обрадовался человек. Сполох ему счастье принес. Поели и спать легли.

Однажды утром снова отправился человек на охоту. Несколькo нерп убил, а как вернулся, видит: жена мальчика родила. Назвал отец сына Сполохом. Рос Сполох каждый день понемножку и скоро юношей стал.

Вот раз отправился отец на промысел, далеко в море по льду ушел. Налетел сиверко, лед поломал, остался в море и погиб там. Мать Сполоха горевала, горевала, да с горя и удавилась.

Остался Сполох сиротой среди чужих людей. Раз и подумал он: «Мать с отцом мои померли. Отец в море погиб, мать себя порешила. Старые люди говорят: кто не своей смертью умрет, а в море утонет или на себя руки наложит, те все к сполохам на небо поднимаются. Вот и мой отец с матерью, верно, там уже». Вышел он ночью к морю, на небо глянул. А там сполохи огненными мячами играют. Взял он длинный охотничий ремень, вверх бросил. Ремень за северное сияние и зацепился. Взобрался юноша по ремню на небо. А сполохи еще больше разыгрались. И он с ними играть стал. В игре и веселье совсем о земле забыл. Так пришедший с неба опять на небо вернулся. И стал у тех сполохов старшиной.

113. Спор ветра и солнца

Говорят, давно это было. Жил человек, было у него пятеро детей. Все мальчишки. Самый старший, как подросток, посыльным стал. Остальные маленькие были. Последыни еще и на улицу ни разу не выходили. Были у человека лук, сеть и гарпун. Но жил он бедно. Рыбу ловить сетью не мог. Море всю долгую зиму льдом было покрыто. Там, где он жил, коса в море вдавалась, и человек на этой косе промышлял: море там часто на берег зверя выбрасывало. Его жена не могла за лето собрать много съедобных корней и ягод: детишки еще малы, а оставить их дома не с кем.

Пришла зима. Земля, озера, реки замерзли. А охотник этот зимой часто щеки сильно обмораживал. Вот раз пошел он по косе, дошел до утеса. Ходил, ходил, все расщелины осмотрел. Вдруг слышит голоса. «Верно, соседи выброшенного морем зверя нашли», — думает. Порадовался он соседской удаче да и пошел на голос. Обогнул скалу, голоса слышит, а никого нет. Еще одну скалу обогнул — опять никого. Что за диво: громко так спорят, а никого не видно. Обошел кругом утес, так никого и не нашел. Взобрался на самую верхушку, стал слушать. И вот сказывают, что услышал, пока там сидел.

— Я, когда с холодом приду, — говорит один голос, — всю землю заморожу. Реки, озера льдом скую. А как со снегом приду, всю землю снегом занесу, все под снегом спрячу: травы съедобные, и всякую ягоду, которыми сиротки питаются, и плавник, что море на дрова приносит. Еще больше рассержусь и море все заморожу. А уж как совсем разъярюсь, жерди у яранг ломать стану. Всех людей выморожу. То-то повеселюсь!

— А я наоборот, — другой голос отвечает, — приду, всю землю согрею. Растоплю лед на озерах и реках, станут люди рыбу ловить, ягоды, травы и корни собирать — вот и будет пища у бедных. Отгону подальше в море лед от берегов, станут охотники моржей, нерп да лахтаков промышлять. Станут люди мясо есть и радоваться, меня добрым словом помянуть. Если где по оврагам прошлогодний снег остался, я и его растоплю. Вот буду гордиться своими делами и радоваться!

Тогда первый и говорит:

— А ну, давай спросим вон того мужичка на скале, кто ему из нас больше люб. Эй, мужичок, кто тебе больше люб, кивни тому головой.

А мужичок думает, кому кивать-то, не видно никого. Но все-таки кивнул и говорит:

— Холод — это плохо. Весеннее солнышко хорошо. Весной моя жена не мерзнет, собирая корни. И мне на солнце тепло — одежда у меня, гляди, сильно худая. И деткам моим солнышко в радость: не мерзнут они, не дрожат от холода.

Вот и отвечает ему невидимка:

— Будет тебе впредь во всем удача, и зверя всякого будешь бить много, щек морозить не будешь. И жена за лето ягод и кореньев напасет вдоволь. Ступай домой, мужичок! Слышишь ты меня?

Выслушал мужик эти слова и поспешил домой. Пришел, все жене рассказал. «Теперь,— говорит,— хорошо будем жить, в тепле и достатке. И растений съедобных много будешь собирать».

И стал тот мужик хорошо жить: зимой не мерзнет, снег не отрывает, ветра студеного не боится. И тут вскоре и весна наступила, реки вскрылись, озера талой водой набухли. Стал мужик много зверя и рыбы ловить. А дети подросли, и жена стала много съедобных кореньев и ягод запасать. И мерзнуть они перестали и ветра с холодом с тех пор никогда не боялись. Состарились, а все не знали нужды. Дети выросли, один стал удачливым зверобоем, другой — сметливым следопытом, а младшие хорошо диких оленей промышляли. Умерли старики, а дети и после их смерти хорошо жили. Тьфу.

114. Гром и Жизнетворец

Давно это было. Жил Гром. И не было у него детей. Жены его рожали сыновей, но все они умирали. Вот однажды родила ему жена сына, а мальчик сейчас и заболел. Тогда решил Гром пойти к Жизнетворцу, просить у него помощи. И вот отправились они с Дождем в дорогу. Пришли к Жизнетворцу. Говорит Жизнетворцу Гром:

— Дети у меня не живут. Как родятся — сразу умирают. Научи, как беде помочь, что делать.

— Эй, Гром,— говорит Жизнетворец,— а я считал тебя всемогущим.

— Ты всемогущий, а не я,— отвечает Гром.

Тогда Жизнетворец говорит жене:

— Видишь, умирают у Грома дети. Не знаешь ли ты, кто отнимает у него детей?

— Знаю,— говорит жена.— Живут высоко в горах Таз и Бедренная кость от той нерпы, что Хозяин дня убил. Они и отнимают детей у Грома.

Распорядился Жизнетворец:

— Сшей сыну Грома одежду.

Не успел он это сказать, как одежда для Громового сына готова. А одежда та была амулетом. Хотел было Гром одежду взять, она ему палец чуть не откусила.

Говорит Жизнетворец:

— Бери, не бойся.

Взял Гром одежду. Жизнетворец и говорит:

— Надень ее на сына. А как захочет он спать, вынеси его наружу и положи возле землянки на землю. И пусть имя твоему сыну будет Лист.

Вернулся Гром домой. Как сказал Жизнетворец, так Гром и сделал. Надел на сына одежду, сшитую женой Жизнетворца, положил его снаружи возле землянки. Там ребенок всю зиму и спал. А как минул сыну год, потерялся сын.

Снова пошел Гром к Жизнетворцу. Пришел и говорит:

— Потерялся мой сын!

— Пойди вон к той Горе,— говорит ему Жизнетворец,— и скажи ей: «Отдай моего ребенка!» Не отдаст — возьми и разрушь Гору.

Пошел Гром вместе с женой к Горе.

Подошел, сказал:

— Эй! Отдай моего сына!

Отвечает Гора:

— Не отдам!

Тогда Гром снял левую рукавицу, ухватил подножие Горы и потряс. Обвалился один отрог, а Гора молчит. Рассердился Гром, снял рукавицу и с правой руки — да как тряхнет Гору! Раскрылась Гора, и оттуда голос послышался:

— Совсем разрушит Гром Гору. Отдайте ему сына.

Взял Гром сына. Вернулись все вместе домой. И звали того сына Лист. И теперь уж он совсем большой стал. Все.

115. Тыкывак

Тыкывак — это когда сильная стужа и от нее земля трескается. Мы это и теперь знаем. А вот, рассказывают, жил в старину за проливом в Кыгмике один юноша. Был он веселый, сильный и ловкий. И еще ему хотелось все знать. Одного он терпеть не мог: слушать, как в сильный мороз стывающая земля трещит. Вот он раз и говорит:

— Что это там трещит и трещит без умолку? Как ударит мороз, такой треск стоит, что я даже заснуть не могу! Не могу я сегодня спать. Пойду Тыкывака караулить. Может, он рядом где ходит. Поглядеть бы на него, какой он.

Кончился день, наступила ночь. Поужинали. А жил тот юноша с матерью и отцом. Жены у него не было: больно озорной был, хотя смелый и выносливый. Вот поел он, оделся.

— Куда это ты на ночь глядя? — спрашивает отец.

— Пойду Тыкывака погляжу. Чего он все время трещит?

— Не ходил бы ты,— говорит мать.

Не послушался юноша, пошел. Взял свой гарпун, наконецник, пузырь-поплавок, сшитый из шкуры молодой нерпы, закидушку — все свое снаряжение, с каким в каяке охотился. Все приготовил, проверил. И на косу отправился. Далеко по косе

ушел. Ступает осторожно, кругом озирается. А ночь выдалась тихая, хорошая. Вдруг где-то неподалеку треснуло. Юноша гарпун приготовил, пузырь надул. И замер на месте, держа гарпун наготове. Спустия немного треск совсем близко раздался, а ничего нет. Снова затрещало, и вот возник человек. Вот он все ближе подходит. Не дошел, упал на землю, прильнул к ней. «Эге, вот он какой!» — подумал юноша. Нацелил гарпун, размахнулся и метнул в упавшего. Загарпунил, стал тянуть к себе за ремень. Хоть и крепко держал ремень, не удержал. И все вдруг исчезло: человек, ремень, поплавок, только древко гарпуна осталось.

Пошел юноша с пустыми руками домой. Пришел и спать лег.

Прошло несколько дней. Два раза ходил юноша на то место. Никого не встретил. А на третий раз пошел, видит: перед ним гора, на вершине горы — землянка. Полез он в ту землянку через нижний ход. Там муж с женой. Высунулся мужчина из полога и говорит:

— Лезь сюда, лезь! По какому делу явился?

— Ни по какому, так просто,— ответил юноша.

— Ага,— говорит хозяин и велит жене: — Готовь быстро гостю еду! Кореньев отвари, перпичий желудок и кишок положи. Пусть и кишок поест!

Стала жена варить коренья с мясом. Когда еда сварилась, хозяин говорит:

— Теперь накорми гостя! Ему домой возвращаться, а скоро ночь.

Поднесла хозяйка юноше варево в миске. Поел он кореньев. Ох и вкусные показались коренья! И кишками полакомился, и перпичий желудок съел. Все съел до капли. Кончил есть, руки вытер. Хозяин и говорит ему:

— Теперь домой ступай. Ты ведь вернуться должен. Это мы ходим где придется и не возвращаемся. Ты вот сейчас гарпун свой съел и пузырь. Перпичий желудок и есть пузырь, а коренья — гарпун и наконечники. Ну, а теперь иди!

Сказал это хозяин, юноша сейчас же встал и вышел, домой заспешил. Идет, идет, и разболелся у него живот. Такое колотье поднялось, что идти нельзя. Остановился юноша. Так и не дошел до дому. Вонзился в него гарпун изнутри. Пузырь надулся и живот вспучил. Ремни и закидушки расправились, наконечником гарпуна распоролло утробу. Так и умер.

Наутро люди пришли на косу и видят: лежит он мертвый, изнутри собственным гарпуном проткнутый. Принесли домой, похоронили. И с той поры эту историю непослушным детям в назидание рассказывают.

А селение Кыхтак издавна всякими чудесами и небылицами славилось. Большие сказители в нем жили. Вот что я слышал о Тыкываке. Все.

116. Алинтитуна и Тыкывак

Так, говорят, было. В одном селении жил юноша, который не боялся тугныгаков. Однажды все его односельчане на целое лето перекочевали в новое место, чтобы осенью возвратиться. В селении остался только один Алинтитуна-Бесстрашный. Так звали юношу.

Как-то почью он решил праздновать и по этому случаю пригласил к себе всех тугныгаков. Он вышел из жилища и на языке тугныгаков стал созывать гостей. Все тугныгаки собрались в землянку Алинтитуны. Каждого тугныгака, входящего в дом, он мазал жидкой серой, пагорающей от жира в светильнике. Размалеванные серой тугныгаки зашурелись, жидкая сера падала им в глаза, и они не могли хорошо видеть. Ослепленных духов Алинтитуна стал колотить палкой. Так многих поубивал. Но оставшиеся в живых тугныгаки не давались ему. Тогда Алинтитуна подпер глаза пластинками от китового уса, влез на площадку надворного камня и там заснул с открытыми глазами.

— Вон этот обманщик Алинтитуна. Притворяется спящим, а глаза открыты.

На самом же деле Алинтитуна крепко спал, а расширенные пластинами глаза смотрели. Когда он проснулся, вынул пластинки-подпорки из глаз, и, перешагнув с камня на берег, пошел в селение.

Так в борьбе с тугныгаками он провел все лето, а осенью возвратились его односельчане. Вскоре и зима наступила. Очень сильные морозы были. Это хозяин морозов по имени Тыкывак насылал стужу, пургу и снега. Этот дух Тыкывак каждую зиму на земле делает трещины. Придет он в селение, упадет вниз лицом позади жилища людей, и земля от этого трескается. Люди при треске должны отвечать Тыкываку стуком обо что-нибудь. Если не отвечают, он плачет, поднимается и уходит. Люди боятся Тыкывака и отвечают на треск земли стуком.

Алинтитуна не боялся Тыкывака и не отвечал на треск земли.

Однажды Алинтитуна обошел все жилища и сказал людям:

— Если Тыкывак придет, не отвечайте ему!

При этом сам Алинтитуна приготовил гарпун с поплавком, чтобы загарпунить Тыкывака. И люди послушались Алинтитуну-Бесстрашного. Когда ночью пришел Тыкывак и стал падать вниз лицом позади жилищ, отчего земля трещала, люди не отвечали ему. Сильно плакал от обиды Тыкывак. И вот позади последнего жилища он упал, земля затрещала, и в это время Алинтитуна бросил в него гарпун. Загарпунил юноша духа мороза Тыкывака. Вместе с гарпуном и привязанным к нему на длинном ремне нерпичьим поплавком нырнул Тыкывак в землю, как в воду. Земля для Тыкывака как вода.

Алинтитуна вернулся домой и лег спать. На другой день пошел прогуляться в тундру. По пути увидел одну ярангу. Вошел в нее. Сидевший в яранге старик пригласил гостя поесть. Алинтитуна согласился. Ему на блюде подали рыбу. Он поел ее. Посидел немного, и вдруг нутро его сильно заболело. Старик сказал:

— Вот ты съел свой же гарпун и поплавок!

И Алинтитуна умер. Эта яранга была жилищем Тыкывака, а сам старик — хозяином трескучего мороза Тыкываком. Все.

117. Женщина, не желавшая выходить замуж

В селении Нунак жил старшина, удачливый китобой. И гребцы у него были как на подбор: выносливые, удалые, молодец к молодцу. Была у него дочь, одна-единственная. Других детей не было. Дочь уже в пору девичества вошла. Летом часто в горы уходила. Был у нее щенок, которого она сама растила. Каждый раз, когда шла в тундру за съедобными кореньями и травами, брала с собой щенка, чтобы не скучно было. Дома щенок ей все принесет, что она ни попросит, — слова выучился понимать.

Отец ее каждую весну кита добывал. Был он удачливый охотник и жил небедно. К тому же добрый и справедливый был и к людям приветливый: мяса всем поровну давал, никого не обделил, никому больше не даст.

Дочь его была красивая, на загляденье. Стали парни Нунака к ней свататься. Согласится отец выдать дочь за какого-нибудь парня. Поселится жених в доме старшины, чтобы за жену работать. А невеста на него и не глядит. Ну и возвращается жених домой ни с чем. Не хочет дочка старшины замуж выходить, никто ей не нравится. Многие нунакцы получили отказ. Стали из соседних селений сватать ее. Опять согласился отец выдать ее. А она гонит от себя всех женихов прочь. Теперь уже и гребцы отца свататься стали. А она ни на кого глядеть не хочет. Те гребцы, которые хотели зятьями стать и которых она отвергла, обиделись на старшину, стали уходить от него. Одна эта девушка обидела всех нунакских парней. Совсем мало осталось гребцов у старшины.

Перезимовали, опять лето наступило. Дочка старшины снова стала собирать съедобные травы. Вот однажды ушла она в тундру, отец ее и думает: «Нет от дочери никакой пользы, один только вред. Вот и гребцов у меня не стало, а разве я плохо к ним относился? И все это из-за дочери. Может, она совсем одна хочет жить? Надо сказать всем жителям Нунака: пусть они готовятся в путь, пока дочка в тундре. Пусть оставят ее одну. Заберут с собой всю пищу, которая хранится в ямах, в землянках, под снегом, и даже мясохранилище выскоблят. А как соберутся,

пусть едут отсюда кому куда вздумается. И чтобы кусочка мяса здесь не осталось».

Распорядился старшина с места сниматься. Бросились нунакцы исполнять его приказ. Всю пищу, что хранилась в землянках, ямах, под снегом, достали, с собой забрали. И разъехались кто куда хотел. Сам старшина в Имаклик поехал.

Собирает девушка в тундре съедобные травы и не ведает, что поселения ее больше нет. Набрала она полные мешки — а дело уже к вечеру было — и пошла домой со своим верным щенком. Приходят — а в яранге никого нет, даже и вещей никаких не осталось. Хотела поесть, и еды нет. Пошла было к яме, где мясо хранилось, а яма пустая. Вернулась в ярангу, поела сухой травы и кореньев и спать легла. Щенок рядом с пей лег. Проснулись, опять травы поели. Девушка все ямы обошла, мясо отыскивая. Откроет яму — а в ней даже ошметков жира нет, все дочиста выскоблено. А тут осень на носу, все холоднее становится, землю иней одел. А им и согреться нечем, дрожат, друг о дружку греются.

Вот однажды, когда уже совсем нечего было в рот взять, спустилась девушка в яму, чтобы под настилом натеков жира поискать. Убрала настил, стала натекший жир соскабливать. Видит: посреди ямы большой плоский камень. Подняла она этот камень, а под ним, на счастье, большущий кусок китовой кожи. Обрадовалась девушка, даже оторопела: сколько еды! Взяла кожу, принесла домой. Сама поела и щенку дала. Стали они этой кожей питаться, по маленькому кусочку съедали, лишь бы с голоду не умереть, и на много дней ее растянули. А кожу-то кита, оказывается, тетка специально для нее оставила. А тут и лед подошел, прочно море сковал. Съели они всю кожу, совсем нечего есть стало. Откуда же им пищи взять? Из-за холода ни днем ни ночью спать как следует не могла. Стены землянки изнутри иней покрыл.

Вот раз никак не могут уснуть. А почь звездная, тихая. Вдруг загрохотало что-то снаружи. «Ну,— думают,— наверное тунгак пришел. Кто еще так грохотать может? Не иначе тунгак!» Испугались, лежат, не двигаются. Смотрят друг на друга.

Перестало грохотать, говорит девушка своей собачке:

— Пойди посмотри, что там такое!

Сказала она так, выскочила собачка из яранги, по тут же вернулась в сени и заскулила. Спрашивает хозяйка:

— Втащить тебя?

Только это сказала, бросилась собачка к выходу. Но наружу не выходит. Обрато вернулась, смотрит на девушку и скулит. Вот девушка и спрашивает:

— Может, мне выйти?

Спросила она так, побежала собачка наружу. Девушка за пей пошла. Видит: держит собачка в зубах перну и скулит. Бросилась девушка к перне, за ласт взяла. Втащила перну в зем-

лянку. А как втащили, девушка разрежала ее, вынула кишки, и стали они есть свежее мясо. Поели. Пошла девушка в сени, нашла черепок от жирника, взбила жир, положила в черепок и зажгла. Тепло в землянке стало, иней растаял — и мясо теперь было. Очень понемногу они эту нерпу ели, лишь бы с голоду не умереть. Надолго ее хватило. Но не вечно же быть еде из одной нерпы! Хотя и очень берегли ее, а все-таки пришлось последний кусок съесть. Вместе с мясом и жир кончился — жирник ведь тоже хороший едок. Стало опять голодно. Опять все в землянке иней покрывл. Уснуть от холода не могут. А как стал холод с голодом до костей пробираться, установилась очень ясная погода.

Стало по ночам светло от лунного света. Вот раз не могут они от холода уснуть. Вдруг слышат: снаружи грохот сильнее прежнего. Воскликнула женщина:

— Ну, уж на этот раз тунгак! Ох, съест он нас!

Долго они сидели не шевелясь. Потом говорит девушка своей собачке:

— Пойди посмотри, что там такое.

Отвязала собачку. Выскочила та наружу и сразу домой вернулась. Стоит в сенях, скулит, на хозяйку смотрит. Спрашивает ее девушка:

— Втащить тебя?

Как сказала девушка эти слова, собачка опять выскочила. И тотчас вернулась. Скулит и на хозяйку смотрит. Та и говорит:

— Может, мне выйти?

Услыхала собачка эти слова, бросилась вон из землянки. Хозяйка за ней пошла. Не спешит из землянки выйти. Высунула голову наружу — а собачка держит лахтака в зубах. Выбежала девушка, схватила лахтака за лапу, еле-еле вдвоем внутрь втащили. Разрежала его девушка. Снова свежего мяса поели. Наполнились у них желудки, девушка снова жирник зажгла. Снова согреваться стали. Иней на стенах растаял. Снова у них и пища есть, и спать хорошо стало. Долго этим лахтаком питались: ведь он больше нерпы.

Хотя и берегли лахтака, но и он кончился. А дни уже длиннее стали. И вот опять пришла тяжелая жизнь: спать не могут от холода. А как стали голодать да замерзать, однажды снова загрохотало что-то ночью, закрипело. Девушка и говорит:

— Ну, уж на этот раз непременно тунгак. Какой человек придет сюда? В соседних селениях, наверное, думают, что нас давно и в живых нет!

Сидят они молча, ждут, что дальше будет. Вот и говорит девушка собачке:

— Пойди посмотри, что там такое!

Отвязала собачку. Бросилась та наружу и сейчас же обратно вернулась, села на свое место и смотрит на хозяйку.

— Что ты там увидела? — спрашивает девушка.

Ничего не ответила собачка, не может ведь она говорить по-человечьи. Сидит и на хозяйку смотрит. Подумала, подумала девушка и говорит:

— Столько мы натерпелись, так пусть уж он съест меня!

Сказала так и пошла. Выглянула наружу. Видит: тень человека. Вгляделась — мужчина стоит. Очень хорошо одетый юпеша. Посмотрела ему в лицо — оказывается, и он на нее смотрит. Увидел он, что девушка его заметила, и говорит:

— Не бойся, ничего худого тебе не сделаю! Жалко мне тебя, вот и хожу сюда. Сначала нерпу принес, потом лахтака. Не хочу я, чтобы вы с голоду померли, потому и пищу пошу вам. Вот наконец и сам пришел. Ведь знаю я, как ты бедствуешь! Но ты все равно, наверное, непустишь меня к себе.

Отвечает ему девушка после долгого молчания:

— Будь по-твоему! Ты ведь и верно спас нас. Если бы не ты, наши косточки давно бы уж снегом замело.

Поговорили так и вошли в землянку. Есть было нечего, так и легли спать натоцк. Проснулась утром девушка, а мужчина уже на охоту ушел. А как стало светать, вернулся с нерпой. Отрезала девушка от нерпы кусок жира, поколотила его, жирник зажгла и стала мясо варить. Как сварила, поели они мяса, полакомились. Еще поставила варить. Теперь стало у нее мяса вдоволь, потому что мужчина всегда добудет зверя на пропитание. А мужчина этот удачливый охотник был, всегда с добычей возвращался. На охоту уходил спозаранку, они даже и не слышали его. Вот так у них и жизнь шла. К весне погода повернула. Дни стали длиннее, солнце пригревать начало. А муж ее начал все реже нерп приносить, хоть и утром на охоту уходил, а только к вечеру возвращался. И нерпы все мелкие попадаться стали. И с женой стал обращаться плохо. Как вернется с охоты, начнет ее ощупывать и приговаривает:

— Почему это ты не полнеешь, ведь всю зиму я хорошо тебя кормил?!

Стал еще раньше на охоту выходить, а все равно возвращался поздно с плохой добычей. Пощупает свою жену и даже разговаривать с ней не хочет. Только и скажет:

— Уж не могу я добывать нерп, когда же ты, наконец, по-полнеешь?

Вот раз ушел он на охоту. Жена его занималась в пологе хозяйством. Вдруг слышит: кто-то в сени вошел и, не останавливаясь, к пологу направился. Заглянула в полог маленькая женщина. Пригласила ее хозяйка, угощает вареным мясом. Стали вместе есть. Вот и говорит хозяйка:

— Столько времени здесь живу — ни разу никого не видела. Думала, кроме меня, здесь никого нет. Откуда ты пришла?

Гостья отвечает:

— Действительно, ты тут одна живешь. А я совсем из других мест. Жалея тебя, сюда пришла. Предупредить хочу тебя.

Сама ты себе «хорошего» мужа выбрала. А ведь было, что иногда жир из ямы пропадал? Знай, муж твой — белый медведь. Очень он исхудал без жиру. Придет он сегодня с охоты поздно почью с очень маленькой нерпой, не даст тебе как следует спать. Завтра опять пойдет на охоту спозаранку, а придет совсем без добычи. И съест тебя, если не поступишь, как я тебя научу. А поступишь по-моему — спасешься. Беги завтра к своим родителям в Имаклик! Я тебе дам свою кухлянку, только собачку свою не бери: она тебе помешает. Возьми с собой прут, обожги его конец, а когда побежишь, смотри не потеряй его. Беги не прямо в море, а сначала по дороге в сторону Наукана, только от мыса Уяхак поверни к морю, во льды. Как уйдешь далеко в море, заметишь, что муж за тобой гонится. Станет он тебя нагонять и кричать во все горло. Ты оглянись, а как будет он совсем хорошо виден, возьми прут, проведи по льду обожженным концом, но весь не трать. Проведешь им по льду и беги что есть мочи дальше. Снова обернись назад, сама увидишь тогда, что будет. Замешкается он, но снова за тобой побежит, опять ты услышишь его, опять будет он тебя настигать. Снова возьми прут, проведи им по льду, на этот раз не жалея угля, весь можешь истратить. Обернись последний раз и беги вперед что есть духу. Скоро Имаклик покажется. В это время имакликские рыбаки обычно рыбу удят. Подойди поближе к ним, но не останавливайся. И сразу к стойбищу не подходи, среди камней сирясь. Ночь наступит, кухлянку мою сними, среди камней сирясь и ступай к жилищу родителей. А как только муж твой до рыбаков добежит, они его своими пешнями заколят. Так все и сделай, как я тебе сказала. Смотри: не послушаешься, настигнет он тебя и съест.

Сказала это маленькая женщина и ушла. А жена медведя и думает: «Вон что посоветовала мне добрая женщина. И свою кухлянку дать обещала. Попробую убежать от медведя».

В ту ночь пришел муж с охоты поздно, принес маленькую, тощую нерпу. Попыталась было женщина заговорить с ним — молчит муж, не отвечает. Поели молча, спать легли. Не узнает она мужа, совсем другой стал: то оттолкнет ее от себя, то щипать начнет, чуть кусок кожи не вырвал. Так и не дал ей всю ночь спать, а чуть свет ушел на охоту.

Как совсем рассело, вчерашняя маленькая женщина приходит. Вошла и говорит жене медведя:

— Вот тебе одна из моих кухлянок.

Спрятала руки внутрь, скинула кухлянку. Оказалась кухлянка лисьей шкурой.

Говорит:

— На, надевай!

Спрашивает хозяйка:

— Какая маленькая! Как я ее надену?

— Не такая уж маленькая, закрой глаза и надевай!

Взяла женщина куклянку с опаской, стала надевать и наде-
ла без труда. Посмотрела на себя: оказывается, превратилась
она в лису. Попробовала ходить — не может, мордой в пол ут-
кнулась. Говорит ей гостья:

— Ну-ка, попробуй еще!

Попробовала раз, попробовала другой — не получается: то на
бок упадет, то через голову перевернется. Учит ее маленькая
женщина: надо чуть боком идти, хвост держать вровень с тулови-
щем, не опускать и вверх не задирать. Научилась жена медведя
по-лисий ходить, да так быстро ходить стала! Говорит ей ма-
ленькая женщина:

— Бери теперь прут, обожги его и беги. Скоро твой муж
вернется!

Взяла жена медведя прут, обожгла конец, вышла на улицу.
Поглядела с жалостью на свою собачку и спустилась к берегу.
Как на берег вышла, по дороге в сторону Наукана побежала.
Только от мыса Уяхак в сторону пролива свернула. Гык! Что
есть мочи бежит лисица. Далеко уже убежала, а погони все нет.
Вдруг слышит: кто-то сзади кличет ее. Побежала что было сил.
Слышит: совсем уж настигать стал.

— Беги, беги, все равно догоню! — кричит медведь.

Обернулась женщина. Видит: гонится за ней огромный бе-
лый медведь и как будто к себе ее притягивает. Так испугалась
женщина, что и про прут свой забыла. Вспомнила вдруг и воск-
ликнула:

— Ах! Ведь она велела мне прутом по льду провести, когда
медведь нагонять станет!

Достала прут, провела по льду и еще быстрее побежала. Как
не стало слышно его голоса, назад оглянулась. А на том месте,
где она прутом черту провела, широкая полынья получилась.
Видит женщина: муж ее в полынью лезет. Побежала еще быст-
рее. Очень долго бежала. Начнет задыхаться, передохнет немно-
го и снова бежит.

Вдруг опять слышит голос медведя. А она уже до середины
пролива добежала, совсем Имаклик близко. Опять стал медведь
как бы притягивать ее. Вот-вот догонит! Достала она свой прут,
опять по льду провела и воткнула обожженный конец в лед.
А сама дальше, что есть духу побежала. Оглянулась назад: ог-
ромная полынья раскрылась, даже той стороны не видно. Вот
уж Имаклик совсем близко. Опять слышит лиса рев медведя.
Тут уж припай начался. Добежала она до припая. Посмотрела
в сторону поселка, видит: на льду много старых рыбаков рыбу
удят. И среди них ее отец. Побежала лиса к рыбакам. Прибли-
зилась к ним — увидели они лису, закричали:

— Эге, смотрите, вон какая лисичка бежит!

Хотели ей дорогу преградить, да не тут-то было. У нее ведь
четыре лапы! Проскочила она мимо рыбаков, мимо землянок
вверх на холм поднялась. Спряталась между камнями, вниз

смотрит. Видит: муж-медведь по ее следам по льду спешит. Добежал до припая, не мешкая дальше пошел. А как до середины припая дошел, тут его рыбаки увидели. Взял каждый свою пешню, ждут. Как только дошел он до них, бросились они на него и пешнями закололи. Видит женщина-лиса: убили рыбаки ее мужа — белого медведя, освеживали мясо, между собой поделили и домой пошли.

Просидела она в камнях до наступления ночи. А как совсем стемнело, сняла лисью шкуру и спрятала между камнями. Снова женщиной стала и вниз в селение пошла. Видит: отец ее в свою землянку вошел. Приблизилась она к отцовской землянке. Остановилась, боится войти. Слышит: разговаривают в землянке двое. Вошла она в сени. Чувствует: медвежьим мясом пахнет. Ну раз уж в сени вошла, то и дальше идти надо. Увидели ее родители, обрадовались и удивились. Очень уж они по дочери соскучились и жалели, что ее совсем одну оставили. Они как раз собирались медвежье мясо есть, дочку приглашают. Отказалась она: как может мясо своего мужа есть!

С тех пор и стали они жить все вместе. Хорошо жили, дочку больше не покидали. Вот такая это длинная сказка. Куда ее собачка делась — неизвестно. И вышла ли женщина еще раз за муж — тоже неизвестно.

118. Алихпагмитцы

В старину в Наукане жили на берегу реки четыре брата-китобоя из рода Алихпагмит. А на другом берегу жили китобои из рода Имтугмит. Люди имтугмит были ловкие охотники, умелые китобои. С наступлением весны имтугмитцы первыми снаряжались на охоту. В полдень гребец их бегал от землянки к землянке, сзывал мужчин на китовую охоту. И радовались тогда науканцы, что добудут кита. А как имтугмитцы приведут кита, на другой день алихпагмитцы снаряжаются на охоту. Выйдут четыре брата-алихпагмитца вместе со старшиной на байдарках в море и тоже кита добудут. Эти братья были удачливые охотники, никогда не ленились охотиться.

С наступлением зимы, запасаясь китовым мясом, устраивали науканцы, по древнему обычаю, праздник и отдавали часть добычи Хозяину вселенной, чтобы охота была удачной. В старину верили, что Хозяин вселенной наблюдает за тем, как люди работают на земле. Если хорошо работают, дает им много еды, если ленятся, наказывает голодом.

Вот однажды добыли кита имтугмитцы, на другой день и алихпагмитцы стали на охоту снаряжаться. Старший брат рано утром будит своих младших братьев. Двое проснулись, а самого младшего не мог добудиться. Младший ленив был. «А, — думает, — ничего. Все равно догоню братьев. Можно и попозже на охоту отправиться». Стал старший брат бранить его:

— Почему ты не встаешь, почему не меня, а лень свою слушаешься?! Ведь мы заветы своего родителя выполняем, поэтому и добыча у нас хорошая, и дети сыты. Может, жена твоя чего-нибудь наговорила тебе, так почему же ты словам женщины подчиняешься?

Но младший брат совсем разленился, не хочет вставать. Оставил его старший, а сам с двумя братьями начал на охоту собираться. Взяли они все охотничье снаряжение и спустились к байдаре. Море было тихое, и охотники отчалили от берега.

Как отплыли старшие братья, младший с постели поднялся и говорит жене:

— Пора и мне вставать! А то, пожалуй, братья уйдут далеко, останусь я один. Подавай скорее мой дождевик, рукавицы короткие, рукавицы длинные, второй дождевик, толстый, для каяка. Всю одежду мою, висящую на сушилах, подавай, а я свое охотничье снаряжение сюда внесу.

Вышел младший брат наружу. Жена за ним следом. Он, оказываясь, за каяком пошел. Вернулась жена в землянку. Охотник принес каяк, через отдушину землянки кричит жене:

— Держи каяк да тащи его поскорее в землянку, а не то братья далеко в море уйдут, не догнать мне их!

Втащили в землянку каяк. Говорит охотник жене:

— Скорее подавай охотничье снаряжение с одеждой!

Пока жена одежду и снаряжение собирала, охотник весло каячное построгал, концы заострил. Затем каячную одежду надел, жене сказал:

— Поплавок потуже надуй!

Надула жена поплавок, прикрепил его охотник к каяку вместе с гарпуном и сказал жене:

— Теперь пойди посмотри, далеко ли отплыли мои старшие братья.

Высунулась жена в отдушину и говорит:

— Они уже за скалой Укигалук. Вот-вот из виду скроются.

Подошел охотник к каяку, на одну руку длинную рукавицу надел, на другую — короткую, козырек над глазами потуже закрепил. Влез в каяк, полы дождевика хорошенько внутрь заправил, каячный пояс крепче затянул. Позвал жену, велит ей отдушину открыть и жен старших братьев кликнуть. Жена отдушину открыла, жен старших братьев позвала. Охотник сказал женщинам:

— А ну, поднимите меня вместе с каяком и несите на улицу!

Подняли женщины каяк с охотником, на улицу вынесли. Приказал охотник отдушину землянки закрыть, сам взял весло, уперся им в угол землянки, крикнул жене:

— А ну, толкни каяк посильнее в море!

Жена сказала:

— Если я сильно тебя вниз толкну, упадешь ты на береговые торосы и разобьешься вместе с каяком!

Муж сказал:

— Не бойся, скорее толкай каяк, а то старшие братья далеко в море уйдут, оставят меня!

Толкнула женщина изо всех сил каяк с охотником. Сорвался каяк с высокого места, но не покатился по земле, а по воздуху поплыл вниз к припайной кромке. Спрашивают женщины из землянки:

— Где каяк с охотником?

Жена охотника отвечает:

— Вон он по воздуху плывет, к припайной кромке приближается. Вот к кромке льда приблизился, на воду спустился, поплыл!

Через некоторое время снова женщины спрашивают:

— А где сейчас охотник?

Жена охотника отвечает:

— Морского зверя он загарпунил. Тащит его зверь по течению, уже до самого Кыгмика дотащил. Вот как будто одолел его охотник, за гарпунный ремень к каяку подтянул, каменным молотком по голове ударил. Зверь еще быстрее каяк потащил. Вот уже они около Мамрохпака находятся. Вот уж и не видно их стало.

Оказывается, охотник лахтака загарпунил. Все дальше и дальше уводит лахтак охотника от Наукана. Много раз подтягивал охотник зверя к каяку, ударял молотком по голове, да так и не мог оглушить. Зверь все сильнее вперед рвался.

Вот уже до скалы Санлук доплыли, вот уж и скала Ойук позади, а охотник все никак зверя добить не может. Скоро уже и течение разветвляется. Подтянул еще раз охотник зверя, молотком по голове ударил, убил, наконец. Надрезал шею, надул зверя и потянул его по воде к берегу. А тут как раз туман опустился, все кругом заволокло, землю туманом одело. Однако охотник к берегу ехал. Едет он, едет, а берега все нет. Вот уж и туман рассеялся, земля вдали показалась. Но что это за земля? Приближается каяк к берегу, всматривается охотник. Нет, не науканская это земля, чужая. Берег ровный, гор совсем нет, зеленая трава растет. Причалил охотник к берегу, на холмике землянку увидел. От землянки мужчина с торбой на спине идет, в одной руке деревянное блюдо держит, в другой — ведро с водой. Следом за мужчиной из землянки женщина вышла, тоже к берегу пошла. Спустились, к каяку подошли. Окликнул их охотник:

— Эгей!

Женщина говорит:

— Выходи, а каяк свой подними вон к тому верхнему каяку. Потом своего лахтака накорми, напои и разрежь на три части. Переднюю часть в торбу уложи, я понесу ее.

Охотник так все и сделал, как женщина велела. Женщина торбу с мясом в землянку понесла, муж следом за ней пошел.

Вернулась женщина, заднюю часть в торбу уложила и опять в землянку понесла. А муж все за ней ходит. Так всю добычу и перенесли. Охотник следом за хозяйкой в землянку вошел. В землянке чисто, красиво. Блестит все, как будто освещенное солнцем. Гость так и замер, от изумления слова не может вымолвить. Разрезала хозяйка лахтачье мясо на куски, сварила. А муж этой женщины, оказывается, сам Хозяин вселенной был. Вот и говорит он:

— Есть я хочу!

Потом посмотрел на жепу и прибавил:

— Этот охотник, наверное, очень жадный. Пожалел для меня добычу. А ведь старший брат не раз говорил ему о заветах отца, что лениться нельзя, что старших надо слушать и лучших кусков для меня не жалеть. Ничему этот охотник не внимал, своим умом только жить хотел. Пусть теперь один раз здесь перезимует.

Слушает охотник хозяина, а сам думает: «Куда же это я попал? Не иначе как к самому Хозяину вселенной. Надо было старшего брата слушаться, заветы отца не нарушать». А Хозяин вселенной все слышит, что душа человека говорит, все понимает, о чем человек думает. Вечером говорит жене Хозяин вселенной:

— Тот, кто зимой во время китового праздника кружки из китовых плавников мне отдал, а после об этих кружках жалел, пусть теперь не скучает!

Проснулся человек на другой день, снова думает: «Куда же это попал я?» А Хозяин вселенной услышал голос души человека и говорит:

— Никуда ты не попал. Это я взял тебя. Один раз переночуешь, один раз перезимуешь, тогда отпущу. А если скучно тебе, то на своих братьев посмотри.

Сказал так, пол в своем жилище открыл и подвел к дыре человека. Посмотрел человек вниз, землю всю увидел, а на земле своих братьев.

А братья большого кита добыли и самые лучшие куски варят. Оказывается, решил Хозяин вселенной оставить человека у себя, наказать его за то, что не слушался старших братьев, не выполнял заветы отца. Вот и сказал он человеку:

— Видишь, братья твои на земле китовое мясо варят, хорошо живут, дружно работают. Они не нарушают заветов отца, самой лучшей, самой чистой пищей меня одевают. А я за то им все необходимое даю. Смотри, если, вернувшись на землю, снова никого слушать не будешь, второй раз ко мне попадешься и уж тогда домой не вернешься!

И подумал охотник: «Вернусь на землю, буду во всем старшего брата слушаться».

Стало Хозяину вселенной жалко охотника. «Что ж,— думает,— если очень соскучится, пусть земные обычаи видит». Вышел охотник из землянки и увидел свой каяк; с одной стороны

какая полное каячное снаряжение лежит: красиво разрисованное среднее весло, поплавок, длинное весло и все, что надо для морской охоты. С другой стороны — полное снаряжение для пешей охоты. Повернулся охотник к землянке и говорит:

— Вот мое слово: если возможно мне вернуться на землю, обещаю, как вернусь, во всем буду следовать заветам отца и советам старшего брата.

Сказал так и вошел в землянку.

Говорит ему Человек обычаев:

— Слышал я, как тосковала твоя душа о доме. Иди теперь и принеси сюда свой каяк. Будешь снаряжаться на охоту, как снаряжался последний раз дома.

Принес человек каяк, стал одеваться рядом со средним жирником. Одевая, в каяк залез, уселся в нем. Снял Человек обычаев ремень со стены, перевязал им посередине каяк и говорит:

— Если этот ремень коротким окажется, вытащу тебя обратно, навсегда останешься у меня. Если же достанет ремень до земли, то домой вернешься к своим братьям.

Открыл Человек обычаев пол своей землянки. Глянул охотник вниз, своих братьев увидел. Братья кита добыли, из лучших кусков вкусную еду готовят. Взялся Человек обычаев за ремень, спустил охотника на землю. Ремень длинный оказался, до самой земли достал. Поплыл охотник по морю, и тотчас рядом с каяком лахтак показался. Загарпунил человек зверя, одним ударом убил. Освежевал и поплыл к берегу. А на берегу братья его кита свежевали. Старший брат увидел каяк, говорит:

— Эгей, наш пропавший брат домой возвращается!

И правда, подъехавший в каяке охотник их братом оказался. С тех пор младший брат во всем старших братьев слушался. Говорят, эти братья самыми лучшими охотниками были, никогда не ленились, дружно жили. Конец.

119. Девушка, превратившаяся в сивуча

Так, говорят, было. Такая сказка. Девушка не желала выходить замуж, а родители настаивали на этом. Женихи часто приходили в дом ее родителей. Проведет с нею одну ночь жених, а наутро она говорит:

— Ах, довольно, видела я тебя, а теперь убирайся отсюда!

И уходили женихи безвозвратно. Так продолжалось долго. Всякий раз девушка говорила жениху одно и то же:

— Довольно, видела я тебя, уходи!

Так перебрала она всех парней из своего поселка. Рассердились на нее односельчане, и родители сказали им:

— Известите всех, что дочь одну мы здесь оставим. Пусть все байдарные группы приготовятся к отплытию!

Однажды девушка удалилась от поселка собирать хворост на топливо. В это время родители ее и родственники быстро собрались и уплыли в море на первой байдаре. Девушка вернулась, а тут уже и другие байдары отплывают. Спустилась девушка на берег и стала просить:

— Байдары дальние, байдары дальние.
Погрузите меня, возьмите с собой!

С байдар ей отвечают:

— С гордыней своей, с телом своим
Оставайся там, на берегу!
Любуйся сама своей красотой!

И прочь уплывали байдары с людьми.

Девушка снова слезно просила:

— Байдары дальние, байдары дальние,
Погрузите меня, возьмите с собой!

Но ей снова отвечали:

— С гордыней своей, с телом своим
Оставайся там, на берегу!
Любуйся сама своей красотой!

Так отвечали ей с пяти байдар, покинувших селение этой гордой девушки.

— Так пусть я стану сивучем! — крикнула в отчаянии девушка. И вдруг, превратившись в сивуча, она прыгнула в воду. Она подплыла к байдарам и перевернула их вместе с людьми. Сама же навсегда осталась сивучем. Все.

120. Как кончился род Алихпагмит

В Нывукаке когда-то в древние времена был род Алихпагмит. Жилища этого рода находились на том косогоре оврага, где сейчас находятся колхозные мясные склады. Старшинами алихпагмитцев были пятеро братьев — великих китобоев и охотников на тюленей. Жили братья с семьями в одной большой землянке — кайги. В этой же землянке с братьями проживал один мальчик-сирота.

Эти пятеро алихпагмитцев считали себя всемогущими и потому перестали верить хранителю древних обычаев — алмысикаку, не отдавали ему даров от своей добычи, совсем не стали справлять китовые праздники.

Однажды глубокой ночью, когда сирота лежал на нарах и не мог заснуть, в окно землянки сверху просунулась голова совершенно неизвестного человека. Этот неведомый человек спустился вниз, осмотрел всех спящих и ушел через нижний проход землянки. Вдруг сирота услышал, что в землянку кто-то зашел, хотя двери изнутри были накрепко закрыты. Человек без препятствия прошел через закрытую дверь и направился прямо

к спящим братьям. Это оказался очень страшный человек. Он взял в руки весло и начал указывать им на каждого лежащего на нарах с правой стороны, затем перешел на левую. Именно там один за другим лежали пятеро братьев: старший брат в правом углу, подальше от него, справа от жирника — первый младший брат, посередине нар — второй младший брат, с левой стороны от него, подальше от жирника — третий младший брат и в самом левом углу этих нар — самый младший брат. Так своим веслом это страшилище указало на всех людей, спавших в землянке. Только на сиротку страшный человек не указал веслом.

После этого страшилище удалилось. Поздно утром, когда сиротка проснулся и посмотрел на лежащих людей, все они до единого, оказывается, умерли.

Когда все жители Нывукака проснулись, сиротка побежал по жилищам и сообщил всем, что все люди рода Мамрохпагмит скончались за одну ночь. Оказалось, что тот страшный человецище, посетивший ночью алихпагмитцев, был алмысыкак — хранитель древних обычаев алихпагмитцев. Он рассердился на них за то, что они возгордились и перестали соблюдать старинные обычаи и обряды. Из-за этого, говорят, он и погубил поголовно весь род алихпагмитцев, отчего в Нывукаке не осталось ни одного человека из этого рода. Все.

121. Ярахвагвик

Так, говорят, было. Юноша и девушка — родные брат и сестра — одиноко жили в тундре и пасли свое оленья стадо. Сестра была старше, сильнее и опытнее своего младшего брата. Она была хозяйкой стада. Брат во всем подчинялся сестре и учился у нее жизни пастухов.

Имя девушки — Ярахвагвик. Она сама пасла оленей и почти всегда была в стаде. Жизнь брата и сестры была одинаковой. Каждый вечер, когда Ярахвагвик возвращалась из стада, они варили оленину, ели, ложились спать. Утром после сна ели холодное мясо, затем Ярахвагвик уходила к оленям, а братец ее оставался дома и приводил в порядок ярангу. Иногда он приходил к сестре в стадо и наблюдал, как она справляется с оленями. Так они жили.

Однажды Ярахвагвик сказала своему братцу:

— Теперь ты вырос достаточно и можешь сам охранять оленей. Оставайся со стадом, а я пойду искать тебе жену. Ведь без жены плохо тебе будет. Жди меня здесь. Непременно каждый день упражняйся в беге, набирайся сил.

Ярахвагвик приготовила себе новую мужскую одежду из белых оленьих шкур, теплую дорожную обувь из камусов, к верхнему концу дорожного посоха прикрепила колокольчик, в за-

плечный мешок положила припасы. Затем она оделась, подпоясалась и стала похожа на настоящего мужчину.

На следующее утро юноша пошел в стадо, а Ярахвагвик направилась в дальний путь искать ему жену. Она так быстро шла, что встречные холмы, сопки и реки только мелькали перед нею. Так без усталости шла и шла и наконец вдали увидела большое селение. Тут она ускорила свои шаги и приблизилась к первым ярангам. На площадке между ярангами дети и взрослые играли в мяч. Ярахвагвик подошла и стала смотреть на игру. Ее заметила играющая в мяч девушка и стала на нее смотреть. Ярахвагвик повернулась и быстро пошла в одну большую ярангу. Зашла и увидела внутри два отдельных полога — один большой, другой поменьше. Большой полог был открыт, малый — закрыт. Людей не было. Ярахвагвик вошла в закрытый полог. Вскоре туда же вошла девушка, игравшая в мяч. Вошла и удивилась: перед нею сидел статный и красивый юноша. Девушка сказала красавцу:

— Подожди меня здесь. Я выйду сварить тебе еду.

Девушка вошла в сени. Там ее увидела мать и сказала:

— Почему это ты в неполаженное время принялась варить еду? Уж не мужчину ли красивого встретила?

Дочь ответила:

— Да, ты угадала. В мой полог вошел мужчина, и он действительно красавец.

Девушка наварила свежей оленины. Сухие куски мяса она подала в полог родителям, а самые жирные и вкусные отнесла в свой полог. Юноша, облокотившись, лежал на полу. Девушка поставила перед ним на пол дымящееся мясо, и они стали есть. Во время еды стало жарко, и девушка предложила гостю раздеться. Но Ярахвагвик ответила:

— Во время поездок к незнакомым людям мы не раздеваемся. Наш отец строго запрещает нам раздеваться там, куда мы приезжаем в первый раз.

Девушка выслушала гостя и поверила сказанному.

Ночью хозяйская девушка разбудила гостя и сказала:

— Ложись со мною рядом. Вместе спать будем.

Гость ответил:

— Во время поездок к незнакомым людям мы не раздеваемся. Отец строго запретил нам также в первый раз на чужой земле ложиться с девушкой и ласкаться. Ведь так и не выспишься.

Девушке сильно пришелся по душе гость. Она снова стала просить юношу, чтобы разделся. Ярахвагвик ответила:

— Ведь сказал же я тебе, что на первый раз не разделюсь. Таков обычай нашей семьи.

На самом деле Ярахвагвик боялась, что девушка обнаружит ее полные груди и узнает правду. В верхней одежде груди ее были неприметны. Наконец, они успокоились и заснули.

Когда Ярахвагвик проснулась, ее молодая хозяйка собралась уже бегать вокруг ближних холмов. Девушка этой земли была такой же сильной и быстрой в беге, как и Ярахвагвик.

Утром Ярахвагвик позвала:

— Где там наш гость?

Ярахвагвик ответила:

— Здесь я!

Собравшиеся снаружи люди сказали:

— Сейчас мы начнем состязаться в беге!

Ярахвагвик ответила:

— Ага, и я тоже с вами побегу!

После этого отправились. Сначала быстрым шагом, затем бегом. Ярахвагвик позади всех пошла. Вот далеко в дымке показалась гора. К той горе направились бегуны. Эту гору должны обойти и вернуться обратно. Кто первый прибудет в селение, тот и победит в состязании.

Сначала Ярахвагвик шла, затем медленно бежала позади всех. Но вот скрылись из виду жилища, и девушка побежала быстрее. Одного за другим обогнала всех людей, обогнула гору и раньше всех прибежала в селение. Вернувшиеся следом за нею здешние жители решили без отдыха начать состязание в борьбе. То же предложили и Ярахвагвик. Она согласилась. Старший из людей сказал:

— Для борьбы надо раздеться до пояса! Гость наш тоже должен раздеться!

Ярахвагвик ответила:

— Когда мы приходим в чужую землю впервые, то не раздеваемся. Таков наш обычай. Вот когда я приду к вам второй раз, тогда разденусь.

Ярахвагвик очень боялась, что груди ее люди увидят и узнают, что она не мужчина, а женщина. Так, в верхней одежде, она боролась с мужчинами этого селения и одного за другим повергала их на землю.

Хозяйская девушка сказала:

— Этот мужчина бежит быстрее всех и борется проворнее всех. Только он будет моим мужем!

Но остальные люди стали сомневаться, что их гость — мужчина. «Почему он не хотел раздеваться?» — думали они. Да разве мужчина может быть с таким красивым лицом!

И молодые мужчины решили испытать гостя еще в одном состязании. Они сказали Ярахвагвик:

— Завтра утром мы будем состязаться в пускании струи. Кто дальше всех брызнет, тот и победит. Выходи и ты, гость, посостязаться!

С наступлением ночи все разошлись по своим ярангам. Ярахвагвик снова осталась в пологе здешней девушки, но не могла заснуть. Ведь она женщина и не может пустить струю далеко от себя, как это умеют мужчины.

Ночью хозяйская девушка подползла к Ярахвагвик и зашептала:

— Эй, парень, проснись и разденься, ведь ты весь мокрый от тепла и духоты.

Ярахвагвик ответила:

— А я высуну голову из полога и подышу холодным воздухом.

Так она и сделала. Когда девушка снова заснула, Ярахвагвик нашла в сенах оленьи потроха, вынула оттуда мочевой пузырь и наполнила его чистой водой. Пузырь надулся. Она проколола его в одном месте трижды иголкой — получились три маленькие дырочки, но пузырь не протекал. Ярахвагвик привязала пузырь внизу живота.

Утром пришел здешний человек и сказал:

— Как только солнце взойдет, будем состязаться в пускании струи на камень.

Взошло солнце, и мужчины выстроились в ряд перед камнем, лежащим в нескольких шагах от них. Ярахвагвик встала посередине. Вот все мужчины приподняли подола своих курток, приготовились к пусканию струи. Ярахвагвик тоже одной рукой подняла подол своей одежды, другой придерживала пузырь с водой.

Рядом стоящие хотели было посмотреть, что держит в правой руке Ярахвагвик, но она крикнула:

— Отойдите и станьте на свое место! Я впервые состязуюсь в пускании струи, а потому стесняюсь.

После этого камень положили на расстоянии пяти шагов и по очереди стали пускать струю. Одни не доставали струей до камня, другие лили совсем около ног, третьи попадали в цель. Вот Ярахвагвик нажала на пузырь, три тонкие струйки слились в одну сильную и попали прямо в верхушку камня. Всех победила Ярахвагвик!

После состязания пошла в ярангу своих хозяев. Отцу семейства сказала:

— Теперь я пойду домой, но скоро вернусь к вам за женой.

И она пошла в свое маленькое стойбище к брату. Когда подходила, увидела, как быстро и ловко брат бегаёт около стада. Подобно стреле он мчится из одного конца пастбища в другой.

Подошла Ярахвагвик к стаду и сказала:

— Так, так, братец, хорошо бегаешь!

Брат обрадовался, сказал:

— Ну, как я выгляжу теперь?

Ярахвагвик ответила:

— Теперь ты быстрее и сильнее меня стал!

Оба они, брат и сестра, так похожи были лицами, что трудно было разобрать, кто из них женщина, а кто мужчина.

Ярахвагвик сказала:

— Теперь пойдём и поедим. Я проголодалась в дороге.

Они вошли в ярангу, приготовили еду и стали насыщаться. Во время еды Ярахвагвик сказала брату:

— Там, в дальнем селении, девушку нашла я тебе. Завтра ты туда пойдешь. Дойдешь до большого селения. Там увидишь играющих в мяч людей. Подойдешь к ним, разденешься и крикнешь:

— Ого-го-го-го! Вы хотели видеть мое тело! Вот оно, смотрите! Такое же оно, как и у всех мужчин.

На следующее утро они поели. Ярахвагвик приготовила брату дорожные припасы. Он оделся в ту же одежду, в которой уходила сестра, и широкими шагами пошел в сторону того селения. Шел он еще быстрее своей сестры и вскоре увидел впереди селение. Около большой яранги жители играли в мяч. Юноша быстро побежал к играющим. Прибежал и тотчас сбросил с себя кухлянку и оголился до пояса. Затем закричал:

— Ого-го-го-го! Вы хотели видеть мое тело! Вот оно, смотрите! Такое же оно, как и у всех мужчин!

Тут люди увидели снова сильного и быстрого юношу. Теперь уж они не стали с ним состязаться в беге, борьбе и пускании струи. Ведь победил же он их в прошлый раз.

Девушка подошла к юноше и отвела его домой, в свой полог. Там она наварила гостю вкусной оленины и стала его угощать. С наступлением ночи улеглись спать вдвоем. Теперь юноша разделся, и девушке не надо было его уговаривать.

Утром, когда все проснулись, отец девушки сказал:

— Когда мужчина женится, то уводит жену в свой дом. Отправляйтесь теперь к себе!

После этого девушка собрала свои вещи, и они отправились с мужем в стойбище Ярахвагвик.

Ярахвагвик с радостью встретила брата с его молодой женой. Так они стали жить втроем. Однажды Ярахвагвик рассказала молодой женщине:

— Ведь прошлый раз в вашем селении и в твоём пологе была я, а не брат. Ты меня приняла за мужчину. И меня, женщину, ты заставляла раздеваться. Но я опасалась, что груди мои ты увидишь и расскажешь односельчанам. А в состязании пускания струи я привязала внизу живота олений мочевого пузырь, наполненный водой, и из него сквозь отверстия от иглы пускала струю дальше всех. Все это я проделала, чтобы найти тебя для моего брата.

Так они продолжали жить втроем. Скоро стадо Ярахвагвик увеличилось вдвое. Однажды она подумала: «Брат мой возмужал, женился. Ему теперь хорошо. А я вот без мужа живу. Но ведь если бы я пошла искать его, то нашла бы непременно». И она стала готовиться к поискам мужа. Сшила себе новый женский комбинезон, штаны из пыжика и предохранительный пояс из широкого и крепкого ремня. Ярахвагвик подумала: «Этим поясом силу женихов буду испытывать».

Попрощалась она с братом и невесткой и пошла искать себе мужа. Шла, шла, приблизилась к одинокой яранге. Из яранги вышел мужчина и радушно приветствовал гостью. Затем Ярахвагвик вместе с хозяином вошла в ярангу. Этот мужчина спросил ее:

— Зачем ты пришла?

Ярахвагвик ответила:

— Хожу я, чтобы мужа найти себе!

Мужчина обрадовался, что женщина сама к нему пришла. Вошли они в полог, поели, а с наступлением темноты легли спать. Ночью мужчина проснулся, придвинулся к Ярахвагвик и засунул руку под ее предохранительный пояс. Девушка притворилась спящей, но чувствовала, чего хочет мужчина. Когда он засунул руку под пояс еще дальше, она вдруг сильно поднатужила живот и так придавила мужчине запястье, что он закричал от боли и сам не смог даже выдернуть из-под набедренного пояса свою руку. Ярахвагвик схватила руку и откинула ее в сторону. Мужчина застонал и больше не лез к ней.

Утром Ярахвагвик собралась и пошла дальше. Вскоре она подошла к другой одинокой яранге. Оттуда вышел мужчина и радушно приветствовал ее. Он спросил Ярахвагвик:

— Зачем ты пришла?

Она ответила:

— Хожу я, чтобы мужа найти себе!

Мужчина пригласил ее в ярангу. Там они разделись, поели и с наступлением ночи легли спать вдвоем. Ярахвагвик снова притворилась спящей. Мужчина начал ее ощупывать, гладить ее полные груди, а затем засунул руку под набедренный пояс, стараясь порвать его.

Тут Ярахвагвик поднатужилась животом и раздавила поясом руку этого человека. Ох, как больно ему стало! Даже вынуть руку из-под пояса не может! Ярахвагвик схватила его руку и отбросила в сторону. Человек этот со стоном отвернулся и умолк.

Утром Ярахвагвик проснулась, оделась и пошла дальше. Вскоре приблизилась к большой яранге. Изнутри вышел мужчина и радушно приветствовал гостью. Ярахвагвик вошла вместе с ним в ярангу. Человек спросил ее:

— Зачем ты пришла сюда?

Ярахвагвик ответила:

— Мужа хочу иметь, вот и пришла к тебе!

Мужчина сказал:

— Хорошо, попытаюсь в жены взять тебя!

После этого они вошли в полог, сытно поели, разостлали постели и вдвоем улеглись спать. Вскоре мужчина к Ярахвагвик подошел и под ее набедренный пояс снизу просунул руку. Ярахвагвик поднатужилась, но мужчина успел-таки рывком выдернуть из-под пояса свою руку. Затем большим пальцем заце-

пил сбоку набедренный пояс и разорвал его. Ярахвагвик, волнуясь, проговорила:

— Вот такого сильного и смелого мужа я и искала! Вот за таких мужчин выходят замуж!

И стала Ярахвагвик женой этого сильного человека. Так вдвоем стали жить. Однажды Ярахвагвик сказала мужу:

— Было бы совсем хорошо, если бы мы поселились по соседству с моим братом и перекочевали бы с этого места.

Муж сказал:

— Что же, я согласен, перекочуем.

После этого они разобрали ярангу и переехали в стойбище ее брата. Ярахвагвик установила свою ярангу рядом с ярангой брата. Две семьи теперь вместе жить стали, а их оленье стадо еще больше увеличилось. Все.

122. Два силача и старик

Жил на острове Киги человек, вскормленный собакой. Звали его Эттувыи. А в Япракиноте жил другой человек, вскормленный бурым медведем, его звали Кайнувыи. От животного молока силу они огромную получили. Оба друг друга никогда не видели. Но кигмитский Эттувыи слышал, что Кайнувыи очень силен, а Кайнувыи люди говорили, что сильнее Эттувыи никого на свете нет.

Передали они через людей друг другу весть, что хотят помериться силой. Вот однажды япракинотский старичок поставил в лагуне рыболовные сети. На его байдаре было два тугих поплавок из пестрой нерпы. Вдруг видит: идут два силача — Эттувыи и Кайнувыи. Подошли они к старичку и сказали:

— Смотри, старик, как мы будем в силе состязаться, да скажи потом, кто из нас сильнее.

Старичок ответил:

— Подождите меня здесь, пока я сеть поставлю.

Расправляет сеть не спеша, а сам глаз с силачей не спускает. Легли силачи на песок и подперли подбородки, разговаривают мирно друг с другом. Оказалась под рукой у Кайнувыи кость от сустава моржового лапа. Взял он эту кость и раскрошил ее пальцами в порошок. А Эттувыи облокотился на поплавок из нерпичьей шкуры, хотел его поправить. Только задел рукой, поплавок не выдержал и лопнул. Старичок все это видел. Расправил он сети и сказал им:

— Вот вы и посостязались: один пальцами кость раскрошил, другой одним прикосновением раздавил поплавок из нерпичьей шкуры. А ты, Эттувыи, разве можешь сказать, что тело твое крепче раздавленной кости? А ты, Кайнувыи, разве скажешь, что тело твое крепче поплавок из надутой нерпичьей шкуры?

Оба вы такие силачи, что начнете состязаться и убьете друг друга. Лучше уж не боритесь! Ведь вы в разных селениях живете!

Послушались янракинотского старичка силачи и не стали бороться, разошлись. Все.

123. Оленеводы

Жил оленевод с женой и сыном. Стадо у него многочисленное было. Жалел он сына, все на пастбище один делал. Вот однажды призадумался и говорит себе: «Если я умру, сын мой совсем один останется, трудно ему будет справиться с таким большим стадом. Вот бы сироту к себе взять, чтобы был помощником сыну! Эх, хорошо бы сироту найти!» Однажды бродил по тундре, нашел мальчика-сироту и привел к себе. Стал тот на день его в стаде сменять. Легче стало старику. Когда зима наступила, снег выпал, стали юноши чередоваться. Сирота быстро научился владеть копьём. Сын же старика ленивый был. Сирота с каждым днем сил набирался.

А далеко на северной стороне было еще два стойбища. У ближнего соседа четыре сына было. Все пятеро мужчин — мастера копьями владеть. Самый младший брат к тому же хороший бегун, быстрее всех бегал. И еще были у них две сестры. А дальний сосед один с женой жил.

Сын этого человека ленивый был. Плохо оленей охранял, а ночью, только стадо остановится, он сразу и заснет. И спит беспробудно всю ночь. А сирота, пока хозяйский сын спит, всю ночь с копьём упражняется, силу и ловкость развивает. Проснется сын, а сирота говорит ему:

— Смотри, не спи так много! Какая от этого польза? Упражняйся так же, как я учись копьём владеть. Бывает иной год, что появляются откуда-нибудь недобрые люди.

Скоро сирота научился очень хорошо на оленях ездить. Упражняясь, над головами оленей копьём размахивает. И говорит так сыну старика:

— Смотри, когда небо землю снегом покрывает, то и корм олений прячет, трудно тогда становится стаду. Или же недобрые люди откуда-нибудь появятся — и здесь погода много значит.

И еще сирота сказал:

— Поэтому нельзя тебе много спать, а надо в силе и ловкости упражняться.

Сын старика ответил:

— Как ты можешь мне советы давать? Ведь ты от меня во всем зависишь. У меня отец есть, потому ты не должен меня учить. А у тебя нет отца, и потому ты от меня зависишь.

А сирота еще больше упражняется, хочет стать ловким и сильным.

Вот уже несколько лет береговые люди не приезжали. Отец однажды сказал:

— Не стало у нас лахтачьих подошв, изнасилась оленья упряжь, не стало ремней для нарт, изнасились подполозки у нарт. Как не позавидовать северным соседям! Приезжали к ним береговые люди, привезли в обмен подошвы, ремни для нарт и упряжек, подполозки к нартам. Вот бы мне поехать туда!

Воспитанник его и родной сын отвечают:

— И правда, поезжай!

Назавтра с рассветом уехал. К вечеру до многосемейного оленевода доехал. Подъезжает к первой яранге, выходит из яранги хозяин, оленей приехавшего привязал, затем сказал:

— Входи к нам, поешь!

Вошел гость, хозяин у него спрашивает:

— Ты, наверное, с какой-нибудь целью едешь?

— Да, подошвы, лахтачью шкуру, ремни, подполозки хочу достать, вот и едзу. Ведь нас береговые люди в этом году не посетили, поэтому ничего у нас нет.

Хозяин сказал:

— К сожалению, это у северного соседа много береговых людей было. Туда тебе и надо ехать! Если там ничего не достанешь, тогда уж к нам заезжай. Я с тобой хоть чем-нибудь поделюсь.

Гость сказал хозяину:

— Пожалуй, поеду туда!

Хозяин сказал:

— Когда там что-нибудь раздобудешь, еще куда-нибудь поедешь?

Гость ответил:

— Нет, обратно сюда поеду.

Вышел и поехал дальше. А хозяин тем временем говорит своим сыновьям:

— Как заедет он сюда на обратном пути, я его убью. А вещи его себе заберем.

Приехал оленевод к дальнему соседу. Земля в том месте большим снегом покрылась, но от южного ветра и позднего дождя поверх снега ледяная корка легла. Подошел гость к яранге. Хозяин сказал:

— Входи!

Стали вошедшего угощать. Во время еды хозяин спрашивает:

— Ты, наверное, с какой-нибудь целью едешь?

Отвечает гость:

— Да, подошвы, лахтачью шкуру, ремни для упряжки, подполозки для нарт хочу достать, вот и едзу. Ведь к нам береговые люди в этом году не приезжали, поэтому нет у нас ничего.

Хозяин сказал:

— С какой стороны ты моего соседа объехал?

Гость ответил:

— Я прямо через их стойбище ехал.

Хозяин спросил:

— Что тебе сказал отец тех братьев?

Гость ответил:

— Он сказал мне: «Удачно ты приехал. Есть у нас все эти вещи. Но сначала к дальнему соседу поезжай. Если там ничего не достанешь, мы тебе что нужно дадим».

Хозяин гостю говорит:

— Конечно, я тебе все, за чем ты приехал дам. А ты отсюда, наверное, в другое место заедешь?

Гость сказал:

— Нет, я обратно к тому многосемейному заеду.

Хозяин сказал:

— Смотри, если к ним поедешь, жизни лишишься, убьют они тебя!

Затем хозяин еще сказал:

— Я думаю, что надо тебе отсюда уехать ночью. Когда поедешь мимо соседского стойбища, будь настороже. А как убедишься, что в безопасности, поезжай дальше прямо.

Стемнело, собрался гость и уехал. Когда совсем темно стало, решил, что теперь уж безопасно, и поехал прямо. Всю ночь оленей изо всех сил гнал. А отец той большой семьи с вечера его караулил, ждал, когда он через их стойбище поедет. К полуночи не дождался, бросился наугад догонять. Слышит убегающий скрип снега и удары палкой по оленям, думает: «Совсем погопя близко». А олени его сильно шерсть потеряли. Оглянулся, видит: правда сосед его догоняет. Вот-вот догонит, хотя олени его быстро-быстро бегут. Догнал наконец. Когда поравнялись упряжки, бросил сосед копые. Убегающий пригнулся, копые в бедро одного оленя вонзилось. Соскочил он с нарты, вынул копые из оленя. Сосед тоже с нарты спрыгнул. Убегающий копые на него нацелил, вертит в руках. Попятился сосед, смотрит, как бы не упасть. Говорит ему оленивод:

— Имеющий копые вперед смотрит! Берегись теперь!

Прижал врага к сугробу, подумал: «Если сейчас нападую, он отпрыгнет и в сугроб упадет». Бросился на врага, тот отпрыгнул и упал на спину. Вскочил на него оленивод и пронзил насмерть копыем. Затем снял с убитого одежду и здесь же захоронил его. В головах его копые острием вверх поставил. Затем малахай убитого на копые повесил и шнурком закрепил. После этого пошел к своим ослабевшим оленям и заколол их. Вместо них пару оленей соседа взял. И скоро домой вернулся.

С рассветом отправились сыновья убитого на поиски. Идут и говорят:

— Наверное, отец наш снова в эту ночь траву к земле склонил.

Шли, шли, видят: вдали из снега копые торчит. Старший брат сказал:

— Вон там опять отец траву к земле склонил, а сам ушел в их жилище поесть.

Когда же братья к копыю подошли, малахай увидел. Младший брат узнал шапку и говорит:

— Да ведь это нашего отца малахай!

Убедились они, что отец убит, вернулись домой. Стали после этого остерегаться.

Вернулся домой оленевод, ничего не рассказал о случившемся ни сыну, ни сироте.

Наступила зима, толстым слоем снега покрыло тундру, погнали юноши стадо к подножию гор. А нарты их совсем без подполозков стали, ездовые олени без упряжки остались, кончились ремни для нарт, у самих все подошвы изнашивались. А землю еще больше снегом покрыло. Ближние олени пастбища совсем загло. Целыми днями ездит сирота по тундре, корм для оленей ищет. Можно позавидовать соседним стойбищам: ко всем приезжали береговые люди. Все есть у соседей: и подполозки для нарт, и подошвы, и ремни. Особенно много всего у дальнего оленевода, который когда-то с их отцом поделился. А ехать до него один день и еще полдня. Да и снег в ту зиму очень глубокий выпал. Целыми днями сирота на оленях ездит, неглубокого снега ищет. Вот однажды, вернувшись, сказал своему хозяину:

— Целыми днями я езжу, ищу места с неглубоким снегом. Недалеко от нас многосемейные. За ними одиночная гора. Подножие этой горы покрыто неглубоким снегом. Вот бы туда перенять стадо! Если здесь останемся, совсем олени из сил выбьются.

И вот погнали стадо к подножию той горы. К ночи подошли туда. Сын оленевода говорит:

— Вот бы к многосемейным в стойбище за горячей едой пойти да поесть хорошенько!

Сирота отвечает:

— Если хочешь ехать, поезжай. Я же останусь в стаде. Не впервые мне на снегу быть.

Сын оленевода говорит:

— Вот ведь ты какой непослушный!

Сирота объяснил, что нельзя им ехать туда — ведь у них в стаде есть чужие олени. Спросил сына оленевода:

— Неужели ты не догадываешься?

Сын оленевода сказал:

— Отец наш, пожалуй, рассказал бы нам. Вижу я, ты без отца хочешь хозяином быть. Но ведь я настоящий хозяин стада! Ведь мой это отец, а не твой!

Сказал тогда сирота:

— Что ж, поедем!

И вот запрягли оленей, поехали. К тем многосемейным поехали. Там их хорошо приняли. Отвели их к первой яранге, к яранге старшего брата. Он один с женой живет. Там юноши

парты свои поставили. У сына оленевода парта с колокольчиком была. Хозяин приглашает:

— Входите!

Сын оленевода первым поспешил войти. Вошел в полог, занял место у передней стены. Сирота последний вошел. А тот уж раздеться успел. Сирота подумал: «Зачем же он разделся?» — и прислонил голову к передней стенке. А за пологом в сенях муж и жена разговаривают. Слушает их сирота. Муж жене говорит:

— Отец этих парней, сидящих в пологе, нашего отца убил. Они наши враги. Приготовь им горячей еды повкуснее.

Сын оленевода слышит, что за пологом разговаривают, но не разбирает, о чем они говорят. Сирота тоже слышит и все понимает. Сын оленевода спрашивает:

— О чем разговариваете?

А хозяин нарочно погромче говорит жене:

— Отец наш рассказывал, что отец сидящих в пологе его хороший друг.

Сын оленевода снова из полога спрашивает:

— О чем разговариваете?

Ответил хозяин:

— Говорю жене, что сидящие в пологе наши друзья.

Посмотрел сирота с тревогой на сидящего у передней стены товарища. Наступила ночь, женщина только кончила оленину варить. Внесла варево в полог. Стали есть. Во время еды хозяин говорит:

— Вот вы наши настоящие друзья!

Однако осторожный сирота даже чижки не снял. После еды легли спать. Сын оленевода как лег, так и заснул тотчас. А сирота не может заснуть, не дает ему покоя подслушанный разговор. Один глаз закрыл, другим смотрит. Через некоторое время хозяин приподнялся, взял трубку и закурил. Курить кончил, бросил трубку в стену полога, чтобы гости от шума проснулись. Не просыпаются. Взял тогда ночной горшок, греметь стал — опять не просыпаются. Тогда сказал жене:

— Крепко эти парни спят. Ну, теперь одевайся! Братьев позовем.

Когда оделись, сказал жене:

— Я выйду, а ты мне занавес полога поддержи. Затем я подержу, чтобы ты вышла.

Вот жена полог рукою приподняла, а муж вышел. Затем он из сеней полог приподнял, жена вышла. Отправились по другим ярангам братьев созывать. Подошли к первой яранге, хозяин говорит:

— Там, в пологе, двое спят. Одевайся быстрее!

У второй яранги позвал:

— Там, в пологе, двое спят. Одевайся скорее!

Так вот всех братьев позвал.

А сирота, как только хозяева вышли, вскочил, товарища своего в бедро кулаком ткнул. Тот проснулся, штаны, чужи и торбаса с сушильной рамы стянул. Сирота ему говорит:

— Слишком ты много спишь! Ведь предупреждал я тебя, что в нашем стаде два чужих оленя. Сколько заставлял тебя в силе упражняться! Никогда ты меня не слушаешь.

Оделись юноши быстро и вышли в темноту. А в это время их хозяин у последней яранги говорил:

— Там, в пологе, двое спят. Мы должны их убить.

Вышли сирота с сыном оленевода из полога, забрали свои нарты. Начал на нарте сына оленевода колокольчик звякать.

— Что мне делать с этим колокольчиком? — спрашивает он.

Сирота сказал:

— Оторви!

Тот оторвал и спросил:

— Куда мне деть его?

Сирота ответил:

— За пазуху положи!

Затем выволокли нарты. И прямо к своему стаду направились. Когда приблизились, свистнул сирота, оленей своих позвал. Подбежали два оленя. Он запряг их. Сыну оленевода сказал:

— Позови и ты своих оленей!

Хотел тот свистнуть, от страха не может. Сирота сказал:

— Вот говорил я тебе, что, когда отец наш в стойбище за лахтачьей шкурой, ремнями и подполозками ездил, случилось с ним что-то по дороге, а он нам не рассказал, а ты все свое: «Отец бы рассказал...» Ну, зови оленей!

А тот от страха опять не может свистнуть. Наконец, свистнул. Подбежали два оленя. Запрягли их парни, сели в нарты и помчались.

Тем временем старший брат младших братьев собрал. Пошли к яранге старшего брата. Вошли в сени, старший брат говорит:

— Я в сени останусь, а вы к пологу идите. Когда все будет кончено, скажете: «Готово».

Затем старший еще сказал:

— Те двое как раз напротив вот этого места спят. Идите и прямо через полог убейте их!

И вот пронзили копьями полог, но никто не вскрикнул, не застонал. Старший брат приподнял копьем полог. Нет юношей. Старший сказал:

— А ну, где там их нарты?

Вышли, смотрят — и нарт нет. Старший сказал:

— Едем догонять!

Подбежали к своим оленям. Старший свистнул своим оленям. Тотчас два явились. Запряг. Братья тоже своим оленям свистнули. Прибежали олени. Запрягли их. Старший сказал:

— Вперед, в погоню!

Убегающие очень быстро ехали. На рассвете позади скрип полозьев слышали.

Сирота сказал:

— Это за нами гонятся!

И правда, вот уже братья совсем близко. Вот обогнали. Спрыгнули с нарт. Сирота сказал сыну оленевода:

— Вот они и догнали нас! Ну что ж, подкрепимся дорожным припасом, а затем оденемся-приготовимся!

Оделся сирота для поединка и говорит товарищу:

— А ты пока поупражняйся с копьём!

Как только заря утренняя поднялась, заколол он копьём двух своих оленей. Жертву всевышнему принес. Сын оленевода тоже своих оленей заколол, тоже жертву принес.

Тем временем и братья для поединка переоделись. Ринулся старший брат на сироту. А сирота на него. Скрестили копыя. Разгорелась заря, повалил сирота своего врага копьём на спину. Вскочил на него, копые к груди приставил. Поверженный сказал:

— Подожди, дай мне вздохнуть!

Однако пронзил его сирота копьём и убил. Вместо убитого второй брат на сироту ринулся. Снова копыя скрестили. Стал второй брат теснить сироту. Вот когда совсем трудно стало, сирота первым по копыю нападающего ударил, на спину повалил. Затем вскочил на него, копые к груди приставил. Победенный сказал:

— Подожди, дай мне вздохнуть!

Однако пронзил его сирота копьём и убил. Сильно устал, спрыгнул с убитого и сказал товарищу:

— Теперь твоя очередь!

Ринулся сын оленевода на врага. Крикнул ему сирота, чтобы он смелее держался. Подбадривает его:

— А ну, смелее!

И он копьём врага на спину повалил. Поверженный сказал:

— Подожди, дай мне вздохнуть!

Однако пронзил копьём его сын оленевода и убил. И вот когда третьего брата сразили, младший домой убежал. Погнались юноши на его же оленях за ним. Ой и быстро бежал младший брат! Возле самой яранги был, когда, наконец, настигли его. Сказал им младший брат:

— Старшие братья против воли моей заставляли меня так поступать. Плохо они делали. Никто так делать не должен. Пощадите меня! Я вам половину оленей отдам и все остальное добро пополам разделю. А сестер моих каждый в жены себе возьмите. Я же к вам обоим как брат относиться буду!

Согласился сирота и сказал:

— Вот это ты хорошо говоришь!

Оба женились на сестрах побежденных братьев, а оленей пополам разделили. После этого в свое стойбище приехали. Отцу-воспитателю сирота так сказал:

— Почему ты, как тогда вернулся, не рассказал нам, что с тобой случилось? Ведь мы из-за этого чуть не погибли! Достаточно поработал я на тебя. Если хочешь умереть, то умирай!

Затем пошли за убитыми братьями, взяли к себе, похоронили. Вот тогда оленей у них много стало. Все.

124. Меткий стрелок

Так было. Жил один береговой человек со своей семьей. Были жена у него и дети. Тот человек много добычи домой приносил. А по соседству жили пять ленивых братьев. Узнали ленивые братья, что их сосед каждый день с добычей приходил, решили ее отнимать. Так и стали делать, а охотник без добычи домой стал возвращаться. Только звериные головы оставляли ему братья. Хорошо стали жить ленивые братья. Но без жира и мяса, в рваной одежде оказалась семья охотника.

Однажды жена говорит охотнику:

— Когда убьешь зверя, жди темноты, и тогда не увидят тебя.

Так и стал делать охотник: целыми днями охотился в море, а на ночь возвращался домой с добычей.

Наступила весна, северные ветры отогнали в море льды, стал человек охотиться на байдаре. Много лахтаков и нерп убивал. Снова братья отнимали у него добычу. Одни звериные головы оставляли ему.

Снова жена говорит мужу:

— Дети твои голыми и голодными ходят, а ты все шкуры и мясо отдаешь этим разбойникам. Скажи им, чтобы сами охотились.

Молчит охотник, думает: «Братьев пять, а я один. Постоянно силой будут брать у меня добычу. Сейчас они все вместе, а зимой я их по одному победить могу. Подожду зимы».

Наступила зима. Снова братья добычу отнимают у охотника.

Вот однажды, в тихую солнечную погоду, когда лахтаки греться на лед вылезают, пошел человек на охоту. Пришел на лед, прорубь сделал и стал ждать, пока не покажется лахтак. Взял копьё, ждет... Вот лахтак голову в прорубь высунул. Охотник копьё в глаз ему вонзил. Убил зверя, освежевал. Тут из-за тороса два брата — старший-силач и младший-бегун выходят, добычу забрать хотят.

Говорит им охотник:

— Не отнимайте всего, поделим пополам, дети мои голодны и раздеты!

У братьев-разбойников жалости нет, все хотят забрать. Старший за мясо схватился. Рассердился охотник, копьё своё остроконечное в спину врага вонзил. Младший разбойник, испугавшись, к своим братьям убежал. Охотник с добычей домой пошел. Говорит жене:

— Вот теперь я не отдал им своей добычи! Сделал так, как ты мне всегда говорила.

Решили братья отомстить за своего старшего брата и вызвали смельчака-охотника на бой.

Охотник в легкую одежду война оделся, взял лук со стрелами, копые с панцирем и на место боя вышел.

Братья множество стрел в охотника пустили, но он хорошо защищался. Ни одна стрела не поранила его. Когда солнце показывало уже полдень, охотник натянул впервые свой лук и пустил стрелу в сердце среднего брата. Не успел тот и щита поднять, как воизилась в него стрела меткого охотника.

Видят братья — охотник хорошо владеет копьем и луком. Решили не убивать его и не отнимать у него добычи, сказали: «Пусть будет нашим старшим братом!» С тех пор охотиться стали вместе. Все. Конец.

125. Умильгу

Так, говорят, было. В кочевье из пяти яранг жил мальчик по имени Умильгу. Этот мальчик был сиротой, не было у него ни матери, ни отца. Во всех пяти ярангах работает Умильгу, почти не спит, постоянно в стаде находится. Не любили хозяева этого кочевья бедного сироту Умильгу, много работать заставляли, а обуви новой не давали. Так ходил он в стадо в рваных торбасах и ветхой одежде.

Однажды спросил отец девушку из одной яранги:

— Почему для Умильгу не сошьешь торбаса?

Девушка сердито ответила:

— Кто его любит, тот пусть шьет.

Так бедный Умильгу жил среди чужих людей. Однажды он зашел в крайнюю ярангу, в которой еще не был ни разу. В этой яранге жили двое бездетных людей. Люди эти хорошие оказались, приютили сироту Умильгу и сказали, чтобы у них остался жить вместо сына. В этой семье Умильгу впервые стал вдоволь спать и есть. Сшила ему мачеха новую одежду и торбаса.

В половине зимы у всех кочевников олени без корма остались, кончился корм. Решили всем стойбищем откочевать на другое пастбище, а в ярангах оставить молодых людей. И правда, только девушки в своих ярангах остались да Умильгу в крайней яранге.

И вот налетели в яранги девушек какие-то воители, начали забирать добро и поедать запасы пищи. Девушки сбежались в одну ярангу, от страха начали плакать. Затем одна из них сказала:

— Побежим к Умильгу, может быть, поможет прогнать врагов.

Прибежали к Умильгу, говорят:

— Пришли к нам воители, добро забирают, помоги нам.

Умильгу ответил:

— Что же, пусть делают все, что им угодно. Давно ли вы считали меня никчемным, не хотели даже торбаса мне шить! Девушки закричали:

— Все тебе сделаем: торбаса, штаны, кухлянку, только помоги прогнать врагов!

Умильгу сказал:

— Ничего мне не надо, все у меня теперь есть. Без этого с врагами расправлюсь. Ведь для этого, наверное, и оставили меня здесь воспитатели.

Умильгу одежду новую надел, лук со стрелами взял и вышел на улицу. У дальних яранг враги бегают, добро к своим нартам привязывают. Натянул Умильгу лук и выстрелил в ближайшего врага. Тот упал. Начал Умильгу стрелять во врагов, а девушки ему стрелы подают. Стрел у него больше тысячи. Не ожидали враги сопротивления, растерялись — думали, целое войско стреляет. Стали они разбегаться во все стороны, а Умильгу каждого из них стрелами поразил. Оставил в живых только двух противников¹ и сказал им:

— Уезжайте и расскажите своим людям, как один Умильгу ваше войско разбил.

С тех пор враги не появлялись больше. А Умильгу женился на самой красивой девушке из этого стойбища.

126. Нунагмитцы

Это так и было. Жили в Нунаке семь братьев с сестрой. Рядом с ними в отдельной землянке одиноко жил их двоюродный брат, красивый и сильный, превосходный охотник на морского зверя. Девушка, сестра семи братьев, почти все время проводила в землянке двоюродного брата. Этот удачливый и сильный человек постоянно добывал нерп, лахтаков, моржей и даже китов.

Когда приезжал на берег с морской добычей, просил свою двоюродную сестру носить нетяжелые куски в мясные склады. Девушка с радостью выполняла эту работу и так к ней привыкла, что стала быстрее всех бегать и носить большие тяжести. А ее двоюродный брат без труда носил на спине добытых им далеко в тундре диких оленей.

Братья завидовали удачливому силачу — ведь они не могли добыть столько зверя. Однажды младшие братья сказали:

— Почему же наш двоюродный брат стал таким сильным и красивым? Зачем одному человеку столько силы и красоты? Наверное, он решил всех нас убить.

Старшие братья ответили им:

— Что вы, он хороший человек, и не думает делать нам зло. Вы завидуете его силе и красоте. Если вы будете постоянно упреждаться в беге и ношении тяжестей, сами станете сильными и красивыми.

Но младшие братья не хотели слушать того, что говорят старшие, и решили убить двоюродного брата.

Однажды младший брат пошел в Валкаль и нашел около берега выброшенного на мель кита. Вернувшись, рассказал об этом братьям. Двое младших братьев решили, что на разделку кита они позовут двоюродного брата и там застрелят его из луков. Решили так: сначала они будут тянуть кита из воды и сделают вид, что не могут вытянуть, а затем позовут на помощь двоюродного брата. Вот когда он потянет, тут они и убьют его.

Сестра подслушала их разговор, и, когда двоюродный брат вернулся с охоты, все ему рассказала.

Двоюродный брат не поверил ей, но она с плачем уверяла его в опасности. Она подробно рассказала охотнику, как и где собрались младшие братья убить его. Наконец он поверил ей. Девушка приготовила к вечеру вкусной еды, чтобы в последний раз поесть с двоюродным братом, и сказала:

— Иди с ними, а я пойду позади и понесу для тебя лук и стрелы.

Пришли к киту, стали тянуть его, но туша даже не шелохнулась. Тогда самый младший из братьев сказал:

— Двоюродный братец, может быть, ты подтянешь кита?

Юноша взялся один за ремень и подтянул китовую тушу на берег, а в это время младшие братья начали стрелять в него из луков.

Но стрелы лишь немножко поранили силача. Бросив ремень, он стал защищаться от стрел руками, как бы печально задел по голове самого младшего и злого из братьев. Тот упал и разбился о камни. После этого братья прекратили стрельбу, схватили убитого и понесли домой.

Двоюродный брат вернулся домой очень печальным. Он жалел, что убил младшего из братьев. Двоюродная сестра сказала ему:

— Не надо печалиться и жалеть его. Ведь это мои младшие братья хотели убить тебя.

Охотник хотел было пойти к братьям, но девушка боялась, что его убьют, и не пустила брата.

— Я сама пойду и узнаю, что еще замышляют братья,— сказала она.

Вернувшись с похорон брата, девушка рассказала двоюродному брату, что теперь уже все братья решили отомстить ему за смерть младшего. Она предложила ему поскорее уйти из этого селения. Вдвоем они разобрали жилище, сделали из его остатков байдару и под нарсами из шкур дикого оленя ушли в море.

Дул попутный ветер, и с наступлением темноты они причалили к какой-то земле, где их никто не встретил. Здесь перевернули байдару и решили переночевать. Как-то увидели, что кругом их кыгытмитская земля и что они находятся на длинной косе. Здесь сделали землянку и стали жить.

Однажды этот юноша ушел далеко от землянки по следу диких оленей. Шел по берегу и увидел девушку, которая готовила пищу на костре около перевернутой байдары. Подошел к девушке, и та спросила его:

— Откуда ты появился?

Он ответил:

— Я нунагмитский.

Женщина сказала:

— Подожди, скоро вернется с охоты мой брат, и вы вместе с ним поедите вкусного мяса.

Правда, вскоре вернулся брат этой женщины, красивый и молодой человек.

Во время еды нунагмитский охотник спросил:

— Что ты делаешь здесь с этой девушкой?

Хозяин ответил:

— Это моя сестра. А сюда мы приехали, чтобы собрать на зиму разных съедобных трав и корней.

Нунагмитский охотник сказал:

— Там, в землянке, моя двоюродная сестра.

Затем все пошли в землянку.

Брат и сестра, жившие под перевернутой байдарой, рассказали, что они приехали сюда далеко из-за пролива. Они пригласили нунагмитцев поехать к ним в тыкыгакскую землю и остаться там жить. Нунагмитский охотник и его двоюродная сестра согласились. На следующий день на двух байдарках выехали с этого места. Через несколько дней причалили к берегу, там сделали жилища.

Однажды тыкыгакский человек сказал нунагмитцу:

— Надо нам обзавестись женами. Ты возьми в жены мою сестру, а я возьму твою двоюродную сестру.

Действительно, поженились.

Через несколько лет у них подросли дети, у каждого по двое: две девочки и два мальчика.

И вот двоюродный брат как-то сказал женщине из Нунака:

— Давай наведем братьев. Теперь ведь не страшно. Если меня убьют, то останутся мои дети для продолжения рода.

На следующий день обе семьи с детьми поехали в Нунак. Через несколько дней прибыли. Выскочили братья из своей землянки и увидели две байдары, а из байдар выходят люди с детьми.

Двоюродный брат первым поднялся на берег и сказал братьям:

— Вот я приехал. Теперь можете убить меня.

Но двоюродные братья сказали:

— Нет, не будем мы убивать своего родственника. Ты наш гость.

С тех пор помирились нунагмитцы с кыгитмитцами и часто ездят с детьми и женщинами в гости друг к другу.

127. Виютку-предводитель

Жили в Нунлигране три брата: старший Виютку — силач, средний Анику — копыеносец и младший Суплякын — бегун. Все трое хорошими воинами и удачливыми охотниками были. Как-то односельчане сказали им, что в стойбище появился человек, который бежит на север. Виютку велел позвать его к себе и спросил:

— Откуда ты пришел к нам, человек? Какие вести принес из дальних краев?

Человек сказал:

— Оттуда бегу, с юга. Опять в наши береговые селения пришли танниты, грабят имущество, убивают мужчин, уводят с собой наших женщин и детей!

Виютку сказал:

— А-а, вот как! А до какого места дошли они? Далеко ли отсюда?

— Сейчас танниты еще далеко.

Виютку сказал:

— Если они далеко, оставайся с нами. Будем готовиться и ждать врага. Разве ты боишься умереть за своих?

Человек остался в Нунлигране. Не один он бежал от таннитов, многие... Всех, кто бежал от них, Виютку оставлял в Нунлигране. И когда много людей собралось, Виютку разделил всех мужчин на борцов, бегунов и копыеносцев.

Каждый день, как велел Виютку, бегуны состязались в беге, борцы — в борьбе, в поднятии тяжестей, а копыеносцы — в метании копий. Тем временем Виютку приказал всех собак держать на привязи, чтобы злее стали...

Когда дни стали длиннее, Виютку начал посылать своего младшего брата Суплякына к заливу Каниник, посмотреть, не идут ли танниты.

Бегом отправлялся Суплякын в дальний путь и к заходу солнца возвращался в Нунлигран. Так было много раз, но враги все не показывались.

Однажды Суплякын снова побежал смотреть, не идут ли враги. На гору поднялся, кругом далеко видно. Вдруг видит Суплякын: поднимается в гору человек в легких летних одеждах. Подошел человек к Суплякыну. Встретились, стали расспрашивать друг друга о вестях-новостях.

Пришедший говорит:

— О, оказывается, здесь еще человек!

Суплякын отвечает:

— Да, я человек, а ты кто?

Пришелец сказал:

— Я таннитский человек, а ты чей?

Суплякын сказал:

— Я нунлигранский житель, охотник на морских зверей.

Пришелец сказал:

— Меня наш хозяин послал — посмотреть, не живут ли поблизости люди. Ведет нас хозяин на северных людей. Только куда ни приходим мы — нигде людей нет, все куда-то ушли. Женщины, старики и дети остались, а мужчин нет. Наверное, на север ушли...

Суплякын говорит:

— Они все на дальний север ушли. Далеко, к Уназику ушли.

Суплякын сказал еще:

— Вот хорошо, что встретил здесь тебя. Я ведь ищу таннитов, хочу к ним в пастухи или погонщики пойти. Здесь, рядом, нунлигранцы живут, ничего не делают, ничего не подозревают о наступлении таннитов. Я хочу к вам пойти. Далеко ли вы отсюда?

Таннитский человек сказал:

— Через полмесяца наш караван будет здесь.

Суплякын сказал:

— А-а, ну, я пока вернусь, а через несколько дней пойду к вам навстречу, не откажите взять к себе.

Затем Суплякын повернулся и пошел домой, а таннитский человек обратно по своему следу пошел.

Пришел Суплякын в Нунлигран и сказал Виютку:

— Скоро к нам придут враги. Видел я их разведчика. Он говорит, что через полмесяца придут в Нунлигран. Я ему сказал, что нунлигранцы ничего не знают, к войне не готовятся. Разведчик обратно по своему следу ушел.

На другой день Виютку собрал весь народ. Когда люди собрались, Виютку сказал им:

— Мы должны пойти навстречу таннитам. Надо их застать в пути, когда их караван через горы переваливать будет. В походе оружие таннитов к нартам привязано. Нападем на них врасплох. Приготовьте своих собак.

Стали нунлигранцы готовить свое снаряжение: луки, стрелы, копыя и пращи. К нартам дорожную пищу и запасную обувь приторочили.

На следующий день вышли в поход. Много собачьих упряжек повели нунлигранцы. Много дней шли. Наконец подошли к Тапниритским горам. Остановились, спрятались в ущелье за гребнем. Виютку сказал своим воинам:

— Когда поднимемся на Тапниритский гребень¹, там станьте по двое, незаметно от врага. Собак своих не спускайте, будьте настороже! Когда я крикну вам, собак спустите, бросайте все на врага, кричите сильнее. А вы, бегуны и копийщики, не давайте врагам убежать, догоняйте и убивайте. Анику и Суплякын помогут вам!

Спрятались нунлигранцы, стали ждать таннитов.

Хорошо научились люди пользоваться копыями, луками, пращами; камни бросали с такой силой, что разбивали китовые

позвоночники. А сам Виютку, бросив камень из пращи в чью-то челюсть, разбил ее вдребезги.

Однажды Суплякын, поднявшись на гребень, увидел врагов. Быстро спустился, сказал об этом Виютку.

Поднялись воины на гребень и стали по двое. Каждый впереди себя держал по две собаки. Виютку с братьями взошел на вершину. Танниты поднимались на Таннирит.

Тут Виютку бросил боевой клич. Люди с криком ринулись вперед, отпустили собак. Собаки набросились на оленей упряжки, стали рвать и давить оленей. Перепуганные олени кинулись в разные стороны. Танниты растерялись, не успели за оружие схватиться. Остались они без оленей и без оружия. Тех, кто хотел убежать, настигали бегуны и копийщики.

Всех врагов побили нуллигранцы. Оставили в живых, по старинному обычаю, только двоих вражеских воинов. Виютку сказал этим людям:

— Идите и расскажите своим, как вы воевали с береговыми людьми. Пусть запомнят, что, идя войной против нас, должны сообщить нам об этом. Скажите, что мы готовы и будем ждать таннитов!

Виютку велел дать тем людям еды в дорогу и запасную обувь. После этого они ушли.

Много добра бросили танниты: копыя, котлы, ножи, табак. Виютку поделил все между своими воинами. После этого береговые люди вернулись в Нуллигран.

Всю зиму учил Виютку нуллигранцев пользоваться пращей. Учил бегать и метать копыя. Когда же наступила весна, стал Виютку скликать людей от Такывака на север до Аляюга.

На больших байдарках прибыли люди из северных селений в Нуллигран.

Виютку сказал:

— Много лет не дают нам спокойно жить разбойники-танниты. Вот собрались мы все вместе. Нас много. Мы должны наказать таннитов.

Все войско Виютку на больших байдарках поплыло к таннистам. Через несколько дней причалили к таннитской земле. Здесь, не показываясь врагу, отдохнули три дня. После этого Виютку пошел показаться врагам с горы. Они увидели его, приготовились и пришли поближе к берегу. Два войска недалеко друг от друга расположились. Провели здесь ночь.

Наутро таннитский вождь с двумя луками в руках стал расхаживать взад и вперед между своим шатром и берегом.

Виютку между своим шатром и берегом стал расхаживать, тоже держа два лука в руках. Когда солнце поднялось повыше, вождь таннитов поднял вверх два лука. Виютку заметил это и сделал то же самое. Затем Виютку сказал своим товарищам:

— Война объявлена. Только вы не спешите. Когда подам вам знак, бросайте камни из пращей во вражеское войско,

Затем с холма стал спускаться с копьём таннитский вождь. Когда тот спустился, Виютку сказал своему брату Анику:

— Ну, иди ему навстречу!

Танниты стали расставлять кругом нарты. Вот Анику стал подниматься. Пришел к врагам. Таннит и Анику вошли в круг из нарт и начали драться копьями. Вдруг Виютку и его войско увидели, как взлетел в воздух человек. Когда он упал на землю, другой вонзил ему копьё в грудь. Оказывается, это Анику убил своего противника.

Тут нунлигранские пращники бросили камни из своих пращей в лагерь таннитов. Послышался треск и крики в стане врага. А уназикские, ядракинотские и сиреникские лучники пустили свои меткие стрелы. Затем все ринулись в лагерь врагов. Войско таннитов было разбито. Их вождь крикнул:

— Перестаньте убивать моих воинов!

Виютку сказал:

— Уже поздно. Твои танниты почти все перебиты.

Всех, кто пытался убежать, настигал Суплякин с сиреникскими и уназикскими бегунами. Только троих таннитов оставили воины Виютку. Им сказали:

— Идите и передайте всем вашим людям, что береговые объединились и не позволят больше врагам совершать набеги на свои селения!

После этого Виютку велел погрузить в байдары военную добычу: котлы, ножи, шкуры, пушнину, медные бубенцы и табак. Байдары нагрузили, спустили на воду, и северяне отплыли домой.

В Нунлигране Виютку поделил добычу поровну между всеми воинами. Люди из северных селений вернулись домой. Это была последняя война с таннитами. С тех пор они перестали нападать на северных береговых людей.

128. Найденыш

Так вот издавна рассказывается. Тундровые люди западной стороны с нашим береговым и тундровым народом обмен вели. А если обмен не получался, то воевали. Так вот каждый год случалось.

Однажды береговые и тундровые жители севера к жителям западной стороны поехали. Много дней ехали, наконец прибыли. Встретились с людьми западной стороны, радушно их приветствовали. Друг с другом едою обменивались, разные вещи дарили, новости рассказывали. Отдохнули, открыли обмен.

Береговые и тундровые люди северной стороны привезли для обмена шкуры морских зверей, ремни, подошвы и топленый жир.

Люди западной стороны привезли для обмена железо, ножи, котлы, табак, чай, оленью рухлядь. Перед обменом, по обычаю

противников, двух оленей друг против друга поставили, затем приготовились колоть. Чей олень головой в сторону противников упадет, тот первым должен начать войну в случае ссоры. Вот двое людей вонзили копыя в оленей. Олень нашей стороны упал на месте, повернув голову в сторону. Олень противников упал головой в сторону наших людей.

После этого начали друг с другом обмениваться. Вот во время обмена завязался спор из-за малой цены. Тундровые люди с западной стороны много вещей у здешних людей забирали, а своих вещей мало давали.

Так не пришли к согласию в ссоре.

По обычаю, утром должны начать войну. За ночь должны к бою подготовиться, а женщин, детей и стариков отослать домой с оленьими стадами. Если противники, на которых должны напасть, не желают принимать бой, то, по обычаю, до рассвета они могут уехать со своими караванами. Но другая сторона может догонять.

Так вот и произошло. Береговые люди решили не принимать боя. Мужчин было мало, оружия мало, а стада оленьего совсем не было, только караван ездовых оленей. С наступлением темноты приготовились, а на рассвете двинулись в свою сторону.

У одного жителя нашей стороны на нарте в оленьих шкурах ребенок привязан был. Этот человек отстал от каравана, ехал позади всех. Вдруг он заметил вражескую погоню и начал оленьей погонять. Убегая, ребенка из нарты выронил, не заметил, так и уехал. Один человек из стана ануягитов, не имевший своих детей, ребенка подобрал. Подобрал, хорошенько ощупал, оказалось — мальчик. Этот человек преследование прекратил, обратно вернулся. Когда привез мальчика домой, жена его очень обрадовалась. Так вот стали растить найденыша.

Прошло несколько зим. Вырос мальчик, возмужал, сильнее бурого медведя стал, быстрее дикого оленя стал. О том, что воспитатели его — люди другого племени, не знал, считал их своими родителями. Действительно, хорошим сыном был, воспитателей своих без нужды содержал.

Только умилык этого селения постоянно преследовал воспитателя, не давал ему покоя, говоря:

— Этот юноша, твой воспитанник, — наш враг. На следующий год или раньше противники начнут искать его и нападут на наше селение. Из-за одного человека все мы погибнем. Ты должен знать, что у нас он не приживется, а когда придут наши противники, присоединится к ним. И вот тогда он не пощадит нас. Ты должен убить этого юношу!

Воспитанник этот ничего не знает, каждый день с охоты диких оленей и разных других зверей приносит. Старик и старуха любят своего найденыша, но что же делать? Ведь умилык сказал: «Ты должен убить его!»

Нельзя ослушаться улылыка, как сказал, так и должно быть. Вот в отсутствие воспитанника лук свой новой тетивой потуже натянул. Наконечники двух стрел очистил, заострил. Жене приказал приготовить самой лучшей и вкусной пищи. В это время воспитанник вошел. Увидел, что воспитатель держит стрелы, сказал:

— Для чего очищаешь наконечники стрел?

Ответил воспитатель:

— Эти стрелы готовлю тебе в наследство. Железные наконечники стрел покрылись ржавчиной. Чтобы не съела ржавчина стрелы, очищаю их.

Юноша разделся, в пологе у жирника сел, накинул на себя кухлянку воспитателя и стал ожидать еду. Из сеней махеча внесла большое деревянное блюдо, полное разной вкусной еды. Юноша заметил это и сказал:

— Почему сегодня мне приготовили так много вкусной и разной еды?

Махеча сказала:

— Поешь как следует, посытнее.

Поел юноша вдоволь и сказал:

— Ну вот, я сыт.

Когда юноша кончил есть, воспитатель его заслонил дверь, взял лук и стрелу. Прицелился в юношу и обратился к нему:

— Нет, не по своей воле так поступаю с тобой. Умылык нашего селения приказал убить тебя. Ведь не здешний ты, а вражеский ребенок. Ты был обретен врагом, я тебя нашел и вырстил вместо сына.

Воспитанник ответил ему:

— Нет, я не враг, ваш ребенок я. Если враги придут, я не присоединюсь к ним. Только к жителям этого села я должен присоединиться, должен помогать им, ведь вы воспитывали и растили меня.

Воспитатель сказал:

— Сегодня же вечером улылык придет проверить. Он предупредил и запугал меня.

Тогда юноша ответил:

— Что же, ничего не поделаешь. Поступай, как обычай велит.

Воспитатель попросил:

— Только не обижайся на меня!

Согласился юноша.

Посреди полога сверху была привязана занавеска. Около этой занавески юноша сел. Старик говорить кончил, лук свой натянул, вторую стрелу между пальцами держит. Натянул лук, выстрелил в сидящего посреди полога юношу. Но тот вмиг отскочил, а в то место, где он сидел, стрела вонзилась. Старик вторую стрелу вложил, снова выстрелил, но юноша быстрее стрелы снова в сторону прыгнул, а в место, где он сидел, стрела вонзилась.

Тогда воспитатель его сказал:

— Уходи поскорее, возвращайся к своим!

Маленькую ручную нарту нагрузили старыми запасными торбасами и дорожной едой, хорошо в путь юношу приготовили. Воспитатель заставил воспитанника с собою взять ножные шипы. Когда кончили приготовления, воспитатель сказал:

— Отсюда пойдешь навстречу юго-восточному ветру. Достигнешь долины. Посреди этой долины растет одно дерево. Ветви этого дерева — на самой вершине. Ты сильный и ловкий. Возьмись за вершину этого дерева и в ветвях его выспишься хорошенько. Как только проснешься, отправляйся точно в северо-восточную сторону. Пока будешь идти, настанет осень, реки и озера замерзнут. А дальше поступаай, как твой ум подскажет.

На рассвете ушел юноша из селения, где вырос. Через несколько дней в долине увидел дерево. В ветвях этого дерева переночевал, затем дальше пошел.

В пути постунал так, как учил его воспитатель. Однажды он увидел озеро. Посреди этого озера был маленький островок. По гладкому озерному льду юноша к островку пошел, в это время повалил снег и подул северо-восточный ветер. Здесь решил переночевать. И вот тут преследователи настигли его, когда еще спал. Во время сна услышал крики, вызывающие на бой:

— Ира! Ира! Ира!

Вскакивая, подумал: «Неужели ира?» Быстро прикрепил шипы к подошвам торбасов и встал. Аркан к древку копыя своего крепко привязал и с островка на чистый лед вышел. Преследующие кольцо сжимают его стали. Приблизившись на расстояние выстрела, начали пускать множество стрел в юношу. Но он так ловко и быстро увертывался, что ни одна стрела не задела его. Наоборот, стрелы, скользя по льду, ранили ноги тех, кто стоял по другую сторону круга. У многих воинов оказались простреленные пятки и щиколотки — ведь подошвы их обуви были сшиты из камусов. На ногах преследователей не было шипов, на льду было скользко, и они беспрестанно ранили друг друга. Однако, наступая, совсем приблизились, окружили со всех сторон юношу. Тут, укрепившись шипами на льду, начал он крутить аркан с привязанным на конце копьём. Острие копыя одного за другим разило противников. Не выдержали те, побежали, оставив раненых и убитых.

Но убежать не могли, лед был скользкий, и без ножных шипов люди ползли на четвереньках. Юноша подбегал к ползущим по льду людям и закалывал их копьём. Только двоих оставил, чтобы по возвращении рассказали своим о поражении.

У противников с собою было стадо оленей, много оленьих упряжек и яранга с тремя женщинами. Запряг юноша двум пленникам по три оленя в упряжку, чтобы по пути с голоду не умерли, и отправил их в стан противника. А табун оленей и ярангу с тремя женщинами с собою забрал. Теперь он стал еще могу-

щественнее. Трем пленницам приказал гнать оленей в сторону, где родился. По пути следования часто останавливал табун и выходил один разведать, нет ли поблизости врагов. Не обнаружив опасности, останавливался на ночлег. Так с караваном и табуном, который гнали пленницы, приблизился однажды к цепи гор. Взобравшись на высокую гору, увидел внизу большое селение. Вернулся к каравану, женщинам сказал:

— На этом месте остановитесь, ярангу поставьте, оленей здесь пасите, а я пойду разведать, кто живет в этом селении.

Вот в этом месте переночевали, а утром юноша пошел один в селение. Подходя, увидел у крайней яранги старика. Старик теслом дерево строгал. Когда юноша подошел, старик посмотрел на него:

— О, что за человек ты? Наверное, вражеский человек ты? Как же быть нам, так внезапно настиг ты нас?

Юноша сказал:

— Нет, говорят, что я здешний человек.

Старик возразил:

— Но почему же одежда твоя вражеская?

И снова юноша сказал:

— Нет, нет, люди этой стороны, увидев, что побеждены, стали убегать от своих врагов. Убегая, меня привязали к нарте. Когда олени сильно бежали, отец мой не заметил, как выронил меня с нарты. Так и уехал вперед, оставив меня на снегу. Говорят, когда обернулся, заметил, что нет ребенка, сказал: «Теперь уж безнадежно возвращаться!» Тем потерянным ребенком был я. Вражеский воиш подобрал меня и воспитал вместо сына.

Здешний старик в этом юноше признал своего сына, того, что обронил много лет назад. Признав сына, жену позвал.

— Кто же ты такой? — спросила та.

Юноша ответил:

— Не знаю о себе ничего.

Старик сказал:

— Этот вот о себе правильно сказал. Когда был ребенком, мы его обронили.

Старуха в ладоши хлопнула:

— Да ведь это мы своего ребенка во время войны потеряли. Младших сыновей поскорее зовите!

Младшие сыновья пришли. Припельца рядом с младшими сыновьями поставили, стали рассматривать его. Действительно, похож на братьев своих.

Старики признали юношу своим сыном. Юноша сказал:

— Вон за теми горами стадо оленей и яранга с тремя женщинами. Они сами за мною следовали. Идите за стадом и этими женщинами. Пусть они не пугаются.

Братья в горы ушли. На следующий день стадо пригнали и женщин привезли. Юноша одну женщину себе взял, его женой стала. О других двух сказал:

— За этими женщинами хорошенько следите, когда-нибудь отсюда пошлем их домой, пусть обо мне все расскажут своим родственникам.

После этого у родителей остался жить. Все.

129. Экетамын

В давние времена, говорят, жители науканской стороны часто воевали с жителями кыгмитской стороны. Но война не приносила им пользы, а людей становилось все меньше с той и другой стороны. Решили науканцы, живущие в селениях Нувукак и Олык, прекратить войны со своими соседями и жить с ними в мире.

Науканский умилык собрал однажды всех мужчин из Наукана и Уэлена и сказал им:

— Довольно воевать друг с другом. Лучше будем с нашими соседями мирно торговать.

Снарядили науканцы байдары и поехали за пролив. Во главе их был олыгмитский житель Экетамын. Взял Экетамын с собой только самых здоровых и смелых людей.

Когда прибыли науканцы и олыгмитцы в Кыхтык, жители той стороны в честь гостей устроили большой праздник с танцами и состязаниями. Во время праздника со своим танцем вышел в круг кыгмитский старичок, у которого между пальцами были зажаты длинные стрелы. Выделывая искусные движения головой и руками, сказал:

— Ведь этими стрелами я траву срезал.

После этого с верхних нар землянки спрыгнул олыгмитский старик Экетамын. Вынув длинный нож, Экетамын сказал:

— Вот этим ножом множество кыгмитских людей срезал я, как траву. Когда стрелы надоедали мне, ножом их заменял.

Затем Экетамын стал танцевать, играя ножом. Кыгмитцы, услышав ответ, насторожились, но Экетамын, остановившись, сказал:

— Может быть, я не так сказал или лишнее что сказал, ответьте мне.

Однако помощник Экетамына, олыгмитский старик Валгылгын, бывший начальник войска укугмитцев, выскочил и, танцуя, сказал:

— Вот этими стрелами срезал я во множестве кыгмитскую траву, а этим вот ножом заменял стрелы, когда они надоедали.

После этих слов Валгылгына жители Кыхтыка головы повесили и замолчали. Тогда кыгмитский умилык сказал:

— Здесь собрались самые сильные люди Укука и Кыхтыка. Давайте устроим теперь состязание в силе.

И вот начались различные состязания в силе: прыжки вверх на натянутой шкуре, поднятие тяжестей, бег и борьба. Победи-

телями вышли двое кыгмитских силачей. Науканцы забеспокоились, а их лучший борец и силач по имени Хугагыргын сидел в это время в палатке и не хотел выходить. Кыгмитцы вызывали силача, но он не шел. Наконец двое старых науканских жителей — муж и жена, которых все почитали, позвали капризного Хугагыргына. Старик сказал силачу:

— Плохо поступаешь ты. Разве можно капризничать, когда нас побеждают? Можно подумать, что ты первый трус, а ведь тебя считают силачом.

Затем старушка, которую звали Аяваки, сказала:

— Ты должен победить кыгмитцев. Если боишься, что не победить тебе здешних силачей, то дам я тебе свои старинные летательные амулеты¹. Эти амулеты — чудесные. Наденешь их и станешь легким, как птица. Вот возьми эти амулеты и привяжи их к поясу.

Науканский силач надел летательные амулеты, прыгнул и тотчас на несколько шагов отлетел. Так быстро побежал на место игрищ, едва касаясь ногами земли.

Когда прибежал на игрище, кыгмитские юноши мачту байдарную установили, на самый верх чижы привязали, и один из них сказал:

— Ты только из зависти сюда прибежал, ведь все равно не сможешь прыгнуть до верхушки мачты, чтобы снять эти чижы.

Хугагыргын ничего не сказал, а разбежался и прыгнул через мачту, даже выше приза. Кыгмитские жители от удивления закричали:

— О чудо! Этот науканец не человек, наверное, а птица. Разве может человек так прыгать?

Оказавшись побежденными, кыгмитцы объявили науканцам о мире и торговле, а старики той и другой стороны договорились никогда не воевать между собою и навсегда забыть о вражде.

И правда, с тех пор и до нашего времени жители той стороны пролива и нашей стороны больше не воевали. А Хугагыргын и все, кто с ним был, получили от кыгмитцев множество подарков.

Говорят, так было. Конец.

130. Месть

В селении Кивалук жили одиноко старик и мальчик, племянник его. В окрестностях селения бродило много диких оленей. И старик зимой вдоволь оленей добывал. Летом морского зверя промышлял. Жили эти двое, ни в чем не нуждаясь. Мальчик наконец вырос и тоже охотиться стал, диких оленей и морских зверей добывать. Перестал старик ходить на охоту. Хозяйством занялся. Вот однажды и говорит племяннику:

— Как ты будешь жить, когда я умру? Неужели навсегда один останешься? Кто же в доме уберет, еду приготовит, когда ты будешь охотиться? Есть на южной стороне селение под названием Кыгмик. Говорят, что женщины этого селения — красавицы. Пошел бы ты туда, поискал себе жену, пока я жив!

После этого разговора стал юноша еще усерднее охотиться. Вот уже дни длинные стали. Весна пришла. Однажды сказал племянник:

— Хватит нам пока добытых припасов. Пойду-ка я, пожалуй, в Кыгмик!

Старик сказал:

— Иди, да только ненадолго, а то еще умру, пока тебя не будет!

Отправился юноша в Кыгмик. Утром вышел, нарту за собой потащил, а к вечеру уже и в Кыгмик пришел. Подошел к жилищу старшины. А у старшины была единственная дочь, очень красивая девушка. Радужно принял старшина юношу. Спросил его:

— Зачем ты к нам пришел?

Юноша ответил:

— За женщиной я пришел.

Старшина сказал:

— Вот, бери мою дочь. Я согласен. Женись на ней, если нравится!

Женился юноша на дочери старшины. Остался здесь жить. Много диких оленей добывал. А в море уходил — морского зверя промыслял. Но вот однажды грустился юноша о чем-то. Спрашивает его старшина:

— О чем ты грустишь?

Ответил юноша:

— Дома мой старый дядя в одиночестве остался. Не знаю, жив ли он, здоров ли?

Старик сказал:

— Женщина, если замуж вышла, никогда в доме отца не останется. Если хочешь домой идти, иди!

На другой день усадил юноша жену на нарту и повез ее волоком домой. Наступила ночь, прибыли они в Кивалук.

Жив-здоров старик оказался. Стали с невесткой работать не покладая рук. Много молодой охотник диких оленей в тундре добывал. Всех не мог унести, оставлял в тундре. Потом вместе с женой в тундру ходили за оленьими тушами. А старик тем временем хлопотал по дому и, покончив с работой, выходил из яранги, садился на кёрточки, молодых ждал.

Вот однажды возвращаются они, а старина нет около дома. Не сидит, как всегда, на пороге. Говорит жена:

— Где же это старик? Почему нас не встречает?

Отвечает муж:

— Наверное, в яранге что-нибудь делает,

Пришли. Нет старика. Не встречает их. Вошли в ярангу — и тут нет. Муж сказал жене:

— Куда же наш старичок делся? Пойду посмотрю, куда его след ведет.

Вышел. Нашел следы. В сторону моря следы ведут, капли крови на них видны. Вернулся. На другое утро пошел по этим следам. Привели следы к морю. Заметил юноша в морской дали землю. Пошел туда. Скоро до большого селения дошел. Испугался, что увидят, и решил подождать ночи. Когда ночь наступила, пошел к жилищам. Среди жилищ одна огромная землянка. За землянкой высокой столб. А ночь лунная, все видно. Посмотрел на верхушку столба, увидел, что там человек сидит. Подкопал земляные крепления столба. Повалил столб. Посмотрел на привязанного к столбу человека, а это, оказывается, его дядю таинги убили. Отвязал его, поднял и домой понес. На другой день сшили умершему новую одежду, одели его и похоронили.

Стал этот мужчина остерегаться, далеко не уходил. Вот один раз прогуливается в тихую погоду около дома. Посмотрел в сторону моря, и кажется ему, будто две черные точки вдали появились. И верно, через некоторое время идут в его сторону два человека. Сказал он своей жене:

— Идут в эту сторону два человека. Наверное, к нам. Наверное, хотят меня убить! Когда войдут, предложи им угощение. Во время еды я выйду, будто бы проветриться. И ты за мной иди!

Вот пришли два человека с посылками. Хозяин сказал:

— Ого! Впервые гости у меня! Откуда пришли? Куда путь держите?

Гости отвечают:

— Пришли мы тебя на праздник пригласить!

Хозяин сказал:

— Войдите в полог, поешьте сначала, затем пойдете!

Мужчины вошли. Стала женщина угощать их разпой едой. Во время еды муж ей сказал:

— Вспотел я, пойду освежиться!

Вышел. Жена тоже за ним пошла. Большой нож в кухлянку положил, обратно вошел.

К сидящим в пологе мужчинам подошел. Убил. Жене сказал:

— Где же похороним? На улице — земля мерзлая, да к тому же, если кто придет их искать, по взрытой земле сразу обо всем догадается. Давай их спрячем под пол!

Приподняли доски пола и положили туда убитых.

Теперь уж мужчина не отходит от землянки. Совсем близко прогуливается.

Через несколько дней со стороны моря пять человек появилось. Муж жене сказал:

— К нам пять человек идут. Снова так, как в прошлый раз, сделаю.

Вот пришли пять человек. Хозяин сказал:

— Ого! Впервые у меня гости! Откуда пришли? Куда путь держите?

Гости ответили:

— На днях пропали два человека, ушедшие в эту сторону. Мы пришли спросить, не знаешь ли ты о них.

Хозяин сказал:

— Давайте поешьте сначала! А людей ваших я не видел. Принесла жена вкусной еды. Во время еды хозяин сказал:

— Вспотел я, пойду освежиться!

Вышел. За ним следом жена. Нож большой взял. Обратного вошел. Сидящих перебил. Снова под пол убитых спрятали.

Через несколько дней в тихую погоду вдаль множество людей появилось. Человек этот жене сказал:

— Теперь уж много людей к нам идет. Опять будете угощать их вкусной едой. А я выйду будто бы подарки приготовить для них. Ты за мной тоже иди!

Люди пришли. Хозяин сказал им:

— Ого! Впервые у меня столько гостей! Откуда идете? Куда путь держите?

Люди ответили ему:

— Где-то сначала двое потерялись, затем пятеро тех двоих искать ушли и тоже не вернулись. Все в эту сторону ушли. Может, ты о них что знаешь?

Хозяин сказал:

— Нет, не видел я этих людей! Устали вы с дороги. Идите сначала поешьте!

Вошли люди в землянку. Стала женщина их угощать разной вкусной едой. Муж ее сказал:

— Пойдем приготовим для гостей подарки. Ведь впервые у нас эти гости! Нельзя им без подарков уйти!

Вышли муж и жена. Остов каяка стружками наполнили, жиром облили. Затем вход в землянку бревнами заложили. Каяк с облитыми жиром стружками на крышу землянки подняли. Стружки подожгли. Затем мужчина отдушину на крыше открыл и крикнул сидящим в землянке:

— Вот отсюда ваши подарки подам! Получайте!

И протолкнул в отдушину остов каяка со стружками. Один конец остова упал в проход. Хотели было гости убежать — выход снаружи бревнами заложил, а изнутри огнем пылает. Женщина с женщиной через отдушину набросали в землянку дров, налили туда жиру. Запылала землянка, пока не рухнула. Все люди внутри сгорели. Муж и жена поставили временный шатер. Переночевали. На следующий день муж сказал:

— Вот теперь уж в Кыгмик вернемся.

После этого возвратились в Кыгмик, отомстив тапгам за смерть дяди.

131. Олыкский Калюк

В Олыке жил, говорят, жестокий богач Калюк. Всех жителей Олыка Калюк постоянно притеснял и держал в бедности. Когда охотники добывали зверя, то мясо и шкуры Калюк отнимал у них. Олыкцы боялись, что сильный Калюк будет избивать их, если они не отдадут ему добычу, и отдавали лучшую часть добытого. Шкуры лахтаков и нерп, лучшие куски мяса и жира — все забирал Калюк.

Однажды зимой многодетная мать посоветовала своему мужу:

— Если сегодня убьешь нерпу, приходи попозднее, а то Калюк отнимет. Если сегодня у нас нерпы не будет, то дети наши останутся совсем голодными.

Пошел этот человек на охоту и добыл нерпу. За торосами задержался до темноты. Только к утру вернулся с охоты. Хозяйка сразу же нерпу разделала. Только что кончила, как к ним явился прислужник Калюка и сказал:

— За нерпой пришел я!

Жена охотника ответила:

— На этот раз ничего не отдам я. У моих детей тоже должна быть еда! Если Калюку не по душе мой ответ, пусть сам приходит сюда!

Через некоторое время Калюк сам явился к супругам. Зашел в сени, заглянул в ярангу. Как только перешагнул порог, женщина схватила его за запястье правой руки, в которой он держал большой нож. Женщина с такой силой сдавила руку, что раздробила запястье.

Калюк выронил нож и сказал женщине:

— Ты же мне руку сломала! Посмотри на мое запястье! Я прощу тебя никогда и никому не говорить в Олыке об этом! И одежду дам вам новую, и велю принести вам оленины, чтобы вдоволь поели вы.

Женщина спросила:

— А правду ли ты говоришь, Калюк?

— Только ни за что никому не говорите! — взмолился Калюк.

Муж хозяйки от страха весь дрожал, а перепуганные дети столпились около среднего жирника.

Как только Калюк вышел от них, жена сказала мужу:

— Из-за трусости твоей нет у тебя ничего. Плохой ты человечка! И сейчас вот дрожишь весь с перепугу! Эх, и вправду поколотила бы я тебя как следует!

Действительно, Калюк, придя домой, тотчас приказал прислужнику отнести женщине все то, что пообещал. Так всю зиму провели в достатке, а сам Калюк все это время до весны не выходил из своего дома на улицу, стыдясь и боясь женщины, раздавившей его руку.

С наступлением весны в Олык приехали кыгмитские гости¹. Для гостей Калюк устроил игры. Подбрасывали друг друга на моржовой шкуре². На шкуру влез Калюк, и его подбрасывали на глазах кыгмитцев и собравшихся на игры олыкмитцев. Калюка высоко подбрасывали вверх. Он держался за перпичий поплавок и, подпрыгивая, играл им. Во время этой игры мать Калюка громко кричала, глядя на сына:

— Калюк непобедим! Инуиты никогда его не победят!

В это время женщина, сломавшая Калюку руку, сидела за шитьем в сенях своей яранги. Она сильно рассердилась, услышав слова матери Калюка. Взяла нож Калюка и пошла к состязующимся в прыжках на шкуре. Подошла к месту игр и сказала:

— А ну, бросайте меня на шкуре вверх с поплавком в руках, как и Калюка!

И правда, послушавшись женщину, стали подбрасывать ее на шкуре с поплавком в руках, как Калюка. Как только ее подбросили высоко вверх, крикнула:

— Калюк непобедим! Да он женщиной побежден! Я его победила!

Затем она вынула из-за голенищ камыков нож Калюка, показала его людям и закричала:

— Зимой не выходил Калюк из дома, этот «силач», которого вы все боитесь! Эй, люди, знайте же: не выходил он от стыда, потому что руку его я поломала, я — женщина. А вы, охотники, боитесь его! Ведь женщина же его смогла победить!

Женщина едва кончила говорить, как Калюк с матерью и женой, ничего не сказав, ушел домой. Дома он задушил свою мать, жену и повесился сам.

Когда тот повесился, один цевзрачный старичок олыкскому народу сказал:

— Люди, с этой поры хорошо жить будем и голодать уж никогда не станем. Все добытое вами будет принадлежать вам. Уж никто больше не отнимет вашей добычи. Спасибо женщине, давшей хорошую жизнь олыкскому народу.

И правда, говорят, народ стал хорошо жить, избавившись от насилия навсегда. Конец.

132. Сражение науканцев с иноплеменниками

Война приближалась. Стояла устойчивая зимняя погода. Лед в проливе установился прочно. И вот посреди зимы санлугмитцы узнали, что к ним в Санлук идут с войной иноплеменники с северной стороны. И начали санлугмитцы сооружать на своей горе крепость.

Тем временем в Санлук из Уэлена беженцы прибыли. Среди уэленцев был их старшина — сильный человек. Санлугмитцы

оповестили о нашествии иноплеменников своих соседей — науканцев и нунагмитцев. Науканцы соорудили крепость у себя выше поселка, а нунагмитцы — около своего селения.

Науканцы установили вторую крепость на вершине горы Оягвик и вели оттуда наблюдение — не появятся ли со стороны Санлука враги. К дверям крепости на Оягвике науканцы ремнями привязали нагруженные большими камнями парты. Много парт. Камнями на нартах закрепили деревянные колья острыми вперед. Ремни от парт протянули сквозь отверстия в дверях крепости. Так решили науканские воины: когда вражеская ватага придет и по ущелью будет подниматься вверх к крепости, тогда они перережут ремни и висящие над крутизной парты с камнями и кольями устремятся прямо на иноплеменников и будут их колоть и сбрасывать вниз. Так и порешили. Вот пошли они понаблюдать, что делается там, в Санлуке. Ого, там, оказывается, уже внизу враги передвигаются!

Санлукской крепости враги не знали, не видели ее и шли мимо по льду припая. Санлугмитцы дали о себе знать криками и быстро вернулись в свою крепость. Там в пещере переоделись в военные одежды, приготовили луки и копья. Враги тем временем начали подниматься к крепости. Когда санлугмитцы сверху из крепости стали наблюдать за ними, иноплеменники крикнули им:

— Выходите!

Нет, не вышли из крепости санлугмитцы. А их наблюдатели сверху из пращей убили одного пришельца. Это воин Кылятак сильным броском камня из пращи поразил в голову переднего противника. Те подхватили убитого под мышки и устремились вверх к крепости. По другому ущелью в крепость поднялись двое жителей Аюклика — один с женой и один без жены. Имя его Анарук. Сильный человек. Много врагов поразил он из лука с двойной натяжкой и вот уж совсем без стрел остался. И вот ворвались пришельцы в крепость Санлук. Оборонявшиеся стали спасаться бегством. Их силача Анарука враги копьём закололи.

Тем временем уэленский силач появился на вершине горы со стороны Санлука и прыгнул оттуда по откосу, сильно поранив ноги. Двое мужчин бегом устремились с горы вниз. Один из них даже не заметил, что следом за ним, не отставая, бежала его жена. Этот человек заметил, что близко от него бежит враг и держит наготове копьё. Тогда человек быстро повернулся к жене и, чтобы не задержала, с силой пронзил ее копьём в ногу. Затем он спустился на лед и побежал в сторону Аюклика, на остров Имаклик. Когда бежал, услышал шорох, обернулся и увидел: позади бежит человек и на руках держит его раненую жену. Не оставил другой человек раненой женщины, пожалел ее, спас. Оказалось, что из крепости выскочила она без кухлянки, без комбинезона и камыков, только в одном набедренном поясе.

Тут муж спял с себя верхние меховые брюки и дал ей, чтобы надела. И пошли вместе. Пришли в Аюклик.

Тем временем враги захватили Санлук. Там на земле лежали санлукский силач и старшина Анарук, убитый в сражении. Науканские разведчики видели, как много врагов уничтожил своими стрелами Анарук. Теперь же враги разожгли огромные костры и грелись около них. К самому большому костру они подтащили тело Анарука и, привязав его к козлам над костром, стали сжигать. Так они мстили за убитых Анаруком воинов.

Науканские разведчики вернулись домой и рассказали односельчанам обо всем, что они видели и узнали. Санлук разгромлен, и теперь враги пойдут на Наукан. Науканцы приготовились к обороне. Но откуда же нападут враги — с припая или из ущелья Кегнектук? Науканцы скрытно расставили своих наблюдателей. Вот на вершине горы появилось четыре человека. Они пристально рассматривают Наукан. Но что это? Никого не видно, куда-то скрылись жители, не смеют появляться. Вот один из пришельцев сказал:

— Наверное, не сможем одолеть их. Смелых людей тут много. Лучше поверху пойдём поближе к селению и понаблюдаем, что делается внизу. Наверное, где-нибудь поменьше жилищ — там сможем победить мы.

И правда, пошли дальше и просматривали местность. Нет, людей не видно. Вот подошли к Нунаку и увидели там крепость. Туда по ущелью Итыгук направились. Подошли к нунакской крепости. Внутри крепости много людей собралось, и среди них силач Укухкусилык. Этот человек хорошо владеет луком. А крепость обтянута моржовыми шкурами, а в них множество дыр для стрельбы. Каждая дыра величиной с человеческий глаз.

Нападающие остановились на окраине Нунака. Двум воинам начальник их приказал:

— А ну, разведайте все о крепости. Узнайте, где проход. Идите, пока ночь не наступила.

Эти двое отправились. У той крепости большой камень был. К камню подошли. Один сказал:

— Ты проворный, хорошенько посмотри, где можно пройти в крепость.

Другой человек голову из-под камня слегка высунул и стал крепость осматривать. А из крепости через дыры в моржовых шкурах тоже наблюдали. Кто-то сказал:

— Укухкусилык-левша, вон того наверху попробуй сразить!

Укухкусилык взял свой лук, нацелил стрелу через отверстие в стене и выстрелил. Человек за камнем молчал. Второй разведчик подошел к нему и потряс за плечо. Тот не ответил. Снова встряхнул его за плечо разведчик и спросил:

— Почему ты не отвечаешь?

Затем увидел, что его напарник убит стрелой. Это Укухкусилык наповал сразил разведчика. Второй разведчик тотчас побежал к своим. Когда прибыл, начальник спросил его:

— Что там?

— Плохо наше дело. Уж очень смелые они,— отвечал разведчик.

— А где же твой напарник? — спросил начальник.

— Оставил его,— сказал разведчик.

— Но почему? — спросил начальник.

— Я его спрашивать стал, а он не отвечает,— сказал разведчик,— оказывается, они убили его. Ведь только вот до глаз из-за камня голову высунул и смотрел на крепость, а увидели, попали. Взял я его за плечо, а у него стрела из глаза торчит. Не заметил, как это случилось.

Начальник сказал:

— Лучше обойдем стороной эту крепость и не будем воевать со здешними жителями. Пусть уж подальше уйдем мы отсюда навсегда.

Конец.

133. Как уназикские воевали с сивукакскими

Раньше было это: уназикские на сивукакских войной ходили.

Однажды нашего охотника унесло туда в море, и он на Сивукаке высадился. Сивукакский старшина его схватил и сделал своим рабом. Работать на себя заставил, заставил перпичьи шкуры мять, скоблить, кроить — рабом сделал.

Однажды, когда уназикский работал, дети сивукакских стали шалить, и он их стал ругать.

— Зачем шалите, зачем маленьких обижаете? — так он их журил.

Старший из них тогда сказал:

— Давай, ругайся! Вот весной, когда подойдет время из Уназика байдарам приплывать, убьют тебя, обязательно убьют!

Услышав это, уназикский решил бежать. И вот, когда было полнолуние, хоть были у него рукава обрезаны и штанины обрезаны, хоть и холодно ему было, убежал он по льду в сторону Уназика.

Сивукакские, спохватившись, сказали:

— Наверное, он убежал!

Его хозяин, у которого он был, и еще один мужчина, хороший бегун, погнались за ним. Скоро они увидели, как он убегает по льду. Стали его догонять. Когда они уже почти настигли его, лед вдруг треснул, и между ними появилась полынья. Она все расширялась, расширялась, уже перепрыгнуть ее нельзя было — слишком стала широкая. Остался уназикский на этой стороне, а двое сивукакских на той.

Бывший хозяин стал тогда петь. Снял он рукавицу, крикнул: — Возьми хоть эту рукавицу, хоть одну! — и бросил. И второй тоже одну рукавицу бросил:

— На, надень хоть это!

Уназикский ушел. А те двое преследователей стали рассуждать:

— Не дойдет он. Здесь на пути в Уназик много трещин. Не дойдет этот мужичок. По дороге погибнет. Хоть и дали мы ему рукавицы, все равно не дойдет.

А уназикский шел, шел, шел. Нет на пути трещин — вот он и идет.

А когда на востоке заалело — ведь осенние ночи очень длинные, — когда рассвело, пришел он в селение Укигйагак. Подошел, увидел ярангу: в Укигйагаке как раз уназикские были. Только что проснулись.

Этот уназикский вошел. Окликнули его — оказалось, человек.

— О, входи. Сейчас только мы проснулись, скоро будем есть.

Когда вошел человек — оказывается, это тот, кого зимой унесло; узнали его. Рукава кухлянки обрезаны, по плечи обрезаны, и даже штанины обрезаны: сам в торбасах, а выше ничего нет.

— Ух ты! Ты же пропал, с зимы, как тебя унесло, не видели тебя! Где ж ты был?

— Да в Сивукаке был я. Там жил, работал. А весной меня должны были убить. Мол, когда в Сивукак байдары из Уназика соберутся, тогда меня собирались убить. Услышал я это и убежал.

А к тому же, когда этот человек пришел в Уназик, дошли туда слухи с севера: будто те, на севере живущие чукчи, какие-то нукакские, чью байдару ветром унесло, тоже там в Сивукаке причалили. Там, на Сивукаке, высадились эти чукчи.

Когда они пришли туда, сивукакские их тоже работать на себя заставили. Всю зиму там провели, в Сивукаке.

А незадолго до того, как весна настала, схватили их, повалили и копыями с железными наконечниками вот здесь, во лбу, головы им всем проткнули; так и убили всех, палками голову просверлив, потому что весна приближалась.

Один же из них, убитых так, у сивукакского шамана стал духом.

Однажды одна уназикская байдара туда приплыла — просто так, случайно. Сивукакский старшина этому гостю сказал:

— Ты знаешь, этот наш шаман — очень сильный памап. Даже дух у него есть — чукча. Чукчу имеет духа; тот хоть и говорит, но мы ни слова не понимаем.

Гостя уназикского и правда повели на шаманское пение. Вошли они, сели, шаман сивукакский и вправду начал петь. Запел — появились какие-то птицы, духи разные; потом появился тот дух, чукча. Стал уназикский этот слушать его, а тот говорит:

— Опять я буду говорить, и опять они меня не поймут.
Тут ему этот уназикский гость — он-то ведь понял! — и сказал:

— Говори, я пойму тебя!

— О! Вот хорошо! Откуда ты?

— Да я уназикский. На байдаре приехал я.

— Мы тоже на байдаре приезжали, причалили сюда. А сивукакские эти, изверги, незадолго до весны головы всем просверлили и всю команду байдарную убили, всех нас убили. Мучители они, изверги. Хоть бы убили, ударив чем-нибудь, или закололи бы. А сверлами этими убивали — очень больно было.

И вот, когда приехал этот уназикский домой, рассказал всем, и на севере там живущим рассказал, землякам тех, с пропавшей байдары, которую они искали. А на будущий год с севера пришло много байдар. Пошли они воевать.

И вот уназикские байдары, и нуллигранские байдары, и кивакские, и аванские, и еще другие, и северных чукчей байдары — множество байдар туда поплыло.

Когда стали они подходить к Сивукаку — уже яранги должны были появиться, — вдруг остров туманом заволочло. Но сопка их видна, только яранги туманом покрыло.

Тогда они сказали:

— Пусть байдары пристанут к берегу там, у той скалы. Пристаньте и медленно идите к ярангам. Мы же двумя байдарами прямо к причалу пойдем. Когда будем подходить, они с оружием вниз спустятся — ведь они нас знают. С луками, с копьями к нам спустятся. Когда все люди тамошние на берег выйдут, прислушивайтесь. Мы, уназикские, по-волчьи завоем, а сивукакские должны в ответ по-моржинуму закричать. Мы, уназикские, когда по-волчьи завоем, они все вместе соберутся, а как станем мы на байдарах подходить, они станут нас ждать, чтобы стрелы в нас пустить. Вы же, когда это услышите, спускайтесь сзади и окружайте всех тех, кто на берегу собрался. Тут вы их перебьете.

И вот по-волчьи завывали уназикские вместе с чукчами. Тут же и сивукакские им по-моржинуму ответили — множество их. Тогда старшие из уназикских закричали:

— У-у-у! Как на мясо вы их сейчас убивайте!

Сивукакские и правда спустились к берегу. А уназикские байдары, приблизившись на выстрел из лука, остановились, пока ждали. А тут грянули с суши уназикские, чукчи, другие люди разные; окружили они стоявших на берегу — куда тем деваться?

Тут их всех и перебили. Только друзей своих не трогали: когда видели их, отводили в яранги.

Так все и кончилось.

И до сих пор сивукакские здешних людей очень боятся. Даже сейчас, когда гостей встречают, вводят в дом, кормят, старики говорят:

— Ешь аккуратно, юноша, смотри не подавись. Если пенароком подавишься — опять из-за тебя вражда будет!

Они уже напуганы, потому так и говорят.

Так я слышал. Что знаю, я вам рассказал.

134. Как оленевод берегового человека обманул

Жил на берегу мужчина с женой. Однажды сказал он своей жене:

— Пойду-ка я поищу в тундре, может быть, кочующие живут в той стороне.

— Как хочешь.

Свернул человек лахтачью шкуру, взял ремни, закинул ее на плечи и пошел туда, в сторону от моря. Стал он подходить к горам, перешел через них. Однажды к вечеру увидел гору. Вокруг нее следы — оленьи следы. «Да, — думает, — здесь, наверное, есть кочующие».

Идет, идет, идет. Поднялся на распадок, увидел ярангу.

— Да, оказывается, здесь живут.

Увидел его человек-олeneвод и говорит своей жене:

— Возьми-ка этот мясной отвар, перелей в новую чистую кастрюлю, поставь в заднюю часть полога. Когда тот человек придет, я зайду в дом. Ты очаг как следует затуши, а когда он зайдет, сними с меня торбаса. Когда будешь второй торбас стягивать, я тебе скажу: «Ну-ка, посмотри мясо, как бы не переварилось». Ты сходи посмотри, потом возвращайся и мне скажи: «Посмотрела я варево, помешала». Когда второй торбас с меня стянешь, я тебе скажу: «Ну-ка, посмотри мясо — как бы не переварилось!» Тогда ты мясо вноси и кастрюлю открывай. А утром, когда я проснусь, ты не вставай, притворись, что спишь. Хоть и буду тебя звать, не откликайся. А с вечера я пузырь кровью наполню, под бок тебе под одеяло положу. Вот когда я этот пузырь пожом проткну, будто бы тебя заколол, а потом, когда в нем лучинкой горящей помешаю, только тогда поднимайся.

— Ладно! — жена ему сказала.

И вот женщина из своей кастрюли варево в чистую перелила, за полог поставила.

Тут человек приходит, в ярангу входит.

— Никак гость! Давай заходи. Куда идешь?

— Да вот, пошел посмотреть, не живет ли кто в этой стороне. Мы там, на берегу, одни живем.

— О, и лахтачья шкура у тебя!

— Да вот, лахтачья шкура. Вдруг, думал, жилище найду.

И вот вошел. Хозяин же стал тут раздеваться. Торбас свой когда первый снял, сказал жене:

— Ну, где там твое мясо? Погляди, а то переварится!

Вышла женщина, потом вернулась:

— Помешала я его!

Подумал тут береговой человек: «На чем это они варят? Дыма не видно, очага не видно».

Разговаривая, стянул с себя хозяин второй торбас.

— Ну, где там у тебя мясо? Погляди, а то переварится.

Вышла женщина, потом вернулась и внесла кастрюлю. Крышку сняла — ух, пар идет!

Сказал тут береговой человек:

— На чем это вы варите? Без дыма? И очага я не видел, и кастрюля у вас чистая.

— Эта кастрюля очень мне помогает. Мы для нее режем мясо, потом за пологом просто на землю ставим, крышкой закрываем. В полог вхожу, пока один торбас снимаю, пока другой снимаю — уже готово. Горячее едим.

Очень захотел человек эту кастрюлю иметь. А хозяин рядом со светильником положил длинный нож и лучинку.

После они, поговорили и легли спать. Наутро, проснувшись, хозяин и гость перешли в заднюю часть полога и стали разговаривать:

— Ох, уж эта жена! — говорит хозяин. — Долго же она спит!

Стал окликать ее — не отзывается. (А спала она на спине.)

— Ну и долго же спит эта женщина! На гостя внимания не обращает!

Схватил он свой длинный нож, бросился к ней. Испугался береговой человек: «Как бы не убил он ее!»

А муж ее заколол. Отошел — весь нож его в крови.

Лежит женщина на спии

— Смотри, какой вид у нее жалкий! — говорит хозяин.

Взял он тут лучину, стал разжигать над жирником. Разжег подполз к жене на четвереньках. Всунул в рану лучину — зашихло. Мешал он там, мешал, и вдруг женщина села.

Очень захотелось человеку купить и нож этот, и лучину. И вот, поев, собрался он уходить. Тут хозяин ему говорит:

— Что бы хочешь за эту лахтачью шкуру? Хочешь, забью тебе оленя?

— Да нет, мне бы лучину эту, нож и ту кастрюлю. Я потом еще добавлю.

— Нет, кастрюля эта в хозяйстве очень нужна.

— Я потом еще добавлю.

— Ладно, тогда бери. Отдам тебе и кастрюлю, и лучину, и этот большой нож.

И вот человек ушел. Пошел вниз к своей яранге: а оленевод-хозяин, как только он ушел, с женой своей откочевал. Переселились они дальше, в другое место. Перебрались они, ушли.

И вот человек дошел до дома. Вошел, а жена ему:

— Ой, а я еще ничего не варила. Сейчас буду быстро варить.

— Не надо. Нарезь мясо, в эту кастрюлю положи, в заднюю часть полога поставь.

— Не знаю... Замерзнет ведь, не сварится.

— Поставь, только мясо нарежь! Горячее поедим.

Нарезала она мясо, сложила в кастрюлю, за полог поставила, вернулась. А человек нож тот большой за жирник положил и лучину тоже. Стащил он торбас, говорит:

— Ну-ка, мясо посмотри, переварилось небось!

Женщина вышла, посмотрела — мясо подмерзает даже. Вернулась, сказала мужу:

— Подмерзает оно!

— Плохо, наверное, ты порезала!

И вот, второй торбас стянув, сказал:

— Ну-ка, пойдя погляди на мясо — переварится!

Вышла, посмотрела — замерзает мясо. Вернулась, сказала:

— Замерзает совсем!

— Эх, плохо ты сделала! Ну, хоть мерзлого поедим и ляжем.

Поели они мерзлого мяса, улеглись. А жена его чутко спала. Спали они, спали. Среди ночи человек, проснувшись, полез в заднюю часть полога. Жена ему, проснувшись:

— Что это ты делаешь?

— Ничего, ночь еще, спи, спи!

Женщина, как нарочно, на спине уснула. Стал человек жену свою окликать шепотом:

— Эй! Эй! Ну и соя же ты!

Схватил тот большой нож, подполз к ней. Заколол ее — только вздрогнула. Убил он ее. Нож вытащил, отполз, прилег на локоть. Немножко погодя говорит:

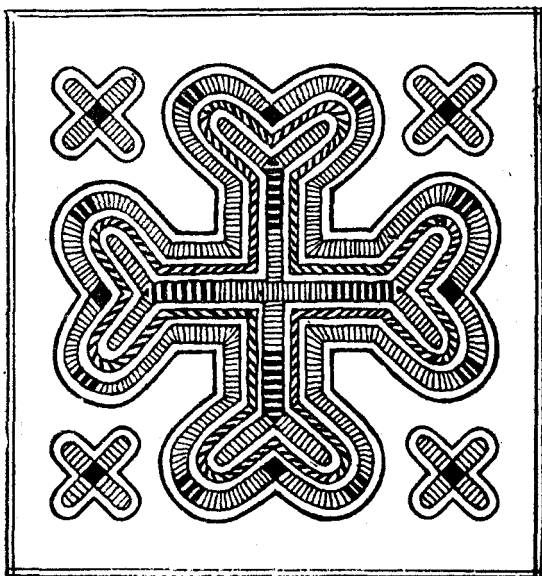
— Эх, и жалкий же у нее вид!

Лучину на огне раскалил, подошел, стал в рапе крутить. А как же она оживет, мертвая?!

— Ох, кочующий, крепко ты меня обманул! И жепу заставил убить!

Когда пошел его искать на то место — нет кочующего. Переселился тот — где ж его найдешь!

Вот и все.

**сказки
аляскинских
эскимосов**

135. Сова и белка

У дупла сидела белка, а над ней пролетала сова. Белка медленно скрылась в дупле. Сова стала звать ее выйти, говоря:

— Белка, выходи поиграть, на солнышке так тепло!

Но белка отвечала:

— Ты сразу же закроешь мне вход.

Сова все звала: «Выходи поиграть!», пока белка наконец все-таки не вышла. Сова тут же опустилась перед самым входом. Тогда белка сказала:

— Сейчас я буду танцевать красивый тапец. Спой мне.

И вот сова запела:

Я закрыла белке вход,
белке, белке.

Пискнув, белка бросилась к своему дуплу, но сова сидела прямо у входа и не пускала ее.

— Ха, ха! — сказала сова. — Интересно, как ты собираешься войти?

— О, я и не пыталась войти. Я бросилась воп за той травинкой, — сказала белка и добавила: — Давай, сестричка, расставь ноги пошире и спой мне, а я потанцую. И глаза закрой. Я такая жирненькая да толстенная до самого копчика хвоста!

Сова расставила ноги пошире, закрыла глаза и запела:

Этой белке я закрыла вход,
этой белке, этой белке!
Этой белке я закр...

Белка метнулась к норке, запищав «ти-ти-ти», но, когда она проскальзывала между ног совы, та сдвинула ноги и отсекала кончик беличьего хвоста. Она отнесла хвост домой и повесила под потолком. Белка расстроилась, плакала, а потом послала своих детей к сове попросить хвост обратно. Дети пошли, встали около домика совы и запели:

Мама просит назад свой хвост!

Но сова из дома отвечала:

— Пусть сама придет за ним.

Дети пошли назад и сказали матери:

— Она говорит, чтобы ты пришла и взяла его сама.

Тогда белка подняла камешек и сказала:

— Вот, возьмите это, пойдите и скажите сове, будто это глаз.

И вот дети пошли обратно и запели:

Мама просит назад свой хвост!

Она сказала, чтобы ты взяла этот глаз!

Сова решила, что это глаз, взяла камешек и отдала хвост,

136. Как рыжая и белая лисы стали жить отдельно

Рыжая и белая лисы жили вместе. Рыжая ставила крючки в лунки во льду и ловила треску, и они ели ее, замороженную, по вечерам. Белая лиса подумала: «Дай-ка я тоже сделаю крючки и поставлю их — может быть, и мне попадется треска».

Следующий день она делала крючки, а наутро пошла на лед, продолбила лунки и поставила крючки. Все утро она наблюдала за крючками, но так и не поймала ни одной рыбки. Днем она заметила вдали на льду какой-то предмет — что-то необычное.

— Что это? — сказала она. — Раньше его здесь не было. Что бы это могло быть? Кусок льда? А может быть, тюлень или морж?

Она пошла к этому предмету.

— Что это такое? Не понимаю. — И она подошла поближе, а потом еще поближе. Тут она увидела, что это большой морж, снявший на льду.

— Что же мне делать? Как мне его убить? У меня же нет никакого оружия, даже палки нет. Дай-ка я побегу домой и возьму что-нибудь. Но нет, он может уйти, пока я бегаю. Я же не знаю его привычек, не знаю, чем он питается. Нет, уж лучше мне просто пойти домой.

И вот белая лиса вернулась домой ни с чем. Рыжая лиса была раздосадована и подумала: «Какой толк жить с ней вместе — она никогда не может ничего поймать».

И вот наутро рыжая лиса убежала прочь в горы, и с тех пор эти двое всегда жили порознь.

137. Приключения рыжей лисы

Жили вместе волк и лиса. У них не было еды, и вот они решили половить рыбу в полынье на озере. Лиса сказала волку:

— Опусть свой хвост в полынья!

Волк так и сделал, а лиса обложила его вокруг снегом и не велела двигаться, а если будет немного больно — терпеть: скоро он непременно поймает большую рыбу. Лиса ушла. Скоро волчий хвост примерз, и он не смог его вытащить. Тогда в отчаянии он откусил его и погнался за лисой, чтобы наказать ее за предательство.

Лиса же, увидев догоняющего ее волка, положила на глаза листья — притворилась, будто больна снежной слепотой. Волк подбежал к ней и говорит;

— Зачем ты мне велела это сделать?

Лиса моргнула и спросила:

— Что сделать? Это, наверное, была другая лиса. Разве не видишь — я же слепая!

И вот волк ушел. А лиса сбросила листья и отправилась на поиски пищи. Повстречала она лося и говорит:

— Я знаю, где можно раздобыть много пищи. Пойдем, я покажу. Волк уже там.

Лиса повела свою жертву на крутой обрыв. Ведь у лося нет когтей, поэтому он поскользнулся, упал с обрыва и разбился. Лиса ела лосиное мясо, пока все не съела, а потом снова отправилась на поиски. Повстречала она хромого бурого медведя и спрашивает:

— Что с тобой?

— Люди ранили меня двумя стрелами, — ответил тот.

— О, — сказала лиса, — я тебя сейчас вылечу.

Она развела костер и велела медведю лечь. Затем нагрела большой плоский камень, взяла его двумя другими камнями и прижала к ране. Медведь взвыл от боли, но лиса велела ему лежать спокойно.

— Сейчас я тебя, — говорит, — вылечу.

Снова раскалив камень, она вдавила его глубже в рану. Внутренности медведя сгорели, и он умер. А лиса долго потом ела медвежатину.

138. Про рыжую лису

Однажды летом рыжая лиса, оставив своих лисят, отправилась на поиски пищи. Встретила она в тундре бурого медведя и говорит ему:

— Здравствуй, братец!

— Здравствуй, — отвечает медведь. — Я голоден!

— Я тоже, — говорит лиса. — Пойдем поищем чего-нибудь. Я пойду в эту сторону, а ты иди в ту.

— А, я только вспугиваю белых куропаток, — сказал медведь. — Когда я пытаюсь поймать их, они просто улетают.

— Куропаток-то легко убивать, — отвечает лиса. — А вот людей я боюсь.

— А я людей не боюсь, — говорит медведь, — вот куропаток я ловить не умею.

— Ладно, — сказала лиса, — я тебе сейчас принесу куропаток; стой здесь.

И вот медведь стал ждать. Скоро лиса и вправду вернулась с куропатками. Медведь очень обрадовался и сказал:

— Спасибо, ну, спасибо, лиса.

Съел их и говорит:

— Ты такая добрая, ты принесла мне куропаток; теперь я пойду и принесу тебе человека. Жди меня здесь.

Лиса ждала, ждала, и наконец медведь вернулся, но без человека. Вместо этого он волочил раненую погу. Из раны в боку текла кровь: человек всадил ему в бок стрелу, древко обломилось, а наконечник застрял в ране. Лиса сказала:

— О бедный мой братец! Как это ужасно! Но ничего, сейчас я тебя вылечу.

Она развела огонь, раскалила в нем несколько камней и сказала медведю:

— Ляг и вытяни ноги. Если будет больно, не дергайся. Если дернешься, умрешь, потому что я не смогу вынуть стрелу.

Медведь лег, а лиса вдавила докрасна раскаленный камень в его бок. Медведь стонал, извивался, а лиса все давила и давила. Наконец стоны прекратились: медведь был мертв. Лиса пустилась в пляс вокруг медведя.

— Ну и умница же я! Теперь у меня много пищи! — весело кричала она.

К своим лисятам она уже не вернулась и все лето жила в этом месте, питаясь медвежатиной. Пришла зима, и у нее опять не стало пищи. Она съела всего медведя, кроме костей, которые собрала в кучу.

Пришел к ней однажды волк, и лиса вышла его встречать.

— Как живешь, братец? — спросила она.

— Я есть хочу, — сказал волк.

— Вот как? — спросила лиса. — Я покажу тебе, как пайти еду. Видишь вон ту реку?

Рядом протекала река, местами покрытая льдом. Тут и там были полыньи, вода разлилась лужицами по поверхности.

— Иди туда, — сказала лиса, — и ты поймаешь лососей. Я сделаю тебе крючки. Тебе останется только сесть около полыньи и опустить крючок в воду. Ты должен сидеть неподвижно целый день до заката, а потом вынь крючки; на них будет много лососей. Поверь мне, я так много раз делала.

И вот волк уселся у полыньи и стал ждать. А лиса тем временем убежала — якобы на поиски пищи, а на самом деле спряталась за холмиком и стала ждать.

Целый день сидел волк и терпеливо ждал. Когда солнце закатилось, он резко выдернул крючки — но на них ничего не было.

— Эта лисица издевается надо мной! — вскричал он в ярости. — Сейчас я ее догоню и съем!

Волк попытался подняться, но его хвост примерз ко льду. Он дергал, дергал и наконец, рванувшись отчаянно, вырвался, но хвост его остался во льду. Волк пашел лисий след. Он бросился за лисой по тундре, вне себя от боли и гнева; из раны у него

капала кровь. Лиса убежала и спряталась в норе в откосе берега. Через некоторое время подбежал и волк.

— Вылезай,— закричал он,— я тебя сейчас съем!

— А в чем дело? — спросила лиса, выглядывая. Она склонила голову на одну сторону и закрыла один глаз.— Я тебя вперые вижу. Что тебе надо?

— Ты обманула меня сегодня на льду, и из-за тебя я потерял хвост,— ответил волк.— Теперь я тебя съем.

— Ничего об этом не знаю,— сказала лиса, вылезая из норы.— Видишь, вон там, вдалеке, лиса, это, наверное, была она. Тут недавно мимо кто-то пробежал, я слышала.

— Спасибо,— сказал волк,— я ее скоро поймаю.— И он снова побежал, а лиса следом за ним. Скоро он споткнулся и упал и через несколько минут умер, потому что вся его кровь вытекла по капле. Лиса вскочила и, заплывав, закричала:

— Ну и умница же я!

Всю зиму она жила, питаясь волчатиной, а когда доела, то сложила кости в кучу и ушла.

Снова пришло лето, и снова лиса стала бродить в поисках пищи. Однажды она увидела огромную черную медведицу. Такой большущей лиса никогда не видела. Медведица была не в духе и спросила лису:

— Ты ничего не слышала о моем сыне?

— Нет,— сказала лиса,— ничего не слышала.

— Прошлым летом,— сказала медведица,— он ушел из дома поискать оленя и не вернулся. Я нашла его кости на холме.

— Нет, ничего об этом не слышала,— ответила лиса.— Я никогда его не видела. Пойдем, покажи мне его кости.

И вот они пошли и пришли на то место, где лиса убила медведя и сложила в кучу кости. Тут его мать начала плакать. Лиса сочувственно утешала ее, но наконец сказала:

— Ну, ладно, слезами горю не поможешь. Я думаю, что знаю, кто убил твоего сына. Подожди здесь немного.

И вот лиса побежала и взобралась на невысокую грядку. Посмотрев вокруг, она увидела большого бурого медведя. Тогда она быстренько побежала к черной медведице и сказала:

— Там ходит большой бурый медведь. Я думаю, это он убил твоего сына. Иди сражаться с ним. Он очень большой и сильный, но я тебе помогу.

И вот черная медведица пошла драться с бурым медведем. Оба были очень сильные, и бой длился долго. Лиса прыгала вокруг, делая вид, что тоже дерется, но, хитроумная, ничего не делала, а только вымазалась вся в крови. Наконец черная медведица победила, и ее противник упал мертвый на землю. Тогда она повернулась к лисе и сказала:

— Спасибо, сын. Ты очень добрый. В награду возьми это мясо. Я очень устала и не хочу его; ты можешь взять все.

Она повернулась, чтобы уйти, по тоже упала и умерла.
Лиса исполнила победный танец и потом долго ела медвежатицу.

139. Ворон и гагары

Давным-давно встретились как-то ворон и желтоклювая гагара и разговорились. Они решили сделать друг друга красивыми, и ворон начал первым. Он раскрасил гагару всю черными точками, провел по ее телу полоски и покрасил ей клюв в желтый цвет. Когда он кончил, за дело взялась гагара и для начала выкрасила ворона в черный цвет с ног до головы. Но прежде чем она успела покрасить ворона до конца, пришел человек и спугнул их обоих. Так ворон и остался недокрашенным и по сей день весь черный.

140. Мальчик-сиротка

Жили бабушка с внуком в Тикигаке на берегу моря, жили совсем одни. Другие люди все разбрелись по берегу или ушли в глубь материка, оставив их одних. Старушка всегда приносила много пищи, но ее внук не знал, где ей удавалось добыть ее, хотя и видел какую-то маленькую землянку. Его бабушка шила шкуры оленей, волков и росомах, которые приносили ей люди, и складывала в мешок. Когда они вставали утром, то все шкуры были вычищенными и выделанными. Этих шкур вполне хватало и на одежду, и на одеяла.

Через некоторое время люди, которые уходили, вернулись, но старушка и ее внук теперь были очень богаты — ведь у них было много шкур оленей, волков и росомах. Рядом с ними поселилось много людей, и сиротка стал их вождем. Он женился на дочери другого богатого человека. Когда пришло время охоты на китов, у него уже была отличная собственная лодка. Люди вышли в море на своих лодках и добыли пять китов, которых они отвезли домой, а там старушка поделила их между всеми. У сиротки и его жены родился мальчик, которого бабушка обычно клала спать с собой. Старушка умерла, лишь когда этот мальчик вырос. Умерев, она превратилась в гагару. А родители мальчика, сиротка и его жена, дожили до глубокой старости.

141. Поющий бычок

Однажды шел человек по берегу и услышал, как кто-то поет:
Когда берег покрылся льдом,
Я смотрел на его большой бубен...

Голос был очень тихий, но слышался снова и снова, пока человек наконец не остановился. Голос доносился, оказывается, из-под самых его ног. Человек выкопал из-под снега нечто, оказавшееся морским бычком, но тот был уже мертвый.

142. Запертые дети

Двое, муж и жена, жили на реке, где было полно карibu. Однажды, правда, им стало не хватать еды. Они сказали друг другу:

— Нашим детям нечего есть.— А у них было трое детей.

Когда они находили оленя, то шли ставить ловушки, а детей оставляли дома; но им не удавалось добыть ни одного оленя, хотя они и возвращались каждую ночь очень поздно. Дети всегда могли выйти куда хотели, но однажды их родители, крепко закрыв дверь, ушли и больше не вернулись. Дети остались совсем без пищи. Самый старший мальчик некоторое время кормил своих двух братьев и себя одеялами из шкур, но вскоре они все съели и опять остались взаперти без пищи. Старший все говорил своим младшим, что их родители, должно быть, умерли, поэтому они сначала плакали, но потом начали петь.

Второй брат запел:

Какое обличье мне принять,
чтобы выбраться? Пусть я
превращусь в рыжую лису
и выберусь — мак!

Он превратился в лису и вышел наружу.

Тогда самый младший запел:

Какое обличье мне принять,
чтобы выбраться? Превращусь-ка
я в ворона и выберусь —
карр-карр!

Он превратился в ворона и выбрался.

Самый старший подумал немного, потом решил, что лучше всего справится с братьями, если превратится в волка. Решив так, он запел:

Какое обличье мне принять,
чтобы выбраться? Превращусь-ка
я в волка — му-ху!

И вот, превратившись в волка, он вышел.

Он велел младшим братьям бежать за ним, но, когда они побежали, лиса отстала.

Те двое, которые бежали впереди, исчезли за высоким холмом. Когда лиса добежала до вершины холма, то увидела внизу оленя, которого ее старший брат только что убил. Ворон съел внутренности оленя, лиса — целиком весь жир со спины, а волк — печень. Так они дальше и жили.

143. Мужчина и ворон

Однажды мужчина спросил ворона:

— Ворон, что ты делаешь?

— Я несу кусочек шеи моему дедушке, — ответил ворон.

— А где он? — спросил мужчина.

— Там, с наветренной стороны Аатитака.

— Как его зовут?

— Мудрый.

— А как зовут твою мать?

— Собачий След.

— А твою бабушку?

— Талый Лед.

— А как зовут тебя?

— Меня называют Бедная Крошка.

И вот какую песню спел мужчина:

Перья старого ворона — цвета отбросов.

Лети один туда, за ту сопку.

Где же твое ожерелье из зубов горной козы?

Дай, я куплю его за кремниевый нож в футляре.

Я оставил много отбросов там, между теми сопочками.

Иди пожирай их!

144. Обиженный сиротка

На реке жили люди, и среди них — старушка с внуком. Когда мужчины приносили в поселок добытых оленей, этот мальчик отправлялся к ним за своей долей мяса. Потом, получив свою долю, он шел по разным домам, получал еду и возвращался домой.

Старшинами поселка были два брата. Когда мальчик приходил к ним, их мать давала ему много еды. Вскоре, однако, еды стало не хватать, и мальчику доставалась очень маленькая доля. Но мальчик продолжал ходить в дом двух братьев, и женщина всегда давала ему поесть, как прежде. У других людей уже не было еды, которую они могли бы отдать, и в конце концов они перестали кормить его; хоть он и продолжал приходить к ним, они тем не менее ничего ему не давали. Однако он продолжал ходить в дом братьев и, когда ему там что-нибудь давали, возвращался домой. Однажды, когда он вошел, женщина дала ему немного мяса. Когда он взял его, один из сыновей оцарапал ему руку чесалкой из ноги болотного луня. Мальчик выронил мясо, потом поднял его снова здоровой рукой и вышел плача. Мать двух братьев ничего не заметила.

С плачем мальчик вошел к себе домой, и его бабушка спросила его:

— Почему ты плачешь?

— Ее сын Тонак сделал так, что я плачу, — ответил мальчик.

Бабушка велела ему не ходить туда больше, но наутро, отправившись обходить другие дома, он пошел в тот дом, и женщина снова дала ему немного мяса. И снова младший брат оцарапал его, когда он брал мясо, а когда он отпустил мясо, отобрал его вовсе. Сиротка ушел плача, как и в прошлый раз, но, когда он ушел, мать братьев, которая на этот раз все видела, сказала своему сыну:

— Позор, у этих людей ни капли жалости к бедному сиротке! Вы хоть и взрослые, но вряд ли проживете долго.

Юноша, однако, не обратил внимания на слова матери, отошел и лег. Наутро, после того как старушка и ее внук позавтракали, мальчик снова пошел по домам. Не получив ничего от других людей, он снова пришел в тот дом, и все произошло как накануне. Когда он вернулся, его бабушка сказала ему:

— Внучек, эти люди тебя не любят, иначе они не вели бы себя так.

Сказав так, она научила его песенке и велела спеть в сених. Он немного побаивался, но она велела ему не пугаться. И вот назавтра он вошел в сени, скорчился там и запел свою песню, а в конце сказал:

— Берегитесь!

Бывшие в доме спросили у него, не ошибается ли он, но он сказал нет. Еще во время его пения послышался шум, как будто кто-то дерется. Люди стали бранить его, говоря:

— Мальчик, ты скоро умрешь.

Но мальчик только пел быстрее, чем раньше. Оба юноши вышли наружу, когда слышали шум драки, и обещали мальчику, что будут делиться с ним пищей, как со всей остальной родней, но мальчик не обращал внимания на их слова. Когда юноши пошли обратно в дом, мальчик выходил и встретил их в сених. Только что был слышен шум драки, но теперь все стихло.

Люди жили на том же месте, но они все один за другим умерли от голода. Бабушка превратилась в горностаю, а ее внук превратился в волка.

145. Волчья невеста

Жили двое, муж и жена. Жили они одни со своим единственным ребенком на берегу моря. Они ничего не знали о других людях, пока их дочь не подросла. Однажды утром она встала как всегда, пока ее родители еще спали, и вышла наружу поглядеть вокруг. Поглядела она и увидела невдалеке, в стороне материка, что-то черное. Посмотрев на это что-то некоторое время, она пошла узнать, что это такое. Она пошла свежую

тушу карibu, вернулась и рассказала родителям. Они сразу же встали, и все трое пошли туда, разделали тушу и перенесли домой. В тот день они вволю поели, а вечером легли спать, как обычно. Посреди ночи девушка неожиданно проснулась от громких ударов собственного сердца. Она резко поднялась и огляделась: ей показалось, что она заметила волчий хвост. Но он исчез, и она снова улеглась спать, и этой ночью ее больше ничто не беспокоило.

На следующий день ничего особенного не произошло, и, когда наступил вечер, семья улеглась спать, как обычно. Но и в эту ночь девушка проснулась от бешеных ударов своего сердца. Не до конца проснувшись, она приоткрыла глаза и снова увидела что-то, похожее на волчий хвост, но, как и в предыдущий раз, он сразу же исчез, и девушка снова уснула и больше его не видела.

Выйдя наутро снова осмотреться, пока ее родители еще спали, она заметила внизу на прибрежном льду что-то черное. Подошла и увидела свежую тушу тюленя; тогда она пошла и сказала своим родителям. Отец велел ей принести тушу в дом и, когда она принесла, разделал ее, и они вволю поели тюленьего мяса. Вечером они легли спать. И снова девушка проснулась точно таким же образом, но, оглядевшись, она увидела уже не волчий хвост, а хвост росомахи. На этот раз она встала, взяла светильник и вышла наружу, но то, что там было, исчезло, поэтому она вернулась в дом.

Наутро она не нашла никаких следов, но вечером они услышали снаружи шаги. Открылась дверь, и вошел молодой человек в одежде, отороченной волчьим мехом. Он сел напротив девушки и сказал:

— Я пришел по воле моего отца.

Не успел он сказать это, как снова раздались шаги; опять открылась дверь, и вошел другой юноша. На нем была одежда, отороченная мехом росомахи. Он сел рядом с первым и сказал ему:

— Пусть ты пришел сюда первым, но женюсь на этой девушке я, а не ты.

— Нет, не женишься, — ответил первый, и они стали пререкаться. Тогда отец девушки сказал им, что если они собираются ссориться, пусть выйдут наружу.

Они оба встали и вышли. Оставшиеся в доме вскоре услышали снаружи тяжелый топот, но не обратили внимания, и вскоре шум стих. Тогда они легли спать.

Утром девушка увидела снаружи две цепочки следов: одни — волчьи, другие — росомахи. Следы были залиты кровью, и, пойдя по ним, девушка увидела вдали что-то черное. Это оказалась мертвая росомаха; в ее боку видна была огромная рана. Вернувшись, девушка рассказала об этом своим родителям, и ее отец приказал ей не уходить далеко. В тот вечер они опять си-

деи в доме, и примерно в тот же час, когда накануне пришли двое юношей, они снова слышали шаги. Вошел человек, тоже одетый в одежду с оторочкой из волчьего меха, но это был уже немолодой человек. Войдя, он сказал:

— Мой сын тяжело болен, поэтому я пришел за вашей дочерью. Может быть, он уже умер, поэтому не будем тратить времени на разговоры.

Оба старика сами не могли отправиться в путь, поэтому они согласились отпустить дочь. Они сказали, что девушка не может ходить далеко, поэтому нет ли у него нарты? Человек ответил, что нет, а выйдя с девушкой, взял ее за руку и повел прочь от берега. Потом, когда они отошли немного от дома, он посадил ее к себе на спину и, велев ей не оглядываться, побежал. Бег его становился все больше похож на звериный. Когда начало светать, он спустил девушку на землю и, взяв за руку, повлек вперед. Наконец они достигли его дома. Он втянул ее в длинные сени, и они вошли. В задней части дома сидел спиной к ним его сын.

— Неужели я опоздал?! — сказал отец, но на его слова юноша обернулся и, увидев отца и девушку, улыбнулся.

Тогда его мать сказала:

— Пусть невеста займется едой и покормит своего будущего мужа.

Муж велел ей принести одежду. Женщина вышла и вернулась с очень красивой одеждой. Они сняли с девушки то, что было на ней надето, и дали ей надеть все новое, после чего она стала ухаживать за своим мужем.

Юноша страшно исхудал, но через некоторое время он уже снова мог ходить и вскоре начал охотиться на оленей. Тогда его родители велели им вернуться к отцу и матери жены, потому что они боялись, что у тех не хватает пищи. И вот юноша приготовил свою нарту. Сначала он погрузил оленьё мясо, потом в середину положил оленьи шкуры и сделал на нарте что-то вроде полога для своей жены. Приготовив все, он посадил ее в полог, предупредив, чтобы она не выглядывала. Вначале они ехали довольно медленно, но вскоре нарта пошла очень быстро. Через некоторое время он велел ей слезть, и они еще немного прошли пешком, пока на рассвете не увидели дом родителей девушки.

Дойдя до него, они вошли и сказали старикам, что привезли им еду. Услышав это, старик велел дочери снять немного мяса с нарты и внести внутрь. Она пошла и принесла немного еды.

Проснувшись наутро, юноша захотел пойти на охоту. Уходя, он предупредил их, чтобы они не выходили на улицу в полдень. Поэтому они оставались в доме в это время, и вскоре он пришел и сказал, что убил недалеко несколько оленей. Родители вышли и нашли пять оленей, лежавших в ряд один за другим; тогда они разделали их и отнесли в мясную яму. Юноша был очень удачливым охотником на оленей, но ему никогда не уда-

валось добыть перцу. Да и то сказать, как мог он уметь охотиться на перцу, если всю жизнь прожил вдали от моря? Но его тесть отдал ему свои охотничьи приспособления и научил его охоте на перцу — так, как он сам охотился в молодости. После этого юноша научился ходить на берег, загарпунивать бородастую перцу и притаскивать ее домой при помощи специальных ремней, которые он изготовил сам для этого дела.

Так они постепенно заполнили разпой пищей два хранилища. Родители девушки велели им ехать назад к отцу и матери юноши, которые уж, наверное, соскучились. И вот юноша начал снова готовиться, погрузил на парту перпичий жир, сделал сверху полог для своей жены и велел ей влезать. Она забралась в полог, и они отправились в путь. Сначала ехали медленно, потом очень быстро. Через некоторое время он велел своей жене слезать. Уже рассвело — их парта была очень тяжело нагружена, и поэтому они ехали долго. Они отдохнули там, где остановились, недалеко от домов. Ближе к вечеру они продолжили свой путь и достигли дома.

Здесь они жили с его родителями некоторое время, пока однажды не приехали люди с приглашением юноше — а звали его Игыляк — принять участие в танцах в соседнем поселке. Его родители предупреждали его, что его жена умрет, если он повезет ее туда. Они говорили, что в той стороне живет большая птица, которая их обоих убьет. И все же, когда приехавшие с приглашением стали готовиться к отъезду, Игыляк и его жена стали собираться тоже. Однажды утром они все отправились в путь. Мужчины тянули обе парты, свою и Игыляка, а его жена сидела сверху.

Не успели они отъехать, как им попала река с крутыми берегами, и мужчины, которые до этого шли впереди парты, встали позади нее. Игыляк и его жена тоже встали сзади. Мужчины пошли вниз по обрыву, но Игыляк и его жена, подойдя к краю, остановились. Тем временем мужчины перешли на противоположный берег, такой крутой, что они даже откинулись назад, переваливая через гребень. Не успели они подняться наверх, как вернулись помочь Игыляку. Они привязали его жену внутри под пологом и опустили парту с обрыва при помощи веревок, сами медленно спускались за ней. Так они достигли воды. Там они подняли парту на плечи и перенесли на другой берег, потом начали подниматься наверх. Они уже протащили парту немного вверх, когда она вдруг начала подниматься в воздух. На мгновение она, казалось, остановилась, потом поднялась вверх. Мужчины взобрались на парту, и она вползла на берег и остановилась наверху. Они немного еще отодвинулись от края и наконец остановились.

— Уф! — сказали они.

Жену Игыляка снова привязали к парте сверху и поехали дальше. Встретив на пути еще одну реку, они переправились

таким же способом. На этот раз, хоть они и тянули изо всей силы, парта не шла так быстро. Добравшись до вершины, они снова привязали женщину, как раньше, и поехали дальше. Проехав немного, они увидели дома; жители уже пели. Приехав и войдя в дом для празднеств, гости стали обмениваться с ними подарками. Когда Игыляк достал свои подарки и вручил их старшине, все закричали от восторга и сказали, что у них нет ничего столь же ценного, чтобы подарить в обмен. Закончив обмен подарками, Игыляк и его жена ушли в дом к своему хозяину.

Когда пришло время ложиться, жена Игыляка вышла паружу. К ней подошла маленькая девочка и, взяв ее за руку, сказала:

— Моя бабушка — она там живет — хочет с тобой о чем-то поговорить. Пойдем скорее.

Женщина колебалась, но девочка потащила ее за собой, и ей в конце концов пришлось пойти. Девочка вела ее по берегу реки, пока наконец они не подошли к пещере в склоне небольшого холма. Входя в дверь, женщина почувствовала запах, похожий на запах крови. Она вошла и увидела, что в котле кипит что-то похожее на кровь. Старушка приветливо встретила ее и попросила раздеться, чтобы ее можно было помыть. Старушка сложила ее одежду в один угол, взяла большую лохань, висевшую на стене, вылила в нее содержимое котла и вымыла свою гостью. Кончив, она помыла и маленькую девочку, свою внучку и велела вылить эту воду в реку и помыть лохань. Но девочка, проходя мимо жены Игыляка с лоханью в руках, неожиданно выплеснула все на нее. Женщина немедленно сморщилась до размеров девочки, а девочка превратилась в женщину. Подложная женщина надела одежду настоящей и убежала. Жена Игыляка старалась заговорить, но ее голос изменился. Старуха-колдунья велела ей надеть одежду своей внучки, что она и сделала очень неохотно. Затем она вернулась в дом их хозяина. Там она застала внучку колдуньи, обнимающую ее мужа. Игыляк, не узнав вошедшую жену, велел ей уйти и ударил ее ногой, выгопяя. Несчастной жене пришлось остаться на улице. И вернуться назад к колдунье она не могла: ведь колдунья не была ей родней.

Поднявшись утром, Игыляк и его новая жена начали танцевать, причем жена танцевала очень хорошо. Закончив танцы, все отправились по домам спать. Настоящая жена попыталась немного поспать на улице, но только она задремала, как кто-то схватил ее за волосы и поднял ее голову. Это оказалась маленькая девочка, которая сказала:

— Моя бабушка, которая живет там, велит тебе прийти. Твои родичи скоро уезжают.

Девочка ушла. Женщине было уже все равно, что с ней станет, и она пошла за девочкой к реке. Они шли вдоль берега, пока не подошли к покосившейся хижине. Они вошли, на этот

раз через настоящую дверь, и женщина увидела внутри горшок с горячей водой. Старуха сказала, что она хочет помыть жену Игыляка, так как та ей правится. Женщина разделась, а старуха тем временем внесла корыто и наполнила его горячей водой из горшка. Помыв ее, она спросила, так ли она выглядела прежде. Женщина сказала, что да, и поблагодарила старуху за то, что та вернула ей речь; ведь она думала, что уже никогда не заговорит. Старуха велела ей выплеснуть грязную воду в реку и, набрав чистой, постирала старую одежду, которая была на жене Игыляка; а так как у той не было другой одежды, дала ей набедренную повязку из беличьих шкурок и пару тапочек. Еще она дала ей горшок и велела вылить его содержимое в ухо мнимой жены, а после пусть она бросит повязку, тапки и горшочек в сени и велит им вернуться к хозяйке.

Получив от старушки все эти наставления, жена Игыляка пошла прямо домой. На ней ничего не было, кроме набедренной повязки. Она тихонько проскользнула в дом, никого не потревожив, и вылила горшок на мнимую жену. Потом, выбросив в сени повязку, тапки и горшок и приказав им возвращаться назад, она вернулась в дом и села на корточки в углу. Мнимая жена тут же сжалась до своих настоящих размеров, а Игыляк, вскочив, схватил ее за волосы и выбросил в сени. Потом подошел к жене и потянул ее наверх, на лежанку, но она вырвалась и спросила:

— А почему же ты не оставил свою новую жену?

Игыляк страшно рассердился и стал грозить, что убьет всех жителей поселка. Его хозяйка так испугалась, что стала уговаривать его жену вернуться к нему. Она хорошо к ним относилась и поэтому послушалась их.

Назавтра Игыляк и его люди отправились назад и доехали до реки. Они без труда спустили женщину вниз с крутого берега, но не сумели поднять ее наверх, на другой берег. Они попробовали еще раз, но неудачно — они не достигли даже того места, где остановились в первый раз, а в следующий раз не смогли даже поднять нарту. Тогда они сделали из нарты лодку и павалили на нее шкуры. Сверху они проделали маленький лаз и наполнили лодку едой, шкурами для одежды и всякими другими вещами и поставили светильник для тепла и света. Они сказали женщине, что река принесет ее к дому ее родителей. Если она захочет сойти на берег, ей стоит только пожелать, и лодка подчинится. Игыляк сказал ей еще, что на пути ей попадутся три поселка, но пусть она не боится: он ее защитит. А потом, когда она доберется до дома родителей, он пришлет вести о себе примерно тогда же, когда к ней приходил его отец.

И вот женщина села в лодку, а мужчины оттолкнули ее от берега. Она шила, а когда ей хотелось — спала.

Когда ей захотелось сойти на берег, она просто сказала:

— Хочу на берег! — И лодка сама по себе пристала к берегу. Она попыталась столкнуть лодку в воду, но та не двигалась;

тогда она села снова, и лодка поплыла сама по себе. Так она и плыла вниз по течению.

Однажды, вскоре после того как женщина в очередной раз отплыла от берега, она услышала шум и, выглянув, увидела много людей и дома; но они ее не видели. Так получалось, что мимо всех поселков она проплыла незамеченной. Однажды женщина проснулась и почувствовала, что ее лодка стоит на месте. Выглянув, она увидела, что нос лодки уткнулся в песчаный берег. Выбравшись, она узнала местность: здесь она прежде собирала ягоды. Забравшись на невысокую сопку, женщина увидела дом своих родителей. Разгрузив лодку и втащив все повыше на берег, она пошла домой.

Когда она вошла, мать спросила ее, не пришел ли с ней ее муж. Но она сказала им:

— Я пришла одна, мой муж, после того как кончился тащевальный праздник, отправился в обратный путь, и я не знаю, когда он придет. Если у него будет кого послать, он пришлет его зимой, в то же время, когда он сам приходил в тот раз.

Все трое жили очень счастливо, питаясь тем, что привезла женщина, а когда пришло время, стали ждать посланца.

Пришел человек — смотри-ка! Да это отец Игыляка! Он сказал, что пришел за женой сына, хотя, сказал, он не знает, будет ли сын еще жив, когда они дойдут туда. Если сын останется жив, он, мол, будет вести себя лучше, чем раньше.

Они отправились вдвоем. Отец посадил ее на спину и не велел смотреть вокруг. Некоторое время они неслись галопом, потом перед самым рассветом он велел ей слезть, и они вошли в дом. На лежанке лежал Игыляк, но только голова его казалась нормальных размеров — такой он был худой и истощенный. Жена взяла ложку и стала кормить его мясным отваром, в котором плавало лишь несколько волокон мяса, и постепенно он стал набираться сил. Чем дальше, тем крепче отвар давала она ему, и наконец он поправился и снова смог охотиться.

Они вернулись к родителям жены и жили с ними, пока те не состарились и не умерли. Потом, перебравшись к родителям Игыляка, они жили с ними, пока и те не умерли от старости. В конце концов Игыляк раздал всем свои запасы еды — два помоста с разным мясом. Он сказал людям, что они с женой уходят в край, где нет места печали и страданиям, и они двое, превратившись в волков, убежали.

146. Волшебный медведь

Жили старик и старуха, и детей у них не было. Они жили в стороне от других людей, потому что те никогда не давали им мяса, когда добывали нерпу. Однажды люди убили несколько белых медведей. Старик, которому нечего было есть, взял немно-

го медвежьей крови, налил в деревянную плошку и сделал белого медведя. Это, как рассказывают, был первый сделанный им медведь, но потом он стал делать больших медведей. Когда этот первый медведь подрос, он пошел и поймал две нерпы, и у стариков стало много еды. Этот медведь часто приносил им и бородатых нерп.

Но однажды старик велел ему пойти и принести белого медведя. Назавтра медведь был очень угрюмым, но наконец пошел. Он убил несколько белых медведей и принес их. Потом, выйдя, он ушел и больше никогда не возвращался, а старики, когда увидели, что его нет, запели предсмертную песню и умерли.

147. Заклятие оленя

Жили однажды мужчина, женщина и их единственный сын. Мужчина и мальчик все дни проводили на охоте на оленей: вокруг все олени были крупные. Однажды мальчик увидел одного очень крупного и радостно побежал за ним. Олень сначала убежал, но потом остановился, повернулся и позволил мальчику приблизиться. Когда тот уже собирался пустить стрелу, олень отбросил с головы кашпош и сказал:

— Не стреляй в меня, пойдешь поищи других оленей. Скоро у тебя их будет много.

— Нет, — ответил мальчик, — я хочу именно тебя. Ты очень большой и жирный.

— Не стреляй в меня, — повторил олень, — если выстрелишь, ты никогда не вернешься домой.

— Ну и что? — сказал мальчик. — Я тебя все равно убью. — И он выстрелил и убил оленя. Освежевав его и собрав мясо, он отправился домой. Вдруг кругом потемнело, да так, что он не мог разобрать дороги.

— Как же так? — сказал он. — Почему так темно? Я же не найду дороги домой! Может быть, мне лучше двигаться на ощупь?

И вот он пополз, то стучаясь об острые камни, то падая в воду. Скоро он устал, почувствовал голод и жажду. Он зачерпнул ладонью воду, чтобы напиться — у нее оказался вкус крови. Он шлепал дальше, с каждым шагом уставая все больше.

— Увы! — сказал он наконец. — Нет смысла. Я никогда не дойду до дому. Я никогда не увижу отца и мать. Лучше я убью себя.

И вот он взял острый камень и попытался перерезать себе горло, разрезать лицо, тело, руки, ноги, но сумел только поцарапать себя, а серьезно пораниться он не смог. Он взял другой камень, потом третий — но все тщетно. Он так и полз в темноте, становясь все тоньше и тоньше, пока наконец его руки и ноги вовсе не сошли на нет, и тогда он умер.

148. Заклятие медведя

Давным-давно жила женщина вдвоем с маленьким сыном. Они часто голодали, потому что у них не было мужчины, чтобы охотиться для них. Иногда женщина спрашивала сына: «Ты хочешь есть?», а когда он отвечал: «Да», она давала ему маленький кусочек перпичьего мяса. Со временем мальчик вырос и обрел силу. Однажды он сказал:

— Завтра я пойду искать дичь; может быть, я что-нибудь найду.

Но его мать ответила:

— Не ходи, ты еще маленький.

— Ничего,— сказал мальчик,— со мной ничего не случится. Я благополучно вернусь. Может быть, я найду что-нибудь. Может быть, карибу найду.

Ночью он почти не спал, думая о предстоящем путешествии. Он вышел задолго до рассвета и шел целый день, но ничего не увидел. Наконец он дошел до громадной стены из камней. Возле нее кто-то прятался в темноте.

«Кто это? — подумал мальчик.— Не черный ли это медведь или, может быть, белый? Дай-ка я подползу поближе и посмотрю». Ему было страшновато, но он все-таки подполз поближе. Наконец он ясно увидел черного медведя. Медведь то и дело поднимал голову и оглядывался, и тогда мальчик быстро опустил голову и прижился к земле. Он был страшно напуган, до того, что не мог тронуться с места.

«Увы,— подумал он,— все пропало. Я никогда больше не вернусь домой к матери».

Наконец медведь его заметил и, медленно встав на ноги, неуклюже двинулся к нему.

«Все пропало,— подумал мальчик.— Сейчас он меня съест». Когда медведь приблизился, мальчик посмотрел на него и медленно встал, ожидая. Но медведь сказал:

— Говори, мальчик, зачем ты пришел?

— Я пришел в поисках дичи,— ответил мальчик.— Мать не велела мне идти. «Ты можешь встретить белого медведя,— сказала она,— или черного медведя. Он тебя съест, и ты никогда больше не вернешься домой».

Но медведь сказал:

— Не бойся, я не стану есть тебя. Слушай, что я тебе скажу. Когда ты убьешь оленя, или нерпу, или еще кого-нибудь и будешь разделять добычу, бросай в сторону маленькие кусочки для меня, потому что я могу быть голодным. Я твой отец. Если ты не будешь этого делать, ты не вернешься домой.

— Хорошо,— сказал мальчик. Он был очень напуган и всю дорогу домой бежал. Он тяжело дышал, когда вошел в дом, и, заметив это, его мать спросила:

— Что случилось? Что ты увидел?

— Ничего,— ответил мальчик.— Я целый день ходил и ничего не нашел.

— А почему ты так тяжело дышишь? — спросила она.— Наверное, ты что-то увидел?

— Нет,— ответил он,— я ничего не видел. Я боялся, что стемнеет и я не найду дороги домой, поэтому я бежал. Я ничего не видел.

Он очень устал и скоро пошел спать и заснул. Обеспокоенная мать не могла заснуть и всю ночь пролежала, наблюдая за ним.

Наутро мальчик снова отправился охотиться. Когда он ушел, его мать сказала ему:

— Не ходи на охоту: ты еще очень мал и можешь не вернуться. Подожди, пока ты подрастешь.

Но мальчик сказал:

— О, я вернусь благополучно.

И вот он пошел и увидел крупного оленя. Он застрелил его и освежевал. Он кинул в сторону несколько кусочков мяса, а остальное сложил за пазуху и вернулся домой. Мать была очень рада.

— Молодец,— повторила она,— молодец.

В тот вечер они хорошо поели и сытые легли спать. В другой раз мальчик увидел недалеко от берега бородатую перпу. Он загарпунил ее и, бросив в сторону несколько кусочков, оттащил остальное домой.

— Молодец, сынок,— сказала его мать.— Молодец. Теперь мы не будем голодать.

Они жили очень счастливо. Мальчик стал юношей.

Однажды он не вышел из дому, как обычно. Мать спросила его:

— Что случилось? Почему ты не выходишь — ты заболел?

— Нет,— сказал он,— я просто не хочу выходить, и все.

— Ты уверен, что это не из-за того, что ты чувствуешь себя больным и слабым и боишься никогда не вернуться домой?

— Нет,— сказал юноша,— я не хочу идти. Ты что, хочешь, чтобы я ушел, заблудился и не вернулся?

— Нет, дело не в этом,— ответила мать.— Я думала, что ты болен.

И вот юноша остался в тот день дома, они ели и спали, снова ели и снова спали и наконец улеглись до утра. Назавтра юноша пошел и застрелил оленя, но он забыл бросить в сторону кусочки мяса при разделке. Не успел он двинуться к дому, как вдруг стало темно. Юноша не знал, куда идти.

«Как же так? — подумал он.— Раньше ведь было легко добраться домой за один день, а теперь, похоже, мне придется спать здесь: мне не найти дорогу домой до завтра».

Но ни на следующий день, ни через день он не дошел до дому. Он все шел и шел и наконец умер.

149. Женщина-утка

Давно это было. У Тапхака жили муж с женой и с сыном-юношей. Женщина все время упрашивала сына, чтобы тот нашел себе жену, но юноша отказывался, говоря, что не хочет жениться.

— Слушай,— говорила его мать.— Я старею и скоро не смогу разделять добычу, которую ты приносишь. Лучше бы ты нашел себе молодую жену, которая бы помогала мне.

Однако юноша отказывался; позднее, мол, он, может быть, и поищет жену, но пока что ему и без жены хорошо.

И вот однажды он поехал на каяке поискать уток или другой дичи. Весь день греб он вверх по реке, но ничего не нашел. Когда настала ночь, он кое-как соорудил себе укрытие среди ивняка, росшего по берегам, и лег спать. Но он чувствовал себя тревожно и спал плохо. Он поднялся еще до рассвета, поел немного нерпичьего мяса, которое было у него с собой, и слова поплыл вверх по реке. Все утро он плыл, но никакой дичи не видел. Вдоль одного берега шли густые заросли ивняка, но на другом были открытые пологие участки. Когда наступил день, юноша повернул свой каяк к пологому берегу и вышел, чтобы осмотреть местность, ему совершенно незнакомую. Он вытащил каяк на берег, положил его на бок и привязал к колышку, собираясь скоро вернуться. Поразмыслив, в какую сторону пойти, он отправился в глубь местности. Когда уже приближался вечер, он вдруг увидел несколько девушек, играющих в прятки; как ни странно, на них не было никакой одежды. Он подкрался ближе. «Никогда не видел таких девушек»,— думал он, подбираясь все ближе и ближе, пока наконец не смог рассмотреть их как следует. Одна ему особенно понравилась: она была красивее других. «Как бы мне схватить тебя и унести? И почему бы тебе не спрятаться здесь, рядом со мной? — подумал он.— Иди сюда!»

Не успел он подумать так, как девушка побежала в его сторону. Он притаился за кустом, а когда девушка подбежала, выскочил и схватил ее.

— Пусти меня! — взмолилась она.— Пусти!

— Нет,— сказал он.— Теперь ты моя жена.

— Пусти, мне холодно!

— Ну уж нет, я дам тебе меховую кухлянку, и тебе не будет холодно.

— Не хочу,— сказала она.— Я таких никогда не видела. Не хочу.

И все-таки он увел ее к тому месту, где был его каяк.

— Я хочу есть,— сказал он, и девушка ответила:

— Я тоже.

— Тогда,— продолжал он,— я дам тебе нерпичьего мяса.

— Я не хочу такую еду,— ответила она,— я ничего не хочу.

— Почему? Это ведь вкусно! Я ее ем дома каждый день!

Но она почти не притронулась к мясу. К этому времени стем-

нело, поэтому они легли спать на том месте. Наутро он посадил жену в каяк и отправился домой. Весь день они плыли, а на закате они снова спали на берегу. На другой день они достигли его дома.

Тем временем мать юноши с нетерпением ждала его, но, когда прошло несколько дней, а он не появился, она потеряла надежду и начала плакать.

— Увы! Я никогда больше его не увижу,— причитала она. Но она продолжала выходить, чтобы посмотреть, не едет ли он, и наконец она увидела, что он гребет в своем каяке вниз по течению. Потом она заметила в каяке девушку.

— О, он везет с собой жену! Молодец, сынок, молодец!

Наконец каяк пристал к берегу, и женщина спустилась вниз, чтобы приветствовать их.

— Наконец-то нашел жену,— сказала она.

— Да,— ответил сын,— нашел.

— Ну, так она, наверное, голодна,— сказала мать.— В доме есть немного перничьего мяса и немного оленьего. Пусть она войдет и поест.

Юноша повернулся к своей жене и сказал:

— Войди и поешь что-нибудь.

— Нет,— сказала та,— я не хочу есть эту пищу.— И она почти ничего не съела. Но когда все стихло и остальные легли спать, она набрала травы и съела ее, утолив таким образом свой голод.

Дни проходили спокойно. Юноша охотился, а его жена сидела дома и шила ему рукавицы, и обувь, и другую пужную одежду. Вскоре она родила ему сына, потом и дочь, но, как и прежде, она ела только траву. Однажды старуха сказала ей:

— Ну что ты за человек, что ешь только траву? Ты что, утка?

Девушка очень рассердилась. С плачем она вошла в дом и, одев своих детей, вышла. Ее муж в это время охотился на льду. Вернувшись домой вечером, он не нашел своей жены.

— Отец, мать,— спросил он,— где моя жена?

— Не знаю,— ответила старуха.— Днем она вошла в дом, одела детей и ушла с ними. Наверное, она убежала.

Юноша рассердился на мать и сказал:

— Что ты сказала ей такого, что она убежала? Я больше с вами не останусь.

Старуха стала горько плакать, но тщетно: утром сын отправился на поиски своей жены. Он нашел ее следы и шел по ним много дней. Однажды он пришел к грубо сделанному укрытию. «Ага,— подумал он.— Здесь моя жена ночевала сегодня ночью. Я тоже здесь переночую, а утром догоню ее».

Утром он встал рано и поспешил вперед, надеясь догнать ее, но, когда наступила ночь, он все еще не видел ее. На другой день, когда начало темнеть, он нашел пепел ее костра, который

был еще теплый. Он лег рядом с ним, но спать почти не мог, а все думал, как он ее завтра догонит. Снова юноша встал очень рано и двинулся вперед, но неожиданно, посмотрев на ее следы, он воскликнул:

— Ой, один ее след с перепонкой, как у утки! Наверное, я ее теперь не найду.— И действительно, в тот день он ее не догнал. День за днем продолжал юноша идти по ее следу. Однажды он нашел следы костра, который развела женщина, и на этот раз пепел был очень горячий, но ее самой не было видно. На следующий день он увидел вдалеке дом и поспешил туда, думая, что его жена там. Когда он подошел, оттуда раздался мужской голос:

— Кто-то пришел ко мне!

— Да, да,— ответил юноша.— Где моя жена?

— Откуда я знаю? — сказал мужчина.— Я ничего не знаю о твоей жене.

— Нет, знаешь, — сказал юноша.— Скажи мне, где она, и я подарю тебе кое-что.

— А что ты мне дашь?

— Я дам тебе топор.

— Хорошо,— сказал мужчина.— Я скажу тебе. Твоя жена была здесь вчера вечером, но утром она ушла, и теперь она уже далеко.

— Ничего, я найду ее.

— Ладно, оставайся ночевать, а утром я покажу тебе, в какую сторону она пошла.

И вот юноша остался у него ночевать. Наутро мужчина сказал:

— Она пошла вон туда, но она уже далеко, а ты устал; лучше бы ты перестал ее преследовать.

— Нет, я вовсе не устал,— сказал юноша.— Я скоро ее догону.— И он отдал мужчине топор и отправился дальше.

Много дней он шел, пока не пришел к другому дому. Мужчина в доме поздоровался с ним.

— Где моя жена? — спросил юноша.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Нет, знаешь. Я дам тебе кое-что, если ты скажешь.

— А что ты мне дашь?

— Я дам тебе пару нерпичьих штанов,— сказал юноша.

— Ладно, твоя жена была здесь вчера вечером, но утром она ушла дальше. С ней были двое детей, мальчик и девочка.

— Да, это она. Завтра я догоню ее.

Весь следующий день юноша шел очень быстро и к вечеру пришел к третьему дому. На этот раз он предложил хозяину дождевик. Да, его жена была тут вчера, но утром она ушла. Он переночевал в доме, а наутро мужчина сказал:

— Твоя жена пошла вон туда. Ты скоро придешь к большому озеру. Но ты совсем истощен и можешь умереть в пути. Лучше перестань ее преследовать.

— Нет, нет, я не устал. Скоро я догоню ее.— И юноша отправился дальше.

Вскоре он пришел к большому озеру.

— Увы мне! — воскликнул он.— Как же я перейду? У меня нет ни непромокаемых сапог, ни каяка, ни топора. Теперь я никогда ее не поймаю. Лучше я лягу здесь и умру.

И вот юноша лег на берегу озера и заснул. Он проснулся оттого, что кто-то дергал его за ногу. Взглянув, он увидел рыжую лису. Она сел. Лиса откинула капюшон и, превратившись в мужчину, спросила:

— Откуда ты пришел?

— О, я пришел издалека, преследуя свою жену. Теперь вот я дошел до этого озера и не могу перейти на ту сторону. Теперь я ее никогда не найду.

Но лиса сказала:

— Видишь ту большую гору на другой стороне? Ты должен взобраться на нее. На тропинке ты увидишь мертвых людей, но не обращай на них внимания, иди вперед и вперед и не останавливайся, как бы ты ни устал. Если ты хоть раз остановишься, ты умрешь и никогда не увидишь своей жены. Не обращай внимания на мертвых, иди, пока не дойдешь до вершины. Потом, когда заберешься наверх, ты увидишь внизу большое селение. Один дом будет больше остальных, там живет твоя жена. Вокруг него будет много оленей, а внутри в изобилии все, что только ты пожелаешь. Твой сын уже ростом с тебя, и твоя дочь тоже выросла. А теперь садись мне на спину и закрой глаза; держись покренче и не смотри.

Юноша сел лисе на спину, закрыл глаза, и лиса побежала. Вскоре она остановилась; озеро было далеко позади, и они стояли у подножия горы. Юноша слез.

— До свидания,— сказала лиса.

— До свидания,— ответил юноша.— Когда-нибудь я отблагодарю тебя куском оленьего мяса или еще чем-нибудь.

— Хорошо,— сказала лиса,— только не забудь: не останавливайся, пока не дойдешь до вершины.

И вот юноша начал карабкаться вверх. Он шел весь день, не сворачивая ни вправо, ни влево, не обращая внимания на мертвецов, которые попадались на каждом шагу. Темнота ему не мешала, потому что сумерки не наступали, но его ноги начали болеть задолго до того, как показалась вершина. Он все шел. Один раз он споткнулся и чуть не упал, до того болели ноги, но, взглянув наверх, он увидел вершину уже совсем рядом и одним последним усилием добрался до нее. Придя в себя через некоторое время, он огляделся. Внизу, как и сказала лиса, было селение, и там стоял большой дом, вокруг которого было много оленей. Он поспешно спустился и подошел к домам. Но тут из дома, перед которым он стоял, вышли двое мужчин. «Что это? — подумал он.— Чего они хотят?»

Юноша нашел толстую ивовую палку и спрятался за кустом. Мужчины подошли близко, и, когда проходили мимо куста, он выскочил и ударил их одного за другим палкой и убил. Быстро вырыв яму в земле, юноша похоронил их и поспешил к самому большому дому. В коридоре он остановился, чтобы отряхнуть снег с одежды и ног. Вдруг дверь открылась, и вышел мальчик. Он сказал «Здравствуй!» и быстро вошел назад в дом, крича:

— Мама, отец пришел!

Но женщина внутри засмеялась. Мальчик снова вышел, и мужчина сказал ему:

— Мальчик, дай мне воды, я хочу пить. Пусть твоя мать вынесет мне воды.

Мальчик вошел и сказал матери, что его отец просит вынести ему воды. Она не поверила и сказала:

— О чем ты говоришь, сынок? Твой отец далеко отсюда. Моя свекровь была дурная женщина, и мы от них ушли.— Она отказалась выйти.

Тогда ее муж сам вошел в дом и увидел, что там на лежанке сидит чужой мужчина.

— Что ты здесь делаешь? — спросил муж.— Это моя жена, а не твоя!

Мужчина испугался и, ничего не говоря, взял свои рукавицы и кухлянку и ушел. Тогда муж повернулся к своей жене и сказал:

— Как вырос мальчик! И девочка тоже.

Но его жена ответила:

— Ты не мой муж. Мой муж далеко-далеко и никогда сюда не придет.

— Но я пришел. Я же здесь. Ты помнишь реку рядом с домом? Я шел за тобой вверх по реке. Шел много-много дней и ни разу не остановился, пока не пришел сюда.

— Ни один человек сюда не доходил,— возразила она.— Это моя страна, страна уток. Ты, наверное, какой-нибудь другой человек, не мой муж.

— Ты помнишь большую гору на этой стороне озера? Я перешел через нее, ни разу не остановившись. Ноги мои болели, тело мое болело, часто я чуть не останавливался, часто чуть не падал. Но я боялся, что умру, если остановлюсь, и никогда не дойду до вершины. Поэтому я шел и шел, пока не пришел сюда.

Наконец, жена ему поверила. Ее старая мать сказала ей:

— Может быть, твой муж голоден и хочет чего-нибудь поесть?

И вот жена вышла и принесла еду: ягоды и несколько мелких рыбешек — ведь они были утки, и у них не было нерпичьего или оленьего мяса. Ее муж, не привыкший к такой пище, поел чуть-чуть, но, когда мать его жены спросила, поелся ли он, он ответил:

— Да, я поел достаточно.

Они сели поговорить, и отец его жены сказал ему:

— Знаешь, в твоей стране всего в изобилии: много оленей, много нерц, много белой рыбы, много белых уток, много ивняка, сильные ветры; иногда там очень жарко, иногда очень холодно. Всего в изобилии.

— Да, это так,— ответил мужчина.

— Сколько ты у нас пробудешь? — продолжал старик.

— Не знаю,— ответил мужчина.

Старик еще много говорил, а потом сказал:

— Иногда на нас нападают чужеземцы, поэтому мы должны быть начеку.

И вот мужчина поселился со своей женой и ее родителями. Однажды один из людей вышел утром из дому и, оглядевшись как обычно, увидел темное облако, похожее на дым, спускающееся вниз с горы. Он следил, как оно приближается все ближе и ближе, пока наконец не рассмотрел, что это — полчища человекоуток. Жители селения вышли, чтобы обороняться, и началась битва. Мужчина — единственный настоящий человек среди них — искал вокруг оружие, чтобы помочь сородичам своей жены. Он нашел палку и стал махать ею, убивая врагов сотнями. Весь день он преследовал их и остановился только ночью, потому что устал. Несколько убитых он взял домой и сказал своей теще:

— Свари мне этих уток. Я так давно не ел!

Но старуха ответила:

— Нет, нет, мы не едим этого; я не хочу их варить!

— Но я их люблю,— возразил он.

— Ладно, тогда я сварю их снаружи, подальше от дома,— сказала старая женщина. Она сварила их снаружи, и мужчина вышел и съел их тоже снаружи.

— Очень хорошо,— сказал он, вернувшись.— Я прекрасно поел и больше не голоден.

Он прожил там еще, и его жена родила ему еще одного сына. Тогда он сказал:

— Я возвращаюсь домой. Моя жена и ребенок пойдут со мной, а старшие мальчик и девочка останутся здесь.

— Когда вы вернетесь? — спросили его старики.

— Не знаю,— ответил он.— Может быть, мы вовсе не вернемся. Очень уж далеко идти.

И вот он ушел с женой и ребенком.

150. Невеста гагары

Давно это было. В Тапкаке жили муж с женой и единственной дочерью, взрослой девушкой, совсем невестой. Ее родители все время говорили, чтобы она выходила замуж, и многие юноши хотели взять ее в жены, но она всем отказывала. Она

говорила, что не хочет замуж и вполне довольна своей жизнью.

Однажды в селение пришли двое молодых мужчин, одетые в красивые меховые одежды. Девушка в это время играла на улице в мяч с другими женщинами.

Мужчины подошли к ней и поздоровались.

— Здравствуйте,— сказала она им.— Вы войдете в дом?

Они вошли и приветствовали ее родителей. Мать девушки вынесла перпичье мясо и белую рыбу и начала готовить еду, а ее муж стал расспрашивать их, откуда они пришли. Но они ответили:

— О, наша страна далеко отсюда, мы не знаем, как она называется по-вашему.

Они плотно поели, хотя один из них и не мог отвести глаз от девушки, до того она ему понравилась. Потом он сказал своему товарищу:

— Я хочу, чтобы она стала моей женой.

Но второй ответил:

— Нет, она станет моей женой.— И они начали ссориться.

Наконец отец девушки сказал:

— Не может же моя дочь выйти замуж за вас обоих!

Мужчины перестали спорить. Ночью девушка спала на одном краю лежанки, а гости — на другом; отец и мать легли посередине. Не успели они лечь, как мужчины снова заспорили:

— Она скоро станет моей женой.

— Как бы не так! Моей!

Отец велел им замолчать и спать, но спор все время вспыхивал снова. Наутро после завтрака юноши и девушки стали играть на берегу в мяч, и мужчины присоединились к ним. Во время игры одному из них приглянулась другая девушка, игравшая с ними, и он сказал ей:

— Иди сюда.

— Что тебе надо? — спросила она.

— Я хочу с тобой поговорить. Пойди ко мне.

— Ну, что тебе надо?

— Скажи мне, где дом твоего отца?

— Вон он, на холме.

— Ладно, скоро я туда приду.

— Хорошо,— ответила девушка.

И вот остальное время, пока они жили в этом селении, один мужчина жил в одном доме, а другой — в другом. Однажды ночью одна из девушек проснулась; ей показалось, что она видит что-то похожее на гагару с черным горлом, но гагара почти сразу исчезла. Девушка решила, что ошиблась, и уснула снова. Через несколько дней мужчины решили возвращаться домой. После завтрака они отправились вместе со своими невестами. Они шли целое утро не останавливаясь, и к полудню девушки почувствовали себя очень усталыми. Их мужья сказали:

— Садитесь к нам на спину и закройте глаза. Не смотрите вокруг и держитесь крепче.

И вот девушки взобрались к ним на спину, закрыли глаза и ухватились крепче. Тогда они слышали как бы ровное хлопанье крыльев и почувствовали, что поднимаются в воздух. Вскоре им велели слезть, и, открыв глаза, они увидели, что стоят у небольшого домика. Они вошли, но, к своему удивлению, обнаружили, что там ничего нет.

— Наши мужья плохие, — сказали они друг другу. — Нам здесь нечего есть, нет шкур, чтобы спать, вообще ничего нет.

Всю ночь девушки лежали голодные и замерзшие и не могли спать. Наутро мужчины ушли, чтобы, как они сказали, поохотиться на нерпу, а их жены остались в доме — и что им еще было делать, кроме как плакать! Они вышли, чтобы посмотреть, нельзя ли убежать, но с трех сторон их окружало море, а с четвертой — крутая гора. Они снова вошли в дом и стали плакать. Когда стемнело, их мужья вернулись.

— Вот тебе пернчье мясо, — сказал один, бросая на землю помет. — Свари и ешь.

Другой бросил на землю гнилые куски шкуры и велел жене есть их. Бедные девушки зарыдали, говоря:

— Мы не можем это есть. Мы не привыкли к такой пище. — И снова им пришлось лечь спать голодными.

Назавтра мужчины снова ушли, оставив жен дома. Днем девушки услышали какой-то шум. Вошла старушка; они заметили, что у нее были лисьи зубы.

— Это позор, — сказала она, — что ваши мужья так с вами обращаются. Они не люди, они — гагары.

Девушки горько заплакали.

— Как же нам спастись? Как нам вернуться назад, в Тап-как? Нам отсюда не выбраться, мы погибнем.

Старушка ушла, оставив их в слезах, и через минуту они увидели, что по склону горы бежит рыжая лиса. К вечеру вернулись их мужья и принесли такую же пищу, как накануне. Девушки снова отказались ее есть. Убежать они не могли; они умерли от голода, а их мужья съели их трупы.

151. Приемши черного медведя

Жил однажды мужчина с четырьмя дочерьми. Старшая была замужем, и у нее скоро должен был родиться ребенок. Было лето, и мужчина велел дочерям идти собирать ягоды. Они отошли уже от дома, когда начался дождь. Замужняя дочь сказала сестрам:

— Вот медвежья берлога, давайте спрячемся внутри. Если придет медведь, мы сделаем дыру в крыше и убежим. А может быть, в берлоге никто не живет. А если мы останемся под

дождем, мы промокнем и наша тяжелая одежда утомит нас. Лучше бы нам пересидеть здесь.

И вот они все забралась в берлогу. Вскоре появилась черная медведица. Девушки быстро вырезали дыру в крыше и выскочили наружу — все, кроме старшей, которая застряла из-за ребенка в ее утробе. Прежде, чем сестры успели вытащить ее, медведица втянула ее вниз и убила. Она разорвала ей живот, вынула ребенка — мальчика — и положила на лежанку в задней части берлоги. Потом она подняла труп матери и положила тоже на лежанку рядом с ребенком. Остальные сестры смотрели через дыру в крыше, но, увидев это, побежали домой, чтобы рассказать отцу.

Время шло, и ребенок стал чудесным мальчиком. Медведица кормила его мясом нерпы, бельчатиной, лисягиной, оленевой и другой едой. А мертвая женщина так и лежала на лежанке в задней части берлоги.

Зимой медведица укрывала мальчика по ночам лисьими шкурами. Остальное время он бегал голым, потому что медведица не умела шить. Настало лето, и мальчик захотел выйти наружу, потому что до этого он ни разу не покидал берлоги. Теперь он сказал медведице:

— Я хочу выйти наружу.

Она ответила:

— Сегодня нельзя, сынок. Сегодня сильный дождь. Завтра ты сможешь выйти, если захочешь.

Следующий день был ясный и солнечный, и мальчик стал бегать вокруг берлоги, но глаза его заболели от яркого света, а солнце опалило тело, так что скоро он снова вбежал внутрь. Медведица спросила его, как ему понравилось снаружи.

— Это было хорошо, — сказал он, — только от света заболели глаза, а солнце обожгло меня.

Скоро он выбежал еще раз и на этот раз смог остаться снаружи дольше. В конце концов он уже мог быть там весь день.

Мальчик все время видел, как медведица приносит домой добытых оленей, волков и другую добычу.

— Как ты их убиваешь? — спросил он.

— Ну, — сказала медведица, — я просто бегу за ними на всех четырех лапах, вот так, и хватаю их и ломаю; вот и все.

Однажды, находясь снаружи, мальчик увидел мышь, которую он поймал и убил так, как показывала ему медведица. Он отнес ее домой и отдал своей приемной матери, которая была очень рада его удаче. Потом он поймал белку, потом лису, потом волка, и последним — оленя. Он был уже крепким парнем и очень хорошим охотником.

Время от времени медведица приносила черную китовую кожу, которую они оба очень любили. Однажды мальчик спросил ее:

— Ты любишь нерпичье мясо?

— Да, люблю,— ответила она.

— Ну, так я попробую поймать нерпу.

— Нет, не ходи на берег. Ты можешь упасть в воду. Держись суши. Если мне захочется китовой кожи или мяса нерпы, я сама все достану. Держись суши.

Но мальчик решил пойти, несмотря на ее слова. Наутро он вышел и пошел, как обычно, в сторону суши, но, скрывшись из виду, он сделал круг и вышел к берегу. Там он увидел большого, вытасченного на берег кита, отрезал от него кусок кожи и вернулся домой. Медведица взяла кожу, но обругала его за непослушание.

— Не ходи больше на берег,— сказала она.

— Ладно,— ответил он.

И вот некоторое время он охотился на суше, пока наконец дичь стала попадаться редко. Однажды он пошел на поиски оленя и долго ходил, но ничего не нашел. Тогда он начал думать о предупреждении своей приемной матери:

«Почему она не хочет, чтобы я ходил на берег? Я все равно пойду и посмотрю, что там».— И он пошел вниз.

На этот раз он заметил, что кто-то двигается около кита. Он подобрался поближе и увидел толпу таких же людей, как он. Это его озадачило, и он раздумывал об этом всю дорогу домой.

«Интересно, что все это значит? Моя мать не такая, как я, у нее длинный нос, большие зубы, огромные когти на руках и ногах, и все тело ее покрыто волосами. Кроме того, она ходит на четвереньках, не как я. И что означают эти кости в задней части дома? Они похожи на мои, у медведицы — другие. Может быть, это кости моей матери, которую она убила?»

Он пришел домой очень поздно, и его приемная мать спросила его:

— Где ты был? Почему ты так поздно?

Но он ответил только:

— Я бродил целый день и ничего не нашел. Наверное, в нашем доме слишком много шкур: животные чувствуют их запах и не подходят близко. Давай вынесем их и сожжем.

— Ладно,— сказала медведица, и они вынесли шкуры наружу и сожгли на большом костре.

Потом мальчик сказал:

— Мама, иди ляг сюда, а я поищу у тебя в голове.

Медведица легла, а мальчик стал выбирать вшей из ее головы. Скоро она заснула и стала храпеть. Мальчик снял ее голову с колен, и медведица ударилась головой о землю. Она мгновенно проснулась, но мальчик убежал смеясь.

Когда шкуры были сожжены, олени снова стали подходить близко, и он мог добывать много дичи. Он умел ловить всех животных, которые жили в округе, кроме уток и куропаток. Но однажды он заметил, как куропатки отдыхают в зарослях ивняка на берегу реки. Он осторожно подкрался и, оказавшись внизу,

подпрыгнул и схватил одну за хвост. После этого он ловил много куропаток.

Пришла зима, и они сидели в берлоге, не рискуя выходить. В положенный срок зима сменилась весной и весна уступила место лету. Мальчик, выросший уже в крепкого молодого мужчину, снова стал охотиться. Он решил снова сходить на берег, но своей приемной матери сказал, что идет охотиться на карибу. Подойдя к киту, он увидел очень много людей вокруг него, таких же, как в прошлый раз, и подумал: «Наверное, это все-таки и есть мой народ, а медведица — не мать мне. Она не хочет, чтобы я знал свой народ, и поэтому запрещает мне приходить сюда, на берег. Наверное, это кости моей настоящей матери лежат в задней части берлоги. Дай-ка я спущусь и поговорю с этими людьми».

Он спустился на берег и подошел к людям. Они выхватили ножи, увидев незнакомца, и уже собирались броситься на него и убить его, как вдруг один старик закричал:

— Стойте! Давным-давно моя старшая дочь ушла как-то летом собирать ягоды, и ее убил черный медведь. Она должна была скоро родить, а этот юноша очень похож на нее. Наверное, это ее сын.

Тогда они спросили юношу, откуда он.

— Мой дом — там, на суше, в берлоге в склоне горы. Там живет моя мать-медведица, но она совсем не такая, как я: у нее длинный нос, большие зубы и волосы по всему телу; на руках и ногах ее — огромные когти. Наверное, она мне не мать, потому что в задней части берлоги лежат такие же кости, как у меня.

Тут они убедились, что он их родственник, и старик объяснил ему, кто он и как медведица убила его мать.

— Возьми этот лук, — сказал он, — и убей ее, когда вернешься.

Юноша никогда прежде не видел лука и держал его в руках очень пеловко. Ему объяснили, как его натягивать. Он положил стрелу на тетиву, но испугался и уронил ее. Он снова попробовал, наклонив немного лук, и снова уронил ее.

— Я убью медведицу руками, — сказал он, — так же, как я убиваю оленей.

— Лучше возьми лук со стрелами, — сказал ему его дед, — она большая и сильная, и ты можешь с ней не справиться.

Тогда юноша попробовал снова, и у него получилось лучше. Вскоре он научился ловко обращаться с луком. Тогда он пошел в берлогу, взяв с собой лук и стрелы и небольшой кусочек китовой кожи.

— Где ты был? — спросила медведица. — Почему ты пришел так поздно.

— А я ходил, ходил, ничего не нашел, и тогда я пошел на берег и вот принес кусочек китовой кожи.

— Никогда этого не делай, сынок. Я же тебя уже предупреждала. Ты можешь свалиться в воду.

Впрочем, китовую кожу они съели. Назавтра юноша сказал:

— Наверное, нам нужно снова съечь шкуры. Кругом нет дичи, наверное, звери чувствуют запах шкур.

— Пойду сама посмотрю,— сказала медведица.— Может быть, я что-нибудь найду.

— Нет, ты оставайся дома, ты уже слишком стара, чтобы охотиться. Давным-давно, когда я был маленьким, ты ходила и добывала для меня пищу. Теперь я хочу делать то же самое для тебя. Я хочу показать, как я тебе благодарен.

Медведица поверила и сказала:

— Ладно, давай сожжем шкуры.

И вот они вытащили их паружу, свалили их в огромную кучу и подожгли. Они полыхали очень ярко, и пламя поднималось до неба. Потом юноша сказал:

— Иди сюда и ляг, я поищу у тебя в голове.

Медведица легла, положив голову ему на колени, и он начал очень нежно ее почесывать. Скоро она заснула и захрапела, а юноша тихонько выскользнул и пошел за луком и стрелами, которые он спрятал у двери. Но он еще не успел натянуть лук, когда медведица проснулась и увидела его. Она бросилась к нему, крича:

— Так ты решил, что сможешь обмануть меня, как раньше?! Ты был у своих людей там, на берегу! Я убила твою мать, а сейчас я убью тебя и съем!

Юноша стал бегать вокруг костра, а медведица преследовать его по пятам. Она уже почти настигла его, когда он прыгнул через костер на другую сторону. Медведица тоже прыгнула, но упала прямо в огонь и сгорела.

После этого юноша стал жить со своим дедом. Но он не привык к запаху и теплу человеческого жилища и не мог долго оставаться в доме. Поэтому вскоре он построил себе собственный дом. Одна из его теток сделала ему красивую тонкую одежду из шкур оленя, но ему было в ней неудобно, потому что она стесняла движения. Тогда она сделала ему другую одежду, почти без меха. Эта тоже была жесткой, но со временем он привык. Он прожил очень долго и стал знаменитым охотником, но так никогда и не женился.

152. Женщина-олень

Жили однажды в Тапкаке муж с женой. Они все время ссорились. Муж постоянно бил жену и очень плохо с ней обращался. Наконец, она решила убежать в горы. Однажды ее муж ушел охотиться на лед. Дождавшись, пока он скроется из виду, она

вошла в дом, надела свою лучшую одежду и пошла. На спине она несла небольшой запас пищи. Она шла дальше и дальше много дней, ночуя на земле. Приближалась зима, и женщина находила мало еды, только корни и ягоды. Постепенно она ослабела, и наконец однажды она упала на землю, сказав себе:

— Я не могу больше идти, лучше здесь лягу.

Но каково же было ее удивление, когда земля под ней подалась: не подозревая об этом, она легла на дверь, которая открыла подземный проход в землянку. Сначала женщина не решалась войти, но потом подумала:

«Что ж, мой муж все равно бы замучил меня, если бы я осталась дома; кто бы здесь ни жил, хуже мне не будет».

Внутри женщина обнаружила в изобилии шкуры для спанья, мясо для еды — все, что только можно пожелать. Она была очень голодна и слаба, но не рискнула притронуться к пище.

Вскоре женщина услышала снаружи шаги и чей-то голос:

— Кто вломился в мою дверь? Кто там внутри? Если мужчина, я его убью, а если женщина — оставлю в живых.

Вошел мужчина и увидел женщину, сидящую в углу.

— Почему ты там сидишь? — спросил он. — Почему ты не взяла чего-нибудь поесть? Ты отоцала от голода, поешь что-нибудь.

Тогда женщина осмелилась поесть.

Мужчина сказал ей:

— Откуда ты пришла?

— Снизу, с моря, — ответила она.

— Хорошо, оставайся, будешь мне готовить и пить. Я буду для тебя охотиться, и у тебя всего будет вдоволь, пищи и всего. Скоро ты будешь опять толстая и сильная.

И вот женщина осталась и стала его женой.

Со временем она родила ему сына, а вскоре после этого — второго. Часто, уходя на охоту, муж предупреждал ее, чтобы она не ходила вокруг дома, а если кто-нибудь придет — не слушала, что он будет говорить. Однажды, пока мужчина охотился, пришла старушка и долго сидела и говорила, но женщина не обращала внимания на ее слова. Наконец старушка ушла и на ходу превратилась в рыжую лису. Вернувшись домой, мужчина спросил жену, кто к ним приходил, и она ответила:

— Это была старушка, она долго что-то говорила, а потом, видя, что я не слушаю, ушла.

— Запомни: никогда не слушай, что говорят те, кто может сюда прийти, — сказал он. — Я был женат два раза, и обе мои жены пропали, потому что прислушивались к тому, что говорят другие.

Старушка приходила снова и снова, но результат всегда был один.

Но однажды женщина забыла, что говорил ей муж, и прислушалась к словам старушки.

— Дай мне поискать у тебя в волосах,—говорила старушка.

— У меня там ничего нет,— ответила женщина.

— Все равно, дай погляжу.

— Нет, я занята. Мой муж вернется домой и очень рассердится, если еда не будет готова.

— Нет, что ты, он не рассердится. И вообще, времени еще много.

— А, ну тогда ладно.

И вот женщина легла, а старушка стала искать у нее в голове. Схитрив, старушка легонько почесывала ее, пока женщина не заснула, потом тихонько выскользнула наружу, и, превратившись в рыжую лису, убежала. Вскоре женщина проснулась от страшной боли в голове и от сильного желания выйти наружу. Она пощупала голову руками и почувствовала, что у нее растут рога. Она вышла; ее голова уже превратилась в голову оленя; она бегала кругами вокруг дома, потом помчалась прямо в сторону гор.

Вечером вернулся муж женщины и стал везде искать ее. Он заметил ее следы и увидел, что они вдруг перешли в оленьи. Он вошел в дом и сказал своему старшему сыну:

— Я иду искать твою мать. Присматривай за твоим младшим братом, пока я не вернусь. Может быть, я буду отсутствовать очень долго и вернусь домой стариком, а может быть, я вернусь очень скоро.

Перед тем как уйти, он наполнил дом едой и шкурами и сделал маленький лук со стрелами для мальчика. После этого он отправился на поиски жены.

Долго бродил он, тщетно пытаясь отыскать ее следы. Наконец он пришел к маленькой темной землянке на склоне холма. Он влез на крышу и, прислушавшись, услышал, как внутри ребенок говорит испуганным голосом:

— Мама, расскажи мне сказку.

Затем послышался голос матери ребенка:

— Я не знаю сказок. Хотя нет, постой. Я расскажу тебе одну историю. Слушай. Давным-давно жили муж с женой и двумя детьми. Жили они одни, и муж очень любил свою жену. Он постоянно предупреждал ее, чтобы она не слушала, что станут говорить ей люди, которые придут к ним в дом, пока он охотится.

Мужчина, сидя на крыше, подумал: «Она говорит обо мне».

— Однажды,— продолжал голос,— женщина, забыв об этом, прислушалась к словам рыжей лисы и позволила ей почесать себе голову. Она превратилась в оленя и убежала в горы, к своему стаду.

Мужчина, не в силах больше сдерживаться, громко сказал:

— Ты говоришь о моей жене! Скажи мне, где она теперь?

— Ой, я не знала, что там, снаружи, кто-то есть! Входи же, входи!

Мужчина вошел, и женщина покормила его. Когда он кончил есть, она сказала:

— Ты хочешь найти свою жену, да? Так вот, иди через горы, на ту сторону, и там ты увидишь большое стадо оленей. Твоя жена среди них; ты легко узнаешь ее: она очень сильная, прыгает и бежит лучше всех. Возьми с собой веревку и подкрадись поближе, а когда она окажется рядом, набрось веревку ей на рога или на ноги. Потом повали и сдери с нее шкуру. Будь осторожен, не убей ее, а когда будешь снимать шкуру, сделай надрез в брюхе оленихи, и твоя жена выйдет оттуда невредимой. А теперь иди и не оглядывайся. Только когда ты отойдешь далеко, можешь оглянуться, если хочешь. Я пойду за тобой.

И вот мужчина, поблагодарив женщину, поспешил вперед. Отойдя на порядочное расстояние, он обернулся и увидел, что за ним от домика спешит черная медведица с медвежонком. Он быстро перешел через горы и подошел к огромному стаду оленей. Одна олениха прыгала больше всех — это была его жена. Он подкрался поближе и смог хорошо рассмотреть ее, потом, когда она бегала вокруг него, приближаясь все больше и больше, он неожиданно метнул свой аркан ей на рога и повалил ее. Он перевернул ее на спину, и, ободрав шкуру, сделал надрез в брюхе. Оттуда вышла его жена, совершенно голая.

— Зачем ты это сделал? — сказала она. — Дай мне что-нибудь надеть.

И вот он дал ей одеться, и они отправились вместе домой. Они шли много дней и наконец подошли к дому. Навстречу им вышли двое юношей: у одного из них был лук и стрела, и он готовился спустить тетиву.

— Не стреляй, — крикнул мужчина. — Дай нам сначала сказать, а потом, если захочешь, выстрелишь.

— Ладно, — сказал старший, — чего вы хотите?

— Где ваши отец и мать? — спросил мужчина.

— У нас их нет, — ответил юноша.

— А как же вы тогда выросли? Откуда у вас еда?

— О, наш отец оставил нам много еды, уходя на поиски нашей матери.

Во время этого разговора мужчина приближался все ближе и ближе, так что младший юноша, испугавшись, спрятался за спину старшего. Но мужчина сказал:

— Это я снабдил вас этой пищей и сделал тебе этот лук, что ты держишь в руке. Я ваш отец.

— Это правда? — спросил старший. — Тогда входите.

И они вошли.

Их отец вернулся стариком. Пока его не было, много чужаков пыталось подойти к дому, но старший мальчик поражал их из своего лука.

153. Человек-олень

На Тапкаке жило несколько семей. Среди них был человек по имени Накасюналюк, у него была жена и двое детей.

Однажды Накасюналюк пошел охотиться и увидел стадо из пяти или шести диких оленей. Он подобрался поближе к ним и готовился уже пустить стрелу, как вдруг один из оленей откинул свой капюшон и превратился в человека. Он обратился к Накасюналюку, прося его подойти. Накасюналюк подошел.

— Хочешь жить с нами? — спросил олень.

— Хочу, — ответил тот.

Тогда олень снял с него одежду и превратил его в такого же оленя, как они; все вместе они побежали прочь.

Когда они переходили с места на место, Накасюналюк всегда отставал.

— Почему ты так медленно бегаешь? — спросили они его.

— Я все время спотыкаюсь, — ответил он.

Тогда они научили его смотреть на ходу на звезды, потому что, если смотреть в землю, то будешь спотыкаться. После этого, следуя советам оленей, Накасюналюк научился попевать за ними. Но когда приходило время есть, он ничего не мог найти съедобного и потому отоцал и ослаб.

— Почему ты такой тощий? — спросили его олени, и он ответил:

— Я не умею искать пиццу.

Тогда они научили его, что пужно есть — траву купси, побег которой, такие свежие после дождя, быстро сделают его толстым, и траву пирик, похожую на жир лахтака.

Так он жил с оленями долгое время, пока однажды они не спросили его, не хочет ли он вернуться домой.

— Хочу, — ответил Накасюналюк, — а то мои односельчане подумают, что я пропал.

— Хорошо, — ответили олени, — мы отвеем тебя домой. — И все побежали назад.

По пути олени сказали ему:

— Когда мы спим, один из нас всегда караулит, не опуская головы; когда он засыпает, другой занимает его место: мы боимся людей и волков. Если ты увидишь волка или человека, тебе тоже захочется убежать.

Наконец они достигли места, где впервые увидели друг друга. Здесь Накасюналюк надел свою одежду и снова обрел человеческий облик. Он сказал оленям, перед тем как покинуть их, что им следует держаться подальше от людей и волков, которые хотят их убить. И вот олени ушли, а Накасюналюк пошел к себе домой.

— Где ты был? — спросили односельчане.

— Олени увели меня с собой далеко отсюда.

— Мы ждали тебя очень долго,— сказали они ему,— а когда ты не вернулся, решили, что ты пропал.

Накасьюналюк ответил:

— Когда я хотел выстрелить в оленей, один из них снял капюшон и спросил меня, не хочу ли я стать оленем и убежать с ними. Они превратили меня в оленя и научили, что нужно есть и как нужно смотреть на звезды, когда идешь.

У этого человека, Накасьюналюка, были очень короткие ноги: шкурки от одной оленьей ноги хватало ему на сапог¹. Когда Накасьюналюк вернулся домой, оказалось, что он научился очень быстро бегать.

154. Мальчик и морж

Однажды летом мальчики играли в прятки. Один из них спрятался за моржовыми костями, белевшими на берегу. И вдруг кости превратились в настоящего живого моржа, который, схватив мальчика, унес его в море в свой дом. Там он превратился в человека и привязал мальчика на длинную веревку, один конец которой был крепко закреплен внутри дома, чтобы мальчик не мог убежать. Даже когда мальчику нужно было выйти наружу, веревка оставалась привязанной к нему.

Долго жил он там в доме моржа. Наконец однажды другие дети приплыли туда и увидели, как мальчик выбирает рачков из волос моржа. Мальчик выглянул и тоже увидел их.

— Мне нужно выйти,— сказал он моржу.

— Ладно,— сказал морж.

Мальчик вышел, но прочная веревка держала его крепко. В конце коридора был держащий крышу столб, и мальчик, выйдя, научил его говорить те слова, которые нужно было. Это заняло много времени, и морж закричал:

— Ты что, еще не кончил?

— Нет,— ответил мальчик,— еще нет,— и продолжал учить столбик. Потом он стал выкрикивать имена своих братьев, которых он видел недалеко от себя:

— Вон там плывут каяки, вон там плывут умиаки. А в них Аусик и Айнаусик, Килилийисик, Алунак, Килекпанна, Аглюк, Увилюк, Килулуакпак и Килиллик — вот и все.

Позвав их, он развязал веревку, прикрепил ее к держащему крышу столбу и побежал к своим братьям.

Время от времени морж кричал:

— Ты что, еще не кончил?

И столбик отвечал:

— Нет еще.

Наконец моржу надоело ждать, и он дернул за веревку. Она натянулась и не поддавалась. Он потянул сильнее, и наконец столб упал, и весь коридор с треском обрушился. Морж выска-

чил в ярости и увидел, что случилось. Он принял свой настоящий моржинный облик и бросился за детьми. Скоро он их догнал, но они бросили за борт часть своей одежды. Он остановился и набросился на нее, а тем временем дети уплыли дальше. Снова он нагнал их, и снова они бросили ему одежду. Наконец они добрались до берега. Морж продолжал преследовать их и на земле. Тут они ему сказали:

— Обернись и посмотри назад.

Морж обернулся, и они мгновенно убили его своими гарпунами, потом сварили и съели его мясо. Только мальчик отказался есть мясо, сказав, что он жил вместе с этим моржом и потому не может к нему притрагиваться.

155. Сиротка и две его жены

Жила бабушка с внуком. Внук был еще не очень большой. Вокруг места, где они жили, были горы. Между горами текла река. А жили они недалеко от того места, где река впадала в океан.

Внук ее обычно ездил по окрестностям: он был уже юноша, и у него был каяк. Он ходил на нем в открытое море и вверх по реке, когда ему хотелось.

Его бабушка все время предупреждала его:

— Когда будешь плыть вниз по реке, даже если увидишь что-нибудь, не подплывай близко. Никогда не смотри, что это такое!

А внук небрежно отвечал, соглашаясь:

— Ага!

Каждый раз, проезжая вниз по реке, он видел на берегу что-то. Это было похоже на холм темной земли, но что это было — нельзя было сказать. Он не обращал на это внимания и продолжал плыть дальше по своим делам. Много раз он проплыл мимо.

Но однажды он подумал: «Интересно, почему моя бабушка вечно говорит мне, чтобы я не приближался к тому предмету? Интересно, что это такое? На этот раз я пойду и посмотрю».

Подумав так, он поплыл прочь. Проплывая мимо этого предмета, он явственно различил голос, который пел:

Эй ты, там, внизу, на развалине-каяке!

Куда поплывешь?

Юноша быстро ответил:

— Прочь, прочь, далеко плыву, туда, где вскрылся лед!

Ответив так, он поплыл дальше. Целый день он плавал в океане, то туда, то сюда — куда ему хотелось.

Наконец, устав развлекаться, он повернул к дому. По дороге он поплыл так, чтобы проплыть мимо того любопытного предмета, о котором предупреждала его бабушка. Вытащив каяк на бе-

рег немного ниже по течению, он начал незаметно подкрадываться к этому предмету.

Приблизившись, он увидел, что это — палатка из шкур нерпы. Тихонько подойдя к ней, он увидел красивую девушку, которая шила куклянку из нерпичьих шкур. О, как прекрасна была девушка! У нее были такие огромные глаза! Не подозревая о его присутствии, девушка продолжала шить, целиком поглощенная своей работой.

Тогда юноша, сняв с себя куклянку, неожиданно схватил девушку и попытался набросить на нее куклянку. Она сопротивлялась, но, как ни старалась освободиться, юноша одолел ее и завернул в куклянку.

Оказавшись в куклянке, девушка неожиданно обмякла и перестала сопротивляться. Тогда он сказал ей:

— Ты будешь моей женой. Я отвезу тебя домой, так что и не думай сопротивляться.

— Ладно,— ответила девушка,— если ты так хочешь взять меня, то давай, вези.

Юноша отнес девушку к своему каяку и посадил в него. Он начал беззаботно грести к дому. Его душа пела от радости. Он был очень доволен собой.

Доехав, он сказал девушке:

— Подожди минутку, подожди. Дай я сначала пойду, скажу своей бабушке. Потерпи, подожди меня.

Когда он радостно вошел в дом, его бабушка, уже зная все, сказала:

— Ах, ты, непослушный внук! Теперь тебе придется заботиться о ней самому, так и знай!

Выбежав наружу к девушке, он сказал ей:

— Она сказала, что ты можешь войти.

И вот они вошли. Войдя, он усадил ее напротив себя. Ох, уж этот непослушный внук! Он даже не заикнулся о жепитьбе!

И вот он изо дня в день усердно охотился, чтобы прожить. Он охотился каждый день, чтобы прокормить жену.

Говорят, что каждый раз, когда юноша добывал нерпу, девушка затыкала ноздри, когда разделявала ее. Ей нездоровилось, и она морщилась каждый раз, когда разделявала нерпу. Она никогда не ела нерпичье мясо, предпочитая любую другую пищу, например, мелкую сырую рыбу. Такая уж она была.

Однажды бабушка снова сказала внуку:

— Если ты поплывешь вверх по реке и увидишь что-нибудь, на этот раз, пожалуйста, не подходи. Пожалуйста, послушайся меня на этот раз.

— Угу! — опять ответил он очень неуверенно.

И вот он снова, когда поплыл в очередной раз, начал думать: «Интересно, к чему это моя бабушка не разрешает мне подходить? Надо будет сходить взглянуть самому, когда я в следующий раз сюда поплыву».

И вот, поплыв в следующий раз вверх по реке, он направился к загадочному темному предмету, который он видел уже до этого, но не рассмотрел. И опять, как и в первый раз, вытащив на берег свой каяк, он медленно начал подниматься. На этот раз он заранее спял кухлянку. Добравшись до цели, он увидел, что это была палатка из медвежьей шкуры. Приглядевшись, он увидел, что рядом сидела девушка. Она сидела склонившись и перебирала мех медвежьей шкуры, ница вшей.

Он снова схватил эту девушку и попытался затолкнуть ее в свою кухлянку. Увы, эта оказалась очень сильной! И вот юноше пришлось бороться за свою награду. Когда он уже совсем было решил отпустить ее, потому что выбился из сил, ему удалось надеть свою кухлянку на девушку. И тут, когда кухлянка оказалась на ней, девушка обмякла и сдалась. (Ох, ну и крепкая же у него была кухлянка, и какая прочная!)

Когда она сдалась, он сказал:

— Ты будешь моей женой.

Помолчав, она сказала:

— Ладно, если хочешь, пусть будет так!

Потом, свернув палатку и ту шкуру, которую она чистила, они пошли в его каяк. И снова внук начал грести вниз по течению.

— Ну, я и молодец! Я становлюсь настоящим мужчиной!

Он был так рад, так горд и доволен собой!

Потом, вытащив на берег каяк, он сказал женщине:

— Подожди здесь меня. Дай скажу сначала бабушке.

Как и в прошлый раз, он побежал рассказать бабушке о своем подвиге. Но не успел он еще появиться из коридора, как бабушка сказала ему укоризненно:

— Ах, беспечный ты внук! Тебе же придется иметь с ней дело, если она вдруг рассердится! — И добавила тихонько: — Он никогда не слушается!

И вот снова, выбежав наружу, юноша подбежал к девушке и сказал:

— Она говорит, что ты можешь входить. — Он соврал.

— Хорошо, — сказала она.

Вот они вошли; войдя, он заставил ее лечь на пижную лежанку (в те времена у людей были верхние и нижние лежанки). Та, которую он получил первой, занимала верхнюю лежанку.

Вот так они и жили.

Новая женщина оказалась довольно странной. Она ела все что угодно и даже поглощала жир для жирника. Она была очень сильная и могла поднимать очень тяжелые предметы, которые обычная женщина не всегда поднимет.

Внук же спал то с одной женой, то с другой — по желанию. Но он больше любил ту, которую нашел первой. Так вот они и жили.

Но теперь, когда у него было две жены, ему приходилось работать очень много, чтобы добыть достаточно пищи для своих жен.

Потом это случилось. Однажды утром, когда они проснулись, внук услышал, как женщина с нижней лежанки жалуется:

— Мне что-то попало в глаз! У меня что-то сидит в глазу!

— Чтобы ей пусто было, этой нижней женщине. Слишком ты много скулишь и болтаешь! Что это с тобой там стряслось? Что с ней такое?

Женщина, которую он нашел второй, неожиданно схватила свою медвежью шкуру и выскочила наружу в припадке раздражения. Когда она вышла, бабушка сказала своему внуку:

— Видишь, беспечный внук, теперь настал момент, когда тебе придется расплачиваться за свое непослушание. Я знала, что это случится, поэтому и пыталась тебя предупредить. Теперь тебе придется иметь с ней дело.

Через некоторое время женщина, находящаяся снаружи, вдруг запела:

Как говорят у нас в верховьях,
далеко от моря,
он посмел на меня зарычать,
он посмел на меня зарычать!

Кончив петь, она вдруг зарычала.

Тут вторая, которую он нашел в низовьях реки, начала ответную песню:

Как говорят у нас в низовьях,
на песчаной отмели,
вода поднимется ко мне,
вода поднимется ко мне!

Потом женщина, находившаяся снаружи, подошла чуть-чуть поближе и начала снова петь. И женщина с низовьев начала ответную песню. Это продолжалось, пока та, что была снаружи, не оказалась у самого входа. Тогда бедная женщина с низовьев запела свою песню немного выше. И тут пара огромных ноздрей появилась во входном отверстии, находящемся на уровне пола. (У людей в те времена были такие входные отверстия, низкие, над самым полом.) Тогда женщина с низовьев снова запела, и, как только она кончила свою песню, неожиданно их дом стал наполняться водой, которая бурлила и булькала вокруг.

Находящаяся внутри пара превратилась в перц, и бабушка тоже. Когда вода поднялась, эти нерпы воспользовались окном как лункой и выскочили через него. Они слышали ту вторую женщину в доме, который наполнялся водой. Через некоторое время она задохнулась и затихла. Она исчезла навсегда. Остальные трое сбежали.

156. Благодарность сиротки

Жили люди у устья одной реки. Летом они уходили в глубь суши, а зимой возвращались на побережье. Среди них жила старушка с впуком, но они никогда не покидали берега. Маленький мальчик любил надевать одежду бабушки и играть на крыше дома. Молодые мужчины обычно уходили охотиться, но часто не все возвращались домой.

В том поселке было двое старшин. У старшего из них было три сына, у младшего — два сына и дочь. Двое сыновей младшего старшины всегда возвращались назад с охоты.

Мальчик-сиротка ходил по домам, чтобы получить что-нибудь поесть. Когда он входил в дом для празднований, младший старшина приказывал ему сесть сзади, а люди давали ему его долю добычи при дележке. Но когда он входил в дом старшего старшины, один из сыновей начинал ругать его, говоря, что он только зря спашивает обувь и что он для всех обуза, потому что для него пекому охотиться. Мальчик ждал, пока кто-нибудь даст ему немного еды, но тщетно. В конце концов он всегда уходил ни с чем. Но в доме младшего старшины ему всегда перепало немного еды, которую он прятал под одеждой и затем шел в следующий дом. Так он добывал пищу для себя и для бабушки.

Однажды мальчик узнал, что сын младшего старшины не вернулся. Он спросил бабушку:

— Бабушка, скажи мне, есть ли вокруг нас другие поселки?

— Нет, — сказала бабушка, — я не знаю таких поселков.

— Люди здесь беспомощные, — продолжал мальчик. — Молодые мужчины боятся выйти из поселка и узнать, что случилось.

— Как?! — спросила бабушка. — Ты что же думаешь, что сможешь это сделать лучше, чем они?

— Ну, пока я не встречу с невидимым духом, — ответил мальчик, — меня по крайней мере не убьют.

Старушка говорила ему, что не знает ничего про другие поселки, но теперь, решив, что безразлично, спасется он или нет, сказала:

— Там, на острове, есть люди, а среди них есть человек по имени Инукакнаиляк, то есть «тот, с которым люди не могут жить вместе». Он убийца. Если ты пойдешь на восток, то увидишь темную полоску земли.

— А! — сказал мальчик и пошел к дому молодого старшины.

— Старшина! — сказал он. — Я хочу отправиться искать человека, который убил твоего сына, но у меня нет одежды.

Старшина сидел и оплакивал смерть своего сына и не услышал мальчика, поэтому тот повторил свои слова. Тогда старшина велел дочери принести одежду. Девушка пошла и принесла кое-какую одежду.

Но мальчик сказал:

— Мне пужна также и мягкая одежда.

Старшина пригласил его посидеть и поесть, но он отказался. Дочь принесла ему хорошую рубашку из шкуры молодого оленя. После этого он ушел, хоть и начинало темнеть; свою старую одежду он нес под мышкой.

Он шел ночь, утром осмотрел путь впереди, шел день, а к вечеру увидел следы людей на снегу, которые шли друг за другом. Он посмотрел на море и увидел темную полоску земли. Вспомнив, что ему говорила бабушка, он повернул в ту сторону. Вскоре он увидел землю и остановился, чтобы надеть теплую мягкую одежду. Потом, оставив свою вторую новую одежду на земле, он продолжал путь. Подойдя поближе к острову, он услышал крики людей, играющих в мяч; тогда он надел свою старую одежду. Его заметили, и к нему побежали люди, крича друг другу:

— Там человек, человек!

Один из них далеко обогнал всех остальных, но, подбежав, он крикнул:

— Ой, я думал, что прибывший — сильный и красивый мужчина, а это какой-то оборвыш!

Остальные сказали то же самое, когда подошли. Потом они все вернулись в поселок, причем мужчины просто шли, а мальчику приходилось бежать, чтобы не отстать. Один из мужчин подошел к нему и спросил:

— Зачем ты пришел? Тебе было хорошо дома. Ты ведь не замерз?

Но сиротка ответил:

— Что стало с сыном нашего старшины? Это я и пришел узнать.

— Вчера его убил Ицукакнаплек, — ответил мужчина.

Говоря об этом, они дошли до поселка. Там сиротка надел свою мягкую красивую одежду, и люди стали говорить друг другу:

— У этого мальчика есть хорошая одежда.

Он рассказал им, что эту одежду подарил ему старшина перед уходом.

Один из людей пригласил его в дом поесть, и мальчик согласился. Войдя, он увидел женщину, которая резала черную китовую кожу. Она дала мальчику немного, и он начал есть, но тут снаружи его окликнули двое людей:

— Ицукакнаплек хочет видеть этого сиротку.

— Отлично! — ответил мальчик.

Двое людей смотрели на него очень сочувственно, и, перед тем как ему отправиться, они сказали, чтобы он был настороже. Мальчик вошел в дом первыми, затем зашел сам и встал у двери. На лежанке наверху, на кипе шкур лежали Ицукакнаплек и его сын Сявикпак. Ицукакнаплек сказал мальчику:

— Я-то думал, что прибыл красивый незнакомец, а это какой-то оборвыш. Зачем ты явился?

Сиротка сказал ему, что хочет узнать, что стало с сыном старшины, на что Ицукакнапьяк ответил:

— А, его съели собаки, и тебя они тоже съедят.

— Нет,— сказал мальчик,— это тебя они съедят, тебя и твоего сына.

— Вот как? — удивился Ицукакнапьяк.— Ну, ты окажешься просто героем, если они меня съедят! А впрочем, сиротки ведь иначе не умеют разговаривать. А ну-ка, посмотрим, помогут ли тебе твои слова.

Но тут мальчик дыкнул на сына, того прижало к Ицукакнапьяку, и обоих поволокло к пожу, который держал сиротка. Сын закричал, а сиротка схватил их обоих за волосы и держал, пока все не выдраил. Он заговорил с Ицукакнапьяком, ругая его и грозя убить его сына. Ицукакнапьяк стал плакать и схватил своего сына, но сиротка рассек его на куски. Потом он всадил в Ицукакнапьяка нож, отрезал ему голову и тоже рассек на части. Все жители поселка обрадовались. Сиротка пемного поел и рано утром отправился домой. Никто не осмеливался подойти к нему, потому что он был страшно сильный: в борьбе с Ицукакнапьяком он и половины своей настоящей силы не показал. По своему следу он пришел домой и рассказал старшине, что он бросил собакам труп убийцы его сына. После этого тот отдал ему в жены свою дочь. Ее брат очень полюбил сиротку, и тот разбогател. Через несколько дней к ним пришли все жители того поселения, в которое он ходил, и все они стали жить вместе.

А бабушка мальчика так ни разу и не вышла из дома.

157. Сиротка и дух прибрежных торосов

Жил однажды сиротка. Дома у него не было, и смотреть за ним было некому. Летом он спал на улице, зимой — в большом доме для праздников. Кто-нибудь из жалости даст ему кое-что из одежды, кто-нибудь — пемного еды. Так и жил.

Однажды зимним вечером несколько маленьких мальчиков играли в доме для праздников. Амисюнак, маленький сиротка, устроился на лахтачьих шкурах, развешанных под потолком сушиться. Мальчики заметили его и стали петь:

Амисюнак — дурачок,
Амисюнак — дурачок,
Наверху под потолком,
Наверху под потолком
Прячется он!
Амисюнак, уходи!

Потом один из мальчиков схватил его за волосы и выбросил за дверь, говоря:

— Пойди посмотри, что там делается!

Скоро Амисюнак снова вошел.

— Что ты там увидел?

— Ничего не увидел,— ответил он.

Снова они пропели свою песенку и вытолкнули его за дверь. На этот раз он увидел на льду огонек — как звездочка или как огонь жирника. Он опять вошел.

— Что ты там увидел? — спросили его.

— Я видел свет вдали на льду,— ответил он.— Похоже на жирник или на звезду, только это ни то, ни другое. Берегитесь, будьте осторожны: это может быть злой дух.

Но они не обратили внимания на его слова, снова спели песенку и вытолкали его наружу. На этот раз свет был гораздо ближе: он был как большой костер на берегу. Амисюнак поспешил внутрь, напуганный.

— Что ты там увидел?

— Я увидел на берегу что-то вроде большого костра. Это, наверное, злой дух. Прячьтесь скорее!

Теперь дети испугались тоже и спрятались в разных концах помещения. Скоро снаружи послышался громкий треск и скрежет, будто тяжелые льдины напоззали одна на другую, образуя торосы. Потом через дверь протянулась громадная рука: от запястья и выше она была покрыта замысловатой татуировкой. Она медленно пошарила внутри, схватила одного ребенка и исчезла, потом снова появилась и схватила второго, и так продолжалось, пока она не утащила всех детей, кроме Амисюнака, который спрятался среди лахтачьих шкур. Там он просидел всю ночь, боясь пошевелиться, хотя рука больше не появлялась. На рассвете один из мужчин пришел к дому для праздников и попытался войти, но дверь была завалена льдом, и он не сумел войти. Это его удивило, и он крикнул:

— Дети, откройте дверь!

Но Амисюнак был слишком напуган, чтобы двинуться. Мужчина крикнул сердито:

— Дети, откройте дверь!

Но Амисюнак не шевелился.

— Погодите, дайте только до вас добраться, я вас поколочу! — вскричал мужчина в ярости.— Откройте дверь! Я замерз!

Тут Амисюнак отозвался:

— Тут никого нет, я один. Ночью приходил злой дух и всех унес.

— Кто ты? — спросил мужчина.

— Амисюнак,— ответил тот.

Тогда мужчина вырвал окно и, заглянув внутрь, увидел Амисюнака, сидевшего на лахтачьих шкурах.

— Выходи-ка наружу и расскажи нам все, что знаешь,— сказал он и, схватив Амисюнака за руку, вытащил его через окно и отвел к себе домой. Там Амисюнак рассказал им всем, что случилось. Как только совсем рассвело, все мужчины селения начали искать пропавших детей, но они нашли только громад-

ные следы, идущие от двери дома для праздников, и большую гряду торосов на берегу, в которой были разбросаны растерзанные детские тела; их унес дух, живущий подо льдом.

Люди селения решили отомстить за это преступление, но в то время они ничего не могли поделать. Амисюнак жил с тем мужчиной весь остаток зимы, всю весну и лето. Поздней осенью, когда от моря начал наползать лед, мужчины собрались в доме для праздников и стали играть так же, как их дети до этого; они спели ту же песенку и так же выкинули Амисюнака наружу. Все случилось как в первый раз: сначала ничего не было, потом вдали на льду появился огонек, потом он стал как большой костер на берегу. Но мужчины, вместо того, чтобы прятаться, встали вокруг двери; по одну сторону стоял мужчина с топором в руках, по другую — мужчина с большим ножом, по третью — сжимающий огромную дубину, по четвертую — держащий несколько больших камней. Так они ждали. Наконец раздался громкий треск и скрежет, и гигантская рука просунулась в дверь. Топор, нож, дубина, камни — все обрушилось одновременно; рука тут же исчезла. Наутро были видны те же огромные следы на снегу перед домом, но на этот раз они были залиты кровью — великан ушел, только чтобы умереть.

158. Похитители куропатов

Не очень давно жила старая женщина с двумя внуками — мальчиком и девочкой. Мальчик очень ловко умел ловить силками куропатов и в достатке ими обеспечивал домашних. Но со временем, приходя каждое утро проверять свои силки, он перестал находить в них куропатов — кто-то крал куропатов по ночам. Он сказал своей бабушке:

— Мне больше не удается поймать куропатов, потому что кто-то постоянно крадет их из моих силков.

Старушка прошамкала (она была так стара, что едва говорила):

— Ничего, мальчик, ничего.

— Но я не хочу, чтобы ты голодала, — сказал он. — Я непременно узнаю, кто это делает.

Ночью он спрятался около своих силков и стал ждать. Вскоре подошли двое мужчин, и он услышал, как они разговаривают.

— Мне это не нравится, — сказал один. — Наверное, кто-то следит за нами. Мне страшно. Я никогда себя так не чувствовал.

— Да перестань ты, — сказал его спутник. — Тебе мерещится.

— Нет, не мерещится, — запротестовал первый. — Я тебе говорю, что мне это не нравится. Я чувствую себя беспокойно.

— Да перестань! — воскликнул второй. — Давай вытащим куропатов.

Один взял сеть за один конец, другой — за другой, и они очистили ее от куропаток.

«Как смеют они красть моих куропаток?» — подумал мальчик и закричал:

— Пок-пок-пок-пок-пок!

В испуге мужчины уронили куропаток и бросились бежать, но мальчик решил узнать, кто они, и погнался за ними, все время крича им в спину:

— Пок-пок-пок-пок!

Преследуя их, он перешел невысокую грядку и увидел, как они вбежали в маленький домик по ту сторону гряды. Он незаметно забрался на крышу, приподнял край окна и заглянул внутрь. Внутри на лежанке сидел шаман, а двое воров, тяжело дыша, рассказывали ему о случившемся. Неожиданно мальчик крикнул с крыши:

— Пок-пок-пок!

Оба вора вскочили с воплем ужаса:

— Дух, дух! — упали ничком и замерли. Шаман же, видя, что оба его сообщника недвижимы — ведь это были лишь его орудия, а настоящим-то вором был он сам, — крикнул:

— Кто поможет мне одолеть этого духа? Друг, черный медведь, приди!

Откуда ни возьмись, появилась стая мышей и набросилась на мальчика, грозя съесть его живьем, но он вскочил и затоптал их всех ногами. Шаман крикнул снова:

— Кто поможет мне одолеть этого духа? Друг белый медведь, приди! — И стая пеструшек закружилась вокруг мальчика, но он сорвал их с себя и затоптал их, так же как затоптал мышей. В третий раз крикнул шаман:

— Кто поможет мне одолеть этого духа? Приди, друг олень! — И появился огромный огненный шар и покатился на мальчика. Тот кинулся наутек. Огонь катился за ним и почти уже настиг его. Тогда мальчик бросил свою рукавицу из собачьей шкуры, сказав:

— Помогай, песик!

Огонь и рукавица стали драться, и огонь победил и поглотил рукавицу, потом бросился в погоню. Когда он снова почти догнал мальчика, тот стащил вторую рукавицу и бросил назад, сказав:

— Помогай, песик!

На этот раз рукавица победила и уничтожила огонь. Мальчик благополучно добрался до дому, и с тех пор никто больше не трогал его сети.

159. Дух-огонь и сиротка

Давным-давно стояло там, на юге, маленькое селение из трех домов. В одном из них умер человек, и другие люди ушли и по-

селились в другом месте, неподалеку. Среди них был мальчик-сиротка по имени Ойункаталик.

Однажды ему сердито велели отправиться на поиски пищи для себя.

— Сколько, ты думаешь, мы можем тебя кормить? — сказали ему.

— Ладно, завтра я пойду, — сказал он.

Он взял у человека, у которого жил, собак, варту и пару рукавиц и на следующее утро отправился в покинутое селение. Там он распряг собак и вместе с ними вошел в дом умершего, оставив варту снаружи. Внутри он нашел жирник и вскоре приготовил все для ночлега. Некоторое время все было тихо, но вдруг он услышал голос:

Ойункаталик! Ойункаталик!

Выйди наружу!

Дух схватит тебя!

Дай ему поесть жира лосося-гольца!

Поначалу слова песни звучали тихо и медленно, и мальчик не обратил на них внимания, но через некоторое время голос повторил ее, громче и быстрее. Мальчик испугался и спрятался за жирником. В третий раз голос пропел песню, очень быстро и громко, раздался удар в крышу, и через мгновение дверь распахнулась, и вошел дух. Он пошарил по комнате и, не найдя мальчика, вышел. Некоторое время было тихо, и мальчик уже подумал было, что дух ушел совсем, когда вдруг он снова услышал песню, и через мгновение дух снова ворвался в дом, опять безуспешно искал и вышел. Мальчик встревожился, выскочил наружу и спрятался на помосте в куче лососей. На могиле мертвеца он заметил огонек, похожий на светильник. Скоро мальчик увидел, как из нее поднялся дух и вошел в дом, потом быстро вышел и отправился по его следу к помосту. Он поспешно вытащил несколько лососей из мешка из пернничьей шкуры и бросил их вниз. Дух остановился, подобрал их, отнес к могиле и исчез. Скоро он появился снова и пошел к помосту. На этот раз мальчик бросил вниз несколько кусков от мешка, которые дух точно так же поднял и унес. Тогда мальчик спрыгнул, быстро запряг собак и помчался прочь. Вскоре он увидел огненный шар, который его преследовал. Испуганные собаки неслись изо всех сил, но постепенно огонь догнал их и был уже рядом. Тогда мальчик снял одну рукавицу и сказал ей:

— Помогай, песик!

Он бросил рукавицу назад в шар. Прозвонила короткая схватка, огонь поглотил рукавицу и продолжал погоню. Мальчик уже видел вдалеке свой дом, но огонь был рядом. Мальчик поспешно стянул вторую рукавицу и, сказав ей те же слова, бросил назад; и снова огонь поглотил ее. Но теперь дом был уже рядом, и отчаянным усилием мальчик домчался до входа и влетел внутрь. Из носа у него текло что-то черное, и он без сил рухнул на пол.

— В чем дело? — спросил сидевший там шаман. Он выглянул и увидел огонь, но силой своего колдовства он убил его и так спас мальчику жизнь.

160. Сиротка, который стал великим шаманом

Жил маленький мальчик. Отец его умер, и у него осталась только мать. Его односельчане очень плохо с ним обращались и сделали его детство очень печальным. Но годы шли, он рос и делался сильнее. Однажды зимой люди в селении построили большой дом, где собирались каждый вечер. Мальчик почти все время проводил на воздухе. Даже, когда все сидели в этом доме, он часто бродил в окрестностях. Однажды вечером, когда он ходил, как обычно, по селению, он увидел вдалеке яркий свет. Ему очень захотелось узнать, что это за свет, и он пошел к нему и шел очень долго, пока наконец не пришел к большому дому. Он заглянул в окно, и кто-то сказал ему изнутри:

— Что стоишь снаружи? Входи.

Он вошел. Вдоль стен с трех сторон сидели мужчины, и мальчик сел у четвертой стены, рядом с дверью. Мужчины стали спрашивать его, не шаман ли он, но он ответил:

— Нет, я не шаман.

Потом мужчина, сидевший против него на лежанке, сказал ему:

— Нет, ты не шаман. Ты всего лишь бедный сиротка, которым все помыкают. Я все знаю про тебя и хочу помочь тебе.

Встав с лежанки, он сказал другому мужчине:

— Принеси мое копье и мой ледоруб.

Мужчина вышел и принес их. Тогда шаман сказал:

— Помоги мне, мой дух! Пусть на полу будет лед.

Через минуту на полу появился маленький ледяной кружок; он постепенно рос, пока не занял весь пол. В середине возникла отдушина, через которую дышат нерпы. Из отдушины вылезла и улеглась на лед нерпа. Шаман подкрался и заколол ее, подтащил ее, как бы относя домой, и, разделив, раздал всем сидящим в доме, кроме мальчика. После этого лед исчез, и снова показался пол — сначала маленьким пятнышком в середине, потом расширившись, обнажился целиком.

— Хочешь еще? — спросил шаман у мальчика, но тот был слишком напуган, чтобы отвечать.

— Ты бедный мальчик, — продолжал шаман, — и я бы хотел помочь тебе. Скоро рассветет, и тогда будет поздно. Хочешь, я сделаю еще?

Едва слышно мальчик прошептал:

— Хочу.

— Помоги мне, мой дух! — немедленно произнес шаман.

Пол покрылся тонким льдом. В нем оказалось несколько лунок, между которыми была расставлена рыболовная сеть. Шаман вытянул ее — она была полна рыбы, которую он разложил на льду, чтобы заморозить, а потом разделил между сидевшими на лежанках, как и в первый раз. И снова лед исчез, и дом стал как прежде.

Снова крикнул шаман:

— Помоги мне, мой дух! — и появилась луна и несколько ловушек с попавшими в них оленями. Их шаман тоже раздал своим сородичам.

Перед рассветом мальчика отправили домой.

Прошло немного времени, и все люди его селения собрались однажды вечером в своем доме для празднеств. Кто-то сказал мальчику:

— Развлеки и ты нас тоже.

«Почему все они там спрашивали меня, не шаман ли я? — подумал мальчик. — Я не шаман, но, если они все будут называть меня шаманом, я попробую изобразить его».

И вот, усевшись посередине пола, он позвал:

— Помоги мне, мой дух!

Все сидели молча, ожидая, что же произойдет. Вскоре пол покрылся льдом, и появилась нерпа, которую он заколол и раздал людям, чтобы они ели. Таким же образом он добыл рыбы и оленей.

После этого все его односельчане стали бояться его, потому что он стал великим шаманом.

161. Волшебный череп

Жили давным-давно на берегу небольшой реки муж с женой, а на другом берегу жили отец жены и четверо ее братьев, каждый со своей семьей. Ее муж всегда добывал много оленей, но однажды он вернулся домой ни с чем, и с тех пор ему перестали попадаться олени.

— Я прошел по всем окрестным сопкам, — говорил он своей жене, — но оленей не нашел.

Однажды, когда он вернулся уже в сумерках после очередной неудачи, его жена заглянула в колчан, который он оставил спаружи. В нем она увидела четыре стрелы с наконечниками из ногтей с четырех мизинцев. Она узнала ногти своих братьев. Поплакав над ними немного, она вытерла глаза и вошла назад, ничего не сказав мужу о том, что видела.

Наутро, проснувшись как обычно, чтобы приготовить еду, она заточила свой большой нож, сказав себе:

— Мой муж крепко спит. Сейчас я его убью.

Она вышла ненадолго, а когда вернулась, ее муж еще спал. Тогда она взяла нож и перерезала ему горло. Потом переправи-

лась через реку к дому своего отца и вошла внутрь. Там она увидела всех братьев, лежащих мертвыми; мертвы были и их жены, и дети, и отец женщины. Ее муж всех их убил и вырвал у всех мужчин ногти мизинцев.

Поплакав, она собрала их колчаны, бусы, шкуры росомах и волков, все, что имело ценность,— они были очень богатые. Уложив все это в каяк, она поплыла вниз по течению.

Весь день она плыла, и бурлящее течение несло ее вниз, а к вечеру она услышала голос:

— Внучка, внучка моя, подойди и посмотри на меня!

Она повернула каяк к берегу, и вышла на сушу, вытащив каяк из воды. Взобравшись на откос, она огляделась, но никого не увидела. Снова она услышала голос, сказавший:

— Внучка, ты чуть не пастушила на меня!

Тут она заметила небольшой торфяной бугорок и, сквырнув его, увидела под ним человеческую голову. Голова сказала ей:

— Видишь, внучка, то большое селение, там, внизу по реке, у первого мыса? Люди там очень, очень злые. Они никогда не охотятся на оленей или на другую дичь, но питаются человеческой. Скоро ты их увидишь. Но у второго мыса есть другое большое селение; тамошние люди хорошие, они едят оленей и никогда не убивают людей. Отправляйся ночью, и, когда первые люди попытаются тебя схватить и убить, подумай обо мне. Во втором селении у меня есть сестра; она живет со своим внуком. У нее есть большая собака, которую эти из первого селения очень боятся.

И вот около полуночи женщина отправилась в путь и поплыла под самым берегом, держась за ветки деревьев, чтобы замедлить скорость своего каяка. Злые люди все спали, кроме одного мужчины, который в это время вышел из дома и увидел, как женщина плывет мимо. Он поднял тревогу, и все выбежали и бросились за ней в погоню. Они почти догнали ее, когда она подумала о своем деде — о том черепе, который был закопан в землю. В то же мгновение она погрузилась в глубокий сон, а, проснувшись, увидела, что она лежит рядом с черепом.

— Ох, внученька,— сказал он ей,— ты недостаточно быстро подумала обо мне.

— Да,— сказала она,— это так.

— Ладно,— сказал он,— отправляйся снова в полдень. Когда ты будешь в безопасности, воткни в землю палку и привяжи к ней немного жира, оленью шкуру и ожерелье. Больше мне ничего не нужно.

И вот в полдень она снова отправилась в путь, держась на этот раз середины реки, и прошла незамеченной мимо первого селения. Она видела, как тамошние жители волокли какого-то мужчину к большому костру и, собравшись вокруг него, убили его и разорвали на части, поджаривая куски над огнем и слизывая кровь, но сама она прошла незамеченной и достигла второ-

то селения. Там она высадила у небольшого утеса, в котором была пещера. Положив свой каяк со всем содержимым в эту пещеру, она подошла к дому, стоявшему неподалеку. На крыше его лежала огромная собака, которая насторожила уши, когда женщина приблизилась. Она испугалась.

«Это, наверно, и есть собака моей бабушки», — подумала женщина и поспешно вбежала в дом. Там она увидела глубокую старуху и воскликнула:

— Бабушка!

— Ой, внученька, откуда ты пришла? — удивилась старушка.

— Издалека, с верховьев реки, — ответила женщина. — Мой муж убил четверых моих братьев и моего отца. — И она рассказала все, что случилось с ней.

Некоторые люди в селении видели, как она приехала, и к дому подошла женщина со своими сыновьями.

Старушка лежала на лежанке.

— Кто-то идет, — сказала она своей внучке, молодой вдове. — Спрячься-ка за моей спиной.

Молодая женщина взобралась к ней и спряталась. Пришедшая вошла в дом и сказала старушке:

— Где твоя дочь? Я хочу, чтобы она вышла замуж за одного из моих сыновей.

Но старушка ответила:

— У меня нет дочери, только внук, которого ты знаешь.

Так она избавилась от посетительницы. Когда та вышла, старушка повернулась к молодой вдове и сказала:

— Эта женщина хотела забрать тебя и выдать за одного из своих сыновей.

Но ее внучка ответила:

— Я ни за кого не хочу выходить, только за твоего внука.

И так молодая вдова вышла замуж за старушкиного внука. Она рассказала мужу про свой каяк и вещи, которые она спрятала в пещере, и они поехали, чтобы привезти их, взяв с собой ту собаку. Мужчина положил каяк и все, что в нем было, в одно ухо этой собаки, а сам с женой забрался во второе. Собака помчалась, и очень скоро они были дома. Тогда собака сказала им:

— Завтра мы пойдем поищем оленей.

И вот наутро мужчина положил в одно ухо собаки лук со стрелами, а сам с женой влез в другое. Скоро они заметили двух оленей. Собака легла, а мужчина выскочил и застрелил их обоих из лука. Тогда мужчина засунул лук, стрелы и обоих оленей в одно ухо собаки, сам залез в другое, и они отправились домой.

Вскоре после этого он нашел палку, и они с женой воткнули ее в землю на вершине холма. К ее верхушке они привязали немного жира, оленью шкуру и ожерелье. На другой день, когда они пошли взглянуть на палку, она торчала, но на ней ничего не было — дедушка все унес. Они прожили много лет, стали богатыми, и у них родилось много детей.

162. Каменный младенец

Жили однажды три сестры. Одна из них вышла замуж за человека из другой части страны и уехала в дом к мужу. Две другие вышли замуж за своих соплеменников. Через некоторое время одна из двух родила ребенка, а вторая была бесплодна. Они жили вместе в одном доме, и молодая мать все время упрекала сестру за бесплодие. Бездетная женщина из-за этого совсем пала духом и стала думать: «Был бы у меня ребенок, какой угодно!»

Через некоторое время она действительно понесла и родила ребенка.

— Теперь у меня есть ребенок! — сказала она своей сестре; но ни она сама, ни кто бы то ни было другой никогда его не видели, потому что, как только ребенок родился, она завернула его в перничью шкуру, не взглянув на него, и никогда не разворачивала его. Обычно она носила его на спине под капюшоном.

Однажды она вышла из дому, чтобы приготовить еду, и положила ребенка, завернутого, как обычно, в перничью шкуру, на сушила. Ее родичи захотели развернуть и посмотреть ребенка, но мать, перед тем как выйти, запретила им делать это, говоря:

— Нет, будет лучше, если вы его не увидите.

Вдруг она услышала громкий шум и крик: «Ма-а-а, ма-а-а!» Вбежав в дом, она увидела, что все ее родичи разрублены пополам: они попытались развернуть младенца, и он убил их всех.

Теперь мать еще внимательнее, чем всегда, следила, чтобы ребенок оставался запеленатым. Недолго прожив в том месте, она посадила младенца за спину и пошла вдоль берега. Она добрела до людей и осталась жить у них. Они тоже хотели увидеть ребенка, но она сказала им:

— Нет, лучше на него не смотреть; он уже убил тех, кто пытался это сделать.

Однажды она готовила еду на воздухе, оставив ребенка на сушилах. Пока ее не было, люди развернули ребенка, и он убил их так же, как и первых. Мать была так встревожена и обеспокоена, что ушла из тех краев, даже не поев, и бродила с каменным младенцем за спиной, пока не обессилела и не проголодалась. Увидев оленей, она подумала: «Как бы мне добыть чего-нибудь? Я очень голодна».

Она опустила младенца на землю у себя за спиной и развернула, не глядя на него, а потом отошла в сторону. Через некоторое время олени подошли к младенцу и посмотрели на него. В тот же миг они были разрезаны пополам и упали замертво. Женщина вернулась, взяла ребенка и снова запеленала не глядя. Довольно долго она жила в этом месте, питаясь олениной, но в конце концов она съела все мясо, и ей пришлось идти дальше. Она пошла вниз, к морю, и скоро увидела дом. Кругом никого не было, поэтому она вошла и села. В доме было много еды, но она боялась тронуть ее, чтобы хозяин не рассердился и не убил

ее. Ждала она долго, но наконец пришел мужчина — могущественный шаман, погубивший уже много людей.

— Оставайся у меня, ты будешь моей женой, — сказал он женщине.

Когда они проснулись утром, мужчина захотел взглянуть на ее ребенка.

— Лучше бы тебе на него не смотреть, — сказала женщина. — Он уже убил очень много людей, которые хотели это сделать.

Через некоторое время, положив ребенка на сушила, она вышла наружу, чтобы приготовить еду. Скоро она услышала громкий шум и крик «Ма-а-а, ма-а-а!» внутри дома, потом грохот; земля заходила ходуном, как волны на море. Через некоторое время шум прекратился и все стихло. Женщина стала искать своего ребенка, но не могла найти. Наконец, проискав довольно долго, она нашла его, но в жестокой схватке с сильным шаманом перпичью шкуру сорвало с ребенка, и женщина, увидев его, погибла.

163. Великаны

В Тикираке жил человек — очень маленького роста, но сильный. Он слышал, что где-то живут три великана, две женщины и один мужчина, и вот он отправился на восток, чтобы найти их.

Шел он, шел и однажды увидел великана внизу на льду: тот с вершины ледяного тороса бил копьём белого кита. Мужчина взобрался на торос повыше, отломил кусок льда и сбросил великана на голову, но великан сказал, даже не взглянув вверх:

— Снег начинается.

Мужчина отломил кусок побольше и бросил его туда же. На этот раз великан глянул наверх и увидел его.

— Привет, племянник, — сказал он. — Откуда ты взялся?

— Из Тикирака, — ответил мужчина. — Я хотел поглядеть на тебя.

Великан взял в одну руку двух китов, которых он заколол, и повел гостя к себе в дом. Там стояли два дома, оба очень большие, но один был больше другого. Великан привел его в меньший дом и стал готовить одного из китов, поворачивая его над огнем. Маленький кусочек он дал человеку, а остальное съел сам. Потом сказал гостю:

— Ты видел второй дом. Там живут две женщины-великаны. У них есть сын, у которого только один зуб. Эти две женщины всегда стараются меня убить. Завтра ты возьмешь медный скребок, встанешь снаружи у двери и запоешь:

У сына этих двух женщин
всего один зуб!

— Ладно, — сказал мужчина.

Тогда великан отломил крохотный кусочек от своего бронзового скребка и сделал из него скребок поменьше, чтобы человеку было удобно его держать. Потом они легли спать.

Назавтра человек вышел наружу, встал у двери и закричал:
Живут там две женщины,
а у них один сын,
а у того один зуб!

В тот же миг из второго дома выскочили две великанши; их груди были полны молока. Они не стали даже одеваться, а прямо кинулись к дому великана, крича:

— Где этот твой сын?

— У меня нет сына, — ответил он.

— Но только что кто-то кричал: «Живут там две женщины, а у них один сын, у того один зуб!»

— Может быть, — ответил великан, — не знаю. Я тоже слышал шум, но вы же видите, что здесь никого нет.

Женщины опять вышли, но, когда первая появилась в дверях, мужчина ударил ее скребком в пятку и убил. Вторую он убил таким же образом. Пол залило водой и грязью, которые погасили огонь.

Великан и человек пошли потом в дом великанши и, вырвав окно, вошли. Войдя, они увидели на лежанке старика с одним зубом. Великан набрал воды из огромного горшка и стал вливать в глотку старику, пока его живот не раздулся, как большой барабан. Потом великан сжал его, тот лопнул и умер.

Убив их всех, великан повернулся к человеку и сказал:

— Спасибо, племянник.

Но человек вышел наружу и, когда великан последовал за ним, ударил его медным скребком в пятку и тоже убил.

164. Изгнанница

Жили люди на берегу моря. Веспой они уходили вверх по реке в сторону суши, но, когда кончался сезон охоты на оленей и возвращалась зима, они снова приходили на берег. Среди них были двое, и у них был ребенок, девочка. Когда-то у нее был старший брат, но он умер. Когда девочка выросла, к ней стали свататься мужчины, но она всем отказывала. Сыновья одного богача сватались к ней, но она и им отказала. Отец хотел прогнать дочь, но, когда он заговаривал об этом с ее матерью, та возражала. Однако отец настойчиво требовал прогнать дочь. И вот родители повезли ее в тундру, решив там бросить. Они отправились назад вдоль по реке в тундру, взяв с собой девушку и всего один горшок. Когда они доехали до места, девушка пошла принести своим родителям воды. Мать дала ей с собой маленький плохонький нож. Она побежала в поисках хорошей воды. Девочка нашла воду и отправилась назад. Тут она увидела, как

далеко вниз по течению торопливо уплывают ее родители. Девушка заплакала, но потом взялась за работу и выкопала своим ножом в откосе берега углубление. Она улеглась там спать, а проснувшись, снова взялась расширять отверстие, пока наконец не сделала довольно большое жилище. Утром она сказала себе: — Я умру здесь с голоду. Лучшее я пойду посмотрю, не выбросило ли чего-нибудь море.

И вот она пошла на берег и нашла несколько рыбешек и морских червей. Она собрала их и отнесла домой. На следующее утро она собрала побольше рыбы, сложила ее в кучу и пошла искать мертвых тюленей. Побродив по берегу, девочка нашла тушу тюленя. Она притащила ее домой и разделала своим ножом. Потом она сделала жирник и трут для добывания огня, внесла их в дом и зажгла при помощи трута жирник. Потом она нашла еще одного тюленя и разделала его тоже. Одной шкурой она закрыла вход, из другой сделала окно. Отправившись искать третьего, она нашла бородатую нерпу и разделала ее тоже. Однако девочка не потащила ее сразу в дом, а спрятала на зиму; так у нее образовался запас пищи. Внизу, у моря, она видела своего отца, тянущего нарту, и снова начинала плакать, но зимой она его не видела, хотя часто видела на берегу тех юношей, которые хотели на ней жениться. Когда пришла весна, она начала собирать яйца.

Однажды, когда погода была ясная, девочка отправилась собирать яйца и наткнулась на грудку оленьего мяса и шкур. Она отнесла мясо домой и съела. Девочка решила, что отец посылает ей мясо. Из шкур она сделала одежду, но, когда кончила, оказалось, что у нее нет меха на опушку ни для низа, ни для верха. И вот назавтра она снова отправилась на то место и нашла там еще несколько связок. Она отнесла их домой и раскроила. Смотрите-ка! Там оказались опушки — и для верха, и для низа, и для капюшона. Она внесла их в дом и пришила. Но теперь ей стало уже интересно, кто это приносил связки, и она решила посмотреть. На рассвете она встала у двери и стала караулить, как вдруг почувствовала на щеке мужское дыхание, и кто-то схватил ее. Пленница обернулась и увидела юношу в очень красивой одежде; это он посылал ей все, думая, что она его боится. Когда они поженились, он решил отвезти ее домой, и они отправились. Когда они подъехали к его дому, она увидела большие, стоящие на жердях настилы для мяса.

Увидев их, девушка не захотела идти дальше, но юноша схватил ее за руку и потащил. Старики-родители, жившие в доме, обрадовались и сказали ей:

— Мы не верили, что твои родители выгнали тебя вон.

Юноша велел матери принести хорошую одежду для нее; та принесла, и девушка оделась в подобающее платье.

Юноша всегда брал жену с собой на охоту, и всегда, когда он уходил охотиться на оленей, она шла с ним. Однажды, когда они

охотились, он спросил, не скучает ли она, не хочет ли снова увидеть своих родителей. Она сказала, что да, скучает, но не может поехать без его разрешения. И вот они приехали домой и сказали об этом родителям юноши. Те сказали, что родители девушки — их родственники и они хотят повидать их. И вот они начали собираться, грузить свои вещи. Они взяли все имущество с собой — и еду, и все-все. Потом юноша и его жена отвезли весь груз вперед, а когда отвезли, все тронулись в путь. Так они и ехали, отвозя вперед свое имущество. Наконец увидели следы; навстречу молодым вышли люди встречать их. Когда они подъехали, девушка узнала своего отца, но муж попросил ее не держать зла на своих родителей. Когда они вошли, ее отец захотел рассмотреть девушку повнимательнее, но не призвал в ней свою дочь.

Вскоре после того как молодые поселились вместе со своими родственниками, старики — родители юноши умерли. Юноша и его жена долго трудились и построили хранилище для пищи.

Родители девушки любили смотреть на нее, но так и не признавали в ней свою дочь, потому что она никогда не ела своим маленьким ножом. Однажды она надела серьги, которые сделал ей отец. Отец заплакал, увидев ее. Они плакали вместе с женой, хоть отец и говорил, что только он один скучал без дочери и никогда не хотел ее выгонять. Молодая женщина не обращала на них внимания и продолжала заниматься своим делом, и все время, пока она работала, старики плакали.

Наконец однажды сын женщины назвал ее именем ее умершего брата, сына старика — старик нарек именем сына свою дочь, когда сын умер. Как только он его произнес, они сразу поняли, что перед ними их родная дочь. Отец спросил родственника, где они ее нашли, и тот сказал, что его сын нашел ее. После этого родители бесконечно называли ее своей дочерью и просили произнести свое имя.

Потом они все жили вместе.

165. Юноша, нашедший жену

Недалеко от Тапиака жили двое юношей с матерью-вдовой. Однажды, отправившись в глубь суши на охоту, они нашли зайца и застрелили его. Вытащив свои стрелы, они привязали к нему веревку и отнесли домой. Мать очень обрадовалась их удаче; она разделала зайца и сварила его, и они съели свою добычу в тот же вечер. На следующий день братья пошли вдоль берега реки и увидели оленя, который пасся там. Они подкрались к нему ползком, распластавшись по земле, а когда подползли достаточно близко, одновременно выпустили стрелы. Олень упал замертво. Они подбежали к нему, выдернули стрелы, разрезали оленя на

части и отпесли домой своей матери. Она была в восторге и сказала:

— Прекрасно, дети мои, молодцы. Теперь мы некоторое время будем сыты.

В тот вечер, перед тем как лечь спать, они вволю поели мяса. Ложась спать, один юноша сказал другому:

— Пожалуй, завтра я один пойду охотиться на нерпу.

— Я пойду с тобой,— ответил другой.

— Двое лучше, чем один.

И вот после завтрака они вдвоем отправились на лед. Рядом с лункой грелась на солнце нерпа. Они осторожно подкрались и загарпунили ее, потом привязали к ней веревку и потащили домой.

— Спасибо,— сказала им мать,— это очень хорошо.

Она разделала нерпу и часть мяса сварила тут же.

— Садитесь ужинать,— сказала она, и все трое сели есть.

На другой день один юноша сказал другому:

— Пойду-ка я поохочусь на суше.

— А я пойду снова на лед,— ответил другой.

И вот они отправились, и один притащил домой оленя, а другой — нерпу. С этих пор им всегда сопутствовала удача на охоте, и они добывали перп, и лахтаков, и белую рыбу, и зайцев, и оленей.

Однажды их мать сказала им:

— Теперь у нас очень много еды. Почему бы вам не пойти и не найти себе жен?

— Мы не знаем, кто живет вокруг,— ответили они.

— Все равно, пойти поискать вы бы могли,— сказала их мать.

— Ладно,— сказал один,— я пойду.— И на другой день он отправился в сторону Ташака. Весь день ему никто не попадался, но к вечеру он подошел к маленькой землянке и обошел ее вокруг, не встретив никаких следов обитателей. Наконец он тихонько залез на крышу, приподнял край шкуры, служившей окном, и заглянул внутрь. В углу сидела девушка и расчесывала волосы. Юноша загляделся на нее, как вдруг она подняла голову и увидела его. Девушка вскочила, вышла наружу и сказала:

— Я рада, что ты пришел. Входи.

Они вошли, и она спросила:

— Ты хочешь есть?

— Да,— ответил он,— хочу.

Она принесла белой рыбы и сварила ему.

Поев, он спросил:

— Можно мне остаться с тобой на ночь?

И она ответила:

— Как хочешь.

Он остался, и она стала его женой. Утром она разбудила его.

— Просыпайся, пора вставать,— сказала она.

Он встал, и они поели вместе. Потом он пошел назад. Когда он уходил, она сказала:

— Приходи снова поскорее.— И он обещал прийти снова.

Когда юноша дошел до дому, мать и брат спросили его:

— Откуда ты пришел? Где ты был этой ночью? Как получилось, что ты не пришел домой?

— А,— ответил он,— я ушел так далеко, что, когда стемнело, я очень устал и просто лег на землю и заснул.

Они не очень ему поверили и спросили:

— Может быть, ты там кого-нибудь встретил? Может быть, ты нашел девушку и поэтому не вернулся почевать? Ведь было очень холодно, или же ты спал на земле?

— Нет, нет,— отвечал он.— Мне не было холодно. Я очень устал и просто лег на землю и уснул.

Его брат все же не верил ему и продолжал спрашивать, но получил такой же ответ. Когда они легли спать, юноша сказал:

— Завтра я опять туда пойду.

— Я с тобой! — сказал его брат.

— Нет, оставайся дома, я один пойду.

— Нет, я тоже пойду с тобой!

— Нет-нет, оставайся дома. Если ты пойдешь, очень устнешь и не сможешь вернуться.

— Ладно, тогда я останусь.

И вот юноша отправился один и к вечеру добрался до дома девушки. Услышав его шаги снаружи, она сказала:

— Это мой муж возвращается,— и вышла его встретить.

Все было как накануне, она сварила ему белой рыбы, и они легли; потом утром она его разбудила, и поев, он отправился домой. Ему задавали те же вопросы, и он отвечал так же, как раньше, а когда на следующее утро ушел снова, он опять не позволил брату идти с собой. Так было несколько раз, пока наконец его мать и брат не убедились окончательно, что у него где-то есть жена.

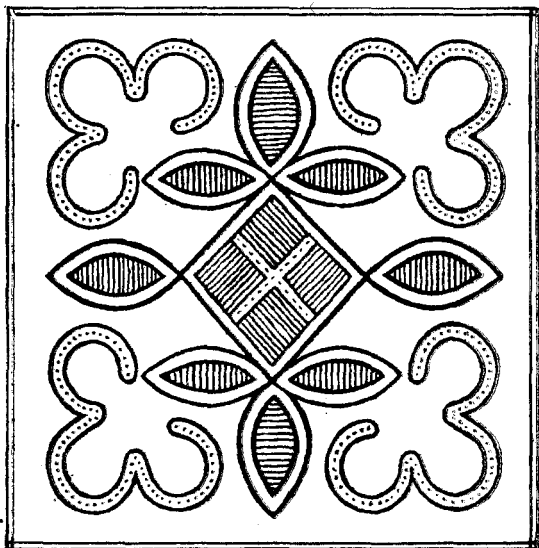
Потом однажды утром, после того как они поели, девушка сказала своему мужу:

— Теперь я твоя жена, и я хочу пойти с тобой.— И они вернулись вместе. Его мать увидела, как они идут, и сказала:

— Да, он и вправду нашел жену; он ведет ее домой.

Обрадованная его удачей, она тепло встретила их и сразу же вкусно их накормила.

Второй юноша был немного огорчен, поэтому он тоже ушел, пошел себе жену и привел ее в дом. Оба юноши построили два помоста для хранения запасов и стали ежедневно ходить на охоту. Один помост они нагроулили мясом оленей и зайцев, а второй — белой рыбой и мясом нерпы и лахтака.

**СКАЗКИ И МИФЫ
КАНАДСКИХ
ЭСКИМОСОВ**

166. Куропатка и морской бычок

Однажды куропатка заглянула с берега в воду и увидела в глубине бычка. Куропатка сказала:

— Этот там, внизу, он совсем тощий, он ползает по дну!

Бычок ответил:

— На моей печенке, на моей голове вполне достаточно жира!

Потом добавил:

— Эта там, наверху, она сидит на земле, на ней ни капли жира!

И куропатка ответила:

— Мой животик, моя грудка — все покрыто жиром!

167. Нерпа и волк

Однажды волк и нерпа, оба в обличье людей, встретились на льду.

Волк сказал нерпе:

— Когда в меня летит стрела, я быстро отскакиваю, и она проходит мимо.

— Я тоже, — ответила нерпа, — когда меня бьют копьём, увертываюсь в сторону.

— Я могу увернуться быстрее, чем ты, — возразил волк.

Тогда нерпа взяла лук и пустила в волка три стрелы подряд. Стрелы попали в волка и убили его. А нерпа падела свою шкуру и нырнула в море.

168. Кит и его жена

Однажды кит женился на женщине. Поселились они вдвоем на острове, и кит стал жить в обличье человека. А против них на материке жили двое настоящих людей. Однажды эти люди переехали пролив, чтобы навестить жену кита, и по дороге назад договорились похитить ее.

С этого времени кит стал опасаться, что его жена захочет

убежать, поэтому он, уходя, всегда привязывал ее. Те двое мужчин тихонько высадились рядом с домом кита и подкрались к полюгу. Они заглянули внутрь и увидели, что женщина обирает паразитов с головы кита. Взглянув наверх, она увидела мужчин; тогда они показали ей глазами, чтобы она шла за ними.

— Там сидят ворон и чайка,— сказала женщина киту.

— Нет,— ответил он,— это люди. Что это ты собираешься делать?

Женщине все же удалось отвязать веревку, и она осторожно прокралась наружу, где мужчицы, подхватив ее с двух сторон, бегом потащили к своим каякам.

Через некоторое время кит, схватив веревку, захотел втащить ее внутрь, но веревка оказалась отвязанной. Быстро одевшись, он приготовился броситься в погоню и, подбежав к воде, превратился в настоящего кита. Он быстро настиг каяки. Но мужчины, хоть и сильно испуганные, схватили часть одежды женщины и бросили ему. Кит остановился и начал рвать одежду. Люди немного ушли вперед, но скоро кит снова догнал их, и им пришлось бросить за борт еще одежду, пока наконец на женщине ничего больше не осталось. Но в этот самый момент они достигли берега и спрятали ее в своем пологе. Скоро и кит, извиваясь, выполз на кромку берега.

Один из мужчин сказал ему:

— Если ты повернешься и помотришь в сторону моря, я отдам за тебя свою дочь.

Но как только кит повернулся, они убили его копьями. Его мясо они разрезали, сварили и съели; только женщина не ела, потому что это был ее муж.

169. Люди-волки

Шла женщина одна по тундре и несла на спине своего ребенка. Однажды она подошла к дому. Войдя, она увидела только женщину, рядом с которой была разложена волчья шкура. Та женщина сказала, что все мужчины ушли охотиться.

Через некоторое время охотники вернулись, и женщина, взяв волчью шкуру, вышла встретить их. Гостя, выглянув наружу, увидела, что хозяйка превратилась в волчицу и, виляя хвостом, бежит навстречу охотникам, которые тоже, оказывается, были волки.

Превратившись потом снова в людей, они все вместе вошли в дом.

Они стали рассказывать об охоте, и мужчины поведали, как их преследовали неудачи; поэтому они решили спросить у духов, в чем причина.

Пошаманив, они узнали, что, пока они охотились, женщина накормила своего ребенка оленьим сухожилием, на котором еще

оставалось мясо. Это, сказали охотники, табу, и из-за этого они не смогли добыть пищи в тот день.

На следующий день они снова отправились охотиться, и на этот раз им повезло.

Женщину они оставили жить у себя, чтобы она сушила мясо, которое они приносят с охоты.

170. Женщина-лиса

Один человек был женат на лисе, которая жила в обличье очень красивой женщины. Недалеко от них жил другой человек с женой: обе семьи были связаны, так как мужья договорились об обмене женами. Однажды, когда они договорились обменяться женами на ночь, второй мужчина отправился в дом к женщине-лисе.

Войдя, он воскликнул:

— Как мерзко воняет эта лиса!

Женщина страшно обиделась и тут же убежала к своим соплеменникам.

Назавтра муж пошел по ее следу и добрался до лисьего селения, где были снежные домики, совсем как те иглу, которые строят люди. Женщина-лиса испугалась, увидев, что идет ее муж, и попыталась спрятаться за спины родителей, но муж нашел ее и увез назад домой.

С этих пор люди старались не обидеть ее замечаниями о том, что от нее плохо пахнет.

171. Серая гусыня

Один мужчина увидел, как купается серая гусыня. Он украл ее одежду, а когда она вылезла из воды и стала ее искать, он выскочил и схватил гусыню. Потом он заставил ее надеть его одежду, чтобы она не могла убежать, и взял ее к себе в дом как жену.

Вскоре у них родился ребенок. Но серая гусыня не была счастлива: ее муж заставлял ее есть мясо, а она любила траву. Наконец она решилась взять с собой ребенка и бросить мужа. Она взлетела, но ребенок не смог взлететь: он бил крыльями о землю, но подняться не мог.

— Крикни «Ни-и-ль, ни-и-ль, ни-и-ль!» — сказала ему мать.

Птенец повторил этот крик и взлетел, и тогда они вместе улетели.

172. Шаман и его жена

Давным-давно один человек, живший в Килюсиктуке, прогнал всех оленей из окрестностей тундры своим колдовством. Его жена, тоже шаманка, очень рассердилась и сказала:

— Почему ты хочешь, чтобы люди голодали? Разве ты сам не страдаешь от голода? Ты сам сейчас не хочешь есть и поэтому захотел прогнать всех оленей и убить других людей!

Шаман испугался своей жены и превратился в нерпу; но женщина превратилась в белуху и погналась за ним. Она набросилась на него под водой и вынудила спасаться на берегу. Прежде чем выскочить на берег, шаман снял свою нерпичью шкуру, оставил в воде и вылез на берег нагишом. Женщина-белуха схватила эту шкуру и утопила, чтобы мужчина не смог снова надеть. Он остался на берегу голый и беспомощный и наконец умер от голода.

Женщина ушла в другую страну и привела назад в Килюсиктук много мускусных быков вместо оленей, которых прогнал ее муж.

Сейчас она живет под водой и часто помогает людям охотиться на нерпу.

С этих пор жители Килюсиктука живут охотой на мускусного быка, но в последнее время быков стало мало. Зато возвращаются олени, и люди вполне могут добывать много еды.

173. Мужчина, ушедший от своих жен

Мужчина из Паллика жил с двумя женами; обе были шаманками. Он хотел от них избавиться, поэтому в один прекрасный день притворился мертвым.

Женщины внимательно посмотрели на него, и одна из них сказала:

— Он не умер, он только хочет нас обмануть.

Тем не менее они положили его, как полагается, на землю, рядом положили его каяк и охотничье снаряжение и ушли. Через некоторое время мужчина поднялся, взял каяк и снаряжение и ушел.

Скоро он подошел к озеру, по которому плыли олени; он спустил на воду свой каяк и убил много оленей. Мясо он сложил на берегу, а шкуры взял с собой и поплыл на другую сторону озера, где жила одна женщина. Увидев, что к ней плывет мужчина в каяке, нагруженном шкурами, она надела лучшую одежду и вышла его встречать. Они поженились и поселились на берегу озера.

Тем временем две бывшие жены этого человека путем колдовства узнали, что он сделал, и разгневались. Превратившись

в бурых медведей, они побежали к нему. Однажды, когда мужчина охотился, они напали на него и убили. Потом, снова приняв человеческий облик, они пошли в его хижину посмотреть на его новую жену. Но ведь она вышла за него замуж, ничего не зная, поэтому они не тронули ее.

После этого они отправились в Уткуксиксялик, чтобы найти себе новых мужей: мужчины в тех краях славилась своей красотой. Они обе вышли замуж и поселились там.

174. Оборотень

Это история о Кисаруатсиак. Так называют женщину, превратившуюся в волчицу. Это история о древних временах, когда в нашем краю еще не было белых людей.

Эта Кисаруатсиак старалась прожить, питаясь одной рыбой. Ее бросили одну, хоть у нее и было двое сыновей. У нее было двое сыновей, которые старались поддерживать ее, но она не любила, когда за нее все делали. Она всегда строила себе отдельное иглу. Ее старались поселить в доме вместе со всеми людьми, но, хоть она и была старой женщиной, она всегда строила себе отдельное иглу, чтобы остальные оставили ее одну, чтобы ее бросили.

Она была очень дурной женщиной, часто воровала: она воровала чужую рыбу, пока люди спали. Она обычно ходила ловить рыбу и этим жила, но, если ей ничего не удавалось поймать, она воровала.

Из-за этого ее оставили одну, хотя ее сыновья и старались удержать ее. Ее нельзя было заставить жить в одном доме с другими, поскольку она специально делала все, чтобы ее бросили.

Однажды, уйдя ловить рыбу, она не вернулась. Даже на рассвете. Ее стали искать. Люди пришли к тому месту, где она ловила рыбу, но там никого не оказалось. Ее следы вели прочь, прямо в бескрайний простор материка. Тот, кто ее искал, пошел по ее следам. Он шел по следам очень долго, хотя уже стало темно.

Продолжая идти по следу в темноте, он все дальше и дальше уходил от моря. Когда уже совсем стемнело, он увидел по следам, что она шла босиком. Ее следы становились все меньше и меньше по мере того, как он шел. Как он вскоре обнаружил, идя по следу, половина ее следов стала волчьими, а половина оставалась человеческими.

Когда человек, шедший по ее следам, увидел это, он тотчас повернул назад.

Она охотилась на оленей и поедала их. Потом, когда люди ходили охотиться на оленей, они убедились, что женщина действительно превратилась в волчицу. Когда они ходили в глубь ма-

терика на охоту, они точно знали про ее превращение. Свой второй торбас она тоже сняла и съела. Устроив так, что ее бросили, женщина превратилась в волчицу. Вот старая история; так ее рассказывают.

175. Состязание шаманов

Встретились однажды на льду Паннак, человек из Нетсилака, и Нанилигак, человек из Уткусиксялика. Один сказал другому:

— Разве ты шамап?!

И они решили помериться силами.

Паннак превратился в белого медведя, а Нанилигак — в мускусного быка.

Мускусный бык хотел пырнуть медведя рогами, но тот отскочил и закружил вокруг, щелкая клыками и угрожая ударить лапами. Один раз ему удалось укусить быка, но тот повернулся и пропорол медведю бок. Потом бык сказал:

— Ты никогда не сможешь меня победить, поэтому давай снова превратимся в людей.

Так они и сделали, но у человека из Нетсилака осталась в боку рана, которую ему нанес бык во время схватки, и вскоре он умер.

Его соплеменники хотели в отместку убить Нанилигака, но боялись напасть на него. Вскоре он вернулся домой, где и живет до сих пор.

176. Гигантская рыба

В озере у Санинайока жила огромная рыба. Однажды двое мужчин переплывали это озеро в каяках, связанных один с другим, а третий в своем каяке плыл впереди отдельно. Вдруг он услышал крик и, обернувшись, увидел, как громадная рыба проглатывает сразу два каяка. Он отчаянно загреб к берегу, а рыба пустилась за ним, но она мчалась так быстро, что гнала перед собой волны, которые несли каяк.

Как только каяк коснулся берега, человек быстро выскочил и убежал.

177. Месть великана

В давние времена на земле жили великаны. В одной семье великанов был ребенок, который однажды, пока его родители спали, выполз из дома и пришел в селение, где жили люди. На лбу у него была яркая ленточка, и люди захотели рассмотреть

ее, но ребенок не давал поднять себе голову. Они попытались силой заставить его показать ленточку и случайно задушили ребенка.

Наутро родители стали искать ребенка. Те, кто им встретился, были не виноваты в преступлении, но они рассказали отцу ребенка, что произошло. Великан велел им уйти подальше от берега и оттуда смотреть, как он будет грести на своем каяке. Потом он пошел к убиавшим его сына и сказал им:

— Смотрите на меня. Встаньте здесь, на берегу. Я буду сейчас грести на своем каяке.

Люди пошли вниз, на берег, чтобы посмотреть, и встали вдоль берега в ряд.

Но великан, сев в каяк, плеснул на них такую огромную волну, что она захлестнула весь берег и утопила их.

Так великан отомстил за убийство своего ребенка.

Потом великан щедро одарил своих друзей-эскимосов и ушел к себе домой.

178. Ахунахунак

Давным-давно один великан перешел с материка на самый южный остров. Была середина лета, и пролив был свободен ото льда, но великан был такой огромный, что вода едва доходила ему до колен. Солнца не было видно, когда он переходил пролив.

Достигнув острова, он взял два огромных валуна и принялся подбрасывать их, жонглируя.

Там, на Путулике, самом северном острове, жила группа эскимосов, которые страшно перепугались, увидев его. Один из их шамаёв выкрикнул заклинания, и великан тут же бросил камни и попытался убежать, но он не успел добежать до края острова и превратился в скалу.

Сейчас видны только его нос и брови; когда-то на нем был красивый пояс, но ветер сорвал его и унес. Камни, которыми он жонглировал, должно быть, до сих пор лежат там, где он их бросил,— на вершине скалы Ахунахунак.

179. Карлики

Карлики — очень многочисленный народ. Они такие маленькие, что, когда идут, их луки волочатся за ними по земле; но они такие сильные, что могут в одиночку унести на спине взрослого оленя.

Карлики дружат с эскимосами. Однажды давным-давно один человек, увидев в море дрейфующую льдину, подгреб к ней на своем каяке.

На льдине человек нашел карлика, который сказал:

— Мой каяк оторвало и унесло, и вот я тут сижу и не могу вернуться.

Мужчина ответил:

— Я отвез бы тебя домой, не будь ты таким тяжелым.

Но карлик сказал:

— Я могу становиться легче и тяжелее, когда захочу.

Тогда мужчина взял его в каяк и переправил домой.

Все карлики очень обрадовались и подарили мужчине множество подарков, после чего он вернулся домой.

180. Кимактун

Тут недалеко есть озеро Кимактун. Его так называли, потому что неподалеку от него убили человека, которого звали Кимактун.

Однажды летом он поселился у этого озера с женой и ребенком; с ними были еще одна или две семьи. Его отец, Наткулисяк, могущественный шаман, уехал в другую страну, но однажды вместе с другими людьми он прилетел по воздуху в стойбище своего сына. Там он и кое-кто из его спутников устроили большой пожар и сожгли много своих и кое-кого из односельчан Кимактуна.

Один из односельчан, Агнанак, попытался стрелять в нававших через дверь своей яранги, но его яранга сгорела, и он погиб, не успев выстрелить. Тогда с ножом в руке выскочил Кимактун и нескольких нападавших убил, но и он тоже погиб в пламени. Наткулисяк со своими воинами улетел домой. Он рассказал своим людям, что сражался с многочисленными врагами, но избежал их ударов и ушел невредимый. Но старший брат Кимактуна узнал при помощи колдовства о преступлении отца и сказал ему:

— Ты сжег своего собственного сына, Кимактуна.

Наткулисяк был вне себя от горя и раскаяния и стал умолять сына, чтобы тот его убил собственным ножом. Но его сын ответил:

— Нет, ты не годишься для еды; мы тебя не уьем.

Так они и жили, будто ничего не произошло.

181. Мужчина и великан

Было это так: один мужчина отправился ловить рыбу, потому что хотел есть. Вот ловит он рыбу, но никак ему ничего не попадается. Он ловит уже долго и смотрит по сторонам в поисках дичи.

Вот сидит и ловит и смотрит вокруг, надеясь что-нибудь

будь увидеть. Видит на горизонте человека, который идет в его сторону. Необычайно большого роста тот человек. Вот он видит великана и думает: «Что же делать? Он меня убьет!»

Ему говорили, что великаны обычно ходят в одиночку. Он и подумал: «Дай-ка я притворюсь мертвым». И вот он притворился мертвым. Когда великан подходил, человек задержал дыхание.

Подойдя, великан стал слушать, дышит мужчина или нет. Не услышав дыхания, великан взял человека. «Наверное, он обессилен и умер», — подумал великан. Тогда он его взял, решив привязать его на спину и понести. Он привязал его к себе на спину, чтобы удобнее было нести. Человек же притворился замерзшим, даже старался не дышать. Он очень старался совсем не дышать, пока его несли на спине. Он очень похоже притворился замерзшим.

Тут мужчина увидел кусты ивы, сквозь которые они шли. Пока великан его нес, он подумал: «Может быть, если я буду цепляться за кусты, он устанет». Он стал цепляться за кусты и отпускать их, и великан тащил его с трудом. Он вцепится в куст, потом отпустит, и великан чуть не падает. Удержавшись на ногах, великан отдыхал, прислушиваясь к дыханию, но мужчина притворялся, что не дышит. Великан снова шел через заросли ивняка. Мужчина снова вцеплялся в кусты и крепко держал, и великан чуть не падал.

Великан очень устал, потому что мужчина держался очень крепко.

Наконец он дошел до большой землянки. Великан внес его внутрь и прислонил к стене у входа, чтобы тот оттаял. Великан очень устал и ничего не хотел больше делать, поэтому он улегся на лежанку.

Его большая жена ушла собирать дрова, а дрова нужны были, чтобы сварить мужчине. Когда человек понял, что дрова нужны для него, он чуть-чуть приоткрыл глаза. Он старался осмотреться, делая вид, что вовсе и не смотрит. Большие дети великана закричали:

— Папа, его глаза открываются.

— Этот, который там, внизу, стоит, совсем не дышит: он мертвый, — ответил великан.

Мужчина пошарил вокруг себя и увидел большой топор великана.

Великан собирался заснуть. Хоть дети его к нему и обращались, он им не отвечал. Когда мужчина решил, что великан спит, он тихо-тихо взял топор, совсем незаметно. И зарубил великана.

Пока еще был открыт огромный вход, пока еще его не застегнули наглухо, мужчина вышел из жилища. Только вышел, видит: большая жена великана. Мужчина побежал. Увидев его, большая женщина бросилась в погоню и стала догонять его. Ког-

да она его уже почти схватила, он подумал: «Дай-на я разрублю землю, может быть, она разойдется».

И вот он ударил топором по земле позади себя, и на этом месте потекла река.

Большая женщина остановилась и спросила:

— Как это ты перешел ее?

— Выпил ее,— слышит она в ответ.

И вот большая женщина начала пить. Она чуть не лопнула, но мужчина ей сказал:

— Немного уже осталось.

И вот, стараясь скорее допить, она стала пить очень-очень быстро.

Она просто лопнула, развалилась. Когда она лопнула, все кругом покрылось туманом. (Вот откуда появился туман.) Мужчина просто стоял на месте, потому что в тумане не знал, в какую сторону идти. Потом поднялся ветер, разогнал туман, и, когда туман рассеялся, мужчина пошел домой. Вот такая сказка про мужчину и великана.

182. Сказка о двух туниках, которые соревновались

Туники всегда испытывали друг друга, хотя и не ненавидели друг друга.

Я слышал о том, как они, вероятно, жили. Без злобы друг на друга, а просто чтобы посмотреть, кто проживет дольше, они вставали друг против друга и начинали стрелять друг в друга из лука; иногда это продолжалось целый месяц. Так как они были туники, то есть сильные и выносливые, они начинали рано утром, каждый день, и стрелы из их луков летали взад-вперед, а когда они застревали в земле, то их просто вытаскивали. Они протаптывали глубокие дорожки в тех местах, где состязались, и эти места до сих пор отлично видны. Также можно легко увидеть место, где стояло их селение, поскольку жили они недалеко отсюда, но не у моря, а на материке. Когда они перестали стрелять друг в друга, то решили проверить, смогут ли они достичь вон тех дальних туманных холмов. Один из них, придерживая руками свои внутренности, которые вываливались через раны, не дошел туда. Второй дошел, но и он тоже был близок к смерти.

Первые люди вообще всегда друг друга во всем испытывали. Так я это слышал.

Все.

183. Аксауйайук

Мужчина по имени Аксауйайук. На него все время нападал туник, потому что у него была очень красивая жена. В первый раз туник принес на спине белого медведя — он так и шел с медведем на спине. Когда Аксауйайук его увидел, он захотел бороться с ним.

Туник, с большим трудом сняв со спины ношу, предложил Аксауйайуку сделать то же самое, чтобы посмотреть, сможет ли тот. Когда Аксауйайук сделал то же самое без всякого труда и даже лучше, чем туник, тот тоже захотел бороться. Вот они начали бороться, и штаны туника из медвежьей шкуры порвались, когда борцы напрягли свои силы, и туник не смог победить своего соперника.

Но он не успокаивался, хотел придумать что-нибудь еще. Он решил проверить, чей средний палец сильнее — его или Аксауйайука. Он решил отнести на одном среднем пальце голову моржа в дальний поселок. И вот тогда пусть Аксауйайук, которому он принесет голову моржа, попробует сделать то же. Когда туник дошел до дальнего поселка, Аксауйайук решил сделать еще лучше. Он взял у него голову, пошел назад в тот поселок, из которого вышел туник, и добрался туда быстро и без труда. А потом, дойдя до того поселка, он вернулся, не опуская голову моржа.

Туник не смог бы вернуться, палец бы не выдержал, а Аксауйайук смог, его палец выдержал. Туник, поняв, что ему не победить своего соперника, перестал его беспокоить.

Туник ушел, а Аксауйайук остался — они кончили состязаться.

Кто его видел, знает, как он выглядит.

После этого его вызывали на состязания односельчане из-за того, что его жена была такая красивая и стройная. Он, бывало, носил свой kayak на плече, а жена его сидела внутри и заплетала волосы, и там же были все их вещи. Правда, что он был очень сильным. Позднее на него нападали и другие, которые не знали, кто он такой.

184. Икутайук

Вот снова я, Йуанаси Купикруалук, буду рассказывать. Белые люди и эскимосы слышали про Икутайука¹. Икутайук и его брат всегда пронзали свою жертву, лежащую на спине, обхватив ее ногами, и убивали ее. Когда они убивали, они делали статуи

около реки Кувик. Там, где они пронзали свои жертвы, много статуй инуксюков² стоит. Они делали фигуры, похожие на людей, которых они убивали.

Так как это были большие люди, там стоят очень высокие инуксюки.

Самый сильный туник любил свой народ, и поэтому они, туник и Икутайук, боролись без веревки. Туник же хотел взять веревку, чтобы связать себя с Икутайуком, потому что он хотел убить Икутайука: ведь он любил свой народ. Обязавшись веревкой, которая не давала им отступать, они боролись. В борьбе самый сильный туник сбил Икутайука с ног. Туник сбил его с ног и убил.

— Не бойся, коли меня, пронзай меня,— сказал туник, но тот его уже не мог заколоть.

У Икутайука была мать, Тамакусисалук.

— Поскольку я великая Тамакусисалук, я не хочу смотреть, как они будут бороться,— сказала Тамакусисалук.

Когда одного ее сына убили, мать и второй ее сын убежали.

С тех пор нет там больше Икутайука.

185. Сказка о карлике, подарившем охотнику оленя

Эти истории я слышал давным-давно. Было это так. Однажды летом человек, обыкновенный человек, охотился на оленя пешком вдали от моря. Он не знал, есть ли еще кругом люди. Выискивая вокруг оленей, он вдруг увидел, как что-то двигается вдалеке.

Увидев, он не пошел прямо туда, а двинулся наперерез, оставаясь невидимым. Подойдя совсем близко, он решил посмотреть, что это такое, и видит: перед ним маленький человек.

Тогда он пошел прямо к нему, чтобы встретиться с ним. Карлик, увидев его, остановился на мгновение, но человек продолжал идти к нему без колебаний, просто подходил все ближе и ближе. Карлик, несущий на спине большую ношу, был сам очень маленький. Хотя он и побаивался человека, он встретился с ним. Маленький, но совсем взрослый карлик нес на спине большую жирную тушу оленя. Он нес ее, завернув в шкуру.

Он сказал так:

— Вон там я оставил то, что ты так настойчиво ищешь.

— Да? Где? — спросил человек.

— Это все там. Иди по моему следу — и ты увидишь.

И вот человек пошел по следу. Это оказались куски оленьего жира, которые карлик оставил: голова с языком и ноги с костным мозгом. Он их бросил насовсем. Получилось так, что вместо охотника оленя убил карлик. Они больше никогда не встречались, пока были живы.

Вот и все.

186. Карлик и мать с дочерью

Жил карлик. Он думал, что он живет в той местности один. Он вел простую жизнь и был довольно удачливым охотником на нерпу.

Однажды он добыл бородатую нерпу и притащил половину ее домой в свое иглу. Он считал, что живет один, и не знал, как обстоят дела на самом деле.

Старая женщина тоже считала, что живет одна в своей половине иглу, потому что ее дочь часто уходила охотиться на нерпу.

Они не знали, что у них рядом есть сосед, хотя их иглу стояло так близко от иглу карлика. Поскольку ее дочь ходила охотиться на нерпу, у них тоже были нерпы, и поэтому у них была вода для питья (они топили снег, используя перпичий жир, жирник и кастрюлю). Кастрюля была сделана из мягкого камня.

Когда ее дочь ходила охотиться на нерпу, женщина слышала легкий шум, но не придавала этому значения. Поскольку у них было чем обогреться, в иглу было тепло, и часть дома, где стоял жирник, растапливалась и снова замерзала. Из-за этого их иглу смерзлось с иглу, стоящим рядом.

Половина бородатой нерпы, которую карлик втащил в дом, вмерзла в лед, и он выбивался из сил, стараясь ее оторвать. Он не мог ее оторвать, хотя и очень старался, потому что она прочно вмерзла в лед. Его соседи на другой стороне напряженно прислушивались, поскольку кто-то стучал на другой половине иглу. Они перепугались — ведь им не было известно, кто это там так шумит. Они же не знали, что это карлик старается оторвать половину бородатой нерпы, вмерзшую в лед на другой половине дома.

Старая женщина очень испугалась — неудивительно, ведь половина дома вдруг начала издавать громкие звуки. А уж тем более они ничего не понимали, когда карлик старался оторвать бородатую нерпу, вмерзшую в лед.
Все.

187. Туннитуахгук

Сказки стариков как сны: мы не очень хорошо их помним. Старики любили рассказывать сказки. Они рассказывали так.

Одна семья странствовала в поисках людей, потому что они были голодные и знали, что где-то рядом есть люди. Однажды вечером они наткнулись на брошенный снежный дом. Когда они остановились, двое детей, мальчик Киналик и девочка Наюмми, вбежали в снежный дом, оставленный жителями. Забравшись внутрь, они стали рыться в отбросах — они были очень голод-

ные — и нашли несколько кусочков старого оленьего мяса. Когда они там рылись, из отбросов показалась большая человеческая голова.

Мальчик выскочил через старое оконное отверстие, а девочка лишилась чувств и упала на пол. Потом она выкарабкалась наружу, до смерти перепуганная.

Семья продолжала ехать дальше всю ночь, потому что в том доме было что-то ужасное. Ночью они увидели следы людей, оставивших этот дом. На рассвете они их догнали. Оказалось, что та женщина в брошенном доме называется Туннитуахук.

Они послали упряжки к тому дому, но ничего не нашли: эта Туннитуахук исчезла.

Ее лицо было густо татуировано. На щеках ее были большие груди, на подбородке — половые органы, а из шеи росли две ноги. Злой дух оживил ее, и она была очень злая.

Такие они были раньше, до нас — очень злые дети злого духа. Так рассказывали старики. Все.

188. Как утонул Аликаммик

Охотясь на каяке, Аликаммик перевернулся и утонул. Потом, когда его стали искать, его нашли на берегу. Каяка не нашли, только одного человека. Его положили мертвого на берег. Но на третий день оказалось, что он жив. Поэтому его называли Анаханник — «вышедший».

Если жизнь человека не завершена, он не может умереть. Он жил еще долго, потому что его собственная жизнь еще не была завершена; он жил еще долго, до глубокой старости, после того как уже один раз умер. Так у нас рассказывают. Аликаммик жил в древние времена. Он воскрес и жил, хотя однажды уже умер.

189. Откуда взялся день

Когда-то на земле было темно. В те времена лиса и бурый медведь были людьми. Однажды они встретились на льду, и бурый медведь сказал:

— Пусть будет темно, пусть будет темно,
тогда собаки будут лучше чуют
нерпичьи лунки!

Но лиса ответила:

— Пусть будет светло, пусть будет светло,
пусть день будет,
тогда собаки будут лучше чуют
нерпичьи лунки!

Лисье колдовство было сильнее, и стал свет. Тогда бурый медведь ушел на сушу, а лиса осталась на льду.

С тех самых пор люди благодарны лисе за то, что она создала день.

190. Откуда появились облака

В те времена звери разговаривали, как люди. Однажды бурая медведица поймала человека по имени Упаум и утащила его в свою берлогу, чтобы накормить своих детенышей.

— Вот вам кусочек полакомиться,— сказала она им.

Она уснула, а двум медвежатам велела сторожить человека. Упаум притворился мертвым и лежал с закрытыми глазами. Через некоторое время, когда все стихло, он осторожно открыл глаза, но медвежата заметили это.

— Упаум глаза открывает! — закричали они.

Медведица вскочила, но Упаум лежал не шевелясь с закрытыми глазами, поэтому она снова легла и уснула.

Через некоторое время медвежата вышли за хворостом.

«Открой глаза, Упаум, и сделай что-нибудь»,— сказал себе Упаум. Встав, он взял палку и стукнул медведицу по голове. Удар не убил ее, но оглушил на некоторое время, и Упаум убежал. Вскоре он услышал, что медведица гонится за ним. Тогда он залез на верхушку ивы и сидел там, пока медведица безуспешно искала его внизу. «Пока не стемнеет,— подумал он,— я смогу продержаться на этой иве и не устану».

Через некоторое время он спустился и побежал прочь, но медведица нашла его след и погналась за ним. Тогда он нагнулся и провел по земле черту. В то же мгновение из земли ударил столб пара, превратившийся в водный поток между ним и его врагом (теперь это река Коглётток).

— Как это ты перешел? — закричала медведица.

— Я ее выпил, высосал и осушил,— ответил человек.

Медведица попыталась сделать то же самое и стала пить, и пить, и пить — пока не лопнула. Теплый пар, поднявшийся из ее тела, превратился в облака.

191. Происхождение людей

Давным-давно на земле не было мужчин и была только одна женщина. Она сошлась с собакой и родила от нее щенков и человеческих детей. Они расплодились, и женщина расселила их по всей земле. Одни стали белыми людьми, другие, в другом месте, — индейцами, а третьи — эскимосами.

192. Происхождение плохой погоды

Жили однажды мужчина с женой и дочкой. Не успевала дочь выйти замуж, как она тут же бросала мужа и выходила за другого. Наконец ее отец дал ей в мужья собаку и заточил ее на острове. Там женщина родила двух детей.

Через некоторое время мужчина отправился проведать дочь, оставив жену на берегу. Как только его каяк ткнулся носом в берег, к нему подбежали бурый и белый медведи, дети его дочери, которых их мать подслала убить деда. Они стали облизывать борт его каяка, пока мужчина не рассердился и не ударил их. Тогда бурый медведь ударил его и убил.

Женщина продолжала жить с собакой, а два медведя таскали ее парту, но с тех пор бурый медведь сделался очень свирепым и постоянно нападал на людей. В конце концов женщина поселилась под водой.

Теперь, когда на людей находит плохая погода, их шаманы обращаются к этой женщине, чтобы она их освободила от плохой погоды. Иногда она добрая, и тогда она помогает людям, но иногда она сердится и тогда норовит погубить их, насылая плохую погоду и ломая лед у них под ногами.

193. Людоеды

В прежние времена жили непохожие на нынешних люди, среди которых были людоеды. Однажды мужчина из Нетсилика с женой и ребенком, путешествуя по тундре, оказался в их поселке и остановился у гостеприимных людей, которые предупредили его о злобных замыслах их соседей и посоветовали спрятать ребенка в куче шкур на лежанке.

Как-то в дом пришли двое мужчин, которые несли большой камень. Они предупредили гостя, что к ним идет старик, который хочет его убить, и посоветовали, чтобы тот первый убил старика вот этим принесенным камнем. Вскоре действительно пришел старик и начал кружить по хижине, что-то высматривая, но гость из Нетсилика ударил его камнем повыше уха и убил. Потом двое его друзей вышли и позвали других людей; они взяли тело, унесли и съели.

Через некоторое время один друг предложил нетсиликскому мужчине бежать. Пока все спят, тот должен обрезать постромки у всех нарт, чтобы за ним не смогли погнаться. Ночью мужчина прокрался наружу, перерезал все постромки и пустился прочь с женой и ребенком. К утру он услышал шум погони, и скоро его догнал на нарте какой-то человек. Но мужчина выстрелил из лука в собаку, впряженную в нарту, и раненый пес, свернув, утащил нарту в озеро, где и человек, и собаки утонули.

После этого мужчина продолжал двигаться без помех и, добравшись домой, рассказал односельчанам, как едва не погиб.

194. Как мальчик отомстил

Жили на берегу моря муж с женой и двумя сыновьями. Мальчики были уже почти взрослые, и однажды они отправились на поиски других людей. Скоро они подошли к незнакомому поселку. Их хорошо приняли, пригласили в дом, попросили раздеться и устраиваться. Они так и сделали: разделись и легли спать, но почью они подслушали, как хозяева замышляют их убить. Один из мальчиков вскочил и убежал, совершенно голый, в сторону дома. Второй остался в хижине, и скоро хозяева вошли и убили его, а потом бросились в погоню за тем, который убежал.

Тем временем мальчик добежал до дома своих родителей и спрятался в куче водорослей на берегу. Вскоре появились убийцы и спросили отца:

— Где твой сын?

— Мы не знаем,— ответили родители.— Мы его не видели. Его здесь нет.

Обыскав все кругом и не найдя мальчика, они вернулись к себе в поселок.

Все лето мальчик раздумывал, как бы отомстить. Он сделал маленький лук и такие же стрелы. Лук такой маленький, что, когда его несешь на спине, спереди его не видно. Желая испытать его силу, он натянул шкуру мускусного быка и выстрелил в нее. Стрелы пронзили шкуру навывлет и воткнулись в землю позади нее.

Когда снова наступила зима, он пошел искать убийц брата. Они все время гадали, где он, и говорили друг другу:

— Интересно, почему не появляется этот мальчик Амыгьюак, тот, в такой белой кухлянке?

Но однажды он наконец появился, и люди бросились ему навстречу, чтобы убить. Но они не видели, что он несет за спиной лук и колчан, полный стрел. Подождав, пока люди подбегут поближе, он неожиданно выхватил из-за спины лук и начал стрелять в них. Многих он убил, а остальные убежали в поселок. А мальчик вернулся домой.

195. Аугитсиснак

Жила обыкновенная женщина. У этой женщины родился ребенок, а отца у него не было. Когда она родила, ее оставили и бросили все люди. Они перевезли ее с ребенком на остров, на маленький островок с озером, и оставили — за то, что у нее родился без мужа ребенок. Иногда люди рождаются без отцов; и этот был такой. Их перевезли на остров, не на прибрежный, а на настоящий остров в море. И там, на острове, женщина жила

с ребенком. Иногда туда приплывали два каяка. Люди хотели убить женщину и ребенка, но, хотя они и пытались это сделать, им не удавалось.

Иногда на берег выбрасывало дохлых нерп. Женщина и ребенок жили, питаясь такими нерпами. Люди удивлялись, как она живет и чем питается: ведь она жила только вдвоем с ребенком. Ее иногда спрашивали, чем она живет, но она отвечала только, что живут они едой. Она не выставляла наружу свою еду, а закапывала ее в другой части дома. Хотя люди и старались умирить их голодом, они не голодали, потому что жили выброшенными на берег тушами нерп.

Живя на островке с озером, женщина решила научить сына плавать. Поначалу она учила его плавать с доской, на которой она выделывала шкуры. С течением времени он научился хорошо нырять. К лету он уже умел нырять хорошо и надолго. Он рос, становился сильным и учился плавать.

Когда он научился нырять надолго, как белый медведь, и быстро, как морской голубь, она велела ему попробовать нырять в море. Он хорошо научился плавать в море.

Те двое на каяках время от времени приезжали, хотели убить их. Желая убить мальчика, только когда его кровь созреет, они решили, что убьют его, когда он вырастет. Решив так, двое мужчин постоянно приезжали и следили, как он растет.

Когда мальчик научился хорошо плавать в море и каяки пришли снова, мать велела ему встретить их. Он поплыл им навстречу, когда они были еще далеко.

Женщина предусмотрительно сказала ему:

— Плыви так, чтобы только нос торчал. Чтобы виден был один нос.

Так он и сделал.

— Дыши, не высовывая голову, выставляй только нос, — наставляла она его.

И он поплыл, выставив один нос.

Один из каяков он проколол снизу. Человек, сидевший в нем, не понял, что случилось, но каяк был продырявлен. Так один из каяков утонул, и с ним один охотник. Когда первый утонул, второй заподозрил что-то. Он схватил гарпун и замахнулся, но не во что было целиться: юноша был прямо под его каяком. Он перевернул и второй каяк. Его он не дырявил, просто перевернул, не протыкая.

Оба охотника утонули, а мальчику достался один каяк. Оба охотника погибли, так как до берега было далеко. Юноша с матерью так и задумали: он напал на охотников там, откуда им было уже не добраться до берега. Они сумели победить этих злых людей, потому что мать научила сына плавать. Каяк они сохранили, чтобы иметь возможность добраться до материка. Когда юноша вырос и стал мужчиной, они отправились на материк. Вот история про двух изгнанных. Все.

196. Обычай «первой нерпы»

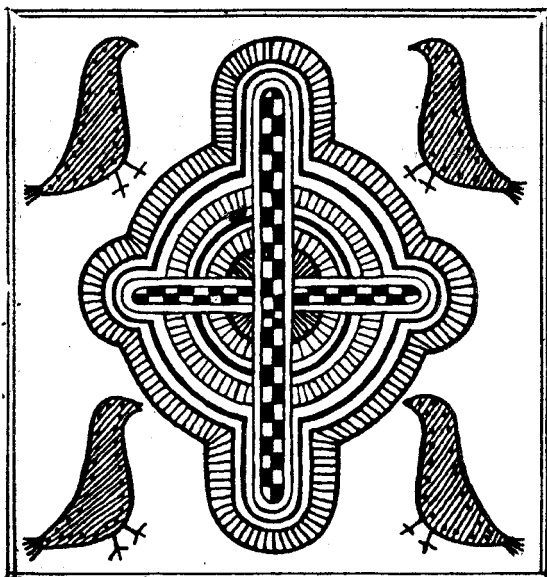
У жителей островов Белчер было правило, которому следовали, когда мальчик, сидя в ожидании перед отдушиной во льду, добудет свою первую нерпу. Мальчик раздевался до пояса, и его нерпу выволакивали из отдушины и протаскивали по его животу, как бы холодно ни было. Я слышал, как говорили:

— Ох, как было холодно!

Когда кто-то добывал свою первую в жизни нерпу, он снимал верхнюю часть одежды и ложился рядом с отдушиной, чтобы можно было проволочь нерпу через него. Прямо по голому телу перетаскивали зверя.

— Помню, как было холодно, когда вода замерзала прямо на моей коже, пока тащили эту нерпу,— так, помню, говорили старики.

Добыча любого первого зверя сопровождалась каким-нибудь ритуалом. Не знаю почему; это трудно понять. Они просто следовали своим обычаям, все до последнего человека.

**СКАЗКИ И МИФЫ
ГРЕНЛАНДСКИХ
ЭСКИМОСОВ**

197. Ворон, который женился на гусынях

Ворон женился на двух гусынях. Обычно ворон оставался в своих краях, а гусыни каждую осень улетали. И вот ворон на них женился. Наконец гусыни сказали ему:

— В этот раз мы полетим очень, очень далеко.

— Тогда я тоже полечу с вами, а спать я могу на айсберге, — сказал ворон.

— Мы полетим туда, где нет айсбергов. Там, далеко, куда мы летим, нет айсбергов, — предупредили его гуси.

— Тогда я буду спать в воздухе. Уж как-нибудь я с вами полечу, — так сказал ворон своим женам.

Поскольку уже приближалась зима, гуси действительно полетели, и ворон с ними. Они летели и летели много дней. Ворон и вправду спал на айсбергах, а гусыни — на воде. Утром ворон просыпался, и они летели дальше. Наконец они прилетели в такое место, где совсем не было айсбергов.

Гусыни ночевали на воде, а ворон пытался спать в воздухе: он медленно парил высоко над ними, широко раскинув крылья, а когда опускался до воды, просыпался.

В конце концов он решил, что будет спать на своих женах, и так и сделал. Но тут уж женщины сказали друг другу:

— Давай-ка раздвинемся в разные стороны!

Так они и сделали, и ворон свалился с их крыльев в воду. Тогда гусыни бросили его и улетели, хотя он и звал их:

— Идите сюда и сядьте рядом!

Но они улетели прочь. А ворон, пока звал их, начал распадаться на маленькие кусочки, которые превратились в множество маленьких морских воронов¹. И все время рассыпавшийся ворон не переставал звать покинувших его жен: «Идите сюда и сядьте рядом!»

198. Песня маленькой гагарки

Несколько человек, плывущих на байдаре, услышали песню маленькой гагарки, которая сидела на воде вместе со своим птенцом. Известно, что гагарки улетают на зиму в теплые места. Теперь они как раз готовились в путь. Гагарка-мать пела:

Но этот залив, хая-аха,
Но эта громадная чайка, хая-аха,
Ха, ха-а, ха-а, ха-ха-эа, ха-аха, хаа.
Большие чайки ведь вредят им, поедают
их птенцов, маленьких гагар.

Так она кончила свою песню.

199. Духи-помощники чижи

Рассказывают о чиже вот что. Когда-то один человек использовал маленьких чижей как духов-помощников. Люди в те времена часто шаманили, и им казалось, что этот человек ничем другим, кроме шаманства, не занимается. В конце концов этому человеку надоело, что у него помощниками чижи. Не желая больше держать их у себя, он помочился на них и ушел. Но когда он это сделал, чижи запели:

Этот человек
помочился на нас и бросил нас,
он сильный, такой сильный,
такой сильный, та-йя-йя! —

потому что он помочился на них, не желая иметь их в качестве духов-помощников.

200. Два щенка

Два щенка лежали в своей конуре. У одного из них была сломана лапа, а у другого была длинная шерсть. Наконец щенок с длинной шерстью пошел в сени и, так как у его товарища была сломана лапа, сказал:

— Пожалуйста, дай мне какую-нибудь еду для Аксаутлюгсанака¹.

— Но кто же ты? — поинтересовался, услышав эту речь, хозяин.

— Я — Мыгкогсуанак².

Тогда хозяин дал ему еду для товарища, и щенок отправился в конуру и накормил друга.

201. Поющий заяц

Один человек охотился на зайцев и увидел несколько зайцев. Когда зайцы стали убегать от него, охотник начал преследовать их. Он долго гнался за зайцами, пока они не переправились через большую реку. Охотник же не мог перебраться на другой берег. Когда зайцы перебрались на другой берег, где он не мог их достать, один из них запел:

Мы хорошо ходим по земле,
Мы убежали,
И эту реку, такую широкую,
Через которую он не смог перейти,
Мы перешли!

Так они спели, а охотник не мог их достать. Пришлось ему махнуть на них рукой.

202. Девушка и собака

Муж с женой жили, говорят. Была у них дочь. Очень хотели они выдать дочь замуж. Но она решительно отказывалась. А у нее был пес. Наконец отец сказал:

— Хорошо. Не хочет выходить замуж — пусть ее пес будет ей мужем! — Так он сказал дочери, потому что обязательно хотел иметь зятя.

Только он успел это сказать, как вошел мужчина (на самом деле это были собачьи испражнения, одетые в плащ-дождевик). Через некоторое время человек заторопился уходить:

— Позвольте мне выйти, я таю! — И вышел.

Когда он вышел, пес начал выть, чтобы его пустили в дом. Вскоре он разорвал ремень, которым был привязан, и вбежал в дом [. . .] Вбежав, он сорвал одежду с девушки, своей хозяйки, и набросился на нее. Так он стал мужем девушки, и ее родители не смогли ему помешать. Потом он выволок ее наружу, хотя она и упиралась ногой в потолок коридора. Когда пес отпустил ее, ее отец снова его привязал. Скоро пес опять стал страшно выть, и, хотя его и привязывали крепчайшими плетеными ремнями, он все время отрывался. Это повторялось несколько раз, и отец девушки ничего не мог сделать.

Наконец отец снял целиком шкуру лахтака, набил ее большими камнями и привязал к ней пса толстыми ремнями. Потом посадил дочь в лодку и увез ее на маленький остров, называемый Кинмиуныкагфик. Тут пес завыл изо всех сил, умудрился добраться до воды, до самого берега. А достигнув берега, начал произносить заклинания:

Поплавки, поплавки,
Поплавки, большие поплавки.
иа-иа!
Собачья кормушка, кормушка.
Поплавки, поплавки,
Поплавки, большие поплавки.
иа-иа!

Когда он произнес эти слова, шкура с камнями поплыла вдруг по воде по направлению к острову, и пес доплыл до своей хозяйки.

Теперь они начали жить как муж и жена, но, в то время как девушка не испытывала никаких лишений, пес вскоре умер от голода. Женщина родила множество детей — людей и собак. Отец обычно приезжал к ним на каяке и привозил еду ей и детям. Наконец дети подросли, и мать сказала им:

— Каждый раз, как к нам придет дедушка, прибегайте сюда, когда я скажу: «Быстро!»

С тех пор каждый раз, как дед привозил еду, она говорила: — Быстро, быстро! — и дети бросались к нему.

Потом мать сказала:

— Когда я говорю «Быстро!», прибегайте сюда, и при каждом удобном случае вы должны немного чего-нибудь съесть¹.

Теперь дети бежали к деду и начинали лизать его каяк. Наконец она сказала:

— Теперь пора съесть вашего старого деда!

В следующий раз они стали, как обычно, лизать каяк деда, а когда мать сказала: «Быстро, быстро, быстро!», — бросились на него и сожрали. Пока он еще был жив, мать сказала детям (так, чтобы он слышал):

— Теперь ешьте своего деда, этого глупого старика!²

Они съели его, и некому стало привозить им пищу. Когда у них окончилась вся еда, мать разрешила подошву своего чулка на куски и сделала для детей каяки. Потом поместила их по двое в каждую лодку и отправила в путь, сказав:

— Вы, двое, будете безопасными выючными животными³; вы, двое, будете волками и будете вселять страх; вы, двое, станете духами-тунгаками и тоже будете пугать людей, а вы, двое, станете белыми людьми и будете неопасны.

Сказав это, она отправила их и осталась совсем одна. Она должна была тут остаться, раз она отправила детей. Никто больше не привозил ей пищи, она в конце концов умерла голодной смертью. С тех пор люди зовут остров Кинмиуныкагфик — остров Собачий⁴.

203. Собака-великан

Каждый раз, как Ыкыгсатсиак ожидал гостей, говорят, он отправлял свою собаку на охоту за белыми китами. Охотилась она далеко в море. Говорят, что он дал собаке амулет из кости, который на самом деле был предназначен для человека, — ведь детей у него все равно не было. Этот амулет он дал собаке, чтобы она превратилась в собаку-великана. Он заставлял ее плыть далеко в море; она плавала и ловила китов. Собака стала великим охотником и обычно приносила домой белых китов. Но когда кто-нибудь собирался к Ыкыгсатсиаку в гости, он отправлял собаку подальше, так как пес-великан был опасен.

204. Жена-гусыня

Женщина с маленьким внуком жили совсем одни. Это была обычная история: их соплеменники ушли и бросили их. Мальчик подрос и начал выходить в поисках какой-либо добычи. Иногда он уходил очень далеко, но всегда возвращаясь к бабушке.

Однажды во время своих странствий он заметил на берегу маленького озера нескольких играющих обнаженных женщин. Он подкрался к ним и устроился на их брошенной в кучу одежде. Заметив мальчика, женщины подбежали к нему, и он по очереди отдал им их одежду. Одевшись, они убежали. Остались только две, которым он не хотел отдать одежду. Это были гуси, превратившиеся в людей. Одна из оставшихся была совсем еще ребенок, вторая — немного старше. Когда маленькая начала плакать, мальчик пожалел ее и вернул ей ее одежду. Она оделась и убежала. А вторую он принес домой, чтобы жениться на ней, и вскоре они стали мужем и женой.

Теперь он надолго уходил охотиться, а она оставалась одна. Наконец она забеременела и родила два яйца (она ведь была гусыней). Однажды бабушка заметила, что яйца треснули и из них вылупились два маленьких человечка.

Дети подрастали и скоро начали рвать шкуры на стенах.

— Зачем они рвут шкуры? — спросила бабушка у их матери.

— Они находят там мелкие камешки и глотают их.

Птицам свойственно есть камешки, и они находили их за шкурами на стенах.

Когда дети подросли, они стали бегать на берег и там собирали множество перьев, которые выбрасывало море. Эти перья дети приносили домой.

— Зачем они собирают птичьи перья? — спросила бабушка у их матери.

— Они нужны им для стрел, — ответила мать. Но она солгала.

Пока отец был на охоте, мать с детьми тоже начала уходить на далекие прогулки. Однажды они ушли и не вернулись совсем.

— Куда они ушли недавно? — спросил муж, вернувшись с охоты.

— Они ушли давно, а не недавно, — сказала ему бабушка.

Тогда он сказал ей:

— Сделай мне обувь для дальней дороги, с подметками в несколько слоев.

Бабушка принялась за работу, горько плача. Когда она закончила, он отправился, оставив бабушку дома.

На пути ему встретились два существа, вцепившиеся в волосы друг друга. Их создали колдовством гуси, чтобы преградить ему путь. Обойти их было невозможно. Но все-таки он справился благополучно с этим препятствием и пошел дальше.

Немного погодя он увидел еще две фигуры, у которых были только одни ноги. Они также преграждали ему путь, но он обошел их и пошел дальше.

Через некоторое время он увидел на пути у себя большую лампу, в которой было так много ворвани, что она горела ярким пламенем. Так как другого пути не было, он ступил прямо на кусок ворвани и, сделав большой шаг, оставил лампу позади.

Потом он подошел к огромному кухонному котлу, который кипел и пузырился, полный вареного мяса. Он стоял прямо у него на пути.

— Я ем людей, вав, вав, вав, — сказал ему котел.

Но он наступил на кусок мяса и перепрыгнул через котел.

Вскоре он увидел двух щенков, которые хотели укусить его. Обойти их было нельзя, но он все-таки ухитрился пройти мимо и продолжал свой путь.

Наконец он увидел человека, который обрубал топором ивовые ветви. Он был без штанов, и его мошонка свисала почти до земли. При каждом ударе в воду летели щепки, которые превращались в воде в форель, а сухие ветки — в красную форель. Чтобы не смущать человека, путник дал большой круг, с тем чтобы подойти к нему спереди. Заметив его, человек разогнулся и спросил:

— С какой стороны ты подошел?

— Я подошел спереди.

— Нет, ты подошел сзади.

— Нет, спереди.

— Сейчас я тебя убью, — сказал человек.

Путник поспешно ответил:

— Позволь мне только сказать тебе, что я ищу свое семейство, которое давно уже потерял.

— Я никого не видел, — ответил мужчина, — кроме трех птиц: одной большой и двух маленьких.

— Это и есть моя семья, — сказал человек.

Услышав это, Каюнаюгсюак, который только что собирался убить человека, предложил:

— Пойдем искать твоё семейство. Постараемся найти их. Идем на берег!

На берегу Каюнаюгсюак заставил человека закрыть глаза и не открывать под страхом смерти, пока он не разрешит. Потом они сели в лодку и поплыли по морю. Скоро путник услышал множество человеческих голосов и едва не открыл глаза, но Каюнаюгсюак сказал ему:

— Если ты откроешь глаза, я тебя убью.

Наконец они пристали к берегу, шум голосов оглушил их.

— Теперь открой глаза, — сказал Каюнаюгсюак.

Человек открыл глаза и увидел множество больших гусей в человеческом облике.

Здесь они остались на некоторое время, и, хотя он не узнал своих детей, они его узнали. Дети пошли к матери и сказали:

— Отец пришел.

— Как мог он прийти, ведь мы оставили его на той стороне залива! — не поверила мать.

Но дети настаивали, и мать послала их привести его. Дети побежали, крича:

— Скорее, позовем его!

Прибежав на берег, они сказали отцу:

— Пойдем, тебя зовут.

Отец взял их за руки, и они привели его домой. Там сидела его жена и искала в голове у мужчины из этого селения. Тот поспешно собрался уходить, но жена сказала ему:

— Ты забыл свой желудок.

Она дала его ему, и он ушел.

Теперь странник опять стал жить со своей женой и детьми. Она снова забеременела и, когда пришло время рожать, притворилась мертвой. Он похоронил ее в камнях и остался один с детьми. У детей теперь появилась привычка уходить в гости, и они часто исчезали из дому. Однажды отец заинтересовался, кто высушил им рукавицы.

— Наша мать, — ответили дети.

— Но ведь она умерла, и я сам похоронил ее под большим камнем.

— Нет, это наша мать сушит нам рукавицы.

Дети привели его в дом, где действительно сидела на лежанке его жена в одежде Китляка¹.

— Кто ты? — спросил он.

— Я Китляк.

Но она солгала. Он ее узнал, ударил в живот и убил. А поскольку она была беременна, из нее выпали два больших яйца.

Тут все гуси стали улетать, и скоро ни одного не осталось. Они улетели со страшным шумом. С человеком остался только Каюнаюгсюак, который сказал ему:

— Я сделаю тебе хлыстик. Сядь на тот холмик, потому что гуси мстительны и вернуться тебе отплатить. Только смотри не засни.

Человек так и сделал, и вскоре на севере показалась большая черная туча. Она приблизилась, и оказалось, что это возвращаются гуси. Опустившись на землю, они окружили человека. Он отбивался от них хлыстом и много поубивал. Наконец он с ними покончил, но Каюнаюгсюак сказал ему:

— Не успокаивайся: они прилетят опять.

Скоро на севере показался густой страшный туман. Опять прилетели гуси и сели вокруг него. Он хлестал их, и вся земля кругом покрылась мертвыми птицами. Человек очень устал.

— Только не спи! — говорил ему Каюнаюгсюак.

А человек с трудом боролся со сном: глаза его слипались. Снова прилетели гуси, и снова он убил множество. А когда они улетели, Каюнаюгсюак сказал:

— Теперь ты с ними покончил.

И человек с Каюнаюгсюаком остались там жить.

205. Девочки, которые стали женами кита и чайки

Три девочки играли в «замужество». Одна из них сказала:

— Пусть моим мужем будет вот эта чайка!

Вторая сказала:

— Пусть эта китовая кость станет моим мужем!

А третья сказала:

— Пусть эта могила станет моим мужем.

Сказав так, третья девочка оставила остальных и заползла в могилу. Тут прилетела чайка, схватила первую девочку за меховой капюшон и унесла в свое большое гнездо. Китовая кость схватила другую и утащила на маленький остров.

Они остались там на острове, и девочка стала женой китовой кости. Ей разрешалось выходить, только когда кость привязывала ее своими внутренностями, за которые она ее втягивала назад, когда хотела.

Наконец однажды, выйдя как обычно, девушка заметила на море приближающуюся лодку. В лодке сидели ее родственники, ехавшие за ней. Тут кит ее втянул, и она вошла, но вскоре снова вышла и привязала свои путы к камню, побежала и села в лодку, и лодка немедленно отплыла.

Кит поначалу тянул за веревку, но скоро бросился в погоню, да так быстро, что вода запенилась вокруг него. Скоро он стал догонять лодку, тогда родственники сказали девочке:

— Брось в воду одну рукавицу!

Так она и сделала.

Кит схватил рукавицу и некоторое время подбрасывал ее. Но потом он опять начал преследовать их и скоро приблизился вплотную.

— Бросай вторую рукавицу!

Она бросила и вторую. Кит снова поиграл с ней, но это задержало его ненадолго. Родственники опять сказали девочке:

— Снимай свою кухлянку и бросай ему!

Так она по очереди бросила ему нижнюю кухлянку, один торбас, потом второй, потом меховые штаны — они были уже почти у берега, — потом даже трусы! Лодка с трудом оторвалась от кита и вылетела на берег на такой скорости, что проехала довольно далеко. Кит вылетел следом за ними и остался лежать на берегу, превратившись снова всего лишь в большую китовую кость. На том и кончилось.

Вторая девочка попала в гнездо чайки. Чайка постоянно приносила в зобу белых китов. Далеко внизу были родственники девочки, но она не могла спуститься к ним. Наконец она начала собирать сухожилия белых китов и плести из них веревку. Каждый раз, как чайка улетала на охоту, она сушила эти сухожилия и связывала их вместе, а когда чайка возвращалась, прятала все подальше. Наконец веревка получилась такая длинная, что по ней можно было спуститься на землю. Тогда девочка сказала чайке:

— А теперь поймай мне белого кита, того, что плавает далеко-далеко отсюда.

Чайка улетела, а девочка спустилась вниз к своим родственникам. Но скоро чайка вернулась и начала кружить над их домом, крича: «Кви-кви-кви!». Внезапно она опустилась прямо перед окном, где сидел отец девочки. Он сказал ей:

— А ну-ка, докажи, что ты хороший зять, подними крылья.

Чайка подняла крылья, а отец тут же пустил в нее стрелу и убил ее. Это была такая громадная чайка, что один человек сделал из ее бедренного сустава конуру для своей собаки.

206. Человек в гостях у медведей

Когда-то человек со всем охотничьим снаряжением, гарпуном и линем, пришел поселиться среди медведей. Медведи были в облике людей. Он подружился с молодым медведем, и оба часто надолго уходили из дома, увлеченные игрой друг с другом. Но через некоторое время старый медведь стал говорить каждый раз, когда они возвращались:

— У меня рука худеет.

Он повторил это много раз, и однажды молодой медведь сказал своему другу:

— Старик хочет тебя съесть, поэтому и говорит так. Как-нибудь, когда мы пойдем играть, тебе надо улучшить момент и бежать.

Так продолжалось еще несколько дней: они уходили играть, а когда возвращались, старый медведь говорил:

— У меня рука худеет!

Наконец однажды молодой медведь сказал:

— Теперь скорее беги!

Человек побежал, а медведь некоторое время шел за ним, ступая след в след, чтобы затереть его следы.

Человек бежал изво всех сил, но, когда на мгновение он остановился, чтобы прислушаться, до него донеслось чье-то тяжелое дыхание. Это был старый медведь, который уже почти догнал его, потому что хотел его съесть. Тогда человек снял куртку, воткнул в землю гарпун с наконечником и линем и сверху повесил снятую куртку. Затем сам помчался что было сил, чтобы успеть уйти подальше. Он услышал позади страшное сопение,

а затем грохот и звук падения. Он же спешил добраться до людей. Тут он рассказал все, и на следующий день, когда рассвело, они отправились искать медведя. Конечно же, медведь налетел на гарпун, бросившись на куртку человека, и умер.

207. Человек продает нож волкам

Однажды человек отправился на прогулку, взяв с собой нож. Он шел долго и наконец увидел два дома. Слышно было, что в одном полно людей, а в другом совершенно тихо. Он собирался войти в дом, где не было слышно голосов, но там его встретила рычанием волчица в человеческом облике. Но когда та зарычала, человек показал ей нож, и она перестала рычать и пригласила его:

— Заходи, заходи! — и добавила: — Скоро прибегут мои дети, тебе лучше пока спрятаться за плиту.

Человек так и сделал. Скоро пришел один из волчат и с порога сказал:

— Здесь пахнет человеком!

— Нет здесь никаких людей!

Волчонок ушел.

А муж волчицы охотился, и человек пробыл так некоторое время. Скоро они услышали, что он возвращается и несет на спине оленя. Войдя, волк сказал:

— Здесь пахнет человеком!

Но волчица сказала:

— Та нога, которую ты должен был бы съесть, подарила нам нож!

Услышав это, волк раздумал есть человека — а иначе обязательно бы съел!

Человек пожил с ними немного, но скоро волк сказал:

— Когда наши дети уснут, уходи.

Дети уснули; а волки снабдили человека провизией на дорогу — дали ему целую оленью тушу: ведь он подарил им нож. Он пошел, а волчица некоторое время шла за ним след в след, затирая его следы. Прощаясь, она сказала:

— Скажи, пусть никто к нам не ходит, а то наши дети их съедят.

Он обещал ей это и ушел.

Когда он наконец пришел домой, все удивились, откуда у него олень. Тогда, помня слова волчицы, он сказал:

— Я встретил волков в человеческом облике и получил это от них в уплату за мой нож. Но они сказали, что, если кто-нибудь еще попытается прийти к ним, они его съедят.

Несмотря на это, нашелся один человек, который все-таки пошел по его следам. Он вошел в дом, где слышался шумный разговор, показал свой нож, но его сразу втащили внутрь и съели. Так он и не вернулся.

208. Ворон и сокол, раскрашивающие друг друга

Двое детей играли между кольцами яранги и были совершенно поглощены своей игрой. Там они нашли плошку от жировой лампы, и один стал наносить точки на другого палочкой, которую он окунал в плошку. Один взрослый человек заметил детей и стал незаметно подкрадываться к ним. Один из мальчиков сказал: «Теперь дай мне» — и тоже стал рисовать точки на товарище, но тот сказал:

— Дай я сначала возьму свою покрывку!¹

Тем временем человек подкрался уже совсем близко и испугнул их. Маленький мальчик от страха опрокинул всю плошку с черным жировым нагаром на своего товарища, и тот закричал:

— Кар-кар!

А первый мальчик отвечал:

— Кех-кех!

С тех пор вороны кричат «кар-кар», а соколы — «кех-кех».

209. Человек в гостях у птиц

Однажды человек увидел птиц в человеческом облике: ворона с семьей, морских чаек, соколов, полярных чаек и сов. Они жили в домах. Человек сначала зашел к ворону. Ворон сказал детям:

— Гость голоден. Атиныгток, поищи то, что упало (испражнения).

Атиныгток пошел и скоро принес большой комок. Ворон принялся дежить его, откусывая большие куски, а кончив, сказал:

— Ешь, пожалуйста!

Но человек ответил:

— Этого я есть не стану.

— Жаль. Атиныгток, поиди поищи свежего мяса.

Тот пошел и принес живого маленького ребенка. Ворон разделал его и сказал:

— Ешь, пожалуйста!

— Этого я есть не стану!

— Жаль, но другого у меня нет.

В одном доме с вороном жили морские чайки, и человек пошел в гости к ним. Чайка улетела и скоро вернулась с маленькими гагарками и лососями. Она угостила человека, и тот ел пока мог. Покончив с едой, он отправился к соколу. Сокол также принес гостю гагарок из своей мясной ямы, и человек опять охотно ел.

Потом он зашел к полярным чайкам, но у них совсем не было мяса. У них были лишь остатки отгрыгнутой пищи, а этого человек есть не стал. Побыв у них недолго, он отправился к совам. Сова-отец сказал ему:

— У нас в доме нечего есть, но подожди немного, я пойду на охоту и принесу что-нибудь.— Сова-отец завязал тесемки на торбасах и продолжал:— Я поймаю двух зверьков.

— Достаточно одного,— сказала ему жена.

— Нет, одного зверька мало,— сказал сова-отец и пошел ловить зайцев. Он увидел двух зайцев и хотел вцепиться в обоих, но ноги у него разъехались и кости хрустнули. От сильной боли он выпустил зайцев и вернулся домой окровавленный, со сломанной костью и без добычи.

Тут кто-то закричал:

— Идите сюда и слушайте! Идите сюда!

Услыхав это, человек вышел и пошел опять в дом ворона и чайки слушать, что там происходит. Там уже собрались все остальные птицы. Ворон громко запел под бубен:

На твоих ногах большие вены,
они совсем красные, красно-коричневые,
а-я-я-я-а.

Так пел ворон.

Потом бубен взяла морская чайка и запела:

У твоих двух жеп безобразные хвосты,
растрепанные когтями,
икы-я-я-ин.

Ворон действительно часто трепал хвосты своим женам, и потому они были такие безобразные. Потом чайка передала бубен полярной чайке, которая пропела:

Эх, погода там, эх, погода там...

Ничего не поймал!

Когда она кончила дразнить сокола, сокол запел:

Нужно всегда лететь прямо на крутые горы,
Нужно всегда долетать до них.

Когда наконец они кончили, человек пошел дальше своей дорогой.

210. Песня-плач снежной овсянки

Несколько человек плыли на байдарках и увидели двух овсянок, которые сновали туда-сюда, чтобы накормить своих птенцов. Один из людей сделал из своих волос силок и расставил у гнезда. Когда овсянка-отец прилетел в очередной раз взглянуть на птенцов, человек поймал его в силок. Потом он помочился на птенцов и поплыл дальше. Увидев это, овсянка-мать запела, когда последняя байдара проплывала мимо:

Мой муж, мой муж, мой муж!
Потому что люди могущественней,
Потому что они сильнее,
В ловушку из китовых костей
они поймали его.

Калюмина пил мочу, пока не лопнул...

Започуете, не доехав до селения.

Лодки плыли вперед и остановились там, где застала их ночь.

Как только они остановились, подул сильный ветер, и лодка человека, который поймал овсянку, перевернулась, потому что овсянка умела колдовать.

211. Поющий олень

Люди, плывущие на каяках, заметили большое стадо оленей. Они пристали к берегу и подкрались к оленям. Олени встревожились, почуяв людей, и один из них зашел:

Это место, покинутое людьми,

Это место, покинутое людьми,

Теперь пусть остается так.

Пусть не слышно будет голосов,

оя-я-яэ я-я-ха бя-я а-а

оя-я-я я я-э я-яэ-й.

Потом, заметив людей, олени прыгнули в воду и поплыли. Тогда люди бросились к своим каякам и начали преследование, гоня оленей перед собой. Они загарпунили множество оленей. Только одному из охотников, который гнал перед собой очень большого оленя, не везло. Наконец олень, которого он гнал перед собой, сказал:

— Подожди немного, не лови меня, я так тощ, что сразу пойду на дно. Твоя жена найдет немного сала в моих внутренностях, оя-я-яэ я-я-ха оя-я а-а оя-я-я я я-э я-яэ-й.

Тут он перепрыгнул через каяк, выплыл на берег и убежал высоко в горы, а охотник остался без добычи.

Наконец собрались все охотники и начали варить оленьё мясо. Один из них не съел свой кусок, а только обгрыз его, а потом пошел к реке пить. Вернувшись, он обнаружил, что съеденное мясо опятьросло на его куске. Так он мог теперь есть сколько угодно, потому что мясо опять нарастало каждый раз на костях оленя.

212. Ребенок, превращенный в воробья, и бабушка, превращенная в белую куропатку

Женщина и ее внук были покинуты соплеменниками и предоставлены собственной судьбе. Они жили совсем одни. Укладываюсь спать, ребенок всегда просил бабушку:

— Бабушка, расскажи сказку!

Но она только говорила:

— Я не знаю сказок. Ложись поскорей спать.

Это повторялось каждый вечер. Бабушка старалась уснуть, а внук просил ее рассказать сказку. Наконец бабушка сказала однажды:

— Я не знаю сказок. Постарайся скорее заснуть, — хагага, посмотри, кто лезет к нам с той стороны, — ха-ту-ту-ту-ту! — Так бабушка хотела испугать своего внука.

От страха ребенок выскользнул через отдушину, крикнув «пфик», и превратился при этом в воробья. Проснувшись, бабушка начала искать его. Она вышла наружу, но никого не нашла. Тогда она снарядилась, сунула свои скребки, которыми пользовалась для растягивания шкур, в камыки и повесила на шею маленькую швейную сумку. Так она скиталась причитая:

— Где же мой внук? Где же мой внук?

При этом она все время вытирала слезы, и веки ее совсем протерлись и покраснели. Она все продолжала искать своего внука. Наконец она сделала скребки сухожилиями на коленях, а швейную сумку — зубом, а из-за того, что она стерла кожу с век, глаза у белой куропатки красные. Так она совсем превратилась в куропатку, а внук ее — в воробья.

213. Ребенок, который превратился в зайца

Рассказывают, что маленький ребенок постоянно собирал пух с ивовых кустов и набрал его очень много. Это было в то время, когда дома еще могли носиться по воздуху, пока их обитатели спали. Мальчик собрал уже много пуха, когда однажды вдруг прилетел большой дом и грянул на землю около него. Мальчик так испугался, что превратился в зайца и убежал, а собранный пух стал его белым мехом.

214. Ворон и потерянная игла

Рассказывают, что одна женщина потеряла свою иголку. Увидев ворона, она спросила его:

— Где моя иголка, где моя иголка?

— Вон, посмотри, в навозной куче торчит ее ушко! — ответил он ей.

И действительно, она нашла свою иголку в навозной куче. Тут-то я и заканчиваю эту историю!

215. Женщина задает ворону вопрос и вместе с детьми превращается в камень

Женщина была беременна и оставалась с тремя детьми дома, пока двое мужчин уходили на охоту. Однажды они долго не возвращались, и женщина поднялась на гору, чтобы поискать их. Один ребенок был у нее в капюшоне, а двух других она держа-

ла за руки. Так они поднялись все вместе на гору и сели там. Увидев ворона, женщина спросила:

— Ворон, ворон, вороны обычно все рассказывают — скажи нам, почему наших мужчин нет?

— Лед накрыл их, — ответил ворон, — оставайтесь здесь, где вы есть.

Стоило ворону это сказать, как они остались сидеть и в конце концов превратились в камень — все потому, что ворон сказал им, что их мужчины не возвращаются, так как их затерли льды.

216. Лживый ворон и жена Пику

Пику, говорят, ушел охотиться на оленей и долго не возвращался, а у его жены не было никакой еды, кроме спинного хребта тюленя — у них совсем не было мяса. Мужа долго не было, и однажды, увидев пролетающего ворона, женщина спросила: — Пику поймал оленя?

Ворон ответил:

— Конечно, поймал — двух больших самцов.

Женщина поверила ворону и отдала тюленью кость, жалкие остатки своей пищи, погрызть собаке и ее щенкам. Наконец она увидела, что муж возвращается усталый и без добычи. Тогда женщина отобрала кости, которые грызли собаки, и вымыла их. Это была вся их пища, потому что муж ничего не принес с охоты, а ворон просто обманул ее.

217. Прозревший слепой

У одной вдовы были сын и дочь. Когда сын подрос, он многому научился и начал уже охотиться на нерпу. Однажды в начале зимы он поймал очень крупного лахтака. Когда он принес его домой, мать захотела сделать из шкуры лахтака покрышку для лежанки, но сын заставил ее пустить шкуру на ремень для гарпуна. Мать очень рассердилась и, выделывая шкуру, заколдовала ее, сказав:

— Когда он будет парезать из тебя ремни и разрежет на полосы, лопни и ударь его по лицу, — и радовалась, что сыну будет больно.

Она кончила выделывать шкуру, и он принялся вырезать первый ремень. Потом он разгладил и натянул его. Но когда юноша начал скрестить ремень раковинной, тот лопнул и, стегнув юношу по глазам, ослепил его.

Остаток зимы они, съев свои запасы, питались только моллюсками. Слепой юноша сидел на лежанке и не мог охотиться. Так прошла половина зимы.

Однажды пришел большой медведь и стал есть сделанное из шкуры окно¹, а потом просунул голову внутрь. Мать и сестра в ужасе забились в самый дальний конец лежанки, но слепой сказал сестре:

— Принеси мой лук.

Когда она дала ему лук, юноша натянул его и попросил сестру помочь ему прицеливаться в медведя. Прицелившись, она подала ему сигнал, и он выстрелил. Стрела попала в медведя, и тот упал.

— Ты попал в окно, а не в зверя,— сказала ему мать, но сестра шепнула:

— Нет, ты убил медведя.

Теперь у них была пища на много дней. Но мать не давала сыну вареной медвежатины, только немного моллюсков и никогда не говорила ему, что у них есть еда. Она хотела уморить его голодом. Но сестра кормила его, когда мать отлучалась, и юноша торопливо ел, пока та не вернулась. Так прошла большая часть зимы.

Наконец дни удлинились, и однажды весной сестра сказала:

— Помнишь, как хорошо было, когда ты был зрячим, ходил на охоту и как мы с тобой бродили по тундре?

— Еще бы! — ответил брат.— Давай попробуем снова походить. Я могу держаться за тебя.

Назавтра рано утром они вышли. Брат держался за одежду сестры, и весь день они бродили, а сестра собирала хворост для очага. Вскоре они пришли к ровному месту у озера, и брат сказал:

— Дай-ка я тут полежу, а ты иди пособирай еще топлива.

Сестра ушла. Пока юноша отдыхал, он услышал, что над ним летят дикie гуси. Когда стая пролетала прямо над его головой, один из гусей крикнул:

— Смотрите! Бедный юноша, он слепой! Может быть, мы сумеем помочь ему прозреть?!

Юноша не шелохнулся, когда птицы подлетели к нему, и продолжал лежать на спине. Тут он почувствовал, что на его закрытые глаза падает что-то теплое — это один из диких гусей капнул на них пометом, — и услышал голос, говорящий:

— Не открывай глаза, пока шум наших крыльев не стихнет совсем. Только тогда ты можешь попробовать их открыть.

Юноша продолжал лежать без движения, а дикий гусь, хлопая крыльями его по лицу, повторял:

— Не открывай глаза!

Шум их крыльев стал замирать, и юноша стал различать брезжащий свет, а когда шум стих совсем, он широко раскрыл глаза — и зрение вернулось к нему. Тогда он позвал:

— Сестренка!

Но она возвратилась только к вечеру; пришла, печальная и

задумчивая, выпростав одну руку из рукава и сирягав подбородок в воротник. Увидев ее, он позвал опять:

— Сестренка! Теперь ты не будешь больше ни в чем пужаться — ни в пище, ни в чем: я добуду тебе одежду, потому что я прозрел.

Но она только ворчала и не верила ему, пока не взглянула в его открытые глаза и не увидела, что они прозрели. Дети условились не говорить об этом матери. Спустившись с сопки и пойдя к дому, юноша заметил медвежью шкуру, растянутую для просушки, а перед входом — медвежьи кости. Войдя внутрь, он увидел медвежьи лапы.

Закрыв глаза, он занял свое обычное место на лежанке; притворился, что уснул, а потом, сев, сказал:

— Мне приснилось, что я видел медвежью шкуру, растянутую у входа.

Но старуха-мать ответила:

— Это ты, наверное, думал о ком-нибудь, кто когда-то давно ударил тебя.

Снова он притворился спящим, а потом, сев, сказал:

— Кажется, я видел во сне кучу костей у входа.

Старуха повторила то же самое. Но в третий раз, притворившись, что проснулся, сын сказал:

— Мне приснилось, что я видел две медвежьи лапы под лежанкой, — а когда мать снова повторила свой ответ, он вдруг открыл глаза и сказал:

— Мама, я правду говорю!

Тут она поняла, что он прозрел, и воскликнула:

— Ешь их, тогда ешь их!

Юноша снова стал жить как прежде, снова стал охотиться на нерпу, но со временем ему захотелось отомстить своей старухе-матери. Было как раз время, когда у берегового льда стали появляться белухи, и он ловил их так: они с сестрой шли на лед и он обвязывал льня от гарпуна вокруг нее, потом метал гарпун в белуху, а потом они вместе тянули ее, пока не выволакивали на лед, где и убивали.

Однажды по дороге домой он спросил сестру:

— Ты любишь нашу мать?

Она ничего не ответила, но, когда он повторил вопрос, сказала:

— Я больше люблю тебя, чем ее; ты единственный, кого я люблю.

— Ладно, тогда завтра мы привяжем к ней гарпун. Я заплачу ей за то, что она ослепила меня.

Так сговорившись, они вернулись домой и застали мать за починкой обуви. Юноша сказал:

— Ох, как мы устали, вытаскивая эту белуху! Пусть сестра завтра отдохнет, а тем временем ты мне поможешь. Думаю, что ты сможешь устоять на ногах, когда белуха дернет льня.

Мать согласилась, и на завтра все они пошли к морю. Но когда появилась белуха и юноша приготовился метнуть гарпун, мать сказала:

— Выбери самую маленькую, большую не бей,— и, увидев мелких белух, показавшихся на поверхности, закричала:

— Вон, давай бей вот этих!

Но юноша сказал:

— Нет, они слишком велики.

Тут из воды показалась одна очень крупная, и он, метнув свой гарпун, отпустил линь. Когда белуха подтащила старуху к самой воде, он крикнул:

— Помнишь, как ты меня ослепила?

Старуха изо всех сил старалась удержаться, но он толкнул ее, говоря:

— Пусть эта белуха отомстит за меня.

Стоя уже у самого края, она крикнула:

— Мой уло! Ведь я тебя нянчила!²— и с этими словами она упала в море и исчезла под водой. Показавшись на мгновение, она еще успела крикнуть:

— Мой уло, мой уло! Я же нянчила тебя!— и исчезла навсегда.

Говорят, что она стала рыбой, а ее растрепанные волосы превратились в длинные клыки, из которых, говорят, произошли нарвалы³.

Все белухи исчезли, и брат с сестрой вернулись домой, оплакивая свою мать: они чувствовали себя виноватыми— ведь она их нянчила и ухаживала за ними. В ужасе от того, что они наделали, не смея оставаться в доме, они убежали на восток, далеко к большому матеруку, и стали бродить во внутренней части страны.

Поначалу юноша не убивал птиц, жалея их,— ведь они вернули ему зрение. Однажды он убил лебедя, потому что сестра попросила его об этом; говорят, что это была единственная птица, которую он убил за всю свою жизнь. Они построили дом далеко от берега; они дожили до глубокой старости, но друзей у них никогда не было.

Однажды они решили показаться людям, и он надумал пойти туда, где есть шаман. Вскоре он нашел таких людей и решил дожидаться момента, когда шаман будет вызывать духов. Тогда он подошел к дому, но, едва он приблизился, шаман стал жаловаться и закричал:

— Сейчас я выпущу на вас духа! Там, снаружи, яркое пламя!

Мужчина, стоявший снаружи, спросил:

— Разве вы меня не знаете? Слышали ли вы о человеке, который привязал гарпунный линь к собственной матери?

Ему никто не ответил, и он повторил свой вопрос. Тогда одна старая женщина сказала:

— Я помню, в детстве мне говорили, что много-много лет на-

зад жили брат и сестра, которые привязали свою бедную мать к белухе.

— Я и есть тот самый человек, — сказал мужчина. — Я пришел показаться людям. Выйдите и посмотрите на меня.

Шаман вышел, а за ним и остальные, и они увидели его, стоявшего в ярком свете луны рядом с лодкой. Волосы на его голове были белые как снег, как будто на нем был капюшон из белых заячьих шкурок, а лицо его было черное, и одежда была сделана из оленьих шкур.

Его сестра, сказал он, не может двигаться от старости, а живут они далеко в глубине материка, вместе с ужасными существами с головами нерпы.

Потом он добавил:

— Теперь я больше не покажусь людям. Я показался тем, кому хотел показаться.

Сказав так, он повернул прочь, и больше его никто никогда не видел.

218. Аногиток

У Аногиток, говорят, был сын Анутлигамак. Когда жившие с ним приходили с добычей, он всегда хватал их за запястья, причиняя им боль. Так он мешал им охотиться. Наконец они очень рассердились на него. Однажды он попросился с ними на охоту — а уходили они с ночевкой.

— Да что с тобой, Анутлигамак! — сказали они, но взяли его с собой.

Когда наступил вечер, они улеглись спать. А Анутлигамак, никогда не спавший под открытым небом, не знал, что надо делать, и спросил:

— Как вы обычно спите?

— Мы обычно снимаем штаны с одной ноги, — ответил один из них.

Так Анутлигамак и сделал. А когда он заснул, один из охотников взял гарпун из клыка нарвала и, насадив наконечник, пронзил ему зад. Анутлигамак остался лежать мертвый, а охотники вернулись домой.

Когда они вернулись, люди сказали Аногиток:

— Говорят, Анутлигамака убили.

В это время люди стали собираться на охоту на нартах, и Аногиток сказала им:

— Если вы найдете беременную медведицу, не убивайте плод: я хочу забрать медвежонка себе.

Охотники уехали и действительно поймали беременную медведицу. Увидев, что плод подает признаки жизни, они принесли его домой. Они подарили его Аногиток, говоря:

— Вот тебе твой ребенок!

Она взяла его и стала растить, как ребеночка.

Дети стали звать его Анутлигамак и, когда хотели поиграть, кричали:

— Анутлигамак, выходи сюда, давай поиграем!

Медвежонок выходил. Они играли с ним «в медведя» и кололи его игрушечными гарпунами, но, если они делали ему больно, он сердился и набрасывался на них. Они звали сына Аногиток, крича:

— Анутлигамак — это он (то есть медведь)!

Наконец медведь вырос и тоже стал охотиться. Если он ничего не добывал, он никогда не возвращался той же дорогой, а если приходил с добычей — всегда шел обратно по своим следам. Однажды он сказал матери:

— Если я ничего не поймаю, я пойду в другое селение пость. Я всегда найду еду на мясном складе.

Но мать предупредила его:

— Твои двоюродные братья могут тебя загрызть, не пытайся украсть мясо.

— Ничего, не бойся. Я повернусь спиной к ветру и убегу, — отвечал он.

— С твоими двоюродными братьями не так легко справиться.

Двоюродными она называла собак. Сказав ему это, она намазала ему бок черным. Он ушел и, ничего не добыв, долго не возвращался.

Скоро до селения дошел слух, что пойман медведь, у которого один бок помечен сажей. Люди рассказали это Аногиток. Она впала в отчаяние. Она ушла далеко в тундру, сидела в тоске и пела:

Потеряв медвежонок-сына,

Я должна высматривать медведя!

Так она пела непрерывно и все время посматривала, нет ли медведя. Наконец она превратилась в камень. С тех пор люди обычно приносят ей жертвы, смазывая ее рот ворванью. Так что теперь она вся покрыта потеками высохшего жира.

219. Человек с луны и похититель внутренних

Рассказывают, что однажды муж и жена подрались. Во время драки муж ножом проткнул жене подошвы. Теперь она не хотела уже больше оставаться в доме, убежала в горы и стала горной женщиной¹. Уйдя в горы, она уселась в ярком лунном свете и тут и осталась.

Наконец она сказала:

— Месяц, месяц, спустись ко мне, — и опять сидела на месте. И вправду стало темнеть. Месяц потускнел, скоро стало совсем темно². Наконец она услышала страшное гроыхание. Это к ней спускался Месяц — великий лунный человек. Он на-

чал снимать со своих нарт прекрасные, большие медвежьи шкуры, пока не осталась одна внизу. Тогда он сказал бедной, избитой женщине:

— Пожалуйста, сядь вот сюда.

Она села на нарты, он укрыл ее шкурами, и они поехали. Месяц увез ее с собой. Они ехали и ехали.

Через некоторое время нарты пошли бесшумно, не было слышно, что под ними твердая земля. Поняв это, она сплюнула. И скоро снова послышался шум. Но тут Месяц сказал ей:

— Некоторое время ты не должна плевать.

И опять они помчались, и скоро она опять перестала чувствовать твердую почву под нартами, потому что они шли бесшумно. Так они продолжали нестись вперед.

Наконец они остановились. Месяц начал снимать шкуры с нарт, и, когда он снял их все, она широко открыла глаза. На больших подмостках для мяса бродили животные: медведи и другие большие звери. Она подошла к Месяцу, и он пригласил свою новую жену войти, сказав:

— Войди, пожалуйста, но только не заглядывай в боковой полог, а то моя младшая сестра сжигает все, что ей незнакомо. — Так Месяц сказал ей.

Она вошла и хотела было уже заглянуть в боковой полог, но — ах! — край капюшона ее оказался обожжен. Тогда она села на лежанку. Около передней стены дома она увидела каких-то несчастных людей. Они широко ухмылялись, а внутренностей у них не было. Через некоторое время вошел Месяц и сказал ей:

— Посмотри на этих бедняг без внутренностей — это те, которых мой двоюродный брат лишил внутренностей.

Месяц дал одному из них что-то пожевать, но, как всегда, еда провалилась сквозь его пустое нутро. Каждый раз, как они что-нибудь глотали, они пемного жевали, а потом все проваливалось сквозь них. Затем Месяц сказал ей:

— Слушай. Мой бедный двоюродный брат, похититель внутренностей, конечно, придет и к тебе, чтобы забрать твои внутренности, но ты слушай, как тебе поступить. Ты пачни дуть и в то же время сунь руки под полу кухлянки и держи так, чтобы было похоже на медведя; тогда он должен убраться. Делай так всякий раз, когда тебе захочется улыбнуться. — Так он велел ей поступать.

В конце концов один раз действительно стало слышно, что пришел злой двоюродный брат Месяца, похититель внутренностей. Он вошел с большим блюдом и большим ножом, чтобы отобрать внутренности у нового человека. И — глядь! У окна стояла его жена и повторяла:

— Она улыбается!

Похититель внутренностей начал танцевать под бубен, делая смешные и нелепые движения, а они смотрели на него, пока он пел:

Мои маленькие собачки, я раздобуду им пищу,
Мои маленькие собачки, я раздобуду им пищу,
Ха-а-хинг, ха-а-хинг, ха-а-хинг!

Пока он проделывал это, его несчастная жена стояла у окна, повторяя.

— Она улыбается, она улыбается, она улыбается!

Она очень старалась, повторяя, что та улыбается. Женщина уже с трудом удерживалась от смеха, глядя на него, но она сушила руки под полу кухлянки и стала изо всех сил дуть, как учил ее Месяц. И действительно, похититель внутренностей ушел, говоря:

— Слышу жирного (т. е. медведя)!

Когда похититель внутренностей исчез, Месяц взял его блюдо и бросил с силой на окно. Там оно и лежало, а похититель внутренностей ушел.

Но очень скоро он прислал за ним.

— Отдай ему его блюдо!

— Пусть сам придет за ним,— сказал Месяц,— пусть сам возьмет!

— Его блюдо!

Так они долго спорили. Месяц продолжал говорить, что тот должен сам прийти за блюдом. Тогда его жена наконец сказала:

— Говорят, что похититель внутренностей собирается опрокинуть большую гору.

Но Месяц только ответил:

— Ладно, пусть опрокидывает!

И она сказала:

— Хорошо, но ты только посмотри на него!

Великий Месяц вышел, а там сидел похититель внутренностей, обратившись лицом к горе. Он уперся в гору ногами, и она действительно начала немного подаваться.

— Дай ему блюдо, дай ему блюдо,— сказал тогда Месяц,— отдай, отдай ему его.

В конце концов он отдал ему блюдо, и тогда похититель внутренностей убрался домой.

Когда он ушел, наступил вечер, и Месяц с женой отправились спать. Но они не могли уснуть. Все время что-то стонало. Месяц взял и выбросил то, что стонало: это оказалось бедром тюленя. Это была его маленькая жена, очень ревнивая. Он просто взял и выбросил ее. Так они стали жить. Месяц начал ходить на охоту и всегда пропадал подолгу.

Однажды, убирая дом, женщина обнаружила за светильником лопатку оленя. Она приподняла ее — и что же она увидела? Большое отверстие, ведущее глубоко-глубоко вниз.

Иногда, говорят, когда Месяц подолгу пропадал на охоте, приходило и заглядывало Солнце. Оно было в мужских камыках, и его бедра были сильно окровавлены. Однажды оно сказало ей:

— Мои ноги изранены сзади, потому что твои дети играют в веревочные фигуры³, когда светит солнце, в то время года, когда оно поднимается в небе выше всего.

Наконец однажды, как говорят, Месяц открыл оленю лопатку у стены позади светильника и сказал женщине:

— Загляни вниз.

Там было темно.

— Там, внизу, твои родичи, — сказал он и опять закрыл отверстие.

Так они продолжали жить. Однажды Месяц начал строгать моржовый клык. Он долго строгал его, а потом ссыпал стружки в отверстие и опять закрыл его. Через некоторое время он немного приоткрыл его и опять сказал ей:

— Загляни вниз.

Она заглянула и на этот раз увидела свою семью, двух своих детей, которые бегали по улице. Ее муж стоял у входа в кладовую, засунув руки в рукава, и глядел на играющих детей. Когда она увидела, как он там стоит и смотрит на детей, сунув руки в рукава от холода, ей стало его жалко. А Месяц закрыл отверстие и сказал ей:

— Если ты захочешь съесть чего-нибудь особенного, когда будешь беременной, я принесу тебе.

И она опять осталась там у Месяца.

Спустя некоторое время она действительно забеременела, так как Месяц жил с ней как со своей женой. Однажды они отправились в гости к похитителю внутренностей:

— Давай навестим моего брата.

Жалкие собаки похитителя внутренностей ползали по полу и под лежанками. Они были совсем облезлые. Она взглянула на них:

— Как они отвратительны!

И, пребыв там недолго, они ушли. Так она жила, а Месяц охотился.

Наконец она в самом деле забеременела, и Лунный человек решил отправить ее обратно. Когда ей захотелось съесть что-то особенное, так как она ждала ребенка, он отвез ее к ее родственникам. Когда он привез ее домой, он сказал ей:

— Я буду всегда снабжать тебя пищей.

Месяц привез ее домой на своих партах. Теперь наконец она опять была дома со своими родственниками. Когда он перевез ее вниз, она немедленно побежала посмотреть на своих маленьких детей и с тех пор жила дома с мужем. Иногда она действительно слышала, как что-то падает вниз, и она — теперь уже на сносях — выходила взять то, что предназначалось ей в пищу. Жиры для лампы у нее тоже было довольно: он капал с сушил. Того, что приносил ее муж, она никогда не ела. И вот наконец она родила крупного мальчика. Ее муж сказал, что она должна есть то, что он добудет, но она продолжала есть то, что сбрасы-

вал ей Месяц, и отказывалась от того, что приносил муж. Ее крупный мальчик начал быстро расти.

В конце концов одна старуха обманула ее и забрала то, что сбрасывал ей Месяц. С тех пор Месяц перестал посылать ей еду, и жира для светильника больше не было. Так что ей пришлось есть то, что приносил муж. Ее мальчик теперь рос быстро и, начав охотиться, скоро стал очень умелым охотником.

Он ловил самых разных зверей, которых посылал ему щедрый Месяц. Каждый раз, когда он мчался на нартах к айсбергам, из-за них выходил большой медведь. Ее сын часто ловил медведей, когда стал старше, и так было всегда.

220. Двое мужчин пытаются подняться на небо

Давным-давно два далеких предка пытались подняться на небо — так обычно рассказывают люди. Один из них толкнул другого наверх, но тот, оказавшись наверху, тотчас же ушел, хотя оставшийся кричал ему:

— Сначала втащи меня!

Но тот, кто был наверху, только ответил:

— Посмотри, там есть олени! Посмотри, там есть олени!

А потом просто оставил товарища. Тогда тот вернулся домой, к людям, и рассказал об этом.

221. Китуахсюк

Китуахсюк был мальчик-сирота. Обычно он играл вместе с другими детьми в маленьком снежном домике у подножия крутой скалы. Однажды они в своем домике играли в «мужа и жену». Китуахсюку не досталось жены. Ему стало завидно — он тоже хотел жену. Он заплакал:

— И мне надо жену! И мне!

Так как дети не обращали внимания на его требование, он влез на скалу, громко плача, и покатил оттуда огромный камень. Камень упал прямо на детей, у которых был домик, и раздавил их. Другие дети побежали и сказали родителям:

— Китуахсюк скатил на детей камень, потому что ему не досталось жены.

Родители вооружились копьями и пошли к скале, чтобы убить мальчика. А он продолжал кричать:

— Почему мне никогда не помогут мои родители?!

Потом он побежал и спрятался за большой камень.

Взобравшись на скалу, люди, вооруженные копьями, обошли камень со всех сторон, но не нашли там мальчика, только из камня слышалось, как он кричит:

— Почему мне никогда не помогут мои родители?!

Вскоре послышался и второй голос, который произнес:

— Теперь перестань кричать.

Так как мальчик был внутри камня, им было его не достать, и люди решили столкнуть камень вниз, но, хоть они и тянули его ремнями, камень так и не сдвинулся с места. Наконец они отказались от этой попытки, и Китуахсюк остался в камне и превратился в его внутренности¹.

Когда весь народ собрался в Уманак на открытие новой церкви, они смогли наконец столкнуть камень. Теперь это было нетрудно, так как людей было великое множество. Они столкнули камень, и он лег у подножия скалы. Люди прибыли посмотреть на новую церковь и присутствовать на первом богослужении. Они съехались и жили вокруг в ярашгах. Все вместе они столкнули Китуахсюка в воду, к подножию крутой скалы.

222. Калуталиксуак и сирота

Дети обычно играли на берегу. Среди них был и маленький мальчик-сирота, и они играли на берегу, где никого больше не было. Однажды к ним вышла Калуталиксуак. Дети, увидев ее, разбежались и бросили сироту одного. Сначала они пытались тащить его за собой, но скоро бросили, потому что его голые пальцы вылезли из камыков и он не мог поспеть за всеми. Когда Калуталиксуак подошла к нему, он как раз шевелил большими пальцами, высунув их.

— Что едят твои ноги? — спросила Калуталиксуак, увидев это.

— Они обычно едят людей, — ответил мальчик.

Услышав это, она помчалась так быстро, как только могла, от него.

— Все равно они тебя догонят!

Тут она еще пуще припустила и наконец нырнула в море — правда, попытавшись, но безуспешно, сначала засунуть мальчика в свой огромный капюшон. А он пошел домой. Так Калуталиксуак не удалось схватить мальчика.

223. Калуталиксуак и слепая женщина

Муж и жена, у которых был маленький ребенок, жили вместе со слепой старухой. Однажды родители оставили своего ребенка со слепой женщиной, чтобы она за ним присмотрела. Вдруг она слышала, что кто-то входит, и, так как ребенок начал кричать, старуха сказала:

— Посади его ненадолго в капюшон!

Кто-то вошел через коридор, и старуха услышала, что шкура трется о стену.

— Положи ребенка в мой большой капюшон!

Слепая старуха так и сделала и услышала, что эта женщина ушла. Услышав это, старуха спросила:

— Что это? Ты положила его в капюшон?

Она же была слепая и посмотреть не могла. Потом она зашпала. Скоро пришли ее дети, и старуха сказала:

— Калуталиксуак взяла вашего ребенка в свой капюшон.

Калуталиксуак унесла ребенка к морю и сделала своим приемным сыном. Теперь его часто можно было видеть на самой кромке льда: он сидел на льдине и бил вокруг себя кнутом, который служил ему игрушкой. Родители пытались подкрасться к нему, но он каждый раз нырял, и они теряли его из виду, так как Калуталиксуак приказывала ему убежать.

Наконец родители в великом горе решили сделать силки, чтобы поймать его, и на сей раз им удалось это сделать. Но с тех пор ребенок все время стремился к морю. В конце концов он заболел и умер. Это было колдовство Калуталиксуак, которая не могла примириться с потерей.

224. Пожиратель огня, живущий под лежанкой

Это случилось, говорят, с одной женщиной. Каждую ночь, пока она спала, всегда гасла лампа, несмотря на то что она обильно наливала в нее жир. Проснувшись, она видела, что нет даже фитиля: он исчезал, пока она спала.

Наконец однажды она ушла в гости и поручила одному из детей:

— Пойди займись моей лампой: все время пропадает фитиль и лампа гаснет.

Но когда мальчик вошел, кто-то бросился на него. Однако мальчик не растерялся, сумел вырваться и вернулся к себе домой¹. На его поясице остались три отметины сажей.

— Он напал на меня в темноте, — сказал мальчик.

Вечером, вернувшись домой, женщина легла и притворилась спящей. И вот из-под лежанки появилось маленькое существо, потянулось к огню своими тремя пальцами и начало пожирать огонь. Когда оно насытилось, женщина поймала его и разорвала в клочья его одежду, сделанную из перьев воробья. Маленькое существо, живущее под лежанкой, лишенное своей одежды, стояло и жалобно плакало. Но с тех пор лампа уже больше не гасла: живущий под лежанкой не пожирал огонь, после того как женщина разорвала в клочки его одежду.

225. Великан и карлик

Великан поймал как-то человека — ему хотелось иметь товарищем человека. Обычно, когда великан ложился спать, а человек бодрствовал, великан предупреждал его:

— Смотри, не стяхни клещей¹.

Так он называл маленьких лисичек. С великаном жил также карлик. Карлик захотел убить человека. Но великан сказал человеку:

— Крикни ему: два зуба!

И вот карлик подошел к великану и сказал:

— Я убью этого человека! Выходи!

Они стали бороться, но великан был очень сильный. Пока они боролись, великан засунул человека в отверстие для шнуровки на своем камыке. Он легко справился с карликом, и так он спас человека, хотя карлик и был очень злобным.

Великан, говорят, называл медведей лисицами. Однажды человек разбудил его, ударив камнем (так тот ему наказывал), и сказал:

— Смотри, медведь!

Он забрался в самый коридор. Но великан сказал лишь:

— Смотри, там лиса!

Так рассказывал человек о великане и карлике.

226. Карлик и человек у ловушки для лисиц

Карлик, говорят, называл лису медведем. Однажды он увидел лисий след и стал преследовать лису и дошел до большого камня, под которым она скрылась. Карлик никак не мог сдвинуть камень. Вдруг откуда-то появился человек. Карлик стоял на месте, пока тот не подошел, а потом сказал ему:

— Я загнал туда медведя, но было не так-то просто его схватить!

— А там не лисица, которую я поймал? — спросил человек. Он вытащил ее и убил.

Тогда карлик попросил:

— Ты мог бы дать мне часть добытой медвежьей туши?

— Нет, — сказал человек.

— Ну, если ты мне ничего не хочешь дать, ты никогда ничего не поймаешь, — сказал карлик.

С тех пор охотник ни разу не принес добычи, потому что так и не согласился, и умер в конце концов голодной смертью, так как маленький карлик заколдовал его. Это, кажется, все, что мне известно.

227. Кивиок

Маленький мальчик жил с бабушкой и часто ходил в гости к соседям. Но они всегда рвали его одежду, и, когда он возвращался, бабушке приходилось заниматься починкой. Так продолжалось долго. Бабушке оставалось только чинить его одежду.

Не рвали его одежду только Кивиок и еще один человек. Наконец у него не осталось совсем никакой одежды — вся оказалась разорванной в клочки.

Бабушке надоело все время чинить, и она стала учить мальчика, как притвориться тюленем:

— Притворись тюленем и плавай около берега. Если они погонятся за тобой, плыви в открытое море. Потом нырни и каждый раз выныривай, чтобы вдохнуть воздух, у них за спиной. А когда раздразишь их, плыви в открытое море.

Он так и сделал. Действительно, его заметили с берега, сели в каяки и начали его преследовать. Он все время выныривал перед ними, но так далеко, что они не могли его достать гарпунами; и все время они плыли в открытое море. Когда им казалось, что они вот-вот его настигнут, он нырял и выныривал у них за спиной. Когда он заманил их далеко от берега, его бабушка вышла, села на поверхность воды и стала говорить:

— Где моя погода? Где же моя погода?

Тут начался сильный ураган, каяки стали опрокидываться один за другим, а мальчик направился к берегу.

Не перевернулись только Кивиок и один его товарищ, потому что они никогда не рвали на мальчишке одежду. Все остальные погибли.

У Кивиока была кайра — его амулет, поэтому он мог кричать как кайра. Наконец товарищ Кивиока тоже утонул, так как каяк наполнился водой, и теперь Кивиок остался совсем один далеко в открытом море.

Наконец буря стала стихать и Кивиок увидел вдали берег. Постепенно он приближался и наконец приблизился. Кивиок поплыл вдоль берега. На берегу он увидел женщину, которая пыталась вскипятить котел, пользуясь лопаткой кита для защиты от ветра. Но лопатка все время переворачивалась. Кивиока она не замечала. Он услышал, что она говорит:

— Ты не достанешься тому человеку, все время ты падаешь!

Она жила в таком месте, где море выбрасывало скелеты разных животных, и вот откуда у нее была китовая лопатка. Наконец он подошел к ней. Она встретила его очень приветливо и сказала:

— Я живу здесь совсем одна, мое имя Ниакутсиак¹, и однажды меня унесло из Килянатиаака на льдине.

На ней были надеты мужские камыки. Она жила в яранге; оттуда слышался разговор и пение:

Пойманные звери, пойманные звери,
Сверху и снизу загарпуненные!

Кивиок вошел. Внутри никого не было, кроме ребенка этой женщины. А под жирником он увидел маленькую куколку, кусочек от ожерелья. Она-то и пела, чтобы успокоить ребенка. Когда Кивиок вошел, она снова запела:

Канг, канг, канг — пойманные звери,

Сверху, снизу загарнувшиеся...

Это была обычная колыбельная.

Кивиок остался с этой женщиной, и скоро у них появилось много детей. После отлива на берегу часто оставались выброшенные морем животные. Этим они и жили. Постепенно детей стало много, и мать сказала:

— Женитесь друг на друге. Пусть вас скорее будет много.

Хотя они и были братьями и сестрами, они стали жениться друг на друге. Так их племя быстро выросло. Теперь Кивиоку захотелось вернуться домой, и он уплыл на своем каяке.

Однажды он услышал, как кто-то с берега звал:

— Подойди и вынь кое-что из моего глаза!

Два раза он подплывал к берегу, но не видел ничего, кроме черепа тюленя и маленького кустика вереска, разросшегося рядом. Он стал уплывать, но, как только он отплыл, голос опять начинал звать его. Так повторялось три раза. Наконец, приглядевшись внимательней, он освободил череп от вереска. Теперь было тихо. Его позвали только потому, что маленькая дырочка в черепе заросла.

Через некоторое время он заметил на берегу дом. Он пристал и увидел, что в доме жила женщина, которая немедленно захотела высушить его камыки, а Кивиок тем временем лег на ее лежанку. Вместо хвоста у нее был нож, и, когда она решила, что Кивиок уснул, она стала приближаться к нему. Она залезла со своим острым хвостом прямо на него. Тут она резко села, по Кивиок быстро отодвинулся. Женщина захныкала, а Кивиок схватил свои камыки и поспешно поплыл дальше.

Теперь Кивиок встретил очень странных людей. Они прохаживались по поверхности воды, присаживаясь на борт его каяка. У одних штаны были засучены, у других свисали пизко, и каждый раз, как они присаживались на борт каяка, Кивиок боялся, что он перевернется. Наконец они оставили его, и он поплыл дальше.

В другом месте он встретил множество людей, путешествующих на лодках. Эти люди стали играть его тюленьим поплавком, как мячом. При этом они гребли так, чтобы держаться с ним вровень. Кивиок даже испугался, что они не вернут ему поплавок. Когда же наконец они отдали поплавок ему назад, Кивиок поспешно поплыл подальше от них.

После этого Кивиок долгое время плыл, и наконец он увидел на берегу человека, который громко кричал ему:

— Иди сюда, глянь с обрыва, как там красиво, пошли посмотрим, там так чудесно, ты только посмотри!

Когда они поднялись, Кивиок понял, что человек намерен столкнуть его вниз. Тогда он сам толкнул его, а потом заглянул вниз и увидел там множество костей других людей, погибших таким же образом.

Потом Кивиок отправился дальше.

Опять он долго плыл, никого не встречая. Потом увидел на берегу ярангу. Он заглянул в нее. В палатке сидела женщина и скребла шкуры, а затем вдруг она отрезала свою бровь и начала жевать ее. Капли крови падали на шкуру. Увидев это, Кивиок поспешил к своему каяку, чтобы немедленно отплыть. Но в это время женщина вышла из палатки, держа в руках улю — женский нож, и закричала:

— Вот бы мне разрезать того, кто внизу, на кусочки!

Кивиок едва не перевернулся вместе с каяком. Потом он взял гарпун, приладил наконечник и сделал вид, что хочет загарпунить ее:

— Я мог бы отплатить той, что наверху!

Она быстро присела и сломала свой нож, тогда Кивиок смог отплыть.

Опять долго плыл Кивиок и увидел наконец большую, удобную ярангу с сениями. Он подплыл, вошел в нее и встал напротив входа. Там жили Ихкаутлюк и ее дочь. Они жили в довольстве, и Кивиок поселился с ними. На краю яранги, в сениях, лежала большая ивовая ветка, вся в больших узлах. Кивиок взял дочь Ихкаутлюк в жены, и теперь большая ветка ивы непрерывно дрожала от ревности, так как раньше эта ветка была мужем обеих женщин. И когда они сталкивали ее в воду, она возвращалась с тюленями, обеспечивая женщин всем необходимым. Женившись на дочери Ихкаутлюк, Кивиок стал уходить в море за добычей. А жена, встречая его, всегда брала тюленя на спину и несла его, так как она была очень сильная. Однажды она, как обычно, встретила его, но когда взвалила тушу на плечи, то споткнулась. Тогда Кивиок понял, что это мать убила свою дочь, сняла с нее кожу и надела на себя. Она не могла справиться с тушей и пошла назад в ярангу.

— Где твоя дочь? — спросил Кивиок, которому это не понравилось.

— Ушла по ягоды.

Но Кивиок знал, что она лжет. Больше он не захотел оставаться здесь и решил отправиться дальше.

Он сказал ей:

— Поди принеси мой гарпунный линь, он там, над входом, лежит!

Ихкаутлюк потянулась за ним, потом сказала:

— Не думаю, что его можно достать, даже если совсем вытянуться.

Кивиок уехал. Он успел увидеть, что она старается оживить дочь, приподнимая ей голову², но безуспешно.

Наконец он добрался до своего селения и увидел своих прежних товарищей, которые высыпали на берег с криками:

— Каяк! Каяк!

Жена его сказала:

— Весла красноватые, как будто это Кивиок едет.

Наконец Кивнок вернулся. Вернувшись, он спросил у своей жены:

— Когда кости мои потонули, вышла ты замуж?

Жена ответила, что она давно вышла замуж, так как не имела никаких вестей о нем и думала, что он перевернулся и утонул, подобно всем остальным.

228. Каксагсюк наказывает своего мучителя

Каксагсюк был сиротой и жил у чужих людей. Однажды вечером все взрослые ушли слушать песни, а дети, оставшись одни, начали орать и озорничать. Только Каксагсюк вышел на улицу и вдруг заметил, что к их дому приближается Великий огонь. Он предупредил детей, что идет Великий огонь и чтобы они не кричали, но те не хотели его слушать и продолжали кричать.

— Тогда помогите хоть мне подняться наверх!

Они посадили его на раму, на которой под потолком была растянута для просушки шкура. Великий огонь уже подошел. Вместо хлыста у него был огромный лахтак с большими когтями. Когда он вошел, все дети забрались на лежанку, но хлыст Великого огня вытащил их из дома и бросил Великому огню, который сжег их и сожрал без остатка. А Каксагсюк попытался слезть, упал и остался сидеть совершенно один.

Наконец явились взрослые и не поверили Каксагсюку, что огонь сжег остальных детей. Умыглогтоксуак взял его за ноздри и сказал:

— Посмотрите на этого лжеца! Это он убил всех ваших детей. Каков простак!

Никто не поверил Каксагсюку. Все смотрели теперь на него с презрением, потом сказали:

— Давайте начнем тоже громко кричать, увидим тогда, что Каксагсюк лжец.

Они начали кипятить у окна тюлений жир в большом котле, а Каксагсюка отправили наружу. Когда все было почти готово, взрослые принялись громко кричать, а Каксагсюк оставался на улице. Скоро Каксагсюк закричал им:

— Посмотрите, идет Великий огонь⁴¹!

Люди пытались послать его навстречу огню, но он все кричал:

— Он уже совсем близко!

Но взрослые не пускали его внутрь, и он спрятался в боковом пологе.

Теперь все могли видеть, что Великий огонь уже рядом и огромный лахтак готовится влезть в дом. Женщины, которые кипятили жир, приготовились перерезать веревку, на которой висел котел, и в тот момент, когда огромный лахтак просунулся внутрь, они опрокинули на него кипящий жир и обварили его. Потеряв хлыст, Великий огонь отступил. Люди начали выбе-

гать из дома, переступая через лежащего на пороге лахтака. Тут все заметили Кагсагсюка и сказали:

— Жаль, что Огонь не убил его!

А Умыглогток снова схватил его за ноздри и повалил [...]. С того времени Умыглогток едва терпел Кагсагсюка. Каждый раз, как он видел его, он хватал его за ноздри и валил на землю, так что его нос постепенно стал длинный, как дымоход. Спал Кагсагсюк теперь только в сених вместе с собаками, но, когда бабушка выносила мочу, она прогоняла собак, а его била. А когда он хотел немного погреться около отдушины, Умыглогток прогонял его палкой. Когда он кормил собак, то давал Кагсагсюку кусочек моржовой кожи, и, хотя у того не было зубов, он съед его. Умыглогток каждый раз удивлялся:

— Он съел моржовую кожу! Где же он прячет нож?

А ножа у него не могли найти, несмотря на все усилия. Но у Кагсагсюка был маленький нож, который был хорошо спрятан.

Только другая бабушка Кагсагсюка была ласкова с ним, и, когда Умыглогток уж очень приставал к Кагсагсюку, она прятала его на своей лежанке и сушила его одежду.

Наконец к весне на улице стало светлее, и добрая бабушка Кагсагсюка стала говорить ему:

— Сейчас люди обычно гуляют, чтобы согреться. Воздух стал уже теплее. Теперь и ты должен побольше гулять.

И Кагсагсюк однажды отправился на долгую прогулку. Погуляв, он вернулся, опять лег спать в сених, и его злая бабушка, когда выносила мочу, побила собак и его побила очень больно.

Однажды на прогулке Кагсагсюк заметил человека, который обдирал тюленя.

— Если бы мне съесть маленький кусочек,— попросил Кагсагсюк.

Человек сказал ему:

— Что-то у меня звенит в ухе! Пожалуйста, здесь для тебя кое-что найдется.

Он оставил ему кусочек мяса и ушел. Кагсагсюк наелся так, что даже не съел всего, и оставшийся кусок спрятал и закидал камнями. Потом он пошел домой и, как всегда, улегся спать в сених, и злая бабушка опять его побила.

Проснувшись, проголодавшийся Кагсагсюк отправился к спрятанному куску, но его там уже не было. В отчаянии Кагсагсюк стал громко причитать, оплакивая свое мясо, и на его крик вышел мужчина и спросил:

— Что случилось?

— У меня тут было кое-что, но кто-то его съел,— сказал Кагсагсюк.

— Это я взял его,— объяснил ему мужчина. — Я думал, что кто-то его выбросил. Но не расстраивайся. Давай поиграем с тобой, чтобы согреться.

И мужчина стал катать большой камень, а потом сказал:
— Теперь твоя очередь.

Но Кагсагсюк, как ни старался, не мог сдвинуть камень с места. Он упал на землю² и заплакал. Человек сказал:

— Не плачь, попробуй еще раз.

Кагсагсюк опять не смог. Тогда человек стал его подбадривать:

— Да он у тебя уже шатается!

Кагсагсюк старался изо всех сил, и в конце концов камень начал слегка сдвигаться. И скоро Кагсагсюк стал уже катать большие камни. Тогда человек сказал ему:

— Вот теперь ты стал сильным, раз ты можешь катать любые камни,— и добавил: — Теперь ты совсем молодец, иди сейчас домой, а я пошлю трех медведей.

Кагсагсюк отправился домой, сдвигая с места все большие камни на своем пути. Когда он пришел, все уже спали.

У Умыглогтока была кожаная лодка, которая теперь стояла, вмержши в лед. Кагсагсюк поднял ее так, что совсем разломал, затем отправился спать. Снова бабушка била его, а Умыглогток таскал за ноздри. А когда Умыглогток заметил, что его лодка испорчена, он опять начал мучить Кагсагсюка. Одна только добрая бабушка пускала его на лежанку и сушила его одежду.

Наконец однажды, когда он сидел дома, люди вдруг закричали:

-- Сюда идут три медведя!

Умыглогток сказал, издеваясь:

— Где там наш Кагсагсюк?

А Кагсагсюк ответил:

— Пусть мне дадут обувь,— потому что бабушка в это время сушила его камыки.

Добрая бабушка дала ему камыки, и Кагсагсюк пошел прямо к медведям, глубоко вбивая каблуки в твердый наст. Сначала он столкнул двух медвежат лбами, так что они упали замертво. Потом он свернул шею медведице. Расправившись с ними, Кагсагсюк взвалил медведицу на спину, а медвежат сунул под мышки и пошел к дому.

Умыглогток, увидев это, перепугался.

Кагсагсюк расчистил место для огромного костра, а Умыглогток собрался уходить со своими двумя женами. Заметив это, Кагсагсюк пригласил его остаться и сначала поесть медвежатины перед дорогой. Но Умыглогток не слушал его и убежал: он ведь видел, как Кагсагсюк расправился с медведями.

По приказанию Кагсагсюка собрали топливо, развели огонь и начали варить мясо в огромном котле, чтобы накормить всех. Мяса было столько, что человек едва ли может столько съесть. Теперь Кагсагсюк стал настоящим человеком. Свою злую бабушку он сначала побил, а потом толкнул в костер, где она сгорела,

только желудок остался. Увидев это, вторая бабушка решила бежать, пока не поздно. Но Кагсагсюк успокоил ее, сказав:

— Тебе не нужно бежать, я не сделаю тебе ничего плохого. Я ее убил только за то, что она плохо обращалась со мной.

Кагсагсюк взял ее жить в свой дом и подарил ей новую медвежью шкуру.

Наконец Кагсагсюк пошел искать Умыглогтока. Он пошел за ним и нашел его дом на вершине утеса. Кагсагсюк поднялся туда, сорвал дверную занавеску и вытащил Умыглогтока за пазухи, а затем подвесил его над обрывом. Подержав его там, он вытащил его, но так сдвинул его нос, что совсем расплющил и разорвал его. Потом он пошел к двум женам Умыглогтока, разорвал на них меховые штаны и овладел ими, а потом позвал Умыглогтока:

— Погляди-ка на своих жен, к которым ты никому не позволял прикасаться!

Но тот не мог даже смотреть на них, потому что нос его был совсем разорван. После этого Кагсагсюк ушел домой.

У Кагсагсюка был двоюродный брат Сухкаглук. Он очень искусно владел ледорубом, а Кагсагсюк обладал громадной силой. Слух о двух братьях дошел до человека по имени Умигтуак. У него вмерзли в лед два добытых им моржа, и он никак не мог их освободить. Тогда он пригласил к себе Кагсагсюка и Сухкаглук и, когда они прибыли, сказал им:

— Очень жаль, но мне нечем вас накормить. То есть вообще-то мясо у нас есть, но сначала его надо вытащить.

Они были очень голодны и взялись за работу охотно, но работа оказалась нелегкой даже для таких силачей. Умигтуак сказал:

— А я слышал, что Кагсагсюк и Сухкаглук очень сильны и ловки!

Кагсагсюк ответил:

— Если ты поможешь мне, я попытаюсь вытащить моржа. Тот стал помогать, и наконец с некоторым трудом они его подняли, а Сухкаглук очень ловко разрубил его на куски.

После сытной еды все отдохнули. Умигтуак убедился, какие они силачи. Погостив немного, они отправились домой. Кагсагсюк жил теперь в доме со своей бабушкой и, когда надумал жениться, попросил ее подыскать ему невесту. Все хотели бы иметь Кагсагсюка своим зятем и предлагали ему дочерей, но он не брал ни одну из них. Наконец бабушка предложила ему жениться на девушке-сиротке. Кагсагсюк взял ее в жены и привел в свой дом. После этого Кагсагсюк запел под бубен песню:

А-ги-ян, там, когда они ложатся,

А-ги-ян, там, когда они ложатся,

Как много у меня жен!

Как много у меня жен!

А-ги-ян, там, когда они ложатся,

А-ги-ян, там, когда они ложатся,
Как много у меня жен!
Как много у меня жен!

Так пел великий Кагсагсюк, потому что все они хотели бы, чтобы он был их зятем — такой он был сильный.

229. Кагсагсюк обретает силу

Жил однажды мальчик-сиротка, жил среди злых людей. Звали его Кагсагсюк. Приемной матерью его была одна несчастная старушка. Они жили в жалком закутке, примыкавшем ко входному коридору, а входить внутрь им не разрешалось. Кагсагсюк боялся даже в этот закуток входить и лежал в коридоре, греясь рядом с собаками. По утрам, когда мужчины поднимали хлыстами своих ездовых собак, они часто задевали бедняжку, и он кричал:

— На-а! На-а! — В насмешку над собой подражая визгу собак.

Когда мужчины пировали, угощаясь разными морожеными блюдами, вроде моржовой кожи или мороженого мяса, маленький Кагсагсюк, бывало, подсматривал поверх порожка, и иногда мужчины втаскивали его в комнату, зацепив пальцами за ноздри. Поэтому ноздри у него были очень большие, а сам он совсем не рос. Они давали бедняжке мороженого мяса, а ножка, чтобы разрезать его, не давали: говорили, что у него достаточно острые зубы; а иногда они вырывали ему один или два зуба, говоря, что он слишком много ест. Его приемная мать сделала ему обувь и маленькое копье для охоты на птиц, чтобы он мог выходить наружу и играть с другими детьми. Но дети сбивали его с ног и валяли в снегу, так что весь он становился мокрый. Девочки часто мазали его грязью с ног до головы. Маленького мальчика все всегда мучили, издевались над ним, и он совсем не рос, только ноздри увеличивались.

Временами он отваживался уйти один в горы, выбирал укромное место и раздумывал, как бы стать сильным. И вот однажды его приемная мать научила его, как надо поступить.

Встав в ложбине между двумя сопками, он крикнул:

— Дух силы, появись! Дух силы, приди ко мне!

Тут появился огромный волк. Кагсагсюк очень испугался и пустился было бежать, но зверь быстро догнал его и, обвив хвостом, швырнул на землю. Не в силах встать, Кагсагсюк услышал вдруг стук и увидел, как из его тела высыпались маленькие перпичьи косточки. Волк сказал:

— Вот эти косточки и не давали тебе расти.

Снова он обвил мальчика хвостом, и опять он упал; на этот раз из него высыпалось уже меньше костей. А когда волк бросил его на землю в третий раз, из него выпали последние косточки. На четвертый раз он почти удержался на ногах, а на пятый не упал совсем, но отпрыгнул в сторону. Тогда волк сказал:

— Если ты хочешь быть сильным и отважным, ты должен каждый день приходить ко мне.

По дороге домой Кагсагсюк чувствовал себя гораздо легче и даже сумел бежать, спшибая ногами мелкие камушки. Когда он подошел к дому, девочки, нянчившие младенцев, бросились к нему, крича:

— Кагсагсюк идет! Давайте вывалием его в грязь!

Другие мальчики стали бить его и мучить, как прежде, но он не сопротивлялся и, как всегда, лег спать вместе с собаками.

С этих пор он стал ходить к волку каждый день, и всегда повторялось то же самое. С каждым днем мальчик чувствовал, что становится сильнее и сильнее, и по дороге домой он спшибал ногами уже целые валуны и, катаясь по земле, жонглировал тяжелыми камнями. Наконец однажды волк не смог свалить Кагсагсюка с ног, и тогда он сказал:

— Ладно, достаточно. Ни один человек не сможет теперь тебя победить. И все же ты, пожалуй, пока веди себя как прежде. Когда наступит зима и море замерзнет, тогда придет твой черед показать себя: тогда появятся три огромных медведя, и всех трех ты убьешь своими руками.

В тот день Кагсагсюк бежал домой, спшибая камни направо и налево. Но дома он продолжал вести себя как всегда, и люди мучали его больше, чем обычно.

Однажды осенью охотники вернулись на каяках домой и привезли огромный кусок дерева-плавника. Они смогли только привязать его к большим камням на берегу, а оттащить домой сразу не сумели: слишком он был тяжелый. В сумерках Кагсагсюк сказал своей матери:

— Дай мне торбаса, мама, чтобы я тоже смог пойти взглянуть на это бревно.

Когда все легли спать, он выскользнул из дома и пошел на берег. Отвязав ремни, он взвалил бревно на плечи и отнес за дом, где и закопал его глубоко в землю. Наутро, когда первые люди вышли наружу, он закричал:

— Бревно исчезло!

Когда люди подбежали к бревну, они увидели, что ремни перерезаны. «Как могло оно уплыть? — подумали все. — Ведь не было ни ветра, ни отлива». Но одна старуха, зайдя случайно за дом, закричала:

— Смотрите! Вот это бревно!

Все подбежали и стали удивляться:

— Кто мог это сделать? Среди нас, должно быть, есть необыкновенный силач!

Каждый молодой мужчина напустил на себя таинственный вид, чтобы другие подумали, что он-то и есть тот силач, — вот притворщики!

В начале зимы односельчане Кагсагсюка обращались с ним еще хуже обычного, но он вел себя как всегда, и они ничего не

заподозрили. Наконец море окончательно замерзло, и охотиться на нерпу стало нельзя. А когда дни стали удлиняться, прибежал один человек и сказал, что видел трех медведей, которые сидели на глыбе льда. Никто не осмелился выйти и схватиться с ними. Тут-то и подошло время Кагсагсюку показать себя.

— Мама,— сказал он. — Дай мне твои торбаса, чтобы я тоже смог пойти на медведей.

— Это ей не очень понравилось, но все же она кинула ему свои торбаса, сказав при этом насмешливо:

— А ты за это принеси мне парочку шкур: одну — накрыть лежанку, а вторую — на одеяло!

Взяв торбаса, он затянул свою старенькую кухлянку. Стоявшие снаружи закричали:

— О, никак Кагсагсюк появился?! Что ему тут нужно? Прогоните его!

— Он, видно, не в своем уме! — кричали девушки.

Но Кагсагсюк промчался сквозь толпу, как будто это был косяк мелкой рыбешки; его подошвы почти касались затылка, а вокруг него сверкало всеми цветами радуги облако снежной пыли. Подтянувшись на руках, он забрался на глыбу льда. Один из медведей поднял лапу, но Кагсагсюк обернулся вокруг себя на месте, чтобы стать «жестким», и, схватив медведя за передние лапы, ударил его об лед так, что оторвал ему конечности, и швырнул вниз, крикнув:

— Это моя первая добыча! Разделайте ее и разделите!

«Второй медведь точно его убьет»,— подумали все. Однако все случилось как в первый раз, и медведь плелнулся на лед. А третьего медведя Кагсагсюк схватил за лапы и, вращая над головой, бросился к стоявшему рядом охотнику и закричал:

— Вот этот плохо себя вел со мной!

А потом, ударив другого, крикнул:

— А этот обращался со мной еще хуже!

Наконец все охотники бросились бежать от него и в страхе попрятались по своим домам.

Войдя в дом, Кагсагсюк подошел к матери, держа две медвежьи шкуры, и крикнул:

— Вот тебе одна — покрыть лежанку и другая — на одеяло! — после чего велел сварить медвежье мясо.

Тут Кагсагсюка пригласили войти в главное помещение, но в ответ он, заглянув через порожек, сказал:

— Я не могу перейти, пока кто-нибудь из вас не втащит меня за ноздри.

Но теперь уже никто не отваживался сделать это, пока его приемная мать не подошла и не втащила его так, как он просил. Все люди теперь вели себя с ним очень вежливо.

— Иди сюда,— говорил один.

А другой приглашал:

— Входи и садись, друг.

— Нет-нет, не там, где лежанка не накрыта, — кричал дру-
гой. — Вот здесь лучшее место для Кагсагсюка!

Но он, не обращая внимания на их слова, садился, как всег-
да, на боковой лежанке.

Одни говорили:

— Вот у нас есть торбаса для Кагсагсюка.

А другие подхватывали:

— Вот штаны для него!

Все девушки наперебой предлагали ему сшить для него одеж-
ду. После ужина один из живших в доме велел девушке при-
нести воды для «дорогого Кагсагсюка». Когда она вернулась
и Кагсагсюк попил, он нежно привлек ее к себе, похвалив за то,
что она догадалась сходить за водой; но вдруг неожиданно он
сжал ее так, что у нее изо рта хлынула кровь.

— Ой, кажется, она лопнула! — только и сказал Кагсагсюк.

Ее родители, однако, не посмели протестовать:

— Ничего, ничего, она все равно ничего не умела, только за
водой ходила.

Вскоре, когда вернулись мальчики, Кагсагсюк сказал им:

— Вы будете великими охотниками на нерпу!

Сказав это, он так сжал их, что задавил насмерть; а других
он убил, оторвав им конечности. Но родители только сказали:

— Ничего страшного — они все равно были ни на что не
годны, только баловались стрельбой.

Так Кагсагсюк продолжал мстить всем, кто жил с ним
в большом доме, и не останавливался, пока не поубивал своими
руками всех тех, кто издевался над ним. Поощрил он только не-
скольких бедных людей, которые были к нему добры, и стал
с ними жить, питаясь тем, что было запасено на зиму. Он взял
также лучшие каяки и стал учиться плавать на них, сначала
держась близко к берегу. Но вскоре он отваживался уже заплы-
вать далеко, на север и на юг.

Гордясь, он ездил по всей стране, показывая свою силу. Он
и поныне известен по всему побережью, и во многих местах вид-
ны следы его богатырских дел. Поэтому люди считают, что исто-
рия про Кагсагсюка — правда.

230. Слепой мальчик и его сестра

Старую женщину с внуками — маленькой девочкой и мальчи-
ком постарше — покинули соплеменники, оставив их без всякой
помощи. Мальчик был слеп от рождения. Они жили одни в доме.

Однажды к их дому подошел огромный медведь. Он остано-
вился у окна и начал принюхиваться. Тогда бабушка сказала
мальчику:

— Постарайся застрелить его; я натяну тебе лук и прице-
люсь за тебя.

Она прицелилась, мальчик выстрелил, раздался страшный грохот. Но бабушка сказала:

— Эх, как жаль! Ты попал прямо в переднюю стену!

Однако мальчик знал, что она говорит неправду, потому что он выстрелил прямо в грудь медведю.

— Какой же ты олух, не мог попасть! — повторяла бабушка.

Потом бабушка увела внучку из дома и сказала ей:

— Мы ничего не дадим ему. Оттащим медведя подальше отсюда и будем есть, а ему ничего не говори; он слеп, и ему не обязательно много есть.

Они оттащили медведя подальше, и бабушка взялась за разделку туши, а девочка пошла к брату и сказала ему:

— Ты убил большого медведя. Сейчас мы его сварим и как следует поедим. Бабушка уже обдирает его там, неподалеку; она велела ничего не говорить тебе об этом.

Наконец они начали варить мясо, и, пока бабушка варила, девочка побежала к брату:

— Я подвяжу низ своей нижней кухлянки и попробую принести тебе еды, — сказала она.

Они стали есть, и девочка незаметно сбрасывала кусочки мяса за пазуху, а потом отнесла брату. Так она делала каждый раз, когда они ели, несмотря на то что бабушка говорила:

— Ну и прожорлива же ты. Тебе, наверно, никогда не остановиться.

— Я ем быстро потому, что я голодна, — отвечала девочка и продолжала носить еду своему брату, поскольку бабушка ему ничего не давала.

Однажды слепой мальчик сказал сестре, что он также очень хочет пить, и попросил отвести его к большому озеру. Сестра взяла брата за руку и повела его к озеру, прочь от бабушки, горько плача. Придя, он велел ей идти домой и сказал:

— На обратном пути складывай холмики из маленьких камней вдоль всей дороги.

Сестра, горько плача, пошла назад. Всю дорогу она складывала камни. Мальчик остался на берегу озера. Он хотел пить, но не мог сам пойти к озеру. Через некоторое время он услышал страшное шипение и свист — громадная птица опустилась рядом с ним и сказала ему:

— Держись за мою шею.

Он ухватился за ее шею, и птица понесла его от берега. На середине озера она нырнула вместе с ним под воду и долго оставалась там. Когда она вынырнула, мальчик держался за ее шею уже из последних сил.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросила птица.

— Неплохо, — ответил мальчик.

— Тогда еще раз, только ты крепче держись за мою шею, — сказала птица.

Она опять нырнула и на этот раз пробыла под водой еще

дольше. Мальчик еле-еле держался за ее шею, когда она наконец вынырнула.

— Ну, теперь как ты себя чувствуешь?

— Кажется, становится немного светлее! — сказал мальчик.

Птица четыре раза ныряла вместе с мальчиком, и он был уже еле жив. Наконец на вопрос птицы мальчик ответил:

— Теперь я вижу. Я все вижу.

— Да, теперь ты стал совсем хорошо видеть; при случае я пришлю тебе еду, — сказала птица и улетела.

А мальчик стал искать камешки, которые укладывала его сестра, и отправился по ним домой. Это было недалеко. Около дома он заметил растянутую медвежью шкуру. Посмотрев на нее, он вошел в дом. В доме были бабушка и сестра.

— Я видел там большую медвежью шкуру, — сказал мальчик, войдя.

— Эту шкуру нам подарили, ее оставил нам Пыгсогуак, — ответила ему бабушка, продолжая лгать.

Так все осталось в их доме по-прежнему, и ничего особенного не случилось.

Но однажды мальчик увидел, как несколько белых китов плывут к берегу неподалеку от дома. Он приготовился загарпунить одного из них и в помощники взял себе сестру, привязав к ней конец лinya¹. Ей, как помощнице, полагалось получить хвостовую часть. Таким образом он загарпунил молодого белого кита. Но когда бабка увидела это, она попросила:

— Привяжи и ко мне конец ремня!

Он так и сделал, и они загарпунили еще одного небольшого кита, но старухе этого было мало.

— Скорей! Вон того, большого! — кричала она мальчику.

На этот раз он загарпунил большую самку кита, которая плыла прочь от берега. Бабка пыталась удержать веревку, но не смогла, хотя и вцепилась в камык внука так, что совсем разорвала его по шву. Кит утащил ее в море и нырнул с ней вместе под воду. Несколько раз она появлялась на поверхности, крича:

— Мой улю, мой улю!

Улю нужен был ей, чтобы обрезать веревку. Тем временем волосы старухи закрутились жгутом. Так случилось, что кит унес ее в море и там она превратилась в нарвала, в черного самца нарвала с длинным клыком.

Теперь брат и сестра остались одни. Скоро они очень затосковали без людей и отправились на поиски человеческого жилья. Они шли и шли и однажды увидели, что маленькая воробиха никак не может снести яичко [...] Девочка помогла ей, и оба воробья стали благодарить ее от всего сердца и на радостях подарили детям большую белую собаку, кусок бревна и деревянное блюдо. Дети взяли все эти вещи и отправились дальше.

Наконец они подошли к большому дому. Так как брат очень

хотел пить, он велел сестричке войти в дом и попросить воды. Она вошла в сени и сказала:

— Нет ли у вас чего-нибудь попить для моего брата?

— Войди,— послышалось оттуда, и она услышала, как старший в доме, сидевший в дальней части помоста, торопливо перебирается к краю.

— Входи, входи!

Она не решалась войти, но наконец вошла, и скоро брат услышал ее крик. Поняв, что ее схватили, брат вошел следом. Он встал так, что закрыл спиной вход, и увидел, что когтистые тунгаки уже обглаживают последние косточки его маленькой сестрички. Он пришел в такой гнев, что стал бить их большим куском дерева, подаренным воробьями, и убил всех. Затем он собрал косточки сестры, завязал их в ее меховой комбинезон, взвалил этот узел на спину и, горько рыдая, отправился дальше. В то же время его собака превратилась в маленькую фигурку собаки, деревянное блюдо — в листок, а кусок дерева — в стебель травы.

Так он шел вперед, пел бесконечную песню и нес за спиной косточки сестры. Но через некоторое время он почувствовал, что кости сестры становятся тяжелее и тяжелее, и ему послышался ее голос:

— Старший брат, сложили бы ты меня как следует!

Брат сложил по порядку ее косточки, взвалил снова на спину и понес их дальше. Скоро она еще раз попросила сложить ее по порядку, и наконец он услышал:

— Старший братец, если бы я могла встать и пойти.

— Подожди немного, подожди немного,— говорил ей брат, но она все просила.

И он позволил ей идти самой, но она очень быстро устала, и он опять понес ее. Но скоро она окрепла, и они пошли вместе.

В одном месте они заметили несколько больших кусков оленьего жира. Они принялись и почувствовали, что это испражнения. Вскоре они подошли к месту, где было много людей. Увидев их, сестра спряталась за спину брата. Подойдя, люди спросили брата:

— Что с твоей спутницей?

— Она прячется, потому что те люди ее съели.

— Мы не людоеды, пусть не боится нас.

Эти люди жили вдали от моря; у них совсем не было заднего прохода. То, что они съедали, превращалось в олений жир, и они выплевывали его через рот; а мочились они сквозь отверстие в ладони. Брат и сестра поселились с ними.

Сестра вышла замуж за одного из них и скоро забеременела. Одна из местных женщин тоже понесла, и, когда ей пришло время рожать, старейшина просто взрезал ей живот и вынул ребенка, а потом живот сам закрылся. Старик хотел так же взрезать живот и девушке, но ее брат сказал:

— Не нужно! Она сама родит.

И скоро она родила. Когда лесная старуха увидела, что у ее поворожденной внучки есть задний проход, она схватила острую палку, села на нее и проткнула себя, чтобы и у нее был такой. Этим она убила себя — вот как она хотела быть похожей на внучку!

231. Жена-лисица

Жили двое, муж и жена. Летом муж надолго уезжал на каяке, а жена оставалась дома. Жена наконец тоже начала уходить на прогулки, а муж часто не заставал ее дома, когда возвращался. Так продолжалось долго. Однажды он притворился, что уплывает, а сам спрятался за мысом, чтобы последить за женой. Скоро жена вышла из дома и пошла в глубь страны. Он же незаметно последовал за ней.

Скоро он увидел, что жена подошла к маленькому озеру и стала звать [...] Из озера вылезло существо, и они занялись любовью. Мужчина почувствовал сильное отвращение к ней и, не показываясь ей, повернул назад к дому. Он уплыл далеко на своем каяке и долго не возвращался, так как ему было противно.

Когда он наконец вернулся, он дождался, когда придет жена, и пошел к озеру. Там он вызвал озерное существо и убил его палкой, а потом отнес домой. Его жена спала. Он сварил его, разбудил жену и сказал:

— На, поешь.

Она стала есть и спросила:

— Что это такое вкусное?

— Твой озерный муж, — ответил он.

Услыхав это, она сразу перестала есть и легла на лежанку, укрывшись с головой. Пока она лежала, ее муж пошел и собрал разную живность: больших червей, мух, личинок и гусениц. Он сунул их ей под покрывало, и, пока она спала, они ее сожрали. После этого он съел всех насекомых и с этих пор жил один.

Однажды, вернувшись, как обычно, домой, он увидел в котле горячее мясо. Его камыки стояли зашитые, и в них были всунуты носки. С этой поры так и шло. Не понимая, что происходит, он однажды спрятался за мыс, чтобы посмотреть, не приходит ли кто-нибудь. Скоро он увидел, что в его ярангу входит очень красивая женщина с большим узлом волос. Он побежал к яранге, но когда вошел, то никого не обнаружил. Так повторялось несколько раз, и наконец он побегал очень быстро и успел закрыть вход яранги. Он увидел очень красивую девушку. Она кинулась к задней стене; это была лиса, заложившая хвост как узел волос на затылок. Он поймал ее, и она стала его женой. Теперь они жили вдвоем.

Настала зима, и они пошли искать людей. Скоро они нашли ярангу, в которой жили муж и жена. На самом деле это были зайчиха и кал, и они были мужем и женой. Пожив вместе некото-

рое время, они решили поменяться женами. Они завалили коридор большим камнем и легли: человек с зайчихой, а лиса с калом. Скоро лисица воскликнула:

— Как противно пахнет!

А кал сказал:

— Фу, лисой воняет!

Услышав это, лиса выскользнула наружу сквозь дырочку в двери и исчезла. Так человек потерял жену. Тут зайчиха превратилась в настоящую зайчиху, а кал — в кал, и человек снова остался один.

Он отправился странствовать и шел по следам своей жены. С одной стороны были человечесьи следы, с другой — лисьи. Идя по следу, он пришел к темной пещере. Забравшись в пещеру, он стал звать жену. Навстречу ему вышла женщина (это была муха в человеческом облике) и сказала:

— Хочешь, возьми меня!

Но человек отказался и снова стал звать жену. Тогда к нему вышла личинка и сказала:

— Хочешь, возьми меня!

Человек снова отказался. К нему по очереди выходили гусеница, червяк, все, кого он когда-то сжег. Наконец человек решил войти в пещеру сам. Тут червяк сказал ему:

— Ты сжег меня, ты спалил меня! Давай потягаемся!

Действительно, тут были все, кого он сжег после того, как они съели его жену. А сгорев, они все превратились в людей. И когда лисица наткнулась на них, она стала жить с ними. Вот что сказал ему червяк. А дальше я не знаю эту сказку.

232. Тугныгак — похититель мертвецов

Рассказывают, что как-то мертвецы начали пропадать из своих могил, несмотря на то что их стерегли, и непонятно было, куда они деваются. Тогда один человек притворился мертвым, его похоронили и прикрыли большим, тяжелым камнем. Скоро он услышал, что кто-то идет. Это был большой тугныгак, который обворовывал могилы. Скоро он положил человека на спину и понес. Идти было далеко, несколько раз похититель останавливался и отдыхал, опуская свою ношу на землю. А человек каждый раз вцеплялся в ивовые кусты, и каждый раз тугныгак ворчал:

— Почему это он все время запутывается в кустах?

Тугныгак устал. Наконец он принес человека домой, к жене и детям и положил на нары, чтобы тело оттаяло. Жена пошла собирать топливо, чтобы сварить добычу мужа, а дети начали приговаривать:

— Эти плавники я съем¹, этими костями я буду играть! Тем временем их отец лег и заснул. Тогда человек приоткрыл глаза и стал посматривать на детей.

Они начали будить отца.

— Посмотри, мы собираемся его есть, а он открывает глаза!

Но отец сказал:

— Как он может открывать глаза, когда он все время цеплялся по дороге за ветки! Я нес его на спине.— И он опять заснул.

Тогда тот человек усыпил колдовством детей и, когда они заснули, а жена вышла, побежал прочь. Но женщина, тугныгак в человеческом облике, все-таки увидела его и сказала:

— Сначала поешь немного!

Он слышал ее, но лишь помчался вперед как можно быстрее. Женщина побежала разбудить мужа, но тут же сама бросилась вдогонку.

Скоро человек увидел маленький пригорок. Перебежав через него, он сказал:

— Холм, стань высоким!

Холм стал очень высоким, и он услышал, как она тяжело дышит, взбираясь на него. Как страшно она орала! Но скоро она перевалила через холм и опять начала приближаться к человеку. В это время он как раз перешел через маленькую речку и сказал ей:

— Река, стань стремниной!

Река тотчас же понеслась бурным потоком, и когда женщина подбежала к ней, то остановилась в нерешительности и спросила человека:

— Как ты перешел реку?

— Я выпил ее,— ответил человек.

Тогда женщина начала пить речную воду. Она пила и пила и уже почти всю выпила.

— Край твоей кухлянки окунулся в реку,— неожиданно крикнул ей человек.

Она наклонилась посмотреть — и лопнула, тотчас же превратившись в густой туман, который сразу окутал человека.

233. Дух земли с жемчужинами в желудке

Две маленькие девочки пошли гулять, у одной из них был ребенок в капюшоне. Скоро они начали находить на своем пути красивых куколок. Ребенок тоже стал просить что-нибудь. Ему дали поиграть нижнюю челюсть тюленя. А сами они увлеклись поисками новых кукол. Внезапно неподалеку они заметили маленького человечка, который пытался натянуть камыки. Справившись с камычками, он вошел в дом. Девочки последовали за ним, а он встал в коридоре и загородил им выход. Они огляделись и увидели подвешенные к потолку человеческие головы, с которых капала кровь.

— Посмотри, кровь капает! — воскликнула одна из девочек.

Маленький человечек тотчас бросился и начал слизывать эту

кровь. Тогда девочки поняли, что они попали к людоеду, и сказали:

— Погрызи камень у порога, заткни уши, танцуй: скоро ты съешь нас, таких маленьких.

Он начал грызть порог, неистово извиваясь, и закрыл уши.

— Продолжай, продолжай и жди. Скоро ты съешь нас,— сказала ему одна из девочек, а сама, не теряя времени, принялась рыть землю в задней части яранги той челюстью, которой играл ребенок. Дом был сделан из торфа, поэтому скоро она пробила в стенке отверстие, в которое можно было влезть.

— Продолжай, продолжай! — говорили они, а сами пробирались по подкопу. Наконец одна из них смогла посадить наверх ту, что с ребенком, а та вытащила подругу, и они убежали. Тут человек обнаружил их бегство и закричал:

— О горе мне! Я позволил им убежать, тем, которых должен был съесть!

Девочки прибежали домой и рассказали всем, что неподалеку они встретили людоеда. Люди начали шаманить, чтобы узнать, где он, но тщетно. Тогда они пошли искать его, взяв с собой двух старух и прибежавших девочек, чтобы показывали дорогу. Они подошли к дому людоеда, и старухи вошли внутрь, таща за собой веревку. Человек сидел там, стараясь натянуть свои камыки. Одна из старух сказала ему:

— Что, если обрезать тебе ногти — ведь люди стали ловить много китов¹.

— Да, пожалуйста, обрежь мне ногти,— сказал человек.

Но как только он снял свои камыки, женщина захлестнула веревку вокруг его лодыжек и воскликнула:

— Готово!

Потом они вытащили его на улицу, хотя он и упирался ногами в порог, и поволокли за собой, разрывая его одежду. Скоро вся его спина была ободрана и окровавлена. Человек был еле жив от боли.

— Подождите,— сказал он,— я немного приведу себя в порядок. Мои кишки сделаны из жемчуга, легкие — из меди, желчный пузырь — из темного стекла, а мочевого пузыря — из светлого стекла.

Но люди не обратили внимания на его слова и продолжали тащить его вперед, пока он не умер. Тогда они разрезали его — и точно, нашли много прекрасных жемчужин.

Рассмотрев их, они поняли, что у него действительно были жемчужные внутренности. Люди собрали его блестящие внутренности, и пузырь из темного стекла, и пузырь из светлого стекла. Все эти удивительные вещи они принесли домой и развесили по боковой стене. Было очень красиво. Потом они уснули. Но когда ночью один из жителей проснулся, он увидел, что со стены капает вонючая жижа. Оказалось, что на стенах ничего нет, кроме обыкновенных кишок. И люди их выбросили.

234. Старуха — ребенок каменных существ

Одна старуха однажды пошла гулять. Скоро она наткнулась на два больших камня в облике людей. Они схватили ее, привели домой и сделали своим ребенком. Они отобрали у нее одежду, положили старуху на нары и все время гладили ее. Когда они уходили на оленью охоту, они всегда прятали ее одежду, чтобы она не могла ее достать. Без кухлянки она не могла выйти, хотя ей очень хотелось поесть оленьего сала. Когда они возвращались, они опять начинали ласкать ее.

Наконец кончик ее носа начал превращаться в камень. Это ее очень беспокоило, и однажды, когда они собирались на охоту, она сказала им:

— Оставьте мне только мою одежду, я никуда не убегу.

Тогда мужчина наконец отдал ей одежду, но, как только они ушли, она пустилась бежать изо всех сил. Она бежала долго и наконец спряталась. Через некоторое время она услышала приближавшийся громкий стук — это камни дрались друг с другом, причем женщина повторяла:

— Теперь нам не найти ее следов!

И они снова и снова били друг друга. Но наконец они стали удаляться, и каменная женщина все время повторяла:

— Теперь нам не найти ее следов!

Когда они наконец окончательно скрылись вдали, старуха пошла домой с окаменевшим кончиком носа. И благополучно добралась до дома.

235. Женщина, притворившаяся духом горы

Муж и жена, говорят, били друг друга, и наконец женщина убежала из дома в горы¹. Она шла и шла и наконец увидела дом. Она вошла в него; там никого не было, и она осталась в нем. Пробыв в доме некоторое время, она обнаружила, что в доме есть кладовая, полная оленьего жира. Она забралась туда, вывернув наизнанку свою куртку и чулки. Пока она была в кладовой, вернулись с охоты хозяева. Они вошли, поели и легли спать. Вскоре все они крепко уснули.

Внезапно один из них проснулся и сказал:

— Ах, здесь, кажется, плохо пахнет.

Он засветил лампу и стал искать, откуда идет запах. Пока он искал, кто-то задул лампу. Он опять засветил ее, и опять лампу задули. И когда это повторилось в третий раз, он окончательно перепугался и сказал:

— Посмотрите, там что-то есть! Оно все время задувает мою лампу!

Люди выскочили из дома, совсем голые, а женщина вышла следом, крича:

— Апа-па, ися-сы, торопитесь, а то догоню! ²

Они убежали, забрав детей, совсем голые, а она пугала их криками.

236. Наваганалюк и Ныгуфкак

Ныгуфкак, говорят, женился на женщине из лесного племени по имени Наваганалюк. Он имел обыкновение сверлить ей колени, и, когда доходил до кости, она плакала и обычно убегала, надев на ноги рукавицы вместо камыков ¹. Однако через некоторое время она возвращалась, и все начиналось сначала. Каждый раз, когда ей было особенно больно, она говорила:

— А сколько у тебя братьев? ² — Паумин, Паусанин, Минумин, Минусанин, Тахкулик, Тахкугсак, Майук, Катитупак.

А муж отвечал ей:

— Пожалуйста, только приведи их сюда.

Однако Наваганалюк ничего не делала, а опять надевала рукавицы на ноги, уходила, а потом возвращалась одна.

Но однажды она ушла совсем. Через некоторое время младший брат Ныгуфкака позвал его:

— Ныгуфкак, там пришли люди, кажется, они хотят разрушить наш дом!

Это действительно были братья Наваганалюк, которые явились, чтобы напасть на Ныгуфкака. Тогда Ныгуфкак ввел в дом свою собаку и сказал брату:

— Подожди немножко, я только надену на нее куртку.

А снаружи уже пытались ломать дом. Нога одного из пришедших пробила крышу. В то же мгновение Ныгуфкак отрубил ее. Пострадавший запрыгал прочь, крича:

— Я потерял ногу! ³

А Ныгуфкак надел на собаку свою куртку и выбросил ее в окно. Немедленно на собаку бросились нападающие и убили ее. Он же тем временем выскочил через сени и влез на высокий камень, где они не могли достать его. Он шагал так тяжело, что оставлял в камне заметные следы. Нападавшие не могли достать его, а он начал стрелять в них, убивая одного за другим. Последние, оставшиеся в живых, убежали. Так Ныгуфкак покончил с братьями Наваганалюк.

237. Наваганалюк и ее братья

Наваганалюк, говорят, была взята в жены одним эскимосом. Она часто надолго уходила в тундру, надев вместо камыков рукавицы. Когда после долгого отсутствия она возвращалась, муж сверлил ей колени до кости, и она горько плакала от боли и говорила ему:

— Сколько у тебя братьев? — Усанат их отец, Кулинат их отец, Паумин, Паусанин, Минумин, Минусанин, а еще Тахкулик, Майук и Катитунак.

И когда она таким образом называла всех, муж отвечал ей:

— Пожалуйста, приводи своих братьев.

Через некоторое время она опять убежала, и все повторилось сначала.

Но однажды, когда все мужчины ушли очень далеко на охоту, действительно появились братья Наваганалюк. Они нашли в доме одних женщин и начали без разбору убивать их. Некоторые женщины пытались спрятаться — одна укрылась шкурой, которую скребла, другая залезла под ларь с пищей для собак, перевернув его вверх дном. Еще одна сунула огонь в старое тряпье и отбросы, так что убийцы не могли выдержать вони и не вошли к ней. Убив всех, они насадили тела на деревянные колья, так что те стояли торчком, и ушли. Когда они ушли, спрятавшиеся женщины все еще не решались покинуть свои укрытия.

Когда охотники вернулись домой, они обнаружили, что их женщины, стоящие около яранг, убиты, а оставшиеся в живых рассказали им обо всем происшедшем.

— Ну что ж, плетите тетивы для луков, — сказали мужчины, а сами начали делать луки и стрелы, собираясь воевать по-настоящему.

Три женщины работали изо всех сил, так что даже кожа на большом и указательном пальцах была у них стерта до крови.

Наконец все были снабжены новыми луками и достаточным количеством стрел. Тогда они начали шаманить, чтобы узнать, где были их враги. После этого все отправились в путь. Наконец они увидели большую долину, где две женщины обдирали шкуру оленя. Одна из женщин говорила другой:

— Мне приснилось, что две вши дерутся друг с другом. Когда наш народ собирался воевать, я видела этот же сон.

И они поспешили к своим соплеменникам. Но те, которые их выследили, последовали за ними, стараясь остаться незамеченными. Скоро они подошли к их яранге. Все люди собрались там и сразу занялись приготовлениями к войне¹.

Преследователи пытались подойти поближе к яранге, чтобы увидеть, что там делается. Но у порога лежала большая собака, которая, почуяв чужих, начала лаять. Однако люди, занятые приготовлениями, не обратили на это внимания, и хозяин приказал собаке успокоиться. Тем временем преследователи подобрались к самому входу и начали стрелять в мужчин. А женщин они щадили, потому что хотели взять их в жены. Так они убили всех мужчин.

Потом победители выбрали себе новых жен из женщин побежденных, так как своих собственных жен они лишились. И тогда Наваганалюк сказала:

— А кто хочет взять меня в жены?

Однако никто не хотел — ведь она была причиной гибели их женщин. Потом двое мужчин подошли к ней и сказали, что хотят взять ее в жены. Они схватили ее за руки и изо всех сил побежали вперед. Они бежали так быстро, что Навагананалуок вынуждена была прыгать через огромные камни и валуны. Наконец они оторвали ей руки — кровь хлынула потоком. Женщины, увидев это, запели:

Навагана,
она в самом деле ободранная,
с окровавленными руками,
она бежит вперед,
она скачет вперед!

Когда она бежала вперед, то кровь ее била струями в стороны так, словно это были ее руки.

238. Суакак, на которой женился тугныгак

Суакак, говорят, ребенком обычно играла неподалеку от яранги своих родителей. Но однажды тугныгак увидел ее и унес без ведома родителей к себе, чтобы сделать девочку своей женой, когда она подрастет. Родители не могли понять, куда исчезла их дочь, и долго искали ее, но наконец отказались от бесплодных поисков. А девочка росла тем временем в доме тугныгака. По обычаю тугныгаков, чтобы дети стали легконогими, пиявки и черви высасывали у них кровь. Для этого тугныгаки завертывали детей в шкуру лахтака, завязывали эту шкуру вокруг шеи ребенка, зарывали его в землю по шею и оставляли так на некоторое время. Это же они проделали и с Суакак, которая действительно стала легконогой, потеряв всю кровь. Девочка росла и стала наконец женой тугныгака.

Тугныгаки могли бегать так быстро, что догоняли лисиц и ловили их. Теперь свекровь позволяла Суакак помогать обдирать шкуры.

Однажды Суакак сказала ей:

— Я становлюсь «нечистой».

— Это только твои бедра становятся «нечистыми». Прикрывай их, когда обдираешь лисиц [. . .]

Теперь они были мужем и женой и жили в доме без окон, без лежанки и без подставки для жирника. Жирник стоял прямо на земле, а кухонный горшок не был подвешен на веревке. Суакак все это совсем не нравилось, и она показала мужу, как разместить все эти вещи: она сделала маленький домик, чтобы он посмотрел на его устройство. Увидев все это, муж быстро построил такой дом, и, когда он разрешил ей войти в него, там действительно были лежанка для сна и подставка для жирника, а кухонный горшок был подвешен над жирником. Свекрови все это новшество

показалось таким странным, что она никак не могла заснуть — она все время то пыталась заползти под лежанку, то толкала кухонный горшок, раскачивая его; но наконец заснула и она. Тугныгаки, говорят, умеют проходить сквозь землю.

Наконец Суакак забеременела и родила ребенка. Теперь она начала говорить мужу, что ей хотелось бы навестить родителей. Он охотно согласился, и все вместе они отправились. Ребенок сидел у нее в кашпошоне. Но когда вдали показалось родительское жилье, муж Суакак остановился и сказал ей:

— Я буду ждать тебя неподалеку оттуда, а ты иди и навести родственников. Если же я начну тосковать о тебе, я исчезну в земле.

И Суакак отправилась к своим родителям. На некотором расстоянии от жилья она увидела двух играющих детей и спросила одного из них:

— Как тебя зовут?

— Мое имя Суакак. Так звали мою сестру, которая исчезла¹; она была дочерью моих родителей.

Тогда она сказала:

— Пойдем поищем твоих родителей.

Конечно, родители были рады увидеть свою дочь. Они захотели оставить ее у себя, и она начала рассказывать им о себе, в то время как ее муж и в самом деле стал уходить в землю. Наконец Суакак вместе с родителями отправилась искать его. Сначала, увидев их, он хотел убежать, но они взяли его за руки и привели домой. Увидев собак, он снова хотел убежать, но они ввели его в ярангу. Он убежал в дальний угол, и даже глаза его кровоточили, так ему было страшно. Суакак с мужем остались жить у ее родителей.

Так как муж Суакак был из внутренних земель, он никогда не выходил в море на каяке. Братья и сестры Суакак обычно, играя со своим маленьким племянником, говорили ему:

— Маленький тугныгак, маленький тугныгак, он так мал, что даже не выходит никогда на каяке в море.

Но однажды тугныгак отправился гулять по побережью. Здесь он поймал руками много больших чаек, пользуясь своим указательным пальцем как рыбкой-приманкой. Когда он явился домой, за спиной его болталось столько чаек, сколько он мог принести. А сам он сосал свой палец, потому что чайки содрали с него кожу. С тех пор они всегда ели много мяса чаек.

239. Женщина-тугныгак, которая умерла, испугавшись собак

Однажды один из наших предков подъехал на санях к дому¹, где жили двое тугныгаков со своей старой матерью. Здесь он распряг собак, но, когда они вбежали в сени, тугныгаки обратились в бегство. Во время бегства они, нечаянно толкнув свою мать, уро-

нили ее на землю, и она, испугавшись вида собак, умерла от страха. Увидев это, мужчина сказал:

— Как грустно, что я — причина смерти вашей матери!

— Пустяки, — ответили тугныгаки, — ее шкура уже совсем не красивая.

Говорят, тугныгаки сдирали кожу со своих покойников и выдвигали ее. Потом сии подвешивали ее к потолку и потешались, глядя на нее [. . .]

240. Двое мужчин, посетивших тугныгаков

Двое мужчин увидели тугныгака, который нес на спине большого лахтака. Они отправились за ним, прячась, когда он останавливался, чтобы остаться незамеченными. Издалека они увидели, как он подошел к дому, в который затем внесли тюленя. Наконец наступил вечер, и вслед за местными жителями люди вошли в сени этого дома. Там они увидели совершенно голую женщину, которая собиралась разделять тюленя. Люди очень удивились этому. Женщина распределяла печень между домочадцами.

— Дай нам побольше, и с жиром! — попросил у нее отец семейства.

Увидев, как он ест, люди не могли удержаться от смеха. Тугныгаки начали вглядываться друг в друга, но больше они ничего не слышали и не могли догадаться, что люди могут быть близко.

Они начали спрашивать друг друга:

— Пуган, ты пустил ветры?

— Нет, вовсе не я!

Наконец они стали задирать головы вверх, и скоро один из них сказал:

— Те, у которых луки, близко!

И вскоре:

— Задайте им как следует!

Когда мужчины услышали это, они попытались убежать, но не смогли. Тогда они легли на землю и покатались и так укатились прочь.

Они видели, как тугныгаки вышли и осматривались. Но люди добрались до своего дома и рассказали обо всем.

241. Тугныгак, попавший в ловушку для лисы

Тугныгак, который отправился на далекую прогулку, подошел к ловушке на лису — западне, сделанной из льда. Увидев кусок мяса и будучи по обыкновению голодным, он попытался достать его и при этом зацепился за подпорку так, что ловушка захлопнулась и его рука оказалась зажатой. Он не мог выбраться. Сначала тугныгак плакал, потом замерз. Его сопли замерзли и преврати-

лись в ледяные колонны до самой земли. На них он и опирался и стоял, хотя был мертв. Когда хозяин явился проверить свою ловушку, он увидел тугныгака. Сначала он принял его за лисицу, но затем понял, что это был громадный человек, одетый очень странно. Таких существ охотник до этого никогда не видел, поэтому он побежал к товарищам и рассказал им:

— В ловушке я обнаружил раненое существо, но я не знаю, кто это, так что пойдем и посмотрим!

Они пошли и взяли с собой стариков. Когда старики увидели замерзшего, они сказали, что это тугныгак. Они вынули его из ловушки и похоронили, потому что он был все-таки очень похож на человека и они не могли просто оставить его лежать.

Так тугныгак потерял свою жизнь, потому что он не знал, что такое лисья ловушка.

242. Ловец тюленей и игкилик

Один человек отправился на тюленью охоту к отдушинам, но ничего не поймал. Тогда он нашел новую отдушину и устроился около нее в ожидании. В это время он услышал, как несколько игкиликов прошли мимо со своими женами. Они кричали «хам-а-маа!» и пинали их ногами в живот, потому что совсем с ума сошли по женщинам¹. Затем он услышал, как кто-то глубоко вздохнул. Это оказался старейшина племени, который медленно плелся за своими детьми. Он подошел к охотнику и приказал ему встать, а затем схватил его за полу кухлянки и ударил. На землю выпала большая кукла. Он снова ударил его, теперь на землю упала большая фигурка собак.

— Смотри, вот они, те, которые мешали тебе поймать что-либо,— сказал старик.

Этот охотник никогда ничего не мог поймать. Он был получеловек-полусобака². Но игкилик сделал так, что он стал часто добывать нерп. После этого старик оставил охотника и отправился опять вслед за своими детьми, которые с ума сошли по женщинам. Они носились быстро, как зайцы, а их жены кричали:

— Хам-а-маа, хам-а-маа,— а игкилики пинали их ногами в живот.

243. Большеголовые

Два человека отправились в далекое путешествие — им очень хотелось повстречать новых людей. Их унесло на льдине далеко в море, а потом они опять вернулись к берегу и однажды с возвышенности увидели, что несколько человек прыгают по льду.

— Пойдем спустимся к ним! — сказал один из них, но другой ответил:

— Это не люди, это большеголовые.

— Все равно я хочу взглянуть на них! — настаивал первый и начал спускаться к прыгающим большеголовым человечкам.

Он подошел к их жилищам и остановился у входа. Из дома вышел какой-то мужчина и, увидев пришедшего, бросился прямо на него. Тут из дома выскочили другие большеголовые и тоже набросились на человека, пытаясь ободрать его. В это время подул ветерок оттуда, где оставался его товарищ. Большеголовые учуяли его запах и бросились за ним. Но когда они его уже почти догнали, он сказал:

— Где моя погода, унга!

Сейчас же налетел яростный шторм, и большинство большеголовых погибло, так как на них не было никакой одежды. Они очень быстро бегают, и они выбегают, попрыгать на лед совсем голые, только в камыках.

244. Женщина, которая отказалась от оленя

Как часто случалось у предков, старая женщина жила совсем одна. Лисицы растаскивали пищу из ее кладовой, и она наконец решила произнести против них заклинание. Однажды к ее кладовой подошел олень и тоже захотел полакомиться, но, понюхав ее пищу, упал мертвым, потому что она была заколдована. Старушка вышла из дома и нашла около своей кладовой оленя. Она принесла женский нож — уло — и ободрала оленя, а потом бросила его тушу — прежде она никогда не видела оленей, и он вызывал у нее отвращение. Как-то один человек пришел навестить ее; он тоже не стал есть оленье мясо, а скормил его собакам.

245. Авувак

У великого Авувака был младший брат. Когда Авувак садился на мусорную кучу, брат обычно подглядывал за ним и потом выбегал и кричал:

— Давайте подтолкнем немного великого Авувака!

Но когда он выходил, никого уже не было на месте. Так продолжалось довольно долго.

Однажды их родители услышали, что люди намерены убить Авувака. Тогда они начали связывать куски веревок, подвязывали их к потолку и обрезали, делая их такой длины, чтобы они свисали им до паха. Когда люди стали приближаться, родители надели на Авувака детскую одежду и дали ему его детскую пеленку¹, на которой он стоял младенцем.

Младший брат тем временем убежал на высокую крутую гору, а родители остались в доме, держа свисающие веревки на уровне

пах. Авувак вышел из дома и, стоя в своей детской одежде на маленькой шкурке, служившей ему когда-то пеленкой, сказал людям, когда они подошли, чтобы убить его:

— Его возвращение, его возвращение.

Пока он говорил так, он был неподвластен им и они не могли убить его, и наконец они убежали. Когда враги скрылись из виду, Авувак вошел в дом. Но его маленький брат никак не мог спуститься с горы — уж очень крутая. А люди вынуждены были уйти и отказаться от убийства великого Авувака.

246. Кумагляр с живыми стрелами

Люди пришли, чтобы напасть на Кумагяра и убить его. Один из них сказал:

— Кумагляр, подойди и поней с самым низким и самым высоким.

Но Кумагляр ответил:

— Я не собираюсь никуда идти и ничего ради вас не буду пить.

После этого они начали стрелять в него. Но Кумагляр тоже стал стрелять по врагам, делая свои стрелы живыми: ведь наконечники его стрел были сделаны из человеческих костей. Он пускал стрелы одну за другой и убил великое множество врагов, а его жена приносила и подавала ему стрелы. Сам Кумагляр был неуязвим для лука и стрел, и наконец, когда врагов осталось уже немного, они обратились в бегство. Так Кумагляр один убил множество врагов.

247. Анусинангуак, который летал по воздуху

Когда Анусинангуак и его жена вместе с другими отправились на каяках на остров Китсигут, случилось так, что все люди уплыли и оставили Анусинангуака с женой на острове. Но пока они гребли на своих каяках, Анусинангуак полетел по воздуху. Когда гребцы подошли к ярангам, они увидели выходящего навстречу человека:

— Кажется, это наш дорогой Анусинангуак, — сказали они.

Хотя они только что пытались бросить его на острове, он все-таки их обогнал. Они не оставили ему каяка, а он все равно вернулся; не так-то просто было от него уехать!

248. Ангакок Окохкок

Окохкок был великий ангакок — шаман. У него было две жены и множество односельчан. Но у него были очень плохие ноги, поэтому он ничего не мог добыть. Его односельчане часто уходили на

охоту. Однажды они удачно поохотились, но не принесли свою добычу домой. Так как они ничего не принесли, Оохкок спросил своего сына:

— Разве ты не получил своей доли мяса?

— Они не принесли его домой, — ответил сын.

Тогда Оохкок сказал:

— Пусть его дух-помощник — медведь съест мясо.

Затем он снарядился и вышел. Он был великий ангакок. И действительно, он нашел медведя, который ел добытое охотниками мясо, и поймал его. Потом они вернулись домой, и он сказал своим товарищам:

— Мы поймали медведя — он съел ваше драгоценное мясо.

Тогда товарищи отправились в путь, но дорогой все они умерли от голода. Это сделал Оохкок, потому что они не дали мяса его сыну.

249. Охотник на медведей снимает кожу, чтобы убить раздетого медведя

Один из предков охотился на медведя, и однажды он увидел медведя без шкуры. А раз тот был совсем голый, он тоже разделся и снял с себя кожу, а затем убил медведя. Но сначала он усыпил своего маленького сына — ведь тот мог умереть от страха. Убив медведя, он опять надел свою кожу и разбудил сына. Когда они пришли домой, сын рассказал об этом. Так рассказывали о нем великие предки.

250. Человек очерчивает кнутом магический круг

Один из предков, очень сведущий в колдовстве, решил однажды заколдовать своего товарища. Разыскав его следы в одном месте, он начертил вокруг них круг с помощью своего кнута. Когда он заколдовал таким образом своего товарища, тот вышел на лед в том месте, где опасно было ходить, провалился и погиб, потому что был заколдован с помощью кнута. Так обычно рассказывают об этом.

251. Двое мужчин заколдовывают друг друга

Двое предков, двое мужчин, стали однажды переругиваться. Один из них сказал:

— Я дам тебе кровь моржа!

Другой ответил:

— Я дам тебе лапы бородатого тюленя!

Желудок первого вдруг раздулся, и он начал харкать кровью¹. Но второй тоже заболел, его руки и ноги скрючились и окостенели. Тот, которому досталась кровь моржа, умер, а звали его Ангы. Но и про другого говорят, что он умер: пальцы у него совсем скорчились и он не мог ходить. Больше я ничего не знаю об этом.

252. Кагуннак

Однажды, когда Кагуннак отправился за гагарками, посыпались камни и совершенно завалили его. Правда, он заполз в маленькую пещеру, совсем засыпанную камнями, и оттуда кричал: — Камни засыпали меня!

Ему пришлось сидеть скрючившись в этой пещере. Сначала он пытался разгрести камни, чтобы выбраться, но в конце концов умер от голода. Позднее туда пришел другой человек, Ала¹. Это был великий ангакок, и он без всякой помощи вытащил из камней умершего, а затем отнес его на берег. Здесь он сказал ему:

— Кагуннак, проснись!

И тот действительно проснулся, глубоко вздохнув. Хотя до Кагуннака и трудно было добраться, Ала освободил его из-под камней и оживил, потому что он был великий ангакок. Так рассказывают о нем.

253. Как помешали воскреснуть ангакоку

Это история о трех братьях, один из которых был очень большой и, кроме того, был умелым ангакоком. Этот ангакок падал¹, но всегда возвращался домой², хотя он каждый раз и умирал. Однажды он сказал:

— Большой камень все время толкает меня в воду.

Он падал потому, что его жена никогда не соблюдала табу во время его отсутствия, однако он все-таки всегда возвращался.

Однажды, когда он жил вместе с братьями, он упал. Он попытался положить на себя свои рукавицы. Увидев, что он упал, они подбежали к нему, но из-за того, что они смотрели на него, он не смог вернуться. Старший брат его отсутствовал, а второй брат взвалил его на спину и поволок по земле, потому что брат был больше его. Они похоронили его в пещере. Скоро вернулся старший брат и увидел, что его брат, ангакок, умер. Он рассердился, что они зарыли его в пещере: ведь если бы они его не трогали, то он мог бы вернуть его к жизни.

После его смерти средний брат часто ходил на медвежью охоту. Жена его, как обычно, соблюдала табу, и с наступлением зимы они вдвоем пришли жить в селение. Однажды на охоте его унесло на льдине далеко в море, и он пил кровь из сердца медведей — так он рассказал жене, когда вернулся. И потом он пошел к старшим братьям и рассказал им, как его унесло в море.

254. Кегисок и Тавтсануак

Человек по имени Кегисок возвращался домой и по пути ловил гагарок, но тяжелая снежная лавина обрушилась на него и сломала ему ногу. Когда люди нашли его, они принесли его домой и оставили залечивать рану.

Наступило лето. А там был еще один человек, Тавтсануак, который тоже ловил гагарок. Он уже почти накрыл их своей сетью, как вдруг большой камень упал ему на голову и нанес ужасную рану. От этого он стал сумасшедшим. Ему захотелось навестить своего товарища, у которого была сломана нога. Он решил взять его с собой, но, так как тот не хотел идти, он просто взвалил его на спину и понес. Человек начал стонать, так как ему было больно, но сумасшедший только сказал ему:

— Мы оба потеряли то, что болит.

Когда они увидели, что к ним идут люди, он построил для хромого домик, внес его туда, как если бы был в здравом уме, хотя он был безумен. Узнав это, люди пришли поглядеть, и действительно: сумасшедший с огромной раной на голове принес хромого на спине. Потом его крепко связали, но, когда подошли плавучие льдины, ему удалось в штормовую погоду прыгнуть на одну из них, и он размахивал своей нартой так, что его не смогли схватить. Потом его унесло, и буруны бросили его на скалы.

Говорят, его брат часто рассказывал, что он хотел бы повидать брата, жившего в другом селении. У него была красная заплата. Однажды брат увидел трех моржей, на одном из которых было что-то красное, и люди решили, что это был безумен, убежавший и превратившийся в моржа.

255. Игимагасюгсюк

Про Игимагасюгсюка говорили, что он всегда очень быстро терял жен и так же быстро женился вновь. Но никто не знал, что он убивал и съедал своих жен и своих маленьких детей.

Наконец он женился на девушке, у которой был младший брат и много родственников. Однажды, вернувшись домой с охоты на оленей, он сказал мальчику, брату жены:

— Пожалуйста, сходи принеси мне мой топор, он там лежит, под подставкой для лодки,— и сам, встав, вышел за ним.

Услышав крики брата, жена Игимагасюгсюка выглянула наружу и увидела, что ее муж преследует мальчика. Потом он догнал его и стал бить по голове, пока тот не упал замертво. После этого Игимагасюгсюк велел своей жене сварить куски тела ее брата. Он стал есть и предложил жене кусок руки мальчика, велел ей есть с ним, но она только сделала вид, что ест, и спрятала свой кусок в золе очага.

— Мне кажется, что ты плачешь! — закричал Игимасюгсюк.

— Нет, — ответила его жена, — мне только немного неловко.

Сожрав брата жены, муж принялся откармливать свою жену и для этого кормил ее только оленьим салом, а пить давал всего по одной раковине в день. Вскоре она так растолстела, что совсем не могла двигаться.

Однажды он ушел, крепко завязав вход яранги прочными ремешками. Когда он отошел достаточно далеко, женщина взяла нож, скатилась с лежанки и покатилась к выходу. С большим трудом перевалившись через порожек, она оказалась во входном коридоре и перерезала ремешки, держащие вход. Докатившись до дужицы, она стала пить. Выпив очень много воды, она почувствовала себя легче и смогла уже подняться и вернуться назад. Войдя в полог, она набила свою кухлянку и положила спиной вверх на лежанку, потом, крепко завязав вход, вышла наружу. Но, уверенная, что муж тут же бросится за ней в погоню, она спустилась к огромному, выброшенному морем стволу дерева и пропела над ним заклинание. Пела она так¹:

Кисюгсюк, пингыгсюк,
йа-ха-ха,
агапы, купы, сипы,
сипысисагна.

Тогда ствол раскрылся в середине, она вошла внутрь и запела:

Кисюгсюк, пингыгсюк, йа-ха-ха,
агапы, мамы, мамысисагна.

И ствол сомкнулся вокруг нее, а она осталась в темноте. Вскоре она услышала, как подходит ее муж. Войдя в полог, он увидел набитую кухлянку и, подойдя, пронзил ее копьем. Но, увидев, что это такое на самом деле, он выбежал и помчался по следу жены. Теперь же, стоя у ствола, он говорил:

— Ах, зачем же я так долго ждал и не убил ее раньше, о, бедный я, бедный!

Потом она слышала, как он уходил и несколько раз возвращался, но, так как все следы оканчивались у ствола, он наконец ушел совсем, и женщина снова запела:

Кисюгсюк, пингыгсюк,
йа-ха-ха,
агапы, купы, сипы,
сипысисагна.

Ствол раскрылся, женщина вылезла и побежала дальше. Но в следующий раз, чтобы муж не смог догнать и найти ее, она спряталась в лисьей норе. Снова все следы обрывались здесь. Она слышала, как он роет руками землю, но скоро, утомившись, он ушел прочь, потом снова вернулся и снова ушел, как и в первый раз, и все сокрушался:

— Ах, как жаль! Ну что я за несчастный человек!

Увидев, что муж ушел, жена снова отправилась в путь. Но, все еще опасаясь погони, она спряталась за кустами. Снова она услышала, что он возвращается, все так же жалуясь:

— Как жаль, что я ее сразу не съел!

Опять он ушел и тут же вернулся, говоря:

— Все следы обрываются здесь!

Женщина отправилась дальше и уже начала надеяться, что ей удастся дойти до какого-нибудь селения прежде, чем муж погонит ее. Вскоре она увидела людей, собиравших в тундре ягоды. Они испугались, увидев ее, но она закричала:

— Я жена Игимасюгсюка!

Тогда люди подошли к ней и, взяв ее под руки, отвели в дом. Войдя, она сказала:

— Игимасюгсюк, который ест своих жен, съел также и моего брата. Он и меня хочет схватить и поэтому придет за мной сюда. Он очень любит развлечения, так что вы вначале обращайтесь с ним любезно и вежливо.

Вскоре пришел и Игимасюгсюк, но жена его спряталась за занавеской из шкур; остальные встали и вышли, чтобы приветствовать его, и сказали ему:

— Здорова ли твоя семья дома?

— Да, с ними все хорошо, — ответил он.

Когда он вошел, ему дали поесть, а потом, дав бубен, предложили:

— Спой нам что-нибудь.

Мужчина взял бубен, но скоро отдал его одному из сидевших, говоря:

— Лучше ты меня развлеки, — и другой, взяв бубен, запел:
Игимасюгсюк жестокий человек,
он съел своих жен. . .

При этих словах Игимасюгсюк покраснел всем лицом, и даже шея его налилась краской, но певец продолжал:

... и заставил жену
съесть руку собственного брата.

Тут вышла жена и сказала:

— Нет, не заставил; свой кусок я закопала в золу.

Тогда они схватили Игимасюгсюка, и жена сказала:

— Помнишь, как ты пронзил мою набитую кухлянку?

Затем она убила его копьём.

256. Три брата

Жили три двоюродных брата: Кумахлят, Асялёк и Мыгак. Они очень любили друг друга. У Кумахлята был собственный дом и свой умиак. Двое других имели общий дом и общую лодку, но они всегда помогали друг другу и развлекались, показывая свою силу

и ловкость. Уходя в море на каяках, они во всем поддерживали друг друга и всегда были очень привязаны друг к другу.

Вместе с Кумахлятом жила очень злая старуха. Однажды он предупредил ее:

— Я не допущу, чтобы в моем доме жила такая злобная старуха, как ты, и когда-нибудь я тебя убью!

С тех пор эта старуха вела себя очень тихо, но однажды она воскликнула:

— Вот что я тебе скажу: неспроста я такая тихая и задумчивая; с первого дня, как ты стал кормить меня и заботиться обо мне, я тебя жалею, и поэтому я все время молчу и грущу.

— Как это? — спросил Кумахлят, и она ответила:

— Как по-твоему, твои двоюродные братья любят тебя? Ничуть — сейчас они собираются тебя убить.

Это она специально соврала, потому что была такая злобная, что даже спать по ночам не могла. Но Кумахлят с этой поры стал бояться своих братьев, и, хотя раньше он ни на минуту с ними не разставался, теперь он стал избегать их.

Однажды весной братья, войдя в дом Кумахлята, спросили его:

— Ты разве не пойдешь сегодня на каяке?

— Нет, — ответил он, — я не могу. Нужно дать моему каяку время высохнуть.

Они отправились без него. Пока их не было, он выкопал из снега шесты своей яранги и как раз успел до возвращения братьев.

Назавтра они снова пришли к нему с тем же вопросом, но он ответил, как и в первый раз:

— Нет, мне нужно полностью высушить каяк, прежде чем я смогу им пользоваться.

Братьям хотелось, чтобы Кумахлят пошел с ними, но, так как он не поддавался на уговоры, они опять поплыли без него. Едва они скрылись, он быстро собрал все, чтобы уехать, спустил на воду свой умиак и, быстро нагрузив его, отчалил; но, уплывая, сказал оставшимся на берегу:

— Пусть братья едут за мной как можно скорее: мы поплывем к нашим запасам.

Сказав так, он отплыл.

Вскоре вернулись Асялёк и Мыгак, и, обнаружив, что Кумахлят уплыл, они стали спрашивать о нем, и им сказали:

— Они только что отплыли и велели передать, что они поплывут в море, к своим запасам, и чтобы вы двое плыли за ними как можно скорее.

Братья решили плыть и назавтра рано утром спустили и нагрузили лодку и отправились в обычном направлении; но они не нашли никаких следов пребывания Кумахлята на берегу.

У Кумахлята был амулет — череп нерпы, — и теперь каждый раз, когда ему приходилось проплывать мимо населенных мест, он прикреплял свой амулет к носу лодки, так что людям на бере-

ту казалось, что это всего лишь пятистая нерпа ныряет в волнах. Но в одном из поселков, которые он таким способом миновал, был дурак, который всегда предчувствовал, когда что-то должно было произойти. Видя, что мимо плывет лодка, он закричал:

— Лодка! Лодка!

Но когда другие вышли поглядеть, они увидели только пятистую нерпу, игравшую в волнах; а потом и та пропала.

Когда Асялэк и его спутники приплыли в это селение и услышали эту историю, они поняли, что это был Кумахлят: они ведь знали, что у того есть такой амулет.

Тем временем Кумахлят плыл и плыл день и ночь, не выходя на берег; когда женщины-гребцы уставали, они только ненадолго привязывали лодку, чтобы отдохнуть, а потом плыли дальше. Наконец они остановились в месте, где жило много людей. Здесь они и решили поселиться. Там они встретили глубокого старика, занятого изготовлением лодки. Волосы его были белы, как айсберг, а рядом с ним стоял бородатый молодой человек.

Вскоре после приезда старик сказал Кумахляту:

— Этот молодой человек еще не родился, когда я начал строить эту лодку, а вот сейчас я едва закончил корпус.

Справа и слева от него лежали груды раковин — это был его единственный инструмент, которым он работал.

— Здесь у нас нет ни единого ножа, — пожаловался старик, — а вот дальше, в глубь страны, живут люди, у которых ножей в изобилии.

А когда Кумахлят стал его расспрашивать, старик продолжал:

— Там, в глубине страны, живут многочисленные ыхкилики¹, и они невероятно богаты. Но если кто из береговых уходит туда, он не возвращается, — наверное, его убивают.

Тогда Кумахлят сказал:

— Мне очень хочется пойти поискать их самому.

Но старик ответил:

— Боюсь, что тебе не по силам окажется сделать это одному; и даже если пойдут несколько наших, их почти наверняка убьют.

Но Кумахлят, вернувшись в свой полог, стал делать маленький лук и стрелы — колчан он сделал из нерпичьей шкуры. Закончив, он отправился искать ыхкиликов в одиночку.

А тем временем его братья Асялэк и Мыгак тоже долго ходили по тундре и наконец вышли к широкой равнине, где вокруг озера стояло много жилищ ыхкиликов. Озеро это было у них вместо моря.

Братья спрятались, дожидаясь ночи, и смотрели, как ыхкилики возвращаются с дневной охоты.

Сквозь лучи заходящего солнца они разглядели неподалеку высокого мужчину, который нес на спине груз. Они совсем уже было пустили в него свои стрелы, как вдруг оба воскликнули:

— Э, да не Кумахлят ли это?!

И мужчина ответил:

— Да, это я.

— Ну, — сказали они, — раз мы так счастливо встретились, эти ненавистные ыхкилики погибнут.

Встретившись вновь и узнав друг друга, братья очень обрадовались. Кумахлят рассказал, как старуха оклеветала братьев. Когда совсем стемнело и в поселке ыхкиликов все стихло, братья встали и пошли искать безопасное место. ыхкилики поставили свои жилища на дальнем конце озера, а прямо напротив был маленький островок, на котором решили засесть братья. Дойдя до места, они увидели, что островок находится от берега на расстоянии броска камня. Кумахлят, с грузом на спине, первым решился прыгнуть и успешно допрыгнул до островка; Асялёк тоже допрыгнул, но Мыгак воскликнул:

— Я не смогу!

Но братья уговорили его попробовать, и он тоже сумел допрыгнуть до островка, правда замочив ноги. Здесь они сложили свои стрелы, оставив себе всего по две, после чего вернулись назад — Мыгак, как и в первый раз, чуть не упал в воду. Потом они двинулись к жилищам, где все уже улеглись спать. Подойдя к самой большой землянке, Кумахлят сказал своим спутникам:

— Я прыгну на поперечину над входом, а вы входите внутрь.

Пройдя внутрь и заглянув через щелку в полог, они увидели пожилую пару. Те еще не спали. Женщина, расположившись подомашнему, сидела на лежанке, а мужчина стоял, наклонившись вперед и положив голову на руки. Вдруг мужчина завыл по-собачьи, а женщина поднялась на ноги. Тогда он начал лизать ей живот, а она кормила его оленьим салом.

Тогда Кумахлят сказал:

— Когда он станет лизать ее в следующий раз, я прицелюсь и выстрелю в нее.

Старик, закончив есть, снова завыл, и женщина опять поднялась, но только он собрался ее лизнуть, как Кумахлят прострелил ее насквозь. Раздался ужасающий вопль; Кумахлят быстро спрыгнул, и они втроем побежали в свое укрытие, а ыхкилики толпой высыпали из своих жилищ. Тем временем братья благополучно достигли своего островка, переправившись, как и в первый раз. Добравшись туда, они поспешно легли на землю друг за другом: Кумахлят впереди, за ним Асялёк, а за ним и Мыгак. ыхкилики стали пускать в них свои стрелы, которые они носили в колчанах за спиной, причем женщины, вытаскивая стрелы сверху, стреляли гораздо проворнее мужчин, которые доставали их сбоку.

Братья внимательно следили за лучниками на берегу, все время падая ничком, когда в них летела стрела. Но тут одна просвистела в воздухе и, слегка задев двоих, попала во что-то позади них. Обернувшись, они увидели, что Мыгак опасно ранен в горло — потому что он рискнул поднять голову. Тогда Асялёк спросил Кумахлята:

— Не знаешь ли ты заговора, чтобы оживить его?

— Кажется, знаю,— ответил тот и начал бормотать что-то. Когда он кончил, они обернулись и увидели, что стрела уже наполовину вылезла из горла Мыгака, а когда Кумахлят трижды повторил заговор — Мыгак был живым и невредимым!

А ыхкилики все стреляли, но вскоре они растратили все свои стрелы, а у Кумахлята только чуть-чуть была содрана кожа на виске.

Тогда братья поднялись, чтобы послать назад стрелы ыхкиликов. Перебив очень много ыхкиликов, они стали преследовать остальных вдоль реки, пока те не добежали до водопада, где у них было убежище; но Кумахлят убил их всех, бросая в них камни. После этого братья вернулись к жилищам, где оставались охваченные ужасом дети; некоторые притворялись мертвыми, но братья все равно схватили их всех и убили, проткнув им головы сквозь уши. В живых они оставили только одного мальчика и одну девочку.

Потом они осмотрели жилища ыхкиликов и увидели медные горшки с медными ручками, и вообще чего там только не было! Когда они отперли сундуки, крышки сами распахнулись, так много там было набито одежды. В других сундуках оказались ножи с красивыми ручками; братья взяли, сколько смогли унести, и отправились назад, к побережью.

Между тем люди, у которых Кумахлят оставил свою семью, нередко посмеивались над ними, говоря:

— Знаете, те, кто пошли к ыхкиликам, обязательно принесут много хороших вещей, например ножи с красивыми рукоятками.

Услыхав это, жена Кумахлята выбегала наружу, думая, что вернулся ее муж; но они говорили так, уверенные, что он погиб. Один старый холостяк взял его жену к себе в дом и обеспечивал ее пищей, считая ее вдовой.

В тот момент, когда Кумахлят действительно подходил к побережью, люди снова потешались над его семьей, крича, как всегда. Но тут старик, который строил лодку, обернулся и увидел Кумахлята, спускающегося с холма с тяжелой ношей на спине. Когда он подошел, все увидели, что это ножи с красивыми рукоятками. Войдя в жилище, Кумахлят увидел, что его жена и мать оплакивают его, и сказал:

— Я ожидал застать вас с погасшим светильником².

— Нас кормил старый холостяк,— ответили они,— поэтому мы не умерли от голода.

— Большое ему спасибо,— обрадовался Кумахлят.— Пусть он придет и выберет себе нож.

Но старый холостяк не решался войти, а хотел, чтобы Кумахлят вынес ему нож наружу; тогда Кумахлят сказал:

— Я слишком многим ему обязан; я должен уговорить его зайти.

Но старик, опасаясь какого-нибудь подвоха³, настаивал, чтобы ему вынесли нож. Наконец Кумахлят уговорил его сначала пере-

шагнуть через порог, а потом и зайти в полог. Убедив его сесть, он сказал:

— Ты хорошо кормил этих несчастных: я очень тебе благодарен и прошу тебя принять от меня любой из этих ножей,— и с этими словами протянул ему два ножа с очень красивыми рукоятками.

Говорят, что после этого братья вернулись жить на старое место; и что они прославились благодаря своему мужеству и доблести; и что они убивали медведей и киливфаков⁴.

257. Куявагсюк

Однажды жил человек, жена которого не рожала детей. Муж, завидуя всем, у кого были дети, велел ей однажды привести себя в порядок и отправиться поблизости в одно место, где всегда ловил рыбу один старик. Этот старик уже не охотился на нерпу, но был могущественным колдуном.

На другой день, когда мужчина рыбачил на своем каяке невдалеке от берега, его жена появилась на берегу, одетая во все лучшее. Но старик, боясь ее мужа, не посмел к ней подойти, и она вскоре вернулась. Тогда муж сам отправился к старику и обещал отдавать ему половину своей добычи, если он сможет придумать, как его жене родить ребенка. Когда на завтра женщина появилась на берегу, старик немедленно подплыл к берегу и подошел к ней. С этого дня человек всегда откладывал половину своей добычи для старика, а когда заметил, что его жена беременна, стал просить старика поселиться в его доме; но старик отказался, сказав:

— Твоя жена родит тебе сына; завтра, когда ты отправишься охотиться на каяке, плыви к птичьему базару и поймай там черного баклана, чтобы сделать амулет.

На другой день, когда муж принес птицу, старик сказал:

— Теперь ты должен найти пустой внутри внутри черный камень, на который никогда не падал луч солнца.

Когда тот принес и это, старик сказал:

— Теперь ты должен пойти на могилу своей бабки и принести ее ключицу.

Когда все это было собрано, жена родила мальчика. Старик нарек его Куявагсюком. Камень положили у него в ногах, а птицу повесили над окном. Старик велел отцу сделать мальчику каяк, как только тот сможет на нем плавать, и снабдить его разной снастью и всем, что необходимо для охоты.

Когда мальчик подрос, отец сделал ему каяк; и не успели высохнуть шкуры, которыми он был обтянут, его спустили на воду. Мальчик влез в него, и каяк оттолкнули от берега. А старик рассказал, что произойдет с мальчиком:

— В первый же раз, когда он отправится охотиться, он пой-

мает гладкую нерпу, а за ней еще девять; и в будущем он всегда будет ловить по десять нерп, когда бы он ни стал охотиться.

Старик и отец плыли за мальчиком вплотную, но едва они позволили ему чуть-чуть отойти от них, из воды высунула голову нерпа. Мальчик подгрел ближе и загарпунил ее, чем привел старика в восторг; и с этого дня мальчик стал охотиться.

Когда мальчик вырос, он взял себе двух жен. Он был очень полезным человеком для своих домочадцев и соседей. Однажды зимой море замерзло очень рано, и вскоре осталась лишь одна полынья — прямо перед их селением. В этой полынье юноша ежедневно добывал свои десять нерп. Скоро полынья уменьшилась настолько, что его каяк стал задевать бортами за края, а потом она и вовсе исчезла. Всё море было теперь покрыто льдинами, и люди очень встревожились. Они стали думать, не позвать ли им шамана. Один из них сказал:

— Я видел, как дочь вдовы Иглутсиалика упражнялась на озере в шаманском искусстве.

Куявагсюк тут же послал к ней сказать, что она получит большую нерпичью шкуру, если сможет заставить лед разойтись. Но та отказалась. Люди предлагали ей поочередно разные вещи, всякую одежду, жирники, но она не соглашалась. Тогда кто-то принес ей пригоршню бисера, который ей понравился, и она сказала матери:

— Принеси мне мою летнюю одежду!

Надев ее, девушка спустилась к берегу и исчезла среди торосов, громоздившихся на льду. Вскоре люди услышали всплеск, и больше ее не видели. Три дня она оставалась на дне океана, где сражалась с Хозяйкой моря, чтобы заставить ее отпустить морских животных, которых та нарочно задерживала и заставляла плавать под своей лампой. Когда девушке удалось успокоить ее, она вернулась на землю. Вечером третьего дня она вновь появилась среди прибрежных торосов и сказала людям, чтобы ей дали каждую вторую нерпу, которую они поймают, — как с красивыми шкурами, так и обычных нерп. Море было все еще сковано льдом. Но утром на рассвете лед вскрылся, и недалеко от домов появилась полынья; скоро она так расширилась, что люди могли спустить свои каяки. Каждый из них вскоре поймал по две нерпы, а Куявагсюк, как всегда, десять; остальные очень ему завидовали.

Однажды случилось, что жены Куявагсюка оставили поесть его дяде, который должен был вернуться домой поздно вечером, кусок спины вместо куска грудинки. Дядя оскорбился этим невниманием с их стороны и решил сделать Куявагсюку оборотень-тюпилак. Для этого он собрал кости разных животных, из которых и сделал его, с тем чтобы тот мог превращаться в любых тундровых зверей, и птиц, и нерп; оживив кости, он выпустил их и велел известить Куявагсюка.

Сначала тюпилак нырнул в море и выскочил наверх в облике нерпы; но Куявагсюк как раз возвращался домой, и, когда тот

его догнал, он уже вытаскивал свой каяк на берег. На второй и на третий день произошло то же самое. Тогда тюпиляк решил пойти за юношей к его дому и там убить его страхом. Он превратился в полярную гагару¹ и стал кричать у него под дверь. Куявагсюк вышел, но, так как его нельзя было заставить посмотреть на гагару, колдовство не сработало.

Тогда тюпиляк решил пробраться к нему в дом из-под земли. Но и в этот раз ничего не вышло: он вылез у задней стены дома; а чуть только собрался влезть на крышу, он встретился с птицей-амулетом, которая стала клевать его и царапать. В отчаянии тюпиляк подумал: «Почему этот ничтожный дурень все время меня одолевает?» — в гневе повернулся против создавшего его. Нырнув в море неподалеку от места, где тот рыбачил, он выскочил прямо под каяком и, перевернув его, сожрал охотника. Потом он уплыл далеко-далеко от того места, где живут люди, в открытый океан.

Куявагсюк же после этого продолжал жить как ни в чем не бывало и умер очень старым.

258. Гивиок

Гивиок¹, говорят, потерял однажды жену и хотел уехать от стоянки, где жил, оставив ребенка и место, где жена была похоронена, — в таком он был отчаянии. Он ждал только, когда мальчик заснет; потом слез с лежанки на пол, но ребенок стал плакать, и он снова залез и лег рядом с ним. Однажды он совсем было приготовился и уже нагнулся, чтобы вылезти наружу, но вернулся: он не в силах был оставить сына.

Однажды мальчик вбежал в дверь, очень взволнованный, и сказал:

— Там, снаружи, ходит с кем-то неизвестным моя мама!

Гивиок ответил:

— Твоя мать не здесь; она лежит там, вдалеке, под большими камнями.

Но мальчик настойчиво повторял:

— Пойди посмотри сам.

Когда Гивиок выглянул из окна, он действительно увидел свою жену в объятиях какого-то человека. Он пришел в ярость, выскочил и убил их, а потом похоронил, положив друг на друга, под кучей камней.

Отец и сын легли спать, но, когда сын заснул, отец все-таки привел в исполнение свой план: выполз через входной коридор и, не обращая внимания на крик сына, сел в свой каяк и поспешно поплыл прочь.

Он греб и греб по пустынному морю. Однажды он попал в водоворот и чуть не погиб, но все-таки спасся. Потом он попал в место, где было полно хищных морских вшей. Сначала он пытался

отбиться от них, колотя по ним палкой², но они быстро сожрали эту палку. Тогда он выбросил им свои рукавицы из нерпичьей шкуры, и, увидев, что с ними те справились не так скоро, он придумал надеть на лопатки весла свои старые рукавицы, чтобы звери не набросились на его весла прежде, чем он сможет уплыть от них.

Потом Гивюк поплыл дальше и увидел на воде длинную черную полоску. Подплыв ближе, Гивюк обнаружил, что это водоросли, которые росли так густо, что он смог вылезти на них. Он лег и уснул. Проснувшись, он перетащил через водоросли на руках свой каяк и перешел сам; перебравшись так, он поплыл дальше. Скоро он увидел два айсберга, а между ними узкий проход; проход то открывался, то закрывался. Он попытался обойти айсберги, но те все время оказывались у него на пути, и в конце концов он рискнул направить свой каяк между ними. Он помчался вперед изо всех сил и едва успел проскочить, как горы замкнулись за ним; кончик кормы его каяка все-таки расплющило.

Наконец он заметил вдали что-то темное и вскоре достиг длинной полоски земли. Гивюк подумал: «Если здесь кто-нибудь живет, я наверняка найду голую скалу³» — и действительно скоро увидел ее.

По дыму он легко определил, где находится жилище, и понял, что там внутри варят. Он подошел к жилищу и быстро опрокинул дымовую трубу, а сам спрятался неподалеку. Выбежала женщина и закричала:

— Кто это, интересно, перевернул ее? — и снова поставила ее правильно. Увидев Гивюка, она поспешно скрылась в доме, но быстро вернулась и сказала ему:

— Пожалуйста, войди.

Войдя внутрь, он увидел отвратительную старуху, которая лежала, накрытая одеялом. Старуха велела дочери пойти собрать ягод; та вышла и вскоре вернулась и принесла много ягод, перемешанных с жиром. Попробовав кушанье, Гивюк сказал:

— Это действительно очень вкусно!

На это Усёгсяк — так звали старуху — ответила:

— Не удивительно: это ведь жир совсем молодого человека.

— Фу! — воскликнул Гивюк. — Такого я не ем!

Нагнувшись, он заметил под лежанкой множество человеческих голов, сложенных в ряд. Когда старуха случайно слегка подняла одеяло и повернулась к нему спиной, он увидел, что под ней что-то поблескивает.

Когда они собирались ложиться спать, Гивюк сказал:

— Я ненадолго выйду.

Он вышел и быстро отыскал плоский камень, чтобы прикрыть свою грудь; вернувшись, он лег на лежанку под окном. Не успел он притвориться, что заснул, как услышал слова дочери:

— Он уже крепко спит.

Тут старуха отбросила одеяло и прыгнула со своего места на

главной лежанке. Но Гивиок сделал вид, что еще не совсем заснул, и она тихо вернулась на место. Когда он снова затих, открыв грудь и лежа на спине, дочь снова сказала:

— Теперь он наверняка спит.

И старуха снова спустилась, еще быстрее, чем в первый раз, и, подбежав к Гивиоку, прыгнула и всей тяжестью опустилась ему на грудь, но тут же с криком скатилась вниз.

— Ох, как жалко! — закричала ее дочь. — Усёгсяк сломала свой хвост! Она так хорошо кормила нас с его помощью!

Тут Гивиок вскочил с лежанки, бросил камень и убежал через дверь, а дочь кричала ему вслед:

— Негодяй! Как бы я хотела попробовать, каковы на вкус твои щеки!

Но он уже прыгнул в свой каяк, едва не перевернувшись. Выправившись, он закричал:

— А почему бы мне ее не загарпунить?!

Сказав так, он убил их обеих на месте.

Потом он продолжал свой путь и вскоре доплыл до другой голой скалы. Он высадился неподалеку от нее и, как и в первый раз, пошел к дому, где также опрокинул дымоход, а потом спрятался. Снова из дома вышла женщина; когда она вошла обратно, он услышал, как внутри удивляются, что дымоход опрокинулся: ветра-то нет. Когда она вышла снова, Гивиок показался из укрытия, и его пригласили войти. Переступив порог, он увидел, что стены увешаны охотничьими поплавками. В доме тоже жили мать с дочерью. Мать сказала:

— Скоро будет отлив; у нас, увы, нет никого, кто привозил бы нам добычу, когда мы загарпуним рыбу и привяжем к ней пузыри.

— У меня тут есть каяк, — ответил Гивиок, — я только что пришел оттуда от тех вон злодеек, которых я убил.

— О, спасибо! — воскликнули они. — У нас в доме тоже жили мужчины, но эти чудовища всех их поубивали. Оставайся жить с нами.

Гивиок тут же согласился, и они продолжали:

— Завтра будет отлив, но, когда ты услышишь грохот, спешь назад: начнется прилив и ты должен успеть к берегу.

Потом они легли спать. Гивиок крепко спал, когда вдруг услышал грохот и увидел, как дочь выскользнула через входной коридор. Он поспешил на берег, но, когда подошел, оказалось, что женщины уже поймали несколько палтусов, которые лежали высоко на сухом берегу. Он успел только убить еще нескольких, когда снова услышал рев воды, и на него понеслись огромные волны, так что он едва успел добраться до берега. Убитые рыбыны плавали на поверхности благодаря поплавкам, но их отнесло к противоположному берегу. Гивиок привез их назад на своем каяке, и женщины его долго благодарили. Некоторое время он жил с ними.

Со временем его стала мучить память о сыне, и он подумал: «Бедный мой сын! Как горько было слышать его плач, когда я уезжал! Когда-нибудь я должен поехать и повидать его».

И вот он отправился в путь и все плыл и плыл. Он снова встретился со всеми опасностями, которые подстерегали его, когда он покидал дом, но еще раз сумел счастливо миновать их. Наконец он добрался до противоположной стороны и услышал, как люди поют. Он поплыл на звук песни и присоединился к целой флотилии лодок, тащивших кита. На ките стоял мужественного вида юноша. Гивюк не узнал его; но это был его сын, который охотился на кита. Отец оставил его плачущим ребенком; теперь он видел перед собой великого охотника, стоявшего на спине кита.

259. Мыгкисялик, охотник на оленей

У Мыгкисялика был единственный сын, который помогал ему охотиться и добывать еду для всей семьи. Летом они всегда охотились вдвоем в одной и той же бухте; кроме них двоих, там никого не было. Когда Мыгкисялик состарился, он вынужден был оставить охоту; теперь уже только один сын кормил семью.

Однажды, когда они в очередной раз поселились в бухте, сын ушел охотиться, и старики остались одни. Они никого не ждали, но, выйдя наружу, неожиданно увидели большую лодку, входившую на парусе в бухту. Вокруг лодки шли несколько каяков. Мыгкисялик очень обрадовался, увидев это, и велел жене достать немного вяленого мяса, чтобы гости могли перекусить с дороги. Он радовался, думая, что у его сына отныне во время охоты будут товарищи. Среди приехавших было много мужчин, было и несколько стариков, очень разговорчивых.

Когда сын вернулся с гор, он тоже очень обрадовался, что у него появились товарищи. Он гостеприимно с ними обошелся и пригласил их всех поесть, как только еда сварилась. Они вежливо разговаривали друг с другом и сговорились назавтра идти вместе на охоту.

Наутро они отправились и скоро увидели стадо оленей, которое паслось внизу, в долине. Послав вперед загонщиков, охотники, чтобы залечь, стали делать маленькие углубления в земле с холмиками, насыпанными впереди. Приезжие предложили сыну Мыгкисялика стрелять последним, и тот согласился; но когда загонщики окружили оленей и погнали их к укрытиям, он вдруг подумал: «А вдруг они очень жадные и вообще не оставят мне оленей?»

Тем временем остальные прицелились и подстрелили всех оленей, которых можно было. Юноша помог им снимать шкуры; но когда охотники стали спускаться с холмов к домам, он шел немного сзади.

Вернувшись, приезжие тут же велели своим женам готовить еду и пригласили юношу и его родителей. Во время ужина один из людей сказал:

— Наверное, в этих местах очень много оленей, если даже сын Мыгкисялика ухитрялся их добывать.

Мыгкисялики молча выслушали это; но позже, когда они вернулись домой и сели все вместе, отец сказал:

— Мы ведь ничего не можем поделаться; придется оставить все как есть; их очень много.

На следующий день все повторилось: охотники обращались с сыном Мыгкисялика так же, как накануне, велев ему занять позицию как можно дальше от загонщиков. По дороге домой он снова держался немного сзади. Вскоре, правда, он их догнал, и, когда они вернулись, Мыгкисялики снова были приглашены на трапезу.

Тот мужчина, который накануне оскорблял сына Мыгкисялика, и на этот раз говорил с ним в таком же тоне; это совершенно вывело того из себя.

Но на следующий день они снова отправились вместе и пришли в большую долину, которая, казалось, вся была покрыта оленьими стадами.

Как и накануне, приезжие велели Мыгкисялику вырыть укрытие позади всех; тогда он пробормотал:

— Если так будет продолжаться, я никогда не сумею ничего добыть. Дай-ка я попробую вспугнуть оленей, чтобы они все убежали.

Когда стадо приблизилось, погоняемое загонщиками, он притворился, будто что-то делает. Его предупредили, чтобы он не шевелился, иначе животные его увидят, но он замер только на минуту, а потом опять стал шевелиться. Тем временем стадо подошло совсем близко, но вдруг вожак остановился, повернулся и бросился прочь во всю прыть, а за ним и все стадо. Увидев это, охотники последовали за ним; но постепенно они стали отставать, так что в конце долины только один продолжал преследование, но и он скоро устал, и, когда сын Мыгкисялика стал подниматься по склону, он был уже один. Вскоре он исчез по другую сторону холма, преследуя быстро бегущих оленей. Остальные медленно шли по его следу, но, когда они добрались до гребня холма, они увидели множество белобрюхих оленей, лежащих замертво в низине по другую сторону, а Мыгкисялик-охотник сидел внизу на камне, отдохнувший и свежий. Остальные подошли, раскрасневшись от усталости и злости, и никто не произнес ни слова. Все тут же принялись за работу и стали разделять оленей; но за то время, пока все успевали покончить с одним, Мыгкисялик разделявал двух. Упаковав свою ношу, он сказал:

— Вы можете взять, сколько хотите.

Тому человеку, который раньше потешался и смеялся над ним, эта речь совсем не понравилась, но он промолчал. По дороге

домой они разделились. Сын Мыгкисялика теперь вел себя как раньше и шел впереди всех. Так как он нес свой груз на спине и время от времени отдыхал, он пришел домой первым. Когда остальные вернулись с пустыми руками, все кастрюли Мыгкисяликов уже стояли на огне. Они пригласили соседей поесть с ними. Во время еды хозяин пытался завести беседу, но безуспешно: все молчали, и даже старик, отец приезжих, молчал. Поев, все ушли; остался только их отец, который теперь заговорил и, как бы между прочим, сказал:

— Нам нужно что-нибудь, из чего можно было бы сделать буравчик; можно мне взять вот этот сустав?

Мыгкисялик охотно отдал ему его, сказал:

— У нас их много.

Наутро Мыгкисялики проснулись от шума и, выглянув, увидели, что приезжие разбирают жилище и готовятся уезжать. Мыгкисялики опять остались одни, и их сыну снова пришлось ходить на охоту в одиночку.

Однажды, перетаскивая к жилищу добытых оленей, Мыгкисялик сказал родителям, что у него опухло колено. Опухоль росла, и в конце концов он умер, но перед смертью сказал им:

— Болезнь наслал на меня старик, отец тех приезжавших людей. Он заколдовал коленный сустав, который попросил у нас, а теперь сустав обернулся против меня и убил меня.

Бедные старики были безутешны. Была уже осень; озерца стали покрываться льдом, и пора было перебираться ближе к побережью, поэтому однажды утром они стали собираться, чтобы идти. Они поплакали над могилой сына, причитая и жалуясь, а потом двинулись вниз по устью реки, подгоняемые попутным восточным ветром. Добравшись до места зимней стоянки, Мыгкисялик преисполнился ненавистью и стал обдумывать месть. Чтобы отплатить обидчикам, он решил сделать тюпиляк, который убьет его врагов. Для этого он каждый день собирал кости разных животных и складывал в текущий рядом ручей, чтобы они побелели. Потом он смешал их с шерстью со шкур, которыми обтягивают лодки, а когда набрал достаточное их количество, он оживил их и пустил в ручей, текущий в океан. Глядя на свой тюпиляк, он увидел, что тот превращается в маленькую гагару; нырнув, он повернулся к своему хозяину, но тот сказал:

— Нет, я хочу тебя видеть не таким.

Тюпиляк тут же нырнул и превратился в серую кайру. Но хозяин снова сказал:

— Нет, это тоже не годится.

Тюпиляк превращался в самых разных птиц; но его хозяин всех отверг. Потом он стал поочередно превращаться в разных тюленей и дельфинов, но Мыгкисялику и они не понравились. Наконец, нырнув в очередной раз, тюпиляк превратился в небольшого кита, чье дыхание вырывалось из-под воды с громким шипением, и тогда его хозяин сказал:

— Это подойдет; теперь ты отомстишь за нас.

Тогда зверь спросил:

— Куда я должен отправиться?

И хозяин ответил:

— Туда, где охотятся те братья.

Услышав это, кит один раз глубоко вдохнул воздух и нырнул в море, а старик вернулся домой и стал ждать, что случится с семьей, живущей к северу от них.

Однажды вечером из-за северного мыса показался каяк, в котором он увидел одного своего бедного родственника — старика, некоторое время жившего там же, что и люди, которые приезжали тогда. По дороге с берега домой приезжий рассказал следующее:

— В наших местах несколько дней назад случилась беда: один из тех братьев не вернулся домой. Накануне он загарпунил небольшого кита и собирался теперь псехать его искать, но не вернулся.

Старик, сделавший тюпияк, притворился, что сочувствует, и сказал:

— Наверное, он вел себя неосторожно.

Но внутренне он возликовал, услышав это.

Когда гость уезжал, Мыгкисялик попросил его приезжать еще, но тот долго не возвращался, а когда приехал, то рассказал:

— Вчера еще с одним братом случилось то же самое.

Когда он собрался уезжать, Мыгкисялик стал приглашать его вернуться поскорее, говоря:

— Мы всегда рады тебя видеть; приезжай, как только сможешь.

Через некоторое время тот действительно приехал опять и сказал, что и последний брат пропал точно таким же образом; бедные родители, сказал он, вне себя от горя.

Когда Мыгкисялик услышал это, его гнев немного утих.

260. Как шаман летал в Акилинык¹

Жил однажды очень умный шаман. Когда он собирался шаманить, ему связывали руки и ноги, гасили светильники, и он взлетал. Если ветер был попутный, он летел через море, но не успевал до рассвета увидеть другой берег и принужден был возвращаться. Несколько раз пытался он пролететь еще немного, но дальше этого места никогда не мог залететь.

Тогда он решил сделать своего сына шаманом, надеясь, что мальчик, может быть, превзойдет его. Когда мальчик подрос, отец обучил его всем тонкостям шаманского искусства.

Однажды отец сказал мальчику, что не будет больше его учить. Сын очень расстроился и загрустил. Тогда отец спросил его:

— Разве осталось что-то в искусстве шамана, что мы пропустили и чего ты не постиг?

— Думаю, что осталось, — ответил сын.

Тогда отец стал вспоминать все, чему учил сына, шаг за шагом, и через некоторое время спросил:

— Ходил ли ты к могилам?

Сын ответил, что нет, и отец сказал:

— Хорошо, тогда я отведу тебя туда сегодня же вечером.

Сын очень обрадовался. В назначенный срок они отправились на кладбище, где отец открыл одну могилу, раскрыл одежду трупа сразу над поясницей и велел сыну погрузить руку прямо в плоть мертвого. Когда тот сделал это, отец отошел от него как ни в чем не бывало. Сын хотел последовать за ним, но отец сказал:

— Пока что ты ничего особенного не видишь, но подожди: с последним лучом солнца, если ты будешь смотреть на него не отрываясь, ты увидишь, как от него оторвется искра. Тогда берегись, беги отсюда как можно скорее.

Глядя на склоняющееся солнце, отец вдруг заметил, что что-то блестит в небе, и немедленно бросился бежать, а сын остался, прижав руки к трупу, не в силах двинуться с места. Вернулся он только к полуночи, радостный и улыбающийся, и отец его решил, что теперь он уже достаточно испытан и опытен в своем искусстве.

Вечером на следующий день он решил связать его в первый раз для первого полета. Когда все светильники были погашены, сын взлетел. Не имея никакой цели, он летал туда-сюда, но ничего особенного не заметил. Его отец стал спрашивать его о направлении воздушных течений, но он их даже не заметил.

На другой день он снова собрался летать и на этот раз заметил, что ветер был попутный. Он полетел через море и вскоре увидел, что летит по тому же пути, что и его отец. Наконец впереди показались огромные отвесные скалы: он достиг предела ночных полетов своего отца. Юноша продолжал лететь к ним и, преодолев их с некоторым трудом, увидел обширную землю. Держа на юг, он скоро долетел до небольшого домика и приземлился невдалеке. Это был дом с двумя окнами; заглянув внутрь, юноша увидел, что из каждого окна на него внимательно смотрит человек. Один из людей вышел и пригласил его внутрь. Когда они входили, в проходе им встретилась женщина, готовая последовать за ними; и человек, повернувшись к ней, сказал:

— Видишь, я привел чужестранца.

Войдя внутрь, юноша-шаман сел справа на боковую лежанку. Напротив себя он увидел косоглазого человека, чье дыхание было как огонь². У ног его лежали костяные сколки, которые он заготавливал. Рядом юноша увидел женщину, все тело которой было покрыто волосами. Когда косоглазый человек заметил, что на него смотрят, он спросил:

— Почему ты так пристально на меня глядишь?

— Нет, я просто смотрел на кости у твоих ног.

— Летом у меня нет времени их делать, вот почему я занят этим сейчас,— ответил тот.

Один из людей сказал:

— Может быть, наш гость пожелает показать нам свое искусство?

— Отчего же, я не прочь, хотя я всего второй раз шаманю.

Они все прошли в дом для праздников. Косоглазый человек, шедший все время за гостем по пятам, спросил юношу, какой страшный тугныгак служит ему, на что тот ответил:

— Если у меня получится, сейчас появится огромный айсберг.

Они вошли в темное помещение; среди прочих шаман заметил волосатую женщину, вид которой ему не понравился; ему показалось, что она может помешать ему. Когда он начал шаманить и почувствовал, что его тугныгак приближается, он сказал:

— Мне кажется, что-то приближается к нам.

Они выглянули и зашептали друг другу:

— Чудовищный айсберг подошел к берегу!

Шаман сказал:

— Пусть какой-нибудь юноша и девушка встанут посередине.

Когда те заняли свои места, раздался страшный грохот: айсберг ударился о берег, и с него посыпались льдины. Потом на середину вышли муж с женой, и снова снаружи раздался грохот. Так один за другим они все выходили вперед, и наконец настала очередь выходить той уродливой женщине. Когда она встала, она споткнулась об один из шестов и заступила за нужный камень, и в то же мгновение айсберг перевернулся и обрушился на берег, раздавив дом. Только шаман и человек с косящим глазом остались целы. Тогда шаман связал себя, взлетел и вернулся домой, окруженный тучей каркающих воронов.

Он был молчалив и мрачен, и, когда отец спросил его, в чем дело, он ответил:

— Я в таком горе потому, что я плохо шаманил. Я не должен был вызывать ту волосатую женщину: эта моя ошибка убила много счастливых и храбрых людей.

На следующий день в их доме появился косоглазый человек и сказал:

— Может быть, вы разрешите и мне показать мое искусство? Я ведь тоже шаман.

На это старый шаман ответил:

— Мой сын не раз рассказывал мне, как своей неловкостью погубил многих храбрых и сильных людей.

— Да, он, злодей, это сделал,— ответил человек.

Тут косоглазый, связанный по рукам и ногам, начал летать по дому, хотя свет все еще горел, и, едва они начали петь, он вылетел вон. Они, боясь, что он может быть им опасен, погасили все светильники, чтобы он не смог вернуться назад. Но, посмотрев

в окно, они увидели, что он направился в сторону своего собственного дома, и скоро зажгли светильники, решив, что почью он уже не вернется.

261. Воскресший юноша

Жили муж и жена, у которых был единственный сын; они жили вместе с пожилой бездетной парой. Однажды, когда они находились все вместе на рыбной ловле, сын молодых родителей погиб. Вне себя от горя, они оставили это место до истечения пяти траурных дней, бросив стариков одних. Не зная, как им прокормиться, старик сказал жене:

— Идем к могиле.

Придя, он сказал:

— Поскольку ты женщина, то ты и должна открыть могилу.

Но она ответила ему, что, поскольку он мужчина, это его дело. В конце концов она сняла верхний камень, после чего мужчина стал вскрывать могилу. Когда они вытащили тело, они стали петь над ним, и скоро оно задвигалось, встало и побежало прямо на старика.

— Стой спокойно, — сказала женщина мужу; но того сбило с ног, а потом и она упала; последним упал и юноша.

Поднявшись, старик подошел к нему и сказал:

— Пойдем, родной, будем жить с нами.

Воскресший юноша пошел за ними, взял каяк и с этих пор стал добывать для них пищу.

Однажды его настоящий отец приехал проведать стариков; он ожидал найти их умирающими от голода. Повернув за мыс и увидев на прибрежных камнях кровь, он подумал: «Наверное, они вытащили труп из могилы»; но, подойдя поближе, он заметил следы разделки нерп и спросил:

— Кто это их вам поймал?

Они ответили:

— Твой собственный сын, которого мы воскресили.

Отец тут же захотел убить их, не веря в то, что они сказали; он решил, что над ним смеются. Тогда старик сказал:

— Подожди немного, и, если твой сын не вернется, у тебя будет достаточно времени нас убить!

Не успел он договорить, как из-за мыса на каяке показался его сын. Оба старика закричали:

— Не трогай его, подожди! — но отец не мог остановиться, и сын замертво упал прямо на берегу.

Старики снова стали петь над ним заклинания и скоро воскресили его. Юноша опять зашевелился, встал, бросился на своего отца и сбил его с ног; потом бросился на свою приемную мать, но затем остановился.

Его отец пожелал отвезти его домой, к его настоящей матери, но сын ответил ему:

— Нет, нет! Вы бросили меня до истечения пяти дней траура, поэтому я останусь с теми, кто оживил меня. — И его отцу осталось только уплыть прочь на своем каяке.

Однажды юноша вернулся на каяке в странной задумчивости, и отец спросил его:

— Почему ты молчишь, родной?

Сын ответил, что он взял в жены женщину-инныгсюак. Старики огорчились, что он уедет от них, и спросили, нельзя ли им поехать вместе; и однажды, встретив инныгсюака, он спросил его об этом. Тот ответил, что они могут приехать к ним, но велел ему предупредить стариков, чтобы те не оборачивались, когда подплывут к скале, закрывающей вход в страну инныгсюаков, иначе вход закроется перед ними. Он так им и передал и велел всю дорогу не сводить глаз с носа каяка. Они быстро нагрузили лодку и приготовились ехать. Когда они достигли скалы и начали грести прямо на нее, она раскрылась; внутри лежала прекрасная страна, много домов, галечный берег с большими грудями мяса и мантака. От радости старики забыли про запрещение и обернулись, и тут же все исчезло: нос лодки ударился прямо об отвесную скалу и расплющился, так что они все попадали. Сын сказал:

— Теперь мы должны будем расстаться навсегда; постройте свой дом неподалеку; инныгсюаки о вас наверняка позаботятся.

Старики так и сделали и с тех пор каждый день получали пищу от инныгсюаков.

262. Колдовство Куланха

Куланх был подносчиком рыболовной снасти и всякого снаряжения для охотников. Своего каяка у него не было, он только бродил по тундре. У него был единственный друг. Однажды он увидел, как его друг вскрывает свежую могилу и отрезает от мертвого кусочек. Он отрезал кусочек плоти и пузырь. Куланх тихонько подошел и, понаблюдав, спросил того, зачем ему это нужно. Обернувшись, друг объяснил:

— Я хочу немного поколдовать.

Но оттого, что его поймали за этим занятием, друг застыдил и сказал, что хочет передать все это Куланху; он сказал, что тот может с выгодой для себя использовать это в любое время, когда пожелает навредить какому-нибудь удачливому охотнику. Он сказал ему:

— Ты должен будешь высушить этот кусочек мертвой плоти и положить его под наконечник гарпуна охотника; так ты в ту же секунду лишишь удачи любого, самого опытного охотника. Пузырь ты тоже должен высушить, и если у тебя появится враг, то надуй пузырь и выпусти этот воздух на него, пока тот спит.

Куланх принял эти подарки, и, закрыв могилу, они разошлись. Куланх отложил пока эти предметы, намереваясь при первой возможности испытать их.

В начале зимы одному из его домашних стало особенно везти на охоте, и он разбогател. Тогда Куланх решил попробовать, сможет ли он остановить это везение. Он положил кусочек плоти под наконечник гарпуна, пока хозяин спал, и тихонько прокрался на свое место. Когда вечером охотники вернулись, оказалось, что только тот, под чьим гарпуном лежал этот кусочек, ничего не добыл. Так продолжалось изо дня в день, пока наконец Куланх не убрал кусочек и не вытер тщательно наконечник. Едва он это сделал, как в тот же день охотник вернулся, таща за собой нерпу, как и все остальные. С этих пор ему опять стало везти.

Решив, что достаточно испытал колдовскую силу мертвечины, Куланх стал теперь ждать, пока кто-нибудь на него рассердится, чтобы попробовать действие пузыря. Случилось так, что его невестка рассердилась на него и в гневе обозвала его «этот мерзкий Куланх». Назавтра подул сильный южный ветер, и Куланх вышел, чтобы наполнить пузырь воздухом. Когда девушка заснула, он подкрался к ней и выпустил воздух на нее. На рассвете она проснулась с болью в боку, и к полудню ее всю скрючило от боли. Ее муж немедленно поплыл в соседний поселок за шаманом. Привезенный шаман, попев немного в затемненном помещении, узнал все и сказал, что порча была напущена Куланхом; тот немедленно признался во всем и сказал:

— Да, я это сделал; вот то, что дал мне мой друг.

Когда окружающие услышали все, они утопили колдовские предметы в самом глубоком месте, а злого друга Куланха убили.

263. Солнце и луна

В прежние дни, говорят, у людей была игра тушения ламп. Играли при потушенных лампах. И всякий раз, занимаясь любовью с женщинами, мужчины мазали их сажей. Так люди обычно играли в тушение ламп¹.

Наконец, говорят, один из них когда-то сошелся со своей младшей сестрой и отметил ее сажей. Она смутилась, и оба они взяли факелы и вышли. Они начали преследовать друг друга, бегая по кругу² и светя своими факелами. Так они бегали и бегали по кругу, продолжая преследовать друг друга.

После того как они долгое время гонялись друг за другом таким образом, брат упал там, откуда были вырезаны снежные кирпичи для домов. Его факел почти погас, осталась только тлеющая головня. Но и с тлеющим факелом он продолжал преследовать сестру и превратился в луну, потому что факел у него погас. А они все гонялись и гонялись друг за другом.

Наконец, говорят, они начали подниматься вверх. Его младшая сестра превратилась в солнце, так как была горячей и горела ярко. А брат стал холодной луной, так как его факел погас, когда он упал там, откуда были вынуты кирпичи. Его младшая сестра, сияющая теплым и ярким светом, стала солнцем. Так они поднялись вверх.

264. Духи грома

Девочка и ее маленький брат, живущие с матерью и отчимом, всегда играли около яранги. В конце концов у их отчима голова закружилась от их крика и шума, и однажды он крикнул им:

— Убирайтесь прочь и там играйте! — потому что очень хотел спать.

Играя, дети отправились в путь и взяли с собой маленький кусочек кремня и клочок белой шкуры¹, которые служили им игрушками. И они ушли очень далеко.

Младший брат был так мал, что его еще кормили грудью. Когда они проголодались, старшая сестра отправилась в тундру поохотиться на куропаток, и там она поймала много куропаток. Всякий раз она возвращалась к своему маленькому братцу, которому хотелось домой.

— Давай вернемся домой, — говорил он.

Но она только отвечала:

— Разве ты забыл, что сказал твой отец?

Так она говорила ему каждый раз. Каждый раз, как она уходила на некоторое время, чтобы поймать куропатку, он начинал отчаянно тосковать по дому:

— Пожалуйста, вернемся домой, а?

Но она продолжала отвечать:

— Разве ты забыл, что сказал твой отец? — потому что сама она не испытывала ни малейшего желания возвращаться домой.

Один раз, когда он опять попросил: «Вернемся домой, а?», она сказала ему:

Когда я убивала камнем куропатку, айа-йя,
То сама я не ела мясо желудка, айа-йя.
Иди домой один!

Так она говорила, что он может идти домой один, и продолжала повторять это всякий раз, когда мальчик просился домой. Говорят, она ни разу не съела грудку птицы, но давала ее своему маленькому брату, а сама довольствовалась тем, что оставалось от спинки. Когда она ловила куропатку, убивая ее камнем, она обычно давала ему поесть, чтобы время шло быстрее. Но каждый раз, как она приходила к нему после охоты на куропаток, его тоска по дому опять возвращалась:

— Пойдем домой, а?

— Иди домой один. Разве ты забыл, что говорил твой отец? — отвечала девочка.

Это повторялось снова и снова, и она пела:

Когда я убивала камнем куропатку, айа-йя,
То сама не ела мясо желудка, айа-йя.

Иди домой один!

приказывая ему таким образом идти домой.

И вот говорят, что, когда старшая сестра ушла ловить куропаток, он в конце концов начал громко петь:

Если бы стать ² тюленем,
если бы стать тюленем;
если бы стать моржом,
если бы стать моржом;
если бы стать белым китом,
если бы стать белым китом!

Но он не мог превратиться ни в какое из этих животных. Сестра возвращалась к нему, и все оставалось по-прежнему. Она покидала его, только чтобы пойти поохотиться с камнями на куропаток. Но теперь каждый раз, когда он ждал ее возвращения, он громко пел:

Если бы стать медведем,
если бы стать медведем;
если бы стать оленем,
если бы стать оленем;
если бы стать мускусным быком,
если бы стать мускусным быком!

Но, хотя он перечислял всех животных, он так и не мог превратиться ни в одно из них. Когда он так пел, сестра всегда возвращалась к нему.

Маленький брат все время хотел вернуться домой, но они остались в тундре, и каждый раз, как она подходила к нему, он повторял:

— Пойдем домой, а? Пойдем.

Но она отвечала, как всегда:

— Ты уже забыл, что сказал твой отец? Иди домой один.

И каждый раз, как он хотел домой, она говорила ему:

Когда бы я ни убивала куропаток камнем, айа-йя,
я не ела их желудок, айа-йя.

Иди домой один!

Потом она опять покидала его, и, когда ее не было, он опять начинал петь то же самое:

Если бы стать зайцем,
если бы стать зайцем;
если бы стать лисицей,
если бы стать лисицей;
если бы стать лахтаком,
если бы стать лахтаком!

Так он перечислял всех животных, потому что хотел превратиться в кого-нибудь из них. Всех их он называл по именам, пока сестра была в тундре на охоте. Каждый раз, как она возвращалась, она шла к своему маленькому брату. Она каждый раз давала ему что-нибудь поесть, а сама ела только то, что оставалось от спинки птиц.

Наконец один раз, когда она опять ушла далеко в тундру, он начал петь и перечислять всех животных. Но, хотя ему очень хотелось превратиться в них, он был не в состоянии это сделать, и наконец он запел:

Стать бы могущественным громом,
стать бы могущественным громом,
стать бы могущественным громом!

Только он успел пропеть это, как сестрица снова вернулась к нему. Они поели, и она опять ушла в тундру. Маленький брат не мог больше терпеть. Он не мог ни во что превратиться и опять запел изо всех сил:

Стать бы могущественным громом,
стать бы могущественным громом!

Сестра на сей раз должно не возвращалась. Они жили на том же месте, и сестра продолжала оставлять брата, уходя на охоту.

Он продолжал петь и наконец однажды, когда сестра вернулась, запел при ней:

Если бы стать громом,
если бы стать громом,
если бы стать громом!

Наконец-то они превратились в гром. Они подложили кусочек белой шкуры под себя и громко запели, и младший брат пел изо всех сил:

Если бы стать громом,
если бы стать громом!

И они стали мочиться и высекать огонь. Скоро они начали подниматься вверх и говорили:

Мочись на нее, мочись на нее,
если бы стать громом,
если бы стать громом,
мочись на нее, мочись на нее!

Тут пошел дождь и засверкала молния, потому что они превратились в гром. Они кричали и высекали огонь и всё поднимались вверх. Скоро они совсем скрылись из глаз. Они продолжали творить дождь и молнию. Высекая огонь над клочком белой шкуры, брат говорил:

— Мочись на нее, мочись на нее, мочись на нее! — И тогда они высекали очень яркий огонь.

Наконец их родители начали шаманить, чтобы вернуть детей домой. Они шаманили очень долго. Их мать, говорят, сидела в дальнем углу лежанки и кричала:

— Смотрите, вот грудь, которую ты можешь сосать! — и показывала грудь: ведь брат был еще грудной. Так они шаманили. Скоро начался дождь, засверкала молния и полило ручьями. Люди стали бояться.

— Вот кормящая вас грудь! Вот кормящая вас грудь!

Тут засветились и загорелись выступающие части нарты, и послышался голос:

— Мочись на нее, мочись на нее, мочись на нее!

Слышно было, как они приближаются, и люди, теперь совсем напуганные, стали просить их остановиться.

— Все, хватит! — сказал один, когда они не смогли поймать их. Люди были вынуждены их отпустить, потому что не могли с ними справиться, и оставили все попытки поймать их, так как они превратились в гром.

265. Пляды

Рассказывают, что муж и жена однажды подрались, и, когда муж ее побил, жена ушла в горы¹. Там она долго бродила, пока не наткнулась на широкий вход в дом. В сенях была подвешена шкура медведя, и медведь почувал уже запах женщины.

— Войди, она тебя не тронет, — услышала она голос из дома.

Она прошла мимо медвежьей шкуры, но заметила, что ноздри ее шевелятся, принюхиваясь. Потом она вошла. Там жил со своими детьми медведь в человеческом облике, и это его шкуру она видела в сенях.

Медведь сказал ей:

— Побудь с моими детьми, а я буду приносить тебе пищу.

Он ушел и через некоторое время вернулся с большим тюленем в зубах. Он ободрал его, разделал и дал всем есть большие куски с ворванью. Женщина не привыкла есть ворвань, и она ее срезала. Увидев это, медвежата сказали матери:

— Тетя², положи сверху ворвань!

Но мать ответила:

— Ешьте как есть, мы должны поступать как люди!

Из желчного пузыря медведь сделал лампу. Женщина осталась жить с ними.

Но через некоторое время ей захотелось уйти, и медведь сказал ей:

— Только ничего не говори о нас. Мне было бы очень жаль моих детей, они ведь еще совсем маленькие.

Она согласилась:

— Я никому ничего не скажу.

Она вышла и отправилась домой. Она очень спешила и скоро прибыла к своей семье.

Тут сна легла немного поспать, но, ложась, сказала мужу:

— Дай пощипу у тебя в голове, — притворившись, что ей этого хочется. Нагнувшись низко над ним, она прошептала ему прямо в ухо:

— Недалеко отсюда есть медведи. Я сама видела их.

Муж очень оживился:

— Медведь, говоришь, неподалеку?!

Он поспешно снарядился и отправился в путь. Бедная женщина спросила:

— Куда бы мне спрятаться?

— Под лежанку в боковом пологе.

Так она и сделала, а он ушел.

Но только он отправился, говорят, пришел большой медведь. Он вошел прямо в дом и спросил какого-то человека:

— Где эта несчастная?

Человек, не говоря ни слова, только указал ему место, где она спряталась. Медведь вытащил ее из-под лежанки. Он вцепился в меховой кашушон женщины и поволок ее за волосы. Вытащив ее на улицу, он оторвал ей голову и выбросил тело в мусорную кучу. Голову он некатил перед собой. Пока он так играл ее головой как мячом, его начали преследовать собаки. Он никак не мог отвязаться от них и начал, продолжая играть головой женщины как мячом, подниматься вверх к небу. Однако собаки продолжали гнать его и в воздухе. Все они поднялись в небо и превратились в килуктуссыт, созвездие Плеяды.

В это время вернулись нарты. Охотники нашли только двух медвежат, которых их собственная мать убила ударами в затылок. Это была вся охотничья добыча. Так медведь убил бедную женщину.

266. Две звезды

Один мальчик — сирота, у которого была только бабушка, часто ходил в гости к одной старушке. И каждый раз, как он приходил, она говорила ему:

— Пойди погрызи заднюю полу у своей матери!

Она говорила так потому, что эта одежда была из тюленьей шкуры. Наконец мальчик рассказал об этом своей бабушке, и та посоветовала ему спросить так: «А ты убила свою невестку, замуравав ее в расщелине далеко в тундре?»

Когда мальчик в очередной раз пришел к старушке, она опять сказала ему:

— Пойди погрызи заднюю полу у своей матери!

Но он, когда уже собирался домой, сказал:

— А ты убила свою невестку, замуравав ее в расщелине далеко в тундре?

Старушка та пришла в ярость и бросилась следом за мальчиком с палкой. Она голялась за ним, бегая вокруг дома, и наконец они от быстрого бега поднялись на небо и превратились в звезды. Ты можешь увидеть их в небе — одна большая, другая маленькая.

267. Ныггивик — хозяйка моря

Говорят, что птица глупыш когда-то женился на женщине и увез ее на маленький остров. Там она ждала его возвращения с охоты. Говорят, что он ловил только кольчатых тюленей. Стены их жилища были из шкур маленьких тюленей, и в ожидании мужа женщине постоянно приходилось скрести шкуры для стен. Так она была женой глупыша и жила вместе с его родителями.

Глупыш всегда надевал очки, возвращаясь к жене, так как глаза у него были безобразные. Но однажды он пришел к ней без очков и сказал:

— Видишь мои глаза?

Увидев его безобразные глаза, женщина разразилась слезами. Она все время плакала и переставала, только когда он уходил на охоту.

Как-то раз, когда глупыш долго был на охоте, за женщиной приехали ее отец и родственники. На маленьком умиаке они поспешно отплыли вместе с ней к берегу.

Вернувшись домой и не найдя жены, глупыш огляделся, заметил лодку и тут же отправился в погоню. По своему обыкновению он стремительно полетел над поверхностью моря, быстро догнал их и начал носиться мимо умиака, почти касаясь его крыльями, так что тот каждый раз едва не опрокидывался. Все испугались, и отец приказал:

— Выбросьте мою дочь за борт!

Ее схватили и бросили в море, но она ухватилась за верхний край борта, и умиак опять чуть не перевернулся. Тогда отец ударил ее большим веслом по пальцам, отрывая их от борта. Она еще раз сумела ухватиться за борт, и отец снова ударил веслом по пальцам и оторвал их. Они поплыли, но она ухватилась в третий раз, и в третий раз отец ударил ее веслом и напроць оторвал ей руки. Теперь она не могла им помешать — ведь у нее не было рук, и они быстро уплыли.

Когда они пристали к берегу, отец лег спать на берегу, так как дочь его умерла в море. Во время прилива вода поглотила его, и так оба они нашли себе пристанище в море. Море стало его жилищем. Пальцы дочери превратились в промысловых животных — тюленей и лахтаков, и она же могла теперь завязать свои волосы и убрать в доме. Отец ее, говорят, лежал всегда на лежанке под шкурой, так как он заснул на взморье.

Каждый раз, когда промысловые звери грозят исчезнуть, ангакок начинает шаманить и спускается к нему, чтобы завязать волосы его дочери и убрать в доме, — тогда звери снова появляются. Когда кто-нибудь входит в ее дом и она хочет выгнать промысловых зверей, она говорит отцу:

— Эти надутые!

Когда она так говорит, он приоткрывает шкуру, в которой спит. Если пришедшие — обычные люди, которые попытались самостоятельно шаманить, но, несмотря на это, никогда не станут старыми, они заползают под шкуру. Там ее отец щекочет их, они хохочут. Потом выпускает их, но они от этого делаются безобразными. Но великие шаманы, те, которые будут старыми, завязывают, приходя, ее волосы и чистят дом, прося ее послать новых промысловых животных.

268. Блуждающая душа

Один человек поймал у отдушины тюленя. Вернувшись домой, он начал колдовать своим рукавом¹ и таким образом послал душу в свою жену, сделав ее беременной блуждающей душой. А до этого у нее не было детей. Говорят, каждый раз, когда эту душу убивали, она превращалась в ворона или иногда в тюленя. Если ее пытались загарпунить, она начинала дуть (дышать) через мизинец, и тогда в нее невозможно было попасть. Каждый раз, когда блуждающую душу ловили, она превращалась во что-нибудь иное. Однажды она превратилась в собаку. Когда ее относили в мясной склад, она обычно лежала там, стремясь превратиться во что-нибудь еще.

Она часто рождалась и человеком. И каждый раз, когда она становилась душой (т. е. умирала), она во что-нибудь превращалась.

Однажды она стала моржом и не знала, как нырять. Она спросила у своих товарищей:

— Как же вы ныряете?

— Мы просто отталкиваемся от неба, так и ныряем.

Когда люди поймали ее, она стала медведем. Люди заметили медведя и начали преследовать его. Он бежал от них, и ветер дул ему в спину, но собаки догнали его и вцепились в него. Ему казалось, что его щекотали, когда собаки рвали его шкуру. Так, говорят, в образе медведя была поймана блуждающая душа.

269. Штормовая погода

В старые времена погода всегда была хорошей. Но однажды один старик сказал:

— Скоро погода будет штормовой. Не позавидуешь тем, кто идет за тобой!

Пока погода была всегда тихая, людей стало очень много. А когда последующие поколения познакомились с частыми ветрами, люди стали гибнуть, и их стало меньше, потому что часто штормило.

270. Девушка, которая была превращена в камень, а ее сумка — в маленьких гагарок

Одна девушка не хотела выходить замуж. Однажды некий человек пришел за ней и сказал:

— Каутсуналук, говорят, хотел бы взять тебя в жены.

Но она не согласилась. Во второй раз он сказал:

— Приготовься, Каутсуналук идет за тобой.

— Не пойду, говорю!

— Не пойдет, говорит!

— Ну, раз так, пусть остается одна и пусть превратится в камень!

— Ладно!

И все они оттолкнулись от берега и отплыли, а она побежала за ними по берегу, крича:

Идите сюда! Идите сюда!

У меня пальцы на ногах каменеют!

Идите сюда! Идите сюда!

Так она бежала за ними. Она чувствовала, что ее подошвы уже окаменели и стали громко стучать. Наконец она споткнулась и упала. Ее маленькая швейная сумка покатила по земле, а она запела:

Ти-ти-ти-ти-тик, ти-ти...

Сумка со всем содержимым превратилась в маленьких гагарок. Сама же девушка превратилась в камень. Тут я должен остановиться, потому что дальше я не знаю.

271. Обжора Нагая

Рассказывают, что у Нагаи был огромный живот. Он был так толст, что вынужден был обвязываться ремнем вокруг талии, когда собирался на охоту. Когда он добывал оленя, он брал его себе целиком, но одного оленя ему было мало, и он ловил еще. Поймав оленя, он рыл обычно в гальке для своего живота яму. Потом рассказывал товарищам басни про самого себя и похвалялся, что он «великий Нагая».

Из-за своего огромного брюха он всегда вынужден был обвязываться ремнем. Он выкапывал яму в гальке, чтобы живот поместился. Когда он был сыт, он спал точно так же. Это был великий охотник, и ему никогда не хватало одного оленя на обед.

272. Приемный сын — норвежец

Однажды пришли норвежцы, они сеяли вокруг себя ужас. Эскимосы были так напуганы, что один из предков по имени Тавйуна решил подвесить их друг около друга на крутом склоне горы. Когда он подвесил их так и стал колоть копьём, они бежали и в спешке даже забыли своего ребенка. Тавйуна усыновил норвежского ребенка, и каждый раз, когда небо становилось красным, ребенок говорил:

— А я уж думал, что молока и оленьего жира больше не будет!

Жена Тавйуна забеременела и родила ребенка, который так понравился норвежскому приемышу, что он все время стоял и смотрел на него. Наконец его приемная мать сказала:

— Пожалуй, я дам ему подержать ребенка.

Она боялась, что он убьет его, но наконец все же дала. Но приемыш взял его и стал ласкать:

— Мой маленький, мой маленький!

Потом он положил его и вышел на улицу. Там он увидел во-рона, направил на него свой четвертый палец и убил его. Свою добычу он принес маленькому братцу поиграть. Так Тавйуна усыновил ребенка, забытого норвежцами, после того как он поранил их копьём и изгнал.

273. Агпалегсуагсюк, который спрятал свой бубен, когда умер его друг

Один старик и его жена, говорят, были засыпаны снегом. Они были женаты вторично: он отдал свою первую жену другому мужчине, а взамен получил его жену¹. Так как он был стар, то дети появились только у другой пары, и их было много. Мужчину звали Агпалегсуагсюк, и он очень любил петь под бубен. Когда же он услышал, что вторая пара засыпана снегом и погибла, он засунул свой бубен под лежанку и отказался от своих песен. Его жена спешила освежевать тюленя, пока ее «обменный муж» держал младенца. К первому ее мужу (замерзшему) ей уже не суждено было вернуться.

274. Женщина-ангакок на утесе гагарок

Как часто случалось в былые времена, была женщина, которая вела себя подобно мужчине. Она была великим ангакоком и, хотя она была женщиной, могла ходить по крутым утесам. Так она ловила гагарок на горных склонах, таких крутых, что

мужчины не могли туда взобраться. Она была замужем и всегo мужа также научила, что ходить по крутым утесам надо, повторяя: «Я только приду!» Так рассказывают о ней, одной из великих прародительниц.

275. Медведь вырвал внутренности ангакока, но был убит им

Так рассказывают предки. Трое мужчин, один из которых был ангакок, отправились на медвежью охоту. Наконец они увидели медведя, и ангакок направился к нему, чтобы проткнуть его гарпуном. Но в это мгновение медведь бросился на него и свалил, как маленькую гагарку. Его внутренности вывалились, и товарищи уже думали, что он мертв. Но когда медведь оставил ангакока, тот поднялся и пошел к сзням, придерживая внутренности руками. В следующий момент он убил медведя. Так он оживил себя сразу после того, как медведь его задрал, потому что он был ангакоком.

276. Ангакок падает

Когда-то двое предков отправились охотиться на гагарок. Но когда они начали охоту, один из них, который был ангакоком, упал с утеса и убился. Но так как он умер только на время, он снова поднялся на гору вслед за своим товарищем. Тот, увидев это, сказал:

— А я уже думал, что ты погиб.

Но ангакок ответил:

— Нет, я несколько не пострадал!

После этого они вернулись домой. Так рассказывают.

277. Сумасшедший заперт в ледяной пещере

Один из предков, как говорят, сошел с ума. Вскоре после этого на него разозлился его товарищ, так как он подозревал, что тот сошелся с его женой. Поскольку ему нельзя было вернуть разум, он отвел его в пещеру под ледником и закрыл там. Однако сумасшедший все-таки выбрался и вернулся домой. Тогда он еще раз отвел его туда и отобрал у него всю одежду, порвав ее на куски, так что тот непременно должен был замерзнуть. Так он убил своего товарища, который когда-то спас ему жизнь, когда они голодали. Убил, потому что заподозрил его в связи со своей женой.

278. Касяхсяк, великий лжец

Касяхсяк, живший в поселке, где было много опытных охотников, всегда возвращался вечером домой, ничего не поймав. Когда он уходил на охоту, его жена Килягюак чувствовала себя очень беспокойно, все время выбегала и смотрела, не едет ли он, не везет ли что-нибудь, но он обычно возвращался с пустыми руками.

Однажды, охотясь на своем каяке, он заметил на льду черное пятно и, когда подплыл, увидел, что это нерпа. Он хотел было загарпунить ее, но потом раздумал и сказал:

— Бедняжка! Ее просто жалко. Наверное, ее уж кто-то до меня ранил; наверное, когда я подойду, она скользнет в воду, и тогда я ее, раненную, возьму просто руками.

Сказав так, он крикнул; нерпа, не заставляя себя уговаривать, нырнула в воду. Она появилась прямо перед носом каяка, но он закричал еще громче, и нерпа стала нырять, плывя прямо перед ним. Когда он наконец решил ее загарпунить, она была уже далеко, и ему не удалось ее догнать. Скоро она и вовсе пропала из виду. Тогда Касяхсяк отправился домой, рассуждая так:

— Вот глупая! Не так-то просто до тебя добраться. Но ничего, в следующий раз я тебя поймаю!

В другой раз он отправился в море в хорошую, солнечную погоду. Посмотрев в сторону берега, он заметил других охотников на каяках и увидел, что один из них только что загарпунил нерпу и что все остальные спешат ему на помощь. Но сам Касяхсяк не двинулся с места, оставаясь там, где он был. Он заметил также, что тот, кто убил нерпу, отбуксировал ее к берегу и привязал к камню, собираясь плыть вдогонку за остальными. Касяхсяк тут же направился в открытое море, но, когда его уже не было видно, он вернулся к берегу кружным путем, подплыл прямо к привязанной нерпе и утащил ее. Буксирный ремень был весь разукрашен моржовыми зубами, и он очень радовался, что вернется домой с такой добычей.

Тем временем его жена ходила вокруг дома в ожидании его, наблюдая за возвращающимися охотниками. Наконец она закричала:

— Каяк плывет!

На крик выбежали люди; прикрыв рукой глаза от солнца, она продолжала:

— Похоже, что это Касяхсяк, и руками он двигает так, как будто что-то тащит за собой. Надеюсь, что теперь моя очередь поделиться с вами и вы все получите по большому куску жира!

Едва Касяхсяк высадился на берег, жена спросила его:

— Откуда у тебя такой красивый буксирный ремень?

— Утром, отправляясь на охоту, я подумал, что он может пригодиться, потому что я обязательно должен что-нибудь пой-

мать. Вот я и взял его с собой; он у меня уже давно припасен, — ответил он.

— Вот как? — сказала она и тут же принялась разделявать нерпу. Отложив голову, спину и шкуру в сторону, она решила из остального устроить роскошный пир. Другие охотники благополучно возвратились; она не преминула сообщить каждому в отдельности, что одну нерпу уже привезли; вернувшимся с берега женщинам она тоже это повторила. Но когда все сидели за ужином, вошел мальчик и сказал:

— Меня прислали взять буксирный ремень; нерпа пусть, так и быть, будет ваша.

Повернувшись к Касяхсяку, его жена спросила:

— Ты что же, сказал мне неправду?

— Как видишь, — ответил тот, и жена его воскликнула:

— Стыдно тебе должно быть, Касяхсяк, что ты так поступаешь!

Но Касяхсяк лишь сморщился и сказал «А!», чем очень ее напугал; а когда они легли спать, он щипал ее и посвистывал, покуда не заснул.

В другой раз, гребя на своем каяке, Касяхсяк заметил черную точку на льдине. Оглянувшись через плечо на других охотников, он притворился, что быстро гребет к нерпе, подняв гарпун и приготовившись пронзить ее. Потом, спрятавшись за торчащей глыбой льда, он влез на льдину и с плеском скатил в море камень, подняв тучу брызг. Забравшись снова в каяк, он громко закричал, призывая остальных на помощь. Когда те подплыли, они увидели, что у него нет поплавков; он сказал:

— Только что морж нырнул с моими поплавками; помогите мне найти его, а я пока вернусь на берег и скажу, что я загарпунил моржа.

Он поспешил к берегу, и его жена, сторожившая там, закричала:

— Охотник!

Он крикнул, что удачно поохотился, и она сказала:

— По-моему, это Касяхсяк; слышите, как он кричит?

Подойдя к берегу, он сказал:

— Я потерял пузыри, преследуя моржа; я вернулся, только чтобы сказать вам об этом.

Жена бросилась в дом, но в спешке сломала рукоятку своего ножа. Ничуть не огорчившись, она сказала:

— Теперь у меня будет новая рукоятка из моржового клыка и новый крючок для котла.

Вечером Касяхсяк сел в самом дальнем углу, так что видны были только его подошвы. Остальные охотники долго не возвращались; последний, вернувшись, принес гарпунный ремень и пузыри и, обратившись к Касяхсяку, сказал:

— Это, кажется, твой; они, наверное, были обвязаны вокруг камня и соскользнули; возьми.

Его жена воскликнула:

— Ты что, опять нас обманул?

— Конечно,— ответил он,— я только хотел пошутить.

В другой раз, когда Касяхсяк охотился у берега, он заметил на песчаном берегу отдельные кусочки льда; подплыв к ним, он вылез на берег. Две женщины, собиравшие неподалеку ягоды, все время за ним наблюдали. Они увидели, как он набил свой каяк осколками льда; кончив, он вошел в воду по самую шею, потом вышел на берег и стал колотить по своему каяку камнями. Потом, набив осколками льда свою кухлянку, он повернул домой. Недоезжая немного, он стал громко кричать и причитать:

— О я несчастный! Огромнейший айсберг треснул рядом со мной и обрушился прямо на меня!

Его жена, повторяя его восклицания, сказала, что пойдет принесет ему сухую одежду. Касяхсяка вытащили на берег, и из его одежды посыпались огромные куски льда; а он продолжал жаловаться и стонать, как будто от боли:

— О, я едва остался жив!

Его жена повторяла рассказ о его беде каждому возвращающемуся охотнику. Но скоро те две женщины, которые видели его, тоже вернулись и воскликнули:

— Это же он — тот, кого мы видели внизу, на песке, набивающего одежду льдом!

Услышав это, его жена закричала:

— Не может быть! Неужели Касяхсяк опять обманул меня?!

Вскоре Касяхсяк отправился в гости к своему тестю. Войдя в дом, он воскликнул:

— Что это с вами? Почему не горят ваши жирники, почему вы варите собачий жир?

— Увы! — ответил хозяин, показывая на своего маленького сына,— он был голоден, бедняжка, и мы убили собаку, потому что у нас нечего больше есть.

На это Касяхсяк хвастливо ответил:

— Вчера дома у нас было очень много работы. Я и одна из женщин едва успевали перетаскивать горы нерп и моржей, которых я добыл. Обе мои мясные ямы набиты до отказа; у меня до сих пор болят руки от работы.

— Кто бы мог подумать,— обрадовался тесть,— что бедный сиротка Касяхсяк станет таким богатым человеком!

Сказав так, он заплакал от избытка чувств; Касяхсяк тоже притворился, что плачет. Уезжая от них на следующий день, он предложил, чтобы маленький сын его тестя поехал с ним и привез продуктов. Его тесть сказал сыну:

— Слышишь, что говорит Касяхсяк? Поезжай.

Приехав домой, Касяхсяк взял веревку и, внеся ее в дом, стал делать силки; потом, взяв несколько кусочков пережаренного жира из светильника своей жены, он разбросал их как при-

манку для воронов. Неожиданно, резко дернув за веревку, крикнул:

— Два! Увы, один улетел! — потом выбежал и вернулся с вороном, которого его жена ошипала и сварила. Но ее маленький брат вынужден был искать пропитания у других людей; а когда на следующий день он собрался уезжать, он получил все подарки от них, а не от Касяхсяка.

В другой раз он отправился на каяке в гости к людям, жившим неподалеку. Войдя в один дом, он увидел, что люди там скорбят по умершему. Расспросив людей, он узнал, что они потеряли маленькую дочь, которую звали Ныписануак. Тогда он поспешно сказал:

— У нас дома только что родилась девочка, и мы назвали ее Ныписануак.

— О, благодарим тебя, что ты назвал ее этим именем! — воскликнули несчастные родители и родственники и заплакали, и Касяхсяк тоже сделал вид, что плачет.

Вскоре они стали кормить его разной вкусной едой, и Касяхсяк стал говорить:

— Наша дочь еще не умеет как следует говорить; она кричит только «апанай!».

На что другие сказали:

— Наверняка она хочет сказать «сапанайа»¹, мы дадим тебе для нее немного.

Когда он стал уезжать, они нагроулили его подарками — бисером, блюдом-подносом и нерпичьими ластами. Он уже стал было отплывать, когда один из людей крикнул ему:

— Скажи своим односельчанам, что я бы охотно купил новый каяк в обмен на отличный котел!

Касяхсяк ответил:

— Давай котел; у меня есть новый каяк, он для меня немного узок.

Наконец он отплыл со своими подарками, укрепив котел на носу каяка. Дома он сказал:

— Ужасное несчастье! Наверное, погибла лодка: все эти вещи, что я привез, я нашел разбросанными на льду.

Его жена тут же побежала в дом, чтобы разломать свой старый треснувший котел; она выбросила лопатки, служившие ей до сих пор подносами; она расшила свою одежду бисером и гордо рассказывала туда-сюда, так что бисеринки звенели.

Наутро в море появилось множество каяков. Касяхсяк тотчас же залез в самый дальний угол лежанки. Едва охотники пристали к берегу, они сказали:

— Пусть Касяхсяк выйдет и возьмет подарки, которые мы привезли его маленькой дочке.

— Но у него нет никакой дочки! — услышали они в ответ.

— Идите и скажите Касяхсяку, чтобы принес мне новый каяк, который я у него купил, — сказал один из мужчин.

— Но у Касяхсяка нет никакого нового каяка!

Услыхав это, приезжие быстро направились к дому, забрали свои подарки и под конец срезали с кухлянки жены Касяхсяка отвороты, украшенные бисером. Когда они ушли, она снова сказала:

— Касяхсяк, оказывается, опять соврал.

Последней его проделкой была вот такая: однажды он нашел плавающий по воде кусок кожи кита и, принеся его домой, сказал:

— Я нашел мертвого кита; плывите за мной, и я покажу вам.

Спустили лодку, и охотники отправились. Через некоторое время они спросили:

— Где же это?

— Вон там, подальше.

Через еще некоторое время он опять сказал:

— Мы скоро будем на месте.

Но когда они отплыли очень далеко от дома и не увидели ничего похожего на дохлого кита, их терпение лопнуло, и они положили конец его штучкам, прикончив Касяхсяка на месте.

СЛОВАРЬ ТОПОНИМОВ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

- Агнык** (эск.) — букв. «день»; мифический «хозяин дня» (или «хозяин зари»), обитающий в «верхнем мире».
- Аван** (эск.) — бывший населенный пункт около бухты Провидения.
- Акин** (эск.) — деревянный брус в передней части полога (см.), служащий одновременно изголовьем («подушкой»).
- Акумук** (эск.) — букв. «сидящий»; название месяца эскимосского календаря (примерно между октябрём и ноябрём).
- Алихпак** (эск.) — название части села Наукан.
- Алмысик** (эск.) — покровитель охотников у науканских эскимосов.
- Алыки** (местн. рус.) — упряжь для ездовых собак.
- Аляюк** (эск.) — название бывшего населенного пункта на берегу пр. Сеньявина.
- Амаут** (эск.) — меховой комбинезон с капюшоном, в котором женщины носят за спиной младенцев.
- Амулетные ремни** — подвязки и шейники из тонких ремешков, на которых прикрепились предохранительные амулеты; иногда сами ремешки и шейники служили такими амулетами.
- Амьяк** (эск.) — букв. «раковина»; мыс и бухта на о-ве Сиклук в пр. Сеньявина (чук. Итыгран).
- Ангакок** — «шаман» на языке эскимосов-инуитов.
- Анытак, или Анытыкук** (эск.) — бывшее селение между бухтой Провидения и Имтуком.
- Асюнык, Асюн** (адапт. чук. топонима Эчют «место горбуш») — мыс, озеро и древнее становище около бухты Преображения (рус. адант. Ачюн).
- Атнык** (эск.) — мыс около Наукана.
- Ахунахунак** (эск.) — скала на о-ве Путулик (см.).
- Аюклик** (эск.) — бывшее селение на о-ве Имаклик (о-в Ратманова).
- Аяк** (эск.) — о-в в Беринговом проливе.
- Байдара** (местн. рус.) — эскимосская и чукотская лодка, состоящая из легкого деревянного каркаса, обтянутого моржовой шкурой; на языке восточных эскимосов — умиак.
- Блюдо деревянное** (эск. *каютак*) — у эскимосов и чукчей деревянный поднос с небольшим углублением для мясных блюд. Поднос ставится посреди полога, члены семьи садятся вокруг и еду берут руками. В сказках деревянное блюдо выступает как волшебный предмет, приносящий его обладателю все желаемое.
- Бубен** — народный музыкальный инструмент у эскимосов и других аборигенов Севера, представляющий собой деревянный ободок овальной формы, на который (у эскимосов) туго натягивается пленка от моржового пузыря. Играющий левой рукой держит бубен за ручку, прикрепленную к ободку, а правой ударяет по поверхности пленки специальной палочкой.
- Валькаль** (*Уэлькаль*) — эскимосско-чукотское селение в Пультипском р-не.
- Выбивалка** — изогнутая костяная или роговая палочка (чаще всего из оленьего рога), употребляемая жителями Севера для выбивания снега из меховой одежды.
- Дождевик** — у эскимосов плащ с капюшоном, надеваемый во время морской охоты поверх меховой одежды. Такой дождевик изготавливается из моржовых кишок и совершенно не пропускает влагу.
- Женский нож** (эск. *уляк, улю, уло*) — нож с лезвием полуоваль-

- ной формы, вставляемым в гнездо ручки-накладки. Употребляется жителями в быту как для приготовления пищи, так и для кройки одежды.
- Жирник** (местн. рус., эск. *паник*) — жировой светильник, представляющий собой глиняный сосуд с возвышениями посередине. Сосуд наполнялся топленным жиром морских зверей; фитилем служил сухой измельченный мох, который пропитывался жиром и горел на возвышениях сосуда. Жирник служил одновременно источником света, тепла и очагом для приготовления пищи.
- Землянка** (эск. *ныллу*, *ыилу*) — старинный тип полуземляного жилища эскимосов, приморских чукчей и коряков. Землянки сооружались из плавника (см.), китовых костей, дерна и камня.
- Иглу** — эскимосское снежное жилище, прообразом которого послужила более древняя эскимосская землянка.
- Имаклик** — букв. «морской», «окруженный морем»; эск. название о-ва Ратманова в Беринговом проливе, на котором до 1948 г. проживала группа эскимосов-инuitов. Чукотская адаптация названия этого о-ва — Иметлин, или Иметлин.
- Иналик** — букв. «находящийся в стороне»; эск. название о-ва Крузенштерна (США), находящегося рядом с о-вом Имаклик.
- Инуик** (мн. *инуит*), или *инупик* — самоназвание эскимосов Северной Аляски, Канады и Гренландии.
- Ира-ира** (эск.) — боевой клич.
- Итыгук** (эск.) — ущелье около Наукана.
- Кайги** — эск. тип большой землянки, в которой могло помещаться несколько родственных семейств.
- Камлейка** (местн. рус.) — плащ или халат из ткани или замши, надеваемый поверх верхней одежды для предохранения от влаги или загрязнения при выполнении разных работ. Камлейки заменяли дождевики из кишок (см.), которые не отличались прочностью и при изготовлении требовали больших затрат труда.
- Камусы** (местн. рус.) — шкурки с ног оленя, идущие на изготовление зимней обуви, брюк, головных уборов, рукавиц и чижей (см.).
- Камыки** (эск. *камык*) — общее (родовое) название эскимосской обуви.
- Канаргин** (рус. адапт. Конергино) — название местности и поселка в зал. Креста (Чукотка).
- Каниник** (эск.) — зал. Преображения на Чукотском побережье.
- Каюгун** (эск.) — тесло, которым обстругивали дерево. Каюгуны с камечным лезвием, часто упоминаемые в сказках, сохранились вплоть до 30-х годов нашего века.
- Каютак** (эск.) — см. блюдо деревянное.
- Каяк** (эск.) — охотничья эскимосская лодка с легким деревянным каркасом и закрытым верхом.
- Кегнектук** (эск.) — ущелье в горах между Уэленом и Науканом (Чукотка).
- Кивак** (эск.) — бывший поселок между бухтами Провидения и Ткачеп.
- Киги** (эск.) — о-в Аракамчечен (чук.) в пр. Сенявина.
- Кигмак** (эск.) — мыс в Беринговом проливе около Наукана.
- Килгарак** (произв. от эск. *килга* «тундра», «поляна») — бывшее селение и местность на побережье в районе бухт Провидения и Преображения.
- Киягнык** (эск.) — букв. «жизнь», «живущий»; один из «хозяев» верхнего мира, небожитель, по представлениям азиатских эскимосов, распоряжающийся судьбой землян, а также олицетворенных явлений и предметов окружающей человека природы.
- Кулюсик** (эск., рус. адапт. Колочин) — остров и залив на Севере Чукотского п-ва.
- Купси** (эск.-грeнл.) — один из видов съедобной травы.
- Курилик** (эск.) — местность в устье р. Курупки Провиденского р-на.
- Кухлянка** (местн. рус., эск. *актук*) — верхняя меховая одежда из оленьих шкур у коренных жителей Чукотки и Камчатки.

- Кывгак** (эск.) — слуга, посыльный, раб.
- Кыгмик** (эск.) — поселок и местность на Аляске (мыс Принца Уэльского).
- Кыхтык** (эск.) — поселок и местность на Аляске.
- Кыфлявик** (эск.) — бывший поселок и холм в конце Чаплинского мыса (Чукотка).
- Лактак** (морской заяц, или бородатый тюлень) — вид крупного тюленя в Беринговом и Чукотском морях.
- Лорино** — рус. адapt. чукотского названия (эск. **Нугак**) поселка Лорэн, часто упоминаемого в сказках азиатских эскимосов.
- Лук с двойной натяжкой** — старинный вид лука, типа полуарбалета; впервые описан нами по рисункам науканского эскимоса Ытаина в 1959 г.
- Майгак** (эск.) — гора северо-западнее пос. Сиреники (Чукотка).
- Мамругагнак** (эск.) — гора в районе бывшего поселка Мамрохпак.
- Мамрохпак** (эск., чук. адapt. **Мемрепен**) — бывший поселок между Науканом и Уэленом.
- Мантак** (эск.) — китовая кожа, любимое блюдо эскимосов. Срезанная с туши добытого кита вместе со слоем жира употребляется в пищу в сыром или вареном виде.
- Маскын** (эск. адapt. чук. **меэчгын**) — остров-коса в виде длинной песчаной отмели в районе зал. Креста (рус. адapt. Мечкина).
- Мясная яма** (эск. **сиклук**) — мясная яма-склад для хранения мясных припасов. Сооружался такой склад в виде ямы с узким входом и широким дном. Глубина ямы несколько превышала человеческий рост. Стены ее в зависимости от состояния грунта закреплялись глиняным слоем и китовыми костями. Яма прикрывалась китовой лопаткой, придавливаемой тяжелым камнем.
- Напагальяк** (эск.) — бывший населенный пункт на юго-восточном побережье Чукотки.
- Напакутак** (эск.) — бывший населенный пункт на о-ве Сиклук в пр. Севяина.
- Нанкуалык** — букв. «имеющий клыки»; эск. название мифической птицы, являющейся духом-помощником великого шамана Пуихтукака.
- Натсилик** (эск.-канад.) — местность и поселок.
- Натык** (эск.) — см. сени.
- Наукан** (эск. **Нувукак**) — крупный старинный поселок науканских эскимосов на азиатском побережье Берингова пролива. В 1958 г. науканцы переселились в соседние чукотские поселки, и их этническая общность претерпела значительные изменения. В настоящее время отдельные семьи науканцев проживают в Лорино, Уэлене и сел. Лаврентия.
- Нунак** (эск.) — бывший поселок в р-не Наукана.
- Нунлигран** (чук.) — название поселка в бухте Преображения на Чукотском побережье.
- Нувукак** (эск.) — см. **Наукан**.
- Олык** (эск.) — древнейшее эскимосское поселение в северной части Берингова пролива. Позднее (примерно в XVI—XVII вв.) Олык был постепенно заселен оседавшими на побережье чукчами, эскимосское население его ассимилировалось чукотским, а сам поселок по созвучию был назван по-чукотски Уэлен и адаптирован по-русски в Уэлен.
- Отдушина** — отверстие для света и проветривания в старинных эскимосских землянках. Делалось оно на земляной кровле и прикрывалось рамой, затянутой прозрачной пленкой моржового пузыря. Через это же отверстие по столбу с зарубками можно было спуститься в землянку и выйти из нее во время зимних метелей, когда вход заметало снегом. В жилищах наземного типа — ярангах (см.) отдушина устраивалась в стене полого (см.) и служила только для доступа свежего воздуха.
- Оявик** (эск.) — гора около Наукана.
- Пакфалья** (эск.) — название северо-западного ветра; мифический «хозяин ветров», обитающий в «верхнем мире».

- Пинак** (эск.) — один из видов съедобных трав у канадских и гренландских эскимосов.
- Писта** (эск.) — дух-двойник человека у азиатских эскимосов, по верованиям которых каждый человек имеет невидимого двойника, с которым советуется в трудных жизненных ситуациях и которому поручает исполнить задуманное дело.
- Плавник** (местн. рус.) — выброшенные морем деревья, бревна, доски. В безлесных местах обитания эскимосов плавник широко употреблялся в качестве строительного материала при сооружении жилищ, нарт, корпусов для байдар и каяков, древков копий и гарпунов, а также разных предметов домашнего обихода. Непригодные для обработки части плавника шли на топливо.
- Подорожники** (местн. рус.) — запасы продуктов в дорогу. У эскимосов это чаще всего изделия из сушеного мяса или вяленой рыбы (юколы) и китовой кожи (см. мантак).
- Подползки** (местн. рус.) — костные пластины из верхнего слоя китовых челюстей или из китового уса, употреблявшиеся в качестве набоек на деревянные полозья нарты для легкого скольжения по снегу, а также для предохранения полозьев от быстрого изнашивания.
- Полог** (местн. рус.) — спальное помещение внутри землянки или яранги, изготовлявшееся из оленьих шкур, натягиваемых на легкий деревянный каркас.
- Поплавок** — у приморских жителей Чукотки и Камчатки, занимающихся промыслом морского зверя, — поплавок из цельноснятой и туго надутой шкуры нерлы, который привязывается к концу гарпунного ремня и служит для удержания загарпуненного зверя на поверхности воды.
- Праца** — старинное орудие из лахтачьего ремня для метания камней во время охоты или сражения с врагами.
- Путулик** (эск.-канад.) — один из группы о-вов Листон и Саттон в проливе Дольфин-энд-Юнион.
- Пыжик** (местн. рус.) — пушистая и мягкая шкура олененка, идущая на изготовление теплой одежды и головных уборов.
- Раткин** (чук.) — местность на косе Руддер в Providенском р-не (эск. Награк).
- Ровдуга** — тонкая оленья замша.
- Сацлук** (эск.) — скала и древняя крепость в Беринговом проливе севернее Наукана.
- Саплык** (эск.) — название реки и бывшего поселка в районе Нунлиграна.
- Сени** (эск. патык) — холодная часть яранги или землянки. В землянках это длинный и низкий коридор от трех до пяти метров с наружной и внутренней дверью.
- Сиклук** (эск.) — бывший поселок и остров в пр. Сенявина.
- Сивукак** (эск.) — остров Св. Лаврентия (США), на котором проживает группа эскимосов, по этническим признакам родственная азиатским эскимосам-унаизгимтам (чаплинцам).
- Сиреники** (эск. Сигиньк) — поселок южнее бухты Providения. До недавнего времени в Сирениках проживала группа эскимосов, имевших свой язык.
- Сушила** (эск. пин) — приспособление для 1) хранения домашнего скарба и запасов топлива, 2) вытяжки и просушки шкур. Материалом для сооружения сушил служили китовые челюсти, ребра и деревянные брусья.
- Танхлук** (эск.) — местность на мысе Чаплино.
- Тыкывак** (эск.) — бывший эскимосский поселок, на месте которого расположено современное чукотское селение Энмыльын (рус. адаптация Энмылен).
- Таннитские горы** (от эск. и чук. танни «иноплеменники») — цепь гор в районе бухты Преображения, где, по преданию, произошло

большое сражение между таннитами и приморскими жителями Берингоморского побережья Чукотки.

Таппи, таппиты (эск. и чук.) — иноплеменники, пришельцы, враги. Этот термин в различных фонетических вариантах имел широкое распространение среди народностей Чукотки и Камчатки. Азиатские эскимосы называли таннитами (тангитами) воинственные ватаги кочевых племен — чукчей, коряков, юкагиров, которые вели борьбу между собой за обладание стадами оленей и пастбищами, а также совершали набеги на поселения приморских жителей с целью захвата имущества и пленников.

Таппак (эск.) — поселок на Аляскинском побережье.

Тапхак (эск.— букв. «коса, отмель») — местность и населенный пункт на мысе Припца Уэльского на Аляске.

Тякирак (эск.) — поселок в Гренландии.

Торбаса (торбаза) — русское название обуви аборигенного населения Чукотки и Камчатки.

Тугныгак (эск.) — см. тунгак.

Тунгак (эск.) — злой дух, который, по представлениям эскимосов, приносит людям разные бедствия: голод, болезни, смерть, а также уводит свои жертвы в другие миры. У азиатских эскимосов злой дух обозначается термином тугныгак, у эскимосов группы инуит (Северная Аляска, Канада, Гренландия) — терминами тунгак, тунгак, туник и близкими им фонетическими вариантами.

Тухтак (эск.) — моржовый окорок, завернутый в кусок моржовой кожи и помещенный в мясную яму про запас.

Тыкыгак (эск.) — поселок на Аляске (совр. Пойнт-Хоп).

Тынагыргыи (чук., букв. «рассвет») — в чукотской мифологии божественный небожитель, ведающий земными делами и поведением людей, наказывающий нарушителей установившихся на земле порядков (подробнее см. Предисловие).

✓ **Тыпагрук** (эск.) — утес около Наукана.

Тюпиляк — в мифологии гренландских эскимосов название человечка, сделанного шаманом из костей разных животных. Такой искусственный человек по желанию шамана перевоплощается в того или иного зверя и жестоко мстит людям, нанеся ему хозяину обиду или вред.

Укивак (эск.) — небольшой остров в Беринговом проливе (совр. Кинг).

Укигалук (эск.) — скала около мыса Дежнева в Беринговом проливе.

Уксик (эск.) — населенный пункт на Аляске.

Укук (эск.) — населенный пункт на Аляске.

Уляк, улю, уло (эск.) — см. же п е с к и й н о ж .

Умкугдук (эск.) — мыс в Беринговом проливе в районе Наукана.

Умиак (эск.-гренил.) — см. б а й д а р а .

Умилык (эск.) — старшина, хозяин, сильный человек, обладатель умиака (см.).

Умкутак (эск.) — спелная загородка от ветра вокруг лунки во льду, через которую ловят рыбу.

Уназик (эск.) — бывший поселок на мысе Чаплина между бухтой Ткачен и пр. Сеявина.

Уэлен — рус. адаптация чук. названия населенного пункта Увэлен (см. Олык).

Чижи (местн. рус.) — меховые чулки, изготавливаемые из камусов (см.).

Янракинот (чук.) — населенный пункт на берегу пр. Сеявина.

Яранга (чук.) — наземное жилище с остовом из жердей, крытых оленьими (у чукчей-кочевников) или моржовыми (у приморских чукчей и эскимосов) шкурами. В том и другом типе жилища устраивалось спальное помещение — полог (см.). Яранги приморских жителей строились с более сложным и прочным каркасом из балок и тонких жердей.

СВЕДЕНИЯ О РАССКАЗЧИКАХ

Тексты повествовательного фольклора азиатских эскимосов, включенные в данный сборник, были записаны от многих рассказчиков в течение десятилетий. Записи были начаты в начале 30-х годов и продолжались более тридцати лет, с начала 40-х до начала 70-х годов, во время полевой научной работы собирателей в эскимосских поселках. Все рассказчики из среды азиатских эскимосов являлись носителями разных эскимосских диалектов (чаплинского, науканского, сиреникского, имакликского) и жили в старинных эскимосских поселках южного и восточного побережья Чукотского полуострова. Значительной части этих поселков, в том числе и Наукана, в настоящее время уже нет, однако большая часть текстов азиатских эскимосов записывалась еще в то время, когда эти поселки существовали и были живы устные традиции вместе с их талантливыми знатоками.

Поскольку записи текстов производились в разные годы с перерывами в несколько лет, то в некоторых случаях точных сведений о годах кончины многих пожилых рассказчиков мы привести не смогли, и поэтому в сведениях о них дается указание лишь на возраст в момент записи текстов.

Автор пользуется случаем выразить здесь свою глубокую признательность ученым-этнографам М. А. Членову и И. И. Крушняку, которые оказали ему большую помощь в уточнении демографических сведений о рассказчиках из среды советских эскимосов.

Аглю, 1920—1977, напакутакский эскимос, неграмотный, слабо владевший русским языком. Долгие годы был членом колхоза «Новая жизнь», а затем рабочим совхоза того же названия. От Аглю записаны тексты № 86, 101, 134.

Айвыхак, 1914—1947, один из талантливых рассказчиков сказок, слепой от рождения, сирота, в раннем детстве оставшийся без родителей и воспитывавшийся поочередно в чужих семьях. В момент записей, т. е. зимой 1940/41 г., ему исполнилось 26 лет. Это был незаурядного ума и веселого нрава молодой человек, который, несмотря на слепоту, ощущал окружающий мир во всем его многообразии. Айвыхак с интересом запоминал все услышанное при встречах с приезжими людьми и сородичами. Новости, охотничьи рассказы, сказки, песни и заговоры, певольным слушателем которых он был постоянно, переходя из одной яранги в другую, прочно закреплялись в его памяти и обогащались его собственной творческой фантазией.

Айвыхак рассказывал увлеченно, с верой в те события, которые разворачивались в рассказе или в сказке. Его исполнение отличалось образностью и простотой. Рассказывая сказку, он в лицах представлял каждый персонаж, имитируя его повадки и привычки жестами, голосом, пением вставных куплетов.

Случилось так, что зимой 1940/41 г. мне была предоставлена возможность длительное время находиться в Чаплино, где я составлял проект учебника для начальной эскимосской школы. В это же время в Чаплино

находилась и Е. С. Рубцова, собиравшая материал для эскимосско-русского словаря и производившая записи фольклора. Поскольку Айвыхак был в силу своей слепоты совершенно свободным от работы в колхозе человеком и слыл лучшим рассказчиком, то его услугами пользовались и Е. С. Рубцова, и я. В 1954 г. Е. С. Рубцова подготовила и издала 45 текстов Айвыхака в книге «Материалы по языку и фольклору эскимосов» (М.—Л., 1954). Мои записи текстов Айвыхака на русский язык частично публиковались ранее в разных сборниках и наиболее полно представлены в настоящей книге.

Айвыхак трагически погиб в 1947 г. Незаурядный талант знатока фольклора, которым обладал Айвыхак, дает основание называть его не рассказчиком, а сказителем, творчество которого было смыслом его жизни. От Айвыхака записаны № 13, 24, 49, 52, 54, 55, 75, 82, 94, 96, 98, 104, 106, 108, 109, 121, 125.

Альгалик, ок. 1920 — ок. 1965, чаплинский эскимос, грамотный, работал слесарем в ремонтных мастерских порта Провиденция и на других работах. В разное время (1940, 1948, 1955 гг.) принимал непосредственное участие в лингвистической работе по подготовке картотеки эскимосско-русского словаря, состоявшегося в то время Е. С. Рубцовой.

В 1960 г. от Альгалика мною было записано много сказок и бытовых рассказов, часть которых впервые публикуется в настоящем сборнике.

В отличие от таких рассказчиков, как Айвыхак, сопереживавших вместе со слушателями повествуемые события, Альгалик рассказывал спокойно, без особых эмоций, но его передача текста отличалась всегда сюжетной полнотой и завершенностью. От него записаны тексты № 17, 58, 79, 81, 93, 122.

Амкаун, ок. 1905—1938, чаплинский эскимос. Одно время жил на о-ве Аракамчечен. Текст № 88 записан от него в 1936 г., когда он учился в Институте народов Севера в Ленинграде.

Амнона, ок. 1930 — ок. 1954, науканская эскимоска. Окончила два курса Педагогического училища в Анадыре. Отчислена по болезни. В 1948 г. оказала большую помощь мне в качестве информанта при записи материала по языку и фольклору науканских эскимосов. От нее записан текст № 64.

Апата, ок. 1905 — ок. 1970, сиренинская эскимоска, колхозница, неграмотная, не знавшая русского языка. От нее записан текст № 80.

Асуия, ок. 1930 года рождения, чаплинская эскимоска. Ныне живет в Сирениках, работает медсестрой. Мать восьмерых детей. В 1954 г. от нее записаны тексты № 34, 50. Была моим информантом во время полевой работы по эскимосскому языку в 1954 г.

Ататегин (Ататейн), 1905 года рождения, эскимос из Наукана. Вероятнее всего, он родом с о-ва Имаклик (о-в Ратманова). От него в 1941 г. записан текст № 124.

Вирн Валентина, 1942 года рождения, эскимоска из Сиреников. В 1954 г. от нее записан текст № 29.

Ильгинанун, ок. 1896—1972, сиренинская эскимоска, колхозница, искусная вышивальщица, швея меховой одежды, мать восьмерых детей, жена знаменитого в свое время на Чукотке добытчика китов Панауге. Русского языка не знала. От нее в 1960 г. записан текст № 38.

Имагми, 1903—1971, напакутацкий эскимос, охотник, неграмотный, не знавший русского языка. Жил в Напакутате, затем в Сиклюке, позднее — в Чаплино. Записи от него производились в 1940 г. В сборник включен его текст № 113.

Ийынаун, ок. 1890 — ок. 1969, чаплинская эскимоска, неграмотная. От нее в 1940 г. Е. С. Рубцова записала несколько текстов. Текст № 8 включен в настоящий сборник.

Итхуткак, 1928—1958, чаплинский эскимос, окончил мореходное училище во Владивостоке, жил и работал в порту Провиденция. От него записан текст № 83.

Каля, 1921—1971, уэлькальский эскимос. Принадлежал к сельской интеллигенции, имел среднее образование. Работал председателем сельсовета,

заведовал клубом. Член КПСС. Среди односельчан пользовался известностью «ученого человека». В 1939/40 гг. в с. Лаврентия, где Какля учился в школе-интернате, от него записаны тексты № 1, 18, 26, 89.

Каля, 1918—1979, эскимос из пос. Чаплино. В 1937—1938 гг. учился в Институте народов Севера в Ленинграде, но выехал по состоянию здоровья на Чукотку. В Чаплино в начале 40-х годов работал председателем сельсовета, а позднее занимал ответственные посты на советской и партийной работе в Чукотском р-не. С 1973 г.— персональный пенсионер. Жил в пос. Лорино того же района. В разное время от Каля записано несколько текстов, из которых № 9, 42, 67, 111 включены в настоящее издание.

Кейныи, 1920—ок. 1950, науканский эскимос. По окончании педагогического училища в Анадыре работал учителем в Науканской школе. От него в 1946 г. в Анадыре записаны тексты № 39, 117.

Киргина, 1906—1973, сиреникская эскимоска, колхозница, неграмотная, не знавшая русского языка. От нее в 1960 г. записан текст № 71.

Кутвеун, 1896—1950, науканская эскимоска, малограмотная, слабо владевшая русским языком. От Кутвеун в 1948 г. записано значительное количество текстов волшебных сказок, большая часть которых, а именно № 16, 44, 53, 65, 69, 73, 74, включена в настоящий сборник. Кутвеун была одним из лучших знатоков устной традиции науканцев наряду с такими талантливыми рассказчиками этого древнего эскимосского селения, как Ытаип и Ыкалюк (см. о них ниже).

Лялюва, чаплинская эскимоска, годы рождения и смерти неизвестны. В 1941 г. от нее записан текст № 107.

Майна, 1905—1948, чаплинский эскимос, первый эскимосский учитель, член КПСС, секретарь партийной ячейки с Чаплино. За заслуги в области развития народного образования в 1940 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. Скончался от туберкулеза. От Майны записан и включен в настоящий сборник текст «Вьютку-предводитель» (№ 127), представляющий образец героического сказания в эскимосском фольклоре и отражающий реальные исторические события из жизни аборигенов Чукотки.

Накаюк, ок. 1903 г., науканская эскимоска, малограмотная, слабо знавшая русский язык. Ныне живет в Уэлене. От нее в 1948 г. было записано несколько текстов, из которых № 76 включен в настоящий сборник.

Налюгьяк, 1888—1942, чаплинский эскимос, неграмотный, охотник, не знавший русского языка. От него в 1940 г. в с. Чаплино записано около 10 сказок и несколько заговоров. Для текстов, записанных от Налюгьяка, характерны чукотские сюжеты. В репертуаре этого прекрасного рассказчика значительное место занимали сказки на шаманские темы. Здесь № 40, 84.

Нанухак, 1911 года рождения, чаплинская эскимоска, неграмотная, слепая с четырехлетнего возраста. До 1972 г. жила у родственников в с. Ново-Чаплино, а затем была определена в дом для престарелых в г. Анадыре, где и проживает в настоящее время.

Встреча с Нанухак для меня как лингвиста и фольклориста была счастливой находкой. Нанухак оказалась не просто знатоком устного народного творчества, но и подлинным художником слова, обладающим чистой и выразительной эскимосской речью. Она не только знала огромное множество сказок разных жанров, но и была в то же время исполнительницей песен, которые вдохновенно пела под звуки бубна.

Если многие эскимосские рассказчики, исполняя устное произведение для записей, часто опускали из текста песенные вставки, то у Нанухак слово от автора (рассказчика), диалог и песенные вставки гармонично сочетались, и благодаря ее таланту высокохудожественно и выразительно передавать речь каждого персонажа рассказ производил яркое и незабываемое впечатление. Нанухак, как и слепой сказитель Айвыхак, обладала широкой палитрой красок изображения окружающего мира. Записанные нами на магнитофонную ленту сказки Нанухак с мелодичными песенными вставками и в настоящее время часто транслируются по местному радио. В настоящее издание включены записанные в 1971 г. тексты № 2, 28, 60, 102, 110, 119.

Нумтагинн, ок. 1900 — ок. 1965, сиреникский эскимос, малограмотный, слабо знавший русский язык. В 1960 г. от него записаны тексты № 22, 37.

Нумылин, ок. 1890 — ок. 1960, сиреникский эскимос, неграмотный, охотник. Был самым метким стрелком среди охотников своего селения. Имел пятерых детей, трое из которых получили образование и работали учителями. Нумылин был большим знатоком и ревностным хранителем эскимосских обычаев, связанных с сохранением природы и старинных нравов. Из повествовательного фольклора предпочитал героические сказания из жизни чукчей и эскимосов. От него в 1954 г. записан текст № 128.

Пакика (годы рождения и смерти неизвестны). Пожилая сиреникская эскимоска, хорошо знавшая сказки своего народа. В 1941 г. от нее записан ряд больших текстов, из которых № 51, 63, 90, 99 включены в настоящее издание.

Пари (Александра Ивановна Парина), 1922 года рождения, сиреникская эскимоска, дочь Нумтагинна (см.). В момент записи от нее текста № 4 ей было 12 лет. По окончании школы работала в колхозе. В начале 50-х годов организовала в Сирениках кружок национальной художественной самодеятельности, которым руководит и в настоящее время. Пишет стихи и тексты песен на родном языке, которые исполняются ее кружком. За выдающиеся заслуги в развитии эскимосско-чукотского искусства ей присвоено звание заслуженного деятеля культуры РСФСР. А. И. Парина оказывала большую помощь Е. С. Рубцовой и мне в записях и переводах текстов сиреникских эскимосов в период лингвистических экспедиций с 1948 по 1965 г.

Рагына, 1914 года рождения, сиреникская эскимоска, колхозница, неграмотная, не знавшая русского языка. В 1960 г. от нее на языке сиреникских эскимосов записано несколько текстов, из которых № 45, 77 включены в настоящее издание.

Рукактак, 1931—1976, науканская эскимоска. Оказала мне во время экспедиции 1948 г. ценное содействие в записи текстов науканского фольклора. Получив среднее педагогическое образование, она вместе со своей подругой Амной могла с достаточной точностью записывать тексты. С помощью Рукактак и Амной были записаны рассказы пожилых эскимосок Кутвеун и Хульхены. Рукактак, работая учительницей в родных эскимосских поселках, и в последующие наши лингвистические экспедиции на Чукотку оказывала нам большую помощь в работе над материалом по науканскому диалекту эскимосского языка.

Тагикак, 1926—1941, эскимосский мальчик из с. Чаплино (Уназик), которому в 1940 г. исполнилось 14 лет, был вторым после Айвыхака талантливым рассказчиком в своем селении, горячо увлеченным устным творчеством односельчан. От Тагикака мною записано около 40 текстов. Значительная часть их публикуется в этом сборнике. Отец Тагикака — охотник Гальмугье (ок. 1880 — ок. 1957) знал множество сказок и в зимние вечера рассказывал их членам своей семьи, ближайшим родственникам и соседям, как это было принято среди эскимосов. Гальмугье рассказывал много и чукотских сказок, которые он знал от своих друзей-оленоводов. Любознательный сын его Тагикак обладал редкой памятью, был грамотным, хорошо запоминал сказки и с увлечением рассказывал и записывал их. Тагикак учился сказкам и от других рассказчиков. Так, он был постоянным спутником Айыхака, с которым навещал пожилых односельчан, хорошо знавших старину и охотно передававших свои знания молодому поколению. Тагикак трагически погиб осенью 1941 г. в возрасте 15 лет в результате неосторожного обращения с охотничьим ружьем со стороны его столь же юного спутника. Из записанных от Тагикака текстов в настоящее издание включены № 3, 10, 12, 14, 15, 19, 23, 27, 30, 31, 32, 35, 36, 47, 48, 59, 62, 66, 72, 87, 95, 103, 112, 114, 116.

Увролюк, 1923 — конец 1950-х годов, науканский эскимос. Окончил лаврентьевскую среднюю школу при культбазе, работал в колхозе кассиром-счетоводом. От него записан текст № 41.

Уникая, наукапский эскимос, ок. 1880 — конец 1950-х годов отец Увролюка (см.), неграмотный, охотник. Был известен в поселке как знахарь и фокусник. Мастер героических сказаний. От него записан текст № 132.

Утатаун, чаплинский эскимос (1901—1967), охотник, неграмотный, не знавший русского языка. В Чаплино его называли «великим охотником»: он без промаха поражал морских зверей при любой погоде на море. Сказок знал много, но рассказывал их неохотно. При рассказе требовал полной тишины со стороны слушателей. Одна из его сказок (№ 78) в переводе Е. С. Рубцовой включена в настоящий сборник.

Хульхена (Гульхына); ок. 1906 — ок. 1958, наукапская эскимоска, малограмотная. Отец ее — чукча из пос. Дежнева, но она сама всегда считала себя эскимоской. Искусная вышивальщица. В 1940—1942 гг. была заместителем председателя наукапского сельсовета. Знала и с увлечением рассказывала сказки и предания наукапцев. От нее записаны тексты № 126, 129, 134.

Ыкалюк, 1904—1979, наукапский эскимос, охотник и рабочий Лоринского совхоза, неграмотный, слабо владевший русским языком, отец Рукактак (см.). В его рассказах преобладают чукотские сюжеты. Возможно, это связано с влиянием его бабушки Етып, которая его воспитывала, а в молодости долго жила среди чукчей-оленьеводов. Строго говоря, некоторые рассказы Ыкалюка представляют собой чукотские сказки, рассказанные эскимосом. От Ыкалюка записаны на магнитофонную ленту несколько сказок и великоленный рассказ о китовом празднике наукапцев (см. [39]). В настоящее издание включены записанные от Ыкалюка тексты № 11, 33, 43, 68, 115, 130.

Ытайн, ок. 1880 — ок. 1950, наукапский эскимос, охотник, неграмотный, не владевший русским языком. Знал много волшебных сказок и героических сказаний, которые рассказывал с большим искусством. Это был один из тех старых и редких рассказчиков, которые искренне верили во все приключения и события, происходящие с героями сказки. Он, рассказывая, в лицах и с неповторимым искусством исполнял роль каждого персонажа. Во время рассказа Ытайн вдруг быстро вскакивал, жестами рук, движением туловища, головы, криками и пением воспроизводил действия животных и человеческих персонажей. Записывать его при таком экспрессивном исполнении было трудно, неизбежными оказывались пропуски, но он после каждой записи просил медленно читать вслух текст и делал уточнения. Ытайн был одним из последних ревностных хранителей народных преданий и сказок наукапских эскимосов. Однажды по окончании рассказа от сказал: «Если рассказчик не верит в то, о чем рассказывает, то его не будет слушать, так как у него не хватит силы речи». Вера в реальность сказки вдохновляла рассказчика и способствовала наиболее полной и точной передаче старинных устных традиций слушателю. От Ытайна записаны и включены в настоящее издание тексты № 7, 56, 70, 118, 123.

Ыпата (годы рождения и смерти неизвестны), пожилая сиреникская эскимоска, слепая, неграмотная. В 1941 г. от нее на языке сиреникских эскимосов записано несколько текстов, два из которых, № 61, 85, включены в настоящее издание.

Эмма (1886—1957), эскимос из смешанного по составу эскимосско-чукотского поселка Кивака, неграмотный, с 1950 г. проживал в с. Чаплино. В 1955 г. от него записан текст № 97, включенный в настоящее издание.

Эрмен, 1923 года рождения, наукапский эскимос, охотник, грамотный, ныне живет в Уэльпе. В момент записей текстов ему было 26 лет. Сказкам научался от своего отца Ипека, который неоднократно бывал на Аляске у эскимосов-инуитов, а также хорошо знал быт и устное творчество соседнего народа — чукчей. Сказки Ипека, рассказанные Эрменом, частично включены в этот сборник: № 6, 25, 46, 120.

Яёк, 1912 — ок. 1952, эскимос-инуит с о-ва Ратманова (о-в Имаклик), переехавший в 1947 г. на жительство в Наукап. Малограмотный, слабо знавший русский язык. От него записано 10 инуитско-эскимосских текстов, из которых два, № 5, 100, включены в настоящее издание.

Ятылин, 1905—1979, напакутакский эскимос. До конца 20-х годов жил в Напакутате, затем переехал в Сиклюк. После 1959 г. переехал в Чаплино. Был старейшим жителем села. Рассказывал сдержанно, но с большим юмором, то и дело вызывая смех у слушателей. Записанный от него в 1977 г. текст включен в настоящее издание (№ 133).

Сведения об аляскинских рассказчиках Д. Дженнеса [17] отличаются предельной краткостью: не указываются возраст, род занятий и другие данные, раскрывающие индивидуальные и социальные черты информанта. Однако полезным для читателя представляется и то, что имя каждого рассказчика привязано к определенному пункту, что позволяет определить географию распространения фольклора и выделить пункты, в которых зафиксировано наибольшее число устных произведений.

Общей датой записи фольклора аляскинских эскимосов по книге Д. Дженнеса являются 1913—1918 гг.— период участия собирателя в работе канадских арктических экспедиций.

Апготитсиак, эскимос из Пойнт-Хопа. № 140, 161, 163*.

Куапкана, эскимоска из долины р. Колвилл. Для этой рассказчицы наиболее характерным жанром были сказки о животных басенного типа, имеющие много сходных черт со сказками этого жанра сибирских (азиатских) эскимосов. № 142, 143, 144, 156, 164.

Майк, эскимос, из долины р. Маккензи, являвшийся выходцем из среды азиатских эскимосов (чукотский Север). № 137.

Мангилеи, эскимос из долины р. Маккензи. № 154.

Палайак, эскимос из долины р. Маккензи. № 146.

Пауткац, эскимос с мыса Барроу на Аляске. От него записаны тексты № 135, 162.

Томсон Дженни, эскимоска с мыса Принца Уэльского на Аляске. По количеству записанных от нее текстов она занимает второе место после Фреда. В наше издание включены № 138, 151, 152, 157, 159, 160.

Угиарнак, эскимос с мыса Принца Уэльского. № 145.

Уналина, эскимоска из долины р. Маккензи. № 139.

Фред, эскимос из г. Нома на Аляске. От этого рассказчика Д. Дженнес записал наибольшее количество текстов, часть которых в переводах представлена в нашем сборнике (№ 136, 147, 148, 149, 150, 158, 165).

Хобсон Альфред, эскимос-метис с мыса Барроу. № 141.

Тексты сказок канадских эскимосов были записаны Д. Дженнесом (1913—1918) [17] и Нунгаком и Арима [18]. Сведения о сказителях в этих источниках столь же кратки, как и у Д. Дженнеса. Судя по фотографиям рассказчиков сказок канадских эскимосов [18], все они были среднего и пожилого возраста.

Анаууюк, эскимос-шаман с побережья пролива Дольфин-энд-Юнион. № 178.

Икпакхуак, эскимос с побережья пролива Дольфин-энд-Юнион. № 168, 171, 192.

Илятсиак, эскимос-шаман из пос. Килюсикток в долине р. Коппермайп. От него Д. Дженнес записал наибольшее количество текстов канадских эскимосов. В наше издание включены № 166, 167, 169, 170, 177, 189, 194.

Ливаи Кумалюк, эскимос из Пувунгнитука. № 196.

Саима Китсуалюк, эскимос из Пувунгнитука. № 183.

Сали Агннайтук, эскимос из Пувунгнитука. Тексты от этого и других информантов из Пувунгнитука записывались в 1963/64 г. № 174, 181, 185, 186, 195.

Таивитиалюк Аласуак, эскимос из Пувунгнитука. № 187, 188.

Улэскяк, эскимос из долины р. Коппермайп. № 172, 173, 175, 176, 180, 190, 191, 194.

Юанаси Кишпуагоак, эскимос из Пувунгнитука. № 183.

* Номера текстов приводятся по настоящему изданию. Номера текстов оригинала см. в Примечаниях.

Сведения о сказителях гренландских эскимосов в книге Холтведа [16, с. 13—22] приводятся весьма подробно. Е. Холтвед дает обстоятельную характеристику каждого из своих информантов, что представляет несомненную научную ценность для установления социальной и культурной среды, в которой сохранялся и обогащался традиционный фольклор гренландских полярных эскимосов во всех его жанрах и видах. Собирателем во время своих экспедиций 1935—1937 и 1947/48 г. к эскимосам области Туле работал в основном только с тремя сказителями, характеры, интересы и образ жизни которых хорошо изучил.

Амауналик, эскимоска 1907 года рождения из гренландской области Туле (область полярных эскимосов). Дочь охотника Кулютануака и его жены Тугны. Тугны в детстве переехала с родителями из Баффиновой Земли в Туле и по традиции своего рода хранила и передавала детям множество старинных легенд, что оказало огромное влияние на воспитание Амауналик. Старший брат Амауналик, Паулина, был главой своей общины, а младший брат, Итак, участвовал в экспедиции Пири на Северный полюс. Сама Амауналик вышла замуж за Кавигака, артистически одаренного человека, который заболел туберкулезом, не мог охотиться и стал косторезом.

У Амауналик было девять детей, трое из которых умерли. Несмотря на большие материальные трудности, тяжелый домашний труд, уход за детьми, Амауналик сохранила оптимизм, веселый нрав, волю и любовь к жизни. От своей матери Тугны и от многих других людей из Туле и Баффиновой Земли она узнала и запомнила много легенд, сказок и мифов, которые в свободное время охотно рассказывала своим детям и соседям.

Холтвед характеризует Амауналик как талантливую рассказчицу, превосходного знатока народных знаний и устных традиций. Ей были свойственны пылкое воображение, высокий художественный стиль, неистощимый темперамент и юмор. Рассказывая, Амауналик, как отмечает Холтвед, «буквально жила» вместе со своими сказочными героями. Из записанных в 1937 г. Холтведом от Амауналик 79 прозаических текстов в наше издание включено 36: № 197—202, 204—213, 215, 216, 218, 219, 221, 222, 224, 227, 228, 230, 232—235, 237, 245, 263, 264, 265, 267.

Пуалогсуак, эскимос из Туле (1891—1948), охотник, один из талантливых рассказчиков, отмеченных Холтведом. В отличие от жизнерадостной и общительной Амауналик Пуалогсуак обладал замкнутым и недоверчивым характером. Он рано лишился отца, детство его было трудным. В раннем возрасте он становится охотником на морского зверя, главой большой семьи. В его репертуаре в отличие от жизнеутверждающих сказок и рассказов Амауналик преобладают повествования о злых духах-тунгаках, шаманах, людоедах, великанах и карликах.

От Пуалогсуака Холтвед записал 127 различных по жанру сказок и мифов, 30 из которых в переводе публикуются в настоящем издании: № 203, 220, 225, 226, 231, 236, 238—244, 246—254, 268, 271—277.

Инугагсюк, эскимоска 1890 года рождения из области Туле. Вышла замуж за Асагануака, который был сыном Маяка, рассказчика сказок у Кнуда Расмуссена. Не имея своих детей, она воспитывала несколько приемышей. Это была смелая и энергичная женщина, исключительно импульсивная и темпераментная. Ее четкое произношение было образцом речи полярных эскимосов. Из текстов Инугагсюк в наше издание включены № 214, 223, 266, 269, 270.

Гренландские тексты Ринка [19], представляющие по жанровому многообразию большую художественную ценность, не имеют, к сожалению, указаний на информантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

СКАЗКИ И МИФЫ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

№ 1

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Лаврентия от Какля. Оpubл.: 3, с. 168; 6, с. 42*.

№ 2

Зап. Г. Меновщиковым в 1971 г. в с. Новое Чаплино Провиденского р-на Чукотского нац. округа от Нанухак. Публ. впервые.

Обо всем цикле сюжетов о вороне см. [34].

№ 3

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино (Уназик) Чукотского (ныне Провиденского) р-на от Тагиака. Оpubл.: 3, с. 164; 4, с. 140; 6, с. 30 (ср. здесь № 27).

¹ «Посох состязаний» у эскимосов представлял собой длинную палку, на которую или рядом с которой водружались праздничные призы, предназначенные для вручения победителям состязаний в борьбе, беге и поднятии тяжестей во время проведения обрядовых праздников.

№ 4

Зап. Г. Меновщиковым в 1934 г. в с. Сиреники Чукотского (ныне Провиденского) р-на от Парины. Оpubл.: 2, с. 67; 4, с. 140, 6, с. 31 (ср. 13, № 123, а также № 126). Вариант этой сказки был одной из первых русских публикаций эскимосского фольклора (см. [1а, с. 187—190]).

¹ «Сестру мою возьмешь с тремя полосами на носу». — У азиатских эскимосов и соседствующих с ними чукчей вплоть до 30—40-х годов XX в. существовала традиция татуировки на лице и руках у женщин. Чем сложнее и красивее была татуировка на лице девушки, тем большими достоинствами обладала она в глазах женихов. У мужчин татуировка наносилась только на щеки.

№ 5

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Яека. Публ. впервые.

№ 6

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Эрмена. Оpubл.: 6, с. 22. О сюжете см. [39]; ср. здесь № 208.

¹ «Старый черный жир из светильника» — смесь горелого фитиля из мха и тюленевого жира, оседающая на дне и по бокам глиняного светильника. Применяется эскимосами в качестве черной краски.

№ 7

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Ытаина. Оpubл.: 13, № 44. Вар.: № 135; 6, с. 32; 10, № 26.

№ 8

Зап. Е. С. Рубцовой в 1941 г. в с. Чаплино от Инййнаун. Оpubл.: 13, № 47.

№ 9

Зап. Г. Меновщиковым в 1938 г. в Ленинграде от Каля. Оpubл.: 2, с. 78; 6, с. 26.

* Курсивом отмечены источники, по которым приводятся переводы в настоящем издании.

№ 10

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагикака. Опубл.: 3, с. 190; 6, с. 45. О сюжете см. 59, с. 233—234.

Ворон Кошкили, или Кукулин, в сказках азиатских эскимосов представляет собой, до-видимому, адаптацию имени чукотско-камчатского вороньего персонажа Кутха — Куткыннику — Куки — Куркыля.

№ 11

Зап. Г. Меновщиковым в 1971 г. в с. Нуямо Чукотского р-на от Ыкалюка. Опубл.: 13, № 43.

Имя лисы Нутен является прямым заимствованием из чукотско-камчатских языков.

№ 12

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Чаплино от Тагикака. Опубл.: 4, с. 142; 5, с. 30; 6, с. 34; 13, № 48; см. здесь № 15, 19, 20.

№ 13

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айвыхака. В сокр. виде опубл.: 4, с. 95; 5, с. 26; 6, с. 29; 9, с. 197; Ср. здесь № 14, 137, 138 (ср. чук. вар.: 13, № 116, 118).

То обстоятельство, что широко распространённый в русском и европейском фольклоре сюжет появляется в нашем материале во всех тех случаях, когда лиса (вместо неса) выступает как удачливый трикстер, заставляет подозревать здесь заимствование, несмотря на то что сюжет известен эскимосам разных регионов.

№ 14

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагикака. Публ. впервые (ср. № 13).

№ 15

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагикака. Публ. впервые. Вар.: 1, № 11; 10, № 42; вар. 11, с. 506 объединяет этот сюжет с элементами нашего № 20.

№ 16

Зап. Н. Рукактак в 1949 г. в с. Наукан от Кутвеун (пер. Г. Меновщикова). Опубл.: 5, с. 15; 6, с. 20. Вар.: 13, № 52 (ср. 13, № 116, 166).

№ 17

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в пос. Провидения от Альгалика. Опубл.: 6, с. 25.

№ 18

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. от Какля. Опубл.: 3, с. 183; 4, с. 89; 6, с. 38; 13, № 50.

№ 19

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Чаплино от Тагикака. Опубл.: 13, № 49. Вар. (почти тождественный): 3, с. 189; прочие вар.: 4, с. 138; 10, с. 42; 15. Ср. также (чук.) 13, № 109. За пределами региона единственная известная нам параллель: 57, № 24. —

№ 20

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Чаплино от Тагикака. Опубл.: 13, № 49.

№ 21

Зап. Н. Рукактак в 1949 г. в с. Наукан от Ыкалюка (пер. Г. Меновщикова). Опубл.: 13, № 51.

№ 22

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в с. Сиреники от Нумтагина. Опубл.: 6, с. 35; 7, № 1.

№ 23

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. от Тагикака. Опубл.: 3, с. 178; 4, с. 82; 6, с. 36.

Сюжет заимствован из чукотского фольклора, собственное имя Акана — эскимосская адаптация чук. Аканныкай (букв. «плохорогошький»). Чук. вар.: 13, № 107.

№ 24.

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. от Айвыхака. Опубл.: 3, с. 169; 5, с. 33; 6, с. 37. Вар.: 10, № 32 (здесь медведь раздавливает мышку насмерть).

№ 25

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Эрмена. Публ. впервые.

№ 26

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. от Какля. Опубл.: 3, с. 161; 4, с. 56; 5, с. 40; 6, с. 42.

№ 27

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. от Тагикака. Опубл.: 5, с. 38; 6, с. 50; ср. здесь № 3.

№ 28

Зап. Г. Меновщиковым в 1971 г. в с. Ново-Чаплино от Нанухак. Публ. впервые.

№ 29

Зап. Г. Меновщиковым в 1954 г. в с. Сиреники от Валентины Вирп. Публ. впервые.

№ 30

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагикака. Опубл.: 6, с. 185; 13, № 35.

№ 31

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагикака. Опубл.: 4, с. 11; 5, с. 60; 6, с. 85; 11, с. 532.

№ 32

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. от Тагикака. Опубл.: 6, с. 65; 13, № 36. Вар.: № 82.

№ 33

Зап. Г. Меновщиковым в 1971 г. в с. Нунымо от Ыкалюка. Опубл.: 13, № 23; ср. здесь № 34, 101, 173.

Сюжет заимствован из ительмено-корякских сказок о вороне Кутхе-Куйкыньяку и его сыне Эмэмкуте. В эскимосской версии Эмэмкут имеет дело не с оленеводами, т. е. коряками или олепными чукчами, а с «удачливыми китобоями», которыми могли быть только эскимосы или приморские чукчи.

№ 34

Зап. Г. Меновщиковым в 1954 г. в с. Чаплино от Асуий. Опубл.: 6, с. 30; 11, с. 507. Вар.: № 101; ср. № 33, 173, ительменск. версию см. 13, № 168, 169.

№ 35

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. от Тагикака. Публ. впервые.

№ 36

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. от Тагикака. Опубл.: 6, с. 56.

Адаптация ительмено-корякского сюжета о глупом Кутхе (Кукки), ср.: 13, № 119. К эпизоду с завязыванием глаз см.: 23, с. 126—127.

№ 37

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в с. Сиреники от Нумтагина. Опубл.: 6, с. 192; 7, № 7.

№ 38

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в с. Сиреники от Ильгишаун. Опубл.: 6, с. 80; 7, № 8; 13, № 33.

№ 39

Зап. Е. С. Рубцовой в 1946 в Анадыре от Кейнына. Опубл.: 13, № 5.

Об эпизоде с китами см.: 54, с. 103; 59, с. 233.

№ 40

Зап. Е. С. Рубцовой в 1940 г. в с. Чаплино от Налюгьяка (пер. Г. Меновщикова). Публ. впервые.

О сюжете см.: 54, с. 99—100.

№ 41

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Лаврентия от Увролюка, который слышал эту сказку от своего отца Упикая. Опубл.: 4, с. 31, 6, с. 175; 11, с. 528. Ср. чук. миф о происхождении островов Берингова пролива (с другим сюжетом): 13, № 59.

№ 42

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Капи. Опувл.: 13, № 11. Вар.: 6, с. 172.

№ 43

Зап. Г. Меновщиковым в 1971 г. в с. Нуямо от Ыкалюка. Опувл.: 13, № 13.

Тексты № 43, 45, 55 заимствованы из чукотского фольклора, так как реалии в них отражают быт кочевников-оленоводов, а не оседлого берегового населения.

№ 44

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Кутвеун. Опувл.: 6, с. 160.

№ 45

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в с. Сиреники от Рагыны. Опувл.: 6, с. 58; 7, № 6; 13, № 18.

№ 46

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Эрмена. Опувл.: 13, № 20.

№ 47

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Ытаина. Опувл.: 13, № 54; ср. № 48.

№ 48

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Чаплино от Тагиака. Опувл.: 6, с. 52; ср. здесь № 47.

№ 49

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айыхака. Опувл.: 3, с. 12; 5, с. 35; 6, с. 51. Ср. нанайскую параллель: 42, с. 122; этот тип кумулятивной сказки представлен и в русской традиции.

№ 50

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Чаплино от Асуи. Опувл.: 6, с. 84.

№ 51

Зап. Е. С. Рубцовой в 1941 г. в с. Сиреники от Пакики (пер. Г. Меновщикова). Публ. впервые. Вар.: 3, с. 36; 5, с. 62; 6, с. 86 — здесь женщина после потери сына возвращается домой, но муж изгоняет ее.

№ 52

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Чаплино от Айыхака. Опувл.: 3, с. 45; 6, с. 143.

Сюжет, вероятно, заимствован из чукотского «оленного» цикла — сказок о борьбе за оленьи стада.

№ 53

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Кутвеун. Опувл.: 6, с. 135. Вар.: № 152.

Несмотря на реалии оленеводческого быта, наличие аляскинского варианта (здесь № 152), заставляет думать, что этот сюжет — эскимосский, но изменившийся под влиянием чукотской оленеводческой культуры.

№ 54

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айыхака. Опувл.: 6, с. 139.

¹ *Тынагыргын* — небесное божество, заимствованное из чукотской мифологии, его имя — по-чукотски букв. «рассвет».

№ 55

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айыхака. Опувл.: 3, с. 200; 6, с. 156.

¹ Праздник приза — обрядовый праздник состязаний в ловкости, в силе, в беге; победитель награждался призом: обувью, одеждой, тюленьими шкурами или ремнями. Приз подвешивается на «призовой столб» и победитель должен был сам свить приз, допрыгнув до него. Устраивала праздник одна семья, но в играх мог участвовать весь поселок.

№ 56

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Ытаина. Опувл.: 5, с. 67;

11, с. 529; 6, с. 93; 13, № 19; ср. № 99, 168. Вар.: 44, № 67; чук. вар.: 24, с. 115.

Сказка воспринималась как предание: старики показывали ту яму, в которой их предки вырастили кита. Наукан состоял из нескольких поселков, в которых жили до восьми семейно-родовых общин (см. [5, с. 5]), наиболее могущественными из них были общины Нунагмит и Мамрохпагмит (по названиям поселков Нунак и Мамрохпак). Кит «принадлежал» общине Нунагмит.

№ 57

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Чаплино от Айвыхака. Опубл.: 3, с. 147; 5, с. 121; 6, с. 164.

№ 58

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в пос. Провиденция от Альгалика. Опубл.: 6, с. 162; 13, № 21.

¹ «Друг к другу лбами прижмутся» — жест, символизирующий глубокие страдания людей, потерявших кого-либо из близких.

№ 59

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагикака. Публ. впервые.

¹ «Жене своей приказал... чтобы на носу его сделала татуировку» — см. примеч. к № 4.

№ 60

Зап. Г. Меновщиковым в 1971 г. в с. Чаплино от Нанухак. Публ. впервые.

№ 61

Зап. Е. С. Рубцовой в 1941 г. в с. Сиреники от Ынаты (пер. Г. Меновщикова). Публикуется впервые.

Имя ворона «Ыпына», впервые зафиксированное в этом тексте на языке сиреникских эскимосов, этимологизации не поддается.

№ 62

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Чаплино от Тагикака. Публ. впервые.

№ 63

Зап. Е. С. Рубцовой в 1941 г. в с. Сиреники от Пакики (пер. Г. Меновщикова). Публ. впервые.

№ 64

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Ампоны. Опубл.: 6, с. 116; 13, № 6.

№ 65

Зап. Н. Рукактак в 1949 г. в с. Наукан от Кутвеун (пер. Г. Меновщикова). Опубл.: 13, № 8. Вар.: № 81; ср. № 67, 111, 268.

Топоним «Кыгмик», возможно, указывает на аляскинское происхождение сказки, как и упоминание деревьев, не растущих на берегах Берингова пролива, где с древних времен живут науканские эскимосы.

¹ Амек — букв. «шкура».

№ 66

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагикака. Опубл.: 5, с. 80; 6, с. 107.

№ 67

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Каля. Опубл.: 13, № 7. Вар.: № 111; ср. № 65.

Этнографическим комментарием к этой сказке могут служить данные о применении обряда вторичного рождения (обычно в виде имитации рождения, например пропускания через статую женщины) к людям, считавшимся умершими (по которым был заочно справлен погребальный обряд) или побывавшим где-нибудь за пределами «своего» мира, т. е. территории, признаваемой обжитой, человеческой (иногда — священной). Такие данные см., например: 58, с. 208—213.

№ 68

Зап. Г. Меновщиковым в 1971 г. в с. Цувямо от Ыкалюка. Оpubл.: 13, № 9.

Анализ сказки см.: 54, с. 98—99.

№ 69

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Кутвеун. Оpubл.: 6, с. 152; 11, с. 520; 13, № 12.

№ 70

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Ыгаина. Оpubл.: 6, с. 119; 13, № 22. Вар.: № 158, 159.

№ 71

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в с. Сиреники от Киргины. Оpubл.: 6, с. 166; 7, № 13; 13, № 25; ср. № 96, 117, 119, 164, 202, 270. Чук. вар. финальной части: 13, № 69.

№ 72

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагиака. Оpubл.: 3, с. 211; 4, с. 105; 6, с. 133; 13, № 26. Отд. вар.: 1, № 9; ср. (к началу): № 75, № 91; (к эпизоду с великаном): № 181, 190, 232.

№ 73

Зап. Н. Рукактак в 1949 г. в с. Наукан от Кутвеун (пер. Г. Меновщикова). Оpubл.: 13, № 27.

Единственная известная в эскимосском фольклоре сказка, где не желающим вступить в брак оказывается мужчина (ср. № 71, 117 и др.).

№ 74

Зап. Н. Рукактак в 1949 г. в с. Наукан от Кутвеун (пер. Г. Меновщикова). Оpubл.: 5, с. 87; 6, с. 113; 13, № 28. Ср. чук. параллель: 13, № 65.

№ 75

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айвыхака. Оpubл.: 3, с. 217; 5, с. 100; 6, с. 131; 13, № 29. Вар.: 13, № 10, здесь № 91; ср. № 72, 106, 116.

№ 76

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Накаюк. Оpubл.: 6, с. 129; 13, № 30; ср. 10, № 3.

№ 77

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в с. Сиреники от Рагтыны. Оpubл.: 6, с. 89; 7, с. 151; 13, № 14. Отдаленно ср.: 13, № 125. О сюжете см.: 59, с. 230—231.

№ 78

Зап. Е. С. Рубцовой в 1941 г. в с. Чаплино от Утатауна. Оpubл.: 13, № 16. Вар.: № 79, 98; ср. № 219.

¹ После этих слов — пояснение рассказчика: «Говорят, что подземные люди — тунгаки. Но живут они совсем как люди».

№ 79

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в пос. Провидения от Альгалика. Оpubл.: 6, с. 179. Вар.: № 78, 98.

Об эпизоде с касатками см.: 59, с. 100—101; 54, с. 236—237.

№ 80

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в с. Сиреники от Апаты. Оpubл.: 6, с. 97; 7, № 11; 13, № 24.

¹ «Старушка с середины прохода китовую лопатку убрала» — т. е. открыла в своем жилище отверстие, через которое видна земля. Ср. № 219.

² Нитка бус — древнее женское украшение эскимосов; изготовлялось из моржовых зубов или птичьих клювов.

№ 81

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в пос. Провидения от Альгалика. Оpubл.: 6, с. 183; 13, № 32; ср. № 65, 268.

Представления эскимосов о касатках — морских животных из отряда китовых, охотников на китов — хорошо видны из следующего рассказа Айвыхака (зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино. Оpubл.: 6, с. 189):

«Давным-давно, когда я маленьким был, бабушка моя рассказывала мне про касаток. Ведь эскимосы не убивают касаток. А почему? Потому что касатки — друзья морских охотников. Вот слушай! Летом касатки охотятся на море группой по восемь. Так же как байдарная группа — по восемь человек. Одна маленькая касатка морским зверям языки отрезает. Касатки охотятся на морских зверей, как люди. Они артелью добывают зверя и питаются им. Когда касатки к берегу подходят с добычей, их женщины уносят на хранение мясо. Касатки любят покурить. Когда в море они видят байдары с охотниками, то близко подходят к ним, чтобы закурить. И действительно, люди на байдарках в этот момент весла брасают, не гребут. Кто-нибудь из смельчаков скажет:

— Касатки идут! Касатки идут! Наверное, покурить хотят! Дадим им закурить!

И вот наши охотники в трубки набивают табак, разжигают, затем в воду выколачивают. Так табаком с касатками делятся.

Вот наступает зима, и касатки выходят из моря, превращаются в волков и уходят в тундру. Шаманствующие эскимосы обращаются к волкам в своих песнях с просьбой, чтобы у богатых оленеводов волки оленей побольше поубивали да целиком бы их не съедали. Волки не глухие. Оленей у богатых оленеводов они поубивают, но не съедают их. Волки — это касатки. Убивать их нельзя. И эскимосы волков-разорителей не убивали. Люди верили, что если волка человек убьет, то сам заболест и умрет или его родные. Но уж если человек случайно волка убьет, тогда бывает праздник: как будто бы люди кита убили и празднуют пять дней.

Летом волки к побережью приходят и вновь становятся касатками. Около берегов охотятся на морских зверей, как люди, добывая себе в пищу нерп, лахтаков, моржей и китов. Зимой снова волками становятся, в тундру уходят. Тундровых зверей разных убивают, оленя убивают. Так при старых обычаях мы верили тому, что вредно. Старики верили и нас заставляли верить небылицам. Все».

№ 82

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айвыхака. Опубл.: 6, с. 62; 13, № 37. Вар. № 32. Чук. вар. 24, № 108.

№ 83

Зап. В. Апальквасак в 1952 г. в Ленинграде от Итхуткака (пер. Е. С. Рубцовой). Опубл.: 13, № 38. Вар.: 6, с. 53; 11, с. 509; 53, с. 106—108; Ср. также 1, № 10; 11, с. 534.

№ 84

Зап. Е. С. Рубцовой в 1941 г. в с. Чаплино от Налюгьяка. Опубл.: 12, № 39.

№ 85

Зап. Е. С. Рубцовой в 1941 г. в с. Сиреники от Ыпаты (пер. Г. Меновщикова). Публ. впервые.

№ 86

Зап. Н. Вахтиным и Ф. Куяной в 1974 г. в с. Ново-Чаплино от Аглю. Публ. впервые. Вар.: 2, с. 43 (здесь жену отнимает старшина, улыльк).

№ 87

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. от Тагикака. Публ. впервые.

¹ Имена собственные Сягуягниту и Иягниту образованы от имен нарицательных сягуяк — «бубен» и ияк — «отдушина».

№ 88

Зап. Г. Меновщиковым в 1936 г. от Амкауна. Опубл.: 4, с. 64; 5, с. 51; 6, с. 68.

№ 89

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в пос. Лаврентия от Какля. Опубл.: 4, с. 67; 5, с. 54; 6, с. 76.

№ 90

Зап. Е. С. Рубцовой в 1941 г. в с. Сиреники от Пакики (пер. Г. Меновщикова). Публ. впервые.

№ 91

Зап. Н. Рукактак в 1948 г. в с. Наукан от Кутвеун (пер. Г. Меновщикова). Опубл.: 5, с. 71; 6, с. 98. Вар.: № 75; ср. 72, 106, 116.

№ 92

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Кутвеун. Опубл.: 6, с. 102. Вар.: № 145.

№ 93

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Чаплино от Альгалика. Опубл.: 6, с. 121.

№ 94

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айвыхака. Опубл.: 3, с. 205; 4, с. 37; 5, с. 124; ср. № 58.

№ 95

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагикака. Опубл.: 6, с. 141.

№ 96

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Чаплино от Айыхака. Опубл.: 6, с. 146; ср. № 73, 117, 119, 202.

№ 97

Зап. Е. С. Рубцовой в 1955 г. в с. Чаплино от Эмма (пер. Г. Меновщикова). Публ. впервые. Вар. № 107; ср. чук. вар. 13, № 76; 24а.

№ 98

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Чаплино от Айыхака. Опубл.: 6, с. 141; ср. здесь № 78, 219, а также 13, № 16.

№ 99

Зап. Е. С. Рубцовой в 1941 г. в с. Сиреники от Пакики (пер. Г. Меновщикова). Публ. впервые; ср. № 56, 168, 205.

№ 100

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Яёка (на яз. эскимосов группы инуит). Опубл.: 6, с. 222. Ср. отдаленно: 1, № 4.

№ 101

Зап. Н. Вахтиным и Ф. Куяпой в 1974 г. в с. Ново-Чаплино от Аглю. Публ. впервые. Вар.: № 34.

¹ «Совсем состарюсь» — т. е. «умру».

№ 102

Зап. Г. Меновщиковым в 1971 г. в с. Ново-Чаплино от Напухак. Публикуется впервые.

¹ «Эй, внутренняя» — обращение к человеку, находящемуся в помещении.

² Двойник человека — дух тутныгакшук.

№ 103

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагикака. Публ. впервые.

№ 104

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айыхака. Публ. впервые.

№ 105

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айыхака. Публ. впервые.

№ 106

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айыхака. Публ. впервые. Вар.: № 116; ср. № 75, 91.

№ 107

Зап. Е. С. Рубцовой в 1941 г. в с. Чаплино от Лялювы (текст в материалах Рубцовой переведен с чаплинского диалекта на язык сиреникских эскимосов, имя переводчика не указано; рус. пер. Г. Меновщикова). Публ. впервые. Вар.: № 97.

№ 108

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Чаплино от Айвыхака. Публ. впервые.

№ 109

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айвыхака. Публ. впервые.

№ 110

Зап. Г. Меновщиковым в 1971 г. в с. Ново-Чаплино от Наухак. Публ. впервые.

№ 111

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Каля. Опубл.: 13, № 7. Новый пер. публ. впервые.

№ 112

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагикака. Опубл.: 13, № 1.

№ 113

Зап. Е. С. Рубцовой в 1941 г. в с. Чаплино от Имагми. Опубл.: 13, № 2.

№ 114

Зап. Тагикаком в 1940 г. в с. Чаплино от Гальмугье (пер. Г. Меновщикова). Опубл. 13, № 3.

№ 115

Зап. Г. Меновщиковым в 1971 г. в с. Нуиямо от Ыкалюка. Опубл.: 13, № 4 с ошибочным утверждением в комментарии, что это — первая фиксация сюжета (см. примеч. к № 116). Вар.: № 116.

№ 116

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Тагикака. Публикуется впервые (текст был утерян и разыскан в 1977 г., ср. примеч. к № 115). Вар.: № 115; ср. № 106.

№ 117

Зап. Е. С. Рубцовой в 1946 г. в Анадыре от Кейшына. Опубл.: 13, № 15; ср. № 119, 164, 202, 270; отдаленно ср. № 71, 96.

№ 118

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Ытаина. Опубл.: 5, с. 125; 6, с. 167; 8, № 2; 11, с. 535; ср. № 120.

№ 119

Зап. Г. Меновщиковым в 1971 г. в с. Ново-Чаплино от Наухак. Публикуется впервые; ср. № 117, 164, 270 и др.

№ 120

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Эрмена. Публ. впервые; ср. № 118 (где действуют члены того же рода, о гибели которого повествует это предание. На самом деле представители рода Алихпагмит сохранились среди науканцев до сих пор).

№ 121

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Айвыхака. Публ. впервые. Вар.: 4, с. 123; ср. чук. вар.: 44, № 93.

№ 122

Зап. Г. Меновщиковым в 1960 г. в пос. Провидения от Альгалика. Опубл.: 6, с. 194; 13, № 40.

№ 123

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Ытаина. Опубл.: 11, с. 512; 13, № 42. Сюжет бытовой сказки или «сказа», возможно, заимствован из быта и репертуара чукчей.

№ 124

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Наукан от Ататеина. Опубл.: 4, с. 15; 5, с. 135; 6, с. 193.

№ 125

Зап. Г. Меновщиковым в 1941 г. в с. Чаплино от Айвыхака. Опубл.: 5, с. 149; 6, с. 212.

¹ «Оставил в живых только двух противников». — По древним обычаям палеоазиатов, из побежденных врагов оставляли в живых одного или двух, с тем чтобы они рассказали в своем стане о силе победителей.

№ 126

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Хульхены. Опубл.: 6, с. 209.

№ 127

Зап. Г. Меновщиковым в 1940 г. в с. Чаплино от Майпы. Опубл.: 4, с. 18; 5, с. 151; 6, с. 213; 11, с. 546.

Текст представляет собой «хроникат» или «сказ» о сражении приморских жителей — чукчей и эскимосов — с танниитами — так азиатские эскимосы называли отряды или небольшие ватаги кочевников (чукчей, коряков, юкагиров), приходившие из-за Анадыря не только для захвата оленных стад, но и для ограбления оседлого приморского населения, занимавшегося промыслом морского зверя.

¹ Таниприт — название горы, где, по преданию, произошла последняя битва между северянами и танниитами.

№ 128

Зап. Г. Меновщиковым в 1954 г. в с. Сиреники от Нумылина. Опубл.: 5, с. 159; 6, с. 218; 11, с. 542.

№ 129

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Хульхены. Опубл.: 5, с. 168; 6, с. 226; 11, с. 540.

Наличие собственных имен персонажей, привязка событий к конкретным географическим пунктам — все это свидетельствует о реальных связях между чукотскими и аляскинскими аборигенами: наукапцами и уэленцами (азиатскими эскимосами и береговыми чукчами) и кыгмитцами (жителями эскимосского селения Кыгмик, или Кыгтык, — ныне Уэльс — на Аляске). Эти связи через Берингов пролив продолжались до начала 20-х годов нашего века.

¹ «Летательные амулеты» — деревянные или костяные фигуры птиц; у азиатских и аляскинских эскимосов считалось, что эти амулеты помогают преодолеть большое расстояние и даже взлететь в воздух.

№ 130

Зап. Н. Рукактак в 1949 г. в с. Наукан от Ыкалюка (пер. Г. Меновщикова). Опубл.: 13, № 41.

№ 131

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Хульхены. Публ. впервые. Вар.: 10, № 2; ср. 2, с. 65.

¹ Кыгмитские гости (иннуиты) — жители с. Кыгмик на Аляске (см. примеч. к № 129).

² «Подбрасывали друг друга на моржовой шкуре» — старинная эскимосская игра (увыхтак); выигрывал тот, кто удержится на ногах при подбрасывании.

№ 132

Зап. Г. Меновщиковым в 1948 г. в с. Наукан от Уникая. Публ. впервые. «Сказ» о сражении наукапских и нунагмитских эскимосов с иноплеменниками, которые подошли к Наукану и Нунаку с северной стороны, разгромив перед этим селения Уэлен (Олык) и Санлук.

№ 133

Зап. Н. Вахтиным и Ф. Куяпой в 1974 г. в с. Ново-Чаплино от Ятылина. Публикуется впервые.

¹ «Только друзей своих не трогали» — все жители Уназика имели на Сивукаке так называемых «напарников» или «товарищей» (налъыккэит).

№ 134

Зап. Н. Вахтиным и Ф. Куяпой в 1974 г. в с. Ново-Чаплино от Аглю. Публ. впервые. Возможно предположить заимствование, может быть из русского фольклора; ср. № 8.

СКАЗКИ
АЛЯСКИНСКИХ ЭСКИМОСОВ

Тексты № 135—165 (кроме № 155) даны по [17] в переводах Н. Вахтина (им же осуществлена сверка тех сказок, которые даны в [17] в подлиннике и переводе, т. е. № 1—10 по нумерации оригинала). Записи сделаны в экспедициях Даймона Дженнеса 1913—1918 гг. Более точных данных у Дженнеса нет, поэтому наспортизация здесь менее подробно, указывается только имя сказителя (место записи читатель может найти под этим именем в Сведениях о рассказчиках, там же подробнее см. о данных, приводимых в [17]), а также номер по изданию Дженнеса.

№ 135

Зап. от Пауткана. 17, № 2. Вар.: № 7.

№ 136

Зап. от Фреда. 17, № 14.

№ 137

Зап. от Майка. 17, № 15. Вар.: № 138; ср. № 13, 14.

№ 138

Зап. от Дженни Томсен. 17, № 16. Вар.: № 137; ср. № 13, 14.

¹ «Спасибо, сын» — медведица назвала лису сыном в благодарность за помощь, которую та якобы ей оказала; такой помощи можно было бы ждать от сына — так по крайней мере понимает это рассказчик (примеч. Дженнеса).

№ 139

Зап. от Уналины. 17, № 20. Вар.: № 6, 208; см. примеч. к № 6.

№ 140

Зап. от Анготитсиака. 17, № 1.

№ 141

Зап. от Альфреда Хобсона. 17, № 4.

№ 142

Зап. от Куашканы. 17, № 6.

№ 143

Зап. от Куашканы. 17, № 3.

№ 144

Зап. от Куашканы. 17, № 8.

№ 145

Зап. от Угиарнака (при содействии Итаклюка и Альфреда Хобсона). 17, № 10; ср. № 92.

№ 146

Зап. от Палаийак. 17, № 11.

№ 147

Зап. от Фреда. 17, № 21; ср. № 148.

№ 148

Зап. от Фреда. 17, № 22; ср. № 147.

№ 149

Зап. от Фреда. 17, № 23. Вар.: № 171, 204.

№ 150

Зап. от Фреда. 17, № 24.

№ 151

Зап. от Дженни Томсен. 17, № 25; ср. № 51.

№ 152

Зап. от Дженни Томсен. 17, № 26. Вар.: № 53.

№ 153

Зап. от неизвестного лица на мысе Принца Уэльского. 17, № 28.

¹ «Шкурки от одной оленьей ноги почти хватало ему на сапог» — обычно на сапог идут два оленьих «чулка». Отсюда и имя Накасюналюк — «коротконогий» (букв. «короткие икры») (примечания Дженнеса даны прямо в тексте сказки).

№ 154

Зап. от Мангилена. 17, № 29; ср. № 64, 99, 168, 205, 267.

- № 155
Зап. в эск. пос. Иманак. Опубл.: 21.
- № 156
Зап. от Куапканы. 17, № 9.
- № 157
Зап. от Дженни Томсен. 17, № 30. Вар.: № 228.
- № 158
Зап. от Фреда. 17, № 31. Вар.: № 70, 159.
- № 159
Зап. от Дженни Томсен. 17, № 32. Вар.: № 70, 158.
- № 160
Зап. от Дженни Томсен. 17, № 33.
- № 161
Зап. от Анготитсиака. 17, № 34.
- № 162
Зап. от Паутканы. 17, № 35.
- № 163
Зап. от Анготитсиака. 17, № 36. Анализ сюжета, фрагментарно представленного в этой сказке, см.: 60, с. 21—22, 27—29, 39—83, там же обзор вариантов.
- № 164
Зап. от Каупканы. 17, № 7. Вар.: № 117; ср. № 71, 119, 270.
- № 165
Зап. от Фреда. 17, № 37.

СКАЗКИ И МИФЫ КАНАДСКИХ ЭСКИМОСОВ

Тексты в этом разделе даются по [17; 18]. Пер. Н. Вахтина. Паспортные данные даются так же, как в предыдущем разделе (см. Сведения о рассказчиках).

- № 166
Зап. от Илятсиака. 17, № 47.
- № 167
Зап. от Илятсиака. 17, № 52.
- № 168
Зап. от Икпакхуак. 17, № 56. Ср., с одной стороны, № 205, с другой — № 56, 99.
- № 169
Зап. от Илятсиака. 17, № 60.
- № 170
Зап. от Илятсиака. 17, № 61.
- № 171
Зап. от Икпакхуака. 17, № 64. Вар.: № 149, 204.
- № 172
Зап. от Улёксяка. 17, № 84. Отдаленно ср. № 192, 267.
- № 173
Зап. от Улёксяка (слышавшего эту сказку от Каксявика из с. Паллик, Гудзонов залив). 17, № 90; ср. № 33, 34, 101.
- № 174
Зап. от Сали Агнайтук. 18, № 12.

Для этого и всех других текстов, опубликованных в книге Э. Нунгака и Е. Арима [18], характерна краткость, а часто и фрагментарность записей. За редкими исключениями, отсутствует диалог персонажей. Создается впечатление, что рассказчики и собиратели текстов этой книги стремились к фиксации только основного содержания образцов устного творчества, подгоняя их к соответствующим иллюстрациям — памятникам скульптурного искусства канадских эскимосов. Мы нашли возможным заимствовать из книги Э. Нунгака и Е. Арима всего 7 текстов (из 46).

- № 175
Зап. от Улёксяка. 17, № 85.
- № 176
Зап. от Улёксяка. 17, № 66.
- № 177
Зап. от Илятсиака. 17, № 80.
- № 178
Зап. от Анауюка. 17, № 81. Топонимическое предание. Отдалено ср. № 41.
¹ «На самый южный остров» — из группы островов Листон и Сатон в проливе Юнион и Дольфин.
- № 179.
Зап. от Илятсиака. 17, № 83.
- № 180
Зап. от Улёксяка. 17, № 87.
- № 181
Зап. от Сали Агннайтука. 18, № 1. Вар.: № 190, 232; ср. эпизод в № 72. Анализ сюжета и обзор вариантов см.: 60, с. 5—38.
- № 182
Зап. от Юанаси Киннуаюак. 18, № 2.
Туники (ср. № 183, 184) в отличие от азиатских тунгаков, тугныгаков, бывают то враждебны, то дружественны человеку, как и гренландские обитатели тундры, называемые близким словом («тунек», в переводе «тугныгак», ср. также производное «туннитухгук» — № 187). Некоторые черты туников заставляют видеть в них какое-то прошлое, древнее население земли (ср. «предки» в гренландских сказках, где предки — всегда люди).
- № 183
Зап. от Саима Китсуаюка. 18, № 3.
- № 184
Зап. от Юанаси Киннуаюак. 18, № 6.
¹ Имя Икутайук значит «сверлящий», «пронзающий».
² Инуксюк — сооружение, сложенное из камней, напоминающее фигуру человека.
- № 185
Зап. от Сали Агннайтука. 18, № 9.
- № 186
Зап. от Сали Агннайтука. 18, № 10.
Фрагментарный вариант сюжета, очень распространенный у эскимосов Западного полушария: одну половину двойного иглу занимают карлики, другую — люди (старушки). Когда карлики хотят уйти, старушка, желая завладеть их запасом мяса, плюет на него (чтобы оно примерзло). После ухода карликов мясо снова принимает естественный размер (туша оленя становится тушкой птицы), так как пища карликов соизмерима с человеческой только до тех пор, пока карлики общаются с людьми.
- № 187
Зап. от Таиватиалюка Аласуака. 18, № 16; ср. примеч. к № 182.
Девочка из этого рассказа, Магги Наюмми, была еще жива во время записи; от мальчика остались два сына.
- № 188
Зап. от Таиватиалюка Аласуака. 18, № 23.
Имя воскресшего связано или с обычаем переименования человека в каких-либо важных случаях (в особенности в защитных целях), или с наречением имени по какому-то происшествию, обстоятельствам рождения (перерождения) и т. п.
У эскимосов долины р. Коппер (т. е. тех, у которых записаны № 135—165) засвидетельствовано поверье о воскресении через три дня тех погибших в море людей, у которых были специальные амулеты или при рождении которых были произнесены специальные заклинания [53, с. 51].
- № 189
Зап. от Илятсиака. 17, № 67.

№ 190

Зап. от Икпакхуака и Улѣксяка. 17, № 68. Вар.: № 181, 232; ср. № 72; см. примеч. к № 181.

№ 191

Зап. от Улѣксяка. 17, № 72а; ср. № 192, 202 и примеч. к № 202.

№ 192

Зап. от Икпакхуака. 17, № 72е. Вар.: № 202, 267.

№ 193

Зап. от Илятсиака. 17, № 88.

№ 194

Зап. от Улѣксяка. 17, № 92.

№ 195

Зап. от Сали Агннайгук. 18, № 32.

№ 196

Зап. от Ливаи Кумалюка. 18, № 44.

Чисто этнографический рассказ об обряде жителей о-ва Белчер. Подобная охотничья инициация азиатским эскимосам неизвестна.

СКАЗКИ И МИФЫ ГРЕНЛАНДСКИХ ЭСКИМОСОВ

Тексты приводятся по источникам [16] (пер. Г. Меновщикова) и [19] (пер. И. Вахтина). В последнем информанты не указаны, так как тексты в этом издании сводные (в комментариях в нем указано только распространение сказки и количество использованных для свода вариантов, эти сведения мы не приводим). Записи сделаны Х. Ринком в центральной части Гренландии в середине XIX в. В нашем издании в примечаниях к этим сказкам указывается только номер по изд. [19]. Записи Э. Холтведа [16] сделаны в обл. Туле в 1935—1937 и 1946—1947 гг. Для них указываются имя рассказчика и номер по изд. [16]. В переводах текстов Холтведа в некоторых местах сокращены многочисленные повторы, характерные для его информантов, все прочие сокращения оговорены в комментариях, где также широко используются многочисленные ценные примечания Холтведа (чаще его информантов — рассказчиков или носителей языка, помогавших ему в переводе); большая часть этих примечаний дана при подстрочном, а не в литературном английском переводе (в основу рус. пер. положен последний), в этом случае ссылка дается на том 1 изд. [16].

№ 197

Зап. от Амауналик. 16, № 60. Ср. отдаленно № 16, анализ сюжета и обзор вариантов у эскимосов и индейцев (азиатских вариантов нет); см. 60, с. 84—107.

¹ Морские вороны — название птероподов (крылоногих моллюсков), мелких ракушек, образующих особый планктон или ил.

№ 198

Зап. от Амауналик. 16, № 66.

№ 199

Зап. от Амауналик. 16, № 67.

№ 200

Зап. от Амауналик. 16, № 73.

¹ Аксаутлюгсанак — букв. «малыш с больной лапой».

² Мыгкогсуанак — букв. «длинноволосый малыш».

№ 201

Зап. от Амауналик. 16, № 68.

№ 202

Зап. от Амауналик. 16, № 11. Вар.: № 192, 267, ср. № 96.

¹ «Должны немного чего-нибудь съесть» — пояснение рассказчицы: «чтобы отец к этому привык и чтобы успокоить его».

² «Глупого старика» — по объяснению рассказчицы, смысл в том, что раз отец такой глупый, то пусть за это расплачивается.

³ «Вьючными животными» — буквальный перевод; видимо, речь идет о том, что одни собаки одичали и стали (остались) волками, а другие стали

ездовыми, как люди разделились на белых людей (безвредных) и опасных демонов, т. е. превращения в первом случае нет.

⁴ Кинмиуныкагфик — букв. «собачий», островок в Инглфилд Бреднинг рядом с сел. Кангыглюсюк.

В вар. 16, № 11А у героини рождаются от собаки волки и разные народы: эскимосы, индейцы, белые и норвежцы.

№ 203

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 32.

№ 204

Зап. от Амауналик. 16, № 36. Вар.: № 149, 171.

¹ «Китляк» — по-видимому, «камень».

№ 205

Зап. от Амауналик. 16, № 39. Вар.: № 168; ср. № 99, 156; ср. также отчасти № 92, 150.

№ 206

Зап. от Амауналик. 16, № 40.

№ 207

Зап. от Амауналик. 16, № 41.

В вар. 16, № 41А дома противопоставлены не как «громкий» и «тихий», а как большой и маленький, второй человек выбирает большой дом и гибнет.

№ 208

Зап. от Амауналик. 16, № 61. Вар.: № 6. О сюжете см. [39].

¹ Покрышка — шкуры на нарах, на которых спят.

№ 209

Зап. от Амауналик. 16, № 64.

№ 210

Зап. от Амауналик. 16, № 65.

№ 211

Зап. от Амауналик. 16, № 69.

№ 212

Зап. от Амауналик. 16, № 70.

№ 213

Зап. от Амауналик. 16, № 71.

№ 214

Зап. от Инугагсюк. 16, № 75.

Можно подозревать, что сказка пародийна (вероятно, представляет собой импровизацию рассказчицы, может быть даже в насмешку над собирателем).

№ 215

Зап. от Амауналик. 16, № 76.

Неясно, сказал ли ворон правду, особенно учитывая финал сказки, где подчеркивается, что несчастье произошло из-за слов ворона.

№ 216

Зап. от Амауналик. 16, № 77.

№ 217

19, № 2. Вар.: № 230.

¹ «Окно» — окна затягивали полупрозрачными внутренностями животных.

² «Мой уло, ведь я тебя няичила!» — из сопоставления с № 230 понятно, что женщина просит свой нож (уло), чтобы обрезать льня.

³ «Из которых... произошли нарвалы» — перевод Ринка допускает два понимания: нарвалы произошли из бивней, в которые превратились волосы женщины, сама же она превратилась в рыбу, или же (как в № 230) женщина превратилась в рыбу, а волосы ее — в бивень, «отчего и произошли нарвалы» (т. е. рыбы с бивнями).

№ 218

Зап. от Амауналик. 16, № 17.

№ 219

Зап. от Амауналик. 16, № 4; ср. № 78, 98.

¹ «Стала горной женщиной» — пояснение Холтведа: «Горные люди —

это мужчины и женщины, ушедшие от соплеменников в горы, чаще всего потому, что считали себя обиженными (обычно будучи ранены и т. п.). Согласно распространенному представлению, они приобретали сверхъестественные способности и считались опасными» [16, т. 1, с. 31].

² «Стало совсем темно» — пояснение информанта: «так как месяц стал спускаться с неба».

³ «Играют в веревочные фигуры» — игра, известная и русским, и другим народам как детская (англ. название — букв. «колыбель для кошки»): меняя положение пальцев, перестраивать фигуры из надетых на них веревок (см. специально [65] и вторую часть [17], где описан действительно известный всем группам эскимосов — во всяком случае, Канады, Аляски, Гренландии — запрет на эту игру летом. Играть в нее можно только зимой, когда солнце вообще не поднимается над горизонтом; в исключительных случаях играют летом, но при тщательно закрытых дверях.) Существует дух веревочных фигур, о котором рассказывают истории, в частности довольно близкие к нашему № 157.

№ 220

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 14.

В вар. 16, № 14А предки идут в иной мир (без указания на то, что это именно небо), один из них падает в кучу перьев и задыхается в них, второй возвращается к людям.

№ 221

Зап. от Амауналик. 16, № 18.

¹ «Превратился в его внутренности» — перевод условный, букв. «Китуах-сук остался в камне и стал Китуахсуком». Очевидно, имя героя совпадает с названием какой-то скалы (хотя Холтвед такого комментария не дает), иначе эту фразу трудно понять.

В вар. 16, № 18А сцена укрывания беглеца более понятна: в ответ на жалобу: «Мои родители никогда мне не помогут» — из камня слышится голос: «Входи сюда» — и камень раскрывается, т. е. родители сироты живут в камне; соответственно попытки сдвинуть камень в этом варианте отсутствуют.

№ 222

Зап. от Амауналик. 16, № 20.

№ 223

Зап. от Инугагсюк. 16, № 21.

№ 224

Зап. от Амауналик. 16, № 22.

¹ «И вернулся к себе домой» — текст не вполне ясен, но, по всей видимости, женщина попросила стеречь огонь чужого ребенка.

№ 225

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 27; ср. № 163.

¹ «Не стряхни клещей» — перевод «клещи» (англ. mites) у Холтведа условен. Рассказчик, объясняя соответствующее слово, описывает маленьких черных насекомых 3—5 мм длиной, живущих в домах и иногда падающих с крыши [16, т. 1, с. 98]. Смысл предупреждения великана в том, чтобы человек не стрянул «клещей» (лисиц) с крыши на него.

№ 226

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 29.

№ 227

Зап. от Амауналик. 16, № 34.

¹ Ипакутсиак — название селения напротив Сиогапалука (примеч. Холтведа).

² «Приподнимая ей голову» — какая-то неясная магическая практика (у Холтведа не откомментировано, в других источниках не встретилось). Упоминается еще в № 237.

№ 228

Зап. от Амауналик. 16, № 34. Вар.: № 229 (начальный эпизод — вар. № 157).

¹ Великий огонь — по словам Рипка, это название (инныгсуак) целого класса подземных духов, среди которых выделяются добрые и злые (мыг-суккат или кутлиг и атлит).

² «Упал на землю» — информант Холтведа, помогавший ему в переводе, утверждает, что употребленная в тексте грамматическая форма подразумевает перенапряжение сил, т. е. «упал, надорвавшись»; тогда, возможно, здесь нужно видеть еще и магическое исцеление, как и в № 229 (где «тренировке» предшествует исцеление от волшебной слабости).

№ 229

19, № 1. Вар.: № 228.

¹ «Чтобы стать жестким» — т. е. неуязвимым для колдовства.

№ 230

Зап. от Амауналик. 16, № 37. Вар.: № 217.

¹ «Привязав к ней конец лinya» — информант поясняет, что здесь применительно к девушке употреблено слово, обозначающее то, к чему привязывают лinya: предмет, вбитый в землю или в лед, или специально пробитое отверстие во льду.

№ 231

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 38. Вар. (второй части): № 170. К началу ср. отдаленно № 56.

№ 232

Зап. от Амауналик. 16, № 42. Вар.: № 181, 190; ср. № 72 (здесь — наиболее полный вариант сюжета, представленного этими сказками).

¹ «Эти плавники я съем» — весьма вероятно, что людоеды не просто принимают человека за нерпу (рыбу и т. п.), как в № 72, а вообще не отличают людей от нерп, так как для них и то и другое — пища.

№ 233

Зап. от Амауналик. 16, № 43.

Сюжет сказки несомненно модернизирован, так как представления о драгоценных камнях, стекле и меди появились у эскимосов только с началом их контактов с европейцами.

¹ «Люди стали ловить много китов» — Холтвед сам не уверен в переводе этих слов, рассказчица их тоже не понимает и на вопрос о них ответила: «Это просто она так сказала», т. е. фраза либо бессмысленна (например, искажена), либо произнесена на языке духов (см. примеч. к № 235, 236).

№ 234

Зап. от Амауналик. 16, № 52.

№ 235

Зап. от Амауналик. 16, № 54.

¹ «Убежала... в горы» — т. е. стала горной женщиной, см. примеч. к № 219.

² «Торопитесь, а то догону» — сама рассказчица этих слов не понимает, т. е. видимо, воспринимала их как бессмысленные или сказанные на языке духов (перевод их принадлежит другому информанту Холтведа).

№ 236

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 79. Вар.: № 237.

¹ «Надев вместо камыков рукавицы» — пояснение Холтведа: чтобы показать, как плохо с ней обращаются.

² «Сколько у тебя братьев» — как бы задавая вопрос самой себе. (Примеч. Холтведа.)

³ «Я потерял ногу» — пояснение рассказчика: «Это говорится на языке тугныгаков (лесных жителей)».

№ 237

Зап. от Амауналик. 16, № 80. Вар.: № 236.

¹ «Занялись приготовлениями к войне» — речь идет о магической практике «поднимания головы» — см. примеч. к № 227.

№ 238

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 81.

В вар. 16, № 81А похищена взрослая женщина, и в нем соответственно отсутствует практика высасывания крови, она описана также в 16, № 83 и и — несколько иначе — в 16, № 35.

¹ «Мое имя Суакак. Так звали мою сестру, которая исчезла». — Обычай наречения поворожденных по имени умерших или потерявшихся.

№ 239

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 82.

¹ «Дом» — рассказчик утверждает [16, т. 1, с. 267], что сам видел такой дом тугныгаков, похожий на холмик или насыпь, на краю оз. Ита (теперь это озеро покрыто материковым льдом).

№ 240

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 84.

№ 241

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 85.

№ 242

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 87.

¹ «С ума сходили по женщинам» — это основной признак игкиликов. Ср. 16, № 86, где игкилик, женившийся на эскимоске, не может отогнать от нее своих соплеменников. См. также 16, № 88, здесь № 256.

² «Он был получеловек-полусобака» — в тексте это явно относится к охотнику, но здесь либо ошибка рассказчика, либо двусмысленность, неверно понятая переводчиком, так как обычно именно игкилики изображаются полулюдьми-полусобаками.

№ 243

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 89.

№ 244

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 96.

№ 245

Зап. от Амаупалик. 16, № 97.

¹ «Детскую пеленку» — см. примеч. к № 100 (ср. здесь: «на маленькой шкурке, служившей когда-то пеленкой»).

№ 246

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 98.

№ 247

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 100.

№ 248

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 104.

Остается непонятным, охотники ли забрали себе мясо, принадлежащее шаману, и были наказаны тем, что дух-медведь съел принадлежащее им мясо и обрек их на голодную смерть, или же дух-медведь съел мясо шамана.

№ 249

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 107.

№ 250

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 108.

№ 251

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 109.

¹ «Желудок... вдруг раздулся, и он начал харкать кровью» — вздутие живота связано с кровохарканьем и в другом тексте того же рассказчика (16, № 139): при нарушении пищевых табу у предков вздувался живот и начиналось кровохарканье, причем, по объяснению рассказчика [16, т. 1, с. 334], это не было вызвано какой-либо болезнью, а только самим фактом нарушения табу.

№ 252

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 110.

«Погребение» в пещере (ср. № 253) и воскрешение отдаленно сопоставимы с европейскими сказками и другими текстами, которые традиционно возводят к инициационному обряду и мифу о возрождении (ср. примеч. к № 67).

¹ Ала — греландское название американских эскимосов; речь идет, таким образом, о волшебных способностях чужестранца, например фишпа в скандинавском фольклоре, и т. п.

№ 253

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 115.

¹ «Падал» — т. е. падал с гор и разбивался насмерть; ср. № 276.

² «Возвращался домой» — т. е. воскресал.

№ 254

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 173.

№ 255

19, № 3.

¹ Заклинания, произносимые героиней, представляют собой бессмысленные звуко сочетания. (*Примеч. Ринка.*)

№ 256

19, № 4.

¹ Ыхкиликп — ср. игкиликп (№ 242), различие либо в региональном произношении, либо в системе записи Ринка и Холтведа. Им приписывается здесь владение ножами и медью; может быть, можно гипотетически соотнести эти свойства с поселениями скандинавов, заселивших и освоивших в XIII в. часть побережья Гренландии, а затем к XV в. утративших связь с метрополией и бесследно сгинувших на «зеленой земле». Можно предполагать, что эскимосы обнаружили именно остатки вымиравшего населения скандинавов, о чем свидетельствует перечисление металлических (медных) изделий, найденных у ыхкиликп, которые эскимосы не знали до периода первой колонизации Гренландии европейцами (см. [46, с. 35—41], ср. примеч. к № 272). Ринк полагает, что здесь отразились столкновения эскимосов с индейцами (в тот период, когда они еще жили на побережье Северной Америки).

² «С погасшим светильником» — т. е. на грани голода (примеч. Ринка).

³ «Опасаясь какого-нибудь подвоха» — т. е. опасаясь, что Кумахлят отомстит ему из ревности. (*Примеч. Ринка.*)

⁴ Киливфаки (или килиопаки) — фантастические животные обычно с шестью или десятью ногами. Этим словом называют также мамонтов (ср. 17, № 49).

№ 257

19, № 13.

¹ Полярная гагара (*Columbus glacialis*) — самая большая морская птица в Гренландии.

В Гренландии существует много других сказок про Куявагсюка; приводимый ниже текст может служить образчиком разных вариантов таких сказок.

КУЯВАГСЮК ДОБЫВАЕТ КИТОВ

Когда Куявагсюк стал взрослым, он отправился на север в одно селение, где у него был тезка, умерший от голода. Люди в тех краях охотились на китов; здесь Куявагсюк подружился с одним юношей. Они все время соперничали, но тому было не одолеть Куявагсюка. В начале зимы они поспорили, кто первый заметит кита. Куявагсюк никогда прежде китов не видел. Он поселился с одним стариком, который сказал ему:

— Когда кит близко, его нельзя не услышать: у него такое громкое шипящее дыхание.

И Куявагсюк все время был настороже, высматривая кита. Однажды утром, когда было совсем тихо, старик сказал:

— Если киты придут в этом году рано, они выберут вот такое утро.

Весь день Куявагсюк сидел на своем каяке, прислушиваясь, не раздастся ли шум китового дыхания, но ничего не мог услышать. Вечером, хорошо поохотившись, он попытался услыть, но не

мог. В полночь он встал и, выйдя наружу, услышал приближающийся звук тяжелого дыхания со стороны моря. Звук остановился при входе в залив. Войдя в дом, он сказал:

— Что это за звук я сейчас слышал?

Старик вылез наружу и вернулся со словами:

— Да это как раз и есть кит; он не пропустил день.

Тогда Куявагсюк лег спать и спал очень крепко.

Рано утром снаружи раздался голос его молодого товарища:

— Куявагсюк, кит дышит! Ты опоздал!

Но старик ответил ему:

— Ты ошибся: он знал это еще вчера, и он только что лег.

Через некоторое время его товарищ сказал:

— Посмотрим теперь, кто лучше сможет сделать поплавки для китовой охоты.

И на другой день они отправились добывать для этого нерп. Куявагсюк вскоре добыл недалеко от берега двух пятнистых, а товарищ его не смог добыть ни одной.

Погода продолжала держаться, пришли новые киты, и в залив вышли лодки с охотниками. Сначала Куявагсюк подумал, что не сможет участвовать со всеми в охоте, потому что у него не было женщин, чтобы грести на его лодке; но, увидев, что все охотники отправились в море со своими домочадцами, с женщинами и всеми прочими, он также очень захотел поехать. Набрав себе команду из нескольких оставшихся детей, он поехал.

Все другие лодки стояли далеко от берега, и люди кричали ему:

— Если ты тоже сторожишь кита, ты должен подплыть к нам; там, где ты остановился, он никогда не вынырнет!

Но Куявагсюк не обращал на них внимания и оставался на месте, потому что его мать говорила ему:

— Я зачала тебя на берегу моря, и потому тебе всегда будет удача вблизи берегов.

Через некоторое время совсем рядом вынырнул кит: Куявагсюк тут же его и загарпунил, да так, что кит не смог даже утanutь под воду его поплавки.

Снова ему закричали:

— Если ты не хочешь его потерять, следуй за ним в сторону выхода из бухты!

Но он ответил только:

— Все морские звери, за которыми я гоняюсь, пойдут в сторону берега, к месту, где я живу.

Тогда его оставили убивать кита в одиночку.

Неизвестно, добыл он еще китов; может статься, что даже здесь он добыл свои десять. Когда настала весна, он вернулся в свой прежний дом; старый рыбак все еще был жив, и он подарил ему все китовые кости, сохранив для него все самые длинные и самые лучшие.

№ 258

19, № 15. Вар.: № 227.

¹ Гивиюк — звук «г» в такой позиции для гренландского нехарактерен. В таком виде имя было записано в рукописи, но, вероятно, его следует записывать «квивиюк». (Примеч. Ринка.) Ср. транскрипцию имени в № 227.

² «Колотя палкой» — специальная палка, которой оглушают нерпу. (Примеч. Ринка.)

³ «Голая скала» — т. е. место, используемое для сушки провизии и потому лишенное растительности. (Примеч. Ринка.)

⁴ «Кормила нас с его помощью» — т. е. убивала им людей. (Примеч.

Ринка.)

№ 259

19, № 24.

№ 260

19, № 45.

¹ Акилинык — сказочная страна за морем.

² «Чье дыхание было как огонь» — примета шамана, причем видеть ее могут также только шаманы. (*Примеч. Ринка.*)

№ 261

19, № 51.

№ 262

19, № 57.

№ 263

Зап. от Амауналик. 16, № 3.

В вар. 16, № 3А родной брат преследует сестру с инцестными намерениями, она убегает, и они поднимаются в небо.

¹ Обычай тушения ламп (жировых светильников) во время молодежных игр в «любовь», когда в темноте «любимую» или «любимого» метили сажеей от жирового светильника, был распространен по всему эскимосскому ареалу (ср. № 109).

² «Бегая по кругу» — пояснение рассказчицы: «вокруг спешного дома, где шла игра гашения ламп. Так как дом был спиралевидной формы, то они кружили, поднимаясь вверх» [16, т. 1, № 21].

№ 264

Зап. от Амауналик. 16, № 5.

Есть неопубликованные параллели, записанные от азиатских эскимосов. В вар. 16, № 5А в финальном эпизоде мать просто говорит: «Вот грудь, которая тебя вскормила». Детей удается приманить, но, когда они входят в дом, все находящиеся там гибнут, кроме одной женщины, ушедшей до их появления.

¹ «Клочок белой шкуры» — возможно, что речь идет о пеленке — см. примеч. к № 100 и 245.

² «Если бы стать...» — когда дети видят гагу, летящую к берегу, они иногда кричат: «Пусть она превратится в моржа!»; они считают, что птицы и морские животные определенным образом попарно связаны друг с другом, например кайра с нерпой, чайка с белым китом. Так что мальчик воображает, что сам находится в таких же соотношениях со всеми перечисляемыми им животными. (*Примеч. Холтведа.*)

№ 265

Зап. от Амауналик. 16, № 6.

¹ «Ушла в горы» — т. е. стала горной женщиной, см. примеч. к № 219.

² «Тетя» — букв. «сестра матери» — обращение к старшей родственнице.

№ 266

Зап. от Инугасюк. 16, № 8.

В вар. 16, № 8А мальчик носит имя Ахсук, в этом варианте рассказчик (Пуалогсуак) поясняет, что речь идет о двух звездах, «которые видны утром на Севере».

№ 267

Зап. от Амауналик. 16, № 9; ср. № 192 и тексты, указанные в примеч. к нему.

Можно предположить, что в начале опущена какая-то мотивировка брака с глупышом (см. [18, с. 115 и сл.]; там же обзор вариантов и анализ сюжета; ср. № 192, 205).

Ныггивик, по сообщению Пуалогсуака, называют еще Кахсивик [16, т. 1, с. 64]. Холтвед, впрочем, оговаривает, что не смог найти этому подтверждения у других информантов. О ней см., в частности, [55, т. II, с. 670; 59, с. 235, 239]. У Холтведа есть короткий рассказ (16, № 10): «Когда великие предки шаманили, они отправлялись к Ныггивик, пройдя через пол (...) Когда он (шаман) опускался к ней, он завязывал узлом ее волосы, надевал два больших моржовых бивня и убирал ее дом. Тогда она посылала много тюленей и белых китов. Получив животных, шаман возвращался и рассказывал о ней, ибо он был из числа великих предков».

№ 268

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 13; ср. отдаленно № 65.

¹ «Подковать рукавом» — пояснение рассказчика: «Как будто у него в рукаве была душа и он ее выдул на жену».

№ 269

Зап. от Инугасюк. 16, № 16А.

№ 270

Зап. от Инугасюк. 16, № 47; ср. № 71, 117, 119.

№ 271

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 31.

№ 272

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 91.

Нельзя исключить возможности, что фигурирующие в сказке норвежцы — это «норманны» — скандинавы, живущие в Греландии.

№ 273

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 171.

¹ «Огдал свою первую жену другому мужчине, а взамен получил его жену» — обычай обмена женами.

№ 274

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 105.

№ 275

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 106.

№ 276

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 108.

№ 277

Зап. от Пуалогсуака. 16, № 103.

№ 278

19, № 50

¹ «Сапанайа» — от сапангат «бисер».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ЗАПИСИ ЭСКИМОССКОГО ФОЛЬКЛОРА

1. Богораз В. Г. Материалы по языку азиатских эскимосов. Л., 1949 [эск. тексты с рус. подстр. пер.]
- 1а. Богораз В. Г. Материалы для изучения языка азиатских эскимосов.— «Живая старина». Год XVIII. 1909, вып. 2—3 (кн. 70—71), отд. 2—3, с. 178—190 [один текст на трех эск. диал. и чук. с рус. подстр. пер.]
2. Меновщиков Г. А. Ун'ипаг'атыт («Сказки»). Л., 1939 [эск. тексты с рус. подстр. пер.]
3. Меновщиков Г. А. Ун'ипаг'атыпут («Наши сказки»). Л., 1947 [эск. тексты с рус. подстр. пер.]
4. Меновщиков Г. А. Чукотские, эскимосские, корякские сказки. Хабаровск, 1950 [рус. лит. пер.]
5. Эскимосские сказки. Запись, перевод, предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова. Магадан, 1958 [рус. лит. пер.]
6. Эскимосские сказки и легенды. Запись, перевод, предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова. Магадан, 1969 [рус. лит. пер.]
7. Меновщиков Г. А. Язык сиренинских эскимосов. Л., 1975 [приложение: эск. тексты с рус. подстр. пер.]
8. Меновщиков Г. А. Язык наукапских эскимосов. Л., 1975 [приложение: эск. тексты с рус. подстр. пер.]
9. Меновщиков Г. А. Язык эскимосов Берингова пролива. Л., 1980 [приложение: эск. тексты с рус. подстр. пер.]
10. Рубцова Е. С. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). М.—Л., 1954 [эск. тексты с рус. подстр. пер.]
11. Сказки народов Севера. Сост. М. Г. Воскобойников, Г. А. Меновщиков. М.—Л., 1959 [рус. лит. пер.]
12. Сказки народов Севера. Сост. М. Г. Воскобойников, Г. А. Меновщиков. М.—Л., 1962 [рус. лит. пер.]
13. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. Сост., предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова. М., 1974 [рус. лит. пер.]
14. Архив полевых записей эскимосского фольклора Г. А. Меновщикова. 1940—1971 (Лен. отд. Ин-та языкознания АН СССР) [эск. тексты с рус. подстр. пер.]
15. Архив полевых записей эскимосского фольклора Н. Б. Вахтина, 1977 (Лен. отд. Ин-та языкознания АН СССР) [эск. тексты с рус. подстр. пер.]
16. Holtyed E. The Polar Eskimo Language and Folklore.— «Meddelelser om Grönland». Vol. 152, № 1, 1951 [т. 1 — эск. тексты с англ. подстр. пер., т. 2 — англ. лит. пер.]
17. Jenness D. Myths and traditions from Northern Alaska, the Mackenzie Delta and Coronation Gulf.— «Report of the Canadian Arctic Expedition

- 1913—1918». Vol. 13, p. A, Ottawa, 1924 [№ 1—10 — эск. тексты с англ. подстр. пер., № 11 и сл. — англ. лит. пер.]].
18. Nungak Z., Arima E. Eskimo Stories. Unikkaatua. Ottawa, 1969 [эск. тексты с англ. подстр. пер.]].
19. Rink H. Tales and Traditions of the Eskimo. L., 1875 [англ. лит. пер.]].
20. Rasmussen K. Iglulik and Caribou Eskimo Texts.— «Report of the 5th Thule Expedition 1921—1924». Vol. 7, 1930, № 3.
21. Naagsugenaqelriit. Vol. 2, Feb. 1970 (Alaska) [эск. тексты с англ. подстр. пер.]].

2. ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В КНИГЕ

22. Беликов Л. В. К характеристике устного народного творчества чукчей.— «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена». Т. 167, 1960.
23. Беликов Л. В. Сказки о животных в фольклоре народностей северо-востока Сибири.— «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена». Т. 383, 1969.
24. Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. СПб., 1900.
- 24а. Богораз В. Г. Сказка о чесоточном шамане «варыскалаул Ытн'ы».— «Живая старина». Год IX. 1899, вып. 2, отд. 2, с. 236—270 [чук. текст с рус. подстр. пер.]].
25. Богораз В. Г. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки.— Советский фольклор. М.— Л., 1936.
- 25а. Богораз В. Г. О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени.— «Изв. Академии Наук», серия VI. 1919, т. XIII, № 8—11, с. 489—495.
26. Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков.— Сибирский этнографический сборник. Т. III. М.— Л., 1961.
27. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.— Л., 1965.
28. Диков Н. Н. Древние костры Чукотки и Камчатки. Магадан, 1969.
29. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958.
30. Мелетинский Е. М. Сказание о вороне у народов Крайнего Севера.— «Вестник истории мировой культуры». 1959, № 1.
31. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963.
32. Мелетинский Е. М. Миф и сказка.— Фольклор и этнография. Л., 1970.
33. Мелетинский Е. М. Структурно-типологический анализ мифов палеоазиатов.— Типологические исследования по фольклору. М., 1975.
34. Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл ворона. М., 1979.
35. Меновщиков Г. А. Эскимосы (научно-популярный историко-этнографический очерк). Магадан, 1959.
36. Меновщиков Г. А. О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов.— «Советская этнография». 1962, № 6.
37. Меновщиков Г. А. Устное народное творчество азиатских эскимосов как историко-этнографический источник. VII МКАЭН. М., 1964.
38. Меновщиков Г. А. Местные названия на карте Чукотки. Магадан, 1972.
39. Меновщиков Г. А. Об одном исходном сказочном сюжете у эскимосов, якугиров, японцев и вьетнамцев.— Народы бассейна Тихого океана. М., 1972 (Страны и народы Востока, вып. XIII, кн. 2).
40. Меновщиков Г. А. Об устном повествовательном творчестве народностей Чукотки и Камчатки.— Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974, с. 5—48.
41. Меновщиков Г. А. О языке эскимосской сказки.— Языки и топонимия Сибири. Вып. 2. ТГПИ. Томск, 1976.
42. Навай ингмапсалия (панайские сказки). Л., 1950.
43. Сергеев Д. А. Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморской скульптуре.— Фольклор и этнография. Л., 1970.

44. Сказки Чукотки. Сост. О. Е. Бабошина. М., 1958.
45. Скорик П. Я. Устное народное творчество северо-востока Азии.— На Севере дальнем. Магадан, 1957.
46. Файнберг Л. А. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964.
47. Boas F. The central Eskimos.— 6th Annual Report of the Bureau of American Ethnology 1884—1885, с. 399—699. Wash., 1888.
48. Boas F. The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay.— «Bulletin of the American Museum of Natural History». Vol. 15, 1901.
49. Rasmussen K. Intellectual Culture of the Iglulik Eskimos.— «Report of the 5th Thule Expedition 1921—1924». Vol. 7, 1930, № 1.
50. Rasmussen K. Observations on the Intellectual Culture of the Caribou Eskimos.— «Report of the 5th Thule Expedition, 1921—1924». Vol. 7, 1930, № 2.
51. Rasmussen K. Iglulik and Caribou Eskimo Texts.— «Report of the 5th Thule Expedition». Vol. 7, 1930, № 3.
52. Rasmussen K. The Netsilik Eskimos.— «Report of the 5th Thule Expedition, 1921—1924». Vol. 13, 1931, № 1, 2.
53. Rasmussen K. Intellectual Culture of Copper Eskimos.— «Report of the 5th Thule Expedition, 1921—1924». Vol. 9, 1932.

3. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

54. Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.
55. Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
56. Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969.
57. Сказки Мамлуси. Собр. и зап. Г. Анпеткова-Шарова. М., 1966.
58. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. Л., 1938.
59. Членов М. А. Кит в фольклоре и мифологии азиатских эскимосов.— Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981, с. 228—243.
60. Rooth A. B. [ed]. The Alaska Seminar. Uppsala, 1980 (Studia Ethnologica Upsaliensia, 6).
61. Arron W. J. Aspects of the epic in Eskimo folklore.— «Anthropological Papers of the University of Alaska». Vol. 5, 1957, № 2. College, Alaska.
62. Kleivan I. The Swan Maiden Myth among the Eskimo. København, 1962.
63. Lantis M. Nunivak Eskimo personality as revealed in the mythology.— «Anthropological Papers of the University of Alaska». Vol. 2, 1953, № 1, College, Alaska.
64. Malinowski B. Myth in primitive psychology.— Magic, Science and Religion, and other essays. N. Y., 1948.
65. Mary-Rousselière G. Les jeux de ficelle des Arviligjuarmiut.— «Musées nationaux du Canada». Bulletin № 223 (№ 88 de la série anthropologique). Ottawa, 1969.
66. Riggs R. G. Animal stories from Eskimo Land (adapted from the original Eskimo stories). N. Y., 1923.
67. Sivuaqam unqipaghastangi (St. Lawrence Island Stories). The National Bilingual Materials Development Center, University of Alaska. Anchorage, Alaska, 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

Устное повествовательное творчество эскимосов 5

СКАЗКИ И МИФЫ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

1. Спор паваги и кита (пер. Г. А. Меновщикова)	24
2. Ворон, жаждущий славы (Пер. Г. А. Меновщикова)	24
3. Малые жители (пер. Г. А. Меновщикова)	25
4. Ворон и волк (пер. Г. А. Меновщикова)	25
5. Три пуночки (пер. Г. А. Меновщикова)	27
6. Ворон и сова (пер. Г. А. Меновщикова)	28
7. Ворон и евражка (пер. Г. А. Меновщикова)	29
8. Ворон с чайкой (пер. Е. С. Рубцовой)	31
9. Рыбка, лисица и ворон (пер. Г. А. Меновщикова)	32
10. Ворон Кошкли (пер. Г. А. Меновщикова)	34
11. Ворон и лиса (пер. Г. А. Меновщикова)	38
12. Бычок и лисичка (пер. Г. А. Меновщикова)	42
13. Хитрая лиса (пер. Г. А. Меновщикова)	42
14. Лиса-обманщица (пер. Г. А. Меновщикова)	44
15. Бычок и волк (пер. Г. А. Меновщикова)	44
16. Лисичка (пер. Г. А. Меновщикова)	45
17. Песец и волк (пер. Г. А. Меновщикова)	46
18. Хитрый песец (пер. Г. А. Меновщикова)	47
19. Бычок и чайка (пер. Г. А. Меновщикова)	50
20. Лось и бычок (пер. Г. А. Меновщикова)	50
21. Птичка (пер. Г. А. Меновщикова)	51
22. Баклапы (пер. Г. А. Меновщикова)	53
23. Лось Акапа (пер. Г. А. Меновщикова)	53
24. Мышка (пер. Г. А. Меновщикова)	55
25. Две мышки (пер. Г. А. Меновщикова)	55
26. Достали солнце (пер. Г. А. Меновщикова)	56
27. Букашка-путешественница (пер. Г. А. Меновщикова)	58
28. Ворон и девушка (пер. Г. А. Меновщикова)	59
29. Человек, краб и ворон (пер. Г. А. Меновщикова)	59
30. Два брата и ворон (пер. Г. А. Меновщикова)	61
31. Человек и ворон (пер. Г. А. Меновщикова)	64
32. Как ворон женился (пер. Г. А. Меновщикова)	65
33. Эмэмкут (пер. Г. А. Меновщикова)	68
34. Хитрый Кукулылн (пер. Г. А. Меновщикова)	72
35. Кошкли-ворон и танниты (пер. Г. А. Меновщикова)	73
36. Глудый Кошкли (пер. Г. А. Меновщикова)	76
37. Человек и орел (пер. Г. А. Меновщикова)	77
38. Охотник и орел (пер. Г. А. Меновщикова)	79
39. Мальчик у орлов (пер. Г. А. Меновщикова)	83

40. Как люди жили раньше (пер. Г. А. Меновщикова)	87
41. Канак и орлы (пер. Г. А. Меновщикова)	92
42. Охотник и белый медведь (пер. Г. А. Меновщикова)	95
43. Оленевод и семья волков (пер. Г. А. Меновщикова)	97
44. Волчок (пер. Г. А. Меновщикова)	99
45. Волк и гагара (пер. Г. А. Меновщикова)	100
46. Старик и дикий олень (пер. Г. А. Меновщикова)	103
47. Бабушка и внучек (пер. Г. А. Меновщикова)	104
48. Как старушка зверей обманула (пер. Г. А. Меновщикова)	104
49. Птичка и девушка (пер. Г. А. Меновщикова)	105
50. Пять сыновей (пер. Г. А. Меновщикова)	106
51. Мальчик, похищенный медведицей (пер. Г. А. Меновщикова)	106
52. Два мудрых оленя (пер. Г. А. Меновщикова)	108
53. Женщина, превратившаяся в оленя (пер. Г. А. Меновщикова)	109
54. Мотылек и Тынагыргын (пер. Г. А. Меновщикова)	112
55. Кикмирасик (пер. Г. А. Меновщикова)	114
56. Нунагмитский кит (пер. Г. А. Меновщикова)	119
57. Укамапан (пер. Г. А. Меновщикова)	121
58. Чудесный бубен (пер. Г. А. Меновщикова)	124
59. Умилык и мышь (пер. Г. А. Меновщикова)	127
60. Мальчик и лисичка (пер. Г. А. Меновщикова)	128
61. Ворон Ышпына (пер. Г. А. Меновщикова)	128
62. Человек в гостях у нерпичьего народа (пер. Г. А. Меновщикова)	129
63. Младший из пяти братьев (пер. Г. А. Меновщикова)	131
64. Хозяин моря (пер. Г. А. Меновщикова)	133
65. Амек (пер. Г. А. Меновщикова)	134
66. Аймананаун (пер. Г. А. Меновщикова)	136
67. Потерявшийся в море (пер. Г. А. Меновщикова)	141
68. Летающие шаманы (пер. Г. А. Меновщикова)	144
69. Младший сын (пер. Г. А. Меновщикова)	146
70. Хозяин огня и мальчик (пер. Г. А. Меновщикова)	150
71. Пять братьев и женщина (пер. Г. А. Меновщикова)	151
72. Каяксигвик (пер. Г. А. Меновщикова)	153
73. Покинутый юноша (пер. Г. А. Меновщикова)	156
74. Исуклик (пер. Г. А. Меновщикова)	157
75. Ахаханаврак (пер. Г. А. Меновщикова)	160
76. Сирота (пер. Г. А. Меновщикова)	162
77. Человек с двумя женами (пер. Г. А. Меновщикова)	164
78. Укивакский ревнивец и его жена (пер. Г. А. Меновщикова)	167
79. Вторая жена (пер. Г. А. Меновщикова)	171
80. Потерявшиеся братья (пер. Г. А. Меновщикова)	176
81. Человек-невидимка (пер. Г. А. Меновщикова)	177
82. Женитьба сироты (пер. Г. А. Меновщикова)	179
83. Майырахпак (пер. Е. С. Рубцовой)	183
84. Пять дочерей (пер. Е. С. Рубцовой)	187
85. Как паук помог старику (пер. Г. А. Меновщикова)	192
86. Тутахалик (пер. Н. Б. Вагина)	193
87. Сягуягпиту и Иягпиту (пер. Г. А. Меновщикова)	195
88. Пять братьев (пер. Г. А. Меновщикова)	196
89. Камыснап (пер. Г. А. Меновщикова)	198
90. Морская женщина (пер. Г. А. Меновщикова)	202
91. Аханагурак (пер. Г. А. Меновщикова)	204
92. Писуануси (пер. Г. А. Меновщикова)	207
93. Югнилук (пер. Г. А. Меновщикова)	211
94. Брат и сестра из Нуткана (пер. Г. А. Меновщикова)	214
95. Чудесные помощники (пер. Г. А. Меновщикова)	218
96. Девушка и тугныгак (пер. Г. А. Меновщикова)	220
97. Килгаракский шаман (пер. Г. А. Меновщикова)	221
98. Укивакцы (пер. Г. А. Меновщикова)	227
99. Женщина — жена кита (пер. Г. А. Меновщикова)	231

100. Нагруасек (пер. Г. А. Меновщикова)	234
101. Кукылин (пер. Н. Б. Вахтина)	237
102. Агия, Малмылпн и Пильмигуп (пер. Г. А. Меновщикова)	239
103. Морской младенец (пер. Г. А. Меновщикова)	245
104. Костяной человечек (пер. Г. А. Меновщикова)	245
105. Поглотитель зверей (пер. Г. А. Меновщикова)	248
106. Алинтитуна, победивший тунгаков (пер. Г. А. Меновщикова)	249
107. Утагмитцы и наагалякцы (пер. Г. А. Меновщикова)	250
108. Превращение девочек в шкуру и ремень (пер. Г. А. Меновщикова)	255
109. О двоюродных брате и сестре (пер. Г. А. Меновщикова)	256
110. Женщина-тугныгак (пер. Г. А. Меновщикова)	258
111. Потерявшийся человек возвращается (пер. Г. А. Меновщикова)	260
112. Юноша, ставший сполохом (пер. Г. А. Меновщикова)	263
113. Спор ветра и солнца (пер. Е. С. Рубцовой)	264
114. Гром и Жизнетворец (пер. Г. А. Меновщикова)	265
115. Тыкывак (пер. Г. А. Меновщикова)	266
116. Алинтитуна и Тыкывак (пер. Г. А. Меновщикова)	268
117. Женщина, не желавшая выходить замуж (пер. Е. С. Рубцовой)	269
118. Аликпагмитцы (пер. Г. А. Меновщикова)	275
119. Девушка, превратившаяся в сивуча (пер. Г. А. Меновщикова)	279
120. Как кончился род Аликпагмит (пер. Г. А. Меновщикова)	280
121. Ярахвагвик (пер. Г. А. Меновщикова)	281
122. Два силача и старик (пер. Г. А. Меновщикова)	287
123. Оленеводы (пер. Г. А. Меновщикова)	288
124. Меткий стрелок (пер. Г. А. Меновщикова)	295
125. Умильгу (пер. Г. А. Меновщикова)	296
126. Нунагмитцы (пер. Г. А. Меновщикова)	297
127. Виютку-предводитель (пер. Г. А. Меновщикова)	300
128. Найденыш (пер. Г. А. Меновщикова)	303
129. Экетамып (пер. Г. А. Меновщикова)	308
130. Месть (пер. Г. А. Меновщикова)	309
131. Олыкский Калюк (пер. Г. А. Меновщикова)	313
132. Сражение наукаццев с иноплеменниками (пер. Г. А. Меновщикова)	314
133. Как унаикские воевали с сивукакскими (пер. Н. Б. Вахтина)	317
134. Как оленевод берегового человека обманул (пер. Н. Б. Вахтина)	320

СКАЗКИ АЛЯСКИНСКИХ ЭСКИМОСОВ

135. Сова и белка (пер. Н. Б. Вахтина)	324
136. Как рыжая и белая лисы стали жить отдельно (пер. Н. Б. Вахтина)	325
137. Приключения рыжей лисы (пер. Н. Б. Вахтина)	325
138. Про рыжую лису (пер. Н. Б. Вахтина)	326
139. Ворон и гагары (пер. Н. Б. Вахтина)	329
140. Мальчик-сиротка (пер. Н. Б. Вахтина)	329
141. Поющий бычок (пер. Н. Б. Вахтина)	329
142. Запертые дети (пер. Н. Б. Вахтина)	330
143. Мужчина и ворон (пер. Н. Б. Вахтина)	331
144. Обиженный сиротка (пер. Н. Б. Вахтина)	331
145. Волчья невеста (пер. Н. Б. Вахтина)	332
146. Волшебный медведь (пер. Н. Б. Вахтина)	338
147. Заклятие оленя (пер. Н. Б. Вахтина)	339
148. Заклятие медведя (пер. Н. Б. Вахтина)	340
149. Женщина-утка (пер. Н. Б. Вахтина)	342
150. Невеста гагары (пер. Н. Б. Вахтина)	347
151. Приемный черного медведя (пер. Н. Б. Вахтина)	349
152. Женщина-олень (пер. Н. Б. Вахтина)	353
153. Человек-олень (пер. Н. Б. Вахтина)	357
154. Мальчик и морж (пер. Н. Б. Вахтина)	358
155. Сиротка и две его жены (пер. Н. Б. Вахтина)	359
156. Благодарность сиротки (пер. Н. Б. Вахтина)	363

157. Сиротка и дух прибрежных торосов (пер. Н. Б. Вахтина)	365
158. Похитители куропаток (пер. Н. Б. Вахтина)	367
159. Дух-огонь и сиротка (пер. Н. Б. Вахтина)	368
160. Сиротка, который стал великим шамасом (пер. Н. Б. Вахтина)	370
161. Волшебный череп (пер. Н. Б. Вахтина)	371
162. Каменный младенец (пер. Н. Б. Вахтина)	374
163. Великаны (пер. Н. Б. Вахтина)	375
164. Изгнанница (пер. Н. Б. Вахтина)	376
165. Юноша, нашедший жену (пер. Н. Б. Вахтина)	378

СКАЗКИ И МИФЫ КАНАДСКИХ ЭСКИМОСОВ

166. Куропатка и морской бычок (пер. Н. Б. Вахтина)	382
167. Нерпа и волк (пер. Н. Б. Вахтина)	382
168. Кит и его жена (пер. Н. Б. Вахтина)	382
169. Люди-волки (пер. Н. Б. Вахтина)	383
170. Женщина-лиса (пер. Н. Б. Вахтина)	384
171. Серая гусыня (пер. Н. Б. Вахтина)	384
172. Шаман и его жена (пер. Н. Б. Вахтина)	385
173. Мужчина, ушедший от своих жен (пер. Н. Б. Вахтина)	385
174. Оборотень (пер. Н. Б. Вахтина)	386
175. Состязание шаманов (пер. Н. Б. Вахтина)	387
176. Гигантская рыба (пер. Н. Б. Вахтина)	387
177. Месть великана (пер. Н. Б. Вахтина)	387
178. Ахунахуак (пер. Н. Б. Вахтина)	388
179. Карлики (пер. Н. Б. Вахтина)	388
180. Кимактун (пер. Н. Б. Вахтина)	389
181. Мужчина и великан (пер. Н. Б. Вахтина)	389
182. Сказка о двух туниках, которые соревновались (пер. Н. Б. Вахтина)	391
183. Аксауйайук (пер. Н. Б. Вахтина)	392
184. Икутайук (пер. Н. Б. Вахтина)	392
185. Сказка о карлике, подарившем охотнику оленя (пер. Н. Б. Вахтина)	393
186. Карлик и мать с дочерью (пер. Н. Б. Вахтина)	394
187. Туннитуахгук (пер. Н. Б. Вахтина)	394
188. Как утонул Аликаммик (пер. Н. Б. Вахтина)	395
189. Откуда взялся день (пер. Н. Б. Вахтина)	395
190. Откуда появились облака (пер. Н. Б. Вахтина)	395
191. Происхождение людей (пер. Н. Б. Вахтина)	395
192. Происхождение плохой погоды (пер. Н. Б. Вахтина)	397
193. Людоеды (пер. Н. Б. Вахтина)	397
194. Как мальчик отомстил (пер. Н. Б. Вахтина)	398
195. Аугитсиснак (пер. Н. Б. Вахтина)	398
196. Обычай «первой нерпы» (пер. Н. Б. Вахтина)	400

СКАЗКИ И МИФЫ ГРЕНЛАНДСКИХ ЭСКИМОСОВ

197. Ворон, который женился на гусынях (пер. Г. А. Меновщикова)	402
198. Песня маленькой гагарки (пер. Г. А. Меновщикова)	402
199. Духи-помощники чижки (пер. Г. А. Меновщикова)	403
200. Два щенка (пер. Г. А. Меновщикова)	403
201. Поющий заяц (пер. Г. А. Меновщикова)	403
202. Девушка и собака (пер. Г. А. Меновщикова)	404
203. Собака-великан (пер. Г. А. Меновщикова)	405
204. Жена-гусыня (пер. Г. А. Меновщикова)	406
205. Девочки, которые стали женами кита и чайки (пер. Г. А. Меновщикова)	409
206. Человек в гостях у медведей (пер. Г. А. Меновщикова)	410
207. Человек продает нож волкам (пер. Г. А. Меновщикова)	411
208. Ворон и сокол, раскрашивающие друг друга (пер. Г. А. Меновщикова)	412

209. Человек в гостях у птиц (пер. Г. А. Меновщикова)	412
210. Песня-плач снежной овсянки (пер. Г. А. Меновщикова)	413
211. Поющий олень (пер. Г. А. Меновщикова)	414
212. Ребенок, превращенный в воробья, и бабушка, превращенная в белую куропатку (пер. Г. А. Меновщикова)	414
213. Ребенок, который превратился в зайца (пер. Г. А. Меновщикова)	415
214. Ворон и потерянная игла (пер. Г. А. Меновщикова)	415
215. Женщина задает ворону вопрос и вместе с детьми превращается в камень (пер. Г. А. Меновщикова)	415
216. Лживый ворон и жена Пику (пер. Г. А. Меновщикова)	416
217. Прозревший слепой (пер. Н. Б. Вахтина)	416
218. Аногиток (пер. Г. А. Меновщикова)	420
219. Человек с луны и похититель внутренностей (пер. Г. А. Меновщикова)	421
220. Двое мужчин пытаются подняться на небо (пер. Г. А. Меновщикова)	425
221. Китуахсюк (пер. Г. А. Меновщикова)	425
222. Калуталиксуак и сирота (пер. Г. А. Меновщикова)	426
223. Калуталиксуак и слепая женщина (пер. Г. А. Меновщикова)	426
224. Пожиратель огня, живущий под лежанкой (пер. Г. А. Меновщикова)	427
225. Великан и карлик (пер. Г. А. Меновщикова)	427
226. Карлик и человек у ловушки для лисиц (пер. Г. А. Меновщикова)	428
227. Кивиок (пер. Г. А. Меновщикова)	428
228. Кагсагсюк наказывает своего мучителя (пер. Г. А. Меновщикова)	432
229. Кагсагсюк обретает силу (пер. Н. Б. Вахтина)	436
230. Слепой мальчик и его сестра (пер. Г. А. Меновщикова)	439
231. Жена-лисица (пер. Г. А. Меновщикова)	443
232. Тугныгак — похититель мертвецов (пер. Г. А. Меновщикова)	444
233. Дух земли с жемчужинами в желудке (пер. Г. А. Меновщикова)	445
234. Старуха — ребенок каменных существ (пер. Г. А. Меновщикова)	447
235. Женщина, притворявшаяся духом горы (пер. Г. А. Меновщикова)	447
236. Наваганалюк и Ныгуфкак (пер. Г. А. Меновщикова)	448
237. Наваганалюк и ее братья (пер. Г. А. Меновщикова)	448
238. Суакак, на которой женился тугныгак (пер. Г. А. Меновщикова)	450
239. Женщина-тугныгак, которая умерла, испугавшись собак (пер. Г. А. Меновщикова)	451
240. Двое мужчин, посетивших тугныгаков (пер. Г. А. Меновщикова)	452
241. Тугныгак, попавший в ловушку для лисы (пер. Г. А. Меновщикова)	452
242. Ловец тюленей и игкилик (пер. Г. А. Меновщикова)	453
243. Большеголовые (пер. Г. А. Меновщикова)	453
244. Женщина, которая отказалась от оленя (пер. Г. А. Меновщикова)	454
245. Авувак (пер. Г. А. Меновщикова)	454
246. Кумагляк с живыми стрелами (пер. Г. А. Меновщикова)	455
247. Анусинангуак, который летал по воздуху (пер. Г. А. Меновщикова)	455
248. Агвакок Окохкок (пер. Г. А. Меновщикова)	455
249. Охотник на медведей снимает кожу, чтобы убить раздетого медведя (пер. Г. А. Меновщикова)	456
250. Человек очерчивает кнутом магический круг (пер. Г. А. Меновщикова)	456
251. Двое мужчин заколдовывают друг друга (пер. Г. А. Меновщикова)	456
252. Кагунак (пер. Г. А. Меновщикова)	457
253. Как помешали воскреснуть ангакоку (пер. Г. А. Меновщикова)	457
254. Кегисок и Тавтсануак (пер. Г. А. Меновщикова)	458
255. Игимасюгсюк (пер. Н. Б. Вахтина)	458
256. Три брата (пер. Н. Б. Вахтина)	460
257. Куявасюк (пер. Н. Б. Вахтина)	465
258. Гивнок (пер. Н. Б. Вахтина)	467

259. Мыгкисялик — охотник на оленей (пер. Н. Б. Вахтина)	470
260. Как шаман летал в Акилинык (пер. Н. Б. Вахтина)	473
261. Воскресший юноша (пер. Н. Б. Вахтина)	476
262. Колдовство Куланха (пер. Н. Б. Вахтина)	477
263. Солнце и луна (пер. Г. А. Меновщикова)	478
264. Духи грома (пер. Г. А. Меновщикова)	479
265. Плеяды (пер. Г. А. Меновщикова)	482
266. Две звезды (пер. Г. А. Меновщикова)	483
267. Ныггивик — хозяйка моря (пер. Г. А. Меновщикова)	484
268. Блуждающая душа (пер. Г. А. Меновщикова)	485
269. Штормовая погода (пер. Г. А. Меновщикова)	485
270. Девушка, которая была превращена в камень, а ее сумка — в маленьких гагарок (пер. Г. А. Меновщикова)	486
271. Обжора Нагая (пер. Г. А. Меновщикова)	486
272. Приемный сын — норвежец (пер. Г. А. Меновщикова)	487
273. Аппалегсуагсюк, который спрятал свой бубен, когда умер его друг (пер. Г. А. Меновщикова)	487
274. Женщина-ангакок на утесе гагарок (пер. Г. А. Меновщикова)	487
275. Медведь вырвал внутренности ангакока, но был убит им (пер. Г. А. Меновщикова)	488
276. Ангакок падает (пер. Г. А. Меновщикова)	488
277. Сумасшедший заперт в ледяной пещере (пер. Г. А. Меновщикова)	488
278. Касяхсяк, великий лжец (пер. Н. Б. Вахтина)	489
Словарь топонимов, этнографических терминов и непереведенных слов	494
Сведения о рассказчиках	499
Примечания	506
Библиография	528

ЭСКИМОССКИЕ СКАЗКИ И МИФЫ

Утверждено к печати
 Редакцией серии
 «Сказки и мифы народов Востока»

Редактор И. Л. Елевич. Младший редактор И. И. Исасва. Художник Л. С. Эрман.
 Технический редактор М. В. Погоскина. Корректоры К. Н. Драгунова и Л. М. Кольчина

ИБ № 15336

Сдано в набор 04.02.85. Подписано к печати 10.10.85. Формат 60×90¹/₈. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 33,5. Усл. кр.-отт. 33,5. Уч.-изд. л. 30,07. Тираж 80 000 экз. (2-й завод 40 001—80 000 экз.). Изд. № 5808. Зак. 642. Цена 3 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы

Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

4-я типография издательства «Наука»

630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25